

Л.Д.Троцкий.

Архив в 9 томах: Том 9

Редактор-составитель Ю.Г.Фельштинский
Email: Yuri.Felshtinsky@verizon.net
Date: 29 Sep 2005

Архив Л. Д. Троцкого. Том 9

Редактор-составитель Ю.Г.Фельштнский

Предисловие, примечания, указатели Ю.Г.Фельштинского и Г.И.Чернявского

Предисловие

Предлагаемый девятый том завершает документальную публикацию "Архив Л.Д.Троцкого". В него включены материалы последних лет жизни Л.Д.Троцкого - 1938-1940 гг. - вплоть до его убийства агентом советских тайных служб Р.Меркадером в августе 1940 г. по личному приказу большевистского диктатора.

В эти годы Троцкий, живя в Мексике, стремился сохранить связи со своими сторонниками в других странах, особенно в США и в Западной Европе, активизировать контакты с Латинской Америкой. Он продолжал выступать в качестве руководителя определенного течения в международном социалистическом движении, которое идентифицировалось с его именем и все чаще называло себя троцкистским. Против этого Троцкий не отказывался, хотя и подчеркивал тождественность этого течения с ленинизмом.

Но и переписка с представителями этого движения, и публицистические выступления, и директивные материалы становились все более скудными. Троцкий все менее тщательно вникал в жизнь и деятельность организаций и движений своих сторонников. Он, естественно, не мог по объективным причинам принять участия в учредительной конференции IV Интернационала (Париж, сентябрь 1938 г.), ибо вероятность получения им французской визы была исключена. Но он и не уделил этой конференции того внимания, которое привлек бы подобный форум, если бы его проводили несколькими годами ранее. Троцкий лишь подготовил приветственный адрес конференции, но... не от своего имени, а для мексиканского художника Диего Риверы, причем это обращение носило не политический, а в основном эстетический характер и было озаглавлено "Революционное искусство и IV Интернационал".

Основное внимание в последние годы жизни Троцкого занимали подготовка книги о Сталине, которая так и не была завершена, а в последние месяцы жизни - с конца мая 1940 г., почти до самого момента последнего покушения на его жизнь, приведшего к гибели, - разоблачение первого, неудавшегося бандитского нападения на дом Троцкого с целью его убийства, которое произошло в ночь на 24 мая 1940 г., было подготовлено агентами НКВД и непосредственно возглавлялось другим мексиканским художником Давидо Сикейросом совместно с советским боевиком Иосифом Григулевичем, ставшим позже весьма именитым ученым-историком и членом-корреспондентом Академии Наук СССР. Поистине, бандиты на советской спецслужбе были подчас интеллектуальными личностями!

В публицистике Троцкого этих лет по-прежнему весьма значительное место занимали события и социально-политические процессы, происходившие в СССР. Как и в предыдущие годы, автор придерживался мнения, что в СССР сохранялись возможности восстановления "рабочего государства", ибо государственная собственность не была отменена, государству продолжали принадлежать основные средства производства.

В то же время для характеристики политического режима у себя на родине

Троцкий применял термин "тоталитаризм", все смелее проводил параллели между властью Гитлера в Германии и диктатурой Сталина в СССР. "Экономические основы, созданные Октябрьской революцией, еще, к счастью, не разрушены окончательно, - констатировал он в июле 1938 г. - Но политический режим уже полностью получил тоталитарный характер. Советская бюрократия, изнасиловавшая революцию, хочет, чтобы народ считал ее непогрешимой".

Через два месяца в связи с погромом, учиненным Сталиным в офицерско-генеральском корпусе, отмечалось: "Тоталитарная бюрократия сосредоточивает в своих руках две функции: власти и администрирования. Эти две функции пришли ныне в острое противоречие. Чтобы обеспечить хорошее администрирование, нужно ликвидировать тоталитарную власть. Чтобы сохранить власть Сталина, нужно гробить самостоятельных администраторов, военных и штатских". Полагая, что Советским Союзом продолжает управлять "привилегированная каста" (но ни в коем случае не новый господствующий класс), Троцкий проводил сопоставление с практикуемыми ею методами и приходил к выводу, что они весьма схожи с методами фашизма (в соответствии со сложившейся традицией термин "фашизм" применялся весьма расширительно, и в данном случае адресовался прежде всего национал-социалистической Германии).

Особое негодование вызывала личность советского диктатора. Личная антипатия к Сталину давно уже превратилась у Троцкого в откровенную ненависть (чувства их обоих были адекватными, но возможности, увы, различными!). Троцкий теперь не скупился на самые убийственные эпитеты по адресу Сталина и его власти, что, между прочим, свидетельствовало о постепенной и весьма обоснованной утрате им уверенности в своем завтрашнем дне. Сталинизм - это сифилис рабочего движения, говорилось в одном документе. Это проказа, провозглашалось вскоре в новом тексте. В одном месте Сталин именуется "московским фюрером", в другом - "московским папой" (по аналогии с главой католической церкви).

Как и некоторые другие, наиболее компетентные и опытные политические наблюдатели, Троцкий сразу же дал верную оценку характера внешнеполитического раздела доклада Сталина на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 г., определив его как "предложение руки и сердца Гитлеру". В заметке "Постскрипtum к статье 'Капитуляция Сталина'" (24 марта 1939 г.), комментируя захват нацистской Германией Чехии и превращение Словакии в марионеточное государство, Троцкий не исключал, что при бурном темпе развития мировых антагонизмов положение может радикально измениться в ближайшее время. "Но сегодня похоже на то, что Сталин пробует играть с Гитлером в четыре руки". Эта оценка полностью подтвердилась и усилилась после заключения 23 августа 1939 г. советско-германского договора о ненападении. Троцкий, разумеется, понятия не имел о подписании тогда же дополнительного секретного протокола, в котором тоталитарные режимы договорились о разделе восточной части Европейского континента. Но тот факт, что Сталин превратился в "адъютанта Гитлера" был для него совершенно неоспоримым.

Вполне естественно, что оценки политического режима в СССР переносились на подчиненное ему международное коммунистическое движение - компартии сравнивались с фашистскими организациями, а Коммунистический Интернационал именовался "Сталинтерном".

Тем не менее факт соучастия Советского Союза в германской агрессии, захват им восточной части Польши, нападение на Финляндию, а затем захват трех стран Балтии не дали Троцкому оснований для пересмотра своей общей оценки характера социально-экономического строя в СССР. Более того, он считал, что в форме захвата новых территорий на этих землях происходят революционные процессы - навязанные сверху, деформированные, но, тем не менее, соответствовавшие, якобы, интересам трудящегося населения.

По этому поводу в среде сторонников Троцкого развернулись весьма оживленные дискуссии. Группа руководителей Социалистической рабочей партии (СРП) США, участвовавшей в Четвертом Интернационале (Макс Шахтман, Мартин Аберн и др.), решительно осудив советскую агрессию, выступила с призывом отказать от лозунга защиты СССР. Троцкий со свойственной ему язвительностью и резкостью осудил эту, как он полагал, группу мелкобуржуазных интеллигентов. В результате конфликтов в СРП произошел раскол, и ее влияние, и без того невысокое, упало до совершенно

незначительной величины.

Троцкий внимательнейшим образом следил за развитием начавшейся нападением Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. второй мировой войны. "Я не вижу сейчас никакой силы в мире, которая могла бы задержать развитие этого процесса, т. е. родов войны. Новая страшная бойня неумолимо надвигается на человечество", - прогнозировал он еще за год до начала войны.

Его суждения и прогнозы были, разумеется, окрашены в цвета идеологической догматики, в частности по поводу того, что война приведет к новому революционному взрыву, к полному краху мирового империализма и т. п.

Насколько в сознании лидера коммунистического оппозиционного движения причудливо сочетались обоснованные прогнозы и утопические схемы, свидетельствует следующее высказывание 1938 г.: "Во время войны исчезнет всякое различие между империалистической 'демократией' и фашизмом. Во всех странах будет царить беспощадная военная диктатура. Немецкие рабочие и крестьяне будут так же погибать, как французские или английские. Голод, эпидемии, одичание сметут различие политических режимов и границы государств. Нынешние средства истребления так чудовищны, что человечество не выдержит, вероятно, и нескольких месяцев войны. Отчаяние, возмущение, ненависть толкнут народные массы всех воюющих стран на восстание с оружием в руках. Социалистическая революция непредотвратима".

Но вместе с тем подчас высказывались и более или менее трезвые и точные прогнозы и предположения. Уже через три недели после немецкой атаки на Польшу Троцкий предрекал, что "при затяжной войне Гитлер идет к величайшей катастрофе. Но весь вопрос в сроках и темпах. На пути к пропасти Гитлер может не только разгромить Польшу, но и нанести СССР тяжкие удары, которые будут стоить кремлевской олигархии головы". Впрочем, вполне обоснованные прогнозы вновь и вновь сочетались с совершенно невероятными предположениями. Таким было, например, весьма пессимистическое мнение о судьбе евреев не только в случае войны, но и независимо от нее (писалось это в декабре 1938 г.): "Можно без труда представить себе, что ждет евреев в самом начале будущей мировой войны. Но и без войны дальнейшее развитие мировой реакции означает почти с неизбежностью физическое уничтожение еврейства".

Несмотря на идеологическую предвзятость, порой совершенно открыто провозглашалась политическая целесообразность, оговариваемая, естественно, весьма общими идеологемами. Ставя, например, вопрос, какую позицию должен занять мировой рабочий класс в случае гипотетического военного конфликта "демократической" Великобритании с "фашистской" Бразилией (в обоих случаях кавычки поставлены Троцким, хотя мы бы также их использовали, если бы их не было в оригинале), он отвечал: "...Я буду в данном случае на стороне фашистской Бразилии", ибо ее победа "даст толчок национальному и демократическому сознанию страны".

Часть документов предлагаемого тома связана с пребыванием в Западной Европе нескольких "невозвращенцев" - отказавшихся выехать в СССР бывшего советского дипломата А. Бардина, видных разведчиков В. Кривицкого, И. Порецкого (Райсса, Людвига) и его жены Елизаветы Порецкой. Эти материалы свидетельствуют, что Троцкий возлагал немалые надежды на использование названных лиц в политических интересах IV Интернационала, прежде всего с точки зрения той уникальной информации о положении дел в СССР, которой эти лица располагали и могли предоставить.

О контактах с названными лицами, находившимися в 1938-1939 гг. в основном во Франции (кроме Порецкого, который в 1937 г. был убит агентами НКВД в Швейцарии), речь шла, в частности, в переписка Троцкого с М. Зборовским (Этьеном) и Л. Эстрин, которые после смерти в 1938 г. сына Троцкого Л. Л. Седова осуществляли в Париже издание "Бюллетеня оппозиции (большевиков-ленинцев)" - по существу дела личного периодического органа Троцкого на русском языке.

Троцкий, обычно ведший себя весьма осторожно и даже подозрительно, во взаимоотношениях с ними проявлял полное доверие. Лилия Эстрин этого доверия заслуживала (впрочем, она была в основном техническим работником). Что же касается Зборовского, то он был тайным агентом НКВД, с помощью которого советские спецслужбы проникали в самые сокровенные секреты международного движения сторонников Троцкого. Тем более показательно послушное, буквальное следование Зборовского указаниям Троцкого даже в тех случаях, когда речь шла о случайном недоразумении, например в описке, обнаруженной в письме шефа (с

одним таким случаем мы встретимся в томе).

Некоторые из этих материалов связаны с обстоятельствами смерти Л.Л.Седова. Представляется, однако, имея в виду истинный характер личности и деятельности Марка Зборовского, что они не столько освещают последние дни жизни сына Троцкого, сколько искажают их действительную картину. По всей видимости, Зборовский не был физическим убийцей Седова в парижской больнице, куда он попал с приступом аппендицита и где ему сделали успешную операцию, через несколько дней после которой он внезапно скончался. Но каким-то образом Этьен приложил руку к ликвидации Седова. Сам же факт убийства, которое Зборовский и Эстрин решительно отрицали, действительно имел место скорее всего по "наводке" Этьена. Это подтверждает бывший ответственный сотрудник советских спецслужб Петр Дерябин, бежавший на Запад, которому говорили в КГБ, что Седов действительно был ликвидирован московскими агентами¹. Косвенно эти сведения подтверждает в своих воспоминаниях и вдова И.Порецкого, свидетельствующая, что за Седовым и другими коммунистическими отступниками постоянно наблюдали агенты НКВД С.Ефрон (муж М.Цветаевой), Д.Смиренский, Р.Шнайдер².

Вряд ли в полной мере прав бельгийский сторонник Л.Д.Троцкого Ж.Вареекен, писавший в своих мемуарах: "Путем искусных маневров и изобретательных трюков они (агенты НКВД - Ю.Ф. и Г.Ч.) смогли превратить неизбежные политическкие различия в обычные ссоры и личную борьбу, морально и физически ликвидируя как революционных лидеров, так и, когда их миссия завершалась, самих агентов"³. НКВД не был настолько всесильным, конфликты и дразги были постоянно присущи движению последователей Троцкого, как и любой иной политической или идеологической секте, склонной, согласно американской поговорке, которую любил повторять Троцкий, к расщеплению волос. Но сам по себе факт активнngo использования конфликтов советскими агентами, безусловно, имел место.

Проживая в Мексике, Троцкий внимательно следил за бурными политическими перипетиями, свойственными развитию этой страны во второй половине 30-х годов, в частности связанными с национализацией по инициативе президента Ласаро Карденаса нефтяных и других природных богатств.

Троцкий формально соблюдал свое обязательство не вмешиваться во внутренние дела Мексики. Многократно выступая в печати по вопросам, связанным с мексиканскими сюжетами, он публиковал свои статьи без подписи, под псевдонимами или даже за подписью Диего Риверы. Сохранение подлинников в архиве, лишь часть из которых публикуется в данном томе, позволяет установить авторство Троцкого беспрекословно. Обилие, фактическое преобладание публицистических выступлений, посвященных Мексике, а также другим латиноамериканским странам, свидетельствует, что в определенной мере Троцкий в последние годы жизни стал превращаться из международного в регионального деятеля, причем в деятеля того региона, языками которого он не владел и о котором имел не весьма глубокие знания.

Покровительство Риверы, краткий, но бурный роман с его молодой женой, талантливой художницей Фридой Кало, встречи с известным французским писателем-сюрреалистом Андре Бретоном, недолгое время поддерживавшим организации сторонников Троцкого, стимулировали эстетические интересы лидера коммунистического оппозиционного движения, получившие выражение в нескольких эссе, публикуемых в данном томе. Обращают на себя внимание некоторые пассажи, которые звучали неординарно и даже парадоксально для Троцкого. Так, в статье "За свободное революциолнное искусство!" (июль 1938 г.) он провозглашал: "Если для развития материальных производительных сил революция вынуждена учредить социалистический режим централизованного плана, то для умственного творчества она должна с самого начала установить и обеспечить анархический режим индивидуальной свободы. Никакой власти, никакого принуждения, ни малейших следов командования!" Были ли эти и подобные им высказывания выражением искреннего поворота к плюрализму в области художественной культуры или же они являлись лишь тактическим ходом, продиктованным общением с выдающимися творцами? Весь строй мышления, политических и организационных концепций Троцкого свидетельствует, на наш взгляд, в пользу второго предположения.

Почти все материалы с конца мая 1940 г. связаны с расследованием бандитского нападения на дом Троцкого в ночь на 24 мая того же года. То, что сталинские агенты готовят покушение на его жизнь, он понимал и в предыдущие

годы. Сталин готовит против него "другие меры, гораздо более действенные", - был убежден Троцкий еще в феврале 1938 г. Московский заказ состоит в том, чтобы "создать благоприятную атмосферу для расправы" - в самой Мексике, писал он в сентябре.

После же покушения 24 мая 1940 г. Троцкому стало полностью ясно, что советский диктатор, приговоривший его к смерти, полон решимости привести свой приговор в исполнение в самом близком времени. Директива о нападении 24 мая могла исходить только из Кремля, только лично от Сталина, через заграничную агентуру советских спецслужб, убеждал он мексиканские следственные власти и общественное мнение. Тайные московские агенты бесспорно готовят новое покушение, разъяснял он.

Может быть, именно потому, что Троцкий связывал напрямую имя "кремлевского горца" с подготовкой его убийства, мексиканские следственные органы действовали весьма осторожно, и главный бандит Сикейрос отделался, как это ни чудовищно звучит, легким испугом. Через много лет, в 1960 г., этот художник в штатском бессовестно врал: "Наша главная цель или глобальная задача всей операции состояла в следующем: захватить по возможности все документы, но любой ценой избежать кровопролития. Мы считали, что смерть Троцкого или кого-либо из его сообщников не остановит развития троцкизма как международного движения"⁴.

Бежав из Мексики с помощью чилийского коммуниста поэта Пабло Неруды, Сикейрос уже тогда вводил мир в заблуждение, утверждая, что намеревался не убить Троцкого, а только выразить протест против его пребывания в Мексике⁵.

Эта ложь именитого сталинца опровергается многими документами, с которыми читатель встретится в данном томе.

В конце тома публикуются предисловие и фрагменты книги Троцкого о Ленине, над которой он работал в течение ряда лет, но так и не вышел за пределы подготовки первоначального варианта первых разделов. Важной особенностью публикуемых текстов является стремление представить молодого Ульянова в развитии, в процессе перехода от народничества к марксизму. Такой подход был развит современной западной историографией, представители которой подчас ссылаются на взгляды Троцкого⁶.

*

В предлагаемый том, как и в предыдущие, вошли статьи, заявления, интервью, письма, беседы Л.Д.Троцкого. Включены также несколько писем Л.Эстрин и М.Зборовского, адресованных Троцкому.

Почти все публикуемые документы хранятся в Архиве Л.Д.Троцкого (Хогтонская библиотека Гарвардского университета). Отдельные документы взяты из Коллекции Б.И.Николаевского в Архиве Гуверовского Института войны, революции и мира (г. Пало-Алто, Калифорния, США) и из Коллекции Ч.Маламута в Бахметьевском архиве (Колумбийский университет, Нью-Йорк, США).

На русском языке материалы ранее не публиковались, но часть из них была издана на английском, французском и немецком языках. Все они здесь приведены в соответствии с архивными первоисточниками.

В конце тома публикуются примечания и указатели имен и географических названий.

Редактором-составителем тома является доктор исторических наук Ю.Г.Фельштинский. Предисловие, примечания, указатели подготовлены Ю.Г.Фельштинским и доктором исторических наук Г.И.Чернявским. Ими же проведена археографическая работа над текстом в соответствии с теми методами, которые были нами сформулированы во вступительной статье ко всему изданию (см. т. 1). В работе над текстами, связанными с историей Китая, принимал участие доктор исторических наук А.В.Панцов.

Мы вновь выражаем глубокую благодарность администрациям архивов, предоставивших нам право публикации документов из их фондов.

-----

1 Deriabin P. , Bagley T.H. KGB: Masters of the Soviet Union. - New York, 1990. - P. 262.

2 Poretzky E. Our Own People: A Memoir of "Ignace Reiss" and His Friends. - Ann Arbor, 1969. - P. 238.

3 Vareeken G. The KGB in the Trotskyist Movement. - Clapham, 1976. - P.

4 Енко К. и Т. Частная жизнь вождей: Ленин, Сталин, Троцкий. - М., 2000. - С. 369.

5 Andrew Ch., Gordievsky O. KGB: The Inside Story of Its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev. - New York, 1990. - P. 170.

6 См., например: Pomper Ph. Lenin, Trotsky, and Stalin: The Intelligentsia and Power. - New York, 1990. - P. 21-50.

1938

Предисловие¹

Скажем сразу: одного того обстоятельства, что автор этой книги принадлежит к школе исторического материализма, было бы совершенно недостаточно, чтобы завоевать наши симпатии к его работе. В нынешних условиях марксистская этикетка способна была бы внушить нам скорее недоверие, чем предвзятое расположение. В тесной связи с перерождением советского государства марксизм прошел за последние полтора десятилетия через период небывалого упадка и унижения. Из орудия анализа и критики он стал орудием низкопробной апологетики. Вместо исследования фактов он занимается подбором софизмов в интересах высоких заказчиков.

В китайской революции 1925-1927 гг. Коминтерн играл очень большую роль, которую эта книга изображает с достаточной полнотой. Тщетно стали бы мы, однако, искать в библиотеке Коминтерна книгу, которая пыталась бы дать сколько-нибудь законченное представление о китайской революции. Зато мы найдем десятки "конъюнктурных" произведений, покорно отражающих отдельные зигзаги Коминтерна, вернее, советской дипломатии в Китае, и подчиняющих каждому зигзагу факты и общую концепцию. В противоположность этой литературе, которая ничего, кроме интеллектуального отвращения, вызывать не может, книга Айзекса представляет с начала до конца научный труд. Она основана на добросовестном изучении огромного количества источников и пособий. Айзекс отдал этой работе более двух лет. Надо прибавить, что он провел до того около 6 лет в Китае, в качестве журналиста и наблюдателя китайской жизни.

Автор этой книги подходит к революции как революционер, и он не видит основания скрывать это. В глазах филистера революционная точка зрения почти равносильна отсутствию научной объективности. Мы думаем как раз наоборот: вскрыть объективную динамику революции способен только революционер, разумеется, при условии, что он вооружен научным методом. Познающая мысль вообще не созерцательна, а активна. Элемент воли необходим для проникновения в тайны природы и общества. Как хирург, от ланцета которого зависит человеческая жизнь, гораздо внимательнее различает ткани организма, так и революционер, если он серьезно относится к своей задаче, вынужден с предельной добросовестностью исследовать строение общества, его функции и рефлексы.

Чтобы понять нынешнюю войну между Японией и Китаем, необходимо точкой исхода взять вторую китайскую революцию. В обоих этих случаях мы встречаем не только одни и те же силы, но зачастую одни и те же фигуры. Достаточно сказать, что фигура Чан Кайши занимает в этой книге центральное место. В часы, когда пишутся эти строки, трудно еще предсказать, когда и каким образом японо-китайская война будет завершена. Но исход нынешнего столкновения на Дальнем Востоке будет во всяком случае иметь лишь провизорный характер². Мировая война, которая надвигается с непреодолимой силой, пересмотрит китайскую проблему, как и все остальные проблемы колониальных владений. В этом ведь и будет состоять действительная задача второй мировой войны: размежевать заново планету в соответствии с новым соотношением империалистских сил. Главной ареной борьбы будет, конечно, не Средиземное море, лохань лилипутов, и даже не Атлантический океан, а бассейн Тихого океана. Важнейшим объектом борьбы будет Китай, почти четверть

человечества. Судьба Советского Союза - второй большой ставки в грядущей войне - также будет до некоторой степени решаться на Дальнем Востоке. Готовясь к этой схватке титанов, Токио пытается ныне обеспечить себе как можно более широкий плацдарм на азиатском континенте. Великобритания и Соединенные Штаты тоже не теряют времени. Можно, однако, с уверенностью предсказать, - и это признают, в сущности, нынешние вершители судеб, - что и мировая война не будет последней инстанцией: она поведет за собой новый ряд революций, которые пересмотрят не только решения войны, но и те условия собственности, которые порождают войны.

Эта перспектива, надо признать, очень далека от идиллии. Но Клиоз, муза истории, никогда не принадлежала к обществу пацифистских дам. Старшее поколение, прошедшее через войну 1914-1918 гг. не справилось ни с одной из своих задач. Оно оставляет в наследство новому поколению ношу войн и революций. Эти наиболее значительные и трагические события человеческой истории часто шли рядом. Теперь они готовятся окончательно образовать фон грядущих десятилетий. Остается пожелать, чтобы новое поколение, которое не может по произволу выскочить из унаследованных им условий, научилось, по крайней мере, лучше понимать законы своей эпохи. Для ознакомления с китайской революцией 1925-1927 гг. оно не найдет сегодня лучшего руководства, чем эта книга.

При всем неоспоримом величии англосаксонского гения нельзя не видеть, что именно в англосаксонских странах хуже всего понимают законы революций. Это объясняется, с одной стороны, тем, что само явление революции в этих странах относится к давно прошедшему прошлому и вызывает у официальных "социологов" снисходительную улыбку, как шалости детства. С другой стороны, столь характерный для англосаксонского мышления прагматизм меньше всего пригоден для понимания революционных кризисов.

Английская революция XVII века, как и французская - XVIII, имели своей задачей рационализировать структуру общества, т. е. очистить его от феодальных сталактитов и сталагмитов⁴ и подчинить законам свободной конкуренции, которые в ту эпоху казались законами "здорового смысла". Пуританская революция рядилась при этом в библейские наряды, обнаруживая тем чисто детскую неспособность понять свой собственный смысл. Французская революция, оказавшая значительное влияние на прогрессивную мысль Соединенных Штатов, руководствовалась формулами чистого рационализма. Здравый смысл, который еще боится себя и прибегает к маске библейских пророков, или секуляризованный здравый смысл, который рассматривает общество, как продукт разумного "договора", являются до настоящего времени основными формами англосаксонского мышления в области философии и социологии.

Между тем реальное историческое общество построено не по Руссо⁵, на разумном "договоре", и не по Бентаму⁶, на принципе "общей пользы", а сложилось "иррационально", на противоречиях и антагонизмах. Чтобы революция стала неизбежна, классовые противоречия должны достигнуть предельного напряжения. Именно эта историческая фатальность столкновения, зависящего не от доброй или злой воли, а от объективного взаимоотношения классов, и делает революцию, наряду с войной, наиболее драматическим выражением "иррациональной" основы исторического процесса.

"Иррациональный" - не значит, однако, произвольный. Наоборот, в молекулярной подготовке революции, в ее взрыве, в ее подъеме, в ее упадке заложена глубокая внутренняя закономерность, которую можно познать и в основном предвидеть заранее. Революции, как не раз говорилось, имеют свою логику. Но это не логика Аристотеля, и еще меньше прагматическая полулогика "здорового смысла". Это более высокая функция мысли: логика развития и его противоречий, т. е. диалектика.

Упорство англосаксонского прагматизма и его враждебность диалектическому мышлению имеют, таким образом, свои материальные причины. Как поэт не может постигнуть диалектику чувств по книгам, без собственных переживаний, так благополучное общество, отвыкшее от потрясений и привыкшее к непрерывному "прогрессу", неспособно познать диалектику собственного развития. Однако слишком очевидно, что эта привилегия англосаксонского мира отошла в прошлое. История собирает, чтобы дать Великобритании, как и Соединенным Штатам, серьезные уроки диалектики.

Автор этой книги пытается вывести характер китайской революции не из априорных определений и не их исторических аналогий, а из живого строения китайского общества и динамики его внутренних сил. В этом главная методологическая ценность книги. Читатель ее не только вынесет более связное представление о ходе событий, но, что еще важнее, научится понимать их основные социальные пружины. Только на этой основе можно правильно оценивать политические программы и лозунги борющихся партий, которые являются наиболее демонстративными, но не самостоятельными, и в последнем счете, не решающими элементами процесса.

По своим непосредственным целям незавершенная китайская революция является "буржуазной". Однако этот термин, который употребляется как простой отзвук буржуазных революций прошлого очень мало, в сущности, подвигает нас вперед. Чтобы историческая аналогия не превратилась в ловушку для мысли, необходимо проверять ее в свете конкретного социального анализа. Каковы те классы, которые борются в Китае? Каковы взаимоотношения этих классов? В каком направлении изменяются эти взаимоотношения? Каковы объективные, т. е. продиктованные ходом развития, задачи китайской революции? На плечи каких классов ложится разрешение этих задач? Какими методами эти задачи могут быть разрешены? Именно на эти вопросы отвечает книга Айзекса.

Колониальные и полуколониальные, следовательно, отсталые страны, составляющие значительно большую половину человечества, чрезвычайно отличаются друг от друга по степени отсталости, представляя историческую лестницу от кочевого быта и даже людоедства до новейшей индустриальной культуры. Сочетания крайностей характеризуют в той или иной степени каждую из отсталых стран. Однако иерархия отсталости, если позволено такое выражение, определяется удельным весом элементов варварства и культуры в жизни каждой из колониальных стран. Экваториальная Африка далеко отстоит от Алжира, Парагвай – от Мексики, Абиссиния – от Индии или Китая. При общей их экономической зависимости от метрополий империализма политическая зависимость носит в одних случаях характер открытого колониального рабства, в других прикрывается фикцией государственной самостоятельности (Китай, Латинская Америка).

В аграрных отношениях отсталость находит свое наиболее органическое и жестокое выражение. Ни одна из этих стран не проделала сколько-нибудь глубоко своей демократической революции. Половинчатые аграрные реформы рассыпаются полукрепостническими отношениями, которые неизбежно возрождаются на почве нищеты и гнета. Аграрное варварство идет всегда рука об руку с бездорожеством, разобщенностью провинций, "средневековым" партикуляризмом, отсутствием национального сознания. Очищение социальных отношений от остатков старого и от наслоений нового феодализма является важнейшей задачей во всех этих странах.

Однако осуществление аграрной революции немислимо при сохранении зависимости от иностранного империализма, который одной рукой насаждает капиталистические отношения, а другой поддерживает и воссоздает все формы рабства и крепостничества. Борьба за демократизацию общественных отношений и создание национального государства неразрывно переходит, таким образом, в открытое восстание против иностранного господства.

Историческая отсталость означает не простое воспроизведение развития передовых стран, Англии или Франции, с запозданием на сто, двести или триста лет, а порождает совершенно новую, "комбинированную" социальную формацию, в которой последние завоевания капиталистической техники и структуры внедряются в отношения феодального и дофеодального варварства, преобразуют и подчиняют их себе, создавая своеобразное соотношение классов.

Ни одна из задач "буржуазной" революции не может быть разрешена в этих запоздалых странах под руководством "национальной" буржуазии, ибо последняя сразу поднимается на иностранных помочах как чуждый и враждебный народу класс. Каждый этап в ее развитии лишь теснее связывает ее с иностранным финансовым капиталом, агентурой которого она, по существу, является. Мелкая буржуазия колоний, ремесленная и торговая, первая падает жертвой неравной борьбы с иностранным капиталом, впадает в экономическое ничтожество, деклассируется, пауперизируется и не может думать о самостоятельной политической роли. Крестьянский, наиболее многочисленный и разобщенный, наиболее отсталый и угнетенный класс, способно на местные восстания и

партизанские войны, но нуждается в руководстве более передового и централизованного класса для того, чтобы эта борьба поднялась до общенационального уровня. Задача такого руководства естественно ложится на колониальный пролетариат, который с первых шагов противостоит не только иностранной, но и своей, национальной буржуазии.

Из конгломерата провинций и племен, связанных географическим соседством и бюрократическим аппаратом, капиталистическое развитие сделало Китай некоторым подобием экономического целого. Революционное движение масс впервые перевело это возросшее единство на язык национального сознания. В стачках, аграрных восстаниях и военных походах 1925-1927 гг. рождался новый Китай. В то время, как связанные со своей и иностранной буржуазией генералы умели только раздирать страну на части, китайские рабочие стали носителями непреодолимого стремления к национальному единству. Это движение представляет несомненную аналогию с борьбой французского третьего сословия против партикуляризма или с позднейшей борьбой немцев и итальянцев за национальное объединение. Но в отличие от перворожденных стран капитализма, где проблема национального единства ложилась на мелкую буржуазию, отчасти под руководством крупной буржуазии и даже помещиков (Пруссия!), в Китае главной движущей и потенциально руководящей силой выступил в этом движении пролетариат. Но именно этим он создавал для буржуазии ту опасность, что руководство объединенным отечеством окажется не в ее руках. Патриотизм на всем протяжении истории был неразсторжимо связан с властью и собственностью. Правящие классы никогда не останавливались в случае опасности перед раздроблением собственной страны, если при этом могли сохранить власть над одной из ее частей. Нет поэтому ничего удивительного, если китайская буржуазия в лице Чан Кайши повернула в 1927 г. свое оружие против пролетариата, носителя национального единства. Изображение и объяснение этого поворота, занимающее центральное место в книге Айзекса, дает ключ к пониманию основных проблем китайской революции, как и нынешней китайско-японской войны.

Так называемая "национальная" буржуазия терпит все виды национального унижения до тех пор, пока может надеяться сохранить свое привилегированное существование. Но с того момента, когда иностранный капитал ставит своей задачей безраздельно овладеть всеми богатствами страны, колониальная буржуазия вынуждена вспомнить о "национальных" обязанностях. Под давлением масс она может оказаться даже ввергнутой в войну. Но это будет война против одного из империализмов, наименее стоворчивого, с надеждой перейти на службу к другому, более великодушному. Чан Кайши борется против японских насильников лишь в тех пределах, которые ему указаны его великобританскими или американскими покровителями. Довести до конца освободительную борьбу против империализма способен только тот класс, которому нечего терять, кроме своих цепей.

Развитые выше соображения об особом характере "буржуазных" революций в исторически запоздалых странах ни в каком случае не являются продуктом одного лишь теоретического анализа. Уже до второй китайской революции (1925-1927 гг.) они прошли через грандиозную историческую проверку. Опыт трех русских революций (1905 г., февраль 1917 г., октябрь 1917 г.) имеет для XX века не меньшее значение, чем опыт Франции имел для XIX. Для понимания новейших судеб Китая читателю необходимо иметь перед глазами борьбу концепций в русском революционном движении, ибо эти концепции оказывали и оказывают прямое и притом могущественное влияние на политику китайского пролетариата, и косвенное - на политику китайской буржуазии.

Именно вследствие своей исторической остальности царская Россия оказалась единственной европейской страной, где марксизм как доктрина и социал-демократия как партия получили мощное развитие еще до буржуазной революции. Естественно, если проблема соотношения между борьбой за демократию и борьбой за социализм или между буржуазной революцией и социалистической подверглась теоретической разработке именно в России. Первым поставил эту проблему в начале 80-х годов прошлого столетия родоначальник русской социал-демократии Плеханов. В борьбе против так называемого народничества, этой разновидности социалистического утопизма, Плеханов установил, что Россия не имеет никаких оснований рассчитывать на привилегированные пути развития; что, подобно "профаным" нациям, она должна будет пройти через стадию капитализма и что именно на этом пути она завоюет

режим буржуазной демократии, необходимой для дальнейшей борьбы пролетариата за социализм. Плеханов не только отделял буржуазную революцию как очередную задачу от социалистической революции, которая отодвигалась им в неопределенное будущее, но и рисовал для каждой из этих революций совершенно отличную комбинацию сил. Буржуазную революцию пролетариат совершает в союзе с либеральной буржуазией и тем помогает расчистить путь для капиталистического прогресса; через ряд десятилетий, на высоком уровне капиталистического развития, пролетариат совершает социалистическую революцию в прямой борьбе против буржуазии.

Ленин – правда, не сразу – пересмотрел эту доктрину. С гораздо большей силой и последовательностью, чем Плеханов, он выдвинул в начале этого столетия аграрный вопрос, как центральную проблему буржуазной революции в России. Вместе с тем он пришел к выводу, что либеральная буржуазия враждебна экспроприации помещичьего землевладения и именно поэтому стремится к компромиссу с монархией на основе конституции прусского образца. Плехановской идее союза пролетариата с либеральной буржуазией Ленин противопоставил идею союза пролетариата с крестьянством. Задачей революционного сотрудничества этих двух классов он объявил установление "буржуазно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства", как единственного средства очистить царскую империю от феодально-полицейского хлама, создать свободное фермерство и проложить дорогу развитию капитализма по американскому образцу. Формула Ленина представляла огромный шаг вперед, поскольку, в отличие от формулы Плеханова, правильно указывала центральную задачу революции, а именно демократический переворот аграрных отношений, и столь же правильно намечала единственно реальную комбинацию классовых сил для разрешения этой задачи. Но до 1917 г. мысль самого Ленина оставалась связана традиционной концепцией "буржуазной" революции. Подобно Плеханову, Ленин исходил из того, что только после "доведения буржуазно-демократической революции до конца" станут в порядок дня задачи социалистической революции, причем именно Ленин, в противовес сфабрикованной позже эпигонами легенде, считал, что после завершения демократического переворота крестьянство, как крестьянство, не сможет оставаться союзником пролетариата. Свои социалистические надежды Ленин возлагал на сельскохозяйственных батраков и полупролетаризированных крестьян, продающих свою рабочую силу.

Слабым пунктом в концепции Ленина было внутренне противоречивое понятие "буржуазно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства". Политический блок двух классов, интересы которых только частично совпадают, исключает диктатуру. Ленин сам подчеркивал основное ограничение "диктатуры пролетариата и крестьянства", когда открыто называл ее буржуазной. Он хотел этим сказать, что ради сохранения союза с крестьянством пролетариат должен в ближайшую революцию отказаться от непосредственной постановки социалистических задач. Но это именно означало бы, что пролетариат отказывался от диктатуры. В чьих руках должна была в таком случае сосредоточиться революционная власть? В руках крестьянства? Но оно меньше всего способно на такую роль.

Эти вопросы Ленин оставлял без ответа до своих знаменитых тезисов 4 апреля 1917 г. Только здесь он впервые порвал с традиционным понятием "буржуазной революции" и с формулой "буржуазно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства". Он провозгласил борьбу за диктатуру пролетариата, как единственное средство довести до конца аграрную революцию и обеспечить свободу угнетенных национальностей. Но режим пролетарской диктатуры по самой природе своей не может ограничивать себя рамками буржуазной собственности. Господство пролетариата автоматически ставит в порядок дня социалистическую революцию, которая в этом случае не отделена от демократической каким-либо историческим периодом, а непрерывно связана с нею, точнее сказать, органически вырастает из нее. Каким темпом пойдет социалистическое преобразование общества и каких рубежей оно достигнет уже в ближайший период, будет зависеть не только от внутренних, но и от внешних условий. Русская революция есть только звено международной. Такова была в основных чертах сущность концепции перманентной (непрерывной) революции. Именно эта концепция обеспечила Октябрьскую победу пролетариата.

Но такова зловещая ирония истории: опыт русской революции не только не помог китайскому пролетариату, но наоборот, – в реакционно искаженной форме, – стал одним из главных препятствий на его пути. Коминтерн эпигонов

начал с того, что канонизировал для стран Востока ту формулу "демократической диктатуры пролетариата и крестьянства", которую Ленин под влиянием исторического опыта признал негодной. Как всегда бывает в истории, пережившая себя формула послужила для того, чтобы прикрыть политическое содержание, прямо-таки противоположное тому, какому эта формула в свое время служила. Массовый, плебейский, революционный союз рабочих и крестьян, закрепленный через свободно избранные советы как непосредственные органы действия Коминтерн подменил бюрократическим блоком партийных центров. Право представлять в этом блоке крестьянство неожиданно получил Гоминьдан, т. е. насквозь буржуазная партия, кровно заинтересованная в сохранении капиталистической собственности не только на средства производства, но и на землю. Союз пролетариата и крестьянства был расширен до "блока четырех классов": рабочих, крестьян, городской мелкой буржуазии и так называемой "национальной" буржуазии. В таком блоке руководство не могло не принадлежать наиболее консервативной его части, т. е. буржуазии. Другими словами, Коминтерн принял отброшенную Лениным формулу только для того, чтобы открыть дорогу политике Плеханова, притом в наиболее зловредной, ибо замаскированной форме.

В оправдание политического подчинения пролетариата буржуазии теоретики Коминтерна (Сталин-Бухарин) ссылались на факт империалистического гнета, который толкает будто бы к союзу "все прогрессивные силы страны". Но именно такова была в свое время аргументация русских меньшевиков с той разницей, что место империализма у них занимал царизм. На деле подчинение Гоминьдану китайской коммунистической партии означало разрыв ее с движением масс и прямую измену их историческим интересам. Так под непосредственным руководством Москвы была подготовлена катастрофа второй китайской революции.

Многим политическим филистерам, которые в политике склонны научный анализ заменять догадками "здравого смысла", споры русских марксистов о природе революции и о динамике ее классовых сил казались простой схоластикой. Исторический опыт обнаружил, однако, глубоко жизненное значение "доктринерских формул" русского марксизма. Кто не понял этого еще и сегодня, того книга Айзекса может многому научить. Политика Коминтерна в Китае убедительно показала, во что превратилась бы русская революция, если бы меньшевики и эсеры не были своевременно сброшены большевиками. Концепция перманентной революции получила в Китае новое подтверждение, на этот раз не в виде победы, а в виде катастрофы.

Было бы, разумеется, недопустимо отождествлять Россию и Китай. При наличии важных общих черт различия слишком очевидны. Но нетрудно убедиться, что эти различия не ослабляют, а, наоборот, усиливают основные выводы большевизма. В известном смысле царская Россия тоже являлась колониальной страной, и это выражалось в преобладающей роли иностранного капитала. Но русская буржуазия пользовалась неизмеримо большей независимостью от иностранного империализма, чем китайская: Россия сама была империалистской страной. При всей своей скудности русский либерализм имел значительно более серьезные традиции и опорные базы, чем китайский. Влево от либерализма стояли сильные мелкобуржуазные партии, революционные или полуреволюционные по отношению к царизму. Партия социалистов-революционеров сумела найти значительную опору в крестьянстве, главным образом, в верхних его слоях. Социал-демократическая партия (меньшевики) вела за собой широкие круги городской мелкой буржуазии и рабочей аристократии. Именно эти три партии – либералы, социалисты-революционеры и меньшевики – долго готовили и окончательно сформировали в 1917 г. коалицию, которая в тот период еще не называлась "народным фронтом", но несла все его черты. В противовес этому большевики, начиная с кануна революции 1905 г., занимали непримиримую позицию по отношению к либеральной буржуазии. Только эта политика, достигшая высшего своего выражения в "пораженчестве" 1914-1917 гг., и позволила большевистской партии завоевать власть.

Отличия Китая от России: несравненно большая зависимость китайской буржуазии от иностранного капитала, отсутствие самостоятельных революционных традиций у мелкой буржуазии, массовая тяга рабочих и крестьян к знамени Коминтерна – требовали еще более непримиримой, если возможно, политики, чем в России. Между тем китайская секция Коминтерна по команде Москвы отреклась от марксизма, признав реакционно-схоластические "принципы Сунь Ятсена", и вступила в состав Гоминьдана, подчинившись его дисциплине, другими словами,

пошла гораздо дальше по пути подчинения буржуазии, чем когда-либо заходили русские меньшевики или социалисты-революционеры. Та же гибельная политика повторяется ныне в обстановке войны с Японией.

Каким образом вышедшая из большевистской революции бюрократия может применять в Китае, как и во всем мире, методы, в корне противоположные большевизму? Ответить на этот вопрос ссылаясь на неспособность или невежество тех или других лиц было бы слишком поверхностно. Суть дела в том, что вместе с новыми условиями существования бюрократия усвоила себе новые методы мышления. Большевистская партия руководила массами. Бюрократия стала командовать ими. Возможность руководства большевики завоевали тем, что правильно выражали интересы масс. Бюрократия вынуждена прибегать к командованию, чтобы обеспечить свои интересы против масс. Метод командования, естественно, распространился и на Коминтерн. Московские лидеры стали всерьез воображать, что могут заставить китайскую буржуазию идти влево от ее интересов, а китайских рабочих и крестьян - вправо, по диагонали, начертанной из Кремля. Между тем сама суть революции состоит в том, что эксплуатируемые, как и эксплуататоры, дают своим интересам наиболее крайнее выражение. Если бы враждебные классы могли двигаться по диагонали, не нужна была бы гражданская война. Вооруженная авторитетом Октябрьской революции и Коминтерна, не говоря уж о неисчерпаемых финансовых ресурсах, бюрократия превратила молодую китайскую коммунистическую партию в самый важный момент революции из двигателя в тормоз. В отличие от Германии и Австрии, где бюрократия имела возможность переложить часть ответственности за поражение на социал-демократию, в Китае социал-демократии не было. Китайскую революцию монополично погубил Коминтерн.

Господство Гоминьдана на значительной части китайской территории было бы невозможно без могущественного национально-революционного движения масс 1924-[192]7 гг. Разгром этого движения, с одной стороны, сосредоточил власть в руках Чан Кайши, с другой, обрек Чан Кайши на полумеры в борьбе с империализмом. Понимание хода китайской революции имеет, таким образом, самое непосредственное значение для понимания хода японо-китайской войны. Историческая работа получает тем самым актуальнейшее политическое значение.

Война и революция будут переплетаться в ближайшей истории Китая. Замысел Японии: закабалить навсегда или по крайней мере надолго гигантскую страну при помощи господства над ее стратегическими позициями, характеризуется не только жадностью, но и тупоумием. Япония пришла слишком поздно. Раздираемая внутренними противоречиями империя Микадо не может повторить историю британского восхождения. С другой стороны, Китай далеко ушел вперед от Индии 17-18 веков. Старые колониальные страны все с большим успехом ведут ныне борьбу за свою национальную независимость. При этих исторических условиях, даже если бы нынешняя война на Дальнем Востоке закончилась победой Японии и если бы самой победительнице удалось избежать в ближайшие годы внутренней катастрофы, - а и то, и другое ни в малой мере не обеспечено, - господство Японии над Китаем измерялось бы очень коротким периодом, может быть, лишь немногими годами, необходимыми для того, чтобы дать новый толчок экономической жизни Китая и мобилизовать заново его рабочие массы.

Уже сейчас крупные японские тресты и концерны тянутся по следам армии, чтобы делить еще не обеспеченную добычу. Токийское правительство пытается в плановом порядке регулировать аппетиты финансовых клик, рвущих на части северный Китай. Если бы Японии удалось задержаться на завоеванных позициях в течение каких-нибудь десяти лет, это означало бы прежде всего лихорадочную индустриализацию северного Китая в военных интересах японского империализма. Быстро возникли бы новые железнодорожные линии, шахты, электростанции, горные и металлургические предприятия, хлопковые плантации. Поляризация китайской нации получила бы лихорадочный толчок. Новые сотни тысяч и миллионы китайских пролетариев были бы мобилизованы в кратчайший срок. С другой стороны, китайская буржуазия попала бы в еще большую зависимость от японского капитала и еще менее, чем в прошлом, оказалась бы способной стать во главе национальной войны, как и национальной революции. Лицом к лицу с иностранным насильником оказался бы численно возросший, социально окрепший, революционно возмужавший китайский пролетариат, признанный вождь китайской деревни. Ненависть к иностранному поработителю - могущественный революционный цемент. Новая национальная революция будет, надо думать,

поставлена в порядок дня еще при жизни нынешнего поколения. Чтобы разрешить лежащую на нем задачу, авангард китайского пролетариата должен усвоить до конца уроки второй китайской революции. Книга Айзекса может послужить ему в этом смысле незаменимым пособием. Остается пожелать, чтобы она была переведена на китайский, как и на другие иностранные языки.

Л.Троцкий

5 января 1938 г.

Койоакан

[Письмо Д.Макдоналду7]

Mr. Dwight MacLonald

"Partisan Review"8

New York, N[ew] Y[ork]9

20 января 1938 г.

Дорогой г. Макдоналд,

Я буду с вами говорить с полной откровенностью, так как умалчивание или неискренняя полупохвала означали бы неуважение к вам и к вашему предприятию.

Мое общее впечатление таково, что редакторы "Партизан Ревью" – способные, образованные и интеллигентные люди, но что им нечего сказать. Они ищут таких тем, которые неспособны никого задеть, но зато мало способны кому-нибудь что-нибудь дать. Я никогда не наблюдал и не слышал, чтобы группа с такого рода настроением имела успех, т. е. завоевала влияние и оставила в истории мысли какой-либо след.

Заметьте: я совершенно не касаюсь содержания ваших идей (хотя бы уже потому, что из вашего журнала я их не вижу). "Независимость" и "свобода" есть два пустых места. Но я готов допустить, что "независимость" и "свобода", как вы их понимаете, представляют какие-то действительные культурные ценности. Прекрасно! Но тогда нужно защищать их с мечом или, по крайней мере, с бичом в руке. Каждое новое художественное или литературное направление (натурализм10, символизм11, футуризм12, кубизм13, экспрессионизм14 и пр. и пр.) начиналось со "скандала", било старую почтенную посуду и подставляло многим незыблемым авторитетам синяки. Это вытекало вовсе не только из поисков рекалмы (хотя и в этом недостатка не было). Нет, у этих людей – у художников, как и у литературных критиков – было что сказать. У них были друзья, у них были враги, они боролись и именно этим доказали свое право на существование.

Что касается вашего издания, то оно, кажется, главным образом хочет доказать свою респектабельность. Вы обороняетесь от сталинцев, как благонравные молодые люди, которых обижают уличные нахалы. "Зачем на нас нападают, – жалуется вы, – ведь мы хотим только одного: жить и жить давать другим?" Такого рода направление не может иметь успеха.

Разумеется, есть немало разочарованных "друзей СССР" и вообще унылых интеллигентов, которые, обжегшись один раз, больше всего боятся ангажироваться. Эти люди будут вам посылать тепловатые и сочувственные письма, но они не обеспечат успеха журнала, ибо серьезный успех никогда еще не опирался на политическую, культурную и эстетическую дезориентацию.

Я хотел бы надеяться, что это лишь временное состояние и что издатели "Партизан Ревью" перестанут бояться самих себя. Я должен, однако, сказать, что намеченный вами сборник отнюдь не способен укрепить эти мои надежды. Вы ставите вопрос о марксизме так, как если бы вы начинали историю с чистой страницы. Самое заглавие сборника звучит страшно претенциозно и в то же время бессодержательно. Большинство авторов, которых вы приглашаете, всем своим прошлым доказали – увы! – свою полную неспособность к теоретическому мышлению. Некоторые из них являются политическими покойниками. Как можно покойникам поручать решение того, жив ли марксизм? Нет, я категорически отказываюсь от участия в такого рода предприятии.

Надвигается мировая война. Внутренняя политическая борьба во всех странах имеет тенденцию превратиться в гражданскую войну. Во всех областях культуры и идеологии действуют токи самого высокого напряжения. Вы же, видимо, хотите создать маленький культурный монастырь, оградившись от внешнего мира скептицизмом, агностицизмом15 и респектабельностью. Такое

предприятие не открывает никаких перспектив.

Весьма возможно, что тон этого письма поркажется вам резким, недопустимым и сектантским. В моих глазах это было бы лишь дополнительным доказательством того, что вы хотите издавать мирный журналчик, а не принимать активное участие в духовной жизни нашей эпохи. Если, наоборот, вы считаете, что мой "сектантский" тон не является препятствием для дальнейшего обмена мнений, то я целиком и полностью остаюсь к вашим услугам.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо руководству Революционной социалистической рабочей партии Голландии]

Копия: Всем секциям Четвертого Интернационала с просьбой о напечатании.

Редакциям DE NIEWE FAKKEL и DE INTERNATIONALE16

Уважаемые товарищи!

Вы неоднократно оказывали мне честь, публикуя мои статьи. Я не сомневаюсь поэтому, что вы не откажетесь напечатать нижеследующее краткое письмо.

С самого начала существования вашей партии я расходился с ее руководителями, и прежде всего с т. Снивлитом, по всем основным вопросам. Фактически руководство РСАП стояло все время в непримиримой оппозиции ко всем остальным секциям Четвертого Интернационала, причем в течение последних двух лет разногласия непрерывно обострялись.

В полном согласии с подавляющим большинством нашей международной организации я считал и считаю гибельной политику Снивлита в области профессионального движения.

Я считал и считаю, что отношение руководства РСАП к политике "Народного фронта" оставалось все время двусмысленным, т. е. прикрыто, а иногда и открыто оппортунистическим.

Политика т. Снивлита в вопросе о ПОУМе находится в полном противоречии с азбукой классовой борьбы и причинила несомненный ущерб испанской революции и Четвертому Интернационалу.

Политика т. Снивлита в русском вопросе была и остается ложной по существу и нелояльной по отношению к русским большевикам-ленинцам.

Я считал и считаю оппортунистической парламентскую деятельность Снивлита.

Я считал и считаю недопустимым совершенно нетоварищеское отношение руководства РСАП ко всем другим секциям и к Интернациональному Секретариату.

Я считал и считаю, что во всех основных столкновениях т. Снивлита с Интернациональным Секретариатом политическая правота была целиком на стороне этого последнего.

Интернациональный Секретариат десятки раз предлагал вашему Центральному Комитету открыть честную дискуссию по спорным вопросам. Вы упорно отказывались от выполнения этого элементарного долга по отношению к вашей собственной партии. Вместо дискуссии ваш Центральный Комитет прибег к исключению из организации действительных сторонников Четвертого Интернационала. Эта мера не может означать ничего другого, как подготовку разрыва с Четвертым Интернационалом и переход в лагерь "левых" социал-демократов, объединенных вокруг Лондонского Бюро.

На свое последнее письмо т. Снивлиту от 2 декабря 1937 г.17 с запросом о том, намерена ли ваша партия участвовать в международной конференции, я не получил ответа. Еще важнее тот факт, что без ответа остались официальные запросы Интернационального Секретариата.

Настоящее письмо, подводящее итог пятилетним попыткам сотрудничества, товарищеской критики, взаимного объяснения и сближения, имеет своей целью открыто сказать то, что есть. Каждый должен нести ответственность за свою политическую линию. Судить будут члены вашей партии и всех секций Четвертого Интернационала. С революционным приветом

Л.Троцкий

21 января 1938 г.

Койоакан

Интернациональному Секретариату.

По поводу карикатуры на пораженчество

(Копия: всем секциям Четвертого Интернационала)

В своем письме к товарищу Вану (2 января 1938 г.)¹⁸ я допускал возможность того, что в стенографическом отчете ("Case of Leon Trotsky") допущены какие-либо неточные выражения (у меня не было в тот момент книги под руками). Ни один здравомыслящий и добросовестный человек не станет к тому же искать ответа на основные проблемы нашей политики во время войны в беглом устном замечании во время недельных прений. Сейчас я, однако, с удовольствием вижу, что мой ответ Столбергу передан в стенограмме достаточно правильно и находится в полном соответствии с нашими программными тезисами ("Четвертый Интернационал и война").

Мне нет, однако, надобности возвращаться к этому вопросу. Товарищ Б.Ст[олберг] написал на эту тему по-немецки статью "К вопросу о задачах пролетариата в войне". Я самым горячим образом рекомендую эту статью вниманию всех товарищей. Так как статья не заключает в себе никакой "внутренней" полемики, то она, на мой взгляд, может и должна быть напечатана всеми нашими изданиями. Прекрасная статья товарища Б. Ст[олберга] снова показывает, что у нас выросли новые очень серьезные марксистские кадры. Меня лично эта статья полностью освобождает от необходимости полемизировать против новейших писаний т. Вареекена, в которых нет ничего, кроме схоластики и казуистики.

По поводу статьи т. Б. Ст[олберга] я позволю себе только одно частное замечание. Б.Ст[олберг] проводит совершенно правильное принципиальное различие между революционным пораженчеством по отношению к собственному империалистическому правительству и актами прямого военного саботажа в интересах другой страны (рабочего государства, колониальной страны и пр.). Однако вряд ли правильно в число актов такого рода включать "массовое дезертирство". Дезертирство революционного характера может стать массовым лишь при условии огромного влияния революционной партии. Но такое состояние армии и страны уже само собою означало бы приближение или наступление революции. Вряд ли было бы в этих условиях допустимо отрывать революционный авангард армии от ее массы во имя эпизодической военной помощи военному государству или угнетенной стране. О "массовом дезертирстве" приходится в этом случае сказать то же, что и в других: оно либо невозможно, либо излишне и вредно. Я надеюсь, что немецкий текст статьи Б. Ст[олберга] разослан всем секциям и будет переведен на другие языки. Крукс

26 января 1938 г.

Пятое колесо

8-17 декабря в Париже заседал конгресс так называемого Интернационала Рабочей Ассоциации (АИТ)¹⁹, представляющей анархо-синдикалистские группировки разных стран. Единственную серьезную секцию этого Интернационала составляет, как известно, испанская СНТ. Все остальные организации (шведская, португальская, французская, латиноамериканские) по объему своему совершенно незначительны. Разумеется, и малочисленная организация может иметь большое значение при условии самостоятельной революционной позиции, предвосхищающей будущее развитие классовой борьбы. Но, как видно из краткого отчета напечатанного в Информационном Бюллетене АИТ (№ 67 немецкого издания), чрезвычайный конгресс в Париже закончился полной победой политики Гарсия Оливера²⁰, т. е. политики капитуляции перед буржуазией.

За последний год в кое-каких анархистских изданиях, особенно во французских, встречалась робкая критика действий испанской СНТ. Основания для этой критики имеются вполне достаточные: вместо того, чтоб строить безгосударственный коммунизм, вожди СНТ стали министрами буржуазного государства! Это обстоятельство не помешало, однако, парижскому конгрессу АИТ "одобрить линию СНТ". В свою очередь вожди испанского анархо-синдикализма разъяснили конгрессу, что, если они изменили социалистической революции в интересах спасения буржуазии, то произошло это

исключительно вследствие "...недостаточной солидарности международного пролетариата". Конгресс не выдумал ничего нового: все реформистские изменники всегда возлагали вину за свои измены на пролетариат. Если социал-патриоты поддерживают свой "национальный" милитаризм, то не потому, конечно, что они - лакеи капитала, а потому, что массы не созрели "еще для действительного интернационализма". Если вожди профессиональных союзов выступают, как штрейкбрехеры, то это потому, что массы "не созрели" для борьбы.

О революционной критике на парижском конгрессе отчет не говорит ни слова. В этом отношении, как и во многих других, господа анархисты полностью имитируют буржуазных либералов. К чему посвящать чернь в разногласия среди высших сфер? Это может лишь потрясти авторитет анархо-буржуазных министров. Весьма вероятно, что в ответ на "левую" критику со стороны французских анархистов этим последним напомнили их собственное поведение во время империалистической войны. Мы уже слышали от кое-каких анархистских теоретиков, что во время таких "исключительных обстоятельств", как война и революция, приходится отказываться от принципов собственной программы. Подобные революционеры очень похожи на те непромокаемые плащи, которые пропускают воду только под дождем, т. е. в "исключительных" обстоятельствах, а в сухую погоду выполняют свои функции с полным успехом.

Решения парижского конгресса стоят полностью на уровне политики Гарсиа Оливера и ему подобных. Вожди АИТ постановили обратиться ко Второму, Третьему и Амстердамскому Интернационалам с предложением о создании "единого международного антифашистского фронта". О борьбе с капитализмом ни слова! Средствами борьбы объявляются: "бойкот фашистских товаров" и... "давление на демократические правительства": самые надежные пути для освобождения пролетариата! Очевидно, с целью "давления" вождь Второго Интернационала Блюм стал премьером "демократической" Франции и сделал все, чтобы раздавить революционное движение французского пролетариата. Вместе со Сталиным Блюм помог Негрину-Прието при содействии Гарсиа Оливера задушить социалистическую революцию испанского пролетариата. Жуо принимал во всех этих операциях самое активное участие. Единый фронт трех Интернационалов для борьбы с революционным пролетариатом существует, таким образом, уже давно. В этом фронте вожди СНТ занимали не очень видное, но достаточно постыдное место!

Парижский конгресс означает перенесение измены испанского анархизма на весь международный анархизм. Это нашло, в частности, свое выражение в том, что отныне генерального секретаря АИТ назначает испанская СНТ. Другими словами, генеральным секретарем будет отныне чиновник испанского буржуазного правительства.

Господа анархистские и полуанархистские теоретики и полутеоретики, что вы скажете на все это? Согласны ли вы по примеру испанских анархо-синдикалистов играть роль пятого колеса в телеге буржуазной демократии? Многие из анархистов чувствуют себя, конечно, не совсем ловко. Но чтобы победить эту неловкость, они меняют тему разговора. Зачем, на самом деле, заниматься Испанией или парижским конгрессом АИТ, когда можно поговорить... о Кронштадте²¹ или о Махно²²? Самые животрепещущие темы!

Анархистский Интернационал не хочет, видимо, в своем разложении и упадке отстать от Второго и Третьего Интернационалов. Что ж, тем скорее честные рабочие-анархисты перейдут на позиции Четвертого Интернационала.
Л.Троцкий

27 января 1938 г.

Койоакан

[Письмо Н.И.Седовой²³]

[12 февраля 1938 г.]

Милая Ната, все благополучно, последнюю ночь (первую здесь) спал хорошо. Хозяева очень милы. Но задерживаться здесь очень все же не придется. Нужно думать "о будущем".

Хорошо бы мне сюда: 1) пальто (если привезли), 2) мое cache-nez²⁴, 3) мой пояс (опять болит поясница).

Очень спешу: хозяин ждет. Обнимаю.

Твой
[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Н.И.Седовой]

[13 февраля 1938 г.]

Милая Ната, здесь все хорошо. И хозяин, и хозяйка очень милы и заботливы. С этой стороны живу я не хуже, чем дома. Работаю с увлечением и успешно: немного напоминает времена тюремной одиночки, где тоже временами хорошо работалось. То, что я с Рэй²⁵ закончил статью, вышло очень хорошо и кстати...

Передай Рэй мой нежный привет, также Вану и Джо²⁶ (без "нежности"?).

Ты забыла уложить мою бритву, так что я не мог до сих пор побриться. Ну, да это ничего, отдых для кожи. Хозяин обещал дать свой прибор (ножички я получил, как и все остальное). Не знаю, что означает баночка с каким-то косметиком?..

До сих пор ни разу не гулял: нужно пальто, так как довольно холодновато. Об этом я уж писал. Новоприехавшие²⁷ производят неплохое впечатление, особенно он, хотя он и не член орг[анизации]. Он, видимо, приехал, чтобы "убедиться".

Надо, чтобы Джо немедленно дал ему мою статью о Кронштадте²⁸ и прислал мне его отзыв (если возможно, критику, вопросы и пр[очее]).

Самое лучшее, если бы они могли поселиться у нас. У них денег месяца на два, они хотели бы остаться месяца на три. Если бы они поселились у нас, у них хватило бы месяцев на 4-5. Вопрос об охране был бы разрешен, к тому же две машины - огромные преимущества, особенно в связи со вторым домом. Разумеется, надо проверить их (его) настроение, - он немножко похож на "аристократа". Если с этой стороны препятствий нет, то надо решать поскорее. Здесь, я думаю, я мог бы еще остаться дня два, максимум, три.

Все-таки хозяйке хлопот со мной много. Как-нибудь ты дай понять, насколько я доволен и благодарен.

А что предполагается дальше? По-моему, короткая поездка в Т.²⁹, дня на два-три, а там уже решать, в зависимости от обстоятельств: возвращаться или ехать дальше. Письмо от Левы ты, конечно, читала: гораздо бодрее, чем прошлое. В-ра³⁰, видимо, никак нельзя принимать. Как бы он не устроил какой-нибудь гадости Леве: напиши ему об этом немедленно.

Как с зубным врачом? Меня что-то ломит сегодня вечером. Надеюсь, пройдет. Будь здорова. Обнимаю крепко. Твой

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Н.И.Седовой]

15/II 1938 [г.]

Милая Ната, сегодня мне доставили пальто, письмо и пр[очее]. У пальто рукава слегка коротковаты, но можно удлинить. Я принял бриллиантин за целебную мазь и намазал себе... нос. Как будто помогло, хотя щипало изрядно. До сих пор не выходил еще из комнаты, но умудрился немножко простудиться (писал возле окна). Сплю хорошо (со снотворным), но просыпаюсь в 7 ч., что в сущности нормально. Работаю хорошо, рукопись выросла втрое, выйдет изрядная брошюра³¹. План поездки меня пугает: будет дорого стоять. Ам[ерикан]цы не знают ни стран, ни отелей. Значит, нужно еще кого-нибудь взять (Kas[as]?!). У ам[ериканцев] денег мало. Останавливаться в отелях с клопами... беда, хорошие отели стоят дорого. Г.³² предлагает еще такую комбинацию: съездить в Т[аксако] на несколько дней, потом опять вернуться к нему. Но я фактически совершенно привязываю его жену к дому: она не может выйти за ворота! Злоупотреблять этим невозможно.

Свободно ли Т[аксако]? Если да, следовало бы отправиться в пятницу, что ли. До того времени я надеюсь закончить статью. Из Т[аксако] можно совершить еще двухдневную поездку, так что вместе составит около 2 недель.

Надо отдавать письмо. Будь здорова. Обнимаю крепко.

Твой
[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Н.И.Седовой]

[16 февраля 1938 г.]

Милая Ната, отвечаю тебе и Вану, чтобы не писать отдельно по-французски. Я представляю себе чрезвычайную трудность путешествия с двумя ам[ериканцами] и К[азасом]! – рестораны, отели, – никто ничего не знает, расходы огромные, во всем неопределенность; кроме того, изменение внешности, следовательно, последний ресурс становится известен К[азасу]. Вызывается ли все это необходимостью? По-моему, еще нет. Можно поехать на 3-4 дня в Т[аксако]. Если за это время не будет разрешена проблема с квартирантом, я смогу провести еще две-три ночи у Г[идальго] (или у Кр.33 одну, одну-две у Г[идальго], чтоб не слишком отягощать их). Сегодня 16. Можно бы выехать в Т[аксако] 18-го, оставаться там до 21 или 22-го, затем вернуться либо прямо на Ав. Londres34, либо сюда, с тем чтобы домой поехать 24-25-го. Это выйдет гораздо дешевле и без ликвидации последнего ресурса (внешность). Больше всего меня пугают расходы, так как сведения из Н[ью]-Йорка неблагоприятные и будут ухудшаться (кризис!). Кроме того, не надо забывать подозрений против Каз[аса]. Многие полицейские могут по Каз[асу] узнать меня (да он и не будет скрывать от полицейских).

Если ехать, то только со своими. Но один мекс[иканец] необходим. А его нет (подходящего). Вот почему я против путешествия вообще, особенно же с Каз[асом]. Но я до сих пор не вижу, свободно ли Т[аксако]? Туда можно бы поехать с двумя амер[иканцами], Джо и Каз[асом], пустив слух, что мы поехали в Мичуакан35.

Ехать ли тебе в Т[аксако]? Есть доводы за и против. Решай сама.

Покупать мне ничего не надо.

Спешу кончать, чтоб передать Г[идальго].

Будь здорова. Крепко обнимаю. Твой

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо М.Зборовского и Л.Эстрин Л.Д.Троцкому]

Париж, 17 февраля 1938 г.

Дорогой Лев Давыдович,

Очень тяжело Вам писать сегодня, Вы можете себе представить наше состояние и все то, что мы пережили за последние дни. Мы – ближайшие друзья Левы (Этьен и Леля) – находились все время в клинике. Вы, вероятно, знаете краткие подробности по телеграмме36, и поэтому мы хотим Вам обо всем написать. Подробное экспозе37-38 врача, постоянно пользовавшего Леву, при сем прилагается. Врач этот – невестка Лели, опытный специалист по внутренним болезням (немецкой школы). Как Вы понимаете, самым серьезным вопросом был вопрос о его безопасности в клинике. Поместить его в официальный французский госпиталь было невозможно, так как он должен был бы там предъявить свои бумаги, и инкогнито его было бы моментально раскрыто. Пришлось остановиться на частной клинике. Перевозить пришлось очень срочно, так как требовалась немедленная операция. Врач Левы, отдавая себе отчет в сложности положения его, после долгих розысков вместе с Жанной выбрал клинику Мирабо, куда Лева был немедленно перевезен и помещен под именем Мартен. В тот же вечер операция была произведена одним из лучших парижских хирургов – доктором Тальгеймером, сотрудником проф. Госсе. Кроме того, при операции присутствовали: ассистент-хирург доктор Симков, французский врач русского происхождения (только ему одному было сообщено врачом Левы имя пациента). Сделано это было потому, что он пользуется абсолютным доверием и что он должен был все организовать в клинике), постоянный врач Левы и директор клиники, дававший наркоз. Операция прошла хорошо, у него даже не было рвоты после наркоза. Первые четыре дня прошли нормально, его навещали ежедневно три врача, Жанна бывала ежедневно и Леля была три раза. Он был немного слаб,

но настолько рассчитывал на свои силы, что условился в воскресенье (6.2.) с Лелей, что она с Этьеном придет в понедельник, после обеда, чтобы обсудить все срочные дела. Как вы увидите из приложенного экспозе, положение резко изменилось к худшему в ночь с воскресенья на понедельник. Несмотря на ряд принятых экстренных мер (переливание крови, вторая операция и т. д.), спасти его не удалось, и он скончался в среду, 16 февраля в 10.56 утра. Во вторник и в среду, в качестве наблюдателя³⁹ со стороны организации при совещаниях врачей присутствовал и доктор Розенталь, отец Жерара. Рус просил его пригласить.

Когда Лева заболел, Жанна потребовала, чтобы никому из товарищей не было известно о болезни Левы, опасаясь, что могут узнать его местонахождение. Несмотря на это, Этьен конфиденциально поставил в известность Кларта⁴⁰, как члена С.И.⁴¹ (9.2, - т. е. в день первой операции). Когда положение ухудшилось, мы во вторник официально поставили в известность обо всем Кларта и просили его предупредить ответственных товарищей. Во вторник же вечером Жанна вызвала Р.М[олинье], который оставался в клинике и взял Ж[анну] под свою опеку. В среду в клинике появились, с одной стороны, Анри [Молинье] и Брош, а с другой, Жерар (который был и накануне), Кларт, Боатель⁴², Про (Б. из Грен[обля])⁴³, Маргарита Росмер. Так как уже во вторник появились некоторые сомнения относительно правильности хода болезни⁴⁴ (Жанна допускала возможность отравления, несмотря на категорические уверения всех врачей, в том числе и старика Розенталя, что это совершенно исключено), и для подтверждения правильности диагноза все сошлись на том, что должно быть сделано вскрытие. Анри М[олинье] предложил, чтобы мы занялись организацией вскрытия, похорон и т. д., а они займутся Жанной. Эта часть была поручена Кларту и Жерару. Жанна вместе с обоими М[олинье] ушла и через некоторое время вернулась обратно. Анри М[олинье] сообщил, что у Жанны имеется последняя воля Левы. Собравшимся ответственным товарищам из ПОИ⁴⁵ (мы оба также присутствовали) Р.М[олинье] предъявил последнюю волю Левы, датированную 9-м февраля, в день операции, написанную им собственноручно, но чрезвычайно неровным почерком. На основании этой последней воли все вещи, принадлежащие Леве, включая и документы, являются собственностью Жанны. Наши товарищи были потрясены этим завещанием, да и мы были очень удивлены, так как у нас неоднократно были разговоры слевой на эту тему. Дело в том, что Лева нам заявил полгода тому назад, что он составил завещание, в котором указано, что собственником всех его архивов является Вы. Передавая архивы в руки Жанны, находящейся всецело под влиянием группы Мол[инье], он лишил организацию всякого контроля над судьбой этих документов. Надо заметить, что Анри М[олинье] сразу же сказал, что все будет отправлено Вам, но мы лично, зная М[олинье], не можем иметь полной уверенности в этом. Во всяком случае доступ к тем бумагам, которые находятся в ведении Жанны, для нас закрыт.

Мы, как ближайшие сотрудники Левы, можем дать Вам полный отчет о документах, оставшихся после Левы. 1. Главный архив Левы, состоявший из оригинальных документов, связанных с Вашей и его деятельностью (весь старый архив) находится в надежном месте, переданный теперь в ведение Жанны (на основании последней воли). 2. Весь материал, связанный с процессами - документы, газетные вырезки, переписка со всеми комитетами по делам процессов; все издательские дела; частная переписка Левы (также вся переписка его с Н.И. [Седовой]); адреса, некоторые особо секр[етные] вещи; копия переписки Вашей с Вл[адимиром] Иль[ичем]; комплекты "Правды", начиная с 1933 г.; манускрипты "Преданной революции" и "Преступлений Сталина" и разных статей Ваших - находятся сейчас также в ведении Жанны. 3. Архив, опись которого при сем прилагаем, является текущей перепиской за последние два года, находится в надежном месте в нашем ведении (Жанне о существовании этого архива неизвестно). 4. Ваша переписка с Р.М[олинье], Франком и др., а также папки со старыми издательскими делами, предназначенные левой для пересылки Вам, также находятся в нашем ведении (Ж[анне] неизвестны). 5. Вся администрация "Бюллетеня" (переписка, картотека, адреса и т. д.) в нашем ведении (Ж[анне] неизвестна). О существовании всех этих архивов мы поставили в известность Политбюро и С.И. (Мы забыли еще упомянуть, в пункте 2, что там имеется важный материал о ГПУ, который Лева собирал на основании рассказов знакомых). Для составления описи материалов пп. 1 и 2 Политбюро предлагает организовать комиссию из трех человек: один представитель С.И., один Жанны и

один из нас, как ближайших сотрудников Левы. Эти записи должны быть Вам пересланы для решения судьбы бумаг. Вопрос о "Бюллетене" мы выделяем особо, а относительно п.п. 3 и 4 мы ждем Ваших распоряжений.

Так как остался ряд текущих дел: их переписка с разными товарищами, которые Вам известны, то мы предлагаем для продолжения этой переписки наши услуги, так как мы знаем все эти вопросы в деталях. И какого бы рода поручения у Вас ни были бы, Вы можете всегда рассчитывать на нас: мы будем точно, срочно и аккуратно все выполнять.

"Бюллетень". До сих пор дело происходило следующим образом: Лева ведал редакционной частью, и мы ему помогали. Что же касается административной части, то ею всецело ведала Леля, так же, как и техническим выпуском "Бюллетеня" (корректурa, верстка и т. д.). С точки зрения финансовой, представляется значительно более целесообразным оставить издание органа в Париже: 1. Мы платим за лист (16 стр. - 1.000 экз.) 900 франков, причем нам предоставляется кредит. 2. Количество подписчиков в Европе в последнее время увеличилось, они аккуратно обслуживаются и деньги взыскиваются вовремя. 3. Организованное нами общество "Друзей 'Бюллетеня'" дает регулярно почти половину расходов на номер, так что нам никакие субвенции⁴⁶ не нужны. 4. Налажена регулярная продажа "Бюллетеня" в киосках и книжных магазинах немедленно после выхода номера. Что касается редакционной части "Бюллетеня", то ясно, что мы можем быть только исполнителями Ваших распоряжений. Мы можем дополнять "Бюллетень" свежим информационным материалом по актуальным вопросам. В Вашем письме от 21.1.1938 г. 7/52/1647 Вы ставите четыре условия. П. 1 может быть выполнен только при том условии, если мы будем иметь вовремя от Вас материал. П. 2 само собой разумеется принимается, пп. 3 и 4 отпадают, так как все это уже попало в No 62-63. Мы ждем Вашего решения по этому вопросу. Если Вы решите перенести издание в Америку, мы немедленно вышлем все материалы по указанному Вами адресу, мы бы очень хотели выпустить здесь хотя бы еще один номер, посвященный Леве. В этом же номере мы хотели бы поместить все Ваши последние статьи.

Из срочных дел - остаются еще Б., В. и дама⁴⁸. Лева еще успел повидаться с В. и показать ему те части письма Вашего, которые касаются его поездки к К.⁴⁹ Предварительно обсудив этот вопрос, мы втроем пришли к следующему выводу: от В. должен быть получен письменный ответ на все Ваши вопросы. Устные его ответы, по-нашему, не являются достаточной гарантией. Он обещал Вам обо всем написать, но до сих пор письма этого не дал, несмотря на наше напоминание. Он уверяет, что пишет теперь книгу и что уже много написал. Мы с ним знакомы, и связь не прервана. В. ждет Вашего мнения относительно его первых статей, которые Вам были посланы некоторое время тому назад. Он не хочет браться за книгу до того, пока он не будет знать Вашего мнения об этих статьях, стоит ли ему писать книгу?

Дама уже написала часть брошюры, но остается открытым вопрос о редактировании этой брошюры. То же относится и к книге В. - сам он ее отделать никак не может. Ждем Ваших указаний.

Лева очень беспокоился по поводу того, что у Вас произошла досадная ошибка в статье о Енукидзе⁵⁰. Он был снят с поста секретаря ЦИКа и исключен из партии не в 1936 г., а в 1935 г., так что никакого отношения к вопросу о помиловании Зиновьева-Каменева не мог иметь.

Нам удалось сегодня достать очень интересные сведения - не предназначенные для печати, - которые мы посылаем Вам при сем.

Хотите ли Вы получать вырезки из "Последних новостей", в которых приводятся часто интересные выдержки из разных советских журналов ("Парт[ийное] строительство"⁵¹ и др.), которые за границей получить очень трудно.

Нужно срочно послать в Прагу за Вашей подписью письмо с требованием прекращения ведения тамошних процессов⁵². С этим делом получился большой конфуз, но Вы ведь в курсе дела.

Что касается договора Ридера-Грассе⁵³, то мы не в курсе дела, но постараемся срочно выяснить этот вопрос (если нам Ж[анна] даст доступ к этим досье) и Вам ответить на него.

Шлем Вам наше глубокое сочувствие и сердечный привет.

P.S. У нас нет под рукой копии договора с Институтом⁵⁴, но и Ник[олаевский], и я помним, что в договоре сказано, что Вы имеете право использовать эти документы в цитатах в Ваших трудах, но не можете их

продавать никому другому. Вы имеете право в течение десяти лет выкупить эту переписку, внося те 10.000 фр. (а может быть, это было и 15.000, я нетвердо помню), которые были получены за этот архив. Описей фотографий у нас тоже нет под рукой - не то их 87, не то 79 (но одна из этих цифр верна). После десяти лет - переписка переходит в собственность Института.

Б. знает очень много о целом ряде лиц, упомянутых в процессах. Он был лично близко связан с Гольцем⁵⁵, Роммом, Пуш.⁵⁶, был вместе с Рыжим⁵⁷ в Берлине и т. д. Его сведения очень ценны. Он согласен, чтобы их опубликовали вместе с материалами Комиссии, но не хочет, чтобы это шло через чужие руки. Здешний комитет на него произвел скверное впечатление - "болтуны", говорит он, и он не хочет им давать. Может быть, Вы напишете через нас ему, или же в письме нам, но так, чтобы мы могли ему показать это место, что его показания очень важны, они будут опубликованы, попадут в надежные руки и, если он хочет, они могут быть доставлены только Вам в собственные руки. Писать он один не может, раньше ему помогал Л[ева], теперь нужно ему также обеспечить помощь, иначе он ничего не напишет.

Вчера вечером власти в отсутствие Ж[анны] забрали десять пакетов - очевидно, все самое существенное с квартиры.

[М.Зборовский, Л.Эстрин]

[Письмо М.Зборовскому и Л.Эстрин]58

23 февр[аля] 1938 [г.]

Дорогие друзья!

Вы были (и остаетесь) друзьями Левика, следовательно, вы и наши друзья. Совсем недавно вы выражали в письмах тревогу за его безопасность. Но никто тогда не думал, что удар придет с той стороны, с какой он пришел... Последнее письмо от него было от 4 февр[аля]. Мы все еще ждем от него дальнейших писем. Последний Но "Бюллетеня" кажется нам тоже письмом от него. Далекая звезда, когда потухнет, еще долго продолжает посылать свой свет... Но возможно, что больше писем не будет. Он должен был ждать нового парохода, но мог заболеть (и, вероятно, заболел) раньше. Мы все еще не знаем, когда он заболел и сколько времени болел, мы ничего не знаем, кроме того, что было в газетах. Мы ждем от вас подробного рассказа о всем, что произошло. Всякая деталь представит для нас большую ценность. Напишите, что можете...

В Но 62-63 очень хороши статьи: "Верх[овный] Совет преторианцев", "Ворошилов на очереди", очень метка статья "Следствие об убийстве т. И[гнатия] Р[айсса]"

Мы посылаем вам статью о Л.Седове⁵⁹. Она писалась в эти дни мною (Л.Д.[Троцкий]) в постоянном общении с матерью Л[евы]. Необходимо посвятить ближайший номер целиком Седову. Может выйти эта статья, и вы, вероятно, со своей стороны дадите статьи, заметки, фотографию, описание похоронной манифестации (с фотографией?), все, словом, что сможете дать.

Какова, на ваш взгляд, будет теперь судьба "Бюллетеня"? Есть ли возможность продолжать его издание в Париже? Напишите, пожалуйста, подробно. В каком отношении состоят к "Бюл[етеню]" новые "невозвращенцы"?

Следовало бы теперь на каждом дальнейшем Но "Бюллетеня", под заголовком, печатать:

Лев Седов - издатель с июля 1929 г. по февраль 1938 г.

Надеемся, что посылаемая краткая биография его выйдет также по-немецки, по-французски и на других языках. Наш общий долг - увековечить образ Седова в памяти молодого поколения рабочих. Мы очень-очень надеемся на полное ваше содействие, дорогие друзья, и крепко обнимаем вас.

Ваши Наталия, Л.Троцкий.

Вынужденное заявление

Г[осподин] Ломбардо Толедано и его клика после длительной и тщательной подготовки сделали попытку злостно обмануть общественное мнение этой страны. Те "материалы", которыми они оперировали на февральском конгрессе

Конфедерации профессиональных союзов (СТМ), не представляют ничего нового: это материалы Ягоды-Ежова-Вышинского. Это материалы Сталина. На основании этих данных расстреляны тысячи людей, виновных только в том, что они ненавидят диктатуру кремлевской клики и презирают ее адвокатов и лакеев. "Материалы", которыми пользуется г. Ломбардо Толедано для того, чтобы обмануть мексиканское общественное мнение, получили должную оценку в постановлении Международной следственной комиссии в Нью-Йорке. По своему нравственному росту, по своему прошлому, по безупречности своей репутации, по своей личной незаинтересованности, каждый член этой Комиссии, начиная с ее председателя доктора Джона Дьюи, несколькими головами превосходит Ломбардо Толедано и ему подобных. Комиссия пункт за пунктом отвергла все обвинения Ягоды, Ежова, Вышинского, Сталина и их международных лакеев. 21-ый параграф вердикта гласит: "Комиссия находит, что прокурор Вышинский фантастически фальсифицировал роль Троцкого до, во время и после октябрьской революции". Именно эта "фантастическая фальсификация" лежит в основе клевет г. Толедано и его помощников.

Моя действительная политика доступна всем. Она изложена в моих книгах и статьях. В СССР я, как и в Октябре 1917 г., защищаю интересы и права рабочих и крестьян – против новой аристократии, ненасытной и тиранической. В Испании я защищаю те методы борьбы с фашизмом, которые обеспечили победу советов в гражданской войне (1917-1920 гг.), и отвергаю губительные методы Коминтерна, которые обеспечили победу фашизма в Германии, Австрии и других странах и подготавливают победу генерала Франко. Во всем мире я защищаю непримиримые методы борьбы против империализма, которые применяли Ленин, Роза Люксембург и Карл Либкнехт, мои старые соратники и друзья, и отвергаю методы нынешнего насквозь прогнившего Коминтерна, который ползает на четвереньках перед "демократическим" империализмом, предавая интересы колониальных и полуколониальных народов ради кастовых выгод советской бюрократии. Таковы мои взгляды. Изменить их я не собираюсь. За эти взгляды я несу полную ответственность.

Вступать после постановления Международной следственной комиссии в политические или юридические препирательства с г. Ломбардо Толедано у меня нет основания. Но обманутым им людям я сумею разъяснить правду. Именно этого Толедано и его клика боятся. Вся их махинация на конгрессе, как совершенно открыто обнаружили сами ее авторы, преследует одну-единственную цель: зажать мне рот.

Они действуют, конечно, не по своей инициативе. Их вдохновитель сидит в Москве. Приговор Международной Комиссии; опубликование стенограммы следствия в Койоакане; разоблачения бывших ответственных агентов Кремля: Рейсса, Бармина, Вальтера Кривицкого, как и многие другие факты последнего года, нанесли кремлевской клике неисцелимый удар. Моя последняя книга "Преступления Сталина" уже вышла на нескольких языках. Она выйдет, надеюсь, и на испанском языке. Во всем мире прогрессивное общественное мнение все с большим отвращением поворачивается против Сталина. Вот чем объясняется бешеное стремление ГПУ заставить меня замолчать.

Г[осподин] Ломбардо Толедано и его клика ошибаются, однако, если думают, что им удастся выполнить данное им поручение. Многие более сильные пробовали разрешить эту задачу раньше, но без успеха. Царь четыре года приучал меня к молчанию в тюрьме и дважды в Сибири. Кайзер Вильгельм приговорил меня заочно к тюрьме за то, что я не хотел молчать в Швейцарии во время войны. Французские союзники царя выслали меня в 1916 г. из Франции за то же преступление. Альфонс XIII посадил меня в мадридскую тюрьму, чтобы заставить меня замолчать. Британские империалисты посадили меня с той же целью в канадский концентрационный лагерь. Адвокат Керенский, которому тоже удавалось обманывать в течение известного времени значительную часть общественного мнения, пробовал зажать мне рот в петербургских "Крестах". Но на страницах истории записано, что я не научился молчать по приказу. Зато за 40 лет революционной борьбы я видел в рядах рабочего движения немало карьеристов, которые умеют не только молчать, но и клеветать по заказу.

Если бы я хотел молчать о преступлениях кремлевской бюрократии против рабочих и крестьян, она подняла бы меня высоко на своем щите, и гг. Ломбардо Толедано всего мира пресмыкались бы передо мной, как они пресмыкаются ныне перед кликой Кремля. Норвежские социал-демократы, старшие братья Толедано по духу, нашли только один способ заставить меня молчать против ГПУ: посадить

меня в тюрьму. Но за меня ответил книгой мой сын, тот самый, которого заставила ныне замолчать только смерть. Сталин, который понимает больше, чем его агенты, не сомневается, что Толедано не удастся принудить меня к молчанию, подогретой старой клеветой. Именно поэтому Сталин готовит другие меры, гораздо более действенные. Но для своих предприятий, о которых будет в свое время рассказано, Сталину нужно предварительно отравить общественное мнение. Для этой работы ему нужен Ломбардо Толедано.

Несколько месяцев тому назад этот господин утверждал на публичном собрании, что я готовлю всеобщую стачку против правительства Мексики в интересах фашизма. В свою очередь г. Лабордебо - отчасти помощник Толедано по клевете, отчасти его хозяин - утверждал после того на публичной манифестации, что я состою в заговоре с "фашистскими генералами". Ответом на эти "обвинения" был общий презрительный смех. Но этих господ смутить нельзя. Они отбросили одни обвинения, чтобы немедленно выдвинуть другие. Клеветайте, клеветайте, говорят французы, всегда что-нибудь останется!

Господа клеветники продолжают строить свою игру на обвинении меня в том, будто я нарушаю свое обязательство о невмешательстве во "внутреннюю политику Мексики". Импорт из Москвы и перевод на испанский язык гнусных клевет этих господ отождествляют... с внутренней политикой Мексики. Заявляю: никто никогда от меня не требовал, и я никогда никому не обещал отказаться от защиты своей политической чести от клеветников и своих идей - от противников. Я обязался перед правительством генерала Карденаса не вмешиваться во внутреннюю политику этой страны в общечеловеческом понимании слова "политика". Это обязательство я выполняю с абсолютной добросовестностью. Но если на улицах этой столицы кто-нибудь засунет руку в мой карман, чтобы похитить мои документы и письма, то я считаю себя вправе схватить преступную руку. И пусть обладатель руки не кричит после этого, что я вмешиваюсь во "внутреннюю политику" Мексики. Ломбардо Толедано пытается похитить нечто большее: мою политическую честь, и требует при этом, - о, демократ, о, революционер! - чтобы мне силой воспрепятствовали называть его действия и его самого теми именами, каких они заслуживают.

Я никогда не касался политической программы и публичных функций г. Толедано, ни его ссылок на Ленина, которые относятся к области произвольной юмористики. Я и сейчас оставляю в стороне вопрос о том, при помощи каких махинаций Толедано подsunул конгрессу профессиональных союзов решение по вопросу, о котором подавляющее большинство делегатов не имело ни малейшего представления. Но совершенно очевидно, что, когда г. Толедано при помощи подложных материалов мобилизует против меня, частного лица, политического изгнанника, не имеющего никакого отношения к профессиональным союзам Мексики, целый конгресс, - с одной-единственной целью: заставить меня замолчать или отнять у меня право убежища, - то он, г. Толедано, действует не как представитель внутренней политики Мексики, а как агент внешней политики ГПУ. Пусть же несет ответственность за эту свою малодостойную функцию!

*

Читатели этих строк без труда поймут, что ни нынешние обстоятельства моей личной жизни, ни общий характер моей работы отнюдь не располагают меня заниматься г[осподи]ном Толедано. Но дело идет в данном случае о чем-то совершенно другом, именно об общественном мнении страны, которая оказала мне и моей жене гостеприимство и которую я за истекший год научился ценить и любить. Поэтому и только поэтому я вижу себя вынужденным ответить настоящим заявлением на широко подготовленную клевету мексиканских агентов Сталина.

Л.Троцкий

24 февраля 1938 г.

Койоакан

Мораль и политика

Никто так долго не говорит о здоровье, как больные. Русские

"социалисты-революционеры" весь свой социализм строили на нравственном начале ("истина и справедливость"). Большевики никогда не переставали обличать аморальность большевиков. Лучший из меньшевиков, Мартов, посвятил некогда этому вопросу большую брошюру⁶¹. Однако в середине 1917 г., когда большевики стали вытеснять меньшевиков и социалистов-революционеров из Советов и профессиональных союзов, эти рыцари морали организовали грандиозный подлог, объявив вождей большевизма агентами немецкого штаба. Только дальнейший подъем революции помешал им довести подлог до кровавой развязки. Сталинские обвинения против троцкистов представляют собою прямой плагиат у Керенского и Церетели, которым не нужно было быть ни учениками Игнатия Лойолы⁶², ни диалектиками, чтобы заниматься подлогами против пролетарского авангарда.

В 1919 г. Эберт, Носке, Шейдеман, - все сплошь представители здравого смысла и уравновешенной "общечеловеческой" морали - бешено травили революционеров и в союзе с монархическим офицерством убили Розу Луксембург и Карла Либкнехта. Союзниками Сталина в Испании являются добродетельные буржуазные социалисты типа Негрина-Прието, буржуазные "идеалисты" типа Компаниса⁶³, наконец, анархисты, т. е. носители самых высоких нравственных правил, какие можно найти в энциклопедическом словаре. Все они, однако, поддерживают, покрывают или терпят чудовищные и отвратительные преступления ГПУ. А "друзья" республиканской Испании вроде "Nation", застенчиво опуская глаза, объясняют, что "единство прогрессивных сил" требует союза с палачами революции.

Разница официальных доктрин только резче обнаруживает тождество приемов борьбы у идеалистов февральской революции, у оппортунистов германской социал-демократии, у гангстеров сталинской бюрократии - и у их испанских союзников всех цветов нравственной радуги.

Можно расширить поле аргументации и показать, что процесс о поджоге рейхстага был организован берлинскими ненавистниками материалистической диалектики в полном соответствии с доктриной Вышинского. Греческий генерал Метаксас⁶⁴ организовал на себя покушение и арестовал затем всех вождей оппозиции без всяких справок с Гераклитом и Гегелем. Сомнительно даже, чтобы в распоряжении доблестного афинского генерала имелся сокращенный учебник "сталинизма".

Если все другие партии так же неразборчивы в средствах, как и большевики, но лишь не признаются в этом вслух, то приходится прийти к пессимистическому выводу, что истинная мораль нашла свое убежище только в грудной клетке Якова Вальхера и еще двух-трех избранных. Состояние политического мира оказывается чуть-чуть лучше, чем Содомы и Гоморры⁶⁵, ибо, что касается центристских "праведников", то они по самой природе своей являются мелкими интриганами и плутами.

Мораль сталинизма - если допустимо ставить эти два слова рядом - вытекает не из принципов пролетарской революции (большевизма), а представляет законный продукт империалистической деморализации. Сама советская бюрократия - только передаточный механизм империализма. Правда, ГПУ далеко превосходит все другие режимы цинизмом и обнаженностью преступлений. Но это вытекает из грандиозной амплитуды событий, потрясших Россию. Во всяком случае, для того, чтобы советская бюрократия приступила к систематическому истреблению большевиков, она сама должна была окончательно порвать внутренние связи с большевизмом.

На протяжении последних 15 лет мы систематически следили за ретроградной эволюцией советской бюрократии: от большевизма к центризму и от централизма к оппортунизму, притом к самому злокачественному из всех, именно к бюрократическому оппортунизму империалистической эпохи.

*

Способность теоретического мышления есть не готовый "дар природы", а искусство, которому надо учиться, как столярному ремеслу или игре на скрипке. На это можно возразить, что не каждый человек является столяром или скрипачом, но все люди "мыслят".

*

Но мы не слышали, чтоб Маркс или Энгельс пересмотрели свою оценку Коммуны. Эти "аморалисты" – лучшие нравственные образцы человеческой расы – так и умерли нераскаянными. Известно, что друзья называли Маркса "мавром". Попики из Лондонского бюро должны бы наименовать его кафром⁶⁶, ибо, как видим, он полностью разделял "кафрскую мораль" большевиков.

*

Однако было бы ошибкой думать, что "здравый смысл" пытается переступить свои законные пределы под влиянием бескорыстного тщеславия. Нет, он преследует весьма практические цели. В качестве мелкого буржуа здравый смысл не только проstack, но и плут. Насилие над революционной моралью и пренебрежение к ее хронологии понадобились только для того, чтобы помочь реакционному палачу против его революционных жертв. Хотя моралисты, отброшенные на вторую линию защиты, и вынуждены ставить знак равенства между троцкизмом и сталинизмом, но на самом деле, т. е. практически, они сами принадлежат к тому же политическому лагерю, что и Сталин, и находятся в прямом или косвенном союзе с Третьим Интернационалом и в смертельной борьбе с Четвертым.

[Л.Д.Троцкий]

[Январь – февраль 1938 г.]

Телеграмма⁶⁷

Троцкий считал бы крайне желательным разъяснить в последних статьях некоторые конкретные моменты процесса⁶⁸: покаяния врачей Кремля, мнимое покушение Бухарина на Ленина и пр. Просим немедленного ответа.

В "Таймс", март [...] ⁶⁹, по ошибке сказано, что Раковский подвергся допросу в течение 90 часов. У Троцкого речь идет в этом месте о Мрачковском, казненном в августе 1936 г. В "Таймс", 7 марта, редакция назвала Алксниса⁷⁰ и Гамарника⁷¹ маршалами. Этого звания они не имели.

[Л.Д.Троцкий]

[8 марта 1938 г.]

Обращение к митингу⁷²

Изнутри позиций, завоеванных пролетариатом, Сталин наносит социализму такие удары, каких не наносил еще никто. Если кто саботирует экономическое и культурное развитие СССР, то это Сталин. Если кто подкапывает военную мощь СССР, то это Сталин. Если кто отравляет ряды революционного авангарда изменой и предательством, то это Сталин. Если бы объединенная мировая реакция хотела найти агента по собственному выбору, она не нашла бы ничего лучшего, чем Сталин. Московские процессы представляют единственную в истории попытку обмануть все человечество. Однако, если нет предела подлости, то есть предел доверчивости. Затушеванная мысль и поруганная совесть пробуждаются. Прогрессивное человечество готовится извергнуть из себя отраву сталинизма. Мысленно я и моя подруга Наталья присутствуем на вашем митинге протеста и возрождения. Мы видим в ваших рядах образ Льва Седова, павшего на посту борца. С нами или без нас вы доведете освободительную борьбу до конца. Троцкий

9 марта 1938 г.

Письмо⁷³

Дорогие друзья!

В дни московского процесса лондонская газета "Дейли Экспресс" просила

меня дать специально предназначенную для нее статью о процессе. Посылая по телеграфу статью, я никак не думал, что она из Лондона вернется в Нью-Йорк и появится в печати Херста.

Пусть добродетельные ханжи, поддерживающие Сталина-Вышинского, приходят по этому поводу в ужас. Меня это мало трогает. Дело шло вовсе не о литературном "сотрудничестве" с Херстом. Моя и моих сотрудников задача состояла в том, чтобы по всем доступным нам каналам ввести в мировой оборот как можно большее количество фактов и доводов против палачей и тем попытаться остановить их руку. Если бы мне пришлось расклеивать плакаты, предупреждающие население о холере, я одинаково пользовался бы стенами школы, церкви, кабака, игорного дома и даже худших заведений. Л.Троцкий
13 марта 1938 г.

[Письмо Ф.Кирчвей]

Frida Kirchway, Editor
The Nation
20 Vesey Street
New York City, N[ew] Y[ork]74
13/3/38 [г.]
Mrs.75 Фрида Киршвей, "Nation"
Милостивая государыня!

Письмом от 20 декабря 1937 г. Вы предложили мне дать для "Nation" статью, излагающую мою "философию". Я отвечаю Вам с запозданием по ряду причин, которые здесь нет надобности перечислять.

Во время московских процессов, где при помощи несчастных жертв ГПУ пятналось и чернилось мое имя, имя Льва Седова, моего покойного сына и моих единомышленников, Вы занимали позицию, которую в лучшем случае можно назвать позицией благожелательного нейтралитета по отношению к фальсификаторам, клеветникам и палачам. Некоторые из Ваших ближайших сотрудников, вроде небезызвестного Луиса Фишера, выступали как прямые литературные агенты Сталина - Вышинского - Ягоды - Ежова. Вы сами, сударыня, с шумом вышли из "Комитета защиты Троцкого", когда Вам показалось, что расследование комиссии, возглавляемой д-ром Дьюи, способно бросить тень на целомудрие сталинской Феимиды⁷⁶.

Обращаясь ко мне теперь с предложением изложить для "Nation" мою "философию", Вы, очевидно, пришли к выводу, что выдвинутые против меня обвинения подложны. Заявили ли Вы об этом открыто? Московские подлоги не упали, однако, с неба. Объяснили ли Вы вашим читателям, что вы не поняли своевременного смысла московских процессов, ибо за весь последний период ложно оценивали эволюцию правящей клики Кремля? Отмежевались ли вы от торговцев ложью типа Уолтера Дюранти и Луиса Фишера, которые в течение ряда лет систематически обманывали американское общественное мнение и тем облегчили работу московских фальсификаторов и палачей?

Вы опубликуете, надеюсь, на страницах "Nation" это письмо, которое составляет существенный элемент моей "философии".

Л.Т[роцкий]
13 марта 1938 г.

[Письмо М.Зборовскому и Л.Эстрин]

16 марта 1938 г.

Дорогие друзья,

Отвечаю на ваш No 21 от 4 марта. Во-первых, на полученные от вас письма Наталья Ивановна еще не способна ответить: она слишком подавлена и слаба. Она очень вам благодарна за все сообщения и подробности и напишет как только оправится.

2) Статью о Л.Седове вы, конечно, получили. Она предназначена была для "Бюллетеня" и для французского издания. Мы надеемся, что французский перевод будет очень тщательно и хорошо отредактирован с литературной стороны. Надо,

чтобы книжка хоть до некоторой степени была достойна лица, которому она посвящена. Мы надеемся, что вы примете все необходимые меры.

3) Дня два тому назад мы послали кое-какие материалы для "Бюллетеня" по поводу процесса. Я постараюсь в ближайшие 2-3 дня выслать еще коротенькие статьи: о процессе и о невозвращенцах⁷⁷. Надеюсь, что они придут вовремя.

4) Поведение Вальтера [Кривицкого] свидетельствует, что мундир ГПУ носят многие меньшевики, кадеты и пр. Когда они порывают со Сталиным, обнаруживается их подлинная политическая физиономия, без мундира.

5) Относительно статей товарища Бармина. Они прибыли в такой момент, когда у нас здесь была большая тревога (попытка покушения того типа, который был применен в Болгарии против Солоневичей). Я вынужден был на известное время покинуть квартиру без рукописей и документов. Затем пришла весть о смерти Лёвы, потом процесс. В этих условиях очень трудно было посвятить время рукописи Бармина⁷⁸. К тому же из письма Лёвы я понял, что переговоры о напечатании ведутся непосредственно из Парижа и что с моей стороны требуется скорее мнение, чем практические шаги. Я успел прочитать только первую половину рукописи. Написано хорошо и интересно, но скорее для русского читателя, чем для иностранцев, ибо изложение предполагает слишком многое известным. Для того, чтобы вышла книга, следует дать ей политическую оправку. Для этого необходимо порыться в советских газетах соответственных годов и связать личные воспоминания и характеристики с наиболее яркими эпизодами и поворотами советской политики, особенно советской дипломатии. Думаю, что иначе американцы не возьмут книги. Нужно не забывать двух обстоятельств: а) ужасающий кризис на книжном рынке; б) огромное количество книг об СССР. Так как книга не заключает в себе никаких сенсационных разоблачений, то она может встретить интерес иностранцев-американцев лишь в том случае, если даст им возможность понять некоторые пружины советской дипломатии.

Во всяком случае, я готов принять любые практические шаги, если они от меня требуются. Нужно только, чтобы товарищ Бармин ясно сформулировал свои планы и намерения в отношении этой книги.

6) Само собою разумеется, что я с величайшей готовностью прочту работу Д.⁷⁹ и помогу всем, чем смогу. Заранее хочется сказать: чем больше конкретных подробностей, тем лучше. Передайте автору горячий привет от Н.И. [Седовой] и от меня. Мы получили коротенькое немецкое письмо с искренней благодарностью. Не ответили до сих пор потому, что вообще еще очень трудно отвечать. Д. понимает это лучше всех других, ибо ее постиг столь же тяжкий удар, как и нас.

7) Я бы очень хотел иметь сведения о финансовых источниках "Бюллетеня". В этом отношении нужно соблюдать величайшую осторожность, чтоб не стать жертвой провокации со стороны ГПУ.

[Л.Д.Троцкий]

Жрецы полуправды

"The Nation" и "The New Republic"

Наиболее плачевную и недостойную роль в американской печати играют сейчас "Нэйшен" и "Нью Рипаблик". Эти газеты претендуют на роль оракулов "либерального" общественного мнения. Своих идей у них нет. Социальный кризис, открывшийся в 1929 г. и застигший "либералов" врасплох, заставил их ухватиться за СССР, как за якорь спасения. В популяризации успехов планового начала и в осторожном противопоставлении его капиталистической анархии эти господа нашли временно свое призвание. У них по-прежнему не было никакой самостоятельной программы действий для Соединенных Штатов; зато они могли ныне идеализированным образом СССР прикрывать свою собственную растерянность. На деле "дружба" с Москвой означала примирение буржуазного либерализма с бюрократией, задушившей Октябрьскую революцию. Чем больше росли привилегии нового правящего слоя и чем он становился консервативнее в защите своих привилегий, тем больше росло число его друзей среди буржуазных интеллигентов и либеральных снобов, отдающих дань моде. Вдохновителями этих настроений стали Уолтер Дюранти и Луис Фишер, прямые сикофанты советской олигархии. Под их указку ограниченные профессора, посредственные поэты, адвокаты, не успевшие стать знаменитыми, честолюбивые вдовы и просто

скучающие дамы стали всерьез принимать свою дружбу с советским посольством в Вашингтоне за служение интересам Октябрьской революции. Многие из них проявили готовность защищать Советский Союз до последней капли крови... конечно, не своей, а "троцкистов". В героический период революции представителем прогрессивного американского общественного мнения в Москве был Джон Рид. В это время Уолтер Дюранти сидел в Риге в качестве профессионального клеветника на революцию и ее вождей. За последние годы Дюранти стал главным звеном между советской бюрократией и "либеральным" общественным мнением Соединенных Штатов. Нравственный контраст между Джоном Ридом и Уолтером Дюранти хорошо отражает политическое противоречие между большевизмом и сталинизмом. Если руководители "Нэйшен" и "Нью Рипаблик" умудрились не понять этого противоречия, то потому, что мелкие торговцы ложью типа Дюранти или Луиса Фишера им неизмеримо родственнее по духу, чем героический Джон Рид⁸⁰.

Можно ли удивляться, если нынешняя бюрократия Кремля пришлось демократическим оракулам несравненно больше по душе, чем революционная партия Ленина? Как раньше они не понимали законов революции, так теперь они не понимают законов реакции. Они надеялись, что бюрократия, не без их благотворного воздействия, будет становиться все более респектабельной и "гуманной". Из голов этих людей до сих пор еще не выветрилась вера в непрерывный и автоматический прогресс. Они не сумели сделать никаких выводов даже из того факта, что демократическая мелкая буржуазия, плотью от плоти которой они являются, в течение нескольких лет превратилась в Германии в армию фашизма. Еще менее способны были они понять злокачественную эволюцию советской бюрократии.

Жалок тот, кто на больших исторических поворотах ограничивается эмпирическими догадками вместо того, чтобы проникнуть в имманентную логику классово-борьбы. В психологическом смысле подсудимые – только инструменты в руках инквизиции ГПУ. В историческом смысле инквизитор Сталин – только инструмент в руках бюрократии, попавшей в тупик. Сама бюрократия есть лишь инструмент мирового империалистического давления. Советские массы ненавидят бюрократию. Мировой империализм считает ее пройденным этапом и готовится опрокинуть ее. Бюрократия хочет обмануть массы. Она хочет обмануть мировой империализм. Она лжет на два фронта. Чтобы правда не вышла наружу или не проникла извне внутрь, она никого не выпускает из страны и никого не впускает в нее. Она окружает СССР невиданным в мире частоколом пограничной охраны и неисчислимой сворой пограничных собак. Период, когда мировой империализм подвергал советскую страну блокаде, давно отошел в прошлое. Теперь блокаду вокруг СССР организует сама советская бюрократия. Из революции она вынесла только культ полицейского насилия. Она думает, что при помощи сыскных собак можно изменить курс истории. Она борется за свое существование с таким концентрированным бешенством, с каким не боролся еще ни один из правящих классов истории. На этом пути она за короткий срок дошла до преступлений, до которых не успел еще дорасти даже фашизм. В этой диалектике Термидора демократические оракулы ничего не понимали, ничего не понимают и – не станем делать себе иллюзий – ничего не поймут. Иначе они вынуждены были бы немедленно закрыть "Нэйшен" и "Нью Рипаблик" и тем опрокинуть равновесие солнечной системы!

Так как термидорианская реакция выросла из революции, то "Нэйшен" и "Нью Рипаблик" неизменно стремились доказать, что революция и реакция – это одно и то же. факты били в глаза: оракулы закрывали глаза на факты. Они систематически одобряли или, по крайней мере, замалчивали ту работу фальсификаций, лжи, подкупа, которую сталинская бюрократия совершала во всем мире. Они прикрывали расправу над оппозиционерами, которая длится уже 15 лет. Между тем в предостережениях недостатка не было. Литература левой оппозиции достаточно богата на всех языках. В течение 15 лет она показывала шаг за шагом, как методы бюрократии входили во все большее противоречие с потребностями нового общества; как бюрократия, вынужденная маскировать свои корыстные интересы, не только усваивала механику лжи всех господствующих классов, но, ввиду остроты положения в стране, едва вышедшей из революции, придавала этой механике неслыханно отравленный характер. На неоспоримых фактах и документах мы показывали, как из термидорианской реакции выросла целая школа фальсификаций – сталинская школа, которая отравила собою все сферы общественной идеологии; мы разъясняли, как и почему именно Сталин

("повар острых блюд", по определению Ленина уже в марте 1921 г.) стал вождем жадной и консервативной касты узурпаторов революции; мы предсказали московские процессы за 10 лет до того, как они возникли, и разъяснили для самых отсталых, что судебные подлоги являются лишь конвульсиями термидорианской агонии. Наконец, в 1937 г. Международная комиссия в Нью-Йорке, состоящая из людей морально авторитетных и привыкших к критическому мышлению, подвергла обвинения Сталина-Вышинского терпеливому и тщательному анализу. Она не нашла в них ничего, кроме лжи, фальсификаций, подлогов. Она заявила об этом открыто на весь мир. Вердикт Комиссии был в сущности предназначен для среднего "человека с улицы", для фермера, мелкого торговца, для малоразвитого рабочего, словом, для того большинства, которому условия существования отказывают в необходимом образовании и кругозоре. От редакторов "Нэйшен" и "Нью Рипаблик", этих патентованных учителей народа, можно было бы требовать, казалось, хоть немножко собственного критического смысла. Они могли бы, например, вспомнить из старых школьных учебников, как термидорианская реакция во Франции объявила якобинцев "роялистами" и "агентами Питта"⁸¹, чтобы оправдать кровавую расправу над ними в глазах масс. От профессиональных моралистов можно бы, казалось, ждать хоть немножко нравственного чутья. Разве моральное перерождение советской бюрократии не было в нос? Увы, у моралистов не оказалось даже простого обоняния!

Московские процессы не только застigli эту публику врасплох, но и надолго нарушили безмятежность ее духа. Сборник всех статей "Нэйшен" и "Нью Рипаблик" по поводу трех больших процессов – какая это была бы панорама ограниченности, самовлюбленности, лицемерия и, прежде всего, растерянности. Нет, этого они не ждали! Как это могло бы случиться? Однако, если им не хватает пронизательности и чутья, то чувство самосохранения жреческой касты свойственно им в высшей мере. Отныне все их поведение определялось заботой о том, чтобы замести следы, т. е. не дать заметить верующим, что внутри оракула сидели все время не очень дальнзоркие жрецы. Теоретически эти фарисеи с негодованием отбрасывают принцип "цель оправдывает средства", не понимая, что великая историческая цель автоматически отменяет недостойные средства. Зато для поддержания традиционных мелких предрассудков и особенно собственного авторитета в глазах простаков они всегда готовы прибегать к уловкам и подлогам мелкого масштаба.

Сперва они попытались открыто выполнить долг "друзей", т. е. адвокатов ГПУ. Но это оказалось слишком рискованно. Они поспешно перешли на позицию философского агностицизма и дипломатического невмешательства. Они объявили процессы "загадочными". Они воздерживались от суждения. Они предостерегали от преждевременных заключений. "Мы не можем извне ничего решить". "Полная истина вскроется, может быть, через 100 лет". "Мы не должны вмешиваться в дела советской юстиции". Словом, в уклончивой форме они пытались примирить мировое общественное мнение с теми подлостями, которые творились в Москве. Эти люди хотели во что бы то ни стало остаться в дружбе с палачами революции, не беря на себя, однако, прямой ответственности за подлоги ГПУ. Но и на этой второй линии демократическим лицемерам не удалось долго продержаться. Под ударами разоблачений они еще более снизили тон: конечно, обвинения явно невероподобны, но... но под ними все же "что-то" скрывается. "Мы не со сталинцами, но мы не верим и троцкистам". Истину представляют только праведники из "Нэйшен" и "Нью Рипаблик". Если они были слепы вчера и позавчера, то это лучшая гарантия того, что они отлично видят сегодня. "Под московскими обвинениями что-то скрывается". Еще бы! Если правящая клика истребляет все, что осталось от большевистской партии, значит, у нее для этого имеются повелительные причины. Искать эти причины надо, однако, в объективных интересах бюрократии, а не в речах Вышинского и не в подлогах Ежова. Но мы уже знаем: диалектика классовой борьбы остается для этих эмпириков книгой за семью печатями. Чего можно требовать и ждать от философов и публицистов, которые ничего не предвидели, ничего не видели и которых процессы застigli полностью врасплох? Обанкротившимся оракулам ничего не остается, как делить вину пополам: 50 процентов возложить на палача, 50 процентов на его жертву. Мелкий буржуа стоит посередине и рассуждает по формуле: "с одной стороны" и "с другой стороны". Если капиталисты слишком неуступчивы, то рабочие слишком требовательны. Эту линию золотой середины "Нэйшен" и "Нью Рипаблик" доводят лишь до логического конца, когда половину своей нравственной лимфы расходуют на ГПУ, другую

половину – на действительных и мнимых "троцкистов". В результате либеральный американец узнает от своих учителей, что Зиновьев и Каменев были только наполовину террористами; что Пятаков саботировал промышленность только шесть месяцев из двенадцати; что Бухарин и Рыков состояли шпионами всего лишь двух, а не четырех стран; и что Сталин является всего лишь полуфальсификатором и полунегодяем. Каин82? Может быть, Каин, но не больше как на 50 процентов.

Их философия отражает их мирок. По своей социальной природе они – интеллигентные полубуржуа. Они питаются полумыслями и получувствами. Они хотят лечить общество полумерами. Считая исторический процесс слишком неустойчивым предприятием, они никогда не ангажируются больше, чем на 50%. Так эти люди, живущие полуправдой, т. е. худшей формой лжи, стали подлинным тормозом для действительно прогрессивной, т. е. революционной мысли.

Какой-нибудь "Нью Массес" есть просто мусорный ящик, который сам предостерегает против себя своим собственным запахом. "Нэйшен" и "Нью Рипаблик" гораздо более "благопристойны", "благообразны" и менее... ароматны. Но тем более опасны. Лучшая часть нового поколения американской интеллигенции может выйти на широкую историческую дорогу лишь при условии полного разрыва с оракулами "демократической" полуправды.

Л.Троцкий
19 марта 1938 г.
Койоакан

Важное свидетельство

25 марта президент Рузвельт заявил представителям печати, что Соединенные Штаты по-прежнему остаются страной убежища для всех подвергающихся политическим или религиозным преследованиям, как, напр[имер], "католики в Барселоне, антифашисты в Италии, троцкисты в России, евреи, протестанты и католики в Германии и Австрии..." Каждый мыслящий человек поймет то значение, какое получает в этой связи упоминание о "троцкистах в России". Никто не заподозрит президента Соединенных Штатов в симпатиях к так наз[ываемому] "троцкизму". Но дело идет вовсе не об этом. Дело не идет также и о простом праве убежища. Ибо, если бы троцкисты были хоть на 1% тем, чем их изображает московская юстиция, они не могли бы претендовать на право убежища. Ни одна страна не станет раскрывать своих ворот людям, которые под прикрытием фальшивых политических лозунгов занимаются шпионажем, саботажем, отравлениями и тому подобными преступлениями. К тому же во время двух последних процессов московские обвинители особенно старались доказать, что "троцкисты" находятся в соглашении с Японией против Соединенных Штатов. Если, несмотря на все это, президент С[оединенных] Ш[татов] назвал "троцкистов" в числе тех преследуемых политических течений, которые могут рассчитывать на право убежища в С[оединенных] Ш[татах], то это значит лишь, что Рузвельт не верит московским обвинениям. Политический и моральный вес этого факта тем больше, что Рузвельт выражает в данном случае твердо сложившееся убеждение подавляющего большинства цивилизованного человечества.

Л.Т[роцкий]
29 марта 1938 г.

[Письмо М.Зборовскому и Л.Эстрин]

14 апреля 1938 г.

Дорогие товарищи:

1) Получили No 64 "Бюллетеня", который хорошо сделан. Н.И.[Седова] очень сильно тронули статьи П.Т.83 и Э.Р.84: они искренно и хорошо написаны.

К сожалению, есть все же опечатки. Так, в некрологе на странице 8, 16 строка, сказано: "психических поражений". Между тем должно быть: "психических поранений". Это неприятная опечатка; следовало бы исправить в ближайшем номере. В статье по поводу процесса говорится: "вендетта"85 вместо "мечь". В русском языке слово "вендетта" не употребляется (впрочем, может

быть, это было в прошлом номере, я не могу сейчас найти).

2) Посылаем вам проект "Переходной программы"⁸⁶. Этот проект должен быть напечатан также в "Бюллетене". Ввиду больших размеров документа можно разбить его на две или даже на три части. Можно также выпустить двойной номер за два месяца. Вы сами решите в зависимости от хода событий. Из этого документа можно (но не обязательно) выделить теперь же главу об СССР: "Положение СССР и задачи переходной эпохи" и напечатать ее в ближайшем номере, если рукопись придет достаточно рано, в чем я, впрочем, сомневаюсь.

Эта рукопись должна быть напечатана без подписи, как официальный проект программы. Если проект в ближайшие дни будет одобрен Камилом⁸⁷ и его друзьями, то он должен быть напечатан в "Бюллетене", как и в других изданиях от их имени. В противном случае документ должен быть напечатан, как проект редакции "Бюллетеня". Об этом надо условиться с Камилом.

3) В ближайшие 2-3 месяца вы не должны ждать от меня новых больших статей. Я обязался в течение ближайших 18 месяцев написать книгу о Сталине⁸⁸ и закончить книгу о Ленине. Все мое время, по крайней мере в течение ближайших месяцев, будет посвящено этой работе. Во всяком случае, я о "Бюллетене" не забуду.

4) Для книги о Сталине мне нужна будет ваша помощь. Послезавтра я вышлю вам список всей литературы по Сталину, какая у меня имеется. Уже сейчас могу сказать, что у меня нет книги Барбюса⁸⁹. Не знаю, не было ли в архиве Льва специальных папок, касающихся Сталина? Книга будет носить исторический, биографический и психологический характер, а не теоретико-полемиический. Может быть, вы сами выскажете какие-либо предложения или предложите какие-либо материалы?

Я вам сейчас не отвечаю на все ваши последние вопросы, так как очень спешу. Работа над проектом программы отняла у нас всех здесь много времени. Послезавтра надеюсь написать более подробно.

Крепко жму ваши руки

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо В.Сержу]

15 апреля 1938 г.

Дорогой Виктор Львович!

Мы с Н.И. [Седовой] с благодарностью получили в свое время ваше письмо, посвященное смерти сына, и с благодарностью читали вашу теплую статью о нем⁹⁰.

В вашем письме вы затрагиваете мимоходом вопрос о наших разногласиях и называете их "второстепенными". С этим я, к сожалению, согласиться никак не могу. Если разногласия между большевизмом и меньшевизмом являются второстепенными, то что же означает в таком случае слово "первостепенный"? "Revolution Proletarienne"⁹¹ есть орган мелкобуржуазного прудонизма⁹²-синдикализма. Если оставить в стороне гуманитарные и либеральные протесты против казней, подлогов и пр., то "Р[евольюсьон] П[ролетарьен]" является совершенно реакционным органом, который только отвлекает известную группу лиц от рабочего движения. Если ваши разногласия с нами второстепенны, то почему же вы сотрудничаете не в наших изданиях, а в изданиях, смертельно враждебных нам по самому существу своей программы? В десятках статей и писем я доказывал, что политика ПОУМ есть, в лучшем случае, политика Мартова. Вы никогда не отвечали ни на один из моих аргументов. Зато вы в критический момент публично солидаризировались с ПОУМом и взяли на себя ответственность за его политику. Так можно действовать лишь, когда сознательно идешь навстречу полному разрыву и непримиримой борьбе. Как же можно при этом говорить о "второстепенных" разногласиях?

Банкроты анархизма, объединившиеся с буржуазией и со сталинцами против рабочих, не нашли ничего лучшего для прикрытия своего банкротства, как открыть международную кампанию по поводу... Кронштадта. Вместо того, чтоб заклеить предателей революции и фальсификаторов истории, вы немедленно же выступили на их защиту. Ваши оговорки и смягчения не улучшают дела, а только ухудшают. Наши враги получают возможность говорить: "Даже Виктор Серж, у

которого с Троцким только второстепенные разногласия, и тот признает, что..." и т. д. Другими словами: вы заняли позицию не на правом фланге Четвертого Интернационала, а на левом фланге его непримиримых противников. Между тем все эти ПОУМы являются лишь пузырями на поверхности исторического потока. Действительно революционным фактором ближайшего периода будет только Четвертый Интернационал.

Я очень жалею, что вы не поставили ваш превосходный талант на службу этому действительно прогрессивному движению. Со своей стороны я и сейчас готов сделать все, чтобы создать все условия сотрудничества. "Второстепенные" разногласия действительно второстепенны, неизбежны и не могли бы помешать сотрудничеству. Но при одном условии: если вы сами для себя решите, что вы принадлежите к лагерю Четвертого Интернационала, а не к лагерю его противников.

Искренний привет от Н.И. [Седовой].

Крепко жму вашу руку и желаю всего лучшего.

Ваш Л.Д. [Троцкий]

Необходимое пояснение

Речь эта, как показывает дата, относится к 1925 г., когда автор еще твердо надеялся на то, что советская бюрократия преодолит тенденции бюрократизма и создаст исключительно благоприятную обстановку для развития научной мысли. В силу ряда исторических причин эта надежда до сих пор не оправдалась. Наоборот, советское государство подверглось за истекшие после того 13 лет полному бюрократическому окостенению и приняло тоталитарный характер, тлетворный для развития науки и искусства. В силу жестокой иронии истории действительный марксизм стал ныне в Советском Союзе наиболее запретной из всех доктрин. В области общественной науки скованная советская мысль не только не сказала нового слова, но наоборот, впала в жалкую схоластику. Тоталитарный режим оказывает губительное влияние также и на развитие естественных наук. Тем не менее, развитые в этой речи соображения сохраняют свою силу и в той части, которая касается взаимоотношений между социальным режимом и научной мыслью. Их нужно приурочивать, однако, не к сегодняшнему советскому государству, продукту перерождения и разложения, а к тому социалистическому государству, которое вырастет из дальнейшей победоносной борьбы международного рабочего класса.

Л.Т [роцкий]

18 апреля 1938 г.

К "Д.И. Менделеев и марксизм" 93

Редактору газеты "Дейли Гералд"

Милостивый государь!

В словаре всех цивилизованных народов существует слово цинизм. Как классический пример обнаженного цинизма следовало бы отныне ввести во все энциклопедии защиту британским правительством интересов клики капиталистических эксплуататоров. Я не ошибусь поэтому, если скажу, что мировое общественное мнение с величайшим интересом ждет голоса Британской рабочей партии по поводу возмутительной роли британской дипломатии в вопросе об эксплуатации правительством Мексики акционерной нефтяной компании "Агила".

Юридическая сторона вопроса ясна ребенку. В целях эксплуатации естественных богатств Мексики британские империалисты поставили себя под покровительство и вместе с тем под контроль мексиканских законов и мексиканских властей. Никто не вынуждал к этому господ капиталистов ни военным насилием, ни дипломатическими нотами. Они действовали вполне добровольно и сознательно. Теперь г. Чемберлен⁹⁴ и лорд Галифакс хотят заставить человечество поверить, что британские капиталисты обязались признавать законы Мексики лишь в тех пределах, в каких сами найдут это нужным. При этом случайно оказывается, что совершенно беспристрастное

истолкование мексиканских законов Чемберленом-Галифаксом буква в букву совпадает с истолкованием заинтересованных капиталистов. Британское правительство не может, однако, отрицать того, что в истолковании законов Мексики компетентны только мексиканское правительство и высший суд этой страны. Лорду Галифаксу, который питает такие симпатии к законам и судам Гитлера, мексиканские законы и суды могут казаться несправедливыми. Но кто дал британскому правительству право контроля над внутренней политикой и судопроизводством независимого государства? В этом вопросе уже заключена часть ответа: британское правительство, привыкшее распоряжаться сотнями миллионов колониальных рабов и полурабов, пытается те же методы применить и в отношении Мексики. Встретив мужественное сопротивление, оно поручает своим юристам придумать наспех аргументы, в которых юридическая логика заменена империалистическим цинизмом.

Экономическая и социальная сторона проблемы столь же ясна, как и ее правовая сторона. Административный комитет вашей партии поступил бы, на мой взгляд, правильно, если бы создал специальную комиссию для изучения того, что британский и вообще иностранный капитал внес в Мексику и что он извлек из нее. Такая комиссия могла бы в короткий срок представить британскому обществу потрясающий баланс экономической эксплуатации! Небольшая клика британских магнатов в полном смысле слова выкачивает жизненные соки Мексики, как и ряда других отсталых или слабых стран. Чистейшим фарисейством являются торжественные речи о внесении иностранным капиталом "цивилизации", о его содействии развитию народного хозяйства и пр. Дело идет в действительности о расхищении естественных богатств страны. Природе нужны были многие миллионы лет, чтоб заложить в почву и под почву Мексики золото, серебро и нефть. Иностранные империалисты хотят расхитить эти богатства в возможно короткий срок, пользуясь дешевой рабочей силой и покровительством своей дипломатии и своего флота. Посетите любой центр горной промышленности: сотни миллионов долларов, извлекаемые иностранным капиталом из почвы, ничего, ровно ничего не дают культуре страны: ни дорог, ни зданий, ни городского благоустройства. Даже помещения самих компаний похожи нередко на казармы. Зачем, в самом деле, расходовать мексиканскую нефть, мексиканское золото, мексиканское серебро на нужды далекой и чужой Мексики, когда на получаемые барыши можно строить дворцы, музеи, театры в Лондоне или в Монако? Таковы эти цивилизаторы! Взамен исторгаемых богатств они оставляют дыры в мексиканской земле и расстроенное здоровье мексиканских рабочих.

Ноты британского правительства ссылаются на "международное право". Даже ирония опускает бессильно руки перед этим доводом. О каком международном праве идет речь? Очевидно, о том, какое восторжествовало в Эфиопии, и которому британское правительство готовится дать свою санкцию. Очевидно, о том самом праве, которое самолеты и танки Муссолини и Гитлера возвешают в Испании уже второй год при неизменной поддержке британского правительства. Это последнее вело бесконечные переговоры об уходе из Испании иностранных "добровольцев". Наивное общественное мнение долго воображало, что дело идет о приостановлении интервенции иностранных фашистских бандитов. На самом деле британское правительство требовало от Муссолини одного: чтобы он увел свои войска от Испании после того, как он обеспечит победу Франко. В этом случае, как во всех других, задача состояла не в том, что защищать "международное право" или "демократию", а в том, чтобы оградить интересы британских капиталистов в испанской горной промышленности от возможных покушений со стороны Италии.

В Мексике британское правительство проводит, в основном, ту же политику, что в Испании; только в отношении Испании - в пассивной форме, в отношении Мексики - в активной. Мы присутствуем сейчас при первых шагах этой активности. Во что она развернется дальше? Этого сейчас никто не может предсказать. Чемберлен этого еще не знает и сам. Одно можно утверждать с уверенностью: дальнейшее развитие политики покушений британского империализма на независимость Мексики будет в огромной степени зависеть от поведения британского рабочего класса. Здесь нельзя отделяться неопределенными формулами. Нужна твердая решимость, чтоб парализовать преступную руку империалистского насилия. Я кончаю поэтому, как начал: мировое общественное мнение ждет твердого голоса Британской рабочей партии!

P.S. Некоторые империалистические газеты пытались представить меня инициатором экспроприации. Такой вздор не заслуживает даже опровержения. Обо

всех этапах борьбы группы иностранных капиталов против мексиканских законов я как частное лицо пользующееся гостеприимством этой страны, узнавал из газет. Но этого было слишком достаточно, чтоб составить себе мнение. Высказать вслух это мнение есть элементарный долг каждого участника освободительной борьбы пролетариата.

Л.Т[роцкий]
22 апреля 1938 г.
Койоакан

[Письмо М.Зборовскому и Л.Эстрин]

25 апреля 1938 г.
Дорогие товарищи!

1) Посылаю вам для "Бюллетеня" новую работу "Их мораль и наша"⁹⁵. Статья велика и может либо составить двойной номер "Бюллетеня" либо быть напечатана в двух номерах. Предоставляю это на ваше усмотрение. Можно напечатать эту статью раньше, а "переходную программу" позже, уже после конференции⁹⁶ со всеми вытекающими поправками. Вы должны будете решить сами эти вопросы в зависимости от обстоятельств.

2) Я считаю, что вы имеете от меня теперь материал на 4 месяца. За это время я, может быть, пошлю короткие статьи на актуальные политические темы. Но вы ничего от меня не ждите.

3) Очень желательно было бы привлечь Бармина к участию в "Бюллетене". Согласен ли он на это? Предложите ему, пожалуйста, если он желает вступить в прямую переписку со мною. Я буду этому очень рад.

4) В Вашем письме вы указываете, какие конспиративные поправки вы внесли в корреспонденцию, чтобы сделать автора неукрываемым. Такие сообщения представляют явную неосторожность, так как письма могут по дороге читаться агентами ГПУ.

5) Ваш план создать русский клуб, конечно, очень привлекателен. Весь вопрос в подборе людей. Как относится к этой идее т. Бармин? Его участие представляется мне очень важным. Его имя получило теперь большую известность. К нему могут обращаться колеблющиеся советские люди за границей и пр. Было бы даже желательно указать на это в той или другой форме в самом "Бюллетене", разумеется, если сам Бармин согласен с этим.

6) Я работаю параллельно над книгами о Сталине и о Ленине и весьма надеюсь на ваше сотрудничество.

Жму руку
[Л.Д.Троцкий]

[Письмо М.Зборовского и Л.Эстрин Л.Д.Троцкому]

25 апреля 1938 г.
Дорогой Лев Давыдович,

Мы уже давно без известий от Вас и даже еще не знаем Вашего мнения относительно No 64 "Бюллетеня", хотя и послали Вам уже No 65 и должны начать готовить No 66. Ждем от Вас материалов и указаний.

1. Немедленно по выходе No 65 "Бюллетеня" нам позвонил В.[Кривицкий] и попросил о свидании. Мы встретились с ним, он спросил, кто является автором статьи о невозвращенцах (мы не сочли нужным скрывать от него, что это Ваша статья). "Для меня очень важно, что написано в 'Бюллетене'. Мне стыдно за Л.Д.[Троцкого], что он написал такую статью. Очевидно, он плохо информирован". После этого он выразил желание написать Вам подробное письмо при условии, что кроме нас обоих и Вас лично никто этого письма не увидит. Мы не считали возможным отказать ему в посредничестве и условились с ним встретиться. Во время первой встречи с ним он продиктовал несколько страниц черновика письма к Вам и очень обстоятельно, в течение многих часов разговаривал с нами и объяснил нам, о чем он хочет Вам написать. Это нечто вроде исповеди, из которой Вам станет ясна психология его, Райсса, и всего их окружения (так он, по крайней мере, думает). Поскольку письмо

В. [Кривицкого] подробно изложит его точку зрения, мы не считаем целесообразным передавать Вам содержание нашего разговора с ним. Он просил Вас передать, что письмо его следует с ближайшей почтой.

2. Из следственных документов по делу об убийстве Людвиг [Порецкого] удалось выяснить следующее:

а. Убийцы - Аббиат⁹⁷ и Мартинья⁹⁸ - в феврале 1937 г. были в Мексике. Полиции не удалось установить, зачем они туда поехали. Считаю нужным обратить внимание на то обстоятельство, что они поехали туда сразу же после Вашего приезда.

б. Аббиат, хотя и француз, но русского происхождения. До 1920 г. они жили в Петрограде. Сестра его оставалась в Ленинграде до 1929 г., где была замужем за неким Ерикаловым (Василий). После развода со своим мужем в 1929 г. она выехала за границу. Жила все время в Париже. В октябре 1937 г. (сразу же после убийства) она уехала обратно в Москву, где находится сейчас, переписывается с матерью регулярно. Интересен тот факт, что письма ее опускаются в почтовый ящик в Париже. Адрес ее в Москве: Л.А. Керзон, 13 улица Фрунзе, квартира 50.

3. В Амстердаме объявился Пятигорский⁹⁹. Он говорит, что выехал в начале 1938 г. из Москвы. У него австрийский паспорт. Ведь он же в свое время был близок к вам? Странно, что его выпустили. Нет ли тут какой-нибудь провокации?

Во франц[узской] прессе появилось сообщение, что агент ГПУ, некий Жорж Минк, выехал в Мексику для организации покушения.

Сердечный привет Н.И. [Седовой] и Вам. Крепко жмем руку.

[М.Зборовский, Л.Эстрин]

Проблема Labor Party

Вопрос о Labor Party никогда не был для революционных марксистов вопросом "принципа". Мы всегда исходили из конкретной политической обстановки и тенденций ее развития. Несколько лет тому назад, до кризиса 1929 г. и даже позже, до возникновения СИО¹⁰⁰, можно было надеяться на то, что революционная, т. е. большевистская, партия будет развиваться в Соединенных Штатах параллельно с радикализацией рабочего класса и успеет своевременно стать во главе его. В этих условиях было бы бессмыслицей заниматься абстрактной пропагандой в пользу неизвестной "Рабочей партии". Положение с того времени, однако, радикально изменилось. Могущественно выросшие профессиональные союзы в условиях углубляющегося кризиса капитализма толкаются и будут толкаться все более неудержимо на путь политической борьбы и тем самым - на путь сплочения в Labor Party. Если многие официальные вожди трэд-юнионов, несмотря на повелительный голос обстановки и возрастающее давление масс, сохраняют более чем сдержанную позицию в вопросе о Labor Party гораздо большую остроту, чем во все предшествующие периоды¹⁰¹. Тем не менее можно с достаточной уверенностью предсказать, что сопротивление бюрократии окажется сломленным. Революционная организация, которая заняла бы по отношению к этому прогрессивному движению отрицательную или нейтрально выжидательную позицию, обрекла бы себя на изоляцию и сектантское вырождение. Социалистическая рабочая партия (секция Четвертого Интернационала) отдает себе ясный отчет в том, что в силу ряда неблагоприятных исторических причин ее собственное развитие отстало от радикализации широких слоев американского пролетариата и что именно в силу этого проблема создания Labor Party ставится всем ходом развития в порядок дня. СРП не ограничивается, однако, подобно сталинцам, ловстонистам и пр., абстрактным лозунгом Рабочей или Рабоче-Фермерской партии, отвергает беспринципные верхушечные комбинации под прикрытием этого лозунга, а выдвигает систему переходных ценностей, чтоб оплодотворять ими массовое движение в пользу Labor Party.

Сохраняя свою полную организационную и политическую независимость, СРП ведет систематическую и непримиримую борьбу против консервативной трэджюнионской бюрократии, которая противится созданию Labor Party или стремится превратить ее во вспомогательное орудие одной из буржуазных партий. Разъясняя и пропагандируя в профессиональных союзах, на собраниях и

пр. свою программу переходных требований, СРП неумолимо разоблачает на живом опыте масс реформистские и пацифистские иллюзии трэджюнионской бюрократии и ее социал-демократических и сталинских союзников.

Когда и как сложится Labor Party и через какие этапы и расколы она пройдет, покажет будущее. Защищая Labor Party от атак буржуазии, СРП не берет и не возьмет на себя, однако, за эту партию никакой ответственности. На всех этапах ее развития СРП занимает по отношению к Labor Party критическую позицию, поддерживает прогрессивные тенденции против реакционных и вместе с тем непримиримо критикует половинчатый характер прогрессивных (центристских) течений. Для СРП Labor Party должна стать, с одной стороны, передаточным механизмом для воздействия на более широкие круги рабочих. По самому существу, Labor Party может сохранить прогрессивное значение лишь в течение сравнительно короткого переходного периода. Дальнейшее обострение революционной ситуации неизбежно взорвет оболочку Labor Party и позволит СРП сплотить под знамена Четвертого Интернационала революционный авангард американского пролетариата.

[Л.Д.Троцкий]
Апрель 1938 г.

[Письмо М.Зборовскому]

15 мая 1938 г.

Дорогой товарищ,

1. Помимо мелких статей или документов я послал вам за последние недели две большие работы: "Агония капитализма..." 102 и "Их мораль и наша". Я уже писал вам, что, по моему мнению, лучше начать с "Морали". Если у вас есть ценные корреспонденции, то "Мораль" можно разбить на два номера.

2. Составление номеров и техника производят вполне благоприятное впечатление.

3. Французский перевод статьи об Л.Седове плох, очень много искажений смысла. Видно, что перевод производился либо совершенно неопытным переводчиком, либо крайне спешно и неряшливо. Это ужасно досадно. Желательно, разумеется, чтобы статья о морали вышла также по-французски, но при условии очень тщательного и безукоризненного перевода. В противном случае лучше и совсем не выходить.

4. Те анекдоты, которые ходят по Москве, следовало бы опубликовать в "Бюллетене".

5. Письма от Кривицкого я не получил. Факт его сотрудничества в "Социалистическом вестнике" является в моих глазах демонстрацией разрыва с большевизмом, т. е. марксизмом. Можно сотрудничать, вернее сказать, нельзя не сотрудничать при нынешних условиях даже в консервативной буржуазной прессе: здесь цели ясны всякому и никто не смешает данного автора с данной газетой. Но когда бывший представитель ГПУ на другой день после разрыва начинает сотрудничать в органе меньшевиков, то это не может быть понято иначе, как акт солидаризации с меньшевиками. Покровительственное замечание редакции, что, мол, автор еще не вполне отказался от предрассудков большевизма, имеет крайне унижительный для Кривицкого характер.

6. Я получил французскую книгу Цилиги¹⁰³. Это по самой природе своей провинциальный меньшевик, только экзальтированный. Книга дает очень мало новых фактов. В теоретическом и политическом отношении совершенно несостоятельна и заключает в себе ряд недостойных вылазок против бывших товарищей Цилиги по тюрьме, как, например, Солнцев и другие.

7. Передайте, пожалуйста, товарищу Бармину, что я был бы очень рад вступить с ним в прямую переписку. Сообщите ему мой адрес и пусть он мне напишет свой.

8. Теперь о самом главном, т. е. о вашем возможном содействии моей работе по Сталину. Так как американские товарищи тоже занимаются розысками и подбором материала, то я предлагаю установить хотя бы грубое разделение труда, именно по хронологической линии: американцы будут подбирать материалы главным образом до 1925 года, а парижане с 1925 года до сегодняшнего дня. Разумеется, это не исключает того, что вы сможете мне доставлять материалы, относящиеся и к первому периоду, если эти материалы вам более доступны, чем

американцам. Что касается последнего периода, т. е. после 1925 года, то мне нужны наиболее важные факты, статьи, речи или, по крайней мере, важнейшие цитаты, характеризующие все этапы и зигзаги политики Сталина.

[Л.Д.Троцкий]

Надо учиться думать

(Дружеский совет по адресу некоторых ультра-левых)

Некоторые профессионалы ультра-левой фразы пытаются во что бы то ни стало "исправить" тезисы Интернационального Секретариата Четвертого Интернационала о войне в соответствии со своими застарелыми предрассудками. Особенным нападкам подвергается то место тезисов, где говорится, что, оставаясь во всех империалистических странах в непримиримой оппозиции к своему правительству во время войны, революционная партия будет, однако, в каждой стране сообразовывать свою практическую политику с внутренней обстановкой и международными группировками, строго различая при этом рабочее государство от буржуазного государства, колониальную страну от империалистической страны.

"Пролетариат капиталистической страны, находящейся в союзе с СССР¹⁰⁴, - гласят тезисы, - сохранит полностью и целиком свою непримиримую враждебность по отношению к империалистическому правительству собственной страны. В этом смысле не будет разницы с политикой пролетариата страны, воюющей против СССР. Но в характере практических действий могут оказаться значительные различия, вызываемые конкретной обстановкой войны" (стр. 22, пар[аграф] 44) 105.

Ультра-левые считают, что это положение, правильность которого доказана всем ходом развития, является исходной точкой... социал-патриотизма¹⁰⁶. Так как отношение к империалистическим правительствам должно быть "одинаково" во всех странах, то эти стратеги запрещают видеть какие бы то ни было различия за пределами собственной империалистической страны. Теоретическая основа их ошибки заключается в том, что они пытаются установить для политики во время войны принципиально другие основания, чем для политики во время мира.

Допустим, что во французской колонии Алжире вспыхивает завтра восстание под знаменем национальной независимости и что итальянское правительство, движимое своими империалистическими интересами, готовится отправить восставшим оружие. Каково должно быть в этом случае поведение итальянских рабочих? Я намеренно беру пример восстания против демократического империализма и вмешательства в пользу восставших со стороны фашистского империализма. Должны ли итальянские рабочие воспрепятствовать отправке корабля с оружием для алжирцев? Пусть какой-нибудь ультра-левый посмеет ответить на этот вопрос утвердительно. Каждый революционер, заодно с итальянскими рабочими и с восставшими алжирцами, с негодованием отвергнет такой ответ. Если бы даже в фашистской Италии разразилась в это время всеобщая стачка моряков, и в этом случае стачечники должны были бы сделать исключение в пользу тех судов, которые несут помощь восставшим колониальным рабам; иначе они были бы жалкими трэджионистами, а не пролетарскими революционерами.

Одновременно с этим французские моряки, даже если у них в порядке дня не стояло бы никакой стачки, были бы обязаны приложить все усилия к тому, чтобы воспрепятствовать отправке оружия против восставших. Только такая политика итальянских и французских рабочих была бы политикой революционного интернационализма.

Не значит ли это, однако, что итальянские рабочие смягчают в данном случае свою борьбу против фашистского режима? Ни в малейшей степени. Фашизм может оказать "помощь" алжирцам только для того, чтобы ослабить своего врага Францию и наложить затем свою хищную руку на ее колонию. Революционные итальянские рабочие ни на минуту не забудут об этом. Они будут призывать алжирцев не доверять вероломному "союзнику" и сами будут в то же время продолжать непримиримую борьбу против фашизма, "главного врага внутри собственной страны". Только таким образом они могут вызвать доверие к себе

со стороны восставших, помочь самому восстанию и укрепить собственные революционные позиции.

Если сказанное верно по отношению к мирному времени, то почему оно становится ложным во время войны? Всем известно положение знаменитого немецкого военного теоретика Клаузевица: война есть продолжение политики, только другими средствами. Эта глубокая мысль естественно влечет за собой вывод: борьба против войны есть продолжение общей пролетарской борьбы мирного времени. Разве пролетариат отвергает и саботирует в мирное время все действия и мероприятия буржуазного правительства? Даже во время стачки, охватывающей целый город, рабочие принимают меры к тому, чтоб в их собственные кварталы доставлено было продовольствие, чтобы не остаться без воды, чтобы не пострадали больницы и проч. Такие меры диктуются не оппортунизмом по отношению к буржуазии, а заботой об интересах самой стачки, о симпатии к ней городских низов и проч. Эти элементарные правила пролетарской стратегии мирного времени сохраняют всю свою силу и на время войны.

Непримиримое отношение к буржуазному милитаризму вовсе не означает, что пролетариат при всех случаях вступает в борьбу со своей "национальной" армией. Рабочие во всяком случае не будут мешать солдатам, занятым тушением пожара или спасением утопающих во время наводнения; наоборот, будут действовать бок о бок с солдатами и брататься с ними. Но дело не ограничивается только случаями стихийных бедствий. Если бы французские фашисты попытались сегодня устроить переворот, а правительство Даладье оказалось бы вынуждено двинуть против фашистов войска, то революционные рабочие, соблюдая полную политическую самостоятельность, боролись бы против фашистов рядом с этими войсками. Таким образом, в целом ряде случаев рабочие оказываются вынужденными не только допускать и терпеть, но и активно поддерживать практические меры буржуазного правительства.

В девяноста случаях из ста рабочие действительно ставят минус там, где буржуазия ставит плюс. В десяти случаях они вынуждены, однако, поставить тот же знак, что и буржуазия, но со своим собственным штемпелем, в котором выражается их недоверие к буржуазии. Политика пролетариата вовсе не выводится автоматически из политики буржуазии, только с обратным знаком - в этом случае каждый сектант был бы великим стратегом; нет, революционная партия должна самостоятельно ориентироваться каждый раз во внутренней, как и в международной обстановке, находя те решения, которые лучше отвечают интересам пролетариата. Это правило относится к периоду войны так же, как и к периоду мира.

Представим себе, что в течение новой европейской войны бельгийский пролетариат завоюет власть раньше, чем пролетариат Франции. Гитлер попытается, несомненно, подавить пролетарскую Бельгию. Чтобы прикрыть свой собственный фланг, французское буржуазное правительство может оказаться вынуждено помочь бельгийскому рабочему правительству оружием. Бельгийские советы ухватятся, разумеется, за это оружие обеими руками. Но, может быть, французские рабочие, руководствуясь принципом пораженчества, обязаны помешать своей буржуазии отправить оружие в пролетарскую Бельгию? Так рассуждать могли бы только прямые изменники или круглые идиоты.

Французская буржуазия может послать оружие пролетарской Бельгии только под страхом величайшей военной опасности и только в надежде справиться затем с пролетарской революцией своим собственным оружием. Для французских рабочих, наоборот, пролетарская Бельгия была бы величайшей опорой в борьбе против собственной буржуазии. Исход борьбы решится бы в конечном счете соотношением сил, причем правильная политика входит в это соотношение сил как очень важный фактор. Ближайшей задачей революционной партии было бы использовать противоречие между двумя империализмами, французским и германским, для спасения пролетарской Бельгии.

Ультралевые схоласты мыслят не конкретными понятиями, а пустыми абстракциями. В такую пустую абстракцию они превратили идею пораженчества. Они не представляют себе жизненно ни хода войны, ни хода революции. Они ищут герметически закупоренную формулу, которая не пропускала бы свежего воздуха. Но такая формула не способна дать никакой ориентировки пролетарскому авангарду.

Политика пораженчества имеет своей задачей довести классовую борьбу до ее высшей формы: гражданской войны. Но эта задача может быть разрешена лишь

путем революционной мобилизации масс, т. е. путем расширения, углубления, обострения тех революционных методов, которые составляют содержание классовой борьбы "мирного" времени. Пролетарская партия отнюдь не прибегает к каким-либо искусственным методам вроде поджогов складов, взрывов, железнодорожных крушений и проч., чтоб вызвать поражение своего правительства. Если бы даже она могла иметь успех на этом пути, военное поражение вовсе не вело бы в этом случае к революционному успеху, который может быть обеспечен только самостоятельным движением пролетариата. Революционное пораженчество означает лишь, что в своей классовой борьбе пролетарская партия не останавливается ни перед какими "патриотическими" соображениями, ибо поражение собственного империалистического правительства, вызванное или ускоренное революционным движением масс, есть неизмеримо меньшее зло по сравнению с его победой, оплаченной национальным единством, т. е. политической протрацией пролетариата. В этом весь смысл пораженчества, и этого смысла вполне достаточно.

Приемы борьбы меняются, конечно, когда борьба входит в открыто революционную стадию. Гражданская война есть война, и в этом качестве имеет свои законы. В гражданской войне неизбежны взрывы складов, крушения поездов и все другие виды военного "саботажа". Целесообразность их решается чисто военными соображениями: гражданская война продолжает революционную политику, но другими, именно военными средствами.

Могут быть, однако, во время империалистической войны случаи, когда революционная партия будет обязана прибегнуть к военно-техническим мерам, хотя бы они непосредственно и не вытекали еще из революционного движения собственной страны. Так, если дело идет об отправке оружия или солдат против рабочего государства или восставшей колонии, то не только методы бойкота и стачки, но и методы прямого военного саботажа могут оказаться вполне целесообразными и обязательными. Применение или неприменение таких мер будет вопросом практических возможностей. Если бы бельгийские рабочие, завоевав власть во время войны, имели своих военных агентов на германской почве, то обязанностью этих агентов было бы не останавливаться ни перед какими техническими средствами, чтобы задержать войска Гитлера. Совершенно очевидно, что и революционные немецкие рабочие обязаны (если только в состоянии) выполнить эту задачу в интересах бельгийской революции, независимо даже от общего хода революционного движения в самой Германии.

Пораженческая политика, т. е. политика непримиримой классовой борьбы во время войны, не может быть, следовательно, "одинаковой" во всех странах, как не может быть одинаковой политика пролетариата в мирное время. Только Коминтерн эпигонов установил такой режим, при котором партии всех стран шагают одновременно с левой ноги. В борьбе с этим бюрократическим кретинизмом мы не раз доказывали, что общие принципы и задачи должны осуществляться в каждой стране соответственно с ее внутренними и внешними условиями. Этот принцип сохраняет всю свою силу также и в военное время.

Те ультралевые, которые не хотят мыслить по-марксистски, т. е. конкретно, будут застигнуты войной врасплох. Их политика во время войны явится гибельным завершением их политики мирного времени. Первые же пушечные залпы либо отбросят ультралевых в политическое небытие, либо толкнут их в лагерь социал-патриотизма по тем же причинам, по которым испанские анархисты, голые отрицатели государства, оказались во время войны буржуазными министрами. Чтобы вести правильную политику во время войны, нужно учиться правильно думать во время мира.

Крукс

20 мая 1938 г.

Грозный урок

Так называемые "профессиональные союзы" СССР хотели вступить в международную федерацию профессиональных союзов. В Осло этот вопрос должен был решиться окончательно. Сегодняшние телеграммы сообщают, что решение оказалось отрицательным. Большинство 14 против 4 голосов международная федерация отклонила ходатайство советских "профсоюзов". В составе меньшинства голосовали: два представителя Франции, представитель Испании,

представитель Мексики. Решение имеет крупнейшее международное значение и заключает в себе грозный урок по адресу Москвы.

На первый взгляд может показаться непонятным, каким образом профессиональный Интернационал отказался включить в свои ряды советские профсоюзы, насчитывающие 22 миллиона членов. На самом деле, однако, никаких профессиональных союзов в СССР нет. Под именем профессионального союза понимается рабочая организация, основанная на принципе демократии и имеющая задачей защиту интересов рабочих. Советский "профсоюзный" аппарат представляет собой только особый отдел политической полиции для борьбы с рабочими в интересах поддержания привилегий и всевластия советской бюрократии. Генеральный секретарь советских "профессиональных союзов" Шверник¹⁰⁷ является просто полицейским адъютантом Сталина и назначен этим последним на свой пост совершенно независимо от воли советских рабочих.

Стремление Москвы включить свою профсоюзную полицию в ряды Амстердамского Интернационала диктуется международными интересами кремлевской бюрократии и не имеет решительно ничего общего с интересами и задачами мирового рабочего движения. Через посредство Шверника и ему подобных Сталин стремится деморализовать и подкупать отдельных вождей в разных странах в более широком масштабе, чем до сих пор. Одним он продает помощь так называемой "коммунистической партии" в интересах их политических амбиций и планов; другим он просто платит чистоганом. Ничего, кроме разврата, деморализации и бесчестия, профсоюзная полиция Сталина не может внести в ряды мирового рабочего движения.

Московские процессы вызвали глубокое возмущение в рабочих массах всего мира. Более проникательные деятели профессионального движения поняли, какая ужасающая гниль скрывается за вывеской московской "социалистической" бюрократии. Вот почему даже те из деятелей профсоюзного движения, которые еще год-два тому назад склонялись к "дружбе" с Москвой, сегодня отскочили в сторону, чтобы не оказаться скомпрометированными в объятиях ГПУ.

Французские делегаты голосовали за Москву по чисто дипломатическим соображениям, вытекающим не из интересов рабочего движения, а из комбинаций французской дипломатии. Испанские профессиональные союзы попали за период гражданской войны полностью в когти ГПУ. В Испании проведена была "чистка" по типу московской. Чистка эта не остановилась даже перед изгнанием Ларго Кабалеро, бывшего министра-президента и секретаря социалистических профсоюзов. Голос Испании есть, таким образом, голос самой Москвы. Что касается голоса представителя Мексики, то я могу воздержаться здесь от комментариев, так как общественное мнение этой страны гораздо более компетентно в этом вопросе, чем я.

Одно можно сказать с полной уверенностью: сегодняшнее число друзей Кремля более многочисленно, чем их завтрашнее число. Каждый новый месяц будет разоблачать ужасающую гниль кремлевской олигархии. Не только истинные друзья советского народа, но и все вообще мыслящие политики будут во все возрастающем числе поворачиваться спиной к узурпаторам октябрьской революции, которые грабят, душат и уничтожают трудящиеся массы. Таков смысл голосования в Осло. Это грозный урок по адресу московской бюрократии и последнее предостережение по адресу ее неосторожных или недостаточно бескорыстных "друзей".

Л.Троцкий
20/V 1938 [г.]

[Письмо Ч.Маламуту]

Троцкий - Маламуту
22 мая 1938 г.

Уважаемый товарищ,

Большое Вам спасибо за присланные книги, они мне в высшей степени необходимы.

Как обстоит дело с Вашей книгой о Литвинове¹⁰⁸? Если Вам нужна моя помощь в отношении этой работы, то я к Вашим услугам.

Крепко жму руку
Ваш

Л.Д. [Троцкий]

Еще раз о товарищах Снивлите и Вареекене

I

Вопрос о неправильном поведении т. Снивлита в деле Райсса был мною поставлен в частном, строго конфиденциальном письме к тов. Снивлиту. Задачей моей было дать возможность самому Снивлиту понять политическую ошибку, которую он совершил.

Тов. Вареекен счел нужным притянуть это конфиденциальное письмо к дискуссии брюссельской организации о политике голландской РСР. Другими словами, тов. Вареекен во фракционных целях совершил явное злоупотребление по отношению к моему письму. После этого он жалуется на засорение принципиальной борьбы неправильными "методами". Но раз вопрос поставлен открыто, я вынужден дать объяснения.

Первая ошибка Снивлита состояла в том, что он совершенно ложно оценил политическую и практическую обстановку вокруг дела Райсса и оказался неспособен дать тов. Райссу необходимые советы. Об этом, не называя Снивлита, я говорил в статье "Трагический урок"¹⁰⁹, которая была напечатана на разных языках, в том числе и в органе бельгийской секции. Повторять свои доводы я здесь не буду. Вальтер Кривицкий и А.Бармин применили тот именно образ действий, который рекомендовался в статье "Трагический урок". Результаты пока что оказались неизмеримо более благоприятные, как в политическом отношении, так и в отношении личной безопасности.

Вторая ошибка Снивлита состояла в том, что огромной важности политический факт (разрыв Райсса с Москвой) он подчинил второстепенным соображениям о приоритете своей организации, своей газеты, своей фирмы. Он не только не посоветовался с представителями русской секции, в частности со мною, о том, какой избрать путь, - наоборот, он всячески и под разными предлогами оттягивал свидание Райсса с Седовым.

Кто знает политическую позицию Снивлита и его способы действия, тот без труда поймет, что Снивлит руководствовался при этом враждой к нашей международной организации. Райсс обратился к Снивлиту не как к Снивлиту, а как к представителю Четвертого Интернационала. Он видел в Снивлите посредника с нашей международной организацией, в частности со мною. Снивлит не мог или не хотел ему сказать, что он на самом деле уже порвал с нашей организацией и ведет в международном масштабе борьбу против нее. Не объясняя Райссу создавшейся обстановки, Снивлит маневрировал, оттягивал и изо всех сил препятствовал встрече и сближению Райсса с нами. Двусмысленное положение Снивлита по отношению к 4-ому Интернационалу создало для Снивлита вдвойне двусмысленное положение перед лицом Райсса.

Если бы Райсс знал, что Снивлит находится в состоянии борьбы против Четвертого Интернационала, он нашел бы, несомненно, другие пути, и, может быть, нам удалось бы своевременно подать ему правильный политический совет.

Здесь мы подходим к нашей собственной коллективной вине: мы слишком долго допускали двусмысленное поведение Снивлита, т. е. давали ему возможность на открытой арене выступать в качестве одного из вождей Четвертого Интернационала и в то же время игнорировать нашу международную организацию и подкапываться под нее всеми доступными ему средствами. Революционная организация не имеет права допускать таких двусмысленностей, ибо они всегда могут привести к тяжким и даже трагическим последствиям.

Этот урок надо серьезно учесть. Мы можем проявлять величайшее дружелюбие и терпение по отношению к партиям и группам, которые стоят вне нашей международной организации, но развиваются в нашем направлении. Мы можем и должны проявлять величайшее терпение при обсуждении вопросов внутри нашей организации. Но мы не можем допускать двойной бухгалтерии, т. е. давать нашим идейным противникам право прикрываться именем Четвертого Интернационала и в то же время на каждом шагу нарушать его внутреннюю дисциплину и топтать ногами элементарный долг солидарности.

Этот урок показывает, в частности, что надо отбросить раз и навсегда смешное и неуместное словечко "для Четвертого Интернационала". Наша

организация и есть организация Четвертого Интернационала. Кто этого не хочет понять, тот может до поры до времени сохранять свою самостоятельность. Но мы не можем никому позволить оставаться одной ногой внутри нашей организации, а другой ногой за ее пределами, чтобы тем свободней наносить нам удары.

II

Попытка Вареекена по чисто фракционным соображениям обелить Снивлита за счет Седова является в полном смысле слова недостойной. Фактическая сторона дела прекрасно изложена товарищами Этьеном и Паульсен в их письме, которое напечатано в бельгийском "Бюллетене" РСРП No 14. Нужно быть либо слепым, либо насквозь недобросовестным человеком, чтобы после этого письма, состоящего из точных фактов и цитат, выносить резолюции в стиле Вареекена.

После бесчисленных проволочек Снивлита совершенно больной Седов оказался не в силах 6 сентября выехать в Реймс на свидание с Райссом, о чем предупредил Снивлита. Но последний со свойственной ему манерой провозгласил: "теперь или никогда". В письме ко мне Снивлит с иронией говорит о благоговейном отношении к "каникулам" в Париже. На эту же тему упражняется и Вареекен. На самом деле Седов никогда не знал каникул, хотя работал для движения не меньше, а больше многих других. Если он оказался вынужден выехать на две недели из Парижа, то только потому, что его физическое состояние стало невыносимым: факт, обнаруженный врачами, когда Седову пришлось бороться со смертью. Ссылка на "каникулы" Седова не только недостойна, но и бессмысленна, ибо 6 сентября, когда назначено было свидание в Реймсе, Райсс оказался уже убит. Следовательно, физическая неспособность Седова явиться на свидание не имела ни малейшего влияния на судьбу Райсса. Первое свидание Райсса со Снивлитом произошло 10 июля (или июня?) Между этим первым свиданием и намеченным свиданием в Реймсе Райсс находился большей частью в Париже, т. е. там же, где и Седов. То, что они за это время не встретились, лежит полностью на ответственности Снивлита. Все письма Седова, относящиеся к этому делу, у меня в руках. Если понадобится, я их опубликую.

Ошибки Снивлита в деле Райсса не случайны. Снивлит совершенно порвал с революционной концепцией. Он ко всем вопросам подходит с точки зрения маленького бюрократического аппарата. Снивлит не марксист, а трэд-юнионист. Его занимают лишь интересы его собственного маленького предприятия: НАС. Партия для него - только дополнение НАС110, а фирма Четвертого Интернационала - только парадное прикрытие. Во время последней международной конференции в 1936 г.111 Снивлит в качестве делегата в городе П[ариже] бойкотировал заседания конференции под тем предлогом, что я в письме к конференции позволил себе критиковать политику Снивлита. Такое неуважение к братским делегациям достаточно показывает, что Снивлит внутренне чужд нашему движению. Точно так же и к делу Райсса Снивлит подошел не с точки зрения общих задач революционной борьбы, а под углом зрения второстепенных интересов своего маленького предприятия. Защищать поведение Снивлита в этом деле способны только фракционные адвокаты.

III

Тов. Вареекен ведет борьбу против "фракционности". Это почти стало его специальностью. Он хочет запретить большевикам вести "фракционную" работу в центристской партии ПОУМ. Он хочет запретить членам Четвертого Интернационала вести фракционную работу в центристской партии Снивлита. Он "нефракционно" заботится о репутации нечистоплотного интригана Эйфеля112, с которым публично порвала даже секта Олера. Наконец, всякую критику собственной политики Вареекен объявляет "фракционностью". Не чудовищно ли это? Для революционера марксистская фракция в оппортунистической партии есть плюс; центристская фракция в революционной партии есть минус. Тот голландский большевик, который отказался бы вести "фракционную" (какой ужас!) работу против Снивлита, вероломно порвавшего с нашей организацией, был бы изменником, а не революционером. Неужели же это не ясно?

Самое замечательное, однако, то, что наиболее неутомимую фракционную работу в 4-ом Интернационале ведет именно Вареекен. Со своей маленькой фракцией он откололся от нашей бельгийской и международной организации, когда бельгийская секция временно вступила в Социалистическую партию.

Фракционная и насквозь нелояльная критика Вареекена мешала нашей бельгийской секции развернуть более успешную работу внутри Социалистической партии. Вернувшись затем в организацию, Вареекен соединялся со всеми ультралевыми и многими центристскими противниками большевизма в разных странах. Вместе со Снивлитом он поддерживал Олера и Масте против нашей американской секции. Где теперь Олер? Где Масте? Между тем наша американская секция сделала крупнейшие успехи – против Вареекена и его международной фракции.

Все наши попытки вызвать Снивлита на честную дискуссию разбивались об упорное сопротивление этого трэджюнионистского бюрократа. А Вареекен каждый раз находил какой-нибудь повод, чтобы встать на защиту оппортуниста Снивлита против марксизма. О, конечно, Вареекен со Снивлитом "не во всем согласен", но это не мешает ему всегда поддерживать Снивлита, как и вообще всех тех, которые готовятся покинуть или покидают 4-ый Интернационал. Вареекен всех их дружески провожает до дверей, а иногда и сам выходит за дверь, чтобы затем вернуться и обвинять 4-ый Интернационал в плохих методах...

IV

Следовало бы составить именной список всех тех дезертиров и перебежчиков, которым в свое время Вареекен отдавал свое сочувствие. Следовало бы составить, с другой стороны, список всех тех верных и непреклонных революционеров, в борьбе с которыми Вареекен никогда не стеснялся в выборе средств. Защищая ПОУМ, он называл наших самоотверженных испанских единомышленников авантюристами. Защищая Снивлита, он пытается набросить тень на Седова. Во Франции он пытается ставить на одну и ту же доску нашу секцию и группу Молинье. Он уже обеспокоился, не обижает ли Диего Ривера невинного Эйфеля. По отношению к Интернациональному Секретариату Вареекен усвоил себе совершенно недопустимый тон. Что все это значит?

Только на днях наш "беспристрастный" и "нефракционный" Вареекен обвинил меня чуть ли не на весь мир в том, что я "не признаю" бельгийскую организацию. Каковы основы обвинения? Письмо Диего Ривера было послано на адрес Лезуаля, а не Вареекена. Но я к отправке этого письма не имел ни малейшего отношения и вообще не заведую адресами. Тов. Ван подробно объяснил это в своем недавнем заявлении. Этот маленький эпизод дает меру лояльности Вареекена и основательности бросаемых им обвинений. Причем замечательно, что обвинения направляются неизменно не против ультралевых или центристов, а против тех, кто защищает марксистскую линию Четвертого Интернационала.

Нет, дело не в мнимых плохих "методах" И[нтернационального] С[екретариата], а в самом существе взглядов Вареекена. В своей организационной борьбе он далеко отошел от принципов марксизма. Большевицкая позиция стесняет и давит его на каждом шагу. Вареекену не по себе. Такова причина, почему он жалуется на наши "методы", атакуя революционеров и защищая оппортунистов.

Интернациональная конференция окажет, по моему мнению, величайшую услугу нашей бельгийской секции, если даст надлежащую оценку фракционной работе Вареекена, в национальном и в интернациональном масштабе. Мы обвиняем Вареекена не в том, что он "фракционер", – быть фракционером против оппортунизма и сектантства почетно! – а в том, что он утратил принципиальную почву под ногами; в том, что он стоит во главе антимарксистской фракции, которая играла и играет роль тормоза в развитии Четвертого Интернационала. Будем надеяться, что если интернациональная конференция скажет это вслух, то ее предостережение пробудит тов. Вареекена радикально пересмотреть свою позицию и особенно свои недопустимые методы.

V

Как ни важен, однако, личный вопрос о тов. Вареекене, несравненно важнее вопрос о судьбе нашей бельгийской секции в целом. В ее развитии наступил, по-видимому, временный застой. Насколько можно судить издали, причиной этого застоя является в значительной мере неправильная политика тов. Вареекена, который концентрирует внимание партии в совершенно ложном направлении. Чтоб облегчить бельгийской секции выход на широкую дорогу, необходимы, на мой взгляд, следующие меры:

1. Надо разъяснить всем членам секции гибельность синдикальной политики

Снивлита и ее полную несовместимость с задачами революционной партии. Кто хочет строить или поддерживать свои собственные карикатурные профсоюзы, тому не место в 4-ом Интернационале.

2. Главной и основной задачей бельгийской секции должна быть систематическая, упорная, серьезная работа внутри реформистских профсоюзов. Всякое уклонение от этой работы, каковы бы ни были поводы и предлоги, должно рассматриваться как дезертирство с поля борьбы.

3. Через посредство профессиональных союзов надо проникнуть во внутреннюю жизнь социалистической партии, тесно связаться с социалистическими рабочими и подчинить приемы своей агитации внутренней жизни массовых рабочих организаций.

4. Надо проникнуть таким же образом внутрь организаций рабочей молодежи.

5. Газета должна в гораздо большей мере, чем теперь, отражать внутреннюю жизнь массовых организаций и отвечать на их внутренние запросы.

6. Поднятие теоретического уровня секции есть необходимое условие для предохранения ее от влияния сектантских и центристских уклонов отдельных руководителей. С этой целью необходимо создать серьезный теоретический ежемесячник на французском языке. Ввиду того, что такое предприятие пока еще не под силу одной бельгийской секции, следовало бы, может быть, поставить один общий теоретический журнал для всех стран французского языка.

Объективные условия для развития бельгийской секции крайне благоприятны. Нужно только своевременно устранить субъективные препятствия.

Л.Троцкий

23 мая 1938 г.

[Письмо Л.Эстрин]

26 мая 1938 г.

Дорогой товарищ,

Вчера получили от вас письмо No 27. Вы совершенно не упоминаете о вашем физическом состоянии после "аварии". Из этого мы заключаем, что вы оправились и, конечно, очень рады этому.

По поводу книги о Сталине. Обращаться к Суварину вряд ли удобно. Скорее уж можно было бы обратиться к Николаевскому, если есть связь с ним. То, что мне особенно необходимо, это речи и статьи Сталина, начиная с 1925 года, даже с 1923-ьего. У Николаевского имеются, насколько знаю, все вырезки. Если, однако, вам удобнее взять материалы у Суварина, то я возражать не буду, при условии, однако, чтобы обращение к нему исходило не от меня.

Мне необходимо сейчас навести следующую справку: в 1910 году вышла в Женеве книжка "Аркомед. Из рабочего движения на Кавказе". В 1923 г. книжка была переиздана в Москве¹³. Кто автор книжки? Кем книжка была издана в Женеве? В Париже очень легко выяснить этот вопрос.

Если ту или иную статью или речь Сталина нельзя достать во временное пользование (не больше чем на 6 недель, включая и пересылку), то может быть, можно было бы сделать выписки в Париже? Разумеется, трудность в выборе наиболее характерных мест. Но я не сомневаюсь, что вы и товарищ Этьен хорошо разрешили бы эту задачу. Весь вопрос только в расходовании времени и сил.

То же самое относится к статьям во французской периодической печати, особенно в больших журналах. Разумеется, необходимые расходы на это будут покрыты.

Рукопись книги я должен сдать не позже чем через пять месяцев. Это значит, что материалы должны быть в моих руках не позже чем через два месяца. Особенно важно просмотреть в библиотеке комплекты "Правды" и "Известий", начиная с 1925 года. Как вам, разумеется, ясно, меня особенно интересуют этапы политики Сталина в разных вопросах, зигзаги и повороты.

Статья Эльзы¹⁴ о Молчанове¹⁵ очень интересная (я лично о Молчанове ничего не знал), но опасаясь, что в буржуазной печати поместить не удастся, так как интерес к процессам прошел, к тому же статья написана в слишком революционном духе. Я думаю, что эту статью следовало бы напечатать в "Бюллетене" полностью, или хотя бы главную часть¹⁶.

Когда вы писали ваше письмо, вы еще не получили статью "Их и наша

мораль". Эта статья может изменить ваши планы насчет составления номера. Думаю, что статья сейчас важнее проекта программы, т. е. неотложней. Во всяком случае, решайте сами.

Крепко жму руку.

Копия Ю.Вензлеру

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо А.Кагану117]

27 мая 1938 г.

Дорогой тов. Каган,

Я получил Ваши выписки вместе с письмом от 19 мая. Большое спасибо за выписки, которые очень интересны. Переписывать всю статью нет надобности, так как эти цитаты, думается, исчерпывают суть дела. Имеете ли вы вообще комплект "Красной нови"118? В таком случае было бы хорошо, если бы вы просмотрели его с точки зрения политической эволюции Сталина, вернее его зигзагов и методов его борьбы с оппозицией. За всякую справку такого рода буду вам очень благодарен, так как у меня здесь очень мало литературы, а книгу о Сталине я должен закончить в течение ближайших пяти месяцев.

Вы простите меня за то, что я в свое время не ответил на ваше первое письмо с приложением рукописи. Это время было у меня очень тревожное и неблагоприятное: только этим и объясняется мое молчание.

Тов. Сара Вебер сообщила мне, что вы очень внимательно относитесь к русскому "Бюллетеню". Большое вам спасибо. Теперь, когда главного организатора "Бюллетеня" больше нет, "Бюллетень" нуждается во внимании и заботе товарищей больше, чем когда бы то ни было.

Крепко жму вашу руку.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо бельгийскому стороннику]

"За" Четвертый Интернационал? Нет, Четвертый Интернационал!

Дорогой товарищ!

Вам кажется преждевременным "провозглашение" Четвертого Интернационала. Вы считаете более "скромным" и более правильным сохранить название "движение за 4-ый Интернационал". Я никак не могу с этим согласиться. Это название казалось мне педантским, неуместным и слегка смешным еще два года тому назад, когда оно было впервые принято. Опыт последних двух лет вполне показал ошибочность этого названия. Лучшее доказательство этого в том, что оно совершенно не прижилось. Никто не называет нас так. Буржуазная пресса, Коминтерн, социал-демократы - все в один голос говорят просто о Четвертом Интернационале. Никто не употребляет словечка "за". Наши собственные организации, за небольшими исключениями, поступают точно так же, называя себя секциями Четвертого Интернационала. Во всяком случае, так поступают французы, немцы, русские, американцы, мексиканцы, кубинцы и проч. Только Снивлит и Вареекен сделали из словечка "за" свое знамя. Но как раз этот факт лучше всего подчеркивает ошибочность старого названия, которое подавляющему большинству оказалось совершенно ненужным.

Вы совершенно согласны со мной, что Четвертый Интернационал строится только нами, что никакая другая группировка неспособна выполнить эту задачу и не возьмется за нее. С другой стороны, я меньше всего склонен закрывать глаза на то, что наш Интернационал еще молод и слаб. Но это не основание отказываться от собственного имени. В цивилизованных обществах человек носит одно и то же имя в детстве, в зрелости и в старости, и это имя сливается с его индивидуальностью.

Словечко "за" вам кажется выражением политической скромности. Мне оно кажется выражением нерешительности и неуверенности в себе. Революционная партия, которая не уверена в своем собственном значении, не может вызвать

доверия к себе со стороны масс. То обстоятельство, что классовые враги, как и широкие круги рабочих, уже говорят о нас, как о Четвертом Интернационале, показывает, что они доверяют этой "фирме" больше, чем некоторые скептики или полускептики в наших собственных рядах.

Вам кажется, что название "Четвертый Интернационал" мешает приблизиться к нам сочувствующим или полусочувствующим организациям. Это в корне неправильно. Привлечь к себе мы можем только правильной и отчетливой политикой. А для этого нужно иметь организацию, а не туманное пятно. Наши национальные организации называются партиями или лигами. Ведь можно сказать и тут, что "прокламирование" Революционно-социалистической партии в Бельгии затрудняет приближение к ней сочувствующих или полусочувствующих группировок. Если соблюдать принцип "скромности", то следовало бы нашу бельгийскую партию, например, назвать "движением за революционно-социалистическую партию". Но на такое смешное название не согласится, думаю, и товарищ Вареекен. Почему же мы к интернациональной организации должны применять другие принципы, чем к национальной? Недостойно марксиста иметь два разных мерила: одно для национальной политики, а другое - для интернациональной.

Несомненно, в Бельгии, как и во всякой другой стране, могут возникнуть сочувствующие группы, еще не согласные сегодня вступить формально в наши ряды. Мы должны быть готовы установить с ними дружественные отношения и, если они пожелают, включить их в рамки Четвертого Интернационала на правах сочувствующих организаций, т. е. с совещательным голосом.

Вы указываете на то, что мы еще не дали теоретического анализа новейшей стадии империализма и пр. Но если это довод против "провозглашения" Четвертого Интернационала, то это не меньший довод против существования национальных партий. Опять две мерки! Между тем несомненно, что Четвертый Интернационал в целом гораздо лучше вооружен теоретически и гораздо больше застрахован от шатаний, чем каждая из национальных секций в отдельности.

Отношение между теорией и практикой имеет не односторонний, а двусторонний, т. е. диалектический характер. Мы вооружены теоретически достаточно для действия, во всяком случае, неизмеримо лучше всех других организаций. Наше действие будет толкать вперед нашу теоретическую работу, пробуждать и привлекать новых теоретиков и пр. Четвертый Интернационал никогда не выйдет из наших рук в готовом и законченном виде, как Минерва из головы Юпитера¹¹⁹. Он будет расти и развиваться теоретически, как и практически.

Напомню, что Союз Коммунистов¹²⁰ был создан Марксом-Энгельсом до того, как они написали "Коммунистический Манифест". Первый Интернационал был создан до появления первого тома "Капитала". Второй Интернационал - до опубликования всех томов "Капитала"¹²¹. Третий Интернационал в лучший свой период существовал без законченной программы. И т. д.

Исторический процесс не ждет появления "последнего", "законченного", "исчерпывающего" марксистского исследования. Мы должны были занять позицию по отношению к испанской революции, не дожидаясь марксистских трудов об Испании. Война призывает нас к ответу независимо от того, выпустят ли наши теоретики один, два или три тома исследования. Как нельзя отложить войну до изобретения самого совершенного оружия, так нельзя отложить революцию и Четвертый Интернационал до появления самого совершенного теоретического труда. Теория очень важна. Но педантский фетишизм теории никуда не годится.

Парадокс состоит в том, что те, которые называют себя "за Четвертый Интернационал", на самом деле ведут все более острую борьбу против Четвертого Интернационала. На примере Снивлита это особенно ясно: он "за" ПОУМ и "за" Лондонское Бюро, а для того, чтобы сохранить равновесие, он сверх того еще "за" 4-ый Интернационал. Такой путаницы нам не нужно. Политика Снивлита только компрометирует 4-ый Интернационал, как в голландском, так и в международном масштабе. В Испании политика Снивлита приняла форму прямого штрейкбрехерства в самый критический момент. И все это прикрывается словечком "за"! Политика Вареекена есть только 51% политики Снивлита. Немногим иначе обстоит дело с Масловым. Все они "за". На самом деле все они ведут борьбу против основных принципов Четвертого Интернационала, озираясь направо и налево в поисках таких же союзников, которые помогли бы им опрокинуть эти принципы. Этого мы никак не можем допустить. Мы обязаны проявлять величайшее внимание ко всем колеблющимся и

незрелым рабочим группировкам, развивающимся в нашу сторону. Но мы не можем делать принципиальных уступок сектантски-центристским лидерам, которые не хотят признавать ни международной организации, ни дисциплины.

Значит, вы хотите монолитный интернационал? – возразит мне кто-то в священном ужасе. Нет, меньше всего! – спокойно отвечу я на такое подозрение. Вся история Четвертого Интернационала и каждой его секции в отдельности показывает постоянную, непрерывную и свободную борьбу точек зрения и тенденций. Но, как свидетельствует тот же опыт, эта борьба сохраняет здоровый характер лишь постольку, поскольку все участники ее сознают себя членами одной и той же национальной и интернациональной организации, у которой есть своя программа и свой устав. Мы можем, с другой стороны, вести товарищескую дискуссию с группами, стоящими вне нашей организации. Но, как показывает опыт Снивлита и Вареекена, дискуссия неизбежно принимает отравленный характер, когда некоторые лидеры одной ногой стоят в нашей организации, а другой вне ее. Допустить развитие такого режима и дальше – значило бы, совершить самоубийство.

По совокупности этих соображений я полностью и целиком стою за то, чтоб мы сами себя называли так, как нас называют и рабочие, и классовые враги: именно 4-ый Интернационал.

Л.Троцкий

31 мая 1938 г.

Койоакан

Революционное искусство и Четвертый Интернационал

Международной конференции Четвертого Интернационала¹²²

Дорогие товарищи!

Чрезвычайно сожалею, что неблагоприятные обстоятельства не позволяют мне принять участие в конференции, от которой передовые рабочие всего мира ждут ответа на наиболее жгучие вопросы своей освободительной борьбы.

Я достаточно, однако, знаком с той дискуссией, которая в разных странах развернулась по основным вопросам рабочего движения, и с теми документами, которые представлены на ваше рассмотрение, чтобы иметь право заявить о полной моей солидарности с той работой, которую вы призваны выполнить.

Никогда еще в течение своей истории пролетариат не был так подло обманут и предан своими руководящими организациями, как ныне, 25 лет спустя после начала первой мировой войны и немного лет, а, может быть, и месяцев перед началом второй мировой войны.

Чтобы человечество не погибло и не стнило, пролетариату необходимо пронизательное, честное и бесстрастное революционное руководство. Никто не может дать ему этого руководства, кроме Четвертого Интернационала, опирающегося на весь опыт предшествующих побед и поражений.

Позвольте мне, однако, взглянуть на историческую миссию Четвертого Интернационала не только глазами пролетарского революционера, но и глазами художника, каким я являюсь по своей профессии. Я никогда, впрочем, не разделял этих двух сфер деятельности. Кисть никогда не служила мне игрушкой для собственной забавы или для забавы имущих классов. Я всегда стремился по мере сил давать в красках выражение страданиям, надеждам и борьбе трудящихся масс, ибо под этим углом зрения я подхожу к жизни, а, следовательно, и к искусству, которое является ее неотъемлемой частью. Нынешний безвыходный кризис капитализма означает кризис всей человеческой культуры, в том числе и искусства. Спасение культуры – в обновлении общества. Вся мировая обстановка толкает сколько-нибудь одаренных и отзывчивых художников на путь революционного творчества. Но увы, этот путь загражден разлагающимися трупами реформизма и сталинизма.

Если авангард мирового пролетариата ищет руководства, то передовое искусство ищет новой перспективы и новой надежды. Между тем так называемый Коммунистический Интернационал, не дающий пролетариату ничего, кроме поражений и унижений, все еще продолжает командовать духовной жизнью и художественным творчеством левого крыла международной интеллигенции.

Плоды этого командования имеют особенно отталкивающий характер внутри СССР, т. е. там, где революционное творчество должно было бы достигнуть

наиболее высокого расцвета. Диктатура реакционной бюрократии задушила или протушила духовное творчество целого поколения. Нельзя без физического отвращения глядеть на снимки советских картин и скульптур, в которых чиновники, вооруженные кистью, под надзором чиновников, вооруженных маузерами, прославляют "великих" и "гениальных" вождей, лишенных на самом деле искры гениальности или величия. Искусство сталинской эпохи войдет в историю как наиболее наглядное выражение глубочайшего упадка пролетарской революции.

Обогатить искусство новыми перспективами и новыми возможностями способен только новый подъем революционного движения. Четвертый Интернационал не может, конечно, ставить себе задачей "руководить" искусством, т. е. давать ему заказы или предписывать методы. Такое отношение к искусству могло придти в голову только взбесившейся от самовластия московской бюрократии. Искусство, как и наука, не только не ищет командования, но по самому своему существу не выносит его. Художественное творчество имеет свои внутренние законы - даже и тогда, когда сознательно служит общественному движению. Революционное искусство несовместимо с ложью, фальшью и духом приспособления. Поэты, художники, скульпторы, музыканты сами найдут свои пути и свои методы, если революционное движение масс развеет тучи скептицизма и пессимизма, которые обволакивают ныне горизонт человечества. Новое творческое поколение должно убедиться на деле, что в лице старых Интернационалов гниет лишь вчерашний день человечества, но не его завтрашний день.

Социал-демократический интернационал, как показывает свежий и постыдный опыт правительства Леона Блюма во Франции, остается вспомогательным аппаратом буржуазии, который призывается на службу в наиболее трудные минуты для выполнения наиболее грязной работы, особенно для подготовки новой империалистической бойни.

Роль Третьего Интернационала, если возможно, еще преступнее и злобнее, ибо он прикрывает свою службу империализму украденным авторитетом Октябрьской революции и большевизма. На почве Испании сталинизм особенно показал, что в отношении пролетарской революции он взял на себя ту роль международного жандарма, какую царизм играл по отношению к буржуазным революциям.

Подобно бюрократии двух лжемарксистских Интернационалов, анархистская бюрократия успела стать плотью от плоти буржуазного общества. Своей позорной политикой в Испании официальный анархизм убедительно показал рабочим массам всего мира, что они не имеют больше права надеяться на него.

Революционное искусство немыслимо без правды и свободы. Но без тех же условий немыслимо и революционное движение пролетариата. Четвертый Интернационал начал с беспощадной критики всякой условности, фальши, рутины и надутых авторитетов. Он объединяет вокруг себя во все возрастающем числе цвет мирового рабочего класса и уже начал привлекать к себе симпатии лучших представителей творческой интеллигенции. Упадок мирового хозяйства, как и загнивание культуры, могут быть остановлены только международной пролетарской революцией. В фокусе подготовки этой революции уже сейчас стоит Четвертый Интернационал. Правильное руководство, которое он несет пролетариату, - залог будущих побед. Во имя революции, как и во имя неразрывно с ней связанной культуры, я горячо приветствую вашу конференцию.

[Л.Д.Троцкий от имени Д.Риверы]

1 июня 1938 г.

Тоталитарная бюрократия и искусство

Октябрьская революция дала великолепный толчок искусству во всех областях. Бюрократическая реакция, наоборот, задушила художественное творчество тоталитарной рукой. Немудрено! Даже придворное искусство абсолютной монархии было основано на идеализации, но не на фальсификации. Между тем, официальное искусство Советского Союза - а другого искусства там нет - основано на грубой фальсификации, в самом прямом и непосредственном смысле слова. Цель фальсификации - возвеличение "вождя", искусственная фабрикация героического мифа. Совсем недавно, 27 апреля этого года,

правительственный официоз "Известия" напечатал снимок с новой картины, изображающей Сталина как организатора тифлисской забастовки в марте 1902 года¹²³. Но, как гласят давно опубликованные документы, Сталин сидел в это время в тюрьме, притом не в Тифлисе, а в Батуми. На этот раз ложь слишком была в глаза. "Известиям" пришлось на другой день извиняться за печальное недоразумение. Что случилось с картиной, оплаченной из государственных средств, неизвестно. Десятки, сотни, тысячи книг, фильмов, полотен, скульптур закрепляют и возвеличивают такие "исторические" эпизоды, которых никогда не было. Так, во многих картинах, относящихся к Октябрьской революции, изображается никогда не существовавший "революционный центр" со Сталиным во главе. Алексей Толстой¹²⁴, в котором царедворец переселил художника, пишет роман, прославляющий военные подвиги Сталина и Ворошилова в Царицыне. На самом деле, как свидетельствуют документы, Царицынская армия - одна из двух дюжин армий революции - играла самую плачевную роль. Нельзя без физического отвращения, смешанного с ужасом, глядеть на снимки с советских картин и скульптур, в которых чиновники, вооруженные кистью, под надзором чиновников, вооруженных маузерами, прославляют "великих" и "гениальных" вождей, лишенных на самом деле искры гениальности или величия. Искусство сталинской эпохи войдет в историю как наиболее наглядное выражение глубочайшего упадка пролетарской революции.

Дело не ограничивается, однако, пределами СССР. В поисках новой ориентировки квазиреволюционная интеллигенция Запада под видом запоздалого признания Октябрьской революции стала на колени перед советской бюрократией. Художники с характером и гением остались, конечно, в стороне. Но тем назойливее выползли на передний план всякого рода неудачники, карьеристы, бездарности. Несмотря на свой широкий охват, все это милитаризованное движение не породило до сих пор ни одного произведения, которое способно было бы пережить автора или его кремлевских вдохновителей.

Однако вавилонское пленение революционного искусства не будет длиться вечно. Позорное крушение трусливо-реакционной политики Народных фронтов в Испании и Франции, с одной стороны, московские судебные подлоги, с другой, знаменуют приближение великого поворота не только в области политики, но и в области революционной идеологии. Обогащать искусство новыми возможностями способен только новый подъем освободительного движения человечества. Революционная партия не может, конечно, ставить себе задачей "руководить" искусством. Такая претензия могла прийти в голову только взбесившейся от самовластия московской бюрократии. Искусство, как и наука, не только не ищет командования, но по самому своему существу не выносит его. Художественное творчество имеет свои внутренние законы - даже и тогда, когда сознательно служит общественному движению. Революционное искусство несовместимо с ложью, фальшью и духом приспособления. Поэты, художники, скульпторы, музыканты сами найдут свои пути и свои методы, если революционное движение масс развеет тучи скептицизма и пессимизма, которые обволакивают ныне горизонт человечества. Первым условием такого возрождения и подъема является низвержение удушающей опеки кремлевской бюрократии.

Л.Троцкий
10 июня 1938 г.
Койоакан

Грубая фальсификация

В редакцию "Ла Флеш"¹²⁵
Уважаемый г-н редактор!

В No 116 "Ла Флеш", который я получил с естественным запозданием, за подписью г-на Андре Монтаня изложено в выдержках письмо, которое Бухарин написал будто бы вскоре после смерти Ленина некоему Илье Британу. Этот последний, по словам г. Монтаня, был выслан из России за "речь, благоприятную Троцкому". Для всякого, кто хоть немного знает обстоятельства и участников, не может представлять ни малейшего сомнения в том, что дело идет не о письме Бухарина, а о грубой, злостной и невежественной подделке. Имя г-на Ильи Британа я лично впервые узнал из статьи г-на Андре Монтаня. Если публикация исходит от Ильи Британа (когда именно?), то его роль в

аппарате пропаганды белых эмигрантов или фашистской Германии не может оставлять места сомнениям. Не исключено, однако, что письмо сфабриковано ГПУ как "документальное" дополнение к тем показаниям, которые исторгаются тоталитарной инквизицией Сталина. Сейчас немало случаев, когда очень трудно отличить стиль ГПУ от стиля Гестапо. Чтобы разобраться в этом вопросе, нужно знать даты и другие обстоятельства. Во всяком случае дело идет о заведомой и явной фальсификации, и нужно полное отсутствие критического чутья, чтобы не обнаружить это с первого взгляда.

Примите уверение в совершенном уважении.

Л.Троцкий

12 июня 1938 г.

[Письмо А.Кагану]

14 июня 1938 г.

Дорогой товарищ Каган,

Я вижу, что вы очень серьезно взялись за работу и чувствую большую благодарность за это. Присланное вами конспективное изложение статьи Стецкого¹²⁶ великолепно и окажет мне большую услугу. Очевидно, эта статья из "Красной нови" (у вас по ошибке сказано "Красная нива"). Не думаю, чтобы вы нуждались в каких-либо дополнительных указаниях. Мне нужны точные даты, точные и характерные цитаты, относящиеся к борьбе Сталина с оппозицией, к его общей политике, к его противоречиям с самим собой и проч. Очень важны, в частности, факты, характеризующие и зигзаги международной политики, как по линии советской дипломатии, так и по линии Коминтерна.

Еще раз спасибо.

[Л.Д.Троцкий]

Нет, это не одно и то же!

В "Воркерс Ейдж"¹²⁷ от 11 июня напечатана статья в защиту многолетнего прислужничества Ловстона и К° перед термидорианской бюрократией. Статья показывает лишний раз, что эти люди неисправимы.

В своей работе о морали я отметил преступное отношение Брандлера и Ловстона к московским процессам. Ловстон отвечает на это: да, мы ошиблись, но и Троцкий ошибался по отношению к процессу меньшевиков 1931 г.¹²⁸ В чем же разница?

Надо объяснить кратко этим господам, в чем разница.

Меньшевики являются консервативной мелкобуржуазной партией, связанной с империализмом. В Октябрьской революции они объединялись с буржуазией против пролетариата. Во время гражданской войны правое крыло меньшевиков стояло на стороне империалистов (Майский¹²⁹, Трояновский и многие другие), даже с оружием в руках. Меньшевики-эмигранты в Париже считают своим другом и вождем Леона Блюма, приказчика трестов, палача колониальных народов. В этих условиях различные формы блока русских меньшевиков, особенно в лице отдельных представителей и групп, с империалистами политически вполне возможны в настоящем и будущем, как были возможны в прошлом.

Подсудимые меньшевистского процесса 1931 года были малоизвестными или совсем неизвестными людьми, политическое прошлое которых не давало никаких гарантий, а политические взгляды которых в момент процесса оставались совершенно неизвестными.

Если в силу указанных обстоятельств я допускал возможность того, что те или другие меньшевики или бывшие меньшевики оказались действительно запутаны в империалистических интригах и комбинациях, то я, однако, вовсе не выступал при этом как защитник сталинской бюрократии и сталинской юстиции; наоборот, я продолжал непримиримую борьбу против московской олигархии.

С процессами против "троцкистов" дело обстояло, с позволения г. Ловстона, несколько иначе. Всем своим прошлым эта группировка показала, что она мало склонна к дружбе с буржуазией и империализмом.

Литература "троцкистов" была и остается доступной всем. Зиновьев,

Каменев – фигуры интернационального значения. Думаю, что Ловстон лично достаточно знал их. Обвинение против них было политически и психологически бессмысленно.

Процессы "троцкистов" происходили через пять лет после процесса против меньшевиков. За эти пять лет наша литература успела разоблачить термидорианскую бюрократию с ее методами подлогов и амальгам до конца.

Не знать и не видеть всего этого мог только тот, кто не хотел знать и видеть. Именно к этой категории принадлежали Брандлер, Ловстон и их друзья. Они ни на минуту не верили тому, что Троцкий, Зиновьев, Каменев, Смирнов, Радек, Пятаков и другие являются контрреволюционными террористами, союзниками фашистов и пр.: Ловстон и К° – никуда не годные марксисты, но никто не считает их идиотами. Они знали отлично, что дело идет о грандиозном подлоге. Но так как в своей мелкобуржуазной, трусливой и консервативной политике они прочно связали свою судьбу с репутацией термидорианской бюрократии, то они попытались идти за ней до конца в надежде на то, что Сталину удастся изнасиловать мировое общественное мнение. Они рассчитывали в душе, что за такую услугу Кремль их в конце концов "признает" и "призовет". Только тогда, когда они увидели, что московский обер-фальсификатор позорно провалился, они отошли в сторонку и вполголоса признали свою "маленькую" ошибку.

Во Франции в конце прошлого века обвинили еврея офицера Дрейфуса в шпионаже. Дрейфус представлял никому не известную фигуру. Можно было быть вполне честным человеком, демократом, социалистом, противником антисемитизма и проч., – и в то же время допускать, что Дрейфус действительно шпион: такие случаи в офицерстве совсем не редки. Другое дело – стать на защиту французского генерального штаба и всякой реакционной сволочи и принять участие в антисемитской газетной кампании. Между этими двумя "ошибками" есть некоторая разница, господа из "Воркерс Эйдж"! Одна ошибка имеет эпизодический характер, другая органически вытекает из гнилой насквозь политики.

Я пишу это не для Ловстона и его клики. Эти люди безнадежны. В течение 15 лет они были только тенью различных групп советской бюрократии: Ловстон был зиновьевцем с Зиновьевым, бухаринцем – с Бухариным, сталинцем – со Сталиным. В течение 15 лет он повторял все клеветы и фальсификации против так называемых "троцкистов". Его братание с Вышинским и Ягодой в 1936 году явилось естественным звеном этой недостойной цепи. Перевоспитать Ловстона нельзя. Но в рядах так называемых ловстонистов есть, несомненно, и вполне искренние люди, систематически вводимые в заблуждение. Для них я пишу эти строки.

Л.Троцкий
Койоакан
18 июня 1938 г.

[Письмо В.Кагану]

19 июня 1938 г.
Дорогой товарищ Коган!

"Красной нови" у нас нет совсем. Ваша ссылка на статью Трайнина¹³⁰ с требованием выдачи террористов меня очень заинтересовала. Было бы хорошо сгруппировать все материалы, касающиеся этого вопроса: инициатива создания трибунала при Лиге Наций, выступление Литвинова, статьи советской печати и проч. Вы могли бы, может быть, написать на эту тему статью для "Нью Интернэйшонал"¹³¹; в то же время материал был бы мне очень полезен для моей книги.

У нас имеются только следующие номера "Большевика"¹³²: NoNo 24 за 1934 год, за 1935 г. NoNo 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 18.

Л.Д.Троцкий]

[Письмо С.Вебер (Джекобс) Л.Эстрин]¹³

25 июня 1938 г.

Дорогая Леля!

Если вы меня потихоньку и ругаете за долгое молчание, то вполне правы. Не знаю, почему мне так трудно писать. До отъезда сюда (а отъезд произошел как-то скоростно) была занята хлопотами по дому, разными поручениями Л.Д. [Троцкого] и т. п. А по приезде сюда все со дня на день откладывала письмо вам, и так проходили недели... Приехала я сюда с намерением пробыть не более шести месяцев. Что будет по истечении этого периода, не знаю. Вернется ли Рая сюда, не знаю. Да если бы даже ее личные дела позволили провести ей еще шесть месяцев здесь, то это все равно Л.Д. [Троцкого] не устраивает, да кроме того, ее знание русского языка не вполне достаточно. Но все это вопрос еще нескольких месяцев, а пока будем надеяться, что что-нибудь "устроится".

Мексиканский климат на мне совсем не отразился. А живем мы здесь, в этом тихом синем доме за высокими каменными стенами, как в крепости или... в монастыре. Живем почти в полной изоляции от окружающего населения, без какого бы то ни было контакта с местной жизнью. День заполнен работой, а по вечерам, особенно теперь, в эту несносную полосу дождей, тоскливо по более активной жизни, да и, по правде сказать, по мужу. Даже и работа не помогает...

Что сказать вам о Наталье Ивановне [Седовой] и Л.Д. [Троцком]? Продолжают (вот уж который год?) жить в изгнании, оторванные от активной жизни. Каждый день приносит новые известия об убитых, затравленных, замученных в советской (?) России. Для нас это в большинстве случаев только имена, для них это живые люди, друзья, соратники. О Сереже почти не упоминают. Что с ним? Живет ли еще, или замучен где-нибудь в сталинских подвалах? А трагический конец Левы? Разве это можно забыть? Правда жизнь идет вперед... Л.Д. [Троцкий] весь отдался работе (работает с раннего утра до поздней ночи), каждая минута его времени, его мышления отданы ей; он, видимо, сознательно горе свое запрятал куда-то в тайники души своей. Но я нашла его таким замкнутым, молчаливым... Редки прежние шутки, нет смеха, нет улыбки. Наталии Ивановне не дано творческое дарование, не дана также эта сверхчеловеческая способность с утра до позднего вечера отдаваться умственной работе. Ей труднее. Она больше сама с собой. Да еще все время мучает мысль, как погиб Лева. Не верится, что все это как-то совершилось "естественно". Да и страшно тяжело за Жанну.

Вы знаете, Леля, еще в бытность мою в Нью-Йорке меня так неприятно поразило, так больно резануло заявление Жерара в прессе, что, мол, нет подозрений в связи со смертью Левы. Даже если бы мы были в этом стопроцентно уверены, то зачем было давать такое заявление прессе, а потом все же решаться на вскрытие? А потом эта совершенно невозможная заметка в "Ля Лютт"¹³⁴ насчет побоища с членами фракции Молинье. Зачем притянули имя Жанны, зачем называли ее "Молинье"? Зачем это все, кому это нужно? Зачем сейчас еще травить эту несчастную, убитую горем женщину гнусными инсинуациями? Я видела, когда этот номер газеты прибыл сюда, как Наталия Ивановна втихомолку плакала, стараясь подавить рыдания... Что теперь? Ведется ли еще какое-нибудь расследование?

[С.Вебер]

[Письмо М.Зборовскому]

26 июня 1938 г.

Дорогой товарищ,

Получены материалы и "Бюллетень". Большое спасибо за все. Может быть, не стоило печатать мою статью "За 20 лет"¹³⁵, написанную для американской печати: читателям дневника она не дает ничего нового. Но это не так уж важно. Позор и трижды позор, что Кривицкий и другие не дают статей для "Бюллетеня", приберегая их для меньшевиков. И эти люди считали себя вчера большевиками! На деле они были буржуазными чиновниками Сталина, не больше.

Мне в высшей степени пригодились выписки из Иремашвили¹³⁶. Я считаю его воспоминания заслуживающими в основном полного доверия. Суварин обошел его с недоверием. Не потому ли просто, что Суварин не знает немецкого языка?

Иремашвили на пять лет раньше рассказал то, что официальные мемуаристы и биографы подтвердили затем прямо или косвенно, чаще всего путем красноречивых умолчаний. Что вам известно об Иремашвили? Почему вы считаете его не заслуживающим доверия? Только потому, что этот бывший меньшевик стал национал-социалистом? Сообщите, пожалуйста, на этот счет все, что вы знаете.

Я очень благодарен Николаевскому за его готовность оказать содействие и на этот раз. Со своей стороны, я был бы очень рад быть ему полезным в каком-либо отношении. Может быть, ему нужны какие-нибудь американские книги, журналы и справки? Я охотно сделаю все, что смогу.

Разговоры о том, что я не протестовал против обвинения Дана, просто смешны. Я не протестовал против обвинения Росмера, Истмена, Суварина и многих других. Та работа, которую мы провели через комиссию в Нью-Йорке, имеет не личный, а общий характер и распространяется на всех оклеветанных. Что касается лично Дана, то только идиоты могут верить, что он связан с Гестапо (или не помню с кем).

Из Нью-Йорка редакции "Бюллетеня" послано нечто вроде морального мандата. Я к этому целиком присоединяюсь. Думаю, что в делегации могут участвовать два товарища и даже три, смотря по обстановке и по тем условиям, какие установит "начальство"¹³⁷.

При выписке из речей и статей Сталина очень важно обратить особое внимание на следующие вопросы:

- а) китайская революция,
- б) англо-русский комитет,
- в) программа Коминтерна,
- г) Третий период ("близнецы"¹³⁸ и проч.)

Нет надобности переписывать статьи целиком, достаточно выбрать центральный пункт, точно указав дату и прочее (выписки из Иремашвили сделаны великолепно). К ближайшему номеру "Бюллетеня" я надеюсь дать вам еще короткую статью о разгроме Красной Армии, в виде передовой¹³⁹. В общем же вы материалами отсюда обеспечены вполне.

Жму руку.

Ваш

Л.Д. [роцкий]

[Письмо М.Зборовскому]

4 июля 1938 г.

Дорогой товарищ,

Я нашел юридическое подтверждение того, что Сталин в молодости был тесно связан с Иремашвили. Это обстоятельство имеет огромное значение для первых глав моей книги. Я начинаю с беспокойством спрашивать себя, все ли выписано из книги Иремашвили, что представляет интерес? Из Вашего письма видно, что вы относились к автору с недоверием и поэтому могли оставить без внимания те или другие детали. Между тем, я считаю его вообще самым основательным и правдивым из всех авторов воспоминаний о молодости Сталина. Я бы очень просил еще раз просмотреть книжку и выписать то, что было опущено при первом просмотре. Простите за беспокойство, но дело очень важно.

Прилагаемую статью пустите передовой - без подписи¹⁴⁰.

Надо сделать общую заметку: "Перепечатка статей из "Бюллетеня" без поименного согласия редакции будет преследоваться по закону"¹⁴¹. Это касается прежде всего Молинье.

Жму крепко руку

Ваш

Л.Д. [Троцкий]

[Письмо Л.Эстрин С.Вебер]¹⁴²

Париж, 5 июля 1938 г.

Дорогая Сара,

Получила ваше письмо No 13 - 67/7 со статьей "Мексика и британский

империализм"143 для "Бюллетеня". Кроме того, получила ваше письмо от 10 июня о мандате русской секции на предстоящую конференцию144. Все высказанные вами пожелания будут, само собой разумеется, учтены. Делегат с достаточно обоснованным мандатом будет послан.

Что касается русской группы, то до сих пор по ряду чисто технических причин не удалось созвать первого организационного собрания. Оно во всяком случае будет созвано на днях. Возможно, что по-настоящему группа приступит к работе только после летнего перерыва, так как некоторые товарищи уезжают. Во всяком случае мы будем Вас все время держать в курсе этого дела.

Посылаем Вам дальнейшие материалы для Л.Д. [Троцкого] Надеемся, что нам удастся сегодня закончить просмотр "Пролетарской революции". Как видите, "Пролетарская революция" дала довольно много интересного и существенного материала.

Посылаем также немецкий текст статьи Эльзы145 для "Бюллетеня". Статью эту также поместят в "IV Интернационал" и, надеемся, также в "Нью Интернейшионал" (мы послали ее Яну [Франкелю]), и, если выйдет немецкий орган, то и там. В статье этой не указаны два существенных факта: 1. что ГПУ донесло на Райсса швейцарской и французской полиции, сообщив все его клички, паспорта и пр., изобразив его сомнительной личностью, агентом Гестапо, чтобы потом иметь алиби. Что это сделало ГПУ - не подлежит никакому сомнению, так как помимо ГПУ никто ведь не мог знать ни его паспортов, ни его имен - ничего. 2. ГПУ дало определенное распоряжение убить Эльзу и овладеть записками Райсса. Не вышло же это не по вине ГПУ, а по чисто техническим причинам.

Послали вам вчера книгу стихов о Сталине и брошюру Казем-Бека146 (младорос). Книгу стихов нам удалось одолжить на шесть недель, просим ее сразу же по просмотре вернуть. Ведь надолго эта книга все равно не может понадобиться. Просто для того, чтобы дать представление о высоком качестве поэзии в честь "любимого вождя", общем виде книги, а особенно портрета, мы ее Вам посылаем. Проследите, пожалуйста, за тем, чтобы книга эта была возвращена не позднее конца августа. Брошюру, конечно, возвращать не надо. Мы ее купили для Л.Д. [Троцкого]

Все жду от Вас обещанного письма.

Крепко жму руку

[Л.Эстрин]

Да, забыла вам еще написать, что Таров147 высылает копию своего манускрипта для Л.Д. [Троцкого]. Л.Д. [Троцкий] в курсе тех историй, которые у нас были с Т[зровым] из-за его манускрипта. После этого он обращался уже ко всем, вплоть до Н[иколаев]ского, который хотел ему помочь. Но издательство, ознакомившись с его манускриптом, отказалось взять его "вследствие бездарности". Однако Т[аров] не желает этому верить, считает, что это всю козни против него, на самом же деле он пишет превосходно.

[Письмо Ч.Маламуту]148

6 июля 1938 г.

Уважаемый товарищ Маламут,

Спасибо за все присланное. Одну книжку я вам возвращаю обратно, так как я получил второй экземпляр. Материалы будут возвращены по использованию.

Насчет моей критики сталинского участия в тифлисской экспроприации у вас явное недоразумение, вытекающее из излишнего доверия к Суварину. Но об этом не стоит здесь распространяться, так как я подробно выскажусь в четвертой или пятой главе книги149.

Еще раз большое спасибо.

С сердечным приветом

[Л.Д.Троцкий]

P.S. Если вам удобно, вы можете, разумеется, писать мне по-английски.

Ответы на вопросы г. Ола Апенес150

Вы желаете иметь от меня заявление для газеты "Афтенпостен" по поводу интервью, данных господином Ломбардо Толедано во время его пребывания в Осло, и по поводу телеграммы, напечатанной в "Афтенпостен" из Москвы от 10 июня, по поводу предстоящего процесса советских дипломатов¹⁵¹.

Ваша газета относится ко мне с открытой враждебностью, которую она выражает в возможно грубой форме. Я считаю, что враждебность вашей газеты вполне заслужена мною. Я могу ответить на ваши вопросы только при том условии, если мой ответ будет напечатан полностью и целиком, включая и это предисловие. Что касается комментариев вашей газеты, то они для меня безразличны.

Начинаю с процесса дипломатов. Я не знаю, будет ли действительно инсценирован этот процесс, в котором Якубовичу¹⁵², по словам вашей газеты, предстоит играть главную роль. Если это верно, то роль Якубовича определяется не его фигурой, политически третьестепенной, а условиями политической географии: он был посланником в Норвегии, где я провел полтора года. Из названных возможных обвиняемых я хорошо знал в свое время бывшего посла в Берлине и Токио Юренева¹⁵³; бывшего посла в Варшаве и генерального консула в Барселоне Антонова-Овсеенко; бывшего главу военной секции комиссариата иностранных дел генерала Геккера¹⁵⁴. Но я совершенно не знал Якубовича. Возможно, конечно, что я когда-либо встречался с ним в Москве на каких-либо официальных заседаниях. Но я совершенно этого не помню. Во всяком случае, во время моего пребывания в Норвегии ни мне, ни Якубовичу не могла придти в голову сама мысль о каких-либо сношениях или связях между нами. Мой покойный адвокат Пунтервольд¹⁵⁵ рассказывал мне во время моего заключения в Хуруме "из достоверных источников", что Якубович держал себя в высшей степени агрессивно в норвежском департаменте иностранных дел и стучал кулаком по столу, требуя сперва моего заключения, а затем моей высылки из Норвегии. Первого он достиг, во втором ему было отказано. Вот все, что я знаю - из вторых рук - о деятельности Якубовича в Норвегии.

Весьма возможно, что Якубович привлечен с единственной целью: исправить промах со знаменитым аэропланом Пятакова, который опустился будто бы на аэродроме Келлер. Показание Пятакова, совершенно фантастическое и крайне неряшливо сфабрикованное, было в свое время опровергнуто норвежской печатью. Советская юстиция до сих пор не оправилась от этого удара. Возможно, что на Якубовича будет возложена обязанность преподнести человечеству какую-нибудь новую версию путешествия. Якубович может рассказать, что Пятаков ошибся в отношении географии или что он сознательно скрыл действительные условия перелета с целью спасти какого-либо соучастника, может быть того же Якубовича. Нам дадут новую схему событий, в которой, конечно, окажутся новые прорехи. Штопать эти прорехи московская юстиция будет, однако, уже после смерти Якубовича. Все это, разумеется, только мои предположения. Но я их считаю весьма вероятными, если процесс дипломатов действительно состоится.

Что касается интервью, которое Ломбардо Толедано дал "Арбайтерблад" 25 мая, то оно одинаково компрометирует и газету, и ее осведомителя. В своем интервью Ломбардо Толедано, как и в большинстве других своих выступлений, не говорит ни слова правды. Он искажает факты не только в целях политической клеветы, но и бескорыстно, очевидно, в силу органической потребности.

По словам Толедано, Диего Ривера "пригласил" меня в Мексику для того, чтоб я... делал рекламу вокруг имени Риверы. Разве эти слова не характеризуют целиком духовный рост и мораль самого Толедано?

На вопрос о том, имеются ли у меня в Мексике друзья, Толедано ответил: "У него было, может быть, пятеро друзей, когда он прибыл. Теперь только два: Диего Ривера и его жена". Это не помешало тому же Толедано на публичном митинге в Мексике заявить, что я готовлю генеральную стачку против правительства генерала Карденаса. В каком же из двух случаев г-н Толедано лгал? На это я вынужден ответить: как обычно, он лгал в обоих случаях.

Толедано позволил себе издеваться над "судом", который устроили будто бы в Койоакане мои "друзья". Он вдаётся при этом в фантастические детали о том, как хозяйка дома, Фрида Ривера, угощала судей и свидетелей чаем (очевидно, в целях подкупа). Во всем этом нет ни слова правды. В Койоакане не было никакого суда. Сюда приехала на неделю следственная комиссия для выслушивания меня как свидетеля. Стенографические протоколы заседаний следственной комиссии опубликованы в виде книги "Дело Льва Троцкого" в 500

страниц. Простое знакомство с этой книгой разоблачает ложь г-на Ломбардо Толедано с начала до конца.

Только что вышел из печати полный текст приговора Международной следственной комиссии под заглавием "Невиновны"¹⁵⁶. Приведем прежде всего состав судей:

Джон Дьюи, председатель комиссии, известный американский философ, заслуженный профессор Колумбийского университета, международный авторитет по вопросам педагогики;

Джон Чемберлен, американский писатель, долгое время состоявший литературным критиком "Нью Йорк Таймс", лектор Колумбийского университета по вопросам журнализма;

Эдвард Росс, глава американских социологов, заслуженный профессор университета Висконсин;

Беджамин Столберг, известный американский публицист по вопросам рабочего движения;

Карло Треска, лидер американского анархо-синдикализма, издатель журнала "Эль Мартело"¹⁵⁷;

Сузанна Лафолетт, секретарь комиссии, известная писательница, редактор радикальных журналов;

Альфред Росмер, известный деятель французского рабочего движения, член исполнительного комитета Коммунистического Интернационала в 1920-[19]21 [г]г., главный редактор "Юманите" в 1923-[19]24 годах;

Отто Рюле, старый деятель левого крыла германской социал-демократии, сподвижник Карла Либкнехта, автор биографии Карла Маркса;

Венделин Томас, бывший лидер восстания немецких моряков 7 ноября 1918 года¹⁵⁸, впоследствии коммунистический депутат рейхстага (1920-[19]24);

Франциско Замора, бывший член Исполнительного комитета Мексиканской конфедерации труда, профессор политической экономии, выдающийся публицист марксистского направления.

В качестве юридического советника комиссии фигурировал Джон Финерти, известный в Соединенных Штатах либеральный адвокат.

Все участники комиссии имеют за собой долгое и заслуженное прошлое в разных областях общественной жизни, науки и политической деятельности. Все они защищали в свое время Октябрьскую революцию от клеветы реакции. Многие из них принимали участие в кампаниях по поводу сенсационных процессов Сакко-Ванцетти¹⁵⁹, Тома Муни¹⁶⁰ и др. Если не считать А.Росмера, который в известные периоды был политически связан со мною, все остальные участники комиссии, как ее либеральное большинство, так и марксистское меньшинство, являлись и остаются противниками так называемого "троцкизма". Ни одного из них я никогда не встречал до начала расследования.

Комиссия работала чрезвычайно напряженно свыше 8-ми месяцев, допросила непосредственно и через посредство особой парижской подкомиссии многочисленных свидетелей, изучила многие сотни документов и сформулировала свое окончательное заключение в приговоре, занимающем 422 страницы убористого текста.

Каждый пункт обвинения против Троцкого и Седова, каждое "признание" московских обвиняемых, каждое показание свидетелей разобрано с исчерпывающей полнотой в отдельных параграфах. Текст приговора заключает в себе 247 таких параграфов.

Нет никакой возможности, разумеется, в настоящем заявлении исчерпать содержание книги, которая навсегда останется памятником идейной честности, юридической и политической проницательности и неутомимого трудолюбия. Все те факты, даты, свидетельства, аргументы, которые рассеяны на страницах официальных стенографических отчетов московского суда, в критических и полемических произведениях друзей ГПУ и его противников, подвергнуты здесь тщательному анализу. Все сомнительное отсеяно, установлены лишь незыблемые факты, из которых сделаны незыблемые выводы. Они уже известны.

Параграф 246 гласит: "На основе всех данных, исследованных здесь, и всех установленных выводов, мы находим, что процессы в августе 1936 и в январе 1937 года были судебными подлогами".

Параграф 247 и последний гласит: "На основе всех данных, исследованных здесь, и всех установленных выводов, мы находим, что Лев Троцкий и Лев Седов невиновны".

Этой книги ни Ломбардо Толедано, ни другим агентам Сталина не удастся

вычеркнуть уже из оборота мирового общественного мнения. Об ее несокрушимые аргументы друзья и адвокаты ГПУ обломают себе зубы. Приговор вынесен и апелляции на него нет. На лбу Сталина выжжена печать: организатор величайшего судебного подлога в мировой истории!

*

Л.Л.Седов, положивший все силы на вскрытие истины о московских судах, не дожил до появления этой исторической книги. Он имел, во всяком случае, удовлетворение познакомиться с кратким текстом приговора, опубликованным в прошлом году. Теперь правда об обвинителях Седова окончательно вскрыта. Остается вскрыть правду об его убийцах. Мы не сложим рук, пока не доведем эту работу до конца!

[Л.Д.Троцкий]

7 июля 1938 г.

В редакцию газеты "Vida"161

Я искренне благодарю редакцию "Vida" за сделанное мне предложение высказать свое мнение о задачах мексиканского учительства. Мое пока еще слишком недостаточное знакомство с жизнью этой страны не позволяет мне сформулировать конкретные практические суждения. Но есть одно общее соображение, которое я позволю себе высказать здесь.

В отсталых странах, к которым принадлежит не только Мексика, но в значительной мере еще и нынешний СССР, деятельность учителя есть не просто профессия, а высокая миссия. Задача культурного воспитания состоит в пробуждении и развитии критической личности в угнетенных и придавленных массах. Необходимым условием для этого является критически развитая личность самого учителя. Кто не имеет твердо выработанных убеждений, тот не может быть наставником народа. Вот почему тоталитарный режим во всех его видах - в государстве, в синдикате, в партии - наносит непоправимые удары делу культуры и просвещения. Там, где убеждения предписываются сверху, как военная команда, учитель теряет духовную личность и не может внушать ни детям, ни взрослым уважения и доверия к своей проповеди. Так обстоит сейчас дело не только в фашистских странах, но и в СССР. Экономические основы, созданные Октябрьской революцией, еще, к счастью, не разрушены окончательно. Но политический режим уже полностью получил тоталитарный характер. Советская бюрократия, изнасиловавшая революцию, хочет, чтобы народ считал ее непогрешимой. Эту задачу: обманывать народ по примеру попов она возлагает на учителя. Чтобы задуть в нем голос критики, она вводит тоталитарный режим в профессиональном союзе учителей. Поставленные во главе союзов полицейские чиновники поднимают бешеную кампанию клеветы и травли против всякого критически мыслящего учителя, как против контрреволюционера, "троцкиста" и "фашиста". Кто не сдается, того душит ГПУ. Мало этого. Советская бюрократия стремится распространить тот же режим на весь свет. Она имеет во всех странах своих агентов, которые пытаются насадить тоталитарный режим внутри профессиональных союзов других стран. Такова самая страшная опасность, угрожающая делу революции и культуры, особенно в молодых и отсталых странах, где население и без того слишком привыкло подчиняться феодальной, церковной и империалистической команде.

Наиболее горячее пожелание, которое я могу высказать, состоит в том, чтобы мексиканское учительство не допустило в своем профсоюзе тоталитарного режима с его свитой лжи, клеветы, травли и удушения критической мысли. Только честная, лояльная, идейная борьба может обеспечить выработку твердых продуманных убеждений. Только вооруженное такими убеждениями учительство способно завоевать незыблемый авторитет и выполнить свою высокую историческую миссию.

Л.Троцкий

Пацкуаро162

10 июля 1938 г.

Новое преступление ГПУ?

Вчера мои друзья сообщили из Парижа в Нью-Йорк по телефону об исчезновении Рудольфа Клемента¹⁶³, немецкого эмигранта в Париже. Клемент, бывший гамбургский студент, состоял в течение двух лет на Принкипо и во Франции моим секретарем. Это образованный молодой человек 28 лет, свободно владеющий несколькими языками. Он продолжал оказывать мне из Парижа большое содействие в моей литературной работе. Так же, как Эрвин Вольф¹⁶⁴, мой бывший чехословацкий секретарь, Клемент принимал активное участие в разоблачении московских судебных подлогов и тем вызвал ожесточенную ненависть к себе со стороны ГПУ.

Парижские друзья сообщают, что они получили от Клемента из Перпиньяна копию его письма, адресованного мне. Я этого письма еще не получил. Но из предшествующих писем Клемента явно видно, что он не собирался никуда уезжать. Парижские друзья предполагают, что Клемент похищен ГПУ, так же, как в свое время Эрвин Вольф. Если это так, то вполне возможно, что ГПУ увезло его насильственно в Испанию для кровавой расправы. Я колебался, передавать ли эти сведения печати до окончательной проверки. Но так как каждый упущенный час может грозить гибелью моему молодому другу, то я считаю своим долгом уже сейчас опубликовать полученные мною сведения.

Л.Троцкий

18 июля 1938 г.

Койоакан

К конференции Лиги американской социалистической молодежи¹⁶⁵

Революционная партия не может не опираться на молодежь. Можно даже сказать, что революционный характер партии проверяется прежде всего ее способностью привлекать под свое знамя рабочую молодежь. Основные качества социалистической молодежи - я имею в виду настоящую молодежь, а не двадцатилетних стариков - состоят в готовности целиком и беззаветно отдавать себя делу социализма. Без героического самоотвержения, мужества, решительности история вообще не движется вперед.

Но одного самоотвержения мало. Нужно ясное понимание путей развития и методов действия. Это дается только теорией и живым опытом. Самый горячий энтузиазм остывает и выдыхается, если не находит своевременной опоры в ясном понимании законов исторического развития. Сколько раз приходилось наблюдать, как молодые энтузиасты, набив себе шишки на лбу, становились мудрыми оппортунистами, как разочарованные ультралевые оказывались через короткий срок консервативными бюрократами, подобно тому, как остепенившиеся браконьеры превращаются нередко в отличных жандармов. Накопить знания и опыт и в то же время не растерять боевого духа, революционного самоотвержения, готовности идти до конца - такова задача воспитания и самовоспитания революционной молодежи.

Революционная непримиримость - драгоценное качество, когда она направлена против оппортунистического приспособления к буржуазии, против теоретической половинчатости и дряблой выжидательности всякого рода бюрократических и салонных социалистов и коммунистов типа Браудера, Нормана Томаса, Ловстона и тому подобных. Но "непримиримость" превращается в свою противоположность, когда она служит сектантам и путаникам платоническим утешением за их неспособность связаться с массами.

Верность идейному знамени есть необходимое и основное качество подлинного революционера. Но горе тому, у кого эта "верность" превращается в доктринерское упрямство, в повторение готовых, раз навсегда заученных формул, без умения прислушиваться к жизни и откликаться на ее требования. Подлинная марксистская политика означает проведение идей пролетарской революции во все более широкие массы, через вечно изменяющиеся, всегда новые и часто неожиданные сочетания исторических условий.

Главным врагом внутри пролетариата остается, разумеется, оппортунизм, особенно его наиболее порочная и злокачественная форма - сталинизм, этот сифилис рабочего движения. Но для успешной борьбы с оппортунизмом необходимо разделиться с пороками сектантства, доктринерства и фразерства в собственных рядах. История Четвертого Интернационала, в том числе и в Соединенных Штатах, дала нам на этот счет немало уроков: надо уметь понять их и

воспользоваться ими. Древние греки выводили пьяных илотов¹⁶⁶, чтобы отвратить свою молодежь от алкоголя. Все эти Олеры, Филды, Вареекены и К° являются илотами сектантства, которые выделывают свои прыжки и гримасы как бы со специальной целью: отвадить нашу молодежь от бесплодного и надоедливого сектантства.

Остается пожелать, чтоб ближайшая конференция Лиги стала новым значительным этапом на пути накопления политического опыта на гранитной основе марксистской программы. Только при этом условии будет обеспечена судьба того великого исторического движения, одним из передовых отрядов которого является Лига молодежи.

Л.Троцкий

18 июля 1938 г.

Койоакан

По поводу моего нового заговора

За 18 месяцев моего пребывания в этой гостеприимной стране я оказался повинен в целом ряде грозных заговоров.

Несколько месяцев тому назад г-н Толедано на митингах заявлял, что я готовлю всеобщую стачку против правительства г[енера]ла Карденаса. Не больше и не меньше!

Вождь коммунистической партии (его зовут, кажется, Лаборде) заявил на публичной манифестации, что я состою в фашистском заговоре с генералами Седильо¹⁶⁷ и... Виллареалем¹⁶⁸.

На следующий день каждый из господ обвинителей отбрасывал свое собственное обвинение, как окурков папиросы, забывал о нем сам и переходил к новым измышлениям.

Сейчас в порядке дня поставлена моя каникулярная поездка в Паскаро, Хикилпан, Гвадалахару и Морелию. Теперь меня обвиняют не в подготовке всеобщей стачки и фашистского переворота, а в... путешествии по Мексике, проживании в отелях, встречах и разговорах с мексиканскими гражданами. Да, все эти преступления я действительно совершил! Прибавлю, я их совершил с большим удовольствием.

Со стороны различных слоев населения: рабочих, учителей, военных, артистов, государственных и муниципальных властей - я не встречал ничего, кроме внимания и гостеприимства, которые вообще так ярко характеризуют мексиканцев. В Паскаро несколько учителей, явившихся к Диего Ривера и ко мне по собственной инициативе, беседовали со мной о положении в СССР, и в частности о народном образовании. Я излагал им те же взгляды, какие не раз высказывал в своих книгах и статьях. Чтобы обеспечить необходимую точность изложения, я дал им письменное заявление, которое при сем прилагаю¹⁶⁹. Ни один из этих учителей, насколько знаю, не считал и не называл себя "троцкистом".

В Хикилпане, Гвадалахаре и Морелии у меня таких встреч, к сожалению, не было, так как в каждом из этих пунктов я провел лишь несколько часов.

В Гвадалахаре операционным полем моего "заговора" были правительственный дворец, университет и сиротский дом, где я рассматривал фрески Ороско¹⁷⁰. Ко мне подходили многие лица, чтобы попросить автограф или просто пожать руку. Некоторых я шутя спрашивал, как и учителей в Паскаро: "Вы не боитесь приближаться к контрреволюционеру и фашисту?" На это я получал почти неизменный ответ: "Ни один разумный человек этому не верит". Незачем говорить, что этот ответ доставлял мне большое нравственное удовлетворение.

Что касается моей конспирации с д-ром Атлем¹⁷¹, то я могу лишь сказать, что я впервые узнал его имя из последних "разоблачений". Я никогда не встречался с д-ром Атлем и не имею чести знать его.

Не сомневаюсь, что и это мое заявление, заключающее в себе опровержение нового фальшивого доноса, будет истолковано доносчиками, как "вмешательство во внутреннюю жизнь Мексики". Но этот прием никого не обманет. Я дал определенное обязательство правительству этой страны, т. е. правительству генерала Карденаса, а не правительству Ломбардо Толедано. Никто мне не говорил, что на г-на Толедано возложено наблюдение за моим поведением. Я

никогда не обязывался молчать по поводу клеветы и клеветников. Я сохраняю за собой право, как в своем доме, так и во время поездок, дышать мексиканским воздухом, встречаться с гражданами этой страны, вступать с ними в беседу, посещать памятники искусства и в тех случаях, когда я нахожу это нужным, клеймить гласно и по имени тех "демократов", "социалистов" и "революционеров", которые - о, позор! - взяли на себя поручение добиться путем лжи и клеветы моей выдачи в руки ГПУ.

Л.Троцкий
19 июля 1938 г.
Койоакан

За свободное революционное искусство!172

Не будет преувеличением сказать, что никогда еще человеческой культуре не угрожало столько опасностей, как ныне. Вандалы при помощи своих варварских, т. е. очень скудных, средств, разрушали античную культуру в одном уголке Европы. Ныне вся мировая культура, объединенная единством исторической судьбы, поставлена под удар со стороны реакционных сил, вооруженных всей новейшей техникой. Мы имеем в виду не только надвигающуюся войну. Уже сейчас, в мирное время, положение науки и искусства стало совершенно невыносимым.

Мы ни на минуту, разумеется, не солидаризируемся со столь популярным ныне лозунгом "ни фашизма, ни коммунизма", который отвечает природе консервативного и запуганного филистера, цепляющегося за остатки "демократического" прошлого. Подлинное искусство, т. е. такое, которое не удовлетворяется перепевами готовых образцов, а стремится дать выражение внутренним запросам современного человека и человечества, не может не быть революционным, т. е. не стремиться к полной и радикальной перестройке общества, чтобы освободить из цепей духовное творчество и дать возможность всему человечеству подняться на те высоты, которых в прошлом достигали только одинокие гении. Мы признаем вместе с тем, что путь к новой культуре может проложить только социальная революция. Если мы отвергаем тем не менее какую бы то ни было солидарность с правящим ныне в СССР строем, то именно потому, что в наших глазах он является не представителем коммунизма, а его вероломным и наиболее опасным врагом.

Мы признаем, разумеется, за революционным государством право оборонять себя от прогрессивной буржуазной реакции¹⁷³ также и в том случае, когда она прикрывается знаменем науки или искусства. Но между этими вынужденными и временными мерами революционной самообороны и между претензией командовать умственным творчеством общества пролегал пропасть. Если для развития материальных производительных сил революция вынуждена учредить социалистический режим централизованного плана, то для умственного творчества она должна с самого начала установить и обеспечить анархический режим индивидуальной свободы. Никакой власти, никакого принуждения, ни малейших следов командования! Отдельные ассоциации ученых и коллективы артистов, работающих над выполнением неведомых дотоле грандиозных задач могут возникать и развивать плодотворную работу только на основе свободного творческого содружества, без малейшего принуждения извне.

Из всего сказанного ясно вытекает, что, отстаивая свободу творчества, мы отнюдь не проповедуем политического индифферентизма и далеки от мысли воскрешать так называемое "чистое" искусство, которое обычно служит грязным целям реакции. Нет, мы слишком высокого мнения о функции искусства, чтоб отказывать ему во влиянии на общество. Высшей задачей искусства в нашу эпоху мы считаем его сознательное и активное участие в подготовке революции. Однако художник может служить освободительной борьбе только в том случае, если он субъективно проникся ее социальным и индивидуальным содержанием, если он впитал ее смысл и пафос в свои нервы и свободно ищет для своего внутреннего мира художественное воплощение.

Цель настоящего воззвания - найти почву для объединения революционных работников искусства для борьбы за революцию методами искусства и для защиты самого искусства от узурпаторов революции. Мы глубоко убеждены, что объединение на этой почве возможно для представителей далеко расходящихся

эстетических, философских и политических школ. Марксисты могут идти здесь рука об руку с анархистами, при условии, что те и другие непримиримо порывают с реакционной полицией, представлена ли она Иосифом Сталиным или его вассалом Гарсия Оливером.

Многие тысячи одиноких мыслителей и артистов, голос которых заглушается отвратительной трескотней милитаризованных фальсификаторов, рассеяны по всему миру. Сотни маленьких местных журналов пытаются сгруппировать вокруг себя молодые силы, которые ищут новых путей, а не субсидий. Всякую прогрессивную тенденцию в искусстве фашизм клеймит как вырождение. Всякое свободное творчество сталинисты объявляют фашизмом. Независимое революционное искусство должно сплотиться для борьбы с реакционной травлей и заявить во всеуслышание свои права на существование. Такова цель той Международной федерации независимого революционного искусства, которую мы считаем необходимым создать.

Мы никому не собираемся навязывать отдельные мысли этого воззвания, которое мы сами рассматриваем лишь как первый шаг на новом пути. Всех деятелей искусства, всех друзей и защитников его, которые признают основную цель настоящего воззвания, мы просим немедленно откликнуться. Мы обращаемся с тем же призывом ко всем существующим независимым изданиям левого крыла, которые готовы принять участие в создании Международной федерации и в обсуждении ее задач и методов действия.

Начав с международной переклички путем печати и переписки, мы перейдем к небольшим съездам областного и национального масштаба. На следующем этапе нам удастся созвать мировой конгресс, который положит официальное основание Международной Федерации.

За свободное искусство для революции!

За революцию для освобождения искусства!

Подписи _____

Адреса для сношений:174

25 июля 1938 г.

Окончательный приговор

В издании "Харпер" вышел на днях том в 422 страницы, заключающий в себе подробно мотивированный приговор Международной комиссии в Нью-Йорке по поводу обвинений, выдвинутых против Льва Троцкого и его сына Льва Седова. Книга носит название "Невиновны", которое резюмирует сущность вынесенного комиссией приговора.

Ввиду того, что "друзья" и агенты ГПУ сделали во всех странах все, что могли, для того, чтобы подорвать или скомпрометировать работу Международной комиссии, я позволяю себе обратить внимание общественного мнения в Мексике на тот отзыв, который дала о приговоре одна из самых больших в мире газет "Нью-Йорк Гералд Трибюн": [...]175

Никто, надеемся, не отважится утверждать, что "Гералд Трибюн" является "троцкистским" органом. Наоборот, во всех политических вопросах "Гералд Трибюн" неизменно защищала политику Сталина от нашей критики. Тем более решающее значение имеет тот вывод, к которому пришла газета на основании работ комиссии под председательством д-ра Дьюи. Мировое общественное мнение уже сбросило с глаз повязку, и никому не удастся повязать ее вновь.

Л.Троцкий

31 июля 1938 г.

Важнейшие выводы

1. Фашизм является самой зверской и отвратительной формой империализма. Но это вовсе не значит, что трудящиеся классы и угнетенные народы должны мириться с империализмом, когда он надевает на себя демократическую маску. Латиноамериканские народы не хотят попасть под команду японского, итальянского или германского империализма. Но это вовсе не значит, что Мексика может терпеть контроль британского или североамериканского

империализма над своими естественными богатствами или над своей национальной политикой. Трудящиеся классы и отсталые народы не хотят быть задушены ни фашистским, ни "демократическим" палачом.

2. Япония пытается превратить Китай в колонию. Италия и Германия протягивают руку к французским и британским колониям. В этом смысле они являются "агрессорами". Но это вовсе не значит, что трудящиеся классы и угнетенные народы призваны защищать колониальные владения Франции, Великобритании, Голландии, Бельгии и проч. Задача подлинных революционеров состоит в том, чтобы ликвидировать колониальные рабовладельческие режимы. Наш лозунг: право всех наций на самоопределение – не на словах, а на деле, полное и действительное освобождение всех колоний!

3. Будущее человечества неразрывно связано с судьбой Индии, Китая, Индокитая, Латинской Америки и Африки. Активное сочувствие, дружба и поддержка подлинных революционеров, социалистов, честных демократов полностью на стороне этих народов, составляющих большинство человечества, а не на стороне их угнетателей, под какими бы политическими масками они ни выступали. Кто активно или хотя бы пассивно поддерживает колониальный режим под предлогом защиты собственной "демократии", тот злейший враг трудящихся классов и угнетенных народов. С тем нам не по пути!

4. Мы всей душой с испанским народом в его борьбе против фашизма. Но элементарным условием победы испанской революции является изгнание ГПУ из республиканской Испании и беспрепятственное развитие революционной инициативы испанских рабочих и крестьян. Только таким образом массы испанского народа могут быть снова мобилизованы против внутренних и внешних фашистов; только таким образом из-под ног Франко будет вырвана социальная и военная почва.

5. Для отсталых стран путь сопротивления фашизму есть прежде всего путь революционной борьбы за национальную независимость и за радикальное преобразование аграрных отношений. Без аграрной революции нет ни национальной независимости, ни спасения от фашизма. Кто препятствует экспроприации земельных владений и естественных богатств в интересах крестьян и всего народа, тот содействует фашизму. Общих фраз о дружбе и демократии мало. Надо занять ясную позицию: с магнатами капитала и с их показной "демократией" – или с подлинной демократией рабочих, крестьян и угнетенных народов.

6. Тот мексиканский социалист или демократ, который способен верить "пацифизму" блока сталинской бюрократии и империалистической демократии, в лучшем случае отличается политической слепотой. Господа же вроде Ломбардо Толедано, которые стремятся подчинить рабочий класс Мексики блоку ГПУ и империалистических пацифистов, являются прямыми изменниками не только по отношению к классовым интересам мексиканского пролетариата, но и по отношению к национальным интересам мексиканского народа.

Если Мексика даст себя увлечь на путь политики Ломбардо Толедано, т. е. добровольно превратится в разменную монету между Кремлем и Белым домом, то это будет означать гибель не только мексиканской демократии, но и национальной независимости страны.

7. Мексиканский народ не может и не хочет допустить перенесения на свою почву испанских методов – не только методов Франко, но и методов Сталина.

Рука об руку с сотнями миллионов угнетенных цветных рас, рука об руку с сотнями миллионов трудящихся в империалистических странах, рабочие и крестьяне Мексики будут бороться за мир, свободу, независимость и процветание своей страны, как и за счастье всего человечества.

[Л. Д. Троцкий]

[Июль 1938 г.]

Конгресс против войны и фашизма

Чтобы отдать себе ясный отчет в значении Конгресса против войны и фашизма¹⁷⁶, необходимо исходить из следующих обстоятельств:

1. Конгресс организован ГПУ по заданию Сталина, в его дипломатических целях. Участники Конгресса делятся на шесть групп: а) секретные агенты Кремля, в том числе наиболее ответственные агенты ГПУ; б) члены различных

вспомогательных организаций Коминтерна, молодежи и проч.; в) либеральные и радикальные интеллигенты, чиновники профессиональных союзов и проч., получающие прямые или косвенные подачки Москвы; г) агенты "демократических" правительств; д) тайные агенты фашистских правительств; е) всякого рода дилетанты, пацифистские дамы, искатели и искательницы популярности и проч. Решающую роль играет, разумеется, первая группа. Вторая группа подчинена первой на началах военной дисциплины. Третья группа во всех щекотливых случаях сознательно закрывает глаза. Четвертая и пятая группы преследуют цели разведки. Шестая группа ничего не понимает и привлекается для того, чтобы служить прикрытием для всех остальных.

2. Большинство этих "пацифистов" являются патриотическими политиками империалистических стран. Когда эти господа говорят о "демократии" или "культуре", они имеют в виду исключительно свою империалистическую демократию и свою империалистическую культуру. Так например, г-н Жуо, которого Ленин печатно называл не иначе, как изменником, считает само собой разумеющимся, что 60 миллионов колониальных рабов Франции должны в будущей войне умирать за "демократию" своих рабовладельцев. Британские, как и североамериканские "пацифисты" защищают мир ровно и постольку и до тех пор, поскольку и пока в нем заинтересованы их империалистические отечества. При этом все они смотрят в глубине души на колониальные и полуколониальные народы, как на исторический навоз, предназначенный для удобрения их демократии и их культуры.

3. Рабочие и крестьяне всех стран, разумеется, честно и искренне хотят мира. Достигнуть его можно, однако, только революционной борьбой против империалистических правительств. Именно для того, чтобы парализовать революционную антиимпериалистическую борьбу, Жуо и ему подобные организуют "народные фронты", т. е. подчиняют пролетариат "левому" крылу империалистической буржуазии. Это дает возможность империалистам прикрываться пацифистскими конгрессами и готовить новую войну, в которой будут прежде всего растоптаны все отсталые и слабые народы и государства.

4. Привилегированные империалистические страны (Соединенные Штаты, Великобритания, Франция) считают демократию своей монополией и вовсе не склонны поддерживать демократию и прогресс в более отсталых, слабых странах. Англия предпочитает иметь в Испании генерала Франко, который попадет неизбежно в финансовую зависимость от лондонских банков и предоставит им более льготные и устойчивые условия эксплуатации, чем могла бы сделать испанская демократия. Вашингтонское правительство отлично уживается с некоторыми латиноамериканскими диктатурами, превращая их в свое покорное орудие. Непозволительно поэтому говорить о демократии "вообще". Империалистическая демократия полностью направлена против демократии отсталых и слабых, колониальных и полуколониальных народов.

5. Империалистические "пацифисты" в мирное время не скупятся на великодушные фразы, а в случае конфликта становятся на сторону своего правительства и говорят народным массам: "Мы сделали все для сохранения мира, но непримиримость Мексики (или другого противника) обрекла на неуспех наши усилия". Империалистические пацифисты остаются пацифистами только в свободное время. С момента конфликта или войны они все становятся открытыми адвокатами своего национального империализма.

6. Международная политика Сталина, основанная на угнетении народов СССР, в общем и целом совпадает или стремится совпасть с политикой демократических империалистов. Сталин ищет сближения с нынешними правительствами Франции, Великобритании и Соединенных Штатов. В этих целях он превратил соответственные секции Коминтерна в социал-империалистические партии. Сталин стремится доказать правящим классам наиболее могущественных стран, что он не угрожает их империалистическим интересам. Сталин может проводить подобную политику, только жертвуя интересами мирового рабочего класса и всех колониальных и полуколониальных народов. Недопустимо себя обманывать условными фразами и остатками старых революционных лозунгов. Сталин поддерживает в колониальных и полуколониальных странах "революционную" и "национальную" политику ровно в тех пределах, чтоб испугать заинтересованную империалистическую страну и показать ей высокую ценность своей дружбы. Самый яркий пример в новом свете - Соединенные Штаты и Мексика. Действительная цель Сталина - завоевать доверие и дружбу Белого Дома. В этой игре Мексика - только одно из средств. Сталин стремится

показать, что он может, если захочет, стать очень опасен для Соединенных Штатов в Мексике и вообще в Латинской Америке. Но все это для того, чтобы продать затем интересы Мексики и Латинской Америки североамериканскому империализму на соответственных условиях.

7. Не лучше обстоит дело и с борьбой против фашизма. Сейчас нет надобности рассуждать об этом вопросе теоретически. Достаточно указать на живой пример Испании. Никто так не помог Франко, как блок Сталина с империалистическими "демократиями". Чтобы доказать свою консервативную надежность английской и французской буржуазии, Сталин при содействии испанских Толедано, Лаборде и проч[их] и при помощи аппарата ГПУ задушил испанскую аграрную революцию и социалистическое движение рабочих. Этим и только этим была создана возможность победы Франко.

8. Испанский опыт - только репетиция. Та же опасность грозит и другим странам. На вопросе нефти и земли ясно обнаруживается антагонизм интересов Мексики и двух наиболее могущественных империалистических "демократий". Мексика в данном случае выступает как представительница всех угнетенных, отсталых, эксплуатируемых народов. Империалистические демократы будут при случае, особенно на парадных конгрессах, разглагольствовать о политике "доброего соседа"¹⁷⁷, о мире, дружбе народов и проч. Это не помешает им в случае острого столкновения интересов оказаться на стороне своих империалистических правительств. Что касается Сталина, то в интересах дружбы с империалистическими "демократиями" он не задумается ни на минуту предать любую колониальную или полуколониальную страну.

9. Созыв Конгресса в Мексике задуман, заказан и организован Москвой. Ввиду крайне обостренных отношений с Японией Сталин хочет именно теперь показать свою потенциальную силу на границе Соединенных Штатов. Он как бы играет револьвером, давая понять, что дуло его может быть направлено против Вашингтона, но что он готов в любой момент этот револьвер взять на предохранитель или даже открыть из него стрельбу в противоположном направлении в полном согласии с североамериканским или великобританским военными штабами. Такова суть дела. Все остальное - фразы, декламация, жесты.

[Л.Д.Троцкий]

[Июль 1938 г.]

Что с Рудольфом Клементом?

Сегодня, первого августа утром, мною получено письмо, написанное, по-видимому, рукой Клемента на немецком языке. Письмо датировано 14-ым июля и шло, по-видимому, через Париж и Нью-Йорк. Почерк письма безусловно похож на почерк Клемента, но носит крайне неровный, болезненный, лихорадочный характер. Письмо подписано почему-то "Фредерик". По содержанию своему письмо представляется одним из самых фантастических документов, какие мне пришлось держать в своих руках. Начать с обращения: все предшествующие письма Клемента, в том числе и написанные всего несколькими днями ранее, начинались словами: "Дорогой товарищ" или "Дорогой Л.Д." (мои инициалы). Последнее письмо начинается словами "Господин Троцкий". С начала до конца письмо представляет собой бессвязное нагромождение обвинений против Четвертого Интернационала, меня лично и моего покойного сына. Обвинения двух родов: одни - явно продиктованы ГПУ (неизбежный "блок" с фашизмом и связь с Гестапо!); другой ряд обвинений касается отдельных эпизодов внутренней жизни Четвертого Интернационала и как бы должен объяснить внезапную перемену позиции Клемента. Самое поразительное в том, что содержание письма находится во всех своих деталях в прямом и явном противоречии с сотнями писем, которые тот же Клемент писал до самых последних дней мне лично и общим друзьям. Письмо написано так, как если бы прошлого совершенно не было. Так мог писать лишь человек, физически и морально связанный по рукам и ногам, под диктовку других людей, которые совершенно не знают прошлого Клемента, но хотят использовать его для своих целей. Теоретически можно было бы еще допустить, что Клемент сошел с ума; но в этом случае остается загадкой, почему его бред заключает в себе элементы всем известных "обвинений" ГПУ. Не надо ни на минуту забывать, что Клемент, который близко знал жизнь и работу Четвертого

Интернационала, особенно глубоко возмущался этими "обвинениями", причем его возмущение нашло неподдельное выражение во многих его письмах. Клемент принимал активное участие в разоблачениях московских процессов, и эта работа опять-таки запечатлена во многочисленных письмах и документах.

Всего вероятнее, разумеется, что письмо написано в тисках ГПУ, и что Клемент в страхе за свою жизнь или за жизнь близких ему людей, наконец, под действием каких-либо медикаментов покорно выписывал то, что ему приказывали, не заботясь об исправлении явных бессмыслиц. Может быть даже, Клемент с полной готовностью включал эти бессмыслицы, чтоб заранее скомпрометировать таким образом замысел ГПУ. Во всяком случае, тот факт, что письмо написано и переслано мне, свидетельствует о том, что это дело будет иметь еще какое-то продолжение. Главной загадкой остается, разумеется, сам факт исчезновения Клемента. Где он? Что с ним? На письме нет никакого указания места, откуда оно отправлено. Письмо переходило, видимо, из города в город: на внутреннем конверте значатся лишь мои инициалы. О почтовой орбите этого письма я наведу, разумеется, все необходимые справки.

Письмо кончается словами: "У меня нет намерения открыто выступать против вас". Незачем говорить, что я больше всего желал бы, чтобы несчастный Клемент получил возможность говорить и действовать "открыто", если... если он еще жив. Фотоснимок с письма я немедленно пересылаю в распоряжение французских властей и нью-йоркской комиссии д-ра Дьюи. Будем надеяться, что это таинственное дело будет раскрыто и освещено до конца!

Л.Троцкий
1 августа 1938 г.
Койоакан

[Письмо Ч.Маламута Л.Д.Троцкому]178

Маламут - Троцкому
5 августа 1938 г.

Дорогой Лев Давыдович!

В "Правде" от 10 октября 1920 г. есть статья Сталина под заглавием: "Политика Советской власти по национальному вопросу в России"179, приблизительно в четыре столбца. Нужна ли она вам?

В "Правде" от 31 октября 1920 г. имеется письмо в редакцию И.Майского от 20 октября 1920 г. из Иркутска, в котором он освещает свою прежнюю деятельность, кается и кончает следующими словами: "Я считаю своим долгом отдать свои силы и энергию работе на пользу и укрепление Советской Республики. С товарищеским приветом. И.Майский". Понадобится ли Вам это?

Прилагаю выдержки из "Известий" и из "Правды" 1920 г., которые, надеюсь, вам пригодятся.

Сегодня мне вернули письмо, адресованное мною Гансену, в котором я уведомлял тов. Вебер о получении мною первой главы вашей рукописи. Я надеюсь выслать вам перевод на днях.

Ваш
Malamuth

[Письмо С.Нанжо]

ПИСЬМО

Господину С.Нанжо,
Представителю газет "Токио-Ничиничи" и "Осака-Маиничи"
Отель "Монтехо"
Пасео де ла Реформа, 240
Мексико Сити, Мексика
Милостивый государь!

Я с удовольствием высказал бы свои взгляды относительно положения на Дальнем Востоке, как вообще взаимоотношений между СССР и Японией, перед обширной аудиторией представляемых вами газет. Однако я опасаясь, что

препятствия, стоящие на этом пути, совершенно непреодолимы. Как я вижу из списка ваших вопросов, ваша газета рассчитывает, что мои ответы могут быть использованы в интересах внешней политики Японии или ее внутреннего режима. К такому выводу руководители вашей газеты могли прийти лишь на основании ложной информации советской печати. Мои действительные взгляды не имеют ничего общего с тем, что говорит об этом московская печать.

В борьбе между Японией и Китаем я стою полностью и целиком на стороне Китая. При всей непримиримости моего отношения к сталинскому режиму я считаю, что в столкновении между СССР и Японией СССР представляет прогресс, а Япония – худшую реакцию. Я не сомневаюсь, что в ближайшем военном конфликте большого масштаба Япония потерпит социальную и политическую катастрофу, подобную той, которую потерпела царская Империя во время Великой войны.

Вот мои действительные взгляды, которые я был бы готов развить и обосновать для сведения японского народа, который насильственно удерживается в состоянии полного неведения. Но я очень сомневаюсь, чтобы ваши газеты согласились напечатать правдивое освещение положения на Дальнем Востоке.

Если я ошибаюсь на этот счет, я, разумеется, с полной готовностью признаю свою ошибку. Но в таком случае я попрошу у вас полных и точных гарантий того, что мои ответы на ваши вопросы будут напечатаны полностью и без малейших изменений.

Л.Троцкий

7 августа 1938 года

Койоакан, Мексика

Ответы Диего Риверы на вопросы представителя "United Press" о предстоящем панамериканском рабочем конгрессе¹⁸⁰

1. Самое тесное объединение рабочих американского материка является жизненной необходимостью. Только такое единство может обеспечить влияние рабочих каждой американской страны как во внутренней, так и во внешней политике. В частности, только твердая и решительная политика объединенного пролетариата может воспрепятствовать вовлечению Америки в войну. Достигнет ли этой задачи предстоящий конгресс? Я в этом сомневаюсь.

2. Разные элементы ставят себе разные цели при созыве панамериканского рабочего конгресса. Рабочие массы полуинстинктивно стремятся к объединению и независимой политике. Некоторые из лидеров преследуют совершенно другие цели. От имени мексиканского пролетариата выступает в качестве режиссера г-н Ломбардо Толедано. Это "чистый" политик, чуждый рабочему классу и преследующий свои личные цели. Амбиция г-на Толедано состоит в том, чтобы на спине рабочих подняться к власти мексиканского президента. Преследуя эту цель, Толедано тесно связал свою судьбу с судьбой кремлевской олигархии. Оттуда он получает инструкции и всякого рода помощь. Москва подчинила мексиканских коммунистов г-ну Толедано, т. е. его борьбе за власть. Недавняя поездка Толедано в Соединенные Штаты и Европу, как и предстоящие в сентябре конгрессы, имеют одной из своих целей создать трамплин для Толедано. В этой области Толедано работает полностью рука об руку с Москвой. Можно не сомневаться, что в предстоящих конгрессах в Мексике примут участие все международные агенты Москвы, явные и тайные.

3. Результат конгресса будет зависеть в огромной степени от того, удастся или не удастся Ломбардо Толедано подчинить американское рабочее движение команде московских шегов. Я убежден, что не удастся: связав свою судьбу с ГПУ, Ломбардо Толедано готовит катастрофу своей политики и своей карьеры.

4. Вряд ли на конгресс может проникнуть оппозиция. Конгресс не состоит из делегатов, выбранных массами. Задачи конгресса не обсуждались массами. Подготовительная работа совершается за кулисами, причем агентура ГПУ выполняет главную часть работы. В результате есть все основания думать, что конгресс будет конгрессом тщательно отобранной рабочей бюрократии. Я буду рад, если ошибусь.

5. Г[осподин] Грин ложно изображает конгресс, как "революционный", для того, чтоб оправдать свою собственную реакционную политику. Грин не хочет объединения рабочих всей Америки, потому что сам он представляет рабочую аристократию Соединенных Штатов и презрительно относится к индо-американским

рабочим¹⁸¹.

6. Какие цели преследует Льюис своим участием в конгрессе, я сказать пока не могу. Это выяснится из его поведения на самом конгрессе. Совершенно ясно, однако, что Ломбардо Толедано и другие агенты Москвы, североамериканские, как и мексиканские, имеют своей задачей подчинить СНО директивам Москвы. Этот вопрос имеет сейчас для московской дипломатии решающее значение. Дело идет о превращении рабочих организаций всей Америки в покорный инструмент Сталина и его ГПУ. С этой целью Коминтерн, как известно, резко переменял свою политику: Браудер¹⁸² стал рузвельтистом, Толедано – карденасистом. Но это лишь для того, чтобы усыпить противника. Их действительная задача – проникнуть какой угодно ценой в государственный аппарат. Именно поэтому Москва поддерживает амбиции Толедано. Если бы эти цели были достигнуты, это означало бы в полном смысле слова катастрофу для американского рабочего класса и американской культуры. Мы не хотим превращения Мексики в Каталонию, где наемники ГПУ не хуже фашистов душат сейчас все, что есть честного и самостоятельного в пролетариате и интеллигенции. Как уже сказано, я твердо надеюсь, что этот замысел потерпит фиаско. ГПУ и его методы слишком скомпрометированы, в частности, благодаря расследованию ньюйоркской комиссии под руководством д-ра Дьюи.

Американский рабочий класс найдет свои собственные пути и методы объединения для защиты своих исторических интересов.

[Л.Д.Троцкий]

7 августа 1938 г.

Ответы на вопросы¹⁸³

1. Даже злейшие противники президента Рузвельта не решаются отрицать за ним исключительную личность. Он обладает, несомненно, более выдающимися личными качествами, чем современные диктаторы: Муссолини, Гитлер, не говоря уже о Сталине. Я тем охотнее признаю это, что между моей программой и программой г-на Рузвельта – целая пропасть.

2. Эти меры имеют чисто паллиативный характер¹⁸⁴. Дальнейшее экономическое развитие Соединенных Штатов парализовано частной собственностью. Социальные реформы представляют в этих условиях расходование накоплений на смягчение наиболее острых социальных язв. Ясно, что этот метод не открывает широкой перспективы. Программа, которая хочет сохранить в неизблемости основы капитализма, не может дать выход из кризиса.

Вы спрашиваете, как бы я действовал на месте г-на Рузвельта? Но я не мог бы быть на его месте: мы выражаем разные исторические интересы. Г-н Рузвельт хочет настолько облегчить положение трудящихся, чтоб спасти капиталистическую систему. Я же вижу единственный выход в том, чтоб раз навсегда ликвидировать ее.

3. Во время ближайшей большой войны фашистские режимы первыми потерпят крушение. Гипотетически можно установить такой порядок для последовательных катастроф: Япония, Италия, Германия. Фашизм оказался временным историческим средством подавить непримиримые внутренние противоречия. Во время войны они прорвутся наружу с такой силой, которой, пожалуй, еще не знала история человечества. На смену фашизму придет социалистическая революция.

4. Экономическое могущество Англии давно уже перестало отвечать гигантским размерам ее империи. Интересы метрополии и ее владений глубоко противоречивы во всех частях света. Первый период войны может временно сблизить различные части Империи силою инстинкта самосохранения; но к концу войны Великобритания неизбежно распадется на части, что в свою очередь вызовет социальное потрясение в Англии.

5. Вторичное крушение испанской демократии в течение шести лет показывает с необыкновенной убедительностью, что рамки демократии стали слишком узки для разрешения социального вопроса. Капитализм может в дальнейшем поддерживать свое существование только при помощи открытого военного насилия. Так как Кабальеро, Гарсия Оливер, Негрин и Сталин помешали испанскому пролетариату овладеть властью для социалистической революции, то государство неизбежно попало в руки Франко. Только политические слепцы могли не предвидеть этого исхода.

6. Расцвет американской демократии опирался на расцвет американского капитализма. Естественно, если неисцелимый кризис капитализма превратился в не менее тяжкий кризис демократии.

7. Да, я думаю, что мэр Хейг¹⁸⁵ имеет очень большое политическое значение, далеко превосходящее его собственную, очень банальную и ограниченную личность. Своими действиями Хейг говорит, что капиталистический режим не может быть дальше огражден мерами демократии. Правда, сам Хейг отрицает фашистский характер своей политики. Но он имел предшественника, который говорил прозой, не догадываясь об этом. Число подражателей Хейга будет неизбежно расти. Конституционными средствами справиться с фашизмом нельзя, потому что он оперирует в другой плоскости.

8. Делать предсказания насчет сроков я не берусь. Во всяком случае, нынешнее напряженное положение не может длиться годами. Развязка должна начаться в короткий срок. Она может принять форму либо войны, либо революции. В данный момент война кажется более близкой, чем революция. Но война, несомненно, повлечет за собой революцию.

9. Новое поколение трудящихся и интеллигенции вступает в сознательную жизнь при совершенно исключительных исторических условиях: кризис мировой экономической системы, распад демократии, крушение социалистического и коммунистического интернационалов, гниение советской бюрократии, надвигающаяся опасность войны. Спасти цивилизацию в этих условиях могут только исключительно смелые революционные средства. Чтобы открыть эти средства, нужно критически пересмотреть все старое наследство. Вот почему я думаю, что новое поколение будет отличаться большой смелостью мысли и воли. Оно отбросит философию полумер. Оно захочет иметь полные ответы на вопросы нашей эпохи и оно приложит все силы, чтобы претворить эти ответы в жизнь. Только при этом условии человечество сможет двигаться вперед.

Л.Троцкий

18 августа 1938 г.

Свобода печати и рабочий класс.

Заявление редакции "Ключа"¹⁸⁶

Перевод с испанского¹⁸⁷

В Мексике открыта кампания против реакционной печати. Во главе кампании стоит правление СТМ¹⁸⁸, вернее сказать, лично г-н Ломбардо Толедано. Задача кампании состоит в том, чтобы "обуздать" реакционную печать, поставить ее под демократическую цензуру или запретить совсем. В качестве действующей армии приводятся синдикально организованные рабочие. Бессильные демократы, развращенные опытом сталинской Москвы, во главе с "друзьями" ГПУ аплодируют этой кампании, которую нельзя назвать иначе, как самоубийственной. Нетрудно, в самом деле, предвидеть, что если бы кампания привела к практическим результатам в духе Ломбардо Толедано, то последствия этого всей тяжестью легли бы на плечи рабочего класса. Теория и исторический опыт одинаково свидетельствуют, что все и всякие ограничения демократии в буржуазном обществе неизменно направляются в конце концов против пролетариата, как и все и всякие налоги перелаживаются на плечи трудящихся. Демократия имеет лишь ту ценность для пролетариата, что позволяет свободно развиваться его классовой борьбе. Прямым изменником является поэтому тот рабочий "вождь", который вооружает буржуазное государство исключительными средствами для контроля над общественным мнением и, в частности, над печатью. При обострении классовой борьбы буржуа разных оттенков в конце концов стоворятся между собой и направят все исключительные законы, все ограничительные правила, все виды "демократической" цензуры против рабочего класса. Кто этого не понял до сих пор, тот должен был бы убираться вон из рабочих рядов!

Но ведь диктатура рабочего класса вынуждена бывает прибегать к исключительным мерам, в частности против реакционной печати, возразит кто-нибудь из "друзей" СССР. Такое возражение означает прежде всего отождествление рабочего и буржуазного государства: будучи полуколониальной страной, Мексика является тем не менее буржуазным, отнюдь не рабочим

государством. Однако и с точки зрения интересов диктатуры пролетариата запрещение буржуазных газет или цензура над ними вовсе не является "программой", "принципом", идеальным режимом. Такая мера может явиться лишь неизбежным временным злом. Став у власти, пролетариат может в известный период оказаться вынужденным прибегнуть к исключительным мерам против буржуазии, когда она находится в состоянии восстания против рабочего государства. В этом случае ограничение рабочей печати идет рука об руку со всеми другими приемами открытой гражданской войны. Если против классового врага приходится направлять артиллерию и авиацию, то нельзя тому же врагу позволить иметь в военном лагере пролетариата свои собственные очаги информации и агитации.

Однако и в этом случае исключительные меры, если они превращаются в длительный режим, заключают в себе опасность полной бесконтрольности и политической монополии для рабочей бюрократии и могут стать одним из источников ее возрождения. Живой пример налицо. То отвратительное подавление свободы слова и печати, которое проводится ныне в Советском Союзе, не имеет ничего общего с интересами диктатуры пролетариата. Наоборот, оно направлено на ограждение интересов новой правящей касты против оппозиции со стороны рабочих и крестьян. Именно московской бюрократии и хотят подражать господина Ломбардо Толедано, которые отождествляют свой карьеризм с интересами социализма.

Действительная задача пролетарского государства состоит вовсе не в том, чтобы взять общественное мнение в полицейские тиски, а в том, чтобы освободить общественное мнение от гнета капитала. Это может быть достигнуто только передачей собственности на средства производства, в том числе и на средства типографского производства, в руки всего общества. После проведения этой основной социалистической меры все течения общественного мнения, которые не сражаются против диктатуры пролетариата с оружием в руках, должны сохранить возможность открыто высказываться. Рабочее государство обязано предоставлять необходимые технические средства (типографии, бумаги, транспорт и прочее) в таких размерах, которые соответствуют численности данного течения в стране. То обстоятельство, что сталинская бюрократия монополизировала в своих руках печать, является одним из важнейших источников загнивания государственного аппарата и грозит полным крушением всех завоеваний Октябрьской революции.

Если искать примеров губительного влияния Коминтерна на рабочее движение разных стран, то нынешняя кампания Ломбардо Толедано является одним из самых ярких примеров такого рода. Толедано и его единомышленники пытаются, во-первых, перенести на режим буржуазной демократии методы и приемы, которые в известных условиях и временно могут быть неизбежны при режиме диктатуры пролетариата; во-вторых, они заимствуют эти меры на самом деле не у диктатуры пролетариата, а у бонапартистских узурпаторов. Другими словами, они отравляют и без того большую буржуазную демократию трупным ядом разлагающейся советской бюрократии.

Худосочная мексиканская демократия находится всегда в смертельной опасности как со стороны иностранного империализма, так и со стороны его внутренних реакционных агентов, в руках которых сосредоточены наиболее распространенные органы печати. Но только слепцы или глупцы могут думать, что можно освободить рабочих или крестьян от влияния реакционных идей, запретив реакционную печать. На самом деле только полная свобода слова, печати, собраний может создать благоприятные условия для развития революционного рабочего движения. С реакционной печатью необходима непримиримая борьба. Но рабочие не могут заменить свою собственную борьбу, которую они должны вести через посредство своих организаций и своей печати, полицейским кулаком буржуазного государства. Сегодня это государство может относиться "благожелательно" к рабочим организациям. Завтра оно может попасть, и несомненно попадет, в руки наиболее реакционных элементов буржуазии. В этом случае все ограничительное законодательство обрушится на рабочих. Забывать об этом могут только авантюристы, которые руководствуются соображениями сегодняшней минуты. Важнейший способ борьбы против буржуазной печати состоит в развитии рабочей печати. Но, разумеется, желтые газеты типа "Эль Популар"¹⁸⁹ неспособны выполнить эту задачу. Они не являются ни рабочей, ни революционной, ни даже честной демократической печатью. "Эль Популар" служит личным видам Ломбардо Толедано, который в свою очередь

служит сталинской бюрократии. Ее методы: ложь, клевета, травля, подлог, - являются вместе с тем и методами Толедано. Ни программы, ни идей у него нет. Совершенно естественно, если газета такого типа не может захватить за живое рабочие массы и вытеснить из рабочих кварталов буржуазную печать.

Мы приходим таким образом к непреложному выводу, что борьба против буржуазной печати должна начаться с очищения рабочей печати от недостойных вождей, в частности - с освобождения рабочей печати из-под опеки Ломбардо Толедано и прочих буржуазных карьеристов. Мексиканским пролетариям нужна честная печать, которая выражала бы их нужды, защищала бы их интересы, расширяла бы их кругозор и готовила бы социалистическую революцию в Мексике. Такова позиция "Ключа". Недостойным бонапартистским претензиям Толедано мы объявляем непримиримую войну. На этом пути мы ждем поддержки всех передовых рабочих, всех марксистов и всех подлинных демократов.

Редакция "Ключа"

[Л.Д.Троцкий]

21 августа 1938 г.

Письмо190

Дорогие друзья!

Мы получили только что из Соединенных Штатов, из абсолютно надежного источника, следующие сведения, которые просим вас опубликовать как можно более широко. Наш источник не решался по соображениям осторожности обратиться непосредственно к вам и предпочел обратиться сюда. Но вы можете смело заявить, что получили сведения на месте, в Нью-Йорке.

*

Несколько месяцев тому назад Лаборде, лидер мексиканской сталинской партии, "уехал в Москву". Так сообщала, по крайней мере, вся мексиканская печать. На самом деле Лаборде нелегально оставался все это время в Соединенных Штатах. Его задача, как видно будет из дальнейшего, состояла в том, чтобы использовать подготовку сентябрьских конгрессов в Мексике¹⁹¹ для решительного удара против Троцкого, Диего Ривера и их друзей. В связи с работой сенатской комиссии полиция напала, видимо, на след Лаборде. Таково, по крайней мере, было впечатление вождей компартии, которые смертельно испугались международного скандала и компрометации нью-йоркской агентуры ГПУ. Лаборде получил приказ немедленно покинуть Соединенные Штаты. Нет основания думать, что он отправился в СССР. Наоборот, есть данные, что он тайно вернулся в Мексику, где сохраняет инкогнито, чтобы поддерживать версию о своем пребывании в СССР.

Мексиканская компартия подчинена ныне полностью вождям компартии Соединенных Штатов и через этих последних получает все приказы из Москвы. Объясняется этот странный порядок очень просто. В Мексике нет советских учреждений, и агенты ГПУ в Мексике, не имея дипломатического прикрытия, вынуждены к строжайшей конспирации; они совершенно воздерживаются поэтому от прямого общения с местной компартией, опасаясь, что в ней есть немало агентов полиции. В Соединенных Штатах важнейшие агенты ГПУ пользуются неприкосновенностью и имеют возможность передавать наиболее секретные инструкции тем немногим вождям компартии, которые пользуются безусловным доверием ГПУ. Эти доверенные лица передают, в свою очередь, инструкции в Мексику.

Последняя инструкция, которую получил Лаборде в середине августа, состояла в том, чтобы усилить в Мексике кампанию преследований против Троцкого и его друзей, не ограничиваясь политическими и бюрократическими мерами, а переходя к "прямому действию" (подлинное выражение). Что значит "прямое действие", нетрудно догадаться в связи с рядом убийств троцкистов во Франции, Швейцарии и особенно Испании.

Центральный Комитет мексиканской компартии успел уже сообщить в Нью-Йорк, что он приступил к выполнению полученных инструкций. Было созвано строго конспиративное собрание, в котором участвовали лишь некоторые из

членов ЦК и организаторы "боевых действий", в том числе два или три иностранца, прибывшие в Мексику в связи с подготовкой конгресса "против войны и фашизма". На этом заседании докладчик (по-видимому, сам Лаборде) требовал не только удешевить политическую кампанию против троцкистов, но и подготовить необходимую атмосферу для "физической ликвидации Троцкого и некоторых его друзей" (подлинное выражение). В отношении "политической" кампании докладчик обещал полное материальное содействие со стороны министра просвещения г-на Васкес Вела¹⁹² и его ближайших помощников. Параллельную кампанию, по словам докладчика, ведет секретарь профессиональных союзов Ломбардо Толедано, который во время недавнего путешествия в Европу получил все необходимые материальные средства (в частности, клеветнический фильм против Троцкого). Среди депутатов конгресса имеется значительное количество иностранных агентов ГПУ, главная задача которых в том, чтобы создать в Мексике "благоприятную атмосферу" для выполнения последних московских инструкций.

*

Повторяем еще раз: мы, безусловно, ручаемся за достоверность нашего источника. Вы можете смело начать кампанию, притом со всей необходимой энергией, привлекая к этому делу всех наших друзей. Очень важно не терять ни минуты. Необходимо, в частности, пригласить представителей мексиканской печати в Нью-Йорке и передать им изложенные выше факты.

Хансен¹⁹³

4 сентября 1938 г.

11.10 утра

Тоталитарные пораженцы Кремля

Княгиня Радзивилл (См. "Liberty"¹⁹⁴ от 3 сентября 1938 г.) считает Сталина "самым осведомленным человеком в Европе". С этим никак нельзя согласиться. Сталин, который не читает ни на одном иностранном языке, знает о внешнем мире только то, что ему в русском переводе сообщают его агенты. Каждый из этих агентов больше всего боится показаться в Кремле пессимистом, или - боже упаси - пораженцем. Вследствие этого агенты собирают только те материалы, которые подтверждают последние слова самого Сталина. Таким образом, больше, чем кто-либо из правителей Европы, Сталин живет в мире, который он сам для себя строит. Только по этой причине оказались возможны, в частности, те фантастические и чудовищные московские процессы, которые должны были, по замыслу, показать миру мощь Сталина, а на самом деле раскрыли его слабость.

Начиная с 1933 г., международное значение СССР стало быстро подниматься. Не раз приходилось тогда слышать от европейских журналистов те суждения, которые княгиня Радзивилл повторяет с запозданием на несколько лет. "Кремль держит в своих руках судьбы Европы". "Сталин стал международным арбитром" и проч. Как ни преувеличена была эта оценка и в те дни, но она исходила из двух несомненных факторов: обострения мировых антагонизмов и возрастающей мощи Красной армии. Относительный успех первой пятилетки, вытекавшая отсюда оптимистическая оценка второй пятилетки, осязательные для всех успехи индустриализации, создавшие для армии и флота промышленную базу, преодоление прогрессивного паралича железнодорожного транспорта, первые благоприятные урожаи на колхозной основе, рост количества скота, смягчение голода и нужды - таковы были внутренние предпосылки успехов советской дипломатии. К этому периоду относятся слова Сталина "жить стало лучше, жить стало веселее"¹⁹⁵. Трудящимся массам жить стало действительно немножко легче. Бюрократии жить стало значительно веселее. Крупная доля национального дохода уходила тем временем на оборону. Численность армии мирного времени с 800 тысяч была доведена до полутора миллионов. Возрожденный флот. За годы советского режима успел сложиться новый командный состав, от лейтенантов до маршалов. К этому надо прибавить политический фактор: оппозиция, левая, как и правая, была разгромлена. Победа над оппозицией как бы находила свое объективное оправдание в экономических успехах. Власть Сталина казалась

незыблемой. Все вместе превращало советское правительство если не в арбитра Европы, то, во всяком случае, в крупный международный фактор.

Два последние года не оставили от этой ситуации камня на камне. Удельный вес советской дипломатии сейчас ниже, чем в самые критические месяцы первой пятилетки. Лондон не только повернулся лицом к Риму и Берлину, но и требует, чтобы Париж повернулся спиной к Москве. Свою политику изоляции СССР Гитлер имеет таким образом возможность проводить ныне через посредство Чемберлена. Если Франция не отказывается от договора с СССР, то она свела его к роли второстепенного резерва. Потеряв веру в московскую опору, третья республика неотступно следует по пятам Англии. Консервативные французские патриоты не без горечи жалуются, что Франция стала "последним доминионом" Великобритании. Италия и Германия, с согласия того же Чемберлена, собираются прочно утвердиться в Испании, где совсем еще недавно Сталин казался - и не только самому себе - вершителем судеб. На Дальнем Востоке, где Япония встретила неожиданные для себя затруднения грандиозного масштаба, Москва оказалась бессильна на что-нибудь большее, чем пограничные стычки, притом всегда по инициативе Японии.

Искать причину упадка международной роли советов за последние годы в примирении или смягчении международных противоречий никак не приходится: каковы бы ни были эпизодические и конъюнктурные колебания, империалистические страны фатально идут к мировой войне. Вывод ясен: банкротство Сталина на мировой арене есть прежде всего результат внутреннего развития СССР. Что же, собственно, случилось в самом Советском Союзе в течение двух последних лет, что превратило могущество в бессилие? Хозяйство как будто продолжает расти, промышленность, несмотря на так называемый "саботаж", продолжает хвалиться успехами, урожай повышается, военные запасы накапливаются, Сталин успешно справляется с внутренними врагами. В чем же дело?

Не так давно мир судил о Советском Союзе почти исключительно по цифрам советской статистики. Эти цифры, правда, с тенденциозными преувеличениями, свидетельствовали о несомненных успехах. Предполагалось, что за бумажной завесой цифр скрывается возрастающее благополучие народа и власти. Оказалось совсем не так. Процессы хозяйства, политики и культуры являются в последнем счете отношениями между живыми людьми, группами, классами. Московские судебные трагедии обнаружили, что эти отношения из рук вон плохи, вернее сказать, невыносимы.

Армия есть квинтэссенция режима; не в том смысле, что она выражает только "лучшие" его качества, а в том, что положительным, как и отрицательным тенденциям общества она придает наиболее концентрированное выражение. Когда противоречия и антагонизмы режима достигают известной остроты, они начинают подрывать армию изнутри. Обратное заключение: если армия, наиболее дисциплинированный орган господствующего класса, начинает раздираться внутренними противоречиями, то это - безошибочный признак нестерпимого кризиса в самом обществе.

Экономические успехи Советского Союза, укрепившие в известный момент его армию и его дипломатию, больше всего подняли и укрепили правящий бюрократический слой. Никакой класс и никогда в истории не сосредоточивал в своих руках в столь короткий срок такого богатства и могущества, какие сосредоточила бюрократия за годы двух пятилеток. Но именно этим она поставила себя в возрастающее противоречие с народом, который прошел через три революции и опрокинул царскую монархию, дворянство и буржуазию. Советская бюрократия сосредоточивает в себе ныне, в известном смысле, черты всех этих низвергнутых классов, не имея ни их социальных корней, ни их традиций. Она может отстаивать свои чудовищные привилегии только организованным террором, как она может обосновывать свой террор только ложными обвинениями и судебными подлогами. Выросши из хозяйственных успехов, самодержавие бюрократии стало главным препятствием на пути этих успехов в дальнейшем. Рост страны немыслим дальше без общего роста культуры, т. е. без самостоятельности каждого и всех, без свободной критики и свободного исследования. Эти элементарные условия прогресса необходимы армии еще в большей мере, чем хозяйству, ибо в армии реальность или фиктивность статистических данных проверяется кровью. Между тем политический режим СССР окончательно приблизился к режиму штрафного батальона. Все передовые и творческие элементы, которые действительно преданы интересам хозяйства,

народного просвещения или народной обороны, неизменно попадают в противоречие с правящей олигархией. Так было в свое время при царизме; так происходит, но несравненно более быстрым темпом, сейчас при режиме Сталина. Хозяйству, культуре, армии нужны инициаторы, строители, творцы. Кремлю нужны верные исполнители, надежные и беспощадные агенты. Эти человеческие типы - агента и творца - непримиримо враждебны друг другу.

В течение последних 15-ти месяцев Красная армия лишилась почти всего своего командного состава, который рекрутировался первоначально в годы гражданской войны (1918-1920), затем обучался, квалифицировался, пополнялся в течение следующих 15-ти лет. Радикально обновленный и непрерывно обновляемый офицерский корпус Сталин поставил под гласный полицейский надзор, осуществляемый новыми комиссарами. Тухачевский, и с ним цвет командного состава, погибли в борьбе против полицейской диктатуры над офицерством Красной армии.

Во флоте, где сильные и слабые стороны армии принимают особенно концентрированный характер, истребление высшего офицерства имело еще более повальный характер, чем в сухопутной армии. Нельзя не повторить еще раз: вооруженные силы СССР обезглавлены. Аресты и расстрелы продолжаются. Между Кремлем и офицерским корпусом идет затяжная дуэль, в которой право стрелять принадлежит только Кремлю. Причины трагической дуэли имеют не временный и не случайный характер, а органический характер. Тоталитарная бюрократия сосредоточивает в своих руках две функции: власти и администрирования. Эти две функции пришли ныне в острое противоречие. Чтобы обеспечить хорошее администрирование, нужно ликвидировать тоталитарную власть. Чтобы сохранить власть Сталина, нужно громить самостоятельных и способных администраторов, военных, как и штатских.

Институт комиссаров, введенный впервые в период строительства Красной армии из ничего, означал по необходимости режим двойного командования. Неудобства и опасности такого порядка были совершенно очевидны и тогда, но они рассматривались, как меньшее и притом временное зло. Сама необходимость двоеначалия в армии выросла из крушения царской армии и из условий гражданской войны. Что же означает новое двоеначалие 1936: первый этап крушения Красной армии и начало новой гражданской войны в стране?

Комиссары первого призыва означали контроль рабочего класса над чуждыми и в большинстве своем враждебными военными специалистами. Комиссары новой формации означают контроль бонапартистской клики над военной и гражданской администрацией и через нее над народом. Комиссары первой эпохи вербовались из серьезных и честных революционеров, действительно преданных делу социализма. Командиры, вышедшие в большинстве своем из рядов старого офицерства или унтер-офицерства, плохо разбирались в новых условиях и в лице лучших своих представителей сами искали совета и поддержки комиссаров. Не без трений и конфликтов двоеначалие привело в тот период к дружному сотрудничеству.

Совсем иначе обстоит дело теперь. Нынешние командиры выросли из Красной армии, неразрывно связаны с ней и имеют завоеванный годами авторитет. Наоборот, комиссары вербуются из бюрократических сынков, которые не имеют ни революционного опыта, ни военных знаний, ни нравственного капитала. Это чистый тип карьеристов новой школы. Они призваны командовать только потому, что они олицетворяют "бдительность", т. е. полицейский надзор Сталина над армией. Командиры относятся к ним с заслуженной ненавистью. Режим двоеначалия превращается в борьбу политической полиции с армией, причем на стороне полиции стоит центральная власть.

Исторический фильм разворачивается в обратном порядке, и то, что было прогрессивной мерой революции, возрождается в качестве отвратительной реакционной карикатуры. Новое двоеначалие проходит через государственный аппарат сверху донизу. Во главе армии номинально стоит Ворошилов, народный комиссар, маршал, кавалер орденов и прочая, и прочая. Но фактическая власть сосредоточена в руках ничтожного Мехлиса 1937, который по непосредственным инструкциям Сталина переворачивает армию вверх дном. То же происходит в каждом военном округе, в любой дивизии, в каждом полку. То же в морском и воздушном флотах. Везде сидит свой Мехлис, агент Сталина и Ежова, и насаждает "бдительность" вместо знания, порядка и дисциплины. Все отношения в армии получили зыбкий, шаткий, плавучий характер. Никто не знает, где кончается патриотизм, где начинается измена. Никто не уверен, что можно,

чего нельзя. В случае противоречия в распоряжениях командира и комиссара всякий вынужден гадать, какой из двух путей ведет к награде, какой - к тюрьме. Все выжидают и тревожно озираются по сторонам. У честных работников опускаются руки. Плуты, воры и карьеристы обдeldывают свои делишки, прикрываясь патриотическими доносами. Устои армии расшатываются. В большом и малом воцаряется запустение. Оружие не числится и не проверяется. Казармы принимают грязный и нежилой вид. Протекают крыши, не хватает бань, на красноармейцах грязное белье. Пища становится все хуже по качеству и не подается в положенные часы. В ответ на жалобы командир отсылает к комиссару, комиссар обвиняет командира. Действительные виновники прикрываются доносами на вредителей. Среди командиров усиливается пьянство; комиссары соперничают с ними в этом отношении. Прикрытый полицейским деспотизмом режим анархии подрывает ныне все стороны советской жизни; но особенно гибелен он в армии, которая может жить только при условии правильности режима и полной прозрачности всех отношений. Такова, в частности, причина, почему в этом году отменены большие маневры.

Диагноз ясен. Рост страны и особенно рост ее новых потребностей несовместим с тоталитарной мерзостью и потому обнаруживает тенденцию вытеснять, выталкивать, выпирать бюрократию из всех областей. Процесс этот не нашел еще открытого политического выражения, но тем более он глубок и неотвратим. В области техники, хозяйства, науки, культуры, обороны люди опыта, знания, авторитета автоматически оттесняют назад агентов сталинской диктатуры, в большинстве своем невежественных и циничных, типа Мехлиса и Ежова. Когда Сталин обвиняет ту или другую часть аппарата в утрате "бдительности", он этим говорит: вы заботитесь об интересах хозяйства, науки или армии, но вы не заботитесь о моих интересах! В таком же положении находится каждый из агентов Сталина во всех областях страны и на всех ярусах бюрократической башни. Бюрократия может поддерживать дальше свою власть не иначе, как подрывая все основы хозяйственного и культурного прогресса. Борьба за тоталитарную власть превратилась в истребление лучших людей страны ее наиболее развращенными отбросами.

К счастью для СССР, внутреннее положение его потенциальных врагов, крайне напряженное уже сейчас, будет становиться в ближайший период все более и более критическим. Но это не меняет анализа внутреннего положения СССР: тоталитарная система Сталина стала подлинным очагом культурного саботажа и военного пораженчества.

Сказать это вслух есть элементарный долг по отношению к народам СССР и мировому общественному мнению. Политика, тем более военная, не мирится с фикциями. Есть категория "друзей", которые предпочитают верить на словах агентам Кремля. Мы пишем не для них, а для тех, которые в надвигающуюся грозную эпоху предпочитают глядеть действительности прямо в глаза.

Л.Троцкий

12 сентября 1938 г.

Да или нет?

8 сентября известный чикагский адвокат Альберт Голдман сообщил печати о заговоре ГПУ в связи с конгрессом в Мексике. Главным очагом заговора был, по словам Голдмана, Нью-Йорк, куда под чрезвычайным секретом вызван был лидер мексиканской сталинской партии Хернан Лаборде. Чтобы лучше скрыть свое участие в заговоре против Троцкого и его друзей, Лаборде пустил слух, будто он уезжает на несколько месяцев в СССР. На самом деле он находился все время в Нью-Йорке, в тесной связи с наиболее ответственными представителями ГПУ в Соединенных Штатах. Под их руководством Лаборде разрабатывал кампанию травли и клеветы против Троцкого и его друзей. Практической целью кампании являлось либо добиться высылки Троцкого из Мексики, т. е. фактической выдачи его в руки палачей ГПУ, либо создать благоприятную атмосферу для расправы над ним в самой Мексике. Таков был московский заказ. Голдман - очень опытный и серьезный юрист; если он сообщил печати эти сведения, значит, они исходят из безупречного источника. Во всяком случае, в момент, когда Голдман сделал свои разоблачения, Лаборде неожиданно обнаружился в Мексике. Я говорю "неожиданно", потому что в печати о его возвращении не появилось ни слова.

Откуда же приехал Лаборде? Действительно ли он был в СССР? Это нетрудно проверить по визам в его паспорте. Или же Лаборде, как гласит источник Голдмана, находился тайно в Соединенных Штатах? С какой целью? Никто не заподозрит Лаборде в том, что он готовил переворот против режима Соединенных Штатов. Что же он делал там? И почему он вернулся под строжайшим секретом к моменту открытия съездов в Мексике?

Г-н Лаборде имеет полную возможность опровергнуть сообщение Алберта Голдмана. Для этого ему нужно только ясно ответить: где именно он находился в последние месяцы? В Москве или в Нью-Йорке?

Никакие увертки не помогут. Столь же мало поможет молчание. Общественное мнение заставит заговорщиков ясно и точно ответить на вопрос: скрывался ли Лаборде в Соединенных Штатах, да или нет? И если да, то с какой целью?

14 сентября 1938 г.

Фактические замечания [Л.Эстрин] к письму Л.Д.[Троцкого] следователю (от 25.8.[19]38 г.)198

П. 3. Доктор Симков, насколько известно, никогда не был владельцем клиники199. Клиника принадлежит доктору Жирмунскому, а Симков лишь изредка помещает туда своих пациентов, которые в состоянии платить так много. Клиника эта (Мирабо) частная, занимает большой дом, имеет разные отделения, начиная с хирургического и кончая родильным. Всякие французские врачи - хирурги, гинекологи и акушеры - помещают туда своих больных.

Л.Д.[Троцкий] спрашивает, знал ли Симков, кто такой его пациент. Но ведь Л.Д.[Троцкий] имеет ясный ответ на это в моих показаниях. Там сказано, что Симков знал, кто его пациент и дал слово никому об этом не говорить.

Почему Симков обращался к Лева по-русски? Но Лева все время только и говорил по-русски с кем только было можно.

П. 4. Доктор Жирмунский, директор клиники, считался, по сведениям полиции, "сочувствующим большевикам". Не знаю, каковы сведения полиции, но они, по всей видимости, неправильны. Жирмунский в настоящее время человек аполитичный. В дни своей ранней молодости он был эсером - так, по крайней мере, мне о нем сказал кто-то из его знакомых. Выехал он из России не то в 1926, не то в 1927 г., когда выезд из России не был затруднен - это он мне лично сказал. Знаю, что он человек деловой, вывез все свои деньги из России и здесь открыл клинику.

Почему Симков ему не сказал имени больного, совершенно ясно - он был связан словом, и тут нет вопроса ни доверия, ни недоверия к Жирмунскому. Жирмунский, как и Тальгеймер200, узнали о том, кто их пациент, лишь во вторник, 15.2, утром, когда им об этом сказала Ж[анна Молинье], чтобы еще больше убедить их в том, что должны быть сделаны сверхчеловеческие усилия для спасения Л[ьва Седова], созваны консилиумы и пр. Помню, что после операции мы с Левой еще говорили о том, что фамилия Мартен201 удачно выбрана, это может быть и француз, живущий в России и говорящий по-русски, фамилия не слишком ярко выраженная французская. Поэтому Жирмунскому могло и не показаться странным, что Мартен говорит по-русски.

П. 6. Симков - совершенно аполитичный человек, решительно ничего не смыслящий в политике (см. п. 8). Он натурализован во Франции, но считает себя русским. Состоит членом общества врачей имени Мечникова202. Общество это аполитичное, создано оно для защиты профессиональных интересов русских эмигрантов - врачей и для связи с французской профессиональной организацией врачей. В него входят все русские врачи в Париже без различия взглядов, от правых до социалистов включительно. В этом обществе никогда никакие политические вопросы не обсуждались. На редких заседаниях бывают доклады на научные темы и рассматриваются текущие профессиональные дела. Недавно крайне правые врачи - черносотенцы и антисемиты - вышли из этого общества, считая, что оно слишком "ожидовело". Симков выступал всегда против антисемитов (он, между прочим, еврей) - вот все, что о нем известно. Все русские врачи должны записываться в это общество, так как членство дает им неофициальное право практики среди эмигрантов - русских и немецких.

Медицинское издание "Эвр Хиружикал Франко-Рюс" никому из опрошенных мною лиц неизвестно, никто из знакомых мне врачей никогда его не видел. Быть может, это недоразумение и дело идет о их госпитале, в котором работает

Симков. Называется он "Опиталь Хируржикаль Франко-Рюс". Это русский госпиталь, построенный на средства русских благотворителей для лечения русских эмигрантов.

П. 8. О декларации Симкова по поводу исчезновения его детей. Идею эту, что троцкисты похитили его детей, как месть за смерть Л[ьва Седова], внушила ему полиция. Она чрезвычайно энергично убеждала его в этом. Он даже не знал, что такое троцкисты, слышал только, что это революционная партия. Когда он сказал полиции, что троцкисты ведь революционеры, они не станут делать таких вещей, полицейский чиновник на него грозно посмотрел и сказал: "Вы, наверное, сами троцкист". Симков вызвал к себе мою невестку, попросил ее разъяснить ему, кто такие троцкисты, и спросил, нельзя ли его связать с Н[иколаев]ским, чтобы он ему, как историк и специалист, разъяснил роль троцкистов.

*

Теперь несколько слов о том, как возникла идея поместить Л[ьва Седова] в эту больницу. Когда я писала свои показания, все детали мне не были известны, поэтому я не включила этого в мои показания. Потом, когда я начала расспрашивать обо всех подробностях, я установила следующее: положение было таково, что нельзя было терять ни единой минуты. Сам Лева сознавал это и сказал: он пер темпоризер, иль фо ажир!203 Моя невестка и мой брат - оба врачи, не имеющие официального права практики во Франции. Они не имеют почти никаких связей с французскими врачами. Связаны они были лишь с одним очень хорошим хирургом, фамилия которого Лейбовиси. Моя невестка сказала Жанне, что она знает только Лейбовиси и предлагает вести Леву немедленно к нему в клинику. Жанна на это ответила, что слышала, что Лейбовиси - сталинец, и поэтому Леву туда вести нельзя. Тогда моя невестка сказала Жанне, что кроме Лейбовиси никого из французских хирургов она не знает, и спросила, не знает ли Жанна кого-нибудь из врачей, через которого можно было бы поместить Леву в клинику. Жанна сказала, что никого из врачей до вечера достать не может, а в любую, первую попавшуюся клинику вести Леву нельзя - это опасно как с точки зрения ГПУ, так и с точки зрения медицинской. Тогда моя невестка, считая, что нельзя терять ни минуты, предложила Жанне и Леве, что она поедет к русскому хирургу Симкову, которого она и брат мой знают, которому они доверяют, и с ним поговорит, как все это устроить. Жанна и Лева дали свое согласие, и они оба - моя невестка и мой брат - поехали к Симкову, с которым и договорились обо всем, взявши с него обязательство никому об этом не говорить ни слова.

[Л.Эстрин]

19.9.[19]38 [г.]

Интервью с представителями кубинской прессы204

В политике самое важное и самое трудное, на мой взгляд, это определить, с одной стороны, те общие задачи, которые определяют жизнь и борьбу всех стран современного мира; с другой стороны, открыть особое сочетание этих законов в каждой отдельной стране. Нынешнее человечество, все без исключения, от британских рабочих до абиссинских кочевников, живет под гнетом империализма. Этого нельзя забывать ни на минуту. Но это вовсе не значит, что империализм проявляется во всех странах одинаково. Нет, одни страны являются чемпионами империализма, а другие - его жертвами. Это есть самая основная линия водораздела между современными нациями и государствами. Под этим и только под этим углом зрения надо рассматривать, в частности, столь актуальный вопрос о фашизме и демократии.

Демократия для Мексики, например, означает стремление полуколониальной страны вырваться из кабальной зависимости, дать землю крестьянам, поднять индейцев на более высокую ступень культуры и т. д. Другими словами, демократические задачи Мексики имеют прогрессивный и революционный характер. А что означает "демократия" в Великобритании? Сохранение того, что есть, т. е. прежде всего сохранение господства метрополии над колониями. То же самое по отношению к Франции. Знамя демократии прикрывает здесь империалистское

господство привилегированного меньшинства над угнетенным большинством.

Точно так же нельзя говорить и о "фашизме вообще"! В Германии, Италии, Японии фашизм и милитаризм есть орудие жадного, голодного и потому агрессивного империализма. В латиноамериканских странах фашизм есть выражение самой рабской зависимости от иностранного империализма. Надо под политической формулой уметь находить экономическое и социальное содержание.

Сейчас в некоторых кругах интеллигенции пользуется популярностью мысль об "объединении всех демократических государств" против фашизма. Я считаю эту идею фантастической, химерической, способной только обмануть народные массы, особенно слабые и угнетенные народы. Можно ли, в самом деле, хоть на минуту поверить тому, что Чемберлен, Даладьё или Рузвельт готовы или способны вести войну во имя абстрактного принципа "демократии"? Если бы великобританское правительство так любило демократию, оно давно должно было бы дать свободу Индии. То же относится и к Франции. Великобритания предпочитает в Испании диктатуру Франко политическому господству рабочих и крестьян, ибо Франко будет гораздо более покорным и надежным агентом британского капитализма. Англия и Франция без сопротивления отдали Гитлеру Австрию, но если бы он прикоснулся к их колониям, война была бы неизбежна. Вывод отсюда такой: нельзя бороться против фашизма, не борясь против империализма. Колониальные и полуколониальные страны должны бороться прежде всего против того империализма, который их непосредственно подавляет, независимо от того, носит ли он маску фашизма или демократии.

В странах Латинской Америки лучший, наиболее верный метод борьбы против фашизма - это аграрная революция. Только потому, что Мексика сделала на этом пути серьезные шаги, восстание генерала Седильо повисло в воздухе. Наоборот, жестокие поражения республиканцев в Испании объясняются тем и только тем, что правительство Асаньи в союзе со Сталиным подавило там аграрную революцию и самостоятельное движение рабочих. Консервативная, тем более реакционная, социальная политика в слабых и полуколониальных странах означает в полном смысле слова измену национальной независимости.

Вы спросите меня, чем же объясняется, что советское правительство, вышедшее из Октябрьской революции, подавило революционное движение в Испании? Ответ прост: над Советами успела подняться новая привилегированная каста бюрократии, крайне консервативная, жадная и тираническая. Эта бюрократия не доверяет массам и боится их. Она ищет сближения с господствующими классами, особенно с "демократическими" империалистами. Чтобы доказать им свою зрелость, Сталин готов играть роль жандарма во всем мире. Сталинская бюрократия и ее агентура Коминтерн представляют сейчас величайшую опасность для независимости и прогресса слабых и колониальных народов.

Я слишком мало знаю Кубу, чтобы позволить себе о вашем отечестве самостоятельное мнение. Вы лучше меня можете судить, какие из высказанных выше соображений применимы к положению Кубы. Что касается лично меня, то я позволю себе выразить надежду на то, что мне удастся посетить жемчужину Антильских островов²⁰⁵ и ближе познакомиться с вашим народом, которому я через вашу газету посылаю самые горячие и искренние пожелания.

Л. Троцкий

21 сентября 1938 г.

Койоакан, Мексика

Беседа тов. Троцкого с аргентинским делегатом тов. Фосса²⁰⁶

Тов. Фосса был делегирован Комитетом синдикальных свобод на созывающуюся в Мексике конференцию латиноамериканских синдикатов (профессиональных союзов). Комитет синдикальных свобод группирует вокруг себя 28 организаций, в том числе 24 независимых профессиональных союзов. Каждая из этих организаций в отдельности выдала тов. Фосса письменный мандат. Несмотря на это, заправили латиноамериканского синдикального объединения не допустили тов. Фосса на конференцию. Как не допустили? Очень просто: заперли перед ним двери. Какова причина? Причина не сложная. Тов. Фосса входил некоторое время в аргентинскую коммунистическую партию, но поднял голос протеста против московских судов. Этого оказалось достаточно

для того, чтобы заслуженный деятель профессионального движения был объявлен врагом народа, "троцкистом" и проч. Из Буэнос-Айреса сталинцы немедленно уведомили Ломбардо Толедано о приезде на конгресс опасного делегата, который не верит в непорочную чистоту Сталина, Вышинского, Ежова и прочих фальсификаторов. Когда ГПУ приказывает, Толедано повинуется. В этом и состоит ныне его главная роль в рабочем движении. Как это ни невероятно, буржуазный адвокат Ломбардо Толедано закрыл двери синдикальной конференции перед рабочим Фосса, честным аргентинским революционером. Пролетариям Мексики остается только кричать: "Да здравствует тоталитарный режим! Да здравствует наш фюрер, Адольф Толедано207!"

23 сентября тов. Фосса посетил тов. Троцкого и в течение продолжительной беседы поставил ему ряд важных вопросов. Мы публикуем ниже эти вопросы вместе с ответами тов. Троцкого.

Фосса. Какое развитие примет, по вашему мнению, нынешняя ситуация в Европе?

Троцкий. Возможно, что дипломатии удастся еще и на этот раз достигнуть гнилого компромисса. Но его хватит не надолго. Война неизбежна, притом в недалеком будущем. Один международный кризис следует за другим. Эти конвульсии похожи на родовые схватки надвигающейся войны. Каждая новая схватка имеет более жестокий и угрожающий характер. Я не вижу сейчас никакой силы в мире, которая могла бы задержать развитие этого процесса, т. е. родов войны. Новая страшная бойня неумоимо надвигается на человечество.

Разумеется, своевременное революционное выступление международного пролетариата могло бы парализовать разойничью работу империалистов. Но надо смотреть правде в глаза. Рабочие массы Европы в подавляющем большинстве находятся под руководством Второго и Третьего Интернационалов. Вожди Амстердамского Интернационала профессиональных союзов полностью поддерживают политику Второго и Третьего Интернационалов и входят вместе с ними в так называемые "народные фронты". Политика "народных фронтов", как показывают примеры Испании, Франции и других стран, состоит в подчинении пролетариата левому крылу буржуазии. Между тем, вся буржуазия капиталистических стран, и правая, и "левая", насквозь пропитана шовинизмом и империализмом. "Народный фронт" служит для того, чтобы превратить рабочих в пушечное мясо для империалистской буржуазии. Только для этого, и больше ни для чего. Второй, Третий и Амстердамский Интернационалы являются сейчас контрреволюционными организациями, которые ставят главной своей задачей тормозить и парализовать революционную борьбу пролетариев против "демократического" империализма. До тех пор пока преступное руководство этих Интернационалов не сброшено, рабочие будут бессильны оказать сопротивление войне. Такова горькая, но неопровержимая правда. Надо уметь смотреть ей в глаза, а не утешать себя иллюзиями и пацифистской болтовней. Война неизбежна!

Фосса. Каково будет ее влияние на борьбу в Испании и на движение мирового пролетариата?

Троцкий. Чтобы правильно понять характер будущих событий, нужно прежде всего отбросить ложную и насквозь фальшивую теорию, будто будущая война развернется между фашизмом и "демократией". Нельзя ничего придумать глупее и лживее этой идеи. Империалистские "демократии" разъединены противоречиями своих интересов во всех частях мира. Фашистская Италия может легко оказаться в одном лагере с Великобританией и Францией, если потеряет веру в победу Гитлера. Полуфашистская Польша может пристать к одному или другому лагерю, в зависимости от предоставленных ей выгод. В ходе войны французская буржуазия может заменить свою "демократию" фашизмом для того, чтобы держать в покорности рабочих и заставить их воевать "до конца". Фашистская Франция, как и "демократическая", одинаково защищала бы свои колонии с оружием в руках. Новая война будет иметь гораздо более открытый грабительский, империалистский характер, чем война 1914-1918 гг. Империалисты сражаются не из-за политических принципов, а из-за рынков, колоний и сырья, из-за господства над миром и его богатствами.

Победа любого из империалистских лагерей означала бы окончательное закабаление всего человечества, наложение двойных цепей на нынешние колонии, слабые и отсталые народы, в том числе на народы Латинской Америки. Победа любого из империалистических лагерей означала бы рабство, нищету, закат человеческой культуры.

Где же выход, спрашиваете вы? Я лично не сомневаюсь ни на минуту, что

новая война вызовет международную революцию против господства хищных капиталистических клик над человечеством. Во время войны исчезнет всякое различие между империалистской "демократией" и фашизмом. Во всех странах будет царить беспощадная военная диктатура. Немецкие рабочие и крестьяне будут так же погибать, как и французские или английские. Голод, эпидемии, одичание сметут различие политических режимов и границы государств. Нынешние средства истребления так чудовищны, что человечество не выдержит, вероятно, и нескольких месяцев войны. Отчаяние, возмущение, ненависть толкнут народные массы всех воюющих стран на восстание с оружием в руках. Социалистическая революция непредотвратима. Победа мирового пролетариата положит конец войне и разрешит попутно испанский вопрос, как и все другие больные вопросы Европы и других частей света.

Те рабочие "вожди", которые хотят приковать пролетариат к военной колеснице империализма, прикрытого маской "демократии", являются злейшими врагами и худшими изменниками трудящихся. Надо учить рабочих ненавидеть и презирать агентов империализма, ибо они отравляют сознание трудящихся; надо разъяснять рабочим, что фашизм – только одна из форм империализма, что бороться надо не с внешними симптомами болезни, а с ее органическими причинами, т. е. капитализмом.

Фосса. Какова перспектива мексиканской революции? Как вы смотрите не обесценение денег в связи с экспроприацией земли и нефтяных богатств²⁰⁸?

Троцкий. Я не могу останавливаться на этих вопросах с необходимой подробностью. Экспроприация земли и естественных богатств является для Мексики абсолютно необходимой мерой национальной самообороны. Без удовлетворения насущных нужд крестьянства ни одна индо-американская страна не сохранит своей независимости. Понижение покупательной силы денег является одним из результатов начавшейся империалистской блокады против Мексики. Материальные лишения в борьбе неизбежны. Спаситься без жертв нельзя. Капитулировать перед империализмом значило бы обречь естественные богатства страны на расхищение и народ – на упадок и вымирание. Разумеется, рабочие организации должны заботиться о том, чтобы рост дороговизны не ложился главной своей тяжестью на трудящихся.

Фосса. Что вы скажете по вопросу об освободительной борьбе народов Индо-Америки и задачах будущего? Каково ваше мнение об апризме²⁰⁹?

Троцкий. Я недостаточно близко знаком с жизнью отдельных индо-американских стран, чтобы позволить себе конкретные ответы по всем поставленным вами вопросам. Для меня во всяком случае ясно, что внутренние задачи этих стран не могут быть разрешены без одновременной революционной борьбы против империализма. Агенты Соединенных Штатов, Англии, Франции (Льюис, Жуо, Толедано, сталинцы) пытаются подменить борьбу против империализма борьбой против фашизма. Мы наблюдали их преступные усилия на недавнем конгрессе против войны и фашизма. В странах Индо-Америки агенты "демократического" империализма особенно опасны, ибо они скорее способны обмануть массы, чем откровенные агенты фашистских бандитов. Я возьму наиболее простой и яркий пример. В Бразилии господствует ныне полуфашистский режим²¹⁰, к которому каждый революционер не может относиться иначе, как с ненавистью. Допустим, однако, что завтра Англия вступает в военный конфликт с Бразилией. Я спрашиваю вас, на чьей стороне будет в этом конфликте мировой рабочий класс? Отвечаю за себя лично: я буду в данном случае на стороне "фашистской" Бразилии против "демократической" Великобритании. Почему? Потому что в конфликте между ними дело вовсе не будет идти о демократии и фашизме. Если Англия победит, она посадит в Рио-де-Жанейро другого фашиста и наложит на Бразилию двойные цепи. Наоборот, если победит Бразилия, то даст могущественный толчок национальному и демократическому сознанию страны и поведет к низвержению диктатуры Варгаса²¹¹. Поражение Англии нанесет в то же время удар британскому империализму и даст толчок революционному движению британского пролетариата. Нужно иметь поистине пустую голову, чтоб сводить мировые антагонизмы и военные конфликты к борьбе между фашизмом и демократией. Под всеми масками надо уметь различать эксплуататоров, рабовладельцев и хищников!

Во всех индо-американских странах проблема аграрной революции неразрывно связана с антиимпериалистской борьбой. Сталинцы предательски парализуют ныне и ту и другую борьбу. Для Кремля индо-американские страны – только разменная монета в расчетах с империалистами. Сталин говорит

Вашингтону, Лондону и Парижу: "Признайте меня равноправным союзником, и я помогу вам справиться с революционным движением в колониях и полуколониях: для этого у меня на службе имеются сотни агентов вроде Ломбардо Толедано". Сталинизм стал проказой мирового освободительного движения.

Я недостаточно знаю апризм, чтоб высказать окончательное суждение. В Перу деятельность этой партии имеет нелегальный характер и потому трудно поддается наблюдению. Представители АПРА на сентябрьском конгрессе против войны и фашизма в Мексике занимали, насколько я могу судить, достойную и правильную позицию, вместе с делегатом Пуэрто-Рико. Остается только пожелать, чтобы АПРА не стала добычей сталинцев, ибо это парализовало бы освободительную борьбу в Перу. Думаю, что соглашения с апристами для определенных практических задач возможны и желательны при условии полной организационной независимости.

Фосса. Какие последствия будет иметь война для индо-американских стран?

Троцкий. Несомненно, что оба империалистских лагеря будут стремиться втянуть индо-американские страны в водоворот войны, чтобы окончательно закабалить их после войны. Пустая "антифашистская" трескотня только подготавливает почву для агентов одного из империалистских лагерей. Чтобы встретить мировую войну подготовленными, революционные партии Индо-Америки должны теперь же занять вдвойне непримиримую позицию по отношению ко всем империалистским группировкам. На почве борьбы за самосохранение народы Индо-Америки должны теснее сомкнуться друг с другом.

В первый период войны положение слабых стран может оказаться очень трудным. Но империалистские лагеря будут ослабевать и выдыхаться с каждым месяцем. Их ожесточенная борьба друг с другом позволит колониальным и полуколониальным странам поднять голову. Это относится, разумеется, и к индо-американским странам; они смогут добиться полного освобождения, если во главе народных масс будут стоять подлинно революционные, антиимпериалистские партии и профессиональные союзы. Из трагических исторических условий нельзя выбраться при помощи хитрости, звонких фраз и мелкой лжи. Нужно говорить массам правду, всю правду и только правду.

Фосса. Каковы на ваш взгляд задачи и методы профессиональных союзов?

Троцкий. Чтобы профессиональные союзы оказались способны сплотить, воспитать, мобилизовать пролетариат для освободительной борьбы, они должны быть очищены от тоталитарных методов сталинизма. Профессиональные союзы должны быть открыты для рабочих всех политических направлений при условии дисциплины в действии. Кто превращает профессиональные союзы в орудие посторонних целей (особенно в орудие сталинской бюрократии и "демократического" империализма), тот неизбежно раскалывает рабочий класс, ослабляет его и открывает двери реакции. Полная и честная демократия внутри союзов является важнейшим условием демократии в стране.

В заключение я прошу вас передать мой братский привет рабочим Аргентины. Не сомневаюсь, что они не верят ни на иоту тем отвратительным клеветам, которые сталинская агентура распространяет во всем мире против меня и моих друзей. Борьба, которую Четвертый Интернационал ведет против сталинской бюрократии, есть продолжение великой исторической борьбы угнетенных против угнетателей, эксплуатируемых против эксплуататоров. Международная революция освободит всех угнетенных, в том числе и рабочих СССР.

26 сентября 1938 г.

[Письмо Л.Эстрин]

29 сентября 1938 г.

Дорогой товарищ Л[ола],

Последним номером мы довольны тут. Хорошо, что вы включили воззвание польских б[ольшевиков]-л[енинцев]212. Жаль, что прекратилась информация со стороны. На странице 19-ой у вас сказано: "Перепечатка статей без поименного согласия редакции будет преследоваться по закону"213. Что значит "поименного"? Это неприятный ляпсус.

Вам послано довольно много материалов. Сейчас посылается еще статья. Думаю, что документы совещания дадут вам много материалов214. Нужно только

позаботиться о безукоризненном переводе.

Большое спасибо за материалы к "Сталину". И так, И[ремашвили] вспоминает, что Сталин в 1904 году был большевиком. Думаю, что он ошибается в хронологии: это самая обычная ошибка во всех мемуарах. В ноябрьской конференции большевиков 1904 года²¹⁵, как ясно вытекает из книги Берия²¹⁶ (третье издание у нас есть), Сталин не участвовал, в созданное конференцией бюро не вошел. В третьем съезде большевиков (апрель 1905 г.) не участвовал и проч. - все это было бы абсолютно невозможным, если бы он был в 1904 г. сколько-нибудь видным большевиком на Кавказе, особенно в Тифлисе, где большевики числились единицами.

Во всяком случае, период, кончающийся 1906-ым годом, можно ликвидировать, я работаю теперь над периодом 1907-1917. По вопросу об участии Сталина во всяких экспроприациях и в боевых действиях нет решительно никакого материала. Возможно, впрочем, что его и вообще нельзя найти.

Надо подумать, как быть с "Бюллетенем" на случай войны. На сей раз грозу, видимо, пронесло. Но вне всякого сомнения, ненадолго. В случае войны придется перенести "Бюллетень" в Нью-Йорк. Советую обдумать этот вопрос и принять некоторые подготовительные меры, например, заранее переслать в Нью-Йорк список абонентов, агентов и проч., чтобы потом не оказаться застигнутыми врасплох.

[Л.Д.Троцкий]

[Запись для памяти]

Из рассказов приезжего иностранца, много лет прожившего в СССР и хорошо владеющего русским языком:

1. Урна бывшего главкома С.С.Каменева убрана из кремлевской стены - символический акт, разоблачающий причастность бывшего главкома к какому-то военному заговору. Военных заговоров вообще как будто бы было много. Рядом с домом, в котором жил рассказчик, помещалось общежитие для офицеров, новый дом. Теперь этот дом, в связи с арестами, почти совершенно опустел.

2. Количество погибших от голода и коллективизации крестьян определяется в 20 миллионов человек.

3. Говорят, что в Москве один арестованный на десять человек. Были произведены большие аресты среди рабочих. В кругах московских рабочих началось сильное движение протеста после второго процесса, начались разговоры, на "вечеринках", устраиваемых рабочими, только и говорили об этих процессах и выражали свое возмущение ими. После этого пошли большие аресты. По-настоящему волна внутрипартийного террора началась только после второго процесса.

4. Ягода будто бы был смещен за то, что отказался подготовить процесс правых. Это он организовал оправдание Бухарина и Рыкова после процесса Зиновьева-Каменева, представив соответствующие документы.

5. Считают, что Орджоникидзе отравлен и дело не обошлось без участия доктора Левина²¹⁷. Орджоникидзе был решительно против процесса против Пятакова и будто бы взял к себе детей Пятакова после его расстрела.

6. Смерть Горького "ускорена" по распоряжению Сталина. Горький был в последнее время оппозиционно настроен. Убраны все близко стоявшие к нему люди, они исчезли из всех редакций и т. д.

7. Рассказчик присутствовал на первых двух процессах. В отчет о первом процессе попало далеко не все.

а. Все подсудимые произвели на него очень тяжелое впечатление. Зиновьев был без воротничка, нечесаный. Каменев был багрово-красный, но все же сохранил свой профессорский вид.

б. Когда подсудимых спросили, признают ли они себя виновными, то и Зиновьев и Каменев, прежде чем ответить на вопрос, спросили у председателя суда, - получено ли их заявление от такого-то числа. Лишь получив положительный ответ, и тот, и другой ответили - виновны.

в. Мрачковский рассказывал подробно о своем свидании со Сталиным. Сталин ни единым словом не упомянул о его прошлом, говорили с ним только о работе и планах работы, и у Мрачковского создалось впечатление, что прошлое совершенно забыто.

г. Иван Никитич [Смирнов] вел себя действительно очень мужественно. Он всем своим поведением ясно показывал, что пошел на какую-то сделку, но дальше - ни гугу. При рассказе о том, как он получил террористические директивы, создалось впечатление, что И.Н. [Смирнов] передает свое завещание - убейте собаку!

д. Когда Радек после произнесения речи вернулся на свое место, Дробнис встал и пожал ему руку (как в парламенте после удачной речи).

е. На втором процессе зашла речь о том, что Норкин имел связь с неким Давидсоном, оказавшимся шпионом. Норкин протестовал и сказал: это на меня бросает тень. На вопрос Вышинского, читал ли он обвинительный акт и не считает ли Норкин, что обвинительный акт на него бросает тень, Норкин ничего не ответил. Но Вышинский поспешил прибавить - впрочем, мы вас и не обвиняем в связи с Давидсоном. Рассказчик приводит это как пример того, что заранее все точно оговорено и все придерживаются "договора".

[Л.Д.Троцкий]

[Сентябрь 1938 г.]

[Записка М.Зборовского]

Неделю спустя после убийства Л[юдвиг] в Лозанне жена его вместе с Сн[ивлитом] приехала в Париж. Благодаря В[иктору] С[ержу] мне удалось ее повидать и присутствовать при разговоре В.С[ержа] с ней.

Общее впечатление

Жена Л[юдвиг] польского происхождения, производит впечатление очень энергичной женщины, человека, прекрасно осведомленного с работой Л[юдвиг] и с работой ГПУ вообще. В вечер, когда я ее видел, она была совершенно под влиянием удара, говорила довольно несистематически и все время возвращалась к одному: "Я хочу жить". Часто производила впечатление затравленного человека. С одной стороны, она уверена, что ее тоже убьют (зная, что она знала все то, что было известно Л[юдвигу]), с другой стороны, она считает, что, может быть, "они" думают, что она совершенно затерроризирована и будет молчать, и поэтому оставляют ее в покое. В настоящий момент она совершенно не может рассуждать спокойно и самостоятельно и подчиняется во всем Сн[ивлиту], который имеет на нее колоссальное влияние. Это единственный человек, который оказался около нее, когда она потеряла мужа, и оказал ей моральную помощь. Ее планы на будущее: поехать с Сн[ивлитом] в Гол[ландию], успокоиться немного, обеспечить воспитание своего мальчика (11 лет) и посвятить все свое время расшифровке и публикации (вместе с Сн[ивлитом]) документов и записок, оставленных Л[юдвигом], пополняя их своими сведениями.

Как был убит Л[юдвиг]

Порывая с ГПУ, Л[юдвиг] написал ряду своих товарищей, предлагая им сделать то же самое. Никто не ответил, кроме некоей Гертруды Шпильбах (урожд[енная] Нейгебауер), работницы ГПУ в Риме, с которой он работал в течение 20 лет и которую он сам завербовал, и одного работника ГПУ в Англии, который должен был приехать к Л[юдвигу] 7/9 для переговоров. По мнению жены Л[юдвиг], Г.Ш[ильбах] в самом деле искренно колебалась (доказательством этого является тот факт, что после расстрела Зин[овьева] и Кам[енева] во время разговоров с Л[юдвигом] она была очень потрясена, даже плакала). 3/4 Г.Ш[ильбах] приехала в Швейцарию на встречу, назначенную ей письменно Л[юдвигом]. При встрече присутствовала жена Л[юдвиг]. Г.Ш[ильбах] заявила Л[юдвигу], что она совершенно с ним согласна, что она порывает с ГПУ, только не знает, что делать в будущем. Л[юдвиг] ей ответил, что необходимо присоединиться к IV [Интернационалу], покончить с прошлым, а дальше видно будет. Г.Ш[ильбах] предложила Л[юдвигу] поужинать на следующий день вместе в одном из ресторанов Лозанны. Л[юдвиг] сказал ей шутя, что у него уже нет денег, на это Г.Ш[ильбах] ответила, что у нее еще остались кое-какие деньги и она его приглашает. Жена Л[юдвиг] уехала в Монтрэ, Л[юдвиг] должен был 4/9 встретиться еще раз с Г.Ш[ильбах], поужинать с ней и поехать в Реймс, а Г.Ш[ильбах] должна была в воскресенье приехать к жене Л[юдвиг]. Прощаясь с женой, Л[юдвиг] ей сказал, что Г[ертруда] производит на него очень странное,

непонятное впечатление.

(Следующее известно жене Л[юдвиг] по сообщению полиции). Л[юдвиг] и Г[ертруда] поужинали вместе, затем вышли на улицу. Было уже поздно, прохожих не было. Они хотели взять автомобиль, но в это время подъехал другой автомобиль, из которого выскочил человек и матраком²¹⁸ ударил Л[юдвиг] по голове. Затем его втащили в этот автомобиль и там его убили. Как видно, он перед смертью защищался, так как в его руке нашли волосы Г.Ш[ильбах]. В автомобиле нашли пальто с пометкой мадридского магазина. Полиция думает, что в убийстве принимало участие 7 человек (2 женщины и 5 мужчин).

Г.Ш[ильбах] скрылась, но оставила свои вещи в гостинице. Среди них найдено несколько снимков Г[ертруды], которые жена Л[юдвиг] опознала. Снимки эти разосланы полиции разных стран. Установлено наблюдение в портах за советскими пароходами.

Полиция идентифицировала еще одного участника убийства - Кондратьева (белый эмигрант), который возбудил подозрение полиции тем, что он несколько часов вертелся на одном месте (на вокзале в день убийства), полиция проверила его бумаги, но так как они оказались в порядке, его не задержали. (Жена Л[юдвиг] говорит, что для такого рода дел за границей ГПУ всегда берет б[ывших] белогвардейцев).

Что рассказывает жена Л[юдвиг]

Как я уже сказал, жена Л[юдвиг] говорит очень несистематически, нервно, сбивается, перескакивает с одного вопроса на другой, так как она еще не пришла в себя от постигнувшего ее удара. Постараюсь по пунктам изложить ее сообщения.

1) Дело Гр[игулевича] в Праге построено Ежовым. Она знает все подробности от человека, который участвовал в этом деле. Ст[алин] ежедневно спрашивает Еж[ова], как идет дело Гр[игулевича]. Л[юдвиг] оставил об этом подробные заметки.

2) Весь заграничный аппарат ГПУ перестраивается. Всех старых работников отзывают обратно и там арестовывают и расстреливают по подозрению в троцкизме. Арестованы или расстреляны: Уншлихт²¹⁹, Сташевский²²⁰, Брун²²¹, Вальтер²²², Рудзут²²³ и др. На вопрос: в самом деле эти люди троцкисты? - она отвечает, что все вообще против Сталина, даже те, которые готовы всегда все подписать и восхвалять Сталина. В душе же все его ненавидят. Она лично знает нескольких человек из заграничного аппарата, которые отказались или откажутся вернуться. Некоторые, боясь за свою жизнь, некоторые из идеологических соображений. Убийство Л[юдвиг] должно было затерроризировать всех этих людей, для этого оно и было совершено.

3) Во время процесса Пятакова она находилась в Москве. Она знает ряд подробностей о том, как этот процесс был построен.

4) Дело чекиста Бруна.

Брун был с 1924 г. в душе троцкистом, но не говорил этого. ГПУ это было известно. Несколько месяцев перед процессом Зин[овьева] его сняли с заграничной работы (причина: конкуренция между Ягодой и Ежовым) и поручили ему расследовать дела немецких колонистов, которых нужно было присоединить к процессу Зин[овьева]. Он должен был получать "показания". Брун лично знал нескольких из этих людей, кроме того, не верил в этот процесс. Ясно, "показаний" у него не было. Бруна и его жену арестовали, обвиняя в недостатке бдительности, нерешительности.

5) К процессу Зин[овьева] должны были присоединить чекиста поляка Макса Фридмана²²⁴. Потребовали от него "признания". Фридман отказался. Он был расстрелян без всякого суда.

6) Почему сознаются? Те, которые на это идут (меньшинство) считают, что все равно придется умереть. Не сознаться - расстреляют, сознаться - может быть, удастся выскочить. Некоторые из верности партии. Физических пыток в ГПУ нет. Только моральные.

7) Ей известна закулисная обработка последней книги Фейхтвангера²²⁵. В связи с Фейхтвангером в СССР поют частушку следующего содержания: Чего Сталин побаивается? Как бы этот еврей не оказался Жидом²²⁶.

Вообще жена Л[юдвиг] рассказывает очень неохотно. Виноват в этом Сн[ивлит], который считает себя посредником между ней и миром. Он забрал все документы, которые оставил Л[юдвиг], и хочет опубликовать их в своей гол. газете. Он ни за что не хотел согласиться на встречу жены Л[юдвиг] с

ЛЛ.[Седовым], обещал сам придти на свидание к ЛЛ.[Седову] в 3 часа на следующий день, а уехал в этот же день, в 8 ч. утра. В.С[ерж] считает, что он сделал нарочно, что назначая через меня свидание с Л.Л.[Седовым], он заранее знал, что не пойдет. Причина, по словам В.С[ержа], что Сн[ивлит] кровно обижен.

На все вопросы, которые я задавал, жена Л[юдвига] отвечала: "Все это я рассказала Сн[ивлиту] и расскажу ему, и через него вы можете все узнать".

8) Дело Чербинчича. (Ранен во время перестрелки на площади Денфер-Рошере в Париже; полиция не раскрыла причин перестрелки). Чербинчич, агент ГПУ, считался провокатором, и ГПУ решило его убить. Сначала предлагали это сделать жене Л[юдвига], но она как будто отказалась. Весной 1937 г. его пытались убить на площади Денфер-Рошере, но только ранили. После выхода из госпиталя Чербинчич исчез.

[М.Зборовский]

[Сентябрь 1938 г.]

Из рассказов В.227

1. О "борьбе с антисемитизмом". В трамвай входит гебей ярко выраженного еврейского типа. Он намечает жертву - типичного русского интеллигента, которому он начинает наступать на ноги, теснить его и всячески приставать к нему, пока тот не выходит из себя и не говорит что-нибудь относительно его еврейского происхождения. Гебей зовет милиционера и составляет протокол по обвинению в антисемитизме.

2. О допросе Мрачковского. Допрос этот вел лично Слуцкий228, так как все попытки других следователей его сломить ни к чему не привели. Слуцкий был пущен как тяжелая артиллерия. Допрос этот, продолжавшийся 90 часов, носил поистине драматический характер. Мрачковский сначала ругался, говорил: "Сволочи вы все, шкурники, бюрократы. Я революционер, родился в тюрьме и пр., а вы кто? И Сталин сволочь, и пр." Слуцкий ему доказывал, что он такой же революционер, как и Мрачковский, что он также сражался во время гражданской войны, что он старый партиец и выполняет волю партии. Мрачковский ему не верил, разорвал на себе рубаху и стал показывать ему свои рубцы от ран, полученных во время гражданской войны. Но и Слуцкий порвал на себе рубаху и показал рубцы от ран на животе. Слуцкий говорил ему: "Ты должен сознаться, партия этого от тебя требует, ты должен спасти партию". А Мрачковский долго не сдавался. Когда Слуцкий ему предложил покурить, он крикнул: "Сволочь, подкупаешь меня, как старые жандармы!" Слуцкий ему просто сказал: "Мы оба с тобой отсюда живые не выйдем, если ты не сдашься". Лишь после многих часов душевных бесед со Слуцким тот почувствовал, что у него постепенно устанавливается контакт с Мрачковским. И в конце концов Мрачковский сказал: "Зови И.Н.Смирнова." Вызвали И.Н.[Смирнова]. Мрачковский упал к нему на шею, заплакал и сказал: "Иван Никитич, придется сознаться". Иван Никитич, рассердившись, крикнул: "Не в чем мне сознаться, ничего я не делал, сволочь Сталин и сознаться я ни в чем не буду". Все уговоры Мрачковского, что нужно спасти партию, не помогли. Иван Никитич не сдался и был уведен обратно. После этого Мрачковский опять впал в тяжелое состояние, и Слуцкому заново пришлось его обрабатывать, пока он его окончательно не сломил. Этот рассказ со слов Слуцкого также известен даме229, так что им можно спокойно оперировать.

3. В ГПУ вдруг появляется никому не известный человек. Он имеет кабинет, никто не знает, кто он, что он делает. Никто никогда не видит, чтоб он работал. Он ходит из угла в угол, заходит в разные комнаты, подслушивает все разговоры и решительно ничего не делает. Никто не спрашивает, кто он, но между собой говорят: очевидно, он по ночам расстреливает, а днем подслушивает. И это считается там в порядке вещей.

4. Ежов заставляет людей часами ждать в приемной, пока он их примет. А потом выясняется, что у него кто-то сидит, кому он рассказывает анекдоты.

5. Случай с Тимошкиным. (Это, правда, весьма незначительно, но чрезвычайно характерно, и Лева даже хотел об этом напечатать целую главу в книге В.[Кривицкого], так и назвав ее - "Тимошкин", так как считал случай весьма интересным и показательным). В ГПУ появился неизвестный человек,

весьма скромного вида. Никто на него не обращал внимания. Он ничего не делал, только ходил из угла в угол. Однажды он подошел к Слуцкому и спросил, скоро ли он получит комнату. Слуцкий, полагая, что имеет дело с незначительным человеком, сказал: комнат нет. Тимошкин на это спокойно ответил: хорошо, я скажу Коле. Слуцкий сразу же забеспокоился и спросил у Ежова, нужно ли давать Тимошкину комнату. Ежов сказал: обязательно, это мой хороший приятель, и рассказал Слуцкому, при каких условиях он подружился с Тимошкиным. Было это во время гражданской войны. Ежов ехал в теплушке, где также находился и Тимошкин. Воздух в теплушке был совершенно невозможный: вонь стояла отчаянная. Никак не могли понять, в чем дело. Ежов приказал основательно обыскать всю теплушку, и под нарами, где спал Тимошкин, нашли пакет - источник этой вони. Тимошкину, оказывается, лень было ходить в уборную. Ежов рассвирепел, кинулся с револьвером на Тимошкина и хотел тут же пристрелить его. Его оттащили... и с тех пор пошла их дружба. Слуцкий после этого рассказа дал Тимошкину не только комнату, но и целую квартиру. А перед ним все стали заискивать. (Известно также и даме).

6. Об аресте Макса, племянника Уншл[ихта]. Макс был лучшим другом В.[Кривицкого] Также дружен он был и с неким Алексеем - вместе учились в университете, вместе работали в одном учреждении, вообще всегда были вместе. Комната Макса находилась рядом с комнатой В[альтера], и он всегда по возвращении с работы заходил к Максy (в 2 или 3 часа ночи). Было это в мае 1937 г., когда В[альтер] в последний раз был в Москве. Возвращаясь как-то с работы, В[альтер] ночью хотел опять зайти к Максy, но его что-то удержало, и он решил: поздно, лучше я зайду завтра. Оказывается, в ту же ночь у Макса был продолжительный обыск, и он был арестован. Рано утром, в 7 часов утра, жена Макса в ужасном виде явилась к В[альтеру]. Они тотчас же позвонили Алексею, сказав ему, что случилось. Алексей немедленно повесил трубку, ничего не ответив. В[альтер] решил, что это недоразумение, не может Алексей так реагировать, и еще раз позвонил ему попозже на службу. Алексей был очень сух, сказал, что об этом деле ни с кем не желает разговаривать и не советует В[альтеру] вмешиваться. Жену Макса в тот же день выбросили из комнаты. Она осталась совершенно без средств. Вещи все были задержаны. Она попыталась взять с собой небольшую лейку230 - аппарат, чтобы его заложить, но при выходе ее обыскали и этот аппарат у нее отобрали.

7. В здании ГПУ никогда нельзя открыть окна, ни в тюрьме, ни в комнате следователей, ни в архивах - нигде.

8. Передач больше не принимают. Арестованным можно передавать только 50 рублей в месяц. Слишком много арестованных, чтобы еще возиться с передачами. Этими передачами люди проверяют, жив ли еще арестованный. Политических отправляют в ссылку вместе с уголовными.

[Сентябрь 1938 г.]

Что означает борьба против троцкизма?

По поводу Ломбардо Толедано и других агентов ГПУ

Два вопроса

Меня спрашивают в порядке писем и бесед, чем объясняется та борьба, которая ведется в Советском Союзе между сталинцами и троцкистами и почему в других странах, в частности в Мексике, некоторые деятели рабочего движения отвлекаются от своей работы для того, чтобы вести кампанию клеветы против меня лично, несмотря на мое невмешательство во внутреннюю жизнь Мексики. Я очень благодарен за постановку этих вопросов, так как они дают мне повод ответить публично как можно яснее и точнее.

Не личные причины

Прежде всего надо ясно понять, что, когда ведется большая политическая борьба, в которую вовлечены десятки и сотни тысяч людей, то совершенно недопустимо объяснять такую борьбу какими-либо "личными" причинами. Существует немало поверхностных людей или интриганов, которые объявляют борьбу троцкистов и сталинцев мотивами личного честолюбия. Это явная

бессмыслица. Личное честолюбие может руководить отдельным политиком. Между тем в СССР погибли и продолжают погибать тысячи и тысячи людей, которых называют "троцкистами". Неужели же они отдают свое благополучие, свою свободу, свою жизнь и нередко жизнь своих близких ради честолюбия одного лица, именно Троцкого? С другой стороны, также нелепо предполагать, что политика сталинцев объясняется личным честолюбием Сталина. К тому же борьба давно вышла за пределы СССР. Чтобы правильно понять смысл борьбы, которая раздирает ныне рабочее движение всего мира, надо прежде всего отбросить болтовню о личных мотивах и постараться вникнуть в те исторические причины, которые породили эту борьбу.

Цель Октябрьской революции.

Всему миру известны хотя бы в общих чертах причины и задачи Октябрьской революции, которая произошла в России в 1917-м году. Это была первая победоносная революция угнетенных масс, руководимых пролетариатом. Целью революции было уничтожить эксплуатацию и классовое неравенство, создать новое, социалистическое общество на основе общественного владения всеми землями, шахтами, заводами во имя разумного и честного распределения продуктов труда между всеми членами общества. Когда мы совершали эту революцию, многие социал-демократы (реформисты, оппортунисты вроде Льюиса, Жуо, Ломбардо Толедано, Лаборде и пр.) говорили нам, что из этого ничего не выйдет, что Россия слишком отсталая страна, что коммунизм в ней невозможен и пр. Мы отвечали на это: разумеется, отдельно взятая Россия является слишком отсталой и малокультурной страной, чтобы можно было в ней одной построить коммунистическое общество; но, возражали мы, Россия не одна, на свете есть более передовые капиталистические страны, где техника и культура гораздо более высоки, где пролетариат гораздо более развит. Мы, русские, начнем социалистическую революцию, т. е. сделаем первый смелый шаг вперед, а немецкие, французские, английские рабочие вступят в революционную борьбу вскоре после нас, завоюют власть в своих странах и затем помогут нам своей техникой и своей более высокой культурой. Под руководством пролетариата более передовых стран и отсталые народы (Китай, Индия, Индо-Америка) вступят на новую социалистическую дорогу. Так постепенно мы придем к созданию социалистического общества на международной арене.

Наши надежды на скорую пролетарскую революцию в Европе, как известно, не оправдались. Почему? Не потому, что рабочие массы не хотели революции; наоборот, после великой бойни народов 1914-1918 годов пролетариат во всех европейских странах рвался в бой против империалистической буржуазии и вполне готов был захватить власть в свои руки. Кто же помешал этому? Руководители, вожди, консервативные рабочие бюрократы, господа типа Льюиса и Жуо, учителя Ломбардо Толедано.

Предательская роль социал-демократии

Для успешного ведения своей борьбы рабочий класс вынужден создавать свои организации: профессиональные союзы и политическую партию. Таким образом над эксплуатируемой массой поднимается целый слой рабочей бюрократии, секретарей профессиональных союзов, организаторов, депутатов, журналистов и пр. Они все возвышаются над рабочими, как по материальным условиям своей жизни, так и по политическому влиянию. Далекое не все из них сохраняют внутреннюю связь с рабочим классом и верность его интересам. Многие, слишком многие рабочие бюрократы начинают больше глядеть вверх, чем вниз; начинают сближаться с буржуазией; забывают о страданиях, бедствиях и надеждах трудящихся масс. В этом причина многих поражений рабочего класса. И раньше в истории бывало уже не раз, что вышедшие из народного движения партии и организации подвергались полному перерождению. Так было в свое время с христианской церковью, которая началась как движение рыбаков, плотников, угнетенных рабов, а привела к созданию могущественной, богатой и жестокой церковной иерархии. Так случилось на наших глазах и с партиями Второго Интернационала, с так называемой социал-демократией. Она постепенно оторвалась от действительных интересов пролетариата и срослась с буржуазией. Во время войны социал-демократия поддерживала во всех странах свой национальный империализм, т. е. интересы грабительского капитала, предавая интересы трудящихся и колониальных народов. Когда начались во время войны революционные движения, то социал-демократия, та самая партия, которая

должна была руководить восстанием рабочих, на самом деле помогала буржуазии усмирить рабочее движение. Измена в собственном штабе парализовала пролетариат. Вот почему надежды на европейскую и мировую революцию после прошлой войны не оправдались. Буржуазия сохранила в своих руках богатства и власть.

Только в России, где существовала действительно революционная партия большевиков, пролетариат победил и создал рабочее государство. Но Советский Союз оказался изолирован. Рабочие более богатых и культурных стран не смогли прийти ему на помощь. Положение русского пролетариата, несмотря на победу, оказалось поэтому очень трудным.

Могущество советской бюрократии

Если бы техника в России была высока как в Германии или как в Соединенных Штатах, то социалистическое хозяйство с самого начала дало бы достаточно продуктов, чтобы обеспечить все нормальные потребности народа. В этом случае советская бюрократия не могла бы играть большой роли, ибо при высокой технике и уровень культуры масс был бы более высоким, и рабочие никогда не позволили бы бюрократии командовать ими. Но Россия была бедной, отсталой, некультурной страной, к тому же разоренной годами империалистической и гражданской войн. Вот почему национализация земли, фабрик и шахт, хотя и обнаружила свои огромные экономические выгоды, не могла дать скоро, не может дать и до сих пор еще необходимого количества продуктов, которые удовлетворяли бы жизненные потребности народа. А где продуктов мало, там возникает неизбежная борьба из-за этих продуктов. Во время борьбы в дело вмешивается бюрократия, судит, распоряжается, одним дает, у других отнимает. Конечно, при этом бюрократия не забывает и о себе. Надо помнить, что в СССР дело идет не только о партийной и профессиональной бюрократии, но и о государственной. В ее руках - распоряжение всеми национализированными имуществами, полицией, судами, армией и флотом. Заведование хозяйством и распределение продуктов дало советской бюрократии возможность сосредоточить все могущество в своих руках, отбросив от власти трудящиеся массы. Так в стране Октябрьской революции поднялась над массами новая привилегированная каста, которая управляет страной теми же приблизительно методами, что и фашизм. О свободе народа, о свободе собраний, печати нет и речи. Рабочие и крестьянские советы не играют больше никакой роли. Вся власть в руках бюрократии. Командует глава этой бюрократии Сталин.

Буржуазный характер бюрократии.

О приближении к социалистическому равенству в СССР нет и речи. Верхний слой бюрократии в материальном отношении живет так, как крупная буржуазия в капиталистических странах. Средний слой живет примерно, как средняя буржуазия. Наконец, рабочие и крестьяне живут в условиях гораздо более тяжелых, чем условия рабочих и крестьян в передовых странах. Такова неприукрашенная правда.

Можно сказать: значит, Октябрьская революция была ошибкой? Такое мнение было бы, однако, в корне ложным. Революция не есть результат деятельности отдельного лица или отдельной партии. Революция вырастает из всего исторического развития, когда народные массы не в силах больше выносить старый гнет. Октябрьская революция дала все же огромные завоевания. Она национализировала средства производства и позволила при помощи планового хозяйства более быстро развивать производительные силы. Это огромный шаг вперед. Все человечество учится на этом опыте. Октябрьская революция дала огромный толчок сознанию народных масс, пробудила в них самостоятельность и дух инициативы. Если положение трудящихся тяжелое, то оно все же во многих отношениях лучше, чем было при царизме. Нет, Октябрьская революция не была "ошибкой". Но в изолированной России она не могла дать осуществления главной цели, т. е. братского социалистического общества. Эта задача остается еще целиком впереди.

Борьба рабочих против бюрократии.

Так как на спине пролетариата СССР поднялся новый паразитический слой, то борьба масс естественно направляется против бюрократии, как главного препятствия на пути к социализму. В свое оправдание бюрократия объявляет, что социализм уже "осуществлен" ею. На самом деле социальный вопрос разрешен

только для бюрократии, ибо она живет весьма недурно. "Государство - это я, - рассуждает бюрократия, - раз мне хорошо, значит все в порядке". Не удивительно, если народные массы, которые не выходят из нужды, испытывают чувство вражды и ненависти к новой аристократии, которая пожирает значительную часть продуктов их труда.

Под видом защиты интересов социализма бюрократия защищает на самом деле свои собственные интересы и беспощадно душит и истребляет всякого, кто поднимает голос критики против угнетения и ужасающего неравенства в Советском Союзе. Бюрократия поддерживает Сталина потому, что он с наибольшей твердостью, решительностью и беспощадностью защищает ее привилегированное положение. Кто этого не понял, тот не понял ничего.

Борьба бюрократии против "троцкистов"

Совершенно естественно, если рабочие, которые в течение 12-ти лет (1905-1917) совершили три революции, глубоко возмущены этим режимом и не раз пытались осадить бюрократию. Этих недовольных, критикующих, протестующих представителей рабочего класса называют в Советском Союзе "троцкистами", потому что их борьба соответствует той программе, которую я защищаю в печати. Если бы бюрократия боролась за интересы народа, то она могла бы перед лицом масс карать своих противников за их действительные, а не мнимые "преступления". Но так как бюрократия борется на самом деле за свои собственные интересы против народа и его верных друзей, то естественно, что она не может открыто говорить о причинах бесчисленных преследований, арестов и казней. Так называемым троцкистам бюрократия вменяет в вину чудовищные преступления, которых они никогда не совершали и не могли совершить. Чтобы расстрелять своего противника, защищающего кровные интересы рабочих, бюрократия объявляет его попросту "агентом фашизма". Никакого контроля над действиями бюрократии нет. Во время тайного следствия, которое ведется в духе святейшей инквизиции, у обвиняемых исторгаются признания в небывалых преступлениях. Таков характер тех московских процессов, которые потрясли весь мир. В результате этих процессов вышло так, будто вся старая большевистская гвардия, все то поколение, которое вместе с Лениным проделало великую борьбу для завоевания власти рабочим классом, состояло сплошь из шпионов и агентов буржуазии. Вслед за этим истреблены были лучшие представители следующего поколения, которые вынесли на своих плечах тяжесть гражданской войны (1918-1921 гг.).

Неужели же Октябрьскую революцию совершали агенты фашизма? Неужели же гражданской войной рабочих и крестьян руководили предатели? Нет, это грязная клевета на революцию и большевизм! Разгадка клеветы в том, что именно большевики с серьезным революционным прошлым первыми протестовали против новой бюрократической касты с ее чудовищными привилегиями. Смертельно испуганная оппозицией бюрократия вступила в беспощадную борьбу с представителями старой большевистской партии и в конце концов подвергла их почти поголовному истреблению. Такова неприукрашенная правда.

Иностранные агенты Сталина

Для того, чтобы поддержать свой авторитет за границей, чтобы выдать себя за представительницу трудящихся, за защитницу социализма, чтобы обманывать рабочих всего мира, московская бюрократия содержит во всех странах большое количество агентов. На это расходуются десятки миллионов долларов. Многие из этих секретных агентов являются деятелями рабочего движения, чиновниками профессиональных союзов или так называемых "коммунистических" партий, у которых на самом деле не осталось ничего коммунистического. Обязанности наемных агентов Кремля состоят в том, чтобы обманывать трудящихся, изображать преступления советской бюрократии как "защиту социализма", клеветать на передовых русских рабочих, которые борются против бюрократии, чернить подлинных защитников трудящихся как агентов фашизма. "Да ведь это же гнусная роль!" - воскликнет каждый честный рабочий. Да, это гнусная роль, - подтвердим мы со своей стороны.

Ломбардо Толедано - агент ГПУ

Одним из наиболее усердных и беззастенчивых агентов московской бюрократии является секретарь СТМ (Мексиканской федерации труда) Ломбардо Толедано. Его недостойная деятельность разворачивается на глазах у всех. Он

защищает Сталина, его насилия, его измены, его провокаторов и палачей. Немудрено, если Толедано является злобным врагом троцкизма: такова должность этого господина! Полтора года тому назад начала свою работу Международная комиссия по расследованию московских процессов. Толедано в числе других сталинцев был приглашен в состав этой комиссии: "Предъявляйте ваши обвинения, давайте ваши доказательства!" Толедано, однако, уклонился под лживым и трусливым предлогом: комиссия, видите ли, "не беспристрастна". Но почему же "беспристрастный" Толедано не воспользовался случаем доказать публично "пристрастие" комиссии? Потому что у него не было и тени доказательств тех клевет, которые он повторяет по приказу Москвы. Международная комиссия, состоящая из неподкупных людей, известных всему миру, опубликовала отчет о своих работах в двух томах, заключающих свыше

1.000 страниц. Все документы изучены, десятки свидетелей допрошены. Каждая ложь и клевета рассмотрена под микроскопом. Комиссия признала единогласно, что все обвинения против меня и моего покойного сына Льва Седова представляют злонамеренный подлог, организованный Сталиным. Что ответили Сталин и его агенты? Ничего, ни единого слова. Несмотря на это, Толедано продолжает поддерживать и распространять подложные московские обвинения, дополняя их новыми и новыми клеветами собственного изобретения. "Да ведь это же бесстыдство!" - воскликнет каждый честный человек. Совершенно верно, это неслыханное бесстыдство!

Как ГПУ обмануло конгресс СТМ

В феврале этого года на конгрессе СТМ вынесена была резолюция против Троцкого и "троцкистов". Резолюция повторяет слово в слово фальшивые "обвинения" сталинского прокурора Вышинского, который до революции был адвокатом нефтяников на Кавказе и давно уже разоблачен как отъявленный негодяй. Каким образом могло случиться, что конгресс рабочей организации вынес такую недостойную резолюцию? Прямая ответственность за это ложится на Ломбардо Толедано, который действовал в данном случае не как секретарь профессиональных союзов, а как агент секретной полиции Сталина, ГПУ.

Незачем говорить, что я лично решительно ничего не имею против того, чтобы мексиканские рабочие организации составили себе мнение и вынесли свое заключение о "троцкизме" как о политическом течении. Но для этого нужно открытое и честное обсуждение вопроса: таково элементарное требование рабочей демократии. Перед конгрессом надо было поставить вопрос о троцкизме на обсуждение всех профессиональных союзов. Надо было дать сторонникам "троцкизма" возможность высказаться перед рабочими. Раз на конгрессе собирались к тому же судить меня лично, то простая добросовестность требовала пригласить меня на конгресс для объяснений. На самом деле махинация, продиктованная из Москвы, была подготовлена не только за моей спиной, но и за спиной мексиканских рабочих. Никто заранее не знал, что на конгрессе будет поставлен вопрос о Троцком и троцкизме. В интересах Сталина Толедано конспирировал против мексиканских рабочих. Делегаты конгресса не имели никаких материалов. Их застигли врасплох при помощи военной хитрости. Постыдную резолюцию Толедано провел таким же путем, как Сталин, Гитлер или Геббельс проводят свои "всенародные" решения. Подобный образ действий выражает "тоталитарное" презрение к рабочему классу. В то же время Толедано требует, чтоб правительство Мексики зажало мне рот, т. е. лишило меня возможности защищаться от клеветы. Таков этот рыцарь "демократии" Ломбардо Львиное Сердце²³¹!

Обвинения собственной фабрикации Толедано

Дело не ограничивается, однако, повторением официальных фальсификаций московского прокурора Вышинского. Толедано пускает в ход и собственную фантазию. Вскоре после моего прибытия в Мексику он публично заявил, что я готовлю... всеобщую стачку против правительства генерала Карденаса. Бессмыслица этого "обвинения" ясна всякому разумному человеку. Но Толедано не остановился перед бессмыслицей: Москва требует усердия и покорности. Тот же Толедано заявлял в Мексике, в Нью-Йорке, в Париже, в Осло, что у меня во всей Мексике всего десять друзей, потом - пять, потом - только два друга. Если так, каким же образом мог я попытаться организовать всеобщую стачку и заговоры? С другой стороны: куда девались мои правые "друзья": фашисты, "золотые рубашки"²³² и пр.? Умственный уровень обвинений Толедано не

отличается, как видим, от уровня тех судебных обвинений, которые обрушиваются в Москве на головы противников бюрократии. Но у Толедано нет собственного ГПУ, которое при помощи револьвера защищает от критики. Вот почему ему следовало бы быть осторожнее!

Клеветник Лаборде

Другой мексиканский агент ГПУ Лаборде, лидер так называемой "коммунистической" (кто поверит?) партии, заявил осенью прошлого года на торжественном митинге, в присутствии многочисленной публики и председателя республики, что я вступил в тайный союз (прошу внимания!) с генералом Седильо и Васконселосом²³³ - разумеется, в целях фашистского переворота. Компрометируя себя и бесчестя собственную партию, Лаборде решился бросить такое поистине идиотское обвинение только потому, что ему, как и Толедано, приказано было сделать это из Москвы, где давно уже утратили всякую меру не только морали, но логики и психологии. Ученик не может быть выше учителя своего. Агент ГПУ неволен в своих действиях, он вынужден выполнять приказания хозяина. Иначе партия Лаборде будет немедленно лишена московской субсидии и рассыплется, как картонный домик.

Еще пример клеветы

Летом этого года я совершил поездку по Мексике с целью ближе познакомиться со страной, оказавшей мне и моей жене великодушное гостеприимство. В газете Толедано "Эль Популар" появилось сообщение, будто во время этой поездки я вступал в сношения с контрреволюционерами, в частности с доктором Атлем, сторонником фашизма. Я заявил в прессе, что не имею о докторе Атле никакого понятия. Мое категорическое опровержение нисколько не помешало господину Толедано печатать заметки и карикатуры, изображающие меня в обществе доктора Атля. Что же это значит? Толедано - адвокат; он знает, что такое "клевета" и "ложный донос"; он знает, что ничто так не порочит человека, как сознательное клеветничество, продиктованное личными интересами. Как можно пасть так низко? Жертвовать собственной репутацией рабочего деятеля и порядочного человека? У самого Толедано, вероятно, кошки скребут на сердце. Но он встал на наклонную плоскость, скользит и не может остановиться. ГПУ не так легко выпускает свои жертвы из когтей...

Можно возразить, что я придаю слишком много значения личности Толедано. Но это будет неверно. Толедано не личность, а тип. Таких, как он, много: целая наемная армия, дрессированная Москвой! На примере Толедано я разоблачаю эту армию, которая сеет в общественном мнении микробы лжи и цинизма.

СТМ здесь ни при чем

Каждый раз, когда я вынужден опровергать очередную клевету Толедано и Лаборде, эти господа принимаются кричать, что я являюсь... врагом Мексиканской федерации труда. Поистине неоценимый аргумент! Свои махинации они совершают без ведома рабочих. А когда их ловят с поличным, они пытаются спрятаться за спину рабочих. Какие рыцари! Какие герои!.. И какие жалкие софисты! Как могу я, человек, который сорок два года сознательной жизни отдал рабочему движению, относиться враждебно к пролетарской организации, борющейся за улучшение судьбы трудящихся? Но Толедано не есть СТМ, и СТМ не есть Толедано. Хороший ли Толедано синдикальный чиновник или нет, об этом должны судить мексиканские рабочие. Но когда Толедано становится на защиту палачей ГПУ против лучших русских рабочих, тогда я выступаю открыто и говорю рабочим Мексики и всего мира: Толедано вероломно обманывает вас в интересах кремлевской клики. Не верьте ему!

Школа ГПУ

Методы Толедано те же, что и методы московских процессов. Суть этих методов состоит в том, чтобы подменять политические разногласия уголовными романами; выдумывать чудовищные комбинации, чтобы поражать воображение неопытных людей; лгать и клеветать; клеветать и лгать. В Москве мне приписывали тайное свидание с фашистским министром Гессом (которого я никогда в жизни не видел и с которым я не мог, разумеется, иметь никаких сношений); здесь, в Мексике, мне приписывают свидание с доктором Атлем, о

котором я не имею ни малейшего понятия. Такова школа ГПУ. Но есть все же разница. Зажавши рот всем критикам, выставив подложных свидетелей, ГПУ имеет возможность исторгать у подсудимых ложные признания; в противном случае их расстреливают в застенке, без следствия и суда. В Мексике господин Толедано не имеет еще возможности применять такого рода расправу. Правда, он широко пользуется сфабрикованными в Москве фальсификациями, как например, насквозь ложный и постыдный фильм "Ленин в Октябре"²³⁴. Но этого одного недостаточно. Человечество не состоит из одних глупцов. Есть немало людей, которые умеют думать. Поэтому клевету Толедано можно разоблачить. И мы доведем это разоблачение до конца!

Предъявите доказательства, господа клеветники!

Я предлагаю расследовать публично утверждения Толедано насчет подготовки мною всеобщей стачки против правительства генерала Карденаса, насчет моей "связи" с Седильо и с Васконселесом, насчет моих тайных встреч с доктором Атлем и пр. и пр. Здесь мы имеем перед собою крайне благоприятный случай, когда установить правдивость или лживость конкретных утверждений не составит большого труда. Господин Толедано, который столь ревностно защищает московское правосудие, оказал бы Сталину огромную услугу, если бы доказал здесь, в Мексике, правоту своих собственных обвинений против меня. Я предлагаю создать беспристрастную комиссию для гласного расследования обвинений Толедано. Карты на стол! Предъявите ваши доказательства, господа клеветники!

Но не будем делать себе иллюзий: Толедано не примет вызова; он не посмеет его принять: он не может предстать перед беспристрастной комиссией, которая станет неизбежно орудием разоблачения ГПУ и его агентов. Доказательства? Какие доказательства могут быть у клеветника? У него есть злая воля и нечистая совесть. Больше у него нет ничего!

Ключ к московским процессам

Из сказанного выше каждый мыслящий человек сделает простой вывод: если в Мексике, где живы еще свобода печати и право убежища, агент Сталина позволяет себе бросать столь абсурдные и столь бесчестные обвинения, требуя при этом, чтобы обвиняемому зажали рот, то что же могут позволить себе другие агенты Сталина, работающие в СССР, где всякая критика, всякая оппозиция, всякое слово протеста задушены тисками тоталитарного режима? Помимо и против своей воли Толедано доставил общественному мнению ключ к московским процессам. Надо вообще сказать, что не в меру усердные друзья опаснее врагов.

Идея сильнее клеветы

Оппортунистам и карьеристам всех цветов радуги не нравятся мои идеи. Я считал бы для себя худшим позором, если бы мои идеи нравились этой братии. Угнетенные не могут освободиться под руководством оппортунистов и карьеристов. Пусть же попробуют эти господа открыто атаковать мои идеи. Я принадлежу к Четвертому Интернационалу и не прячу своего знамени. Четвертый Интернационал – единственная международная партия, которая ведет действительную борьбу против империализма, фашизма, гнета, эксплуатации и войны. Только эта молодая растущая организация выражает действительные интересы мирового пролетариата. Именно поэтому она ведет непримиримую борьбу против развращенной бюрократии старых шовинистических Интернационалов: Второго и Третьего. Отсюда бешеная ненависть к "троцкизму" со стороны оппортунистов, авантюристов и самодовольных карьеристов. Где может, кремлевская клика убивает наших борцов (Эрвин Вольф, Лев Седов, Рудольф Клемент и другие). Где не может, она клеветает на них. Недостатка в деньгах и наемных агентах у нее нет. И тем не менее она обречена на позорное крушение. Революционные идеи, отвечающие потребностям исторического развития, снесут все преграды. Клеветники разобьют себе головы о несокрушимую правду.

Л.Троцкий

9 октября 1938 г.

Койоакан

Свободная трибуна

Проблема нового Интернационала

Банкротство Второго и Третьего Интернационалов как организаций международного пролетариата стоит для подлинных марксистов вне спора. Из орудия освобождения трудящихся и эксплуатируемых экс-коммунистический Интернационал вслед за социал-демократией стал орудием "демократического" империализма. Проблема нового Интернационала является ныне важнейшей проблемой международного пролетарского авангарда.

Мы печатаем в настоящем номере "Клаве" несколько документов, связанных с недавней мировой конференцией Четвертого Интернационала или относящихся к деятельности отдельных его секций. Мы надеемся, что эти документы вызовут живой обмен мнений в среде мексиканских марксистов, как и вообще в среде марксистов испанского языка. Новый Интернационал не может создаваться при помощи энциклик. Каждый его шаг вперед должен быть результатом научного исследования, свободной критики и коллективной работы мысли.

В No 1 "Клаве" мы поместили проект тезисов по вопросу о развитии Латинской Америки. Проект этот принадлежит тов. Диего Ривера (что по оплошности не было отмечено). Им же составлен печатаемый в этом номере проект тезисов по вопросу об американских индейцах²³⁵. Присоединяясь в основном к этим тезисам, редакция настойчиво предлагает своим читателям и друзьям приступить к внимательному обсуждению обоих проектов.

"Клаве" издается не для развлечения и легкого чтения. Марксизм есть научная доктрина. Чтобы овладеть им, нужна серьезная и настойчивая работа мысли. Мы рекомендуем передовым рабочим читать статьи нашего журнала в кружках, причем менее подготовленные кружки должны были бы приглашать руководителей. Чтение каждой статьи должно сопровождаться обменом мнений. Те или другие выводы, критические замечания, вопросы, предложения необходимо в письменном или в устном виде доводить до сведения редакции. Мы обещаем заранее, что редакция отнесется ко всякому критическому голосу с величайшим вниманием.

"Клаве"

11 октября 1938 г.

Нашим друзьям и читателям!

Первый номер "Клаве" был встречен с несомненным сочувствием передовыми рабочими и революционными интеллигентами Мексики. Все революционеры – подлинные революционеры, а не фразеры, интриганы и карьеристы – изголодались по марксистскому печатному слову. События нашей эпохи грандиозны и сложны. Мексика и Латинская Америка в целом не могут вырваться из водоворота мировых событий. В Испании марксистская литература подавлена, притом не только на территории Франко, но и на территории Негрина-Сталина. Из всех стран испанского языка марксистское слово может ныне раздаваться с необходимой свободой почти только в одной Мексике. Это международное положение передает мексиканским марксистам руководящую роль не только в отношении Латинской Америки, но и в отношении самой Испании, включая и возрастающую испанскую эмиграцию во все страны Старого и Нового света. Кому много дано, с того много спросится. На мексиканских марксистов налагаются историей серьезные и ответственные обязательства.

Так называемая "коммунистическая" партия Мексики подверглась такому же разложению, что и все секции Коминтерна. Из партии пролетарского авангарда она окончательно стала партией консервативной мелкой буржуазии. Часть мелкой буржуазии, как известно, ждет спасения от римского папы. Другая, более авантюристская часть, ждет спасения от московского фюрера. Теоретическая ценность сталинизма немногим выше, чем теоретическая ценность католицизма. Недаром недавняя московская энциклопедия требует братания сталинцев с католиками. И недаром бездарный и невежественный орган сталинцев сменил имя "Мачете", напоминающее о компрометирующем прошлом, на почетное имя "Голос Мексики"²³⁶, которое носил некогда орган католической реакции.

Литература, которую Ломбардо Толедано издает на средства СТМ, хотя и не

в интересах СТМ, немногим выше католико-"коммунистических" проповедей Лаборде и К°. Марксизм есть научная доктрина и в то же время руководство к действию. Чтобы правильно пользоваться этой доктриной, нужно добросовестное изучение фактов в их возникновении и развитии. В нашу эпоху особенно важно научное изучение мировых тенденций империализма, наиболее могущественного ныне исторического фактора, который определяет судьбу народов передовых, как и отсталых, и угрожает похоронить культуру человечества в бездне новой войны. Клика Ломбардо Толедано не знает азбуки марксизма и не испытывает ни малейшей потребности познакомиться с ней. Задача этих господ состоит в том, чтобы нахватанными там и сям формулами марксизма прикрыть перед рабочими наготу своих амбиций, аппетитов и интриг. Литература такого типа компрометирует само имя марксизма и отравляет прогрессивное общественное мнение.

В этих условиях подлинная марксистская трибуна необходима и важна вдвойне. Нужно вернуть научному социализму его действительный облик. Первый номер нашего издания был воспринят всеми мыслящими революционерами, как глоток свежего воздуха в затхлой атмосфере лжемарксистских имитаций и фальсификаций. Сочувственный отклик друзей и читателей укрепляет наши силы и придает нам двойную уверенность для продолжения нашего дела.

*

Многие читатели жаловались, однако, на плохую технику нашего издания, на неудобный формат, слишком мелкий шрифт и проч. Мы признаем эти жалобы вполне справедливыми. Главная причина технических недочетов "Клаве" - скудость наших средств. Мы не получаем субсидий ни от римского, ни от московского папы, ни вообще от каких бы то ни было таинственных источников. В отличие от некоторых лжемарксистских изданий, мы можем дать нашим читателям отчет в каждом расходуемом нами сантиме²³⁷. К сожалению, этих сантимов мало. Они состояются из взносов ближайших участников журнала и его друзей. В твердой уверенности, что круг этих друзей будет непрерывно расширяться, мы обращаемся к ним с просьбой, нет, с требованием об идейном и материальном содействии. При этом условии нам удастся не только расширить и углубить содержание нашего издания, но и придать ему более совершенный технический вид.

Друзья "Клаве", слово за вами!

[Л.Д.Троцкий]

11 октября 1938 г.

О задачах синдикального движения в Латинской Америке

В сентябре в Мехико проходил съезд представителей рабочих синдикатов нескольких стран Латинской Америки, приведший к созданию так называемой "латиноамериканской федерации синдикатов"²³⁸. Мы, нижеподписавшиеся, считаем своим долгом заявить перед рабочими Латинской Америки и всего мира, что этот съезд, подготовленный за спиной масс, был односторонне подтасован во имя задач, не имеющих ничего общего с интересами латиноамериканского пролетариата, наоборот, в корне враждебных этим интересам. Созданная на этом съезде "федерация" представляет собой не объединение организованного пролетариата нашего континента, а политическую фракцию, тесно связанную с московской олигархией.

В самой Мексике на этот съезд не были ни приглашены, ни допущены СЖТ²³⁹, Каса дель Пуебло²⁴⁰, КРОМ²⁴¹. Тов. Матео Фосса, прибывший из Буэнос-Айреса с мандатом от 24 независимых синдикатов, не был допущен на конгресс только потому, что он является противником сталинизма. В каждой латиноамериканской стране можно указать синдикальные организации, которые были заранее и преднамеренно устранены от подготовки конгресса, чтоб не нарушать его политической однородности, т. е. его покорности сталинизму.

Большинство делегатов синдикального конгресса принимали также участие в конгрессе против войны и фашизма, где имели возможность полностью раскрыть свою политическую физиономию. Все они голосовали за пустые резолюции о борьбе с фашизмом, но решительно отвергали, кроме представителей Пуэрто-Рико

и Перу, борьбу с империализмом. Эта политика характеризует полностью московскую бюрократию, которая ввиду угрозы со стороны Гитлера ищет доверия и дружбы империалистических демократий: Франции, Великобритании и Соединенных Штатов. Рабочие массы Латинской Америки, видящие в фашизме своего смертельного врага, не могут, однако, ни на минуту отказываться от непримиримой революционной борьбы против империализма, хотя бы и прикрытого демократической маской. Вот почему пролетариату и народам Латинской Америки со сталинской бюрократией не по пути! Мы никогда не забудем и не простим того, что во имя дружбы с французской и английской буржуазией сталинская бюрократия задушила революционное движение испанских рабочих и крестьян.

"Демократический" империализм, который в Латинской Америке неизмеримо сильнее фашистского, пытается, и не без успеха, создать в наших странах путем подкупа, подачек, привилегий свою политическую агентуру, притом не только в среде буржуазии, буржуазной бюрократии и мелкобуржуазной интеллигенции, но и в верхнем слое рабочих. Такого рода развращенные элементы рабочей бюрократии или рабочей "аристократии" питают нередко по отношению к покровительствующему им империализму не пролетарские, не революционные, а рабские или лакейские чувства. Агенты кремлевской олигархии эксплуатируют эти чувства для того, чтоб помирить латиноамериканский пролетариат с "демократическими" рабовладельцами.

К этому надо прибавить, что в Мексике, где синдикаты находятся, к несчастью, в прямой зависимости от государства, синдикальная бюрократия пополняется нередко из рядов буржуазной интеллигенции, адвокатов, инженеров и проч., не имеющих ничего общего с рабочим классом и только стремящихся использовать синдикальные организации в интересах личного материального благополучия или полицейской карьеры. Стремясь прикрыть свою грубо эгоистическую политику от рабочих, эти буржуазные карьеристы выступают обычно как "антифашисты" и "друзья СССР", а по существу дела являются агентами англосаксонского империализма.

Чтобы держать профессиональные союзы в руках своей фракции, они свирепо топчут рабочую демократию и душат всякий голос критики, выступая как прямые гангстеры по отношению к тем организациям, которые борются за революционную независимость пролетариата от буржуазного государства и от иностранного империализма. Раскалывая таким образом профессиональное движение, внося чрезвычайное ожесточение в борьбу разных его тенденций, агенты Сталина ослабляют пролетариат, деморализуют его, подрывают демократию в стране и на деле расчищают дорогу фашизму. Мексиканский адвокат Ломбардо Толедано, избранный секретарем организованной им самим латиноамериканской федерации, является наиболее ответственным руководителем этой преступной политики.

Мы, нижеподписавшиеся, являемся горячими и убежденными сторонниками объединения латиноамериканского пролетариата, как и его теснейшей связи с пролетариатом Соединенных Штатов Северной Америки. Но эта задача, как видно из изложенного, остается еще полностью неразрешенной. Созданная в сентябре фракционная политическая организация является не помощью, а препятствием на пути к разрешению этой задачи.

Подлинное объединение латиноамериканского пролетариата может и будет достигнуто, по нашему глубокому убеждению, на нижеследующих основах:

1. Полная независимость профессионального движения от собственного буржуазного государства, как и от иностранного империализма, фашистского или "демократического";

2. Революционная программа классовой борьбы;

3. Очищение профессионального движения от мелкобуржуазных карьеристов, чуждых рабочему классу;

4. Объединение в каждой стране всех классовых профессиональных союзов на основах рабочей демократии, т. е. свободной и братской идейной борьбы внутри союзов при строгом подчинении меньшинства большинству и железной дисциплине в области действия;

5. Честная подготовка латиноамериканского конгресса профессиональных союзов при активном участии самих масс, т. е. при свободном и серьезном обсуждении задач латиноамериканского пролетариата и методов его борьбы.

Наш пролетариат должен выступить на историческую арену, чтобы взять в свои руки судьбу Латинской Америки и обеспечить ее будущее. Объединенный пролетариат привлечет на свою сторону десятки миллионов индоамериканских крестьян, уничтожит разделяющие нас враждебные границы и объединит две

дружины республик и колониальных владений под знаменем Рабочих и Крестьянских Соединенных Штатов Латинской Америки.

Мы ставим эту программу на обсуждение всех рабочих организаций нашего континента. Слово за вами, революционные рабочие Латинской Америки.

[Л.Д.Троцкий]

11 октября 1938 г.

Леон Жуо и Ломбардо Толедано

Несравненный Леон Жуо на пацифистском конгрессе в Мехико кричал: "Мы собрались для борьбы с фашизмом, а не с империализмом". Это значило: надо помешать Гитлеру захватить французские колонии, но нельзя мешать французским рабовладельцам "мирно" грабить своих колониальных рабов. После капитуляции Франции и Англии перед Гитлером²⁴² Жуо нашел новое, свежее и верное средство спасения: созвать международную конференцию... разоружения. "Не исключая и Гитлера", - прибавляет этот несравненный анархо-империалист. К сожалению, Жуо очень похож на хитрого зайца, который рекомендует волку отправиться вместе с ним к дантисту для удаления клыков. Таким постыдным финалом заканчивается многолетняя пацифистская кампания Москвы! Во сколько десятков миллионов долларов обошлись русским рабочим все эти банкеты, конгрессы, парады, путешествия Леонов Жуо и пасторские послания Ромэна Роллана?

Толедано в "Футуро"²⁴³ начал вежливо и осторожно отмежевываться от Жуо, - после того, как мексиканские сторонники Четвертого Интернационала опубликовали неожиданно для Толедано отзывы Ленина о Жуо (неожиданно - ибо Толедано не имеет никакого понятия ни о Ленине, ни о Марксе). Может быть, однако, Толедано соблаговолит ясно и точно ответить рабочим: в чем именно и с кем он сходится? В чем и с кем расходится? Одобряет ли политику Сталина? Какова вообще его программа?

Ручаемся заранее: Толедано не ответит ни на один из этих вопросов. Почему? Ему нечего ответить. Он гол, как король Андерсена²⁴⁴.

[Л.Д.Троцкий]

22 октября 1938 г.

"Трагедия китайской революции"

В прошлом месяце вышла на английском языке книга Айзекса (502 стр.) под этим заглавием²⁴⁵. Книга, дающая историю китайской революции, представляет исключительное явление современной марксистской литературы. Автор прекрасно знаком с вопросом. Он провел несколько лет в Китае в качестве активного и серьезного наблюдателя и отчасти участника событий. Международная литература, которая легла в основу его труда, поистине огромна. Автор свободно владеет методом исторического материализма и пишет ясным, точным и убедительным языком. Книга должна стать настольной для всех, кто действительно интересуется судьбой Китая и судьбой его революции. Цель настоящей заметки - обратить на книгу тов. Айзекса внимание всех товарищей. Остается выразить надежду, что книга появится вскоре на других языках. Прежде всего необходим ее перевод на китайский язык.

Л.Троцкий

23 октября 1938 г.

Койоакан.

"Новая эра мира?"²⁴⁶

Чемберлен провозгласил эту формулу: мюнхенское соглашение²⁴⁷ открыло "новую эру мира". Никогда еще, пожалуй, политика не была так эмпирична, слепа, не жила в такой степени сегодняшним днем, не спешила так удовлетворяться эфемерными результатами, как ныне. Объяснение состоит в том, что руководители мировых судеб, особенно европейских, боятся заглянуть в

завтрашний день. Каждая успокоительная формула, как бы пуста она ни была, находит благодарный спрос. "Новая эра мира"? Выходит, будто все трения и конвульсии европейской политики определялись существованием лоскутной Чехословакии или отсутствием дружеских бесед между правителями Германии и Англии. Воистину, можно прийти в ужас от доверчивости и терпеливости общественного мнения, которому с самых авторитетных трибун преподносятся такого рода слащавые банальности!

Напомним азбуку. Сущность современного мирового кризиса определяется двумя основными обстоятельствами. Во-первых, классический капитализм свободной торговли превратился в монополистский капитализм и давно перерос границы национальных государств. Отсюда – погоня за иностранными рынками для товаров и капиталов, борьба за источники сырья и, как увенчание всего этого – колониальная политика. Второй исторический фактор состоит в неравномерности экономического, политического и военного развития различных стран. Старые метрополии капитала, как Англия и Франция, остановились в своем развитии. Выскочки, как Германия, Соединенные Штаты, Япония, далеко продвинулись вперед. Вследствие радикального и лихорадочного изменения в соотношении сил приходится все чаще пересматривать карту мира. Мюнхенское соглашение ничего не изменило в этих основных условиях.

Прошлая война началась со стороны Германии под лозунгом: "Говорят, что мир уже поделен? В таком случае надо переделить его". Двадцать лет, прошедших после войны, с новой силой обнаружили несоответствие удельного веса главных европейских государств и их доли в мировой добыче на основе Версальского договора. Наивное общественное мнение было поражено слабостью, какую обнаружили европейские демократы во время последнего кризиса; международный престиж фашизма несомненно вырос. Дело, однако, вовсе не в "демократии" как таковой, а в экономическом удельном весе Англии и особенно Франции в мировом хозяйстве. Нынешний экономический фундамент этих двух "демократий" совершенно не соответствует объему и богатству их колониальных империй. С другой стороны, динамика германского хозяйства, временно парализованная Версальским миром, восстановилась и снова начинает расшатывать и опрокидывать пограничные столбы. Мы не говорим особо об Италии, ибо судьбы войны и мира не в ее руках. До прихода Гитлера к власти Муссолини был тише воды ниже травы. В борьбе за мировое господство он и впредь обречен на роль сателлита.

Англия и Франция боятся каждого мирового сотрясения, ибо завоевать они не могут ничего, а потерять могут все. Отсюда их паническая уступчивость. Но частичные уступки обеспечивают лишь короткие передышки, не устраняя и не ослабляя основной источник конфликтов. В результате мюнхенского соглашения европейская база под Германией расширилась, под ее противниками сузилась. Если брать всерьез слова Чемберлена, то получается, что ослабление демократий и усиление фашистских государств... открывает "эру мира". Глава консервативного правительства явно не хотел этого сказать. Впрочем, что именно он хотел сказать, не вполне ясно, по-видимому, и ему самому.

Про новую "эру мира" можно было бы говорить с некоторым правом, если бы потребности германского капитализма в сырье и рынках сбыта были удовлетворены присоединением "братьев по крови" или возросшим влиянием Германии в Центре и на Юго-Востоке Европы. На самом деле присоединение Саарской области, Австрии²⁴⁸ и Судетов только разжигает наступательные тенденции немецкого хозяйства. Искать разрешения его внутренних противоречий германский империализм вынужден на мировой арене. Не случайно поэтому генерал фон Эпп²⁴⁹, будущий министр будущих колоний, немедленно после наступления "эры мира" возвестил по поручению Гитлера требование возвращения Германии ее прежних колониальных владений. Чемберлен собирается, как утверждают некоторые голоса, сделать "символический" жест, именно, возвратить Германии не все, – о, конечно, нет! – а некоторые из ее бывших владений и удовлетворить честолюбие Гитлера, возведя Германию снова в разряд колониальных держав.

Все это звучит ребячеством, если не издевательством. Германия владела незначительными колониями до мировой войны; но ей стало так тесно в старых пределах, что она стремилась через войну вырваться на настоящую арену мировой эксплуатации. Возвращение ей ее старых заморских владений на разрешит поэтому ни одной из задач германского капитализма. Колониальные клочки Гогенцоллерна нужны Гитлеру только как опорные пункты в борьбе за

"настоящие" колонии, т. е. за передел мира. Но этот передел не может быть произведен иначе, как путем ликвидации британской и французской империй.

Колониальные державы второго и третьего порядка будут ликвидированы попутно. Истребительный закон концентрации распространяется в такой же мере на мелкие рабовладельческие государства, как и на мелких капиталистов внутри государств. Весьма вероятно поэтому, что следующая попытка соглашения четырех держав будет произведена за счет колоний Голландии, Бельгии, Испании, Португалии. Но это означало бы опять лишь короткую передышку.

Что дальше? Темп, в котором Германия предъявляет свои требования, никак нельзя назвать медленным и терпеливым. Если бы даже Англия и Франция решились на самоликвидацию в рассрочку, это лишь придало бы германскому наступлению новую силу. К тому же Соединенные Штаты не могли бы остаться спокойным наблюдателем столь явного нарушения мирового "равновесия". Перспектива оказаться лицом к лицу с Германией, владычицей мировых колоний и великих путей, ни в каком случае не может улыбаться североамериканскому колоссу. Вот почему он будет со все большей силой подталкивать Англию и Францию не к уступчивости, а к сопротивлению. А тем временем токийский принц Коноэ²⁵⁰ возвещает необходимость "пересмотра всех договоров в интересах справедливости", т. е. в интересах Японии. Тихий океан никак не обещает быть в ближайшие десять лет купелью мира.

В добрые старые времена только Англия мыслила континентами. Но она мыслила медленно, в столетиях. В нынешнюю эпоху все империалистические государства научились мыслить материками. Но время измеряется уже не столетиями, а десятилетиями и даже годами. В этом состоит подлинный характер нашей эпохи, которая и после мюнхенского свидания остается эпохой разнузданного и неистовствующего империализма. Пока народы не смиряют его, он будет все чаще перекраивать нашу окровавленную планету.

Состояние германского хозяйства требует от Гитлера как можно скорее реализовать свою военную силу. Армия, наоборот, требует оттяжки, ибо она не готова к войне: это - новая армия, где не все еще слажено, не все пригнано в надлежащей пропорции. Но противоречие между этими двумя требованиями измеряется не десятилетиями, а одним-двумя годами, может быть, даже месяцами. Демонстративная мобилизация, которую Гитлер произвел во время чехословацкого кризиса, имела целью пробу нервов правящих классов Англии и Франции. Эта проба удалась, с точки зрения Гитлера, на славу. Его сдерживающие центры, не слишком прочные и раньше, окончательно ослаблены. Ослаблено сопротивление германского генералитета и руководителей германского хозяйства. Сделан решительный шаг в сторону войны.

Второй раз Гитлер не сможет повторить свой блеф. Но он использует, несомненно, эффект столь удачного эксперимента в противоположном направлении. Во время нового кризиса он попытается создать вокруг мобилизации иллюзию простой угрозы, видимость нового блефа, чтобы на самом деле обрушиться на противников соединенной силой своих армий. Тем временем господа дипломаты снова разогревают идею... ограничения вооружений. За дипломатами тянутся пацифисты (по основной профессии - социал-империалисты) типа Жуо и К^о, требуя полного разоружения. Недаром русский поэт сказал: "Тьмы горьких истин нам дороже нас возвышающий обман"²⁵¹. Впрочем, эти господа обманывают не столько себя, сколько народ.

Войну 1914-1918 гг. государственные люди называли, в утешение народам, "последней войной". С того времени это выражение получило иронический характер. Можно не сомневаться, что через короткий срок той же горькой иронией будет окрашено и выражение Чемберлена "новая эра мира". Будем смотреть на будущее открытыми глазами. Европа идет к войне, а с ней вместе - все человечество.

Л.Троцкий

4 ноября 1938 г.

Койоакан

[Письмо М.Зборовскому и Л.Эстрин]

8 ноября 1938 г.

Дорогие друзья!

Получил биографию Сталина, написанную "татариним Имамом"²⁵². Думаю, что сей татарин есть Беседовский (может быть, в союзе с Кривицким или Бардиным). Большое спасибо за книгу. Получил сегодня вырезки и письмо No 33 А.

Что касается процесса жены генерала Миллера²⁵³, то, разумеется, наши друзья не могут и не должны ни прямо, ни косвенно участвовать в этом деле. Отдельных лиц могут, разумеется, вызвать официально, в качестве свидетелей. В этом случае, насколько я понимаю, законы не позволяют уклониться от дачи показаний. Но схема показаний должна быть точно разработана заранее. Необходимо прежде всего заявить, что внутренних счетов между белыми и ГПУ мы не знаем, что из среды белых вербуются агенты-убийцы, и где кончается провокация, где начинается "белая оппозиция", нам невозможно судить. Что же касается конкретных показаний по поводу убийств наших людей, то думаю, следует вообще отказаться от ответа на эти вопросы со ссылкой на то, что расследование по данным делам еще не закончено и что наши сведения составляют в этом смысле тайну судебного следствия. Думаю, что такой образ действия вполне возможен, ибо согласен с фактами и с законами. Нужно, разумеется, хорошо обсудить вопрос с адвокатами. Что же касается подготовительных действий к суду, то категорически отказаться вступать в какие бы то ни было соглашения с белыми, сделать это, если возможно, в письменной форме. Таково мое твердое мнение.

Крепко жму руку
[Л.Д.Троцкий]

Программа борьбы или программа приспособления?

По поводу письма Айиа де ла Торре²⁵⁴

В аргентинском журнале "Кларидад"²⁵⁵ за август 1938 года напечатано программное письмо Айиа де ла Торре по поводу положения в Перу. Мы не склонны прилагать к этому документу социалистический или марксистский критерий. Айиа де ла Торре выступает в письме как демократ, только как демократ, и мы обязаны поэтому подойти к письму прежде всего под демократическим углом зрения. Хороший демократ лучше плохого социалиста. К сожалению, именно под этим углом зрения письмо Айиа де ла Торре производит совершенно неопределенное впечатление.

Те внешние опасности, которые грозят латиноамериканским странам, Айиа де ла Торре ограничивает, видимо, исключительно Италией, Германией и Японией. Он имеет в виду не империализм вообще, а только одну его разновидность: фашизм. Он прямо заявляет: "Конечно, все мы думаем, что в случае нападения мы имеем Соединенные Штаты, опекунов нашей свободы, для того, чтобы защищать нас". Что это: ирония? Нет, не ирония. Говоря о возможностях вторжения фашистских "агрессоров" на Латиноамериканский континент, автор поясняет: "Пока Соединенные Штаты остаются бдительны и сильны, эти опасности не являются близкими, но остаются все же опасностями". Яснее сказать нельзя! Вождь АПРА ищет сильного покровителя.

Для Айиа де ла Торре Соединенные Штаты существуют только в качестве "опекуна свободы". Мы же видим в них наиболее близкую и в историческом смысле наиболее грозную империалистическую опасность. Мы не хотим этим сказать, что правительства стран Латинской Америки не имеют права пользоваться в интересах самосохранения антагонизмами разных империалистических стран и группировок. Но одно дело - тактическое использование подобных антагонизмов от случая к случаю, в зависимости от конкретных обстоятельств; другое дело - стратегический расчет на Соединенные Штаты, как на постоянного защитника. Эту оппортунистическую позицию мы считаем не только неправильной, но и глубоко опасной, так как она создает ложную перспективу и препятствует главной задаче: революционному воспитанию народа.

В каком смысле Соединенные Штаты могут быть названы "опекунами" свободы эксплуатируемых ими народов? Только в том смысле, что Вашингтон готов "защищать" страны Латинской Америки от европейского (или японского) господства; но каждый акт подобной "защиты" будет означать полное

закабаление "защищенной" страны Соединенными Штатами. Пример Бразилии показывает, что для высоких "опекунов" дело вовсе не идет о "свободе". После государственного переворота в Бразилии²⁵⁶ отношения между Вашингтоном и Рио де Жанейро не ухудшились, а, наоборот, стали теснее. Причина та, что Вашингтон видит в диктатуре Варгаса более покорное и надежное орудие интересов американского капитала, чем революционной демократии. Такова по существу позиция Белого Дома по отношению ко всему южному континенту.

Может быть, Аяиа де ла Торре исходит просто из той мысли, что империалистическое господство Соединенных Штатов есть "меньшее зло"? Но тогда так и надо говорить: демократическая политика требует ясности. Однако как долго это зло будет оставаться меньшим? Игнорировать этот вопрос значит вести слишком азартную игру. Соединенные Штаты стоят под действием тех же исторических законов, что и европейские метрополии капитализма. "Демократия" Соединенных Штатов является в настоящее время только формой их капитализма. Ввиду ужасающего загнивания североамериканского капитализма демократия не помешает "опекунам свободы" развернуть в ближайшем будущем крайне агрессивную политику, направленную прежде всего против стран Латинской Америки. Это надо сказать ясно, отчетливо, твердо и именно эту перспективу положить в основу революционной программы.

Некоторые из вождей АПРА заявляют, как это ни невероятно, что союз АПРА и вообще латиноамериканских национально-революционных партий с революционным пролетариатом Соединенных Штатов и других империалистических стран не имеет "практического" значения, так как рабочие этих стран не "интересуются" будто бы положением колониальных и полуколониальных народов. Эту точку зрения мы считаем в полном смысле слова самоубийственной. Колониальным народам не быть свободными до тех пор, пока жив империализм. А опрокинуть империалистическую буржуазию угнетенные народы могут только в союзе с международным пролетариатом. Нельзя не видеть, что позиция наиболее оппортунистических вождей АПРА в этом основном вопросе подтверждается письмом Аяиа де ла Торре. Кто считает американскую империалистическую буржуазию "опекуншей" свободы колониальных народов, тот не может, разумеется, искать союза с североамериканскими рабочими. Недоверчивая оценка международного пролетариата в колониальном вопросе неизбежно вытекает из стремления не раздражать "демократическую" империалистическую буржуазию, особенно буржуазию Соединенных Штатов. Кто рассчитывает найти союзника в Рузвельте, тот не может, разумеется, стать союзником международного пролетарского авангарда. Здесь - основной водораздел между политикой революционной борьбы и политикой беспринципного приспособления.

Аяиа де ла Торре настаивает на необходимости объединения стран Латинской Америки и заканчивает свое письмо формулой: "Мы, представители объединенных провинций Южной Америки". Сама по себе идея безусловно правильна. Борьба за Соединенные Штаты Латинской Америки неотделима от борьбы за национальную независимость каждой из латиноамериканских стран. Однако надо ясно и точно ответить на вопрос, какими путями можно достигнуть такого объединения. Из крайне расплывчатых формулировок Аяиа де ла Торре можно сделать вывод, что он надеется убедить нынешние правительства Латинской Америки добровольно объединиться... не под "опекой" ли Соединенных Штатов? На самом деле, достигнуть этой великой цели можно только революционным движением народных масс против империализма, в том числе и "демократического", и против его внутренних агентов. Это трудный путь. Но другого пути нет.

Отметим еще, что в письме, имеющем программный характер, нет ни слова о Советском Союзе. Видит ли Аяиа де ла Торре в СССР защитника колониальных и полуколониальных стран, их друга и союзника, или же вместе с нами считает, что при нынешнем своем режиме Советский Союз представляет величайшую опасность для слабых, отсталых и полузависимых народов? Умолчание Аяиа де ла Торре вызывается опять-таки явно оппортунистическими соображениями. Он хочет, видимо, держать СССР в "резерве", на случай, если не помогут Соединенные Штаты. Но кто стремится приобрести слишком много друзей, тот теряет обычно и тех немногих, которых имеет.

Таковы те мысли, которые вызываются письмом вождя АПРА, даже если ограничиться только демократическим критерием. Ошибочны ли наши выводы? Мы охотно выслушаем возражения представителей АПРА. Мы хотели бы только, чтоб эти возражения были более точны и конкретны, менее уклончивы и дипломатичны,

чем письмо Айна де ла Торре.
Диего Ривера²⁵⁷
9 ноября 1938 г.

По поручению ГПУ

В течение тех двадцати месяцев, что я пользуюсь гостеприимством этой страны, г. Толедано и его сообщники и помощники сделали на мой счет публично целый ряд фантастических утверждений:

что я сотрудничаю с фашистами в этой стране и в других странах;

что я готовил всеобщую стачку для низвержения правительства генерала Карденаса;

что я был связан с заговором Седильо;

что я вступил в тайные сношения с доктором Атлем;

что я руковожу и движением оппозиционных учителей;

что я внушил статьи генерала Абелардо Родригеса²⁵⁸ в целях собирательной кампании и пр. и пр. и пр.

После первого же утверждения такого рода я ходатайствовал письменно перед правительством о назначении официального расследования. Правительство не нашло, однако, никаких оснований для расследования.

Я несколько раз в печати называл заявления г. Толедано и его сообщников (Лаборде и пр.) сознательной клеветой и ложным доносом. Цель этой кампании клеветы - лишить меня права убежища и дать возможность ГПУ захватить меня в свои руки.

В последний раз я еще публично предложил г. Толедано представить доказательства своих утверждений беспристрастной комиссии, которая могла бы быть назначена правительством Мексики или, например, Амстердамским центром международной организации профессиональных союзов. Вместо того, чтобы ясно и точно ответить на мой вызов, г. Толедано на митинге 8 ноября разразился потоком грубых ругательств и прибавил к старым клеветам несколько новых.

Я не вхожу здесь в политическую полемику с г. Толедано. Скажу лишь кратко: если считать людей типа Керенского-Толедано и К° "революционерами", то я, конечно, "контрреволюционер" и горжусь этим. Но вопрос совсем не в этом. Вопрос в том, готовил ли я стачку против правительства генерала Карденаса; вступал ли я в заговор с фашистами; имел ли связь с Седильо; встречался ли тайно с доктором Атлем и пр. и пр. Да или нет? Если я все это действительно делал, то я не имею права на гостеприимство этой страны. Если же ничего этого не было, то Толедано - злостный клеветник, который по поручению ГПУ систематически обманывал общественное мнение Мексики.

Так и только так стоит вопрос. Публичные ругательства свидетельствуют только об отсутствии собственного достоинства. Доказательств они заменить не могут.

Я еще раз говорю рабочим, крестьянам и всем гражданам этой великодушной страны: то, что Толедано вам рассказывает обо мне, есть сознательная ложь. Не верьте ему!

Л.Троцкий

9 ноября 1938 г.

Койоакан

Минус на минус дает плюс

В своей речи в Беяс Артес²⁵⁹ 8 ноября Толедано заявил: (точная цитата)²⁶⁰. Надо думать, что отчет о речи в "Эль Популярь" редактирован самим оратором с необходимой тщательностью. По категоричности своей приведенное заявление не оставляет желать ничего лучшего: "Если я не сумасшедший... " Попробуем, однако, проверить господина Толедано. В газете "Универсаль" от такого-то числа в отчетах о речи Толедано на публичном митинге говорится: (точная цитата). В четырех газетах мы встречаем ту же самую фразу. Ясно, что отчет имеет если не официальный, то официозный характер. Ни отчет в целом, ни интересующая нас фраза, в частности, никогда не были отвергнуты г.

Толедано. В (таких-то) газетах напечатано было мною 26 июня 1937 г. опровержение, в котором говорится: (точная цитата). И после этого Толедано не выступил с опровержением. Понадобилось полтора года, прежде чем г. Толедано в своей новой речи счел нужным заявить, что он "не сумасшедший" и что подобных утверждений он не делал. Он неправ и на этот раз. Факты и тексты говорят другое. Опровержения г. Толедано, как видим, отличаются той же точностью, что и его утверждения. Но минус на минус дает плюс.

Толедано не желает расследования своих обвинений посредством беспристрастной комиссии. Взамен этого он сам начал опровергать себя. Я лично не имею возражений против этого метода и охотно принимаю к сведению, что обвинять меня в стремлении вызвать всеобщую стачку против правительства генерала Карденаса могут только сумасшедшие. Прибавлю лишь, что и другие выдвинутые против меня обвинения имеют ту же ценность.

[Л.Д.Троцкий]

10 ноября 1938 г.

Койоакан

[Письмо А.Голдману]

Адвокату Альберту Гольдману

Чикаго

Дорогой друг!

Я хочу обратиться к вам за помощью в той сложной интриге, которую плетет вокруг меня сталинская агентура. Вы знаете, что нью-йоркская газета "Daily News" 261 печатает уже, кажется, в третий раз, передовые статьи с упоминанием о том, будто политика экспроприаций правительства генерала Карденаса является... продуктом моих советов. Незачем объяснять абсурдность этого утверждения. Но на тот случай, если бы дело дошло до процесса, сообщаю вам: я не имел ни одного свидания с генералом Карденасом, не вел никаких бесед [ни] с ним, ни с членами его правительства ни прямо, ни через посредников, и моя переписка с властями ограничивалась формальными вопросами, связанными с моим пребыванием в Мексике. Авторы инсинуаций в Daily News и других изданиях прекрасно знают самостоятельность и решительность характера генерала Карденаса, который не нуждается в моих "советах", чтобы проводить свою собственную политику. Незачем, с другой стороны, говорить, что та программа, которую я отстаиваю, чрезвычайно далека от программы мексиканского правительства. Всякий грамотный человек это знает. Ни один честный человек не станет это оспаривать. Но мы имеем дело с людьми, хотя и грамотными, но заведомо бесчестными.

Первоначальная моя мысль была та, что интрига ведется со стороны обиженных собственников, ищущих путей так или иначе "скомпрометировать" мексиканское правительство. Я думаю и сейчас, что эта нить в интриге есть. Но другая нить, главная, ведет к сталинцам. Эти господа ведут свою игру одновременно по двум направлениям. Здешние агенты ГПУ начали с того, что обвинили меня в публичных речах и статьях (Толедано, Лаборде) в том, что я готовлю восстание против генерала Карденаса в союзе с фашистскими генералами и пр. Бессмыслица этих выдумок была, однако, слишком ясна для всех, и интрига по этой линии очень скоро себя исчерпала. (В минуту просветления или в минуту неосторожности сам Толедано признал, что подобное обвинение могут выдвигать лишь... сумасшедшие). Правда, люди, которым нечего терять, продолжают и дальше повторять прежний вздор. Но главное внимание ГПУ перенесено в другую плоскость. Теперь оказывается, если верить Толедано, что я сам стремлюсь вызвать впечатление, будто я являюсь... советником при правительстве генерала Карденаса. Низость, как и глупость, не имеет, как видите, предела! Нужно ли объяснять вам, насколько я дорожу убежищем в Мексике и насколько я заинтересован в том, чтобы правительство ни на минуту не усомнилось в полной моей лояльности? Из каких соображений стал бы я выдавать себя за то, чем я не являюсь и чем не стремлюсь ни в малейшей степени быть? Очевидно, из интересов... честолубия. Клеветники здесь полностью выдадут свой собственный умственный и нравственный рост!

Из хорошо осведомленного источника я получил сообщение, что вдохновителем статей "Daily News" является некий X, член сталинской партии в

Соединенных Штатах и сотрудник Federated Press²⁶². Я прилагаю здесь письменное показание по этому вопросу, которое пока не подлежит огласке. Механика провокации совершенно ясна: с одной стороны, сталинские агенты передают заведомо фальшивые сообщения в "Daily News", пользуясь злой волей реакционной газеты крупных собственников; с другой стороны, появление этих статей используется (через Толедано и К^о) с целью вызвать впечатление, будто я сам являюсь их вдохновителем. Наконец, дополнительная "прибыль" этих господ состоит в том, что мои возражения и опровержения они немедленно истолковывают, как мое "вмешательство" во внутреннюю жизнь Мексики. Нет предела низости! Вся механика провокации носит на себе совершенно отчетливый штампель, состоящий из трех букв: ГПУ. Этот же штампель можно легко различить на медных лбах господ клеветников.

Цель настоящего письма состоит в том, чтоб поставить перед вами, дорогой друг, юридический вопрос: дает ли мне законодательство Соединенных Штатов открыть процесс против "Daily News" и попутно вывести провокаторов на свежую воду? Я надеюсь, существует статья, карающая газетчиков за распространение заведомо ложных сведений с целью причинить определенному лицу материальный и моральный ущерб. А дело идет о немалом ущербе: вся эта шайка стремится лишиться меня и мою жену убежища в Мексике и толкнуть нас в руки палачей ГПУ. Прибавлю, что в последней статье "Daily News" (N[ew] Y[ork]), October 29, 1938, утверждается, будто продажа мексиканской нефти Японии и Италии происходит по моей рекомендации, причем целью моей является... нанесение военного ущерба Советскому Союзу. Это утверждение явно стремится опорочить мою политическую честь и, как я полагаю, полностью подходит под уголовные статьи американского законодательства, ограждающего моральные и материальные интересы человека и гражданина.

Сердечно преданный вам
Л.Троцкий
11 ноября 1938 г.
Койоакан

[Письмо редакции одной из мексиканских газет] 263

Вы спрашиваете меня, каково было мое личное участие в убийстве Распутина²⁶⁴ и в казни Николая II? Удивляюсь, что эти вопросы, давно принадлежащие истории, могут сейчас интересовать периодическую печать. Дела давно минувших дней... К убийству Распутина я не имел, разумеется, ни малейшего отношения. Распутин был убит 30 декабря 1916 г. В это время я находился на пароходе, который вез меня и мою семью из Испании в Соединенные Штаты. Уже географическая дистанция показывает, что я не мог участвовать в этом предприятии. Но были и серьезные политические причины. С индивидуальным террором русские марксисты не имели ничего общего; они были организаторами революционного движения масс. На самом деле убийство Распутина было произведено элементами придворного характера. Непосредственно в убийстве участвовали: ультра-реакционный депутат Думы²⁶⁵, монархист Пуришкевич²⁶⁶, князь Юсупов²⁶⁷, родственник царской семьи, и другие лица такого же склада; кажется, в подготовке убийства ближайшее участие принимал один из великих князей, Димитрий Павлович²⁶⁸. Целью всех этих заговорщиков было спасти монархию, устранив "дурного советника". Нашей целью было опрокинуть монархию со всеми ее советниками. Мы занимались не авантюрами индивидуальных убийств, а подготовкой революции. Убийство Распутина, как известно, не спасло монархии. Оно предшествовало революции всего на два месяца.

Что касается казни царя, то здесь дело обстояло совершенно иначе. Николай II был арестован еще Временным правительством, содержался сперва в Петербурге, затем был выслан в Тобольск. Но Тобольск - мелкий город, без промышленности и без рабочих, не являлся достаточно надежной резиденцией для царя: можно было ждать со стороны контрреволюционеров попыток освобождения его, чтобы его именем возглавить белое движение. Советская власть перевела царя из Тобольска в Екатеринбург (на Урале), один из важнейших промышленных центров. Здесь можно было быть уверенным, что надзор за царем будет достаточно твердый. Царская семья жила в частном доме, пользуясь достаточной

свободой. Предполагалось – но это был лишь план – организовать гласный и открытый суд над царем и царицей. Однако ход гражданской войны решил иначе. Белые банды окружили Екатеринбург и с часу на час могли ворваться в город. Их главной задачей было освобождение царской семьи. В этих условиях местный Совет решил предать казни царя и его семью²⁶⁹. Я лично в это время находился на другом участке фронта и, как это ни странно, о происшедшей казни узнал только через неделю, если не позже. В водовороте событий факт казни не произвел на меня большого впечатления. Я никогда не интересовался вопросом о том, "как" это произошло. Должен прибавить, что специфический интерес к судьбе коронованных или экс-коронованных особ включает в себе изрядную долю рабских инстинктов. Во время гражданской войны, которую вызвали русские помещики и капиталисты при содействии иностранных империалистов, погибли сотни тысяч людей. Если в их числе пали члены династии Романовых, то в том нельзя не видеть справедливого возмездия за все преступления царской монархии. Мексиканцы, которые расправились с императором Максимилианом²⁷⁰, имеют на этот счет недурную традицию.

[Л.Д.Троцкий]

14 ноября 1938 г.

Койоакан

[Письмо М.Зборовскому и Л.Эстрин]

Дорогие друзья!

Получил ваше письмо No 34 с выписками и с запросом по поводу дела Цилиги. Обвинение против Цилиги как руководителя балканской секции Парижского центра троцкистов есть верх бессмыслицы. Цилига, как вы знаете, не является ни в каком смысле троцкистом. Так его не рассматривал никогда ни мой сын, Лев Седов, ни я. У меня есть обширная корреспонденция, посвященная этому вопросу. Я отказался даже печатать статьи Цилиги в русском "Бюллетене" ввиду его полного политического расхождения с нашей линией. С другой стороны, французская книга Цилиги, посвященная Советскому Союзу, включает в себе, особенно во второй половине, ряд крайне враждебных отзывов по адресу той организации, к которой я принадлежу. Авторы статьи в "Корреспонданс"²⁷¹ не только бесчестны, но и невежественны. Конечно, надо приложить все усилия к тому, чтобы помочь Цилиге доказать ложность обвинений. Большое значение имели бы в этом отношении письма Левы соответственного периода, так как они доказали бы без труда, что он в Югославии не был. Я опасаюсь, однако, что собрать и просмотреть их к сроку не удастся. Может быть, можно на этом основании требовать отложения процесса?

Что касается присланной вами цитаты о Кронштадте (доставленной Сувариным), то она нуждается в дополнительных расследованиях. Я представляю себе дело так. Приказ о подавлении мятежа, разумеется, был подписан мною и опубликован в Ленинграде²⁷². Возможно, что это создало впечатление о моем прибытии в Ленинград. Возможно даже, что такие слухи сознательно пускались в ход, чтобы запугать мятежников. У меня о посещении Ленинграда 5 марта не сохранилось решительно никакого воспоминания²⁷³. Но это не имеет ни малейшего значения. Действительная работа подавления мятежа началась 16 марта, когда я был в Москве; это можно доказать на основании протоколов съезда, московских газет и пр. Таким образом, кто говорит, что я лично "подавлял" восстание и подавил его, тот во всяком случае говорит неправду, независимо от того, был ли я 5 марта в Петербурге или нет. Даже [...] ²⁷⁴ наступление отрядов Красной армии, начавшееся 8 марта, – несомненно, в мое отсутствие, – ничего не дало, никакого подавления не произошло, никакие "жестокости" не были произведены; а действительное подавление, начавшееся 16 марта, было заведомо произведено без моего участия. Вопрос сводится, следовательно, к тому, был ли я действительно 5 марта, проездом с Урала в Москву, в Петербурге и подписал ли я ультиматум о сдаче Кронштадта в Петербурге или в Москве? Это вопрос десятистепенный, не имеющий ни малейшего политического значения. Но и он еще подлежит проверке. Весьма возможно, что цитируемое примечание основано на недоразумении.

(В случае надобности вы сможете процитировать эти строки в "Бюллетене".)

Может быть, это письмо (первая часть) пригодится т. Жерару?
[Л.Д.Троцкий]
14 ноября 1938 г.

Из литературы центризма

Родриго Гарсия Тревиньо. El Pacto de Munich y la Tercera Internacional²⁷⁵

Эта книжка издана обществом студентов-марксистов. Как показывает само название, Общество ставит себе задачей изучение марксизма. Можно было бы только приветствовать такую благую цель в наши дни полного протуирования марксистской доктрины, если бы Общество отнеслось к своей задаче с необходимой серьезностью. К сожалению, предисловие к брошюре, написанное и подписанное всеми членами Общества, этой серьезности совершенно не обнаруживает. Было бы недопустимо придирается к молодым людям, которые не успели еще ознакомиться с азбукой марксизма, если бы они отдавали себе сами трезвый отчет в состоянии своих познаний. Неосведомленность естественна в известном возрасте и преодолевается учением. Но беда, если невежество соединяется с самомнением, если люди вместо того, чтобы прилежно учиться, пытаются учить других. Между тем такой именно характер имеет, к несчастью, предисловие издателей. Отметим главные ошибки: перечислить все нет возможности.

Предисловие пытается установить взаимоотношение между развитием революционной теории и разными этапами в развитии буржуазного общества. Намерение вполне почтенное; но для того, чтобы выполнить его, нужно знать историю буржуазного общества и историю идеологий. Наши авторы не знают ни того, ни другого. Они начинают с утверждения, что в середине прошлого века буржуазия "консолидировала свое политическое господство на мировой арене и открыла этап империализма" и что отсюда возникло творчество Маркса и Энгельса в области доктрины и политики. Все это ложно с начала до конца. В середине прошлого столетия буржуазия была еще очень далека от "политического господства на мировой арене". Не забудем, что "Коммунистический Манифест" был написан накануне революции 1848 г. После поражения этой революции немецкая буржуазия оставалась национально раздробленной, под гнетом многочисленных династий. Буржуазная Италия не была ни свободна, ни объединена. В Соединенных Штатах буржуазии предстояло еще только пройти через гражданскую войну для объединения национального (буржуазного) государства. В России абсолютизм и крепостное право господствовало полностью и т. д. и т. д.

Говорить, с другой стороны, что в середине прошлого века открылась эпоха империализма, значит не иметь никакого понятия ни о прошлом веке, ни об империализме. Империализм есть экономическая система и политика, внутренняя и внешняя, монополистского (финансового) капитала. В середине прошлого века существовал лишь "либеральный" капитализм, т. е. капитализм свободной конкуренции, который еще только стремился создать для себя политическую форму демократии. Тресты, синдикаты, концерны широко формируются в 80-х годах прошлого века, постепенно завоевывая господствующие позиции. Политика империализма в научном смысле слова открывается на переломе прошлого и нынешнего столетий. Если бы авторы прочитали хотя бы известную книжку Ленина об империализме²⁷⁶, они не сделали бы таких вопиющих ошибок. Между тем, они ссылаются на Ленина. Как это понять?

Однако этим серия печальных недоразумений только открывается. Цитируя, очевидно, из вторых рук, то положение Ленина, что империализм есть "последний этап капитализма", наши авторы пытаются дополнить и углубить Ленина. "...Наше поколение, - пишут они, - может, в свою очередь, интерпретируя Ленина, установить научно, что фашизм есть последняя фаза, последняя ступень империализма, последний этап буржуазного режима". Волосы встают на голове, когда читаешь эти претенциозные строки. "Наше поколение" должно учиться, прежде чем учить. Империализм является последним этапом капитализма в объективном, экономическом смысле: империализм довел производительные силы до высшего мыслимого на основах частной собственности расцвета и запер дорогу их дальнейшему развитию; тем самым он открыл эру

капиталистического загнивания. С другой стороны, централизовав производство, империализм создал важнейшую экономическую предпосылку для социалистического хозяйства. Таким образом, характеристика империализма, как последнего этапа капитализма, опирается на диалектику развития производительных сил и имеет строго научный характер.

Аналогичный вывод, который пытаются сделать наши авторы: "Фашизм есть последний этап империализма", не имеет решительно никакого экономического содержания. Фашизм есть прежде всего политический режим, как увенчание режима экономического загнивания. Вырастая из упадка производительных сил, фашизм не открывает никакой возможности их дальнейшего развития. Империализм являлся исторической необходимостью. Маркс предвидел наступление царства монополий. Фашизма предвидеть было нельзя, ибо он не обусловлен экономической необходимостью в диалектическом, а не механическом смысле этого слова. Так как пролетариат оказался в силу исторических причин не способен своевременно овладеть властью и перенять хозяйство, чтобы перестроить его на социалистических началах, то загнивающее капиталистическое общество не могло дальше существовать иначе, как заменив буржуазную демократию фашистской диктатурой. В то время как империализм выступил на арену как высшая форма капитализма, фашизм являлся шагом назад, политическим регрессом, началом впадения общества в варварство.

Наши авторы попадают пальцем в небо, когда в доказательство своего открытия ("фашизм - последний этап капитализма") цитируют слова Маркса о том, что никакое общество не сходит со сцены прежде, чем не разовьет до конца заложенные в нем производственные возможности. В том-то и дело, что империализм еще накануне прошлой мировой войны исчерпал свои творческие возможности. Буржуазное общество не сошло своевременно со сцены, ибо никакое пережившее себя общество не сходит само по себе со сцены: революционный класс должен его опрокинуть. Второй Интернационал, а затем Третий помешали этому. Отсюда и только отсюда фашизм. Нынешний кризис человеческой культуры есть результат кризиса пролетарского руководства. Революционный класс не имеет еще партии, которая обеспечила бы своим руководством разрешение основной проблемы нашей эпохи: завоевание власти международным пролетариатом.

*

Из того обстоятельства, что империализм достиг своей "высшей" (!?) стадии, фашизма, наши авторы делают вывод о необходимости обновления революционной доктрины. Эту задачу они себе ставят. Они предпочитают начать с критики доктрины III Интернационала. Им, по-видимому, совершенно неизвестна та огромная критическая работа, которая произведена в этой области международной фракцией большевиков-ленинцев за последние пятнадцать лет, особенно же со времени китайской революции, т. е. с 1925-1927 гг. Авторы предисловия позволяют себе совершенно недопустимую развязность и легкомыслие по отношению к единственному марксистскому течению нашей эпохи. Вот что они говорят по поводу IV Интернационала: "Для нас неоспоримо, что в интернациональных вопросах (IV Интернационал) совершает ошибки, - назовем их так, - которые лишают его прав воюющей стороны в качестве группы авангарда. Процитируем - только чтобы напомнить - похвалы Троцкого известным адвокатам Кабрера²⁷⁷ и де ла Фуенте²⁷⁸". И это все. Такого рода "оценка" могла возникнуть только в головах, отравленных микробами сталинизма. IV Интернационал есть единственная организация, которая дала марксистский анализ всех событий и процессов последнего исторического периода: термидорианского перерождения СССР, китайской революции, польского переворота Пилсудского, переворота Гитлера в Германии, поражения австрийской социал-демократии, политики "третьего периода" Коминтерна, политики "народных фронтов", испанской революции и пр. Что знают обо всем этом наши авторы? Видимо, решительно ничего. Чтобы показать "несостоятельность" IV Интернационала, они цитируют... "похвалы" Троцкого по адресу Кабрера и де ла Фуенте. Эпизод с Кабрера состоял в том, что этот умный консервативный адвокат разглядел фальсификацию московских судебных процессов, в то время как кое-какие "левые" группы верили им. Троцкий обратил внимание общественного мнения на совершенно правильный юридический анализ Кабрера. И только! Было бы нелепо видеть в этом какую-либо политическую солидарность.

Наши студенты-"марксисты" до сих пор ничего - ничего! - не сказали о московских процессах, жертвой которых пала партия Ленина. Не стыдно ли при этих условиях прятаться за Кабрера? Сталинизм сознательно создает такого рода пугала для малых детей. Кабрера! О ужас! Между тем, с точки зрения революционного марксиста, между Кабрера и Толедано разница совсем невелика. Оба они стоят на почве буржуазного общества и несут на себе его черты. Принимать Толедано за социалиста могут только совершенно не оперившиеся птенцы. Толедано опаснее и вреднее, ибо прикрывается маской социалиста. Что касается де ла Фуенте, то мы вообще не знаем, о чем идет речь. Не объяснят ли нам развязные авторы?

Во всяком случае, не может быть ничего более легкомысленного и недостойного, как оценивать историческую роль международной организации, насчитывающей тысячи жертв, на основании десятистепенного газетного эпизода. По существу дела, авторы предисловия подлаживаются к сталинизму. В этом вся суть: они обещают подвергнуть "самостоятельной" критике все доктрины, а на самом деле стоят на коленях перед затхлыми и гнилыми кругами сталинской бюрократии. Чтобы легализовать свои печальные упражнения в марксизме, они считают уместным лягнуть троцкизм. Надо, впрочем, сказать, что этот "метод" самостраховки характерен для всех трусливых мелкобуржуазных интеллигентов нашего времени.

*

Что касается работы Тревиньо (доклада и статей), то положительной чертой их является стремление вырваться из паутины сталинизма и толеданизма, который представляет худшую форму сталинизма, худшую, ибо еще более поверхностную, неуловимую, трескучую, пустую. Беда Тревиньо состоит в том, что он думает и пишет так, как если бы история начиналась с ним самим. Марксист подходит ко всем явлениям, в том числе и идеям, в их развитии. Сказать: "назад к Ленину" или "назад к Марксу" - значит сказать очень мало. Нельзя ныне вернуться к Марксу мимо Ленина, т. е. мимо той громадной работы применения, разъяснения и развития марксизма, которая совершена под руководством Ленина. После того, как Ленин отошел от работы, прошло уже полтора десятилетия: исторический период, до краев наполненный громадными мировыми событиями! За это время формально взятый "ленинизм" разбился на два крыла: сталинизм, официальную идеологию и практику паразитарной советской бюрократии, и на революционный марксизм, который противники называют "троцкизмом". Все мировые события теоретически прошли через эти два "фильтра". Между тем, Тревиньо считает своим правом - правом субъективиста, а не марксиста - игнорировать реальное идеологическое развитие, выражающееся в непримиримой борьбе двух течений. Сам он, не сознавая того, питается отдельными осколками нашей критики, с большим запозданием. Дело, конечно, не в запоздании самом по себе: всему молодому поколению придется с запозданием пройти через школу IV Интернационала. Беды в этом нет. Беда, однако, в том, что Тревиньо пытается свою критику приспособить к официальной "доктрине" сталинизма. Он пытается из революционных идей сделать дружелюбные "примечания" к консервативным пацифистским и социал-империалистическим общим местам и банальностям. Он хочет убедить Коминтерн в своих добрых намерениях и в преимуществах разжиженного марксизма (центризма) над откровенным оппортунизмом. Между тем, задача революционера - не в перевоспитании сталинской бюрократии (безнадежно!), а в воспитании рабочих в духе непримиримого недоверия к ней.

Мы не станем здесь входить в детальную оценку брошюры Тревиньо, иначе нам пришлось бы делать примечания к каждой странице и к каждой строке. Тревиньо неправ даже тогда, когда он прав. Мы хотим этим сказать, что даже правильные отдельные замечания, а их немало, включены им в рамки неправильной концепции, неправильной перспективы, так как автор остается по существу центристом. На этой позиции устоять нельзя. Прямой долг Тревиньо состоит в том, чтоб радикально пересмотреть свой политический багаж, сопоставив свои половинчатые поправки к сталинизму с ясными, точными формулировками IV Интернационала. Только тогда он может выйти на дорогу из центристского тупика.

Когда Тревиньо перечисляет случайно выхваченные "ошибки" IV Интернационала для того, чтобы оценить это движение в целом, и приходит к

чудовищному выводу, что это движение играло "контрреволюционную" роль, то он в сущности совершенно так же, как и злополучные авторы предисловия, пытается приспособиться к своим вчерашним союзникам и единомышленникам, он со страхом оглядывается на бонапартистов Кремля, он принимает покровительственную окраску. Его отдельные критические замечания по отношению к отдельным второстепенным эпизодам отдельных секций IV Интернационала могут быть правильны или неправильны (в главном они неправильны). Но сам подход к вопросу ложен. Задача и обязанность серьезного марксиста состоит в том, чтоб выделить основное, принципиальное, коллективное и на этом обосновать свое суждение. Мы боимся, однако, что Тревиньо попросту незнаком с литературой IV Интернационала. Дилетантизм, поверхностность и отсутствие теоретической добросовестности широко распространены ныне в рядах интеллигентов, в том числе и тех, которые считают себя "марксистами". Таков результат гнета мировой реакции, в том числе и сталинизма. Но нельзя сделать шага вперед без возвращения к традиции марксистской научной добросовестности.

Когда Ломбардо Толедано со свойственной ему грацией спрашивает, когда и где представители IV Интернационала писали что-нибудь о фашизме, то мы можем только с соболезнованием пожать плечами. IV Интернационал возник и вырос в борьбе против фашизма. С 1929 г. мы предсказывали победу Гитлера, если Коминтерн будет продолжать свою политику "третьего периода". На эту тему большевиками-ленинцами написано большое количество статей, брошюр и книг на разных языках. Если Толедано не имеет о них понятия, то это в порядке вещей. Но Тревиньо? Неужели и он склонен говорить о том, чего не знает?

В 1933 г. мы заявили публично: если победа Гитлера, обеспеченная политикой Кремля, ничему не научит Коминтерн, значит он мертв. И так как победа Гитлера ничему не научила Коминтерн, то мы сделали все выводы: мы основали IV Интернационал. Мелкобуржуазные квази-марксисты, никуда не годные даже в качестве демократов, воображают, что борьба с фашизмом состоит в декламации на собраниях и конгрессах. Действительная борьба с фашизмом неотделима от классовой борьбы пролетариата против основ капиталистического общества. Фашизм не есть экономически неизбежный этап. Но он и не простая "случайность". Он есть результат неспособности выродившихся и насквозь прогнивших партий пролетариата обеспечить победу социализма. Борьба против фашизма есть поэтому прежде всего борьба за новое революционное руководство международного пролетариата. В этом - историческое значение работы IV Интернационала. Только под этим углом зрения его можно понять и оценить!

Познавательная сторона марксизма неразрывно связана с его активной стороной. В нашу эпоху разнузданной реакции, осложненной гниением того, что было некогда Коминтерном, быть марксистом можно только при наличии непоколебимой воли, идейного и политического мужества, способности плыть против течения. Этих качеств мы от души пожелаем Тревиньо. Если он покончит с нерешительностью и колебаниями, он будет иметь возможность оказать серьезные услуги делу революционного марксизма.

Л.Амаго279

15 ноября 1938 г.

Открытое письмо

сенатору Аллену (Henry J. Allen), бывшему губернатору Канзаса280

Милостивый государь!

27 июля вы сделали мне честь посетить меня в Койоакане. Я не добивался этой чести. Я даже, признаться, попытался уклониться от нее. Но вы были настойчивы. Так как у меня не оказалось свободного времени до вашего отъезда из Мексики, то вы присоединились к экскурсии Общества сближения с Латинской Америкой - The Committee on Cultural Relations with Latin America281. Так среди друзей Мексики оказался неожиданно один из ее активных врагов.

Позволю себе сказать, что фигура сенатора Аллена резко выделялась на нашем скромном собеседовании на Авенида Лондрес. По каждому его замечанию, по выражению лица, по интонации голоса видно было, что этот человек полностью застрахован от малейшей способности сочувствовать нуждам

угнетенных классов и народов; что он насквозь пропитан интересами верхов капиталистического общества и империалистической ненавистью ко всякому освободительному движению.

Вы участвовали в общей беседе, господин сенатор. Вернувшись в Штаты, вы дали ряду газет статьи, посвященные вашему визиту в Мексику и ко мне, в частности. 22 ноября Вы вернулись к тем же вопросам в своей речи на годовичном обеде нью-йоркской торговой палаты²⁸². Вы преследуете вашу цель с несомненной настойчивостью. В чем эта цель состоит? Начнем со статей. Вы нашли, согласно вашим словам, мой двор мокрым, – это был сезон дождей, – мою речь слишком сухой. Я далек от мысли спорить против этих оценок. Но вы пошли дальше. Вы попытались тенденциозно исказить то, что я вам говорил в присутствии 40 человек. Этого я вам не могу позволить. Вы упоминаете иронически, что вопросы, поставленные мне членами экскурсии, относились к сфере "расщепления волос марксовой доктрины"; "ни один из вопросов не касался Мексики", прибавляете вы многозначительно. Совершенно верно: я заранее просил руководителя экскурсии, доктора Губерта Геринга, не включать мексиканской политики в круг дискуссии. Совсем не потому, разумеется, чтобы я хотел этим прикрыть, как вы намекаете, какие-то свои "конспирации", а только потому, что я не хотел давать врагам повода для лишних инсинуаций (их и без того достаточно). Но вы, господин сенатор, бесстрашно взяли быка за рога и поставили мне вопрос, ради которого вы, по собственным словам, и нанесли мне визит, именно: "Господин Троцкий, как вы оцениваете нового коммунистического вождя президента Карденаса в сравнении с коммунистическими вождями России?" Причем я ответил вам как будто бы так: "Он действительно более прогрессивен, чем некоторые из них". Позвольте вам сказать, господин сенатор, что это неправда. Если бы вы задали мне такой вопрос в присутствии сорока интеллигентных и мыслящих людей, все они, вероятно, весело рассмеялись бы, и я несомненно участвовал бы в их общем смехе. Но таким вопросом вы себя не скомпрометировали. И такого ответа я вам не давал.

На самом деле я лишь пытался в беседе вернуть слову "коммунизм" его действительное значение. В настоящее время реакционеры и империалисты называют "коммунизмом" (иногда "троцкизмом") все то, что им не по нраву. Наоборот, московская бюрократия коммунизмом именуется все то, что служит ее интересам. Вскользь, в виде примера, я заметил: хотя Сталин и носит имя коммуниста, но ведет на деле реакционную политику; правительство Мексики, которое ни в малейшей степени не является коммунистическим, ведет прогрессивную политику. Это была единственная фраза, сказанная мною на этот счет. Ваша попытка приписать мне характеристику мексиканского правительства, как "коммунистического", ложна и бессмысленна, хотя, может быть, и полезна для ваших целей.

Колониальные и полуколониальные страны или страны колониального происхождения проходят с запозданием период национально-демократического, а не "коммунистического" формирования. История, правда, не повторяется. Мексика вошла в демократическую революцию в другую эпоху и в других условиях, чем первенцы истории. Но в плане исторической аналогии можно все же сказать, что Мексика проходит через ту стадию развития, через которую Штаты, например, проходили, начиная с революционной войны за независимость и кончая гражданской войной против рабства и сепаратизма. За эти три четверти столетия формировалась североамериканская нация на буржуазно-демократических основах. Освобождение негров, т. е. экспроприация рабовладельцев, считалось и объявлялось всеми Алленами того времени попранием божественных заповедей, и, что несравненно хуже, нарушением прав собственности, т. е. коммунизмом и анархизмом. Однако с научной точки зрения остается бесспорным, что руководимая Линкольном гражданская война была не началом коммунистической, а лишь завершением буржуазно-демократической революции.

Научный исторический анализ меньше всего, однако, интересует вас, господин сенатор. Вы явились ко мне с тем, чтобы, как видно из ваших собственных слов, найти в моих словах что-либо, что могло бы пригодиться вам для вашей кампании против мексиканского правительства. Так как ничего подходящего вы не нашли, то вы занялись выдумками. Рука об руку с газетой "Daily News" вы развиваете ту мысль, что я являюсь вдохновителем мер экспроприации собственности иностранцев и готовлю... переустройство Мексики на коммунистических началах. Вы прямо пишете о "троцкистском коммунистическом государстве"! Во время вашего пребывания в этой стране вы

могли бы легко узнать от ваших единомышленников (вы сами упоминаете о "секретных" свиданиях с ними), насколько далеко я стою от мексиканской политики. Но это вас не останавливает. В доказательство того, что Мексика готовится превратиться в "троцкистское государство", вы ссылаетесь на возрастающую роль мексиканских профессиональных союзов и на личную роль Ломбардо Толедано, причем заканчиваете свою статью ("Геральд Трибюн", 29 октября) следующими замечательными словами: "Толедано провел некоторое время в России и является последователем Троцкого". Толедано – последователь Троцкого! Дальше идти некуда! Всякий грамотный человек в Мексике и очень много грамотных людей в других странах будут от души смеяться, прочитав эту фразу, как смеялся я, как смеялись мои друзья, которым я ее показывал. Генерал Карденас как "новый коммунистический вождь", Троцкий, как вдохновитель мексиканской политики, Толедано как последователь Троцкого... Прибавим еще: сенатор Аллен как авторитет по вопросам Мексики!

Вы явились, господин сенатор, в мой дом, как лазутчик нефтяного капитала. Не будем спрашивать себя, насколько достойна эта роль вообще. У нас с вами слишком разные мерилы. Однако и лазутчики бывают разных категорий. Одни собирают точно, тщательно, "добросовестно" – по-своему – необходимые сведения и сообщают их хозяину. Вы поступаете иначе. Вы выдумываете сведения, которых вам не хватает. Вы действуете, как недобросовестный лазутчик!

Теорию о моей зловещей роли во внутренней жизни Мексики вы выдвинули с тройной целью: во-первых, натравить империалистические круги Соединенных Штатов против мексиканского правительства как, якобы, "коммунистического"; 2) ударить по национальному самолюбию Мексики при помощи бессмысленной легенды о влиянии иностранца-эмигранта на политику страны; 3) затруднить мое личное положение в Мексике. Как высокомерный империалист до мозга костей вы молчаливо исходите при этом из мысли, что Мексика неспособна без чужой помощи решать свои собственные задачи. Вы жестоко ошибаетесь, г. сенатор! Государственные люди буржуазных стран были в революционную эпоху по общему правилу, несравненно выше их нынешних государственных людей. Вы сами, господин сенатор, считаете себя, видимо, призванным руководить латиноамериканскими странами. Между тем ваши статьи и речи обнаруживают такую узость горизонта, такое своекорыстие, такую реакционную ограниченность, что вызывают почти соболезнование.

В начале вашего банкета епископ Уильям Маннинг²⁸³ молился Всевышнему о ниспослании всем членам торговой палаты сочувствия к преследуемым и освобождения от расовых предрассудков ("New York Times", 23 ноября). Между тем, я спрашиваю себя: мыслимо ли было бы для вас написать статью, исполненную столь же легкомысленных обвинений по отношению, например, к Канаде? Я отвечаю: нет, это было бы невозможно. Вы были бы осторожнее, внимательнее и потому добросовестнее. Но вы считаете вполне допустимым нанизать серию бессмыслиц по адресу Мексики. Чем объясняется эта разница вашего отношения к Канаде и к Мексике? Смею думать, что расовым высокомерием империалиста. Молитва епископа Маннинга явно не помогла вам, господин сенатор!

Реакционеры думают, что революции искусственно вызываются революционерами. Чудовищное заблуждение! Эксплуатируемые классы и угнетенные народы толкаются на путь революций рабовладельцами типа господина Аллена. Эти господа с большим успехом расшатывают существующий порядок вещей!

Л.Троцкий

2 декабря 1938 г.

Койоакан

Заявление Галисия²⁸⁴ и К°

В своем заявлении Галисия говорит, что он "подчиняется" решению IV Интернационала. Но это значит лишь, что он либо не понял этого решения, либо лицемерит, либо соединяет непонимание с лицемерием. Решение IV Интернационала требует полной и радикальной перемены политики. Если бы Галисия понял необходимость нового курса, он не написал бы своего бессмысленного и преступного заявления.

Как все мелкобуржуазные индивидуалисты анархического склада, Галисия апеллирует к демократии. Он требует, чтобы Интернационал обеспечивал полную свободу его индивидуальности. Он совершенно забывает о централизме. Между тем, для революционера демократия есть только один элемент организации; другим не менее важным элементом является централизм, ибо без централизма невозможно революционное действие. Демократия обеспечивает свободу обсуждения, централизм обеспечивает единство действий. Мелкобуржуазные болтуны ограничиваются критикой, протестами, разговорами. Вот почему они апеллируют к демократии, неограниченной и абсолютной, игнорируя права централизма.

В чем состоит нарушение демократии по отношению к Галисии? В течение долгого времени Галисия и его группа попирали основные принципы IV Интернационала в отношении профессиональных союзов. Если в чем-либо Интернационал был повинен, так это в излишнем терпении. Когда Галисии стало ясно, что Интернационал не сможет больше терпеть политики мелкобуржуазного дилетантизма и интриганства, тогда Галисия распустил секцию IV Интернационала! Ни больше, ни меньше! Распустить революционную организацию – значит, постыдно капитулировать перед противниками и врагами, значит предать знамя. Что сделал в этом случае Интернационал? Он послал в Мексику делегацию из трех высокоавторитетных и пользующихся международным уважением североамериканских товарищей для того, чтобы расследовать дело на месте и попытаться убедить членов мексиканской секции в необходимости изменить свою политику²⁸⁵. Когда Галисия увидел, что, несмотря на его преступные действия, IV Интернационал согласен оказать ему известный моральный кредит, Галисия немедленно же провозгласил мексиканскую Лигу "восстановленной". Этим он снова показал, что для него организация есть не орудие классовой борьбы, а орудие его личных комбинаций, т. е. обнаружил свою природу мелкобуржуазного авантюриста.

Представители 12 секций собрались на международный конгресс. Факты внутренней борьбы мексиканской Лиги были им известны давно из печати. В этих фактах не было для них ничего нового. Галисия, как уже сказано, только повторяет в карикатурной форме действия Вареекена, Молинье, Эйфеля и им подобных. Конгресс имел перед собой все документы Галисии и доклад делегации Рабочей социалистической партии Соединенных Штатов. Перед конгрессом не было никаких загадок. На основании этого материала лучшие представители IV Интернационала вынесли свои суждения. "Этот бюрократизм!" – кричит Галисия. Почему бюрократизм? Какими другими путями можно было в данных условиях вынести суждения? Или же Галисия требует, чтобы Интернационал вообще не смел рассматривать проблемы мексиканского движения? Обвинение в бюрократизме есть в данном случае клевета сектантской клики, которая не считается ни с марксистской доктриной, ни с коллективным опытом IV Интернационала, ни с авторитетом его международных конгрессов.

Галисия пытается представить дело так, будто он стремится вести революционную политику, между тем как "бюрократия" IV Интернационала препятствует ему в этом; будто эта бюрократия хочет притупить классовую борьбу в Мексике; будто в преследовании этой цели бюрократия применяет методы удушения, попирает "демократию", не выслушивает Галисию и его друзей и т. д. и тому подобное. Все это с начала до конца неправда. Всем своим поведением Галисия обнаружил, что он не революционер, ибо революционер есть прежде всего человек действия. Галисия не имеет ни малейшего понятия о действии, не стремится к действию, наоборот, воздерживается от участия во всякой серьезной борьбе. Во время митингов, которые устраивают сталинцы и толеданисты для борьбы против так называемого "троцкизма", Галисия всегда блистает отсутствием. К чему, в самом деле, подвергать себя риску в открытой борьбе? К чему организовывать ударные группы для самозащиты, для протеста, для того, чтобы заявить о своем существовании? Гораздо проще оставаться в стороне и атаковать "бюрократов" IV Интернационала. Сектантское интриганство всегда идет рука об руку с политической пассивностью. Это снова подтверждается и на примере Галисии и его группы.

Галисия утверждает, что IV Интернационал стремится будто бы заставить его действовать в союзе с буржуазией и правительством Мексики. Это есть повторение гнусных сплетен Эйфеля. "Революционеры" типа Эйфеля отличаются главным образом воздержанием от революционной борьбы. Они ведут паразитическое существование. У них всегда тысяча объяснений и доводов в

пользу воздержания и пассивности. Их политическая жизнь состоит в том, что они клеветают на революционеров, участвующих в классовой борьбе. Галисия принадлежит к этой школе.

Допустим, однако, на одну минуту, что в силу каких-либо особых условий Интернационал решил бы применять к Мексике более "мирные", более "осторожные" методы в интересах интернациональной борьбы в целом. Как должен был поступить в этом случае мексиканский революционер? Он должен был бы решить, правильны или неправильны директивы Интернационала, продиктованные заботой об общих интересах движения, т. е. отвечают ли эти директивы поставленной цели. Между тем Галисия и его группа даже не пытаются объяснить, почему же Интернационал "навязывает" им политику, которую они считают оппортунистической. Или же они хотят сказать, как Эйфель, Эллер и К°, что наш Интернационал вообще оппортунистичен? Нет, они говорят, что Интернационал делает недопустимое исключение для Мексики. Однако они не анализируют этого "исключения", не говорят, вызывается ли оно действительно международными интересами или нет. Другими словами, они не пытаются встать на интернациональную точку зрения. Они остаются и в этом вопросе мелкобуржуазными националистами, а не интернациональными марксистами.

Верно ли, однако, что Интернационал предписывает для Мексики другие способы борьбы? Требуется ли союз с буржуазией и правительством? Нет, это ложь с начала до конца, ложь, выдуманная не Галисией, а Эйфелем, Эллером и тому подобными интриганами и сектантами. Беда в том, что Галисия не понимает, что значит классовая борьба против буржуазии и правительства. Он считает, что совершенно достаточно издавать раз в месяц или в два поверхностную газетку и в ней ругать правительство, чтобы выполнить свой марксистский долг. В этом и состояла до сих пор вся его р-р-революционная деятельность. Между тем в Мексике более, чем где-либо, борьба против буржуазии и ее правительства состоит прежде всего в освобождении профессиональных союзов от государственной зависимости. Профессиональные союзы формально охватывают в Мексике весь пролетариат. Марксизм состоит в руководстве классовой борьбой пролетариата. Классовая борьба требует независимости пролетариата от буржуазии. Следовательно: классовая борьба в Мексике должна быть направлена на отвоевание независимости профессиональных союзов от буржуазного государства. Это требует от марксистов сосредоточения всех усилий внутри профессиональных союзов против сталинистов и толеданистов. Все остальное есть пустяки, болтовня, интрига, мелкобуржуазный обман и самообман. Этим обманом и самообманом занимается Галисия не первый день.

Работа в профессиональных союзах, значит работа в пролетарских союзах. Разумеется, участие в союзе учителей необходимо; но это есть организация мелкобуржуазной интеллигенции, неспособной играть самостоятельной роли. Кто не принимает систематического участия в работе пролетарских профессиональных союзов, тот для IV Интернационала является балластом.

Когда Галисия с таинственным видом намекает, что ему мешают вести революционную политику против буржуазии, то он, очевидно, имеет в виду свой печальный опыт "борьбы" против дороговизны. Галисия выпустил, как известно, бессмысленную афишу с призывом ко "всеобщей стачке", "саботажу", "прямому действию", не объясняя, как он думает организовать всеобщую стачку, не имея ни малейшего влияния в профессиональных союзах; не объясняя, что означает "саботаж" и к какому именно "прямому действию" он призывает. Все воззвание походило на провокацию по отношению к рабочим. Но при отсутствии малейшего влияния и при отсутствии заботы об этом влиянии провокация имела не трагический, а юмористический характер. Для Галисии дело сводится не к тому, чтобы вовлечь ту или другую часть массы в действительную борьбу, а к тому, чтобы выкрикнуть несколько ультралевых фраз вне связи с действительной жизнью класса. Смесь сектантства, авантюризма и цинизма в высшей степени характерна для известной категории мелкобуржуазных псевдо-революционеров. Но при чем тут марксизм? При чем тут IV Интернационал?

Ни по одному принципиальному вопросу Галисия не представил до сих пор своих тезисов, контртезисов или поправок. Со свойственным ему идейным паразитизмом он ограничивается тем, что подхватывает здесь и там слухи, сплетни, переводит на испанский язык ультралевые статьи против IV Интернационала со всех концов света, вступает в сношения с врагами IV Интернационала, не берет на себя прямой ответственности ни за что, ни за кого, а выполняет только роль обиженного дезорганизатора. Разве этот тип

имеет что-либо общее с типом революционного борца?

Грубые и несправедливые атаки Галисии против Диего Ривера входят необходимой частью в его мелкобуржуазную политику. Тот факт, что артист мирового значения полностью и целиком принадлежит к нашему движению, представляет для нас огромную ценность. Известно, как высоко Маркс ценил принадлежность к Интернационалу немецкого поэта Фрейлиграта²⁸⁶, хотя Фрейлиграт ни по своей революционности, ни по своим художественным данным не мог сравниться с Риверой. То же самое приходится сказать об отношении Ленина к Горькому, который в революционном отношении представлял всегда туманное пятно. Маркс и Ленин исходили из того, что Фрейлиграт и Горький своим артистическим творчеством служат огромную службу делу пролетариата, а своей поддержкой партии повышают ее мировой авторитет. Тем более мы должны ценить участие Диего Ривера в IV Интернационале! Смешно и преступно было бы возлагать на великого артиста бюрократическую повседневную работу, отрывая его от художественного творчества; еще более преступно прикрывать ошибки собственной организации постоянными личными атаками против Риверы. Это характеризует полностью завистливую, интриганскую, мелкобуржуазную психологию Галисии и ему подобных.

Кто поддерживает Галисию на международной арене? Молинье, который перепечатывает его документы и дает ему свои документы для перепечатки; Вареекен, который опирается на Галисию во всех своих заявлениях; Олер, который поощряет Галисию и К°, дружески похлопывая их по плечу и советуя идти до конца, т. е. до открытого разрыва с Интернационалом. К какому же лагерю, в конце концов, принадлежит сам Галисия? К лагерю IV Интернационала или к лагерю его врагов? Галисия заявляет о "подчинении", видимо, только для того, чтобы оставаться внутри IV Интернационала и вести разлагающую политику.

Галисия считает возможным намекать, что конгресс IV Интернационала руководствовался какими-то закулискими или личными соображениями. Большинство наших организаций ведут нелегальное или полунелегальное существование, связанное с чрезвычайными жертвами и требующее поэтому чрезвычайного идеализма и героизма. И вот оказывается, что эти организации послали своих делегатов для того, чтобы осудить Галисию на основании каких-то недостойных соображений. Можно ли больше выдать свою собственную природу? Не показывает ли Галисия, что он есть только раздраженный мелкий буржуа?

Галисия позволяет себе сблизить IV Интернационал со Сталинтерном. На самом деле сам Галисия - законный продукт Сталинтерна. Бюрократы или кандидаты в бюрократы делятся, по общему правилу, на удовлетворенных и неудовлетворенных. Первые применяют самые бешеные репрессии для охранения своих постов. Вторые прикрывают бешеной левой фразой свою собственную уязвленную амбицию. Один тип легко переходит в другой, как легко браконьер становится жандармом. Но если Галисия считает возможным заподозрить конгресс IV Интернационала в недостойных мотивах, то что вообще связывает его с этой организацией?

*

Какие выводы вытекают из изложенного? Галисия явно не понял смысла решений нашего международного конгресса, как он явно не понял смысла и духа IV Интернационала. Неудивительно, что он не понял значения своих собственных ошибок. Он продолжает и усугубляет эти ошибки. Он игнорирует наш Интернационал во имя солидарности со всякими центристскими и ультралевыми кликами. Вот почему, на наш взгляд, решение, принятое о нем на международном конгрессе, сегодня уже недостаточно; оно должно быть дополнено. Невозможно принимать Галисию в организацию на основе его явно фальшивого "признания" решений конгресса. Эти решения не допускают старой политики Галисии и его группы. Можно еще дать полгода Галисии на размышление, оставив его пока за порогом мексиканской секции IV Интернационала. Если за эти полгода Галисия поймет, что IV Интернационал есть революционная организация, основанная на определенных принципах действия, а не дискуссионный клуб, созданный для мелкобуржуазных интеллигентов, то он снова найдет путь в организацию; в противном случае он навсегда останется за ее порогом. Что касается остальных членов группы Галисии, то они могут войти в организацию только на основе

действительного, а не дипломатического признания решений конгресса. В противном случае организация будет строиться без них. Таково наше предложение.

[Л.Д.Троцкий]
5 декабря 1938 г.

S.O.S.287!

К вопросу о положении во Франции

Империалистическая Франция окончательно вошла в критическую стадию. Парламентарный режим явно обречен. Франция должна будет превратиться либо в страну фашистской диктатуры, либо в социалистическую республику. Третьего не дано.

В 1936 г. революционное движение французских рабочих получило грандиозный размах. Глупцы думали, что стачечное движение явилось результатом деятельности "Народного фронта". Как раз наоборот: нарастающий напор масс и возникшая отсюда революционная опасность вызвали, как и в Испании, создание Народного фронта.

Каждая революция, даже в стране, которая проделала дюжину революций, начинается с наивных иллюзий и блаженной доверчивости: новым поколениям приходится учиться заново. Народный фронт во Франции поставил себе ту же задачу, которую в России в марте 1917 г. поставила себе так называемая "коалиция" из кадетов, меньшевиков и социалистов-революционеров: задержать революцию на ее первом этапе. Разница та, что реформистская бюрократия во Франции (социалисты, коммунисты, синдикалисты) неизмеримо могущественнее, чем она была в России в 1917 г. На поддержку французскому Народному фронту к тому же выступил Кремль от имени Октябрьской революции, победившей против русского Народного фронта. Наконец, революционная партия во Франции неизмеримо слабее, чем была в России.

Благодаря этим условиям французской коалиции несомненно удалось затормозить и до известной степени сказать заранее нельзя. Если глубоко и надолго, то Народный фронт, уже безнадежно расколотый, будет окончательно сметен, и во Франции воцарится реакционная диктатура. Если же, как можно твердо рассчитывать, движение, временно придавленное Народным фронтом, проложит себе выход, оно может завершиться и завершится победой социализма. Третьего не дано.

Нынешние официальные руководители пролетариата, они же организаторы Народного фронта: Жуо, Леон Блюм, Торез и К° являются подлинными могильщиками парламентарной демократии. Никто сейчас не помогает фашизму так, как эти насквозь прогнившие "столпы" Третьей республики. Об "опасности" для империалистической демократии говорить поздно: она обречена, она пойдет на слом. Но и французский рабочий класс в величайшей опасности.

Преуменьшать ее было бы преступно. Но столь же преступно было бы преуменьшать силы французского пролетариата, его боевые традиции, его талант революционной импровизации. В его толще рассеяны тысячи и тысячи революционных элементов. Французская секция IV Интернационала успела воспитать серьезные кадры. Надвигающаяся опасность неизбежно будет толкать влево один слой рабочего класса за другим. Передовым элементам пролетариата конгресс IV Интернационала дал революционную программу. Чего им не хватает, так это взаимной связи, централизованной организации, технических и материальных средств. Надо окружить революционных рабочих Франции атмосферой международного сочувствия и активной поддержки. Фашизм готовит гражданскую войну. Важным нервом всякой войны являются деньги. Надо прийти французской секции IV Интернационала на помощь деньгами. Эта обязанность далеко выходит за круг одних лишь членов IV Интернационала. Все друзья свободы и социализма обязаны прийти на помощь передовым рабочим Франции.

Есть ли еще время? Все говорит за то, что есть. Во Франции нет сильной фашистской партии. Правда, такой многочисленной организации, какую была партия Гитлера еще до завоевания власти, во Франции не будет: это не в традициях и не в нравах страны. Организация гораздо меньшей численности

способна во Франции увлечь отчаявшиеся и обескураженные мелкобуржуазные массы на реакционный переворот. Но все же нынешняя организационная слабость французского фашизма является чрезвычайно важным козырем в руках партии революции. До того, как назреет окончательно фашистский переворот, должен неминуемо пройти известный срок, ряд месяцев, может быть, год, может быть, два.

За этот срок даже молодая революционная партия может совершить чудеса. Нужно подать сигнал тревоги. Нужно открыть международную кампанию против надвигающейся фашистской катастрофы во Франции. Нужно понять и разъяснить массам, что катастрофу, как и в Германии, подготавливают партии Второго и Третьего Интернационалов. Нужно придать мужества, смелости, инициативы революционному авангарду Франции. Нужно открыть международный сбор в революционный фонд французского пролетариата. Инициативу должны подать передовые элементы Соединенных Штатов. Нужно заглянуть вперед и увидеть надвигающуюся опасность, как она есть. Во Франции решается судьба мирового пролетариата, в том числе и пролетариата Северной Америки. Нужно напрячь все силы, не теряя ни одного дня. Героические задачи требуют героических средств!

Л.Троцкий

8 декабря 1938 г.

Койоакан

Еврейская буржуазия и революционная борьба

Патер Кофлин²⁸⁸, который, видимо, стремится показать, что абсолютная идеалистическая мораль не мешает человеку быть величайшим мошенником, заявил по радио, что я получал в свое время на революцию крупные суммы денег от еврейской буржуазии в Соединенных Штатах. Я уже ответил в печати, что это неправда. Я не получал этих денег не потому, разумеется, что отказывался от финансовой поддержки революции, а потому, что еврейская буржуазия не оказывала этой поддержки. Еврейская буржуазия остается верна принципу: не давать и теперь, когда дело идет о ее собственной голове. Задыхающийся в своих противоречиях капитализм направляет бешеные удары против еврейства, причем часть этих ударов падает и на еврейскую буржуазию, несмотря на все ее прошлые "заслуги" перед капитализмом. Меры филантропического характера по отношению к беженцам становятся все менее и менее действительны по сравнению с гигантскими размерами бедствий, обрушивающихся на еврейский народ.

Сейчас на очереди стоит Франция. Победа фашизма в этой стране означала бы грандиозное усиление реакции и чудовищный рост погромного антисемитизма во всем мире, прежде всего в Соединенных Штатах. Число стран, изгоняющих евреев, непрерывно возрастает. Число стран, способных принять их, убывает. Одновременно возрастает ожесточение борьбы. Можно без труда представить себе, что ждет евреев в самом начале будущей мировой войны. Но и без войны дальнейшее развитие мировой реакции означает почти с неизбежностью физическое истребление еврейства.

Палестина оказалась трагическим призраком, Биробиджан - бюрократическим фарсом. Кремль отказывается принимать изгнанников. "Антифашистские" конгрессы старых леди и молодых карьеристов не имеют ни малейшего значения. Сейчас более, чем когда-либо, судьба еврейского народа - не только политическая, но и физическая судьба - неразрывно связана с освободительной борьбой международного пролетариата. Только смелая мобилизация рабочих против реакции, создание рабочей милиции, прямой физической отпор бандам фашизма, повышение веры в себя, активности и смелости всех угнетенных могут вызвать перелом в соотношении сил, приостановить мировую волну фашизма и открыть новую главу в истории человечества.

Четвертый Интернационал первым предупредил об опасности фашизма и первым указал пути спасения. Четвертый Интернационал призывает еврейские народные массы не делать себе никаких иллюзий, а смотреть грозной действительности прямо в глаза. Спасение - только в революционной борьбе. "Нервом" революционной борьбы, как и войны, являются деньги. Прогрессивные и дальновзоркие элементы еврейства обязаны прийти на помощь революционному авангарду. Время не терпит. День сейчас равен месяцу и даже году. Что

делаешь, делай скорей!
Л.Троцкий
22 декабря 1938 г.
Койоакан

[Письмо М.Зборовскому и Л.Эстрин]

22 декабря 1938 г.
С новым годом!
Дорогие друзья!

Я с большим огорчением убедился, что у меня нет книжки Шумяцкого "Туруханка. (Очерки из жизни ссыльных Туруханского края 1908-1916 годов)"²⁸⁹. Книжка вышла, должно быть, в 1925 или 1924 году. У меня есть только выписка из рецензии об этой книжке, но выписок из самой книжки нет, а между тем, по всей видимости, она представляет большой интерес. Нельзя ли разыскать ее в Нью-Йорке или Париже? Буду очень благодарен, дело крайне спешное.

Посылаются вам также и статьи, написанные не для "Бюллетеня" (на всякий случай). Статья о Франции может пойти передовой²⁹⁰ (как перевод из "Лютт увриер", может быть, - для осторожности).

Читал письмо Александровой²⁹¹ в меньш[евистском] журнале. Что она думает делать дальше? Не собирается ли додумать свои правильные мысли до конца? (Ее статьи о литературе отличались свежестью тона от зауспокойных завываний Дана, Абрамовича и К°). Нет ли у вас путей к Александровой?

Я еще не заключил договора с Граззет²⁹² на "Сталина". Если заключу, то хотел бы дать право на "бон-а-тире"²⁹³ Паульсену²⁹⁴ и Дениз Навиль (вместе). Я был бы очень рад, если бы они согласились. Тогда был бы контроль над переводчиком.

Не думаю, чтоб тоталитарный режим установился во Франции так скоро, как вы опасаетесь. Но береженого бог бережет...

Все посланные вами книги получили. Я послал Н[иколаев]скому 4 (кажется) книги; надеюсь, что он получил.

Все взятое у него будет в сохранности возвращено.

Мне, может быть, придется предложить одному научному учреждению в С[оединенных] Шт[атах]²⁹⁵ европейского агента по собиранию материалов о русской революции. Работа, конечно, платная. Согласится ли Н[иколаев]ский взять на себя? Работа может стать интересной и значительной. Пока это еще не окончательно. Но нужно принципиальное согласие.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо М.Пиверу]

Дорогой товарищ Пивер!

Признаюсь, я приступил к этому письму не без колебаний. Не только потому, что наши политические мнения далеко не совпадают, но, главным образом, потому, что сама мысль обратиться из далекой страны к политическому деятелю Франции по вопросу, касающемуся Франции, может показаться неуместной. Однако я отбросил эти сомнения. Положение является настолько критическим, судьба пролетариата Франции и всей Европы, в значительной степени - всего мира в такой мере зависит от дельнейшего хода событий во Франции; основные элементы положения настолько ясны, даже на большом расстоянии, что я считал бы недопустимым не сделать попытку объясниться с вами сейчас, когда не все еще потеряно.

Развитие во Франции шло в течение последних трех-четырёх лет медленнее, чем можно было ожидать в 1934-1935 годах, когда я писал брошюру "Куда идет Франция?" Реальная действительность всегда богаче возможностями, поворотами, осложнениями, чем теоретический прогноз. Но общий ход событий не внес все же ничего принципиально нового по сравнению с нашей концепцией. Не стану здесь на этом останавливаться, так как вопросу посвящена моя последняя статья "Час решения близится"²⁹⁶, которая, надеюсь, появится вскоре на французском языке

(на всякий случай прилагаю копию к этому письму). Развитие явно близится к развязке. Развязкой может быть только установление фашистской, на первых порах предфашистской (бонапартистской) диктатуры военного типа, или - победа пролетариата. Не думаю, что на этот счет у нас с вами есть разногласия. Не думаю также, что есть разногласия насчет сроков: год-два, по-моему, максимальный срок, который остается до "окончательной", т. е. на долгие годы непоправимой развязки.

Что может спасти положение во Франции - это создание подлинного революционного авангарда из нескольких тысяч человек, ясно понимающих обстановку, совершенно свободных от влияния буржуазного и мелкобуржуазного ("социалистического", "коммунистического", "анархо-синдикалистического" и пр.) общественного мнения и готовых идти до конца. Такой авангард сумеет найти дорогу к массам. За последние десять-пятнадцать лет мы не раз видели, как под ударами больших событий рассыпаются в прах большие традиционные партии и их группировки вроде Железного фронта (без железа), Народного фронта (без народа) и пр. Не разбивается и не рассыпается только то, что скреплено ясными, отчетливыми, непримиримыми революционными идеями.

Я не имею возможности близко следить за деятельностью вашей партии, не знаю ее внутреннего состава и потому воздерживаюсь от оценки. Но я знаю другие партии Лондонского бкро, которые существуют не первый год. Я спрашиваю себя: может ли ваша партия идти навстречу грандиозным задачам рука об руку с Феннером Броквеем, Вальхером, Снивлитом, Брандлером и другими почтенными инвалидами, которые не только не доказали ничем своей способности ориентироваться в революционных событиях, но, наоборот, многократно доказали свою абсолютную неспособность к революционному действию, а в последующие годы - столь же абсолютную неспособность научиться чему-либо на собственных ошибках. Лучшей группой в этой среде был ПОУМ. Но разве не ясно теперь, что страх ПОУМа перед мелкобуржуазным общественным мнением Второго и Третьего Интернационалов и особенно анархистов явился одной из главных причин крушения испанской революции?

Одно из двух: либо французский пролетариат, обманутый и обесиленный Блюмом, Торезом, Жуо и К°, будет застигнут врасплох и раздавлен без сопротивления, как пролетариат Германии, Австрии и Чехословакии... Но об этом варианте незачем рассуждать: рабская прострация не требует никакой стратегии. Либо же в остающийся период авангард французского пролетариата еще поднимет голову, сплотит вокруг себя массы и окажется способен как на сопротивление, так и на наступление. Но этот вариант предполагает подъем массовых надежд, веры в себя, страстей, гнева по отношению к врагам, что все среднее, промежуточное, бесформенное будет отброшено в сторону и развеяно по ветру. Только революционеры, готовые идти до конца, способны возглавить подлинное восстание масс, ибо массы прекрасно отличают колебания от беззаветной решимости. Для восстания массам нужно твердое руководство. А без такого восстания гибель неминуема, притом в очень короткий срок.

Я не вижу другого пути к формированию революционного авангарда во Франции, как объединение вашей партии с секцией IV Интернационала. Я знаю, что между двумя организациями ведутся переговоры о слиянии, и от меня далека мысль вмешиваться в эти переговоры или подавать отсюда конкретные советы. Я подхожу к вопросу с более общей точки зрения. То обстоятельство, что переговоры имеют длительный и затяжной характер, кажется мне крайне тревожным фактом, именно симптомом несоответствия между объективной обстановкой и состоянием умов даже в самых передовых рядах рабочего класса. Я был бы счастлив узнать, что я ошибаюсь.

Вы несете большую ответственность, т. Пивер, очень похожую на ту ответственность, которая лежала на Андрее Нине в первые годы испанской революции. Вы можете дать большой толчок событиям вперед. Но вы можете и оказаться в фатальной роли тормоза. В моменты острого политического кризиса личная инициатива способна оказать большое влияние на ход событий. Необходимо только твердо решиться на одно: идти до конца!

Я надеюсь, что вы правильно оцените побуждения, руководившие мною при написании этого письма, и горячо желаю вам успеха на пути пролетарской революции.

Л. Троцкий

22 декабря 1938 г.

Койоакан

К позорному столбу!

По поводу последнего конгресса СЖТ

Если у кого-либо еще были какие-то иллюзии насчет характера руководства СЖТ, то последний конгресс этой организации не оставил от этих иллюзий ничего. Если кто-либо еще мог вчера надеяться, что руководство СЖТ способно эволюционировать в прогрессивном направлении, то сегодня над этими надеждами нужно поставить крест. Господин Рамирес²⁹⁷ и его сподвижники с похвальной откровенностью показали всю глубину своего вырождения и падения. На политическом языке вряд ли можно найти подходящие термины для того, чтобы охарактеризовать нынешнюю политическую физиономию этой клики. Ввиду приближающейся избирательной кампании и связанных с нею сделок и подачек вожди СЖТ внезапно отреклись от своего маргаритинового "анархизма" и "интернационализма" ради национального буржуазного государства. Под предлогом борьбы со сталинизмом они продают организацию пролетариата худшей буржуазной реакции, состоящей в услужении у иностранного империализма. По отношению к нефтяным и иным капиталистам Рамирес открыто выступает ныне как агент второй степени. Никто не оказывал и не мог оказать такой услуги Ломбардо Толедано и всей вообще сталинской агентуре, как правящая клика СЖТ.

подавляющее большинство рядовых членов этой организации, разумеется, не имеют никакого представления о той предательской интриге, которая была сфабрикована за их спиной. Рабочие являются лишь жертвой личных и групповых происков господ "вождей". Но тем преступнее и постыднее тот реакционный переворот, который получил свое завершение на последнем конгрессе СЖТ и открыл эру подлинной и открытой политической проституции.

Клеветники из сталинского лагеря распространяют сплетню, будто IV Интернационал и близкие ему группы склонны к политическому блоку с верхушкой СЖТ. Мы отбрасываем эту сплетню, как и все другие, с естественным отвращением. Элементарный долг революционного марксиста состоит в том, чтобы вести систематическую работу в массовых организациях пролетариата, в первую очередь в профессиональных союзах. Этот долг распространяется на СТМ, на СЖТ и на все вообще профессиональные организации. Но упорная работа внутри союзов, воспитание рядовых членов в духе революционного марксизма, как небо от земли, далеки от политики авантюристских блоков с развращенной синдикальной верхушкой. Кто дает черту палец, тот легко потеряет руку. Ни один революционный марксист не даст не только пальца, но и ногтя нынешней правящей клике СЖТ. Непримируемая борьба с нею перед лицом рабочего класса есть элементарный революционный долг. Г[осподина] Рамиреса и его сподвижников пролетарский авангард должен навсегда пригвоздить к позорному столбу!

*

Клика Толедано-Лаборде организует против СЖТ физические преследования: нападения на помещения и собрания, технический саботаж радиопередач и пр. Такого рода гангстеризм, введенный в обиход мирового рабочего движения Сталиным, не имеет ничего общего с подлинной борьбой против реакции, а является лишь упрощенным способом сведения счетов между разными кликами рабочей бюрократии. Задача революционной политики состоит не в том, чтобы механически помешать реакционному синдикальному вождю высказываться, а в том, чтобы научить массы не доверять реакционным вождям и изгонять их.

Нельзя не отметить снова, что сталинцы, подражая своему учителю, все более нагло и открыто применяют для своих целей всякого рода "тоталитарные" репрессии; но не имея в Мексике власти, они вынуждены ограничиваться внутренней борьбой в рабочем классе. Тоталитарные методы в буржуазном государстве, т. е. в обществе, основанном на частной собственности, представляют, однако, не что иное, как фашизм. В этом смысле приемы Толедано-Лаборде являются расчисткой пути для фашистской диктатуры. Всякие ограничения демократии в буржуазном обществе неизбежно падают в конце концов

всей своей тяжестью на рабочий класс. Подлинными предтечами фашизма в Мексике являются не только Рамирес, агент открытой реакции, но и сталинцы Лаборде и Толедано. Не нужно, однако, думать, что они добьются этим снисхождения у той фашистской диктатуры, которую они готовят. Нет, в случае ее победы они попадут в концентрационный лагерь, если своевременно не сбегут. Может быть, в концентрационном лагере им удастся, наконец, понять смысл тех предупреждений, которые мы им делаем не в первый раз.

[Л.Д.Троцкий]

31 декабря 1938 г.

Вопрос о революционном насилии

Законодательство и законодатели отличаются крайне консервативным характером. Они отражают в историческом смысле вчерашний день. Это особенно ярко видно на вопросе о насилии. Юридическая конструкция обвинения такова: насилие может быть допустимо в тоталитарных странах, но в демократиях, где народ имеет полную возможность выразить свою волю, насилие, призыв к насилию, подготовка революционного насилия представляют тяжкие преступления.

Я не буду говорить о том, в какой мере экономические условия демократии действительно допускают свободное выражение народной воли. Здесь не место для развития марксистских взглядов на этот вопрос, которые сформулированы в решении первых четырех конгрессов Коминтерна и в ряде теоретических и политических работ, в том числе и моих. Занимает здесь чисто юридическая сторона вопроса. С этой точки зрения приходится сказать, что современное законодательство против революционного насилия оставило совершенно без всякого внимания опыт трех великих государств: Италии, Германии и Испании, не говоря о десятке более мелких государств. Между тем, этот опыт неоспоримо показал, что, когда угнетенные классы угрожают приблизиться к завоеванию государственной власти демократическими путями, незадолго до этого наиболее решительный фланг господствующих классов ниспровергает демократию, причем господствующие классы поддерживают это ниспровержение.

Проницательный консерватор должен был бы, по моему мнению, поддерживать Коминтерн, т. к. главным тормозом рабочего движения является сейчас, несомненно, Коминтерн. Основные черты этой организации прямо противоположны чертам революционной партии. Ленин любил повторять: "Кто в политике верит на слово, тот безнадежный идиот". Это сильно сказано, но правильно по существу. Вся политика, вся организация Коминтерна основана на безусловном и слепом доверии вождям. Это значит, другими словами, что Коминтерн воспитывает политических идиотов. Такая партия может, разумеется, принести временные затруднения и беспокойства, но она совершенно не опасна для существующего строя. Она стала тормозом борьбы рабочего класса и главным препятствием на пути революции.

Является ли Коминтерн агентурой московского правительства? Ответ зависит от того, как понимать слово "агентура". В политическом смысле партия Коминтерна несомненно является агентурой Кремля. В аппарате Коминтерна есть, несомненно, немало лиц, которые являются прямыми агентами Кремля и состоят на особом жаловании. В Центральном Комитете каждой секции Коминтерна есть, насколько я знаю, доверенный агент ГПУ. Но, разумеется, эти лица скрывают свою особую функцию от собственной партии, даже от собственного Центрального Комитета. Назвать каждого коммуниста агентом Москвы можно лишь в том смысле, в каком каждого католика можно назвать агентом римского папы.

В мексиканской печати появились телеграммы из Соединенных Штатов о моих будущих показаниях перед вашингтонской комиссией Палаты депутатов по поводу деятельности мексиканских и испано-американских коммунистов, в частности в связи с вопросом о нефти. В этих сообщениях говорится, будто я в течение нескольких лет передавал агентам упомянутой выше комиссии документы, будто меня посещал в Мексике представитель этой комиссии и пр. Все это сообщение представляет чистейший вымысел с начала до конца.

Я действительно получил телеграмму от упомянутой комиссии. Совершенно независимо от политической тенденции председателя этой комиссии я не считал возможным уклониться от выступления в качестве свидетеля в публичном расследовании.

Дело шло, таким образом, о моих показаниях насчет развития сталинизма, а вовсе не о внутренней жизни испано-американских стран, с которой я, к сожалению, очень мало знаком. Никаких документов, касающихся деятельности испано-американских коммунистов или вопросов о нефти, у меня никогда не было и нет, следовательно, я не мог передавать их упомянутой комиссии. Ни один из ее представителей не посещал меня в Мексике. К разоблачениям действительных или мнимых планов испано-американских коммунистов я не имел и не имею никакого отношения.

Если бы мне действительно пришлось фигурировать в качестве свидетеля перед комиссией Палаты представителей, то именно по тем вопросам, на которые ссылается приведенная выше телеграмма за подписью господина Мэттиса²⁹⁸. Все остальное представляет, как уже сказано, продукт измышления в погоне за дешевой сенсацией.

[Декабрь 1938 г.]

Редакция "Клаве" читателям

Наш журнал не предназначен для легкого чтения. Марксистская теория есть руководство к действию. Мы хотим иметь читателей, которые изучают марксизм, которые учатся мыслить по-марксистски для того, чтобы действовать, как пролетарские революционеры.

Вопросы, стоящие сейчас перед мировым рабочим классом, крайне сложны. Мы стараемся давать на эти сложные вопросы как можно более ясные и простые ответы. Тем не менее мы отдаем себе отчет в том, что среднему рабочему понимание многих статей нашего журнала недоступно. Выходом из положения является создание небольших кружков для чтения "Clave".

Пролетарский революционер серьезно относится ко всем вопросам и прежде всего к вопросу о собственном теоретическом воспитании. Каждую статью надо подвергать всестороннему обсуждению. Свои сомнения или возражения надо точно формулировать и направлять в редакцию журнала. Постоянное общение между редакцией и читателями является основным условием правильного направления журнала и его тесной связи с классовой борьбой пролетариата.

Вместе с тем мы ждем от наших читателей материальной помощи. Мы уже заявляли, что в распоряжении редакции нет никакого фонда. Если наш журнал вам нужен, друзья и читатели, докажите это делом: вербуйте подписчиков, продавайте шире отдельные номера, собирайте ежемесячные взносы, укрепляйте фундамент "Clave"!

[Л.Д.Троцкий]

[Декабрь 1938 г.]

Наш журнал и президентская кампания

Некоторые читатели спрашивают нас, какова политика нашего журнала в президентской кампании²⁹⁹? Мы отвечаем: наш журнал не принимает участия в борьбе кандидатур. Не вследствие, разумеется, анархических предрассудков о неучастии в политике: как выглядит это "неучастие" на деле, мы не раз видели во Франции, в Испании и в самой Мексике. Нет, мы стоим за самое активное участие рабочих в политике. Но за самостоятельное участие. Сейчас в Мексике нет ни одной рабочей партии, ни одного профессионального союза, которые вели бы самостоятельную классовую политику и способны были бы выставить самостоятельную кандидатуру. В этих условиях нам не остается ничего, кроме как ограничиться марксистской пропагандой и подготовкой будущей самостоятельной партии мексиканского пролетариата.

[Л.Д.Троцкий]

[Декабрь 1938 г.]

Дорогой друг!

Спешу ответить на ваше письмо от 24 января, которое дало мне важную информацию о положении дел в ПСОП. Я нахожу необходимым высказаться по поводу тех соображений, которые развил в беседе с вами Марсо Пивер.

Он заявил о "полной солидарности" со мной в оценке общего положения во Франции. Незачем говорить, что я высоко ценю такое заявление. Но оно все же недостаточно. Для возможности совместной деятельности нужно не только единство оценки - нужны одни и те же практические выводы, по крайней мере, наиболее существенные. По поводу июньских дней 1936 г. Марсо Пивер писал: "Теперь все возможно". Это была прекрасная формула. Она означала: с этим пролетариатом можно идти до конца, т. е. взять прямой курс на завоевание власти. В те же приблизительно дни я писал: "Французская революция началась". Общая посылка с Марсо Пивером у нас была таким образом налицо. Но именно поэтому я не мог понять, каким образом Марсо Пивер мог оказывать Блюму хотя бы условное, хотя бы ограниченное доверие, хотя бы полудоверие, когда было совершенно ясно, что этот консервативный и трусливый буржуа, дезертир с ног до головы, способен вести пролетариат только к поражениям и унижениям?

Но не будем возвращаться к прошлому. Возьмем нынешнее положение. Вопрос о франк-масонстве имеет в моих глазах огромное политическое и симптоматическое значение. В эпоху глубочайшего революционного кризиса, который переживает сейчас Франция и который ставит перед пролетариатом ребром вопрос о борьбе за власть, элементарной и неотложной обязанностью революционных вождей является порвать все политические и моральные связи с предательскими вождями радикализма и официального "социализма", которые все будут против рабочих.

Я не знаю, масон ли Даладье; но Шотан масон, и с ним, вероятно, ряд других министров. Спрашивается, как можно всерьез восставать против подлой политики "Народного фронта", т. е. против политического подчинения пролетариата радикальной буржуазии, и в то же время оставаться в блоке с вождями радикальной буржуазии, - с этими устрикарами и ставискарами³⁰¹, которые в качестве масонов ставят себе задачей "нравственное" возрождение человечества? Перед лицом такого вопиющего противоречия каждый рабочий вправе сказать: "Эти социалисты не верят сами в социалистическую революцию, иначе они не могли бы оставаться в дружбе с вождями того класса, против которого они будто бы готовят революцию!"

Благодаря счастливой или несчастливой случайности (не знаю, как сказать) мне довелось довольно близко наблюдать уголок франк-масонства во время моего пребывания в Ивере. Я жил в доме у франк-масона; его гости в большинстве случаев принадлежали к масонству. Среди моих молодых друзей был масон, вскоре порвавший с масонством. Я могу поэтому исходить не только из общих соображений, совершенно бесспорных самих по себе, но и из живых наблюдений над ролью масонства в политической жизни французской провинции.

Верхний слой - радикалы, или "социалисты", адвокаты, депутаты, карьеристы, циники, для которых ложи - только избирательный аппарат. В масонских ложах Гренобля рабочих нет или почти нет, зато заметное место занимают мастера, низший административный персонал. Я знал одного из контрмэтров³⁰² и имел интересные сведения о другом. Главной заботой их было отделиться от рабочих, попасть в "хорошее общество", послушать образованных людей. Они смотрели с искренним благоговением на адвокатов и профессоров, которые преподносили им гуманитарные и пацифистские банальности. Заправила лож, играющие роль в муниципальной и политической жизни Гренобля при помощи масонского ритуала подчиняют себе мелкобуржуазную клиентуру и небольшую группку рабочей или полуробочей аристократии. Некоторые из этих господ сами не входят в масонство, а дергают нитки из-за кулис. В масонстве сосредоточены все те паразитические черты, которые столь отталкивают ныне от Второго Интернационала, как и от Третьего. Можно ли рвать с социал-демократией и Коминтерном и оставаться в то же время связанным с худшей карикатурой обоих, именно с франк-масонством?

Революция требует человека полностью и целиком. Крайне подозрительны те революционеры, которые не находят удовлетворения своим политическим и

моральным запросам в революционной пролетарской партии и ищут чего-то "лучшего", "высшего" в обществе радикальных буржуа. Чего именно ищут они? Пусть объяснят это рабочим открыто! Самое трудное, но и самое важное в такую эпоху, какую переживает Франция, – это освободиться от влияния буржуазного общественного мнения, внутренне порвать с ним, не бояться его травли, лжи, клеветы, как и презирать его похвалы, его заискивания. Только при этом условии можно обеспечить себе необходимую свободу действий, своевременно подслушать революционный голос массы и стать во главе ее для решительного наступления. Между тем, франк-масонство по самому существу своему есть предохранительный клапан против революционных тенденций. Известный (очень небольшой) процент честных идеалистов в составе лож увеличивает опасность масонства.

Вот почему я вынужден прийти к заключению, что Марсо Пивер не делает из своих революционных посылок необходимых выводов. А это опаснее всего в революционную эпоху. Именно вследствие своей неспособности сделать необходимые практические выводы и разбил себе голову ПОУМ. Вся беда, видимо, в том, что Марсо Пивер и сейчас удовлетворяется своим радикальным анализом обстановки, но останавливается в нерешительности перед теми революционными задачами, которые из этого анализа вытекают.

В связи со сказанным я с большой тревогой оцениваю те упреки и обвинения, которые Марсо Пивер выдвигает против некоторых членов ПОИ, вошедших в настоящее время в ПСОП. Они позволяют себе, по его словам, "грубые нападки", употребляют "неправильный тон", отталкивают своей "резкостью" и пр. и пр. Я далек от мысли разбирать отдельные примеры, которых я не знаю и знать откуда не могу. Допускаю, что могли быть в том или другом случае бестактные выступления. Но разве это может иметь серьезное политическое значение в глазах революционера? С тех пор, как существует рабочее движение, на представителей левого крыла (на Маркса, на Энгельса, на Ленина, на Р.Люксембург, на Карла Либкнехта) всегда падали обвинения в дурном тоне, в резкости и бестактности. Объясняется это, с одной стороны, тем, что социалисты, которые не порвали до конца с предрассудками буржуазного общественного мнения и которые сами чувствуют двойственность своего положения, чрезвычайно болезненно воспринимают всякую критику. Таков психологический закон! С другой стороны, те, которые в отчаянной борьбе с господствующими партиями усвоили себе непримиримые революционные взгляды, склонны всегда, особенно в критической обстановке, как ныне, проявлять нетерпение, настойчивость, раздражение по отношению к центристским элементам, которые колеблются, выжидают, уклоняются и теряют время. Полемический диалог между этими двумя типами проходит через всю историю революционного движения.

Указывать на демократию внутри партии и в то же время жаловаться на "тон" кажется мне не очень последовательным. Демократия находит свое ограничение в централизме, т. е. в необходимости единства действий. Но заявлять: так как у нас демократия, то не смей слишком широко разевать рот и говорить тоном, который мне не нравится, – это неправильно. Революционерам еще более не нравится тон уклончивости, тон подлаживания, тон увещаний по адресу Блюма. В обоих этих случаях тон неразрывно связан с самим содержанием политики. Об этом содержании и нужно говорить!

Если бы кто-либо из бывших членов ПОИ нарушил дисциплину ПСОП, я понял бы не только обвинения, но и исключение из партии. Каждая организация вправе оберегать свою дисциплину. Но когда я слышу обвинения в том, что Х и У слишком неучтиво защищали свои взгляды и этим заставили уйти из партии двух "очень ценных" товарищей, то я прихожу в полное недоумение. Чего стоит тот революционер, который покидает партию только потому, что кто-то резко критиковал его взгляды? Чувствительные мелкие буржуа, которые смотрят на партию, как на салон, как на клуб друзей или как на масонскую ложу, не годятся для революционной эпохи. Если они не выдерживают критических замечаний, то этим они только показывают свою внутреннюю несостоятельность: таким людям нужен лишь какой-либо благовидный предлог, чтобы покинуть баррикаду.

Революционеры, которые открыто, хотя бы и резко, высказывают свое мнение, неопасны для ПСОП. Опасны для нее беспринципные интриганы, люди, способные к маскировке, готовые прикрыться любыми идеями, защищающие сегодня одно, завтра другое, авантюристы типа Раймона Молинье, которые пытаются

обеспечивать свое влияние не идейной борьбой, а методами закулисных интриг. Опасны самовлюбленные и насквозь бесплодные сектанты типа бельгийца Вареекена, которым партия нужна лишь как аудитория для их соловьиных трелей. Преимущество IV Интернационала в том, что от таких элементов он систематически очищался. Этого же надо пожелать и ПСОП!

Я не останавливаюсь здесь на вопросе о ПОУМ: кто серьезно относится к делу, тот обязан дать ответ на нашу критику ПОУМа. События полностью подтвердили ее. Об ILP (Нез[ависимой] Раб[очей] П[артии]) и вовсе говорить не стоит: по сравнению с Макстоном и К° покойный вождь меньшевиков Мартов был подлинным революционером. А ведь мы хотим учиться у Ленина, а не у Мартова. Не так ли, Марсо Пивер?

ПСОП откололась от оппортунистической партии слева, притом в очень ответственный и критический момент. В составе ПСОП, как мне пишут, преобладают рабочие. Оба эти обстоятельства являются очень ценным залогом возможного революционного развития партии. Чтобы эта возможность превратилась в действительность, ПСОП должна пройти через стадию самой широкой, смелой, никакими внешними и посторонними соображениями не связанной дискуссии. Дело идет не о тоне критики, а об ее содержании. Дело идет не о личном самолюбии, а о судьбе французского пролетариата. Ближайшие месяцы, даже недели покажут, вероятно, может ли и хочет ли ПСОП вступить на путь марксизма, т. е. большевизма: эти два понятия полностью совпадают для нашей эпохи.

Крепко жму руку
Ваш
Л.Троцкий
14 февраля 1939 г.
Койоакан

Карл Маркс

Родился 5 мая 1818 г. в Трире, в Германии, в семье еврейского либерального адвоката, принявшей протестантство в 1824 г. Окончив юридический факультет, М[аркс] женился в 1843 г. на Женни Вестфален, вышедшей из реакционной аристократической семьи, но мужественно делившей судьбу революционного борца. Осенью 1843 г. М[аркс] переехал в Париж для издания революционного журнала³⁰³ и здесь впервые встретился с Фридрихом Энгельсом, связавшись с ним нерасторжимой дружбой. Весной 1847 г. М[аркс] и Энгельс примкнули в Брюсселе к тайному "Союзу коммунистов" и по его поручению составили "Манифест Коммунистической Партии" (1848 г.), первое научное обоснование программы пролетариата. После мартовского переворота 1848 г. М[аркс] встал в Кельне во главе "Новой Рейнской Газеты"³⁰⁴. Выброшенный контрреволюцией из Германии и Франции, М[аркс] уехал в Лондон, где жил с семьей до смерти. Только благодаря неутомимой поддержке Энгельса М[аркс] мог подготовить к печати первый том "Капитала" (1867 г.) и закончить вчерне следующие три тома, главный труд своей жизни. В 1864 г. основан был в Лондоне под руководством М[аркс] 1-й Интернационал. Научная работа М[аркса] неразрывно сочеталась с революционной борьбой. 2 декабря 1881 г. умерла Женни М[аркс]. 14 марта 1883 г. М[аркс] навеки заснул в своем рабочем кресле. С его смертью человечество стало, по выражению Энгельса, ниже на голову. М[аркс] похоронен на кладбище Хайгейт в Лондоне.

[Л.Д.Троцкий]
26 февраля 1939 г.

Невежество - не орудие революции.

По поводу скандальной статьи в "Trinchera Aprista"³⁰⁵

В No 3 нашего издания напечатана была статья т. Диего Ривера по поводу программного письма Айиа де ла Торре³⁰⁶. Статья т. Ривера, как могли

убедиться все наши читатели, ставила чрезвычайно важные вопросы, притом в высшей степени спокойным тоном. К нашему величайшему изумлению, один из журналистов АПРА, некий Гильермо Леон³⁰⁷, ответил статьей, которую иначе нельзя назвать, как наглой и непристойной. Вместо ответа по существу поставленных принципиальных вопросов г. Леон считает возможным атаковать Диего Ривера как человека и художника, позволяя себе личные инсинуации, списанные с заборов желтой журналистики. Есть ли надобность защищать Диего Ривера от глупых и грязных атак?

С комическим высокомерием Леон в каждой строчке именуется т. Ривера "художником", как если бы в этом слове заключалось ужасное осуждение. Чтобы увеличить вес своей иронии, – иронии бессильного филистера, – г. Леону следовало бы говорить о "великом художнике": ибо если плохо быть художником, то несравненно хуже быть гениальным. Вслед за Толедано и другими буржуазными "социалистами" Леон обвиняет Ривера в том, что он продает свои картины буржуазии. Кто же, кроме буржуазии, может покупать картины в капиталистическом обществе? Зависая от буржуазии в силу социальных отношений, подавляющее большинство художников идейно закабалены буржуазией. Ривера представляет факт исключительный в том отношении, что сохраняет полную моральную независимость от буржуазии. Именно в этом его право на уважение со стороны каждого рабочего-социалиста и каждого честного демократа. Но Леон не относится ни к той, ни к другой категории.

Леон начинает с возмущения по поводу того, что т. Ривера подходит к Айиа де ла Торре, как к демократу. Леон видит в этом нечто вроде оскорбления и клеветы. Айиа де ла Торре, – восклицает он, – "не демократ, а революционер". Нельзя совершенно понять, что означает это противопоставление. Демократ может быть противопоставлен, с одной стороны, стороннику монархии или фашистской диктатуры; с другой стороны и в другой плоскости – социалисту. Но противопоставить демократа революционеру – почти то же, что противопоставить блондина адвокату. Демократ во Франции или в Соединенных Штатах, разумеется, не может быть революционером. Он стоит за сохранение того, что есть; он консерватор. Но демократ отсталой страны, находящейся под двойным гнетом империализма и полицейской диктатуры, как Перу, не может не быть революционером, если он серьезный и последовательный демократ. Именно эту мысль и развивает Ривера. Он не обвиняет Айиа де ла Торре в том, что тот выступает в своем программном письме не как социалист, а как защитник демократии. Ривера условно принимает эту позицию и пытается доказать, – по нашему мнению, с полным успехом, – что Айиа де ла Торре выступает как непоследовательный демократ. Вот на это и надо было ответить.

Айиа де ла Торре называет Соединенные Штаты "опекунами нашей свободы" и обещает в случае фашистской опасности (а Бенавидес³⁰⁸ (президент-диктатор Перу) – не опасность?) обратиться к этим "опекунам" за помощью. Т[оварищ] Д. Ривера справедливо осудил эту идеализацию североамериканского империализма. Что отвечает Леон? Он бранится, ссылаясь некстати на Ленина, цитирует другие заявления де ла Торре, снова бранится, но так и не объясняет, почему накануне конференции в Лиме вождь апризма счел нужным вместо разоблачения действительной роли Соединенных Штатов изображать их – точь-в-точь, как Толедано в "Футуро" – в виде филантропической насадки, охраняющей латиноамериканских цыплят (в том числе нежного цыпленка Бенавидеса) от заокеанского коршуна. Такое подкрашивание действительности недопустимо под пером демократа угнетенной страны.

У революционных марксистов могут быть практические соглашения с революционными демократами, но именно с революционными, т. е. с такими, которые рассчитывают на массы, а не на высокопоставленных насаждений. В глазах марксиста АПРА, разумеется, не социалистическая организация, ибо она не является классовой организацией революционного пролетариата. АПРА есть организация буржуазной демократии в отсталой полукOLONIALной стране. По своему социальному типу, по своим историческим целям и в значительной мере по своей идеологии она стоит между русскими народниками ("социалистами-революционерами") и китайским Гоминьданом. Русские народники были гораздо богаче "социалистической" доктриной и "социалистической" фразеологией, чем АПРА. Это не мешало им оставаться мелкобуржуазными демократами, которые, несмотря на самоотвержение и героизм своих лучших борцов, оказались не в силах выполнить даже демократические задачи. "Социалисты-революционеры" выдвинули аграрную программу. Но, как и все

мелкобуржуазные партии, оказались пленниками либеральной буржуазии, этой доброй "наседки", и в конце концов предали крестьянство в революции 1917 г. Этого исторического примера забывать нельзя. Демократ, который сеет доверие к империалистическим "опекунам", может принести угнетенным народам лишь горькие разочарования.

Т[оварищ] Диего Ривера утверждает в своих тезисах, как и в статье, что полного и окончательного освобождения угнетенные народы могут достигнуть только путем революционного низвержения империализма и что эта задача осуществима лишь силами мирового пролетариата в союзе с колониальными народами. На эту бесспорную для всякого марксиста мысль Леон обрушивается потоком бранных выражений и некоторым подобием доводов. Оставляя брань в стороне, попытаемся выделить ядро его аргументации. Пролетариат империалистических стран, говорит Леон, не проявляет ни малейшего интереса к борьбе колониальных народов, которые должны поэтому идти своей собственной дорогой. Ставить судьбу отсталых стран в какую бы то ни было зависимость от борьбы пролетариата передовых стран значит впасть в... "пораженчество". (Оставляем в стороне бессмысленность этой характеристики: ни идей, ни терминологии марксизма Леон не понимает). В доказательство своей мысли он приводит пример: Мексика экспроприировала нефтяные предприятия, – разве это не шаг на пути освобождения страны от империалистической зависимости? Между тем этот шаг был сделан без всякого участия пролетариата Соединенных Штатов или Великобритании. Этот свежий пример показывает, по мнению Леона, что колониальные и полуколониальные страны могут добиться полного освобождения независимо от поведения международного пролетариата.

На самом деле все это рассуждение обнаруживает, что публицист АПРА не понимает азбуки того вопроса, который является основным для его партии, именно, вопроса о взаимоотношении между империалистическими и полуколониальными странами. Совершенно верно, что Мексика сделала шаг вперед к своей экономической независимости, экспроприировав нефтяные предприятия. Но Леон закрывает глаза на то, что Мексика в качестве продавца продуктов нефти сейчас же попала – не могла не попасть – в зависимость от других империалистических стран. Какие формы примет или может принять эта новая зависимость, – на этот счет история еще не сказала своего последнего слова.

Можно ли, с другой стороны, утверждать, что данный конкретный акт – экспроприация нефтяных предприятий – окончательно обеспечен? К несчастью, этого утверждать нельзя. Военное и даже чисто экономическое давление извне, при неблагоприятной для Мексики международной конъюнктуре, т. е. при дальнейших поражениях и отступлениях мирового пролетариата, может вынудить страну сделать шаг назад. Отрицать такую возможность было бы пустым бахвальством. Представлять себе будущность Мексики, как и любой другой колониальной или полуколониальной страны, в виде постоянного накопления реформ и завоеваний, вплоть до полного и окончательного освобождения, могут только жалкие утописты. Так, социал-демократы, эти классические оппортунисты, долго надеялись, что путем непрерывного развития мирных реформ им удастся преобразовать капиталистическое общество и достигнуть полного освобождения пролетариата. На деле оказалось, что путь реформ действителен только до известного пункта, когда господствующий класс, почувствовав опасность, переходит в открытое контрнаступление. Борьба может разрешиться только революцией или контрреволюцией. В ряде капиталистических стран накопление демократических реформ привело не к социализму, а к фашизму, ликвидировавшему все социальные и политические завоевания прошлого. Тот же диалектический закон распространяется и на освободительную борьбу угнетенных народов. При благоприятных условиях они могут сравнительно мирно достигнуть известных завоеваний, облегчающих борьбу за дальнейшую самостоятельность. Но это вовсе не значит, что такие частные завоевания будут продолжаться непрерывно, до полного освобождения. В Индии британский империализм после ряда второстепенных уступок готовится ныне не только поставить точку, но и повернуть колесо реформ назад. Освободить Индию может только открытая революционная борьба индусских рабочих и крестьян рука об руку с английским пролетариатом.

Такова одна сторона вопроса. Но у него есть и другая. Почему мексиканскому правительству удалось успешно, по крайней мере, для данного периода, провести экспроприацию? Прежде всего благодаря антагонизму между Соединенными Штатами и Великобританией. Можно было не опасаться

непосредственного активного вмешательства Великобритании. Но этого мало. Совершая экспроприацию, мексиканское правительство считало невероятным вооруженное вмешательство также и со стороны северного соседа. На чем основывался этот расчет? На нынешнем курсе Белого Дома: "Нью Дил"³⁰⁹ во внутренних отношениях сопровождается политикой "доброего соседа" во внешних отношениях.

Леон явно не понимает, что нынешняя политика Белого Дома определяется глубоким кризисом американского империализма и ростом радикальных тенденций в рабочем классе. Наиболее яркое выражение эти новые тенденции нашли до сих пор в возникновении СИО (Комитете Индустриальной Организации). Г[осподин] Леон жалуется на то, что СИО не интересуется судьбой Перу. Это означает, вероятно, что касса СИО отказывается субсидировать АПРА. Со своей стороны мы нимало не склонны закрывать глаза на то, что политическое сознание вождей СИО не возвышается над уровнем левого крыла консервативной партии Рузвельта, а в некоторых отношениях спускается ниже этого плачевного уровня. Тем не менее факт возникновения СИО отражает огромный сдвиг в чувствах и мыслях американских рабочих. Влиятельная часть буржуазии, представителем которой является Рузвельт, говорит (или говорила вчера): "Прежними методами править нельзя; нужно идти на соглашения, нужно делать частичные уступки для того, чтобы сохранить основное, т. е. частную собственность на средства производства". Это и есть Нью Дил". Та же политика распространяется Рузвельтом на международные отношения, особенно на отношения с Латинской Америкой: уступать в частных вопросах, чтобы не потерять главного. Именно эта политическая конъюнктура и сделал возможной экспроприацию нефти в Мексике без военной интервенции и экономической блокады. Другими словами, мирный шаг на пути экономической эмансипации стал возможен благодаря более активной, более наступательной политике широких кругов североамериканского пролетариата. Дело идет, как видим, совсем не о том, "сочувствуют" или "не сочувствуют" Льюис³¹⁰ и К° АПРА или перуанскому народу вообще: эти господа не видят дальше своего носа и сочувствуют только самим себе. Дело идет даже не о том, в какой мере сами американские рабочие понимают сегодня связь своей освободительной борьбы с борьбой угнетенных народов. Как бы ни плачевно обстояло пока дело на этот счет, остается несомненным и притом крайне важным фактом, что обострение классовой борьбы пролетариата Соединенных Штатов чрезвычайно облегчило экспроприацию нефтяных предприятий мексиканским правительством. Этой внутренней логики классовой борьбы, этой взаимозависимости внутренних и внешних факторов г. Леон, как типичный мелкий буржуа, совершенно, разумеется, не понимает.

Было бы, разумеется, в корне ошибочно делать из сказанного выше тот вывод, что политика Соединенных Штатов будет и дальше развиваться непрерывно по тому же направлению, открывая латиноамериканским народам все более и более широкие возможности мирного освобождения. Наоборот, можно заранее предсказать, притом с полной уверенностью, что политика "Нью Дил" и "доброего соседа", не разрешив ни одного вопроса и никого не удовлетворив, только разожжет требовательность и наступательный дух американского пролетариата и латиноамериканских народов. Обострение классовой борьбы породило "Нью Дил". Дальнейшее обострение классовой борьбы убьет "Нью Дил", дав внутри буржуазии перевес крайне реакционным, наступательным, фашистским тенденциям. Политика "доброего соседа" неизбежно сменится, вероятно, в довольно близком будущем, политикой бронированного кулака, который может прежде всего оказаться направленным против Мексики. Закрывать глаза на эту перспективу могут только мелкобуржуазные слепцы и фразеры типа Ломбардо Толедано или Леона. Годом раньше или позже вопрос станет ребром: кто хозяин на этом континенте – империалисты Соединенных Штатов или трудящиеся массы всех населяющих Америку народов? Вопрос этот по самому существу своему может быть разрешен только открытым столкновением классовых сил, т. е. революцией, вернее, революциями. В этих боях против империализма будет участвовать, с одной стороны, пролетариат Соединенных Штатов, который не может не вести этой борьбы во имя собственного самосохранения, с другой стороны, латиноамериканские народы, которые, борясь за свое освобождение, тем самым поддерживают борьбу пролетариата Соединенных Штатов.

Из сказанного ясно, что мы отнюдь не рекомендуем ни латиноамериканским народам пассивно дожидаться революции в Соединенных Штатах, ни американскому пролетариату сложить руки до победы латиноамериканских народов. Кто пассивно

дожидается, тот ничего не дожидается. Борьбу нужно вести непрерывно, развивать и углублять ее, в зависимости от реальных исторических условий. Но нужно в то же время ясно понимать взаимозависимость двух главных потоков современной борьбы против империализма. Только слившись на известном этапе воедино, они могут обеспечить окончательное торжество.

Это не значит, конечно, что Льюис и Грин сделаются чемпионами социалистической федерации американского континента. Нет, они останутся, несомненно, до конца в лагере империализма. Это не значит также, что весь пролетариат Соединенных Штатов научится видеть в освобождении латиноамериканских народов свою собственную задачу. Это не значит также, что латиноамериканские народы поймут до конца общность своих интересов с интересами североамериканского пролетариата. Но сам факт параллельной борьбы будет означать объективный союз между ними, может быть неоформленный, но очень активный союз. Этот союз окажется, разумеется, тем более действительным и плодотворным, чем раньше и лучше авангард американского пролетариата – на Севере, в Центре и на Юге – поймет необходимость самого тесного революционного сотрудничества в борьбе против общего врага. Вскрыть, разъяснить и организовать эту связь – в этом и состоит одна из важнейших задач IV Интернационала.

*

Разобранный нами пример показывает достаточно общий теоретический и политический уровень г. Леона. Вряд ли стоит останавливаться после этого на всех остальных его суждениях. Отметим лишь два важнейших.

Леон приписывает нам ту мысль, будто СССР является империалистической страной. Ничего подобного в статье Диего Ривера, разумеется, нет. Мы говорим лишь, что в борьбе за самосохранение советская бюрократия превратилась в последний период в агентуру "демократического" империализма. Чтобы завоевать его симпатии, она готова на всякие предательства по отношению к рабочему классу и угнетенным народам. Поведение сталинцев на пацифистском конгрессе в Мексике (сентябрь 1938 г.) полностью обнаружило их измену колониальным и полуколониальным народам. Ведь именно поэтому левые апристы встали в острую оппозицию к сталинскому большинству конгресса. Согласен ли с этим Леон или не согласен? Когда этот господин с важным видом заявляет, что (в отличие от нас?) он не является "врагом СССР", то мы можем только презрительно пожать плечами. Что означает для Леона СССР? Географическое понятие или социальное явление? Если он имеет в виду "советское" общество, то он должен понять, что это общество насквозь противоречиво. Нельзя быть другом народов СССР, не будучи врагом "советской" бюрократии. Все так называемые "друзья" Кремля, как не раз доказывал Л.Д.Троцкий, являются вероломными врагами освободительной борьбы рабочих и крестьян СССР.

Леон обвиняет нас, конечно, в том, что мы "разъединяем" силы республиканской Испании в борьбе против фашизма. Этим он лишней раз обнаруживает свое реакционное тупоумие. С самого начала испанской революции, и особенно с начала открытой гражданской войны, революционные марксисты доказывали, что победа возможна только на основе социалистической программы: нужно немедленно дать крестьянам землю, экспроприировать банки и тресты, дать рабочим освободиться от капиталистической эксплуатации. При этих условиях испанская революция была бы непобедимой. Адвокаты и лакеи помещиков, банкиров, капиталистов и попов отвечали на это: "Не нарушайте единства!" Во имя "единства" эксплуатируемых с эксплуататорами всякое революционное движение рабочих и крестьян подавлялось беспощадно. Все действительные социалисты и революционные анархисты подвергались клевете, заточению, истреблению. Главную роль при этом играло сталинское ГПУ. "Не нарушайте единства" – жертв с палачами! Мы видим теперь результаты этой предательской политики. Обманутые рабочие и крестьяне повернулись спиной к республиканцам, впали в отчаяние, в апатию, в индифферентизм. Именно это обеспечило победу Франко. Кто теперь, после падения Барселоны³¹¹, повторяет, что "троцкисты" проповедуют разъединение республиканской Испании, тот тем самым показывает, что он является агентом испанских помещиков, капиталистов, банкиров и попов. Этого одного достаточно, чтобы заставить нас открыто сказать перуанским рабочим: "Не верьте субъектам, подобным Леону: эти консервативные мелкие буржуа не понимают логики классовой борьбы и потому

совершенно неспособны руководить вами в вашей борьбе за национальную и социальную эмансипацию; ничего, кроме поражения, они принести вам не могут!"

Думаем, что сказанного довольно. Ругательства и инсинуации Леона - не доводы. Наглость не смягчает невежества. А невежество - не орудие революции!

"Клаве"312

[Февраль]

Жуо и Толедано

Несравненный Леон Жуо телеграфировал несравненному Ломбардо Толедано грозный запрос: правда ли, что правительство Мексики собирается сдавать нефтяные концессии Японии и другим фашистским странам? Ведь это означало бы усиление военной мощи фашистов и новые катастрофы на мировой арене; мирные города в пламени, тысячи жертв и пр. Толедано голосом провинившегося школьника ответил: "Нет, нет, никогда Мексика таких концессий не даст!" Еще совсем недавно тот же Толедано клялся: "Нет, никогда Мексика не будет продавать свою нефть фашистам; Англия не сможет прожить без мексиканской нефти!" и пр. Эти господа думают, что пустой декламацией можно разрешить жизненные экономические проблемы! Если бы у Толедано было хоть немного - не говорим революционного смысла, но хотя бы национального достоинства (а гражданину угнетенной страны не мешает заpastись национальным достоинством) - он ответил бы Леону Жуо пинком ноги. Жуо есть прямой агент французского и британского империализма. Франция вслед за Британией бойкотируют мексиканскую нефть, чтобы поддержать империалистических собственников против полукOLONиальной страны. И Франция, и Бельгия применяют авиацию для усмирения освободительных движений в своих колониях. Как смеет Жуо в этих условиях разевать рот? Бороться против фашистских и вообще империалистических злодейств, в частности против обстрела мирных городов, могут и должны честные рабочие и крестьяне, не запятнавшие себя ни прямо, ни косвенно участием в подобных преступлениях. Но Жуо, цепная собака империалистического капитала, - как смеет он выступать в качестве учителя и цензора Мексики? Дело в том, что Жуо знает, с кем имеет дело. Он смотрит на Толедано не как на представителя рабочих масс угнетенной страны, а как на агента французского (увы, покойного) "Народного фронта", т. е. как на второстепенного агента "демократического" империализма. И Жуо не ошибается!

[Л.Д.Троцкий]

[Февраль 1939 г.]

Марксизм и современность313

Что мы предлагаем читателю?

Эта книга в небольшом объеме излагает основы экономического учения Маркса словами самого Маркса. В конце концов, никому до сих пор не удавалось лучше самого Маркса изложить теорию трудовой стоимости. Сокращение первого тома "Капитала", закладывающего фундамент всей экономической системы Маркса, произведено тщательно и с большим знанием дела г. Отто Рюле. Устранялись прежде всего устаревшие примеры и иллюстрации, цитаты из произведений, которые имеют сейчас лишь исторический интерес, полемика против писателей, ныне забытых, наконец, многочисленные документы: парламентские акты, отчеты фабричных инспекторов и пр., которые, как ни важны они для понимания определенной эпохи, не могли найти здесь места в сжатом изложении, преследующем не исторические, а теоретические цели. В то же время г. Отто Рюле сделано было все, чтобы сохранить непрерывность в развитии научного анализа и единство литературного изложения. Логическая дедукция, как и диалектические переходы мысли, нигде, надеемся, не нарушены. Разумеется, этот экстракт требует внимательного и вдумчивого чтения. Для облегчения читателей Отто Рюле снабдил текст резюмирующими заголовками на полях.

Некоторые рассуждения Маркса, особенно в первой, наиболее трудной главе, могут показаться неискушенному читателю излишними умствованиями, раскалыванием волоса на четыре части или "метафизикой". На самом деле такое

впечатление создается вследствие непривычки научно подходить к слишком привычным явлениям. Товар стал таким всепроникающим, обычным, знакомым элементом нашего повседневного существования, что усыпленная мысль не останавливается даже перед вопросом: почему люди отдают важные и нужные для жизни предметы в обмен на кружки золота или серебра, не имеющие никакого полезного применения? Дело не ограничивается товаром. Все вообще категории (основные понятия) рыночного хозяйства кажутся понятными без анализа, сами собой разумеющимися, как бы составляющими естественную основу отношений между людьми. На самом деле реальностями хозяйственного процесса являются: труд человека, сырые материалы, орудия, машины, разделение труда, необходимость распределения готовых продуктов между участниками трудового процесса и пр. Что же касается таких категорий, как "товар", "деньги", "заработная плата", "капитал", "прибыль", "налоги" и пр., то они являются полумистическими отражениями в головах людей разных сторон непонятного и неподконтрольного им процесса хозяйства. Чтобы расшифровать их, необходим тщательный научный анализ.

В Соединенных Штатах, где про человека, который владеет миллионом, говорят, что он "стоит" миллион, рыночные понятия проникли в головы прочнее, чем где бы то ни было. Здесь до самого последнего времени очень мало задумывались над существом экономических отношений. В стране, где создана самая могущественная хозяйственная система, теоретическая экономия остается чрезвычайно бедной. Только нынешний глубокий кризис американского хозяйства ставит ребром перед общественным мнением основные проблемы капиталистического общества. Во всяком случае, кто не преодолел привычки воспринимать без критики готовые идеологические отражения хозяйственного развития, кто не продумал следом за Марксом сущность товара как основной клеточки капиталистического организма, тот окажется навсегда неспособен научно осмыслить самые важные и острые явления нашей эпохи.

Метод Маркса

Создав науку как познание объективных закономерностей природы, человек долго и упорно пытался выключить из науки себя самого, установив для себя особые привилегии в виде мнимых взаимоотношений со сверхчувственными силами (религия) или с вечными нравственными правилами (идеализм). Маркс окончательно и навсегда лишил человека этих одиозных привилегий, взглянув на него как на естественное звено в процессе развития материальной природы; на человеческое общество – как на организацию производства и распределения; на капитализм – как на этап в развитии человеческого общества.

Маркс не ставил себе целью открыть "вечные законы" хозяйства. Он отрицал такие законы. История развития человеческого общества есть история смены разных систем хозяйства, действующих каждая по своим законам. Переход от одной системы к другой определялся всегда ростом производительных сил, т. е. техники и организации труда. До известного момента социальные перемены носят количественный характер, не изменяя основ общества, т. е. господствующих форм собственности. Но наступает момент, когда выросшие производительные силы не могут больше вмещаться в старых формах собственности; тогда происходит радикальное изменение социального строя, сопровождающееся потрясениями. Первобытная коммуна сменялась или дополнялась рабством; на смену рабству шел крепостной строй с его феодальной надстройкой; торговое развитие городов привело в Европе в XVI столетии к капиталистическому строю, прошедшему затем через несколько стадий. В "Капитале" Маркс изучает не хозяйство вообще, а капиталистическое хозяйство, которое имеет свои собственные законы. К другим экономическим системам автор обращается лишь попутно для выяснения особенностей капитализма.

Самодовлекющее хозяйство первобытной крестьянской семьи не нуждается в "политической экономии": здесь господствует, с одной стороны, сила природы, с другой – сила традиции. Замкнутое натуральное хозяйство греков или римлян, основанное на рабском труде, направлялось волею рабовладельца, "план" которого, опять-таки, непосредственно определялся законами природы и рутиной. То же можно сказать и о средневековом поместье, с его крепостными крестьянами. Экономические отношения во всех этих случаях были ясны и прозрачны в своей первобытной грубости. Иначе обстоит дело с современным обществом. Оно разрушило старые замкнутые связи и унаследованные приемы труда. Новые экономические отношения связали города и деревни, провинции и

нации. Разделение труда охватило всю планету. Разрушив традицию и рутину, эти связи сложились, однако, не по определенному плану, а помимо сознания и предвидения людей, как бы за их спиной. Взаимозависимость отдельных людей, групп, классов, наций, вытекающая из разделения труда, никем не направляется и не руководится. Люди работают друг на друга, не зная друг друга, не спрашивая друг друга о потребностях, в надежде, даже в уверенности, что их отношения урегулируются сами собою. И в основном они достигают, вернее, достигали своего.

Искать причины закономерностей капиталистического общества в субъективном сознании – в намерениях и планах – его членов совершенно невозможно. Объективные закономерности капитализма сложились прежде, чем наука стала серьезно задумываться над ними. Подавляющее большинство людей не имеет и сегодня понятия о законах, управляющих капиталистическим хозяйством. Вся сила метода Маркса состоит в том, что он подошел к экономическим явлениям не под субъективным углом зрения отдельных лиц, а под объективным углом зрения развития общества, как целого, подобно тому, как естествоиспытатель подходит к улью или к муравейнику.

Решающее значение для экономической науки имеет то, что и как люди делают, а не то, что они сами думают о своих действиях. В основе общества лежат не религия и мораль, а природа и труд. Метод Маркса материалистичен, так как идет от бытия к сознанию, а не наоборот. Метод Маркса диалектичен, так как и природу, и общество рассматривает в их развитии, а развитие – в постоянной борьбе противоречивых сил.

Марксизм и официальная наука

Маркс имел предшественников. Классическая политическая экономия (Адам Смит³¹⁴, Давид Рикардо³¹⁵) достигла расцвета в тот период, когда капитализм еще не успел состариться и не боялся завтрашнего дня. Маркс отдавал обоим великим классикам дань глубокого признания. Однако основная ошибка классической экономики состояла в том, что она видела в капитализме нормальное состояние человечества, а не исторический этап в развитии общества. Маркс начал с критики этой политической экономики, вскрыл ее ошибки, как и противоречия самого капитализма, и показал неизбежность его крушения. Роза Люксембург очень метко сказала, что экономическое учение Маркса есть дитя классической экономики, но такое дитя, рождение которого стоило матери жизни.

Наука развивается не в герметически замкнутом кабинете ученого, а в живом обществе. Все интересы и страсти, раздирающие общество, влияют на развитие науки, особенно политической экономики, науки о богатстве и бедности. Борьба рабочих против капиталистов заставила теоретиков буржуазии повернуться спиной к научному анализу системы эксплуатации и заняться голым описанием экономических фактов, изучением экономического прошлого и, что неизмеримо хуже, прямой фальсификацией действительности с целью оправдания капиталистического режима. Экономическая доктрина, которая преподается ныне в официальных учебных заведениях и проповедуется в буржуазной прессе, дает немало важного фактического материала, но совершенно неспособна и не хочет охватить экономический процесс в целом, чтобы раскрыть его законы и перспективы. Официальная политическая экономия мертва. Действительное познание капиталистического общества можно получить только через "Капитал" Маркса.

Закон трудовой стоимости

Основной связью людей в современном обществе является обмен. Всякий продукт труда, вступающий в процесс обмена, становится товаром. Маркс начинает исследование с товара, чтоб из этой основной клеточки капиталистического общества вывести те общественные отношения, которые объективно сложились на основе обмена независимо от воли людей. Только на этом пути и возможно разрешить основную загадку: каким образом в капиталистическом обществе, где каждый думает за себя и никто за всех, удается достигнуть необходимых для жизни пропорций между разными отраслями хозяйства.

Рабочий продает свою силу, фермер вывозит свои продукты на рынок, ростовщик или банкир дает займы, лавочник подбирает ассортимент товаров, промышленник строит завод, спекулянт покупает и продает ценные бумаги, – у

каждого свои соображения, свой частный план, своя забота о зарплате или барыше. Тем не менее из этого хаоса индивидуальных стремлений и действий складывается некоторое хозяйственное целое, правда, негармоничное, противоречивое, однако дающее возможность обществу не только существовать, но и развиваться. Это означает, что хаос не есть все же хаос, что он как-то регулируется, если не сознательно, то автоматически. Понять механизм, при помощи которого разные стороны хозяйства приводятся в относительное равновесие, значит вскрыть объективные законы капитализма.

Разумеется, те законы, которые управляют различными сферами капиталистического хозяйства, — заработной платой, ценой, земельной рентой, прибылью, процентом, кредитом, биржей, — очень многочисленны и сложны. Но в последнем счете они сводятся к одному закону, который Марксом вскрыт и прослежен до конца: это закон трудовой стоимости, который и является основным регулятором капиталистического хозяйства. Сущность этого закона проста. Общество располагает известным резервуаром живой рабочей силы. Приложенная к природе, эта сила создает продукты, необходимые для удовлетворения человеческих потребностей. Вследствие разделения труда между самостоятельными производителями продукты принимают форму товаров. Товары обмениваются друг на друга в известной пропорции, сперва непосредственно, затем через посредство золота или денег. Основное свойство товаров, которое делает их в известном отношении равными друг другу, есть затраченный на них человеческий труд — абстрактный труд, труд вообще — основа и мерило стоимости. Если разделение труда между миллионами разобщенных производителей не приводит к распаду общества, то потому, что товары обмениваются в соответствии с затраченным на них общественно необходимым рабочим временем. Принимая и отвергая товары, рынок, как арена обмена, решает, заключается ли в них общественно необходимый труд или нет и устанавливает, таким образом, необходимую обществу пропорцию товаров разного рода, а, следовательно, и распределение рабочей силы по разным профессиям.

Действительные процессы рынка неизмеримо сложнее, чем показано выше в немногих строках. Так, опираясь на трудовую стоимость, цены значительно уклоняются от нее, как вверх, так и вниз. Причины этих уклонений разъяснены Марксом полностью в третьем томе, который характеризует "процесс капиталистического производства, взятый в целом". Однако как ни велики в индивидуальных случаях расхождения цен и стоимостей товаров, сумма всех цен равняется сумме всех стоимостей, ибо в конце концов в распоряжении общества имеются только те стоимости, которые созданы человеческим трудом, и цены не могут выскочить из этого ограничения, в том числе и монопольные цены трестов: где труд не создал новой стоимости, там и Рокфеллер³¹⁶ ничего не возьмет.

Неравенство и эксплуатация

Но если товары обмениваются друг на друга по количеству вложенного в них труда, то каким образом из равенства получается неравенство? Маркс разрешил эту загадку, вскрыв особое свойство одного из товаров, который лежит в основе всех других товаров, именно рабочей силы. Владелец средств производства, капиталист, покупает рабочую силу. Как и все другие товары, она оценивается по количеству вложенного в нее труда, т. е. тех средств потребления, которые необходимы для существования и размножения рабочего. Но потребление этого товара — рабочей силы — состоит в работе, т. е. создании новых стоимостей. Количество этих стоимостей выше тех, которые рабочий сам получает и которые он расходует для своего содержания. Капиталист покупает рабочую силу, чтобы эксплуатировать ее. Эта эксплуатация и является источником неравенства.

Ту часть продукта, которая служит для покрытия издержек самого рабочего, Маркс называет необходимым продуктом; ту часть, которую рабочий вырабатывает сверх этого, — прибавочным продуктом. Прибавочный продукт вырабатывал уже раб, иначе рабовладельцу незачем было бы содержать рабов. Прибавочный продукт вырабатывал крепостной, иначе крепостное право не имело бы смысла для помещиков. Прибавочный продукт, но в гораздо большем объеме, вырабатывает наемный рабочий, иначе капиталисту незачем было бы покупать рабочую силу. Классовая борьба и есть не что иное, как борьба за прибавочный продукт. Кто владеет прибавочным продуктом, тот хозяин положения, тот владеет богатством, тот владеет государством, у того ключ к церкви, к суду,

к науке и к искусству.

Конкуренция и монополия

Отношения между капиталистами, эксплуатирующими рабочих, определяются конкуренцией, которая надолго становится основной пружиной капиталистического прогресса. Крупные предприятия имеют над мелкими технические, финансовые, организационные, экономические и не в последнем счете политические преимущества. Большой капитал, способный эксплуатировать большее число рабочих, выходит неизбежно победителем из борьбы. Такова непреложная основа процесса концентрации и централизации капиталов.

Толкая вперед развитие техники, конкуренция постепенно пожирает не только промежуточные слои, но и себя самое. Над трупами и полутрупами мелких и средних капиталистов поднимается все меньшее число все более могущественных капиталистических владык. Так из "честной", "демократической", "прогрессивной" конкуренции неотвратно вырастает "вредная", "паразитическая", "реакционная" монополия. Ее господство стало обнаруживаться с 80-х годов прошлого столетия и окончательно сложилось на переломе двух веков, прошлого и нынешнего. Сейчас победу монополии вынуждены открыто признавать даже наиболее официальные представители буржуазного общества. Конкуренция, как ограничивающее влияние, жалуется бывший генеральный прокурор Соединенных Штатов г. Каммингс³¹⁷, постепенно оказалась вытесненной, и на широком поле остается только "как призрачное воспоминание о когда-то существовавших условиях". Между тем в то время, когда Маркс в порядке прогноза, впервые вывел монополию из внутренних тенденций капитализма, конкуренция считалась в буржуазном мире вечным законом природы.

Вытеснение конкуренции монополией означает начало загнивания капиталистического общества. Конкуренция была творческой пружиной капитализма и историческим оправданием капиталиста. Устранение конкуренции означает тем самым превращение собственников-акционеров в социальных паразитов. Конкуренция требовала известных свобод, либеральной атмосферы, режима демократии, торгового космополитизма. Монополия нуждается в возможно более авторитарной власти, в таможенных стенах, в "своих собственных" источниках сырья и аренах сбыта (колониях). Последним словом загнивания монополистического капитала является фашизм.

Концентрация богатств и рост классовых противоречий

Капиталисты и их адвокаты всячески стремятся скрыть подлинные размеры концентрации богатств от глаз народа, как и от глаз налоговой инспекции. Вопреки очевидности буржуазная пресса все еще пытается поддержать иллюзию "демократического" распределения капиталов. Самостоятельных предпринимателей, пользующихся наемной рабочей силой, в Соединенных Штатах, - возражает марксистам "New York Times", - от 3 до 5 миллионов. Акционерные компании представляют, правда, - нельзя не согласиться, - более концентрированный капитал, чем три-пять миллионов самостоятельных предпринимателей, но все же в Соединенных Штатах имеется "полмиллиона акционерных компаний". Подобного рода игра с огульными или со средними цифрами служит не для выяснения, а для сокрытия того, что есть.

С начала войны до 1923 г. число заводов и фабрик упало в С[оединенных] Ш[татах] со 100 до 98,7%, тогда как масса промышленной продукции возросла со 100 до 156,3%. В годы бурного подъема (1923-1929), когда, казалось, обогащались "все", число предприятий упало со 100 до 93,8%; продукция же возросла со 100 до 113%. Однако концентрация предприятий, связанных своими тяжеловесными материальными телами, далеко отстает от концентрации их душ, т. е. собственности. В 1929 г. в Соединенных Штатах действительно было свыше 300 тысяч нефинансовых акционерных компаний, - в этом "New York Times" права; нужно лишь прибавить, что 200 из них, т. е. 0,07% общего числа, контролировали непосредственно 49,2% актива всех акционерных обществ; четырем годами позже этот % поднялся уже до 56, а за годы администрации Рузвельта - несомненно, еще выше. Внутри 200 руководящих акционерных обществ действительное господство принадлежит опять-таки небольшому меньшинству. Сенатский комитет установил в феврале 1937 г., что решения двенадцати самых больших компаний являются за последние 20 лет директивами для большей части американской промышленности. Директоров этих компаний приблизительно столько же, сколько членов правительства в Вашингтоне; но директора неизмеримо

могущественнее!

Те же процессы наблюдаются в банковской и страховой системе. Пять крупнейших страховых обществ в Соединенных Штатах пожирают не только остальные общества, но и многие банки. Общее число банков сокращается, главным образом, в форме так называемых "слияний", по существу поглощений. Размер оборотов быстро возрастает. Над банками поднимается олигархия сверхбанков. Банковский капитал срастается с промышленным капиталом в финансовый сверхкапитал. Если допустить, что концентрация промышленности и банков пойдет и дальше тем же темпом, как за последнюю четверть столетия, - на самом деле темп концентрации возрастает, - то в течение ближайшей четверти столетия монополисты захватят в свои руки хозяйство страны полностью и без остатка.

Мы пользуемся статистикой Соединенных Штатов только потому, что она точнее и ярче. По существу, процесс концентрации имеет интернациональный характер. Через различные этапы капитализма, через фазы конъюнктурных циклов, через все политические режимы, через мирные периоды, как и через периоды вооруженных столкновений, шел и идет безостановочно процесс сосредоточения все больших богатств во все меньшем числе рук. В годы великой войны, когда народы истекали кровью, когда государства самой буржуазии оказались раздавлены под тяжестью долговых обязательств; когда денежные системы валились в бездну, увлекая за собою средние классы, - монополисты чеканили из крови и грязи неслыханные барыши. Наиболее могущественные компании Соединенных Штатов увеличили за годы войны свои активы в два, три, четыре и более раз и повысили свои дивиденды на 300, 400, 900 и более процентов.

В 1840 г., за восемь лет до опубликования Марксом и Энгельсом "Манифеста коммунистической партии", известный французский писатель Алексис Токвиль³¹⁸ писал в своей книге об американской демократии: "Великие богатства исчезают, число малых состояний возрастает". Эта мысль повторялась много раз, сперва в отношении Соединенных Штатов, затем в отношении других молодых демократий, Австралии и Новой Зеландии. Взгляд Токвиля был, разумеется, ошибочным уже и для того времени. Но настоящая концентрация богатств началась после американской гражданской войны, накануне которой Токвиль умер. В начале нынешнего столетия 2% населения Соединенных Штатов владели уже более, чем 1/2 всего богатства страны; в 1929 г. те же 2% владели 3/5 национального богатства. На долю 36.000 богатых семейств приходилось при этом столько же дохода, сколько на долю 11 миллионов средних и бедных семейств. Во время кризиса 1929-1933 годов монополистским предприятиям не пришлось прибегать к общественной благотворительности; наоборот, они еще выше поднялись над общим упадком национального хозяйства. Во время последовавшего затем рахитического промышленного подъема на дрожжах "Нью Дил" монополисты опять-таки снимали жирные сливки. Число безработных уменьшилось в лучшем случае с 20 миллионов до 10; в то же время верхушка капиталистического общества - не более 6.000 взрослых - пожинала фантастические дивиденды: так с цифрами в руках показал Роберт Джексон³¹⁹, первый помощник генерального прокурора.

Ф.Лундберг³²⁰, при всей своей научной добросовестности, достаточно консервативный экономист, пишет в своей на шумевшей книге: "Соединенные Штаты находятся в настоящее время во владении и под господством иерархии из 60 богатейших семейств, подpiraемых не более, чем 90 семействами меньшего богатства". К ним можно прибавить еще третий ярус, в виде примерно 350 семейств с доходом свыше 100 тысяч долларов в год. Господствующее положение в этой среде принадлежит первой группе в 60 семейств, которая подчиняет себе не только рынок, но и все рычаги государства. Она составляет подлинное правительство, "правительство денег в демократии доллара".

Так абстрактное понятие "монополистский капитал" наливается для нас плотью и кровью: оно означает распоряжение экономическими и политическими судьбами великого народа со стороны небольшого числа семейств, связанных узами родства и свойства в замкнутую капиталистическую олигархию. Нельзя не признать, что марксов закон концентрации поработал на славу!

Не устарело ли учение Маркса?

Вопросы о конкуренции, концентрации богатств и монополии естественно вызывают вопрос о том, представляет ли в наши дни экономическая теория

Маркса только исторический интерес, как, например, теория Адама Смита, или же продолжает сохранять актуальное значение. Критерий для ответа на этот вопрос прост: если теория правильно оценивает ход развития и предвидит будущее лучше других теорий, то она остается самой передовой теорией нашего времени, хотя бы ей отроду было уже несколько десятилетий.

Известный немецкий экономист Вернер Зомбарт³²¹ выступал в начале своей карьеры как почти марксист; подверг затем ревизии все революционные, наиболее неприятные для буржуазии стороны учения Маркса, а к концу своей карьеры, в 1928 г., противопоставил "Капиталу" свой "Капитализм", переведенный на многие языки и являющийся, пожалуй, наиболее популярным произведением буржуазной экономической апологетики новейшей эпохи. Отдавая дань платонического признания учению автора "Капитала", Зомбарт пишет в то же время: "Карл Маркс предсказывал: во-первых, возрастающую нищету наемных рабочих; во-вторых, всеобщую "концентрацию" с исчезновением класса ремесленников и крестьян; в-третьих, катастрофическое крушение капитализма. Ничто из всего этого не наступило".

Ошибочному прогнозу Маркса Зомбарт противопоставляет свой "строго научный" прогноз. "Капитализм будет, - по его словам, - преобразовываться внутренне в том же направлении, в каком он уже начал преобразовываться во время своего апогея: старея, он будет становиться все более спокойным, степенным, разумным". Попробуем хоть в самых основных чертах проверить, кто прав: Маркс ли с его катастрофическим прогнозом или Зомбарт, который от имени всей буржуазной экономики обещает, что дела устроятся "спокойно, степенно и разумно". Читатель согласится, что вопрос достоин внимания.

"Теория обнищания"

"Накопление богатства на одном полюсе, - писал Маркс за 60 лет до Зомбарта, - есть в то же время накопления нищеты, муки труда, рабства, невежества, одичания и моральной деградации на противоположном полюсе, т. е. на стороне класса, который производит свой собственный продукт, как капитал". Этот тезис Маркса под именем "теории обнищания" подвергался постоянным атакам со стороны демократических и социал-демократических реформистов, особенно в период 1896-1914 гг., когда капитализм быстро развивался и делал известные уступки рабочим, особенно их верхнему слою. После мировой войны, когда напуганная собственными преступлениями и Октябрьской революцией буржуазия встала на путь рекламных социальных реформ, значение которых тут же сводилось на нет инфляцией и безработицей, прогрессивное преобразование капиталистического общества казалось реформистам и буржуазным профессорам полностью обеспеченным. "Покупательная сила наемного труда, - уверял в 1923 г. Зомбарт, - выросла в прямом отношении к расширению капиталистического производства".

На самом деле экономическое противоречие между пролетариатом и буржуазией обострялось в самые благополучные периоды капиталистического развития, когда повышение жизненного уровня известных, иногда широких слоев трудящихся маскировало для поверхностных глаз уменьшение доли пролетариата в национальном доходе. Так, прежде чем впасть в проstration, промышленная продукция Соединенных Штатов выросла с 1920 г. до 1930 г. на 50%, тогда как сумма, выплаченная в заработной плате, поднялась только на 30%, что означало, вопреки утверждению Зомбарта, огромное снижение доли труда в национальном доходе. С 1930 г. начинается грозный рост безработицы, а с 1933 г. - более или менее систематическая помощь безработным, которые в виде пособий получают вряд ли больше половины того, что теряют в виде заработной платы. От иллюзии непрерывного "прогресса" всех классов не осталось и следа. Относительное снижение уровня жизни масс сменилось абсолютным снижением. Рабочие экономят на скудных развлечениях, затем на одежде, наконец, на пище. Изделия и продукты среднего качества заменяются плохими; плохие - худшими. Профессиональные союзы похожи на человека, который пытается держаться на быстро спускающемся эскалаторе.

При населении, составляющем 6% человечества, Соединенные Штаты сосредотачивают в своих руках 40% богатства всего мира. Однако треть населения, по признанию самого Рузвельта, недостаточно ест, плохо одевается и живет в недостойных условиях. Что же говорить о менее привилегированных странах? История капиталистического мира со времени последней войны дала неопровержимое подтверждение так называемой "теории

обнищания". Рост социальной полярности общества признается ныне не только каждым компетентным статистиком, но даже и теми государственными людьми, которые знают правила арифметики.

Фашистский режим, который лишь доводит до крайнего выражения черты упадка и реакции, свойственные империалистическому капитализму вообще, сделался необходимым именно потому, что загнивание капитализма отняло возможность поддерживать иллюзии относительно повышения жизненного уровня пролетариата. Фашистская диктатура означает открытое признание тенденции обнищания, которую все еще пытаются замаскировать более богатые империалистические демократии. Муссолини и Гитлер с такой ненавистью преследуют марксизм именно потому, что их собственный режим является наиболее зловещим подтверждением марковского прогноза. Цивилизованный мир негодовал или притворялся негодующим, когда Геринг со свойственным ему тоном палача и буффона объявил, что пушки важнее масла, или когда Калиостро³²²-Казанова³²³-Муссолини рекомендовал рабочим Италии приучиться потуже стягивать пояса на черных рубашках³²⁴. Но разве не то же, по существу, происходит в империалистических демократиях? Масло везде уходит на смазку пушек. Рабочие Франции, Англии, Соединенных Штатов научились стягивать пояса и без черных рубашек. В богатейшей стране мира миллионы рабочих превращены в пауперов, живущих на счет государственной, муниципальной или частной благотворительности.

Резервная армия и новый подкласс безработных

Резервная армия составляет необходимую составную часть социальной механики капитализма, как запас машин и сырых материалов на складах заводов или готовых продуктов в магазинах. Без резерва рабочей силы было бы невозможно ни общее расширение производства, ни приспособление капитала к периодическим приливам и отливам промышленного цикла. Из общей тенденции капиталистического развития: возрастания постоянного капитала (машины и сырье) за счет переменного капитала (рабочей силы) Маркс делает вывод: "Чем больше общественное богатство..., тем больше относительное перенаселение, или промышленная резервная армия..., тем обширнее постоянное перенаселение..., тем больше официальный, признанный властями пауперизм. Это - абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления".

Этот тезис, неразрывно связанный с "теорией обнищания" и в течение десятилетий объявлявшийся "преувеличенным", "тенденциозным" и "демагогическим", стал теоретически безупречным отриском действительности. Нынешнюю армию безработных нельзя уже назвать "резервной" армией, потому что в основной своей массе она не может больше надеяться вернуться к труду, наоборот, должна пополняться все новыми и новыми безработными. Загнивающий капитализм взрастил целое поколение юношества, которое никогда не знало работы и не имеет надежды получить ее. Этот новый подкласс, расположенный между пролетарием и полупролетарием, вынужден жить за счет общества. Подсчитано, что в течение девяти лет (1930-1938) безработица вырвала из хозяйства Соединенных Штатов свыше 43 миллионов рабочих человеко/лет. Если учесть, что в 1929 г., на вершине подъема, в Соединенных Штатах было 2 миллиона безработных, и что за 9 лет число потенциальных рабочих возросло на 5 миллионов, то общее число потерянных человеко/лет надо считать несравненно выше. Социальный режим, пораженный такой язвой, есть смертельно больной режим. Правильный диагноз болезни был установлен уже свыше семидесяти лет тому назад, когда сама болезнь была еще в зародыше.

Упадок промежуточных классов

Цифры, иллюстрирующие концентрацию капитала, тем самым показывают, что удельный вес мелкой буржуазии в производстве и ее доля в национальном доходе непрерывно падали, мелкая собственность либо полностью поглощалась крупной либо деградировала и лишалась всякой самостоятельности, становясь простым атрибутом непосильного труда и безвыходной нужды. Правда, одновременно развитие капитализма чрезвычайно увеличило рост армии техников, администраторов, торговых служащих, адвокатов, врачей, словом, так называемого "нового среднего сословия". Однако этот слой, рост которого не составлял уже тайны для Маркса, имеет мало общего со старой мелкой буржуазией, которая владела собственными средствами производства как подлинным залогом экономической независимости. "Новое среднее сословие"

более непосредственно зависит от капитала, чем рабочие, погонщиком которых оно в значительной мере является. К тому же в его среде тоже наблюдается ныне чрезвычайное перепроизводство, влекущее за собой социальную деградацию.

"Надежная статистическая информация, – говорит столь далекое от марксизма лицо, как уже цитированный бывший генеральный прокурор Каммингс, – обнаруживает, что широкое число промышленных единиц совершенно исчезли и что здесь происходило прогрессивное устранение мелкого делового чиновника как фактора в американской жизни". Однако же, возражают Зомбарт и многие другие до него и после него, "всеобщая концентрация с исчезновением класса ремесленников и крестьян", вопреки Марксу, до сих пор не наступила. Трудно сказать, что перевешивает в этом доводе: легкомыслие или недобросовестность. Как всякий теоретик, Маркс начинал с выделения основных тенденций в их чистом виде: иначе вообще нельзя было бы понять судьбу капиталистического общества. Сам Маркс умел, однако, при конкретном анализе рассматривать живые явления, как результат комбинации разных исторических факторов. Законы Ньютона³²⁵ не опровергаются тем, что скорости падения тел различны в разной среде, или что орбиты планет подвергаются возмущениям.

Чтобы понять так называемую "живучесть" мелкой буржуазии, нужно учесть то обстоятельство, что две тенденции: разорение промежуточных слоев и превращение разоряемых в пролетариев, развиваются неодинаковым темпом и не в одинаковых масштабах. Из возрастающего перевеса машины над рабочей силой вытекает, что процесс разорения мелкой буржуазии должен чем дальше, тем больше опережать процесс пролетаризации; на известном уровне этот последний должен вовсе приостановиться и даже получить задний ход.

Как действие законов физиологии дает разные результаты в развивающемся и в дряхлеющем организме, так и законы марксовой экономики проявляются по-разному в расцветающем и загнивающем капитализме. Особенно ярко это различие обнаруживается на взаимоотношении города и деревни³²⁶. Земледельческое население Соединенных Штатов, убывая по отношению ко всему населению, продолжало в абсолютных цифрах возрастать до 1910 г., когда оно составляло свыше 32 миллионов. В течение следующих 20 лет оно, несмотря на быстрый рост населения страны, падает до 30,4 миллионов, т. е. почти на 1,6 миллиона. Но в 1935 г. оно снова поднимается до 32,8 миллионов, возрастая по сравнению с 1930 г. на 2,4 миллиона. Этот неожиданный на первый взгляд поворот колеса ни в малейшей степени не опровергает, однако, ни тенденции роста городского населения за счет сельского, ни тенденции размывания промежуточных классов, зато тем ярче характеризует загнивание капиталистической системы в целом. Рост сельского населения в период острого кризиса 1930–1935 гг.³²⁷ объясняется попросту тем, что почти 2 миллиона человек городского населения, точнее говоря, голодающих безработных, переселились в деревню, на покинутые фермерами участки или на фермы своих родственников и близких, чтобы посвятить свою отвергнутую обществом рабочую силу продовольственному натуральному хозяйству и влачить полуголодное существование вместо голодного.

Дело идет, таким образом, не о жизнестойкости, не об устойчивости мелких фермеров, ремесленников, торговцев, а об абсолютной безвыходности их положения. Мелкая буржуазия представляет не залог будущего, а несчастный и печальный пережиток прошлого. Оказавшись неспособен ликвидировать ее до конца, капитализм оказался способен довести ее до последней степени унижения и бедствий. Фермер отказывается не только от ренты на свой участок земли и от прибыли на вложенный им капитал, но и от доброй доли своей заработной платы. Равным образом и мелкий люд городов влачит существование между экономической жизнью и смертью. Мелкая буржуазия не пролетаризируется только потому, что она пауперизируется. В этом так же трудно открыть довод за капитализм, как и против Маркса.

Промышленные кризисы

Конец прошлого и начало нынешнего столетия отличались столь бурным развитием капитализма, что циклические кризисы казались только "случайными" заминками. В годы почти всеобщего капиталистического оптимизма критики Маркса заверяли, что национальное и интернациональное развитие трестов, синдикатов и концернов несет с собой планомерный контроль над рынком и предвещает полную победу над кризисами. По словам Зомбарта, кризисы уже до войны были "устранены" механикой самого капитализма, так что "проблема

кризисов оставляет нас сегодня почти индифферентными". Сейчас, всего через 10 лет, эти слова звучат, как неуместное издевательство, тогда как старый прогноз Маркса лишь в наши дни обнаруживает всю свою трагическую убедительность. В организме с отравленной кровью каждая эпизодическая болезнь имеет тенденцию принимать хронический характер; так, особенно тяжелую форму принимают кризисы в загнивающем организме монополистического капитала.

Замечательно, что капиталистическая пресса, пытающаяся полуотрицать существование монополий, пользуется, с другой стороны, этими монополиями для полуотрицания капиталистической анархии. Если 60 семейств контролируют экономическую жизнь Соединенных Штатов, – иронически пишет "Нью-Йорк Таймс", – значит эта жизнь развивается по плану, а не хаотически. Довод бьет мимо цели. Ни одной из своих тенденций капитализм не способен довести до конца. Как концентрация богатств не упраздняет мелкой буржуазии, так монополия не ликвидирует конкуренции, а лишь наваливается на нее сверху и уродует ее. "План" каждого из 60 семейств, как и отдельные комбинации этих планов, преследует вовсе не согласование разных отраслей хозяйства между собой, а лишь повышение прибыли данной монополистской клики за счет других клик и за счет всего народа. Пересечение таких планов в конце концов только углубляет анархию народного хозяйства. Монополистская диктатура и хаос не исключают, а дополняют и питают друг друга.

Кризис 1929 г. разразился в Соединенных Штатах через год после того, как Зомбарт заявил о полной индифферентности его "науки" к самой проблеме кризисов. С высот подъема, которого не видел мир, хозяйство Соединенных Штатов свергло в бездну чудовищной прострации. В дни Маркса никто еще не мог представить себе конвульсий такого размаха! Национальный доход Соединенных Штатов впервые поднялся в 1920 г. до 69 миллиардов 328, чтобы уже в следующем году упасть до 50 миллиардов, т. е. на 27%. В результате преуспевания ближайших лет национальный доход поднялся в 1929 г. до высшей своей точки, 81 миллиарда, чтобы в 1932 г. упасть до 40 миллиардов, т. е. более чем вдвое! В течение 9 лет, 1930–1938 гг., потеряно около 43 миллионов человеко/лет труда и 133 миллиарда долларов национального дохода, если считать нормами труд и доход 1929 г., когда было "всего" 2 миллиона безработных. Если все это не анархия, то что же может означать это слово вообще?

"Теория крушения"

Успехи капитализма со времени смерти Маркса до мировой войны почти полностью подчинили себе умы и сердца буржуазной интеллигенции и рабочей бюрократии. Идея постепенного прогресса ("эволюции") казалась раз навсегда обеспеченной; идея революции представлялась простым пережитком варварства. Прогнозу Маркса о возрастающей концентрации капитала, об обострении классовых противоречий, об углублении кризисов и о катастрофическом крушении капитализма противопоставлялись не частичные поправки и уточнения, а качественно противоположный прогноз: о более равномерном распределении национального дохода, о смягчении классовых противоречий и о постепенном реформировании капиталистического общества. Жан Жорес, самый выдающийся из демократических социалистов классической эпохи, надеялся постепенно заполнить политическую демократию социальным содержанием. В этом состояло существо реформизма. Таков был альтернативный прогноз. Что осталось от него?

Жизнь монополистического капитализма нашей эпохи есть цепь кризисов. Каждый кризис есть катастрофа. Необходимость спастись от этих частичных катастроф при помощи таможенных стен, инфляции, повышения государственных расходов и долгов подготавливает новые, более глубокие и универсальные кризисы. Борьба за рынки, за сырье, за колонии делает неизбежными военные катастрофы. Все вместе готовит революционные катастрофы. Поистине нелегко согласиться с Зомбартом, что стареющий капитализм становится все более "спокойным, степенным и разумным". Скорее уж можно сказать, что он теряет последние остатки рассудка. Во всяком случае, неоспоримо, что "теория крушения" одержала победу над теорией мирного развития.

Загнивание капитализма

Как ни дорого обходился обществу контроль рынка через частные и общие кризисы, человечество до известного этапа, примерно до мировой войны, росло,

развивалось и богатело. Частная собственность на средства производства оставалась в ту эпоху относительно прогрессивным фактором. Ныне слепой контроль закона ценности отказывается служить. Развитие человечества уперлось в тупик. Несмотря на новейшие завоевания технической мысли, материальные производительные силы не растут. Самым ярким и безошибочным признаком упадка является мировой застой в строительной промышленности, как результат приостановки новых вложений в основные отрасли хозяйства. Капиталисты разучились попросту верить в будущее собственной системы. Стимулирование строительства со стороны государства означает повышение налогов и сужение "несвязанного" национального дохода, тем более, что главная часть новых государственных сооружений непосредственно служит военным целям.

Маразм принял особенно болезненный и унижительный характер в наиболее древней, наиболее связанной с основными потребностями человека области, именно в сельском хозяйстве. Не довольствуясь теми препятствиями, какие частная собственность в ее наиболее реакционной форме, именно мелкая земельная собственность, ставит развитию земледелия, капиталистические правительства видят себя нередко призванными искусственно ограничивать производство при помощи законодательных и административных мер, перед которыми остановилось бы в испуге цеховое ремесло эпохи упадка. В историю будет записано, что правительство самой могущественной капиталистической страны выдавало фермерам премии за сокращение пашни, т. е. за искусственное уменьшение и без того падающего национального дохода³²⁹. Результаты были налицо: при грандиозных производственных возможностях, обеспеченных опытом и наукой, сельское хозяйство не выходит из гнилостного кризиса, а число голодных, подавляющее большинство человечества, продолжает расти быстрее, чем население нашей планеты. Защиту строя, который дошел до такого разрушительного безумия, господа консерваторы считают разумной политикой; социалистическую борьбу против этого безумия они объявляют разрушительным утопизмом.

Фашизм и "Нью Дил"

Два метода спасения империализма борются ныне на мировой арене: фашизм и "Нью Дил", во всех их разновидностях. Фашизм основывает свою программу на разгроме рабочих организаций, на уничтожении социальных реформ и на полной ликвидации демократических прав во избежание возрождения классовой борьбы пролетариата. Фашистское государство официально узаконивает деградацию рабочих и пауперизацию мелкой буржуазии во имя спасения "нации" и "расы": под этим высокомерным именем фигурирует загнивающий капитализм.

Политика "Нью Дил", пытающаяся путем подачек рабочей и фермерской аристократии спасти империалистскую демократию, доступна в широком объеме только очень богатым нациям и в этом смысле является американской политикой *par excellence*³³⁰. Часть расходов этой политики правительство пыталось переложить на монополистов, убеждая их поднять заработную плату и сократить рабочий день, чтоб таким путем повысить покупательную силу населения и расширить производство. Леон Блюм пробовал переводить ту же проповедь на французский язык низшей школы. Тщетно! Французский капиталист, как и американский, производит не для производства, а для прибыли. Он всегда готов сократить производство, даже уничтожить готовые продукты, если при этом повысится его собственная доля в национальном доходе.

Программа "Нью Дил" тем более противоречива, что, читая проповеди магнатам капитала о преимуществах обилия над скудостью, правительство выдает премии за сокращение производства. Нельзя больше запутаться! Своим критикам правительство отвечает вызовом: попробуйте сделать лучше. Но это значит лишь, что на основах капитализма положение безвыходно.

Начиная с 1933 г., т. е. в течение последних шести лет, федеральное правительство, штаты и муниципалитеты³³¹ выдали безработным около 15 миллиардов долларов пособий: сумма, совершенно недостаточная сама по себе и представляющая лишь меньшую половину потерянной заработной платы, но в то же время колоссальная при падающем национальном доходе. В течение 1938 г., который был годом относительного экономического оживления, государственный долг Соединенных Штатов повысился на 12 миллиардов и перевалил за 38 миллиардов долларов, на 12 миллиардов выше наиболее высокой точки к началу войны. А дальше? Нельзя жить без конца за счет прошлых поколений. Политика

"Нью Дил", с ее фиктивными достижениями и реальным ростом государственного долга ведет неизбежно к бешеной капиталистической реакции и грандиозному взрыву империализма. Она направляется, иначе сказать, в те же каналы, по которым протекает политика фашизма.

Знахарство

Среди капиталистов и их идеологов царит величайшая растерянность. Многие из них, правда, метко критикуют политику фашизма, как и политику "Нью Дил". Но – в этом Вашингтон, как и Берлин, прав – никто ничего не способен предложить взамен. Кризис капиталистической системы выражается, в частности, в том, что крайне трезвые и деловые в своей сфере люди, переходя в область общих вопросов, становятся фантастическими знахарями.

Деньги должны играть подчиненную роль, содействуя "перемещению" благ – поучает Генри Форд; между тем они командуют хозяйством и тормозят его: "Хвост виляет собакой"; "Пора нашим финансовым инженерам создать лучшую модель". Автомобильный король не понимает, что деньги сосредоточиваются у него самого. Пугаясь собственного отражения, Форд требует, чтоб инженеры изготовили ему другое, более приветливое финансовое зеркало. Курьез состоит в том, что в поисках чудодейственных денег американский магнат ощупью возвращается к идеям французского мелкобуржуазного социалиста Прудона, которого Маркс подверг уничтожающей критике тогда, когда Генри Форд еще не успел родиться.

Пример Форда показывает, кстати сказать, что наживать деньги – это одно, а понимать их социальную функцию – совсем другое. Форд – не исключение. Относясь к Марксу с высокомерным пренебрежением, магнаты капитала остаются в области экономической теории невежественными знахарями. Увы, от них немногим отличаются и патентованные политики!

Аномалия или правило?

Г[осподин] Икес³³², секретарь внутренних дел в Вашингтоне, считает "одной из самых удивительных аномалий во всей истории" тот факт, что Америка, демократическая по форме, является аристократической по существу: "Америка – страна господства большинства, но контролируемая, по крайней мере, до 1933 г. (!), монополиями, которые, в свою очередь, контролируются ничтожным числом держателей акций". Диагноз поставлен правильно, за исключением намека на то, что с пришествием Рузвельта господство монополий прекратилось или ослабело. Но то, что Икес называет "одной из самых удивительных аномалий во всей истории", является на самом деле непререкаемой нормой капитализма. Владычество сильных над слабыми, немногих над многими, эксплуататоров над трудящимися представляют основной закон буржуазной демократии. Что отличает Соединенные Штаты от других стран – это лишь больший размах и большая обнаженность противоречий капитализма. Отсутствие феодального прошлого, богатая природа, энергичное и предприимчивое население, – словом, все те преимущества, которые предвещали непрерывное развитие демократии, обеспечили на самом деле фантастическую концентрацию богатств.

Обещая на этот раз довести борьбу до победы над монополиями, Икес неосторожно ссылался на Томаса Джефферсона, Эндрю Джексона, Авраама Линкольна, Теодора Рузвельта³³³ и Вудро Вильсона, как на предшественников Франклина Рузвельта. "Практически, – говорил он 30 декабря 1937 г., – все наши величайшие исторические фигуры знамениты именно своей настойчивой и мужественной борьбой, имевшей задачей предупредить и контролировать сверхконцентрацию богатств и власти в немногих руках". Из слов самого оратора вытекает, однако, что плодом "настойчивой и мужественной борьбы" явилось полное господство плутократии над демократией.

Икес считает почему-то, что на этот раз победа будет обеспечена, если народ поймет, что борьба идет "не между "Нью Дил" и средним просвещенным деловым человеком, но между "Нью Дил" и бурбонами 60-ти семейств³³⁴, которые подвели остальных деловых людей в Соединенных Штатах под террор своего господства". Авторитетный оратор не поясняет, каким образом удалось "бурбонам" подчинить себе всех просвещенных деловых людей, несмотря на демократию и противодействие "величайших исторических фигур". Рокфеллеры, Моргань³³⁵, Меллоны³³⁶, Вандербильты³³⁷, Гуггенхаймы³³⁸, Форды и К° не вторглись в Соединенные Штаты извне, как Кортес³³⁹ вторгся в Мексику: они

органически выросли из "народа", точнее из класса "просвещенных промышленников и торговцев" и стали в соответствии с прогнозом Маркса естественным увенчанием капитализма. Если молодая и крепкая демократия не приостановила в свое время концентрации богатств, когда процесс только еще начался, можно ли поверить хоть на минуту, что загнивающая демократия способна ослабить классовые антагонизмы, достигшие крайнего предела? Опыт "Нью Дил", во всяком случае, не дает повода для оптимизма. Опровергая обвинения крупных капиталистов против правительства, Роберт Джексон, высоко официальная правительственная фигура, показал с цифрами в руках, что в период Рузвельта прибыли магнатов капитала достигли такой высоты, о какой они разучились мечтать в последний период президентства Гувера, из чего вытекает, во всяком случае, что борьба Рузвельта против монополий увенчивается не большим успехом, чем борьба всех его предшественников.

Считая своим призванием охранять основы капитализма, реформаторы, естественно, оказываются бессильны обуздать его законы мерами экономической полиции. Им не остается ничего другого, кроме морализирования. Мистер Икес, подобно другим министрам и публицистам "Нью Дил", кончает тем, что призывает монополистов не забывать о совести и о принципах демократии. Чем это лучше молитв о даровании дождя? Взгляд Маркса на владельца средств производства гораздо научнее. "Как капиталист, - читаем в "Капитале", - он представляет собою лишь персонифицированный капитал. Его душа - душа капитала. Но у капитала одно-единственное жизненное стремление..., создавать прибавочную стоимость". Если бы поведение капиталиста определялось качествами его индивидуальной души или лирическими излияниями г[осподина] министра, невозможны были бы ни средние цены, ни средняя заработная плата, ни бухгалтерия, ни капиталистическое хозяйство в целом. Бухгалтерия, однако, благополучно существует и является ценным доводом в пользу материалистического понимания истории.

Судебное знахарство

"Если мы не уничтожим монополию, - говорил в ноябре 1937 г. уже знакомый нам бывший генеральный прокурор Каммингс, - монополия найдет способ уничтожить большую часть наших реформ и в конце концов понизит общий уровень нашей жизни". Приводя яркие цифры в доказательство того, что "тенденция недопустимой концентрации богатства и экономического контроля является несомненной", Каммингс оказался в то же время вынужден признать, что законодательная и судебная борьба с трестами до сих пор ни к чему не привела. "Трудно установить, - жаловался он, - преступное намерение, когда дело идет об экономическом результате". Вот именно! Хуже того: судебная борьба против трестов произвела "еще хуже запутанную путаницу". Этот счастливый плеоназм³⁴⁰ неплохо выражает бессилие демократической юстиции в борьбе с марксовым законом ценности. Нет основания думать, что г. Франк Морфи³⁴¹, преемник Гомера Каммингса, окажется счастливее в разрешении задачи, сама постановка которой свидетельствует о безнадежном знахарстве в сфере экономического мышления.

Вернуть вчерашний день

Нельзя не согласиться с профессором Льюисом Дугласом³⁴², бывшим директором бюджета при Рузвельте, когда он обвиняет правительство в том, что "нападая на монополию в одном поле, оно усиливает монополию во всех других областях". Да иначе, по самому существу дела, и быть не может. Правительство, по Марксу, есть исполнительный комитет господствующего класса. Монополисты представляют ныне сильнейшую часть господствующего класса. Правительство не может бороться против монополии вообще, т. е. против класса, волею которого оно правит. Нападая на один вид монополии, оно должно искать союзника в монополиях другого вида. В союзе с банками и легкой промышленностью оно может наносить эпизодические удары трестам тяжелой промышленности, которые, впрочем, не перестают от этого наживать фантастические барыши.

Сам г. Л. Дуглас официальному знахарству противопоставляет не науку, а лишь другой вид знахарства. Источник монополии он видит не в капитализме, а в протекционизме и в соответствии с этим спасение общества открывает не в ликвидации частной собственности на средства производства, а в снижении таможенных тарифов. "Если свобода рынков не будет восстановлена, -

предвещает он, – сомнительно, чтобы свобода всех учреждений – предприятий, слова, воспитания, религии – могла сохраниться". Другими словами: без восстановления свободы международного оборота демократия, где и поскольку она еще сохранилась, должна будет уступить место революционной или фашистской диктатуре. Но свобода международной торговли немыслима без свободы внутренней торговли, т. е. без конкуренции. А свобода конкуренции немыслима при господстве монополии. К сожалению, г. Дуглас, как и г. Икес, как и г. Джексон, как и г. Каммингс, как и сам г. Рузвельт, не потрудился сообщить нам свой рецепт против монополистского капитализма и тем самым против революции или тоталитарного режима.

Свобода торговли, как и свобода конкуренции, как и процветание мелкой буржуазии, есть невозвратимое прошлое. Вернуть вчерашний день есть сейчас единственная рецептура демократических реформаторов капитализма: дать больше "свободы" мелким и средним промышленникам и торговцам, изменить в их пользу денежную и кредитную системы, освободить рынок от командования трестов, устранить с биржи профессиональных спекулянтов, восстановить свободу международного оборота и т. д. без конца. Господа реформаторы мечтают даже о том, чтоб ограничить машинизм и наложить запрет на технику, которая нарушает социальное равновесие и причиняет много беспокойств. Выдающийся американский ученый сказал по этому поводу с горькой усмешкой, что, очевидно, благополучия можно достигнуть, лишь вернувшись к счастливой амебе или, по крайней мере, к довольной свинье.

Р.Милликен и марксизм

Однако сам этот ученый, г. Роберт Милликен³⁴³, тоже глядит, к сожалению, не вперед, а назад. Защищая науку, он говорил 7 декабря 1937 г.: "Статистика Соединенных Штатов показывает, что процент населения с оплачиваемым трудом систематически повышался в течение последних пятидесяти лет, когда наука наиболее быстро применялась". Эту защиту капитализма под видом защиты науки нельзя назвать счастливой. Именно в течение последнего полустолетия "порвалась связь времен"³⁴⁴, и взаимоотношение между экономикой и техникой резко переменялось. Период времени, названный Милликеном, включает как апогей капиталистического подъема, так и начало капиталистического упадка. Замалчивать начавшийся во всемирном масштабе упадок значит выступать апологетом капитализма. Отвергая мимоходом социализм при помощи доводов, которые не сделали бы чести и г. Форду, Милликен поучает, что никакая система распределения не может удовлетворить потребности человека без повышения объема производства. Бесспорно! Жаль, однако, что знаменитый физик не объяснил миллионам американских безработных, как им принять участие в повышении национального дохода. Абстрактная проповедь спасительности индивидуальной инициативы и высокой производительности труда во всяком случае не даст работы безработным, не заполнит бюджетного дефицита и не выведет хозяйство из тупика.

Что характеризует Маркса – это универсальность его гения, способность в разных областях понимать явления и процессы в их внутренней связи. Не будучи специалистом в естествознании, он одним из первых понимал значение великих открытий в этой области, например, теории дарвинизма. Это преимущество обеспечивала за Марксом не только сила его интеллекта, но и сила его метода. Естественники буржуазного образа мыслей думают, что они возвышаются над социализмом. Между тем, пример Р.Милликена снова показывает, что в области социологии они остаются безнадежными знахарями. Им надо учиться у Маркса научному мышлению.

Производственные возможности и частная собственность

В своем послании Конгрессу в начале 1937 г.³⁴⁵ президент Рузвельт выразил пожелание довести национальный доход до 90 или 100 миллиардов долларов, не указывая, однако, какими путями. Сама по себе эта программа крайне скромна. В 1929 г., когда насчитывалось почти 2 миллиона безработных, национальный доход достиг 81 миллиарда долларов. Чтобы осуществить и даже далеко превзойти программу Рузвельта, нужно было бы только привести полностью в движение наличные производительные силы. Машины, сырые материалы, рабочие, – все имеется налицо, не говоря уже о потребности населения в продуктах. Если тем не менее план остается невыполним, – а он невыполним, – то только потому, что капиталистическая собственность пришла в

полное противоречие с потребностями общества в расширении производства. Известное правительственное исследование "Национальный обзор возможной производственной способности" ("National survey of potential product scarcity")³⁴⁶ пришло к выводу, что стоимость продуктов и услуг, потребленных в 1929 г., составляла около 94 миллиардов долларов, считая по розничным ценам. Между тем, если бы использованы были все наличные производственные возможности, то эта стоимость поднялась бы до 135 миллиардов, что составило бы в среднем на каждую семью 4.370 долларов в год, - сумма, вполне достаточная для обеспечения достойной и удобной жизни. К этому нужно прибавить, что расчет "Национального обзора" исходит из наличной производственной организации Соединенных Штатов, как она сложилась в результате анархической истории капитализма. Если же переоборудовать само оборудование, исходя из единого социалистического плана, то производственные расчеты могли бы быть значительно превзойдены, и всему населению мог бы быть обеспечен уровень высокого жизненного комфорта при крайне коротком рабочем дне.

Для спасения общества не нужно, следовательно, ни приостанавливать развитие техники, ни закрывать заводы, ни премировать фермеров за саботаж земледелия, ни превращать третью часть рабочих в пауперов, ни призывать маньяков в качестве диктаторов. Ни одна из этих мер, являющихся возмутительным глумлением над интересами общества, не нужна. Зато необходимо неотложно отделить средства производства от их нынешних паразитических собственников и организовать хозяйство по разумному плану. При этом условии сразу открылась бы возможность радикального излечения язв общества. Все работоспособные нашли бы работу. Часы работы прогрессивно убывали бы. Потребности всех членов общества находили бы возрастающее удовлетворение. Слова "нужда", "кризис", "эксплуатация" выпали бы из словаря. Человечество переступило бы наконец через порог подлинной человечности.

Неизбежность социализма

"Вместе с уменьшающимся постоянно числом магнатов капитала..., - говорит Маркс, - возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем и возмущения рабочего класса, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической собственности. Экспроприаторов экспроприируют". Это и есть социалистическая революция. Проблема переустройства общества не есть у Маркса рецепт, продиктованный субъективными тенденциями автора; она вытекает, как железная историческая необходимость, с одной стороны, из мощно выросших производительных сил, с другой, - из невозможности организовать дальше эти силы по произволу закона стоимости.

Умствования некоторых интеллигентов на тему о том, что, вопреки учению Маркса, социализм не неизбежен, а только возможен, лишены какого бы то ни было содержания. Маркс не хотел, разумеется, сказать, что социализм наступит независимо от воли и действий людей: такая мысль была бы просто абсурдом. Маркс предсказывал, что из экономического развала, которым неизбежно должно завершиться развитие капитализма, - этот развал налицо, - не может быть другого выхода, кроме обобществления средств производства. Производительные силы нуждаются в новом организаторе и новом хозяине. А так как бытие определяет сознание, то Маркс не сомневался, что рабочий класс ценою ошибок и поражений разберется в реальной обстановке и сделает из нее раньше или позже необходимые практические выводы.

Что обобществление созданных капитализмом средств производства должно представить огромные экономические выгоды, доказано ныне не только теорией, но и опытом СССР, как ни ограничен этот опыт. Правда, капиталистическая реакция не без искусства пользуется режимом Сталина как пугалом против идей социализма. На самом деле Маркс никогда не говорил, что социализм может быть осуществлен в одной, притом отсталой стране. Продолжающаяся нужда народных масс в СССР, всемогущество привилегированной касты, поднявшейся над народом и его нуждой, наконец, дикий произвол бюрократии являются результатом не социалистических методов хозяйства, а изолированности и отсталости СССР в кольце капиталистического окружения. Приходится скорее изумляться тому, что

в этих исключительно неблагоприятных условиях плановое хозяйство успело обнаружить свои неопределимые преимущества.

Все спасители капитализма, и демократического, и фашистского типа, пытаются ограничить или, по крайней мере, замаскировать власть магнатов капитала именно для того, чтобы избежать "экспроприации экспроприаторов". Все они признают, и многие открыто высказывают, что неудача их реформаторских попыток должна неизбежно привести к социалистической революции. Все они успели, однако, показать, что их методы спасения капитализма представляют реакционное и бессильное знахарство. Прогноз Маркса о неизбежности социализма полностью подтверждается, таким образом, методом от обратного.

Неизбежность социалистической революции

Программа "технократии", расцветшая в период великого кризиса 1929-1932 гг.³⁴⁷, исходила из той правильной мысли, что рационализировать хозяйство можно лишь посредством союза техники, стоящей на высоте науки, и власти, стоящей на службе общества. Однако такой союз возможен лишь, если освободить и технику, и власть из рабства частной собственности. Здесь-то и открывается великая революционная задача. Чтобы освободить технику из кабалы частных интересов и поставить власть на службу обществу, нужно "экспроприировать экспроприаторов". Совершить эту работу способен лишь могущественный класс, заинтересованный в собственном освобождении и противостоящий монополистам-экспроприаторам. Только в союзе с пролетарской властью квалифицированный слой техников может построить действительно научное и действительно народное, т. е. социалистическое, хозяйство.

Самое лучшее было бы, конечно, если бы эту цель можно было осуществить мирным, постепенным, демократическим путем. Однако переживший себя строй никогда не уступает без сопротивления свое место новому. Если в свое время молодая, полная сил демократия оказалась неспособна предотвратить захват богатства и власти плутократией, то можно ли ждать, что одряхлевшая и опустошенная демократия окажется способна преобразовать строй, основанный на неограниченном господстве 60-ти семейств? Теория и история учат, что смена общественных режимов предполагает высшую форму классового боя, т. е. революцию. Даже рабство не могло быть ликвидировано в Соединенных Штатах без гражданской войны. "Сила является акушером каждой старой общественной формы, которая беременна новой". Никому еще не удалось опровергнуть Маркса в этом основном пункте социологии классового общества. Путь социализму может открыть только социалистическая революция.

Марксизм в Соединенных Штатах

Североамериканская республика дальше всех ушла в области техники и организации производства. На этом фундаменте будут строить не только сами американцы, но и все человечество. Однако разные стороны общественного процесса у одной и той же нации имеют разные ритмы в зависимости от особых исторических условий. При грандиозном превосходстве технологии экономическая мысль Соединенных Штатов остается крайне отсталой, как на правом, так и на левом фланге. Джон Льюис держится примерно тех же взглядов, что и Франклин Рузвельт. Однако по характеру поста, который занимает Льюис, его общественная функция несравненно более консервативна, чтобы не сказать реакционна. В известных американских кругах склонны отвергать ту или другую радикальную теорию без малейшей научной критики, объявляя ее попросту "не американской". Где искать разграничительный критерий? Христианство было импортировано в Соединенные Штаты вместе с логарифмами³⁴⁸, поэзией Шекспира, идеями прав человека и гражданина и некоторыми другими немаловажными продуктами человеческой мысли. В этом же ряду стоит ныне и марксизм.

Секретарь земледелия, Генри Уоллес³⁴⁹, обвинил в печати автора этих строк в "крайне не американской догматической узости" и противопоставил русскому догматизму оппортунистический дух Джефферсона, который умел мириться с противником. Г[осподин] Уоллес не догадывается, видимо, что политика компромисса не есть функция бесплотного национального духа, а продукт материальных условий. Быстро богатящая нация имеет достаточные резервы для соглашений между враждебными классами и партиями. Когда, наоборот, социальные противоречия обостряются, почва под компромиссом исчезает. Америка была свободна от "догматической узости" только потому, что

у нее было много девственных пространств, неисчерпаемые источники естественных богатств и безграничная, казалось, возможность обогащения. Правда, и при этих условиях дух компромисса не предотвратил гражданской войны, когда пробил для нее час. Во всяком случае, те материальные условия, которые составляли основу "американизма", ныне все более уходят в прошлое. Отсюда глубокий кризис традиционной американской идеологии.

Эмпирическое мышление, ограничивающееся разрешением частичных задач от случая к случаю, казалось совершенно достаточным не только в буржуазных, но и в рабочих кругах, пока марксов закон стоимости думал за всех. Но ныне этот закон пришел в непримиримое противоречие с самим собою. Вместо того, чтобы двигать хозяйство вперед, он подкапывает его основы. Компромиссное, эклектическое мышление с его философским увенчанием, прагматизмом, становится совершенно недостаточным, а недоброжелательное отношение к марксизму, как к "догме", – все более несостоятельным, реакционным и прямо смешным. Безжизненной, окостеневшей "догмой" стали, наоборот, традиционные идеи "американизма": они не порождают ничего, кроме ошибок и растерянности. Тем временем экономическое учение Маркса приобрело для Соединенных Штатов особую жизненность и актуальность. Хотя "Капитал" опирается на интернациональный материал, по преимуществу английский, но в своей теоретической основе представляет собою анализ чистого капитализма как такового. Несомненно, что наиболее приближается к этому идеальному типу тот капитализм, который вырос на девственной, неисторической почве Америки.

С позволения г. Уоллеса, Америка развивалась экономически не по принципам Джефферсона, а по законам Маркса. В таком признании столь же мало обидного для национального самолюбия, как и в признании того, что Америка вращается вокруг солнца по законам Ньютона. Чем дольше, однако, в Соединенных Штатах игнорировали Маркса, тем более повелительный характер принимает его учение в настоящее время. "Капитал" дает безошибочный диагноз болезни и незаменимый прогноз. В этом смысле учение Маркса гораздо более проникнуто новым "американизмом", чем идеи Гувера и Рузвельта, Грина и Льюиса.

Правда, в Соединенных Штатах имеется обширная оригинальная литература, посвященная кризису американского хозяйства. Поскольку добросовестные экономисты дают объективную картину разрушительных тенденций американского капитализма, их исследования, независимо от теоретических предпосылок, которые чаще всего отсутствуют, кажутся прямыми иллюстрациями теории Маркса. Консервативная традиция сказывается, однако, в том, что авторы упорно воздерживаются от последних выводов, ограничиваясь мрачными пророчествами или нравоучительными банальностями: "страна должна понять", "общественное мнение должно серьезно отнестись" и пр. Эти книги похожи на нож без лезвия или на компас без стрелки.

В Соединенных Штатах были, правда, марксисты и в прошлом. Но это были марксисты особого рода, вернее, трех особых родов. Во-первых, выброшенные из Европы эмигранты, которые делали что могли, но не находили отголоска; во-вторых, отдельные американские группы вроде "делионитов"³⁵⁰, которые ходом вещей и своими ошибками превращались в секты; в-третьих, дилетанты, привлеченные Октябрьской революцией и сочувствовавшие марксизму, как экзотическому учению, мало имеющему отношение к Соединенным Штатам. Время всех этих категорий прошло. Открывается эпоха независимого классового движения пролетариата и в то же время – подлинного марксизма. Америка и в этом отношении несколькими прыжками нагонит и перегонит Европу. Передовая техника и передовая социальная структура проложат себе дорогу в области доктрины. Лучшие теоретики марксизма появятся на почве Соединенных Штатов. Маркс станет наставником передовых американских рабочих. Сокращенное изложение первого тома станет для них только ступенькой к полному Марксу.

Л.Троцкий

26 февраля 1939 г.

Койоакан

Предатели Индии

Мы печатаем в этом номере статью Стэнли о политическом положении в

Индии³⁵¹. Статья с большой убедительностью вскрывает угнетательскую политику, которую развивает британская "демократия", чтобы не допустить демократии в Индии. Население Англии 40.000.000. Население Индии - 370.000.000. Чтобы поддержать демократию у империалистической нации в 40.000.000 необходимо душить нацию в 370.000.000. Такова суть империалистической демократии.

Освободить Индию может только победоносная революция. Индусская буржуазия, тесно связанная с британским капиталом, боится революции. Буржуазная индусская интеллигенция боится своей буржуазии. Вместо подготовки народной революции эти господа проповедуют все тот же "народный фронт", т. е. союз перепуганных либералов с перепуганными демократами разной окраски. В этой работе сталинцы стоят, конечно, на первом месте. Чтобы затормозить революционное движение масс против прямого и непосредственного врага, британского империализма, эти господа ведут агитацию... против японской опасности. Таким примером они надеются завоевать симпатии британских рабовладельцев к индийской демократии, а заодно и к... Сталину, который мечтает о союзе с британской буржуазией. Колониальные народы - разменная монета в расчетах бонапартистской олигархии с империалистическими демократиями.

Л.Д.Троцкий
4 марта 1939 г.

Идеальное зеркало капитализма³⁵²

В период выхода первого тома "Капитала" мировое господство британской буржуазии оставалось еще неоспоримым. Абстрактные законы товарного хозяйства находили естественно наиболее законченное, т. е. наименее зависимое от влияний прошлого, воплощение в той стране, в которой капитализм достиг наивысшего развития. Опираясь в своем анализе главным образом на Англию, Маркс имел в виду не только Англию, но весь капиталистический мир. Англия служила ему, как лучшее для того времени зеркало капитализма.

Ныне от британской гегемонии остались лишь воспоминания. Преимущества капиталистического первородства превратились в свою противоположность. Техническая и экономическая структура Англии обветшала. Мировое положение страны держится на унаследованной от прошлого колониальной империи, а не на живом экономическом потенциале. Именно этим и объясняется, кстати сказать, столь поразившая всех христианская уступчивость Чемберлена по отношению к международному гангстеризму фашистов. Английская буржуазия не может не отдавать себе отчета в том, что ее мировое положение пришло в полное противоречие с ее экономическим упадком и что новая война грозит привести к полному распаду Британской империи. Такова же, по существу, экономическая основа "пацифизма" Франции.

В своем быстром капиталистическом подъеме Германия, наоборот, использовала преимущества своей исторической запоздалости, вооружившись наиболее совершенной в Европе техникой. При узости национальной базы и бедности источниками сырья динамический капитализм Германии естественно превратился в наиболее взрывчатый фактор так называемого мирового равновесия. Эпилептическая идеология Гитлера является лишь отражением эпилепсии германского капитализма.

При ряде неопенимых преимуществ исторического характера Соединенные Штаты располагали для своего развития неизмеримо большей ареной и несравненно большими естественными богатствами, чем Германия. Оттеснив далеко назад Великобританию, североамериканская республика стала к началу нынешнего столетия главной твердыней мировой буржуазии. Все заложенные в капитализме возможности нашли здесь наивысшее доступное им развитие. Нигде на нашей планете буржуазия не прибавит уже ничего к тому, что ею достигнуто в республике доллара, которая стала для XX столетия совершенным зеркалом капитализма.

По тем же причинам, по которым Маркс предпочел опираться в своем изложении на английскую статистику, английские парламентские отчеты, английские "Синие книги" и пр., мы пользовались для нашего скромного "Введения" материалами преимущественно из экономической и политической жизни

Соединенных Штатов. Можно было бы, разумеется, без труда привести аналогичные факты и цифры из жизни любой другой капиталистической страны, но это не прибавило бы ничего существенного: выводы остались бы те же, лишь иллюстрации оказались бы менее яркие.

Экономическая политика Народного фронта во Франции была, по меткому выражению одного из ее финансистов, приспособлением "Нью Дила" "для лилипутов". Совершенно очевидно, что при теоретическом анализе неизмеримо выгоднее иметь дело с циклопическими, чем с лилипутскими масштабами. Именно грандиозность опыта Рузвельта показывает, что спасти мировую капиталистическую систему могло бы разве лишь чудо. Но как раз развитие капиталистического производства приостановило производство чудес. Заклинаний и молитв много, чудес нет. Между тем ясно, что, если бы где-либо вообще можно было ждать чуда омоложения капитализма, то именно в Соединенных Штатах. Но омоложение не совершилось. Что не удалось циклопам, еще менее может удаться лилипутам. В обосновании этого простого вывода - смысл нашей экскурсии в область американского хозяйства.

Метрополии и колонии

"Страна промышленно более развитая, - говорит Маркс в предисловии к "Капиталу", - показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего". Эту мысль нельзя, однако, ни в каком случае понимать буквально. Рост производительных сил и углубление социальных противоречий являются, несомненно, уделом каждой страны, вступившей на путь буржуазного развития. Однако неравномерность темпов и уровней, проходящая через все развитие человечества и имеющая в основе своей как естественные, так и исторические причины, не только приняла при капитализме особенно острый характер, но и породила сложные взаимоотношения зависимости, эксплуатации и угнетения между странами разного экономического типа.

Лишь меньшинство стран проделало полностью то планомерное и логическое развитие от ремесла через мануфактуру к фабрике, которое Маркс подвергает такому детальному анализу. Торговый, промышленный и финансовый капитал вторгнулся в отсталые страны извне и наполовину разрушал первобытные формы туземного хозяйства, наполовину подчинял их мировой промышленной и банковской системе Запада. Под бичом империализма колонии и полукolonии оказывались вынуждены перепрыгивать через промежуточные стадии и в то же время искусственно удерживались на известном уровне. Развитие Индии не повторяло развития Англии, а служило дополнением к нему. Однако, чтобы понять комбинированный тип развития запоздалых и зависимых стран, как Индия, нужно всегда иметь перед глазами ту классическую схему, которую Маркс извлек из развития Англии. Во всяком случае, закон трудовой стоимости одинаково руководит калькуляциями спекулянтов лондонского Сити и меновыми операциями в глухих уголках Хайдерабада³⁵³; во втором случае он принимает лишь более простые и менее мошеннические формы.

Неравномерность развития создала огромные преимущества для передовых стран, которые все, хотя и в разной степени, развивались за счет отсталых, эксплуатируя их, превращая их в колонии или, по крайней мере, отнимая у них возможность проникнуть в ряды капиталистической аристократии. Богатства Испании, Голландии, Англии, Франции создавались не только прибавочным трудом их собственного пролетариата, не только разорением их собственной мелкой буржуазии, но и систематическим грабежом заокеанских владений. Эксплуатация классов дополнялась и потенцировалась эксплуатацией наций.

За счет колониальной сверхприбыли буржуазия метрополии получала возможность создавать привилегированное положение для собственного пролетариата, особенно для его верхних слоев. Без этого сколько-нибудь устойчивый режим демократии был бы совершенно невозможен. В своем развернутом виде буржуазная демократия явилась и продолжает оставаться формой управления, доступной лишь наиболее аристократическим, наиболее эксплуататорским нациям. Античная демократия была основана на рабстве, империалистическая - на колониальном грабеже.

Соединенные Штаты, формально почти не имеющие колоний, на самом деле представляют собою самую привилегированную из всех наций истории. Активные выходцы из Европы завладели богатейшим континентом, истребили туземное население, захватили лучшую часть Мексики и сосредоточили в своих руках львиную долю мировых богатств. Накопленные в таких условиях жировые

отложения продолжают служить и ныне, в эпоху упадка, для смазки рычагов и колес демократии.

Теоретический анализ, как и свежий опыт истории, одинаково свидетельствуют, что степень развития демократии и ее устойчивость обратно пропорциональны силе напряжения классовых противоречий. В менее привилегированных странах (Россия, с одной стороны, Германия, Италия и пр. – с другой), не имевших возможности создавать многочисленную и устойчивую рабочую аристократию, демократия не получила развития и сравнительно легко уступила свое место диктатуре. Однако продолжающийся прогрессивный паралич капитализма подготавливает ту же судьбу и демократиям наиболее привилегированных и богатых наций: разница только в сроках. Неудержимое ухудшение положения трудящихся делает для буржуазии все менее и менее возможным предоставлять массам право участия в политической жизни, даже в ограниченных рамках буржуазного парламентаризма. Всякое иное объяснение происходящего на наших глазах процесса вытеснения демократии фашизмом есть идеалистическая фальсификация действительности, обман или самообман.

Разрушая демократию в старых метрополиях капитала, империализм препятствует в то же время возникновению демократии в отсталых странах. Если ни одна из колоний или полукolonий не довела до конца в новую эпоху своей демократической революции, прежде всего в области аграрных отношений, то ответственность за это ложится полностью на империализм, ставший главным тормозом экономического и политического прогресса. Расхищая естественные богатства отсталых стран и сознательно задерживая их самостоятельное промышленное развитие, монополистические магнаты и их правительства оказывают в то же время финансовую, политическую и военную поддержку наиболее реакционным, паразитическим, полуфеодальным группам туземных эксплуататоров. Искусственно охраняемое аграрное варварство является наиболее зловещей язвой современного мирового хозяйства. Освободительная борьба колониальных народов, перепрыгивая через промежуточные ступени, превращается по необходимости в антиимпериалистическую борьбу и тем сочетается с борьбой пролетариата метрополий. Колониальные восстания и войны еще более расшатывают в свою очередь устой капиталистического мира и делают еще менее возможным чудо его возрождения.

Плановое мировое хозяйство

Двойная историческая заслуга капитализма в том, что он высоко поднял технику и связал экономическими узами все части света. Этим заложены материальные условия для планомерного использования всех ресурсов нашей планеты. Однако этой насущной задачи капитализм разрешить не в состоянии. Очагами его экспансии остаются замкнутые национальные государства с их таможнями и армиями. Между тем производительные силы давно переросли границы национального государства, превратив его тем самым из прогрессивного исторического фактора в невыносимый тормоз. Империалистические войны означают не что иное, как взрывы производительных сил против ставших для них слишком тесными государственных границ. Программа так называемой автаркии не имеет ничего общего с возвратом к самодовлеющему замкнутому хозяйству. Она означает подготовку национальной базы для новой войны.

После подписания Версальского мира земной шар считался в основном поделенным. События последнего периода напомнили, что на нашей планете есть еще не захваченные или не вполне захваченные земли. Италия поработила Абиссинию. Япония пытается завладеть Китаем. Не дожидаясь возвращения прежних колоний, Германия превращает в колонию Чехословакию. Италия вторглась в Албанию³⁵⁴. Под знак вопроса поставлена судьба Балканского полуострова. Соединенные Штаты встревожены вторжением "посторонних" в Латинскую Америку. Борьба за колонии остается органической частью политики империалистического капитала. Полный раздел мира не завершает этот процесс, а лишь ставит в порядок дня вопрос о новом переделе мира в соответствии с изменившимся соотношением империалистических сил. Такова действительная причина нынешних вооружений, дипломатических конвульсий и военных группировок.

К области шарлатанства или тупоумия относятся все попытки представить ближайшую войну как столкновение между идеями демократии и фашизма. Политические формы меняются, капиталистические аппетиты остаются. Если бы по обеим сторонам Ла Манша установился завтра фашистский режим, – вряд ли кто

отважится отрицать такую возможность, - парижский и лондонский диктаторы так же мало могли бы отказаться от своих колониальных владений, как Муссолини и Гитлер - от своих колониальных притязаний. Бешеная и безнадежная борьба за новый передел мира неотвратимо вытекает из смертельного кризиса капиталистической системы.

Частичные реформы и заплаты не помогут. Историческое развитие подошло к одному из тех решающих этапов, когда только прямое вмешательство масс способно смести реакционные преграды и заложить основы нового режима. Отмена частной собственности на средства производства есть первая предпосылка планового хозяйства, т. е. внесение разума в сферу отношений между людьми, сперва в национальном, затем - в мировом масштабе. Раз начавшись, социалистическая революция будет передвигаться из страны в страну с неизмеримо большей силой, чем ныне передвигается фашизм. Примером и помощью передовых народов будут увлечены на путь социализма отсталые. Падут прогнившие насквозь таможенные шлагбаумы. Раздирающие Европу и весь мир противоречия найдут свое естественное и мирное разрешение в рамках Социалистических Соединенных Штатов Европы, как и остальных частей света. Освобожденное человечество поднимется во весь свой рост.

Л.Троцкий

18 апреля 1939 г.

Койоакан.

Постскрипtum к статье "Капитуляция Сталина"355

После вступления Гитлера в Прагу естественно вспыхнули слухи о возвращении Сталина в лоно демократий. Но не исключено и то, что Гитлер вступал в Прагу³⁵⁶, имея уже в руках доказательства охлаждения Сталина к "демократиям". Уступка Гитлера не принадлежавшей ему Карпатской Украины Венгрии³⁵⁷ есть довольно демонстративный отказ от планов Великой Украины. Надолго ли - другой вопрос. Во всяком случае приходится считать вероятным, что Сталин заранее знал о судьбе Карпатской Украины и потому с такой уверенностью отрицал опасность Советской Украине со стороны Гитлера. Создание общей границы Польши и Венгрии может быть законно истолковано как проявление "доброй воли" Гитлера по отношению к СССР. Надолго ли - другой вопрос. При нынешнем темпе развертывания мировых антагонизмов завтра положение может радикально измениться. Но сегодня похоже на то, что Сталин пробует играть с Гитлером в четыре руки.

Л.Т[роцкий]

24 марта 1939 [г.]

О Лаборде и троцкистах вообще³⁵⁸

"Голос Мексики" высказал уверенность, что последнее трагическое железнодорожное крушение³⁵⁹ было делом рук реакции, и, в частности, Троцкого. Несмотря на всю серьезность источника, в первый момент это сообщение показалось нам маловероятным. Однако, вспомнив о московских процессах, где троцкисты были изобличены самими собою в преступлениях еще более чудовищных, мы решили произвести собственными скромными силами тщательное расследование. Оно принесло нам успех гораздо больший, чем мы рассчитывали вначале. Утверждение "Голоса Мексики" подтвердилось полностью. "Троцкий нам друг, но истина нам дороже". Попавшие в наши руки документы с несомненностью устанавливают, что главным организатором железнодорожного крушения должен быть признан живущий в Койоакане конспиратор. Нам удалось попутно также выяснить его главных сообщников. Оказалось, что свои наиболее преступные распоряжения Троцкий отдает - через кого бы вы думали? - Эрнана Лаборде. Многим это может показаться невероятным, так как Лаборде известен, как главный враг троцкизма в Мексике. Однако рассуждать таким образом способны лишь заведомо наивные люди и гнилые примиренцы, которые не дают себе отчета в дьявольском двурушничестве троцкистов. Подобно Радеку, Пятакову и десяткам других, которые открыто вели бешеную травлю против

Троцкого, а на самом деле были его тайными агентами, Эрнан Лаборде лишь прикрывается сталинизмом, чтобы тем решительнее совершать подрывную троцкистскую работу. Доказательства? Их слишком много. Возьмем наиболее простое и ясное. Многие граждане не раз выражали удивление по поводу того, что во главе коммунистической партии Мексики стоит лицо, чьи речи, заявления и даже доносы несут на себе клеймо исключительной глупости. На самом деле лишь слепая простота может принимать эту глупость за чистую монету. Выполняя дьявольский замысел Четвертого Интернационала, Эрнан Лаборде напускает на себя глупость, чтобы тем вернее скомпрометировать Коминтерн. Пусть все, везде и всюду говорят, что во главе мексиканской секции Коминтерна стоит человек без ума и без совести! Маска глупости нужна коварному троцкисту для того, чтоб тем лучше совершать свою подрывную работу.

Что касается непосредственного участия Лаборде в подготовке крушения, то оно доказано полностью. В ящике нашего письменного стола имеются две гайки, отвинченные Лаборде в ночь накануне крушения. Дактилоскопия с несомненностью устанавливает отпечатки пальцев мексиканского троцкиста. Впрочем, вряд ли понадобятся эти вещественные доказательства. Подобно остальным двурушникам, Лаборде собирается публично покаяться в своих преступлениях, чтобы понести за них заслуженное наказание. Как нам сообщают из достоверных источников, Вышинский уже прислал ему билет первого класса для совершения поездки в Москву. Будем надеяться, что на этот раз Лаборде не задержится инкогнито в Соединенных Штатах, а действительно поступит в объятия ГПУ. Это лучшее, что он может сделать в интересах рабочего движения. После того, как товарищ Берия совершит над ним ритуальную хирургическую операцию, редакторы "Голоса Мексики" посвятят своему бывшему учителю и другу прочувствованный некролог, который будет заканчиваться словами: "Погибла еще одна бешеная собака троцкизма. Да здравствует Сталин, отец народов!" И вся "коммунистическая" партия Мексики единодушно ответит: "Аминь!"

[Л.Д.Троцкий]

[Март 1939 г.]

[Статья без заголовка] 360

В промышленности в отсталых странах решающую роль играет иностранный капитал. Отсюда относительная слабость национальной буржуазии по сравнению с национальным пролетариатом. Это создает специфические условия государственной власти. Правительство лавирует между иностранным капиталом и внутренним, между слабой внутренней буржуазией и относительно сильным пролетариатом. Это придает правительству своего рода бонапартистский характер. Оно как бы возвышается над классами. На самом деле оно может править, либо превращаясь в орудие иностранного капитализма и держа пролетариат в цепях пролетарской диктатуры, либо заигрывая с пролетариатом, идя ему на уступки и тем завоевывая возможность некоторой свободы по отношению к иностранным капиталистам. Сейчас политика находится во второй стадии; высшим ее достижением является экспроприация железных дорог и нефтяных предприятий.

Эти меры относятся целиком к области государственного капитализма. Однако в полукOLONIALной стране государственный капитализм находится под высоким давлением иностранного частного капитала и его правительств и может держаться только при активной поддержке рабочих. Он пытается поэтому, не выпуская из рук реальной власти, возложить на рабочие организации значительную долю ответственности за ход производства в национальных отраслях промышленности.

Какова должна быть в этом случае политика рабочей партии? Разумеется, было бы губительной ошибкой, прямым обманом, утверждать, что путь к социализму ведет не через пролетарскую революцию, а через национализацию буржуазным государством отдельных отраслей промышленности и передачу их в руки рабочих организаций. Но речь идет не об этом. Буржуазное правительство само произвело национализацию и вынуждено требовать участия рабочих в управлении национализированной промышленностью. Можно, разумеется, уклониться, ссылаясь на то, что без обладания властью пролетариатом участие в руководстве предприятиями государственного капитализма не может дать социалистических

результатов. Однако такого рода негативная политика революционного крыла не была бы понята массой и укрепила бы позиции оппортунистов. Дело идет для марксистов не о том, чтобы руками буржуазного государства строить социализм, а о том, чтобы использовать открывающиеся позиции внутри государственного капитализма и двинуть вперед революционное развитие рабочих.

Участие в буржуазном парламенте тоже не может дать больших положительных результатов, тоже ведет при известных условиях к деморализации рабочих депутатов. Однако это не довод для революционеров в пользу антипарламентаризма.

Было бы неправильно отождествлять политику участия рабочих в управлении национализированной промышленностью с участием социалистов в буржуазном правительстве (так называемый министриализм). Все члены правительства связаны узами солидарности. Партия, представленная в правительстве, отвечает за его политику в целом. Участие в управлении отдельной отраслью промышленности оставляет полную возможность политической оппозиции. В тех случаях, когда рабочие представители составляют в правлении меньшинство, они имеют полную возможность протоколировать и публиковать свои предложения, отвергнутые большинством, доводить их до сведения рабочих и пр.

Участие профсоюзов в руководстве национализированной промышленностью можно сравнить с участием социалистов в муниципалитетах, где социалисты завоевывают иногда большинство и вынуждены руководить крупным муниципальным хозяйством при господстве буржуазии в государстве и сохранении буржуазных законов собственности. Реформисты в муниципалитетах пассивно приспосабливаются к этому буржуазному режиму. Революционеры делают в муниципальной области все что можно в пользу рабочих и в то же время на каждом шагу учат рабочих, что муниципальная политика бессильна без завоевания власти в государстве. Разница, правда, в том, что в области муниципальной рабочие завоевывают известные позиции при помощи демократических выборов. В области национальной промышленности правительство само приглашает их занять определенные посты. Но эта разница имеет чисто формальный характер. В обоих случаях буржуазия вынуждена очистить рабочим известные сферы деятельности. Рабочие пользуются этим в своих интересах.

Было бы легкомыслием закрывать глаза на опасности, вытекающие из руководящей роли профессиональных союзов в национальной промышленности. Основу опасности составляет сращивание верхушек профессиональных союзов с аппаратом государственного капитализма, превращение уполномоченных пролетариата в заложников буржуазного государства. Но как ни велика эта опасность, она составляет лишь своеобразную часть общей опасности, вернее, общей болезни, именно буржуазного перерождения аппаратов профессиональных союзов [...] 361 являются в подавляющем большинстве случаев политическими агентами буржуазии и ее государства. В национализированной промышленности они могут стать и уже становятся прямыми административными агентами. Против этого, однако, нет другого рецепта, как борьба за независимость рабочего движения вообще, в частности путем формирования внутри профессиональных союзов сплоченных революционных ядер, способных при сохранении единства профессионального движения бороться за классовую политику и за революционный состав руководящих органов.

Опасность другого рода состоит в том, что банки и другие капиталистические предприятия, от которых в экономическом смысле зависит данная отрасль национальной промышленности, могут принимать и будут принимать специфические меры саботажа, чтобы подорвать, скомпрометировать, разбить рабочее государство. Реформистские лидеры будут пытаться парировать эту опасность путем рабского приспособления к требованиям своих капиталистических контрагентов, в частности банков. Революционные лидеры, наоборот, из саботажа банков будут делать вывод о необходимости экспроприации банков и создании единого национального банка, как расчетной палаты всего хозяйства. Разумеется, этот вопрос должен быть неразрывно связан с вопросом о завоевании власти рабочим классом.

Разные капиталистические предприятия, национальные и иностранные, и государственные учреждения будут неизменно вступать в заговор для подрыва рабочего руководства национализированной промышленности. Со своей стороны, рабочие организации, руководящие разными отраслями национальной промышленности, должны объединяться между собой, чтобы обмениваться опытом, поддерживать друг друга экономически, совокупными силами воздействовать на

правительство, на условия кредита и пр. Разумеется, такого рода Центральное Бюро рабочих правлений национализированных отраслей должно находиться в теснейшей связи с профессиональными союзами.

Подводя итог, можно сказать, что эта новая область работы таит в себе как большие возможности, так и большие опасности. Опасности состоят в том, что государственный капитализм через посредство прирученных профессиональных союзов может держать в узде рабочих, жестоко их эксплуатировать и парализовать их сопротивление. Революционные возможности состоят в том, что, опираясь на свои позиции в исключительно важных отраслях промышленности, рабочие могут повести атаку на все твердыни капитала и на буржуазное государство. Какая из этих возможностей победит и в какой именно срок? Этого, конечно, нельзя предсказать. Это зависит полностью от борьбы внутри рабочего класса различных течений, от опыта самих рабочих, от мировой обстановки. Во всяком случае, использовать эту новую форму деятельности в интересах рабочего класса, а не рабочей аристократии и бюрократии можно только при одном условии: при наличии революционной марксистской партии, которая внимательно изучает все формы деятельности рабочего класса, критикует все уклонения, воспитывает и организует рабочих, завоевывает влияние в профессиональных союзах и обеспечивает революционные рабочие представительства в национализированной промышленности.

[Л.Д.Троцкий]

12 мая 1939 [г.]

В редакцию "Июнь 1936 г."362

Уважаемые товарищи!

По поводу того, что "Лют Увриер"363, бельгийская газета Четвертого Интернационала, не напечатала или не сразу напечатала одно из бесчисленных опровержений Виктора Сержа, ваша газета сочла возможным говорить "об ихней и нашей морали", иначе сказать, обвиняла рабочую газету в недостойном поступке. Я не думаю, что это обвинение было правильно. Разумеется, всякая честная газета обязана исправить допущенную ею фактическую ошибку, особенно если дело идет об интересах третьего лица. Но никакая газета не обязана открывать свои столбцы для пропаганды взглядов, которые она считает ложными. Под видом "опровержений" В.Серж развивает попросту свои идеи, которые, впрочем, он сам очень затрудняется привести в порядок...

Марксистским изданиям приходится нападать на многих врагов и противников. Если каждый из них захочет по этому поводу защищать свои взгляды на столбцах рабочей газеты, то рабочие попросту лишатся своего органа. Виктор Серж имеет полную возможность защищать свои взгляды в тех изданиях, которые с ним солидарны.

Но если вы всерьез относитесь сами к вашему взгляду на мораль рабочей печати, то вы, надеюсь, напечатаете это мое опровержение статьи Пивера, посвященной "троцкизму"364. Мой ответ оказался длинным, ибо труднее распутывать вопрос, чем запутывать его. Но длина статьи помешать, разумеется, не может, так как нравственное обязательство не измеряется сантиметром. Длинную статью можно напечатать в нескольких номерах, тем более, что атаки на "троцкизм" проходят через многие выпуски вашей газеты.

В подкрепление своего права на напечатание этого опровержения я позволю себе сослаться еще и на то, что, в отличие от Виктора Сержа я защищаю не чисто личные и непрерывно меняющиеся взгляды, а программу международной организации, которая имеет свою революционную традицию, своих сторонников во всех частях света и многие тысячи жертв в СССР.

С большевистским приветом

Л.Троцкий

15 июня 1939 г.

Койоакан

Троцкизм и ПСОП

С большим интересом я взял в руки газету ПСОП от 9 июня 1939 года со статьей Марсо Пивера "ПСОП и троцкизм". Я полагал, что Пивер решился наконец подвергнуть конкретному анализу разногласия, которые отделяют его от Четвертого Интернационала. Увы, с первых же строк меня постигло разочарование: Пивер даже не попытался стать на почву марксистской теории и классовой политики. Вся его критика "троцкизма" остается в плоскости психологии, морализирования и рецептов хорошего тона. Пивер явно уклоняется от серьезной дискуссии по основным вопросам рабочего движения. Я постараюсь показать это, терпеливо проанализировав все мысли и даже оттенки мыслей, которые заключены в программной по теме статье Пивера.

"Претензия на гегемонию"

Пивер соглашается на сотрудничество с "троцкизмом", но лишь при том условии, если последний откажется от "претензий на гегемонию" и встанет на путь "доверчивого сотрудничества между всеми элементами, которые мужественно порвали с социал-патриотизмом и национал-коммунизмом". Противопоставление сотрудничества "претензиям на гегемонию" сразу возбуждает подозрение. Участие разных течений в одной партии предполагает, несомненно, веру в то, что удастся друг друга убедить, друг у друга научиться. В случае наличия разногласий всякое течение, которое питает доверие к своим взглядам, стремится завоевать большинство: в этом ведь и состоит механика партийной демократии. Какая другая "гегемония" возможна в демократической партии, кроме завоевания большинства на сторону своих идей? Разве на последнем съезде ПСОП Пивер и его друзья не стремились захватить большинство? Разве они его не захватили? Разве они этим не утвердили свою "гегемонию" в партии? Разве им можно это поставить в упрек? Аргументация Пивера показывает, что "гегемонию" своего течения он считает нормой и законом, а стремление другого течения завоевать большинство нарушением нормы, преступлением, хуже того троцкизмом. Где же тут демократия?

"Фракционные методы"

Объявляя таким образом "гегемонию" в партии своей монополией, Пивер требует тут же, чтобы троцкисты "откинули фракционные методы". Это требование, повторяющееся несколько раз, звучит особенно неожиданно под пером политика, который настойчиво подчеркивает демократический характер своей организации. Что такое фракция? Временное неуставное, свободное объединение внутри партии более тесных единомышленников с целью в возможно более короткий срок убедить партию в правильности своих взглядов. Возникновение фракции неизбежно даже в самой зрелой и единомышленной партии - в результате распространения ее влияния на новые слои, возникновения новых проблем, резкого поворота обстановки, ошибок руководства и пр. С точки зрения монолитизма, фракционная борьба есть "зло"; но это неизбежное зло и, во всяком случае, это неизмеримо меньшее зло, чем запрещение фракций. Нередко наблюдаются, правда, особенно в молодых партиях, попытки создания фракций без достаточных принципиальных основ: вследствие политической незрелости, по соображениям личного честолюбия, карьеризма и пр. Задача руководства в этих случаях в том, чтобы, не прибегая к полицейским мерам, обнаружить пустоту таких затей и тем скомпрометировать их перед общественным мнением партии. Только так можно создать глубокую привязанность к партии, когда временные конфликты, хотя бы и очень острые, не грозят единству. Существование фракций вызывает, конечно, трения и расход сил, но это - неизбежные издержки режима демократии. Умелое и авторитетное руководство стремится к тому, чтобы свести фракционные трения к минимуму. Это достигается правильной политикой, проверяемой коллективным опытом; лояльным отношением к оппозиции; постепенно накапливаемым авторитетом руководства, но вовсе не запрещением фракций, которое способно лишь придать борьбе лицемерный и отравленный характер. Кто запрещает фракции, тот тем самым ликвидирует партийную демократию и делает первый шаг к тоталитарному режиму.

Насаждение "ячеек"

Дальше Пивер требует от "троцкистов" отказаться от "создания ячеек по команде извне". Сама возможность такого "требования" опирается на явное смешение понятий. Сам Пивер считает, несомненно, долгом каждого члена ПСОП организовывать ячейки внутри профессиональных союзов для завоевания

большинства рабочих. Поскольку эти ячейки стоят под ударами клики Жуо, шпионов Сталина и Сюртэ Насиональ365, они вынуждены вести тайное существование. ПСОП как партия сохраняет, надеюсь, в своих руках руководство этими ячейками "извне". Если бы ПСОП отказалась от таких методов работы внутри профессиональных союзов, внутри партии Блюма, внутри партии Сталина, она тем самым отказалась бы от борьбы за "гегемонию" в рабочем классе, т. е. от своей революционной миссии. Надеюсь, этого нет? В чем же тогда разногласие? Пивер просто пугает себя и партию ужасами большевистского метода "ячеек", совершенно не вдумываясь в существо проблемы.

Но, может быть, речь идет не об этом, а о "троцкистских" ячейках внутри самой ПСОП? Тогда мы имеем простую перифразу обвинения во фракционности. Однако в этом случае говорить о насаждении ячеек совершенно неправильно, ибо дело идет об открытом политическом сотрудничестве и столь же открытой идеологической борьбе двух течений. Разумеется, если бы идеологическая борьба была заменена бюрократической репрессией, "троцкисты" не только имели бы право, но были бы обязаны, по моему мнению, прибегнуть к методу тайных ячеек. На войне по-военному! Но ответственность за тайные ячейки легла бы в этом случае на тоталитарную бюрократию.

"По команде извне"

Как понимать "команду извне"? Пивер и здесь не называет ни лиц, ни учреждений, ни фактов (очевидно, в интересах "хорошего тона"). Можно, однако, предположить, что он хочет сказать: "по команде Троцкого". К этой инсинуации прибегают многие за неимением серьезных аргументов. Но что, собственно, значит в этом случае "команда"? Сталинская бюрократия командует силою власти и денег. Аппарат Блюма командует силою своей связи с буржуазной республикой. Ни денег, ни ГПУ, ни связей с буржуазией у троцкистов нет. Каким образом здесь возможно "командование"? Дело идет просто о солидарности в основных вопросах. К чему же инсинуация?

Не лучше обстоит дело со словом "извне". Намек на посторонних? На иностранцев? В чем состоит преступление этих иностранцев? В том, что они высказывают свое мнение, подают совет? Когда в революционной партии идет серьезная борьба, она неизбежно порождает интернациональные отклики. Представители одного и того же течения в разных странах естественно стремятся поддержать друг друга. Что здесь плохого или преступного? Наоборот, в этом выражается интернационализм. Не порицать надо за это "троцкистов", а, наоборот, учиться у них!

Образец "товарищеского" тона

Пивер требует далее от троцкистов отказа от "средств давления (?), коррупции (??) или систематического издевательства". Что означают "средства давления"? Аппарат партии в руках Пивера, и методы аппаратного давления Пиверу совсем не чужды. У оппозиции нет ничего, кроме идей. Хочет ли Пивер запретить идеологическое давление? Слово "коррупция" имеет на политическом языке очень определенный смысл: подкупность, карьеризм и пр. Думаю, что Четвертый Интернационал является последней из организаций, которую можно обвинить в таких грехах. Остается еще "систематическое издевательство". Опыт показывает, что чем менее определены взгляды данного деятеля, тем он нетерпимее к критике, тем легче резкий аргумент кажется ему "издевательством". Избыток чувственности есть выражение внутренней неуверенности. В качестве вождя партии Пивер должен показывать пример "доверчивого сотрудничества", между тем сам он позволяет себе писать о "коррупции". Будем думать, что у Пивера просто перо поскользнулось не в ту сторону и что он найдет случай поправить самого себя.

Большевизм и фракции

Отказывая оппозиции в праве бороться за большинство ("гегемонию") в партии и запрещая в согласии с этим фракции, т. е. попирая элементарные начала демократического режима, Пивер имеет неосторожность противопоставлять демократию ПСОП большевистскому централизму. Рискованное противопоставление! Вся история большевизма была историей свободной борьбы течений и фракций. В разные периоды в большевизме боролись бойкотисты, антибойкотисты, отзовисты, ультиматисты, примиренцы, сторонники "пролетарской культуры", сторонники и противники вооруженного восстания в Октябре, сторонники и противники

Брест-Литовского мира, левые коммунисты, сторонники и противники официальной военной политики и т. д. и т. д. Большевистскому ЦК не могли прийти в голову требовать от противника, чтобы он "отказался от фракционных методов", если противник считал, что политика ЦК ложна. Терпимость и лояльность по отношению к оппозиции составляла важнейшие черты ленинского руководства.

Большевистская партия запретила, правда, фракции на 10-м съезде, в марте 1921 г. 366, в момент смертельной опасности. Можно спорить, было это правильно или нет. Дальнейший ход развития, во всяком случае, показал, что это запрещение явилось одним из исходных моментов вырождения партии. Бюрократия сделала вскоре из понятия "фракции" пугало, чтобы не позволять партии ни мыслить, ни дышать. Так сложился тоталитарный режим, режим, убивший большевизм. Разве не поразительно, что Пивер, любящий разговаривать о демократии, свободе критики и пр., заимствует не у молодого большевизма его живую, активную и творческую демократию, а у упадочного большевизма - его бюрократический страх перед фракциями?

Дисциплина действия

Коррективом фракционной борьбы является дисциплина действия. Партия - не клуб, а боевой союз. Если бы Пивер сказал, что "троцкисты" нарушают дисциплину действия, это был бы серьезный аргумент. Но Пивер этого не говорит, значит этого нет.

Фракция Пивера

Требование "откинуть фракционные методы" тем более непозволительно, что сам Пивер, располагающий "гегемонией", имеет, несомненно, также свою фракцию, свои секретные совещания (напр[имер], о борьбе с троцкизмом) и пр. Разница только в том, что "троцкизм" наносит удары направо, а Пивер налево.

Четвертый Интернационал и фракции

В полном противоречии с действительностью Пивер изображает режим Четвертого Интернационала как режим монолитности и слепого повиновения. Трудно придумать карикатуру более фантастическую и менее добросовестную. Четвертый Интернационал никогда не запрещал фракций и не собирает их запрещать. Фракции в нашей среде бывали и есть. Спор всегда идет о содержании идей каждой фракции, а не об ее праве на существование. С точки зрения большевистских понятий о партийной демократии я считал бы прямо-таки скандальным обвинять противника, находящегося в меньшинстве, во "фракционных" методах вместо того, чтобы вступить с ним в спор по существу. Если разногласия серьезны, то фракционные методы оправданы. Если разногласия несерьезны, противник окажется скомпрометированным. Результатом фракционной борьбы может явиться либо более глубокое принципиальное сближение, либо раскол. Никаких других путей, если не считать тоталитарного режима, никто еще не выдумал.

Проверка на конкретном вопросе

По вопросу о вхождении в ПСОП, например, в среде "троцкистов" меньше всего можно было открыть "монолитность" или "слепое повиновение". Французские товарищи долго и страстно обсуждали вопрос и в конце концов раскололись. Каково было мое личное отношение к делу? Скажу откровенно: я колебался. Несколько месяцев тому назад я высказался в частном письме скорее отрицательно. Это не помешало влиятельной группе французских товарищей под руководством Руса, войти в ПСОП. Думаю, что они оказались правы.

Часть нашей французской секции явно обнаружила организационный консерватизм и сектантство. Было бы удивительно, если бы в среде гонимой и преследуемой крайней левой оппозиции не появлялись в нынешних политических условиях такие тенденции. Что Четвертый Интернационал борется с сектантством, притом с возрастающим успехом, подтверждают неоспоримые факты. Раскол, конечно, печальный эпизод, но только эпизод. Если ПСОП будет развиваться в революционном направлении (а мы этого от души желаем), она привлечет в свой состав и отколовшуюся часть "троцкистов". Если ПСОП под давлением буржуазии, социал-патриотов и сталинцев вытеснит "троцкистов", единство будет восстановлено вне ПСОП.

"Партия - начальник"

Обобщая свои взгляды на партию, Пивер пишет: "Понятию партии - начальника, своего рода централизованного генерального штаба, который готовит в тайне конспирации так называемое (?) революционное действие, мы предпочитаем понятие партии, широко открытой в сторону реального движения масс, предоставляющей революционному авангарду все возможности прямого контакта с наиболее широкими слоями рабочего и крестьянского пролетариата". Как всегда, Пивер остается в области абстракций и туманных оборотов речи. О какой "партии-хозяине" идет речь? О старой большевистской партии? Если так, почему он этого не скажет прямо? Можно ли воспитывать рабочих анонимными намеками? К тому же эти намеки ложны по существу. В истории не было партии, которая при глубокой внутренней демократии отличалась бы такой чуткостью, смелостью и гибкостью в подходе к массам, как большевистская партия. Пивер еще только обещает установить связь с "наиболее широкими слоями", большевистская же партия на деле объединила миллионы для победы. О каких, кстати, "тайных конспирациях" столь презрительно говорит Пивер: не о подготовке ли Октябрьского восстания? Но тогда он просто повторяет то, что твердили всегда либералы, меньшевики и эсеры.

Только большевизм создал революционную партию

Организационные взгляды не имеют, конечно, самостоятельного характера. Но через них и только через них выражается до конца программная и тактическая позиция. Для дилетантов из бывшего парижского журнала "Массы"³⁶⁷ и им подобных организационные вопросы сводятся к тому, чтобы обеспечить свою "гегемонию" в журнальчике и оградить себя от неприятной критики: дальше этого они не идут. Организация социал-демократии была и есть целиком приспособлена к избирательным задачам. До сих пор только большевизм сумел найти формы организации для революционной борьбы за власть. Отмахиваться от большевизма при помощи общих фраз, не имея за собой никакого другого революционного опыта, недопустимо, легкомысленно, недостойно. Так нельзя воспитывать рабочих!

Роза Люксембург

В подкрепление своих организационных взглядов (вернее, их отсутствия) Пивер цитирует, конечно, Люксембург. Но это мало подвигает нас вперед. У Розы можно многому поучиться; но ее организационные взгляды были самым слабым местом ее позиции, ибо резюмировали ее ошибки в сфере теории и политики. В Германии Роза не сумела создать революционную партию или фракцию, и этот факт был одной из причин крушения революции 1918-1919 гг. (см. об этом В.Гелд в "Унзер Ворт" No [...]368). Что касается польской партии Розы Люксембург³⁶⁹, то под влиянием событий революции она вынуждена была перестроиться по большевистскому образцу. Эти исторические факты куда важнее цитат!

Троцкизм в 1904 г.

В 1904 году я написал брошюру "Наши политические задачи"³⁷⁰, которая в организационной области развивала взгляды, очень близкие взглядам Розы Люксембург (Суварин сочувственно цитирует эту брошюру в своей биографии Сталина). Однако весь дальнейший опыт показал мне, что Ленин в этом вопросе был прав против Розы Люксембург, как и против меня. Марсо Пивер противопоставляет "троцкизму" 1939 г. троцкизм 1904 г. Но ведь с того времени в одной лишь России произошли три революции. Неужели же мы за эти 35 лет так-таки ничему не научились?

"Либертарные" посулы

Чтобы отрекомендовать свой демократизм с лучшей стороны, Пивер обещает, что его "метод построения социализма будет не авторитарным, а либертарным". Нельзя не усмехнуться с горечью по поводу этой пышной и туманной фразы. Означает ли формула либертарного социализма анархию, т. е. отказ от диктатуры пролетариата? Но ведь Пивер считает себя марксистом, а не прудонистом и не бакунистом. Диктатура пролетариата по самому существу своему "авторитарна", иначе она не была бы диктатурой. Разумеется, есть пределы "авторитарности", т. е. есть различие внутреннего режима диктатуры. Если Пивер хочет сказать, что он будет стремиться к тому, чтобы советы, как органы диктатуры, сохраняли как можно более широкую внутреннюю демократию,

то он повторит лишь то, за что "троцкисты" вели борьбу с 1923 г. Однако чтобы обещание Пивера звучало убедительно, ему следовало бы уже сейчас не топтать внутрипартийную демократию по примеру Л.Блюма и П.Фора, отказывая меньшинству в его законнейших правах, запрещая оппозиционные фракции и сохраняя монополию "гегемонии" для своей фракции; следовало бы, другими словами, установить хотя бы десятую часть той демократии, которой отличалась большевистская партия в условиях царского подполья и в первые годы Советского режима. Пока этого нет, обещание "либертарных" благ в неопределенном будущем не имеет большой цены. Оно немножко напоминает обещание загробного воздаяния за страдания в этом мире.

Таковы организационные взгляды Пивера. Они фактически означают разрыв с партийной демократией и замену демократического централизма бюрократическим, т. е. гегемонией аппарата над идеями. Мы увидим сейчас, что в области доктрины, программы и политики дело обстоит не лучше.

Одностороннее требование

Пивер требует, как мы уже знаем, "доверчивого" сотрудничества со всеми теми элементами, которые "мужественно" порвали с социал-патриотизмом и национал-коммунизмом. В принципе, мы готовы принять такое требование. Но, к сожалению, сам Пивер нарушает его вопиющим образом. Большевизм порвал со всеми видами патриотизма на четверть века раньше ПСОП. Однако Пивер вовсе не обнаруживает "доверчивого отношения" к большевизму. Троцкисты, доказавшие революционный характер своего интернационализма борьбой и бесчисленными жертвами, обязаны доверять Пиверу; но Пивер вовсе не обязан доверять троцкистам. Правило Пивера: доверие - направо, угрозы и репрессии - налево. Но ведь это - правило Леона Блюма, только передвинутое на несколько градусов.

Разрыв с социал-патриотизмом

Интернационализм несомненно является основной предпосылкой сотрудничества. Наши французские товарищи очень серьезно отнеслись к разрыву ПСОП с социал-патриотической партией Блюма, иначе они не вступили бы в ПСОП. Но изображать дело так, будто раскол с коррумпированной партией автоматически разрешает все проблемы, неправильно. Надо после разрыва выработать революционную программу, правильно определить своих друзей и врагов. Руководство ПСОП этого не сделало. И не случайно: оно далеко еще не перерезало старой пуповины.

Франк-масонство

Беда в том, что вожди ПСОП не порвали "мужественно" с социал-патриотизмом, ибо не порвали с масонством, этим важнейшим резервуаром империалистического патриотизма. На днях я получил прекрасную брошюру Пьера Бэйли "Да, франк-масонство есть опасность". Отбросив прочь психологически-философскую размазю, которая не имеет ни малейшей ценности, ибо в течение всего своего развития масонство ни в науку, ни в философию не внесло ни одной крупинки, автор подошел к вопросу по-марксистски, т. е. с классово-точкой зрения. На основании документов самого масонства он неопровержимо показал его империалистическую, реакционную и деморализующую роль³⁷¹.

Брошюра Бэйли является, кстати сказать, лучшим доказательством того, что, в отличие от всех других фракций и групп, наши товарищи умеют подходить к важнейшим проблемам как пролетарские революционеры. Даже тот маленький факт, что буржуазно-сентиментальная и пустая брошюра Николич очень хорошо отпечатана, тогда как серьезная работа Бэйли издана на мимеографе³⁷², недурно иллюстрирует социальное положение центристских и революционных идей.

Социал-пацифизм

Нет, Пивер вовсе не порвал "мужественно" с социал-патриотизмом и его разновидностью социал-пацифизмом, - иначе он не заключил бы против нас союз с Макстоном, вождем британской НРП. Между революционным марксизмом и империалистическим пацифизмом Макстона - пропасть. Феннер Броквей слегка полее Макстона. Но, как показывает вся история Независимой рабочей партии, Макстон во всех критических случаях угрожает своей отставкой, а Феннер Броквей немедленно становится на колени перед Макстоном. Можно закрывать на

это глаза. Но факты остаются. Пусть Пивер объяснит рабочим, что именно связывает его с Макстоном против Четвертого Интернационала. "Скажи мне, кто твои друзья, и я скажу тебе, кто ты".

Снивлит

Пивер идет рука об руку со Снивлитом, который всю свою политику за последние годы строил на том, чтобы – упаси боже – не привести в дурное настроение голландское правительство и не лишиться свою сектантскую профсоюзную организацию государственной субвенции. Мы десятки раз требовали, чтобы партия Снивлита выработала политическую платформу, чтобы Снивлит в качестве депутата выдвигал боевые лозунги, чтобы агитация в массах велась в революционном духе. Снивлит систематически уклонялся, чтобы не рвать с консервативным правительством. Каким "тоном" этот демократ разговаривал с молодыми товарищами, об этом лучше не упоминать. Когда конференция Четвертого Интернационала собралась, наконец, поставить вопрос о голландской секции ребром, Снивлит покинул нашу организацию и, разумеется, стал жаловаться на наши плохие "методы". У Пивера методы, конечно, лучше: замалчивая капитулянтскую политику Снивлита, он направляет свои громы против троцкистов.

ПОУМ

Пивер стремится защитить личную память Андрея Нина от подлой клеветы, и это, разумеется, прекрасно. Но когда он изображает политику Нина в качестве революционного образца, то нельзя назвать это иначе, как преступлением по отношению к пролетариату. В разгар революционной войны между классами Нин вступил в буржуазное правительство, целью которого было уничтожить рабочие комитеты, основу пролетарского правительства. Когда эта контрреволюционная цель оказалась достигнута, Нин был изгнан из буржуазного правительства. Вместо того чтобы признать после этого совершенную гигантскую ошибку, партия Нина требовала восстановления коалиции с буржуазией. Посмеет ли Пивер опровергать это? Решают не слова, а факты. Политика ПОУМ определяется капитуляцией перед буржуазией во все критические моменты, а не той или другой цитатой из речи или статьи Нина. Коалиция с буржуазией во время социалистической революции – большего преступления вообще не может быть.

Вместо того чтобы беспощадно разоблачать эту гибельную политику, Пивер перепечатывает для оправдания ее старые статьи Курта Ландау. Как и Нин, Ландау пал жертвой ГПУ. Но самое горячее сочувствие жертвам сталинских палачей не освобождает от обязанности говорить рабочим правду. Ландау, как и Нин, был разновидностью левого меньшевизма, учеником Мартова, а не Ленина. Поддерживая ошибки Нина, а не нашу критику этих ошибок, Ландау, как и Виктор Серж, как и Снивлит, как и Пивер, сыграл по отношению к испанской революции печальную роль. Внутри ПОУМ поднимает сейчас голову левая оппозиция (Хосе Ребулл и его друзья). Долг марксистов – помочь ей довести свою критику до конца. Между тем Пивер поддерживает худших консерваторов ПОУМ, вроде Горкина. Нет, Пивер не сделал выводов из своего разрыва с Блюмом!

"Практические результаты"

С неуместным высокомерием Пивер говорит о том, что "практические результаты", достигнутые троцкизмом, слишком незначительны, чтобы заставить его менять свою точку зрения. Каким, однако, образом в эту эпоху всеобщей реакции революционная партия может стать массовым движением? Сейчас, благодаря явному банкротству двух старых Интернационалов, положение становится для революционеров благоприятнее. Один из признаков: откол ПСОП от партии Блюма. Но ведь мы-то начали нашу борьбу задолго до этого. Если бы Пивер мыслил критически, он понял бы, что без долгой предварительной работы "троцкистов" он и сегодня еще, вероятно, не откололся бы от Блюма. С широкой исторической точки зрения, ПСОП в целом есть лишь побочный продукт борьбы троцкизма. Неужели Пивер считает и этот "практический результат" незначительным?

Реакция и "троцкизм"

То обстоятельство, что сталинцы, как и буржуазная полиция, всякую тенденцию влево называют троцкизмом, показывает, что вся сила мировой

реакции в последнем счете обрушивается на Четвертый Интернационал. ГПУ содержит многочисленный штат агентов, с одной стороны, для слежки, подлогов и убийств, с другой – для внесения конфликтов и расколов в наши ряды. В истории не было еще революционного течения, которое подверглось бы таким преследованиям, как наше. Реакция прекрасно понимает, что опасность – в Четвертом Интернационале. Только благодаря его непримиримой критике и пропаганде центристы начинают шевелиться, левые центристы отделяются от правых, правые отмежевываются от открытых социал-патриотов. Пивер верно сказал несколько лет тому назад, что борьба против троцкизма есть верный признак реакции. Жаль, однако, что эта реакция увлекает в свои ряды и его самого.

Внутренняя сила Четвертого Интернационала

Международная организация Брандлера, Ловстона и пр., казавшаяся во много раз сильнее нас, рассыпалась в прах. Союз Вальхера, Норвежской рабочей партии и самого Пивера разбился вдребезги. Лондонское бюро приказало долго жить. А Четвертый Интернационал через все трудности и кризисы непрерывно растет, имеет свои организации в нескольких десятках стран, сумел созвать в труднейших условиях, под террором ГПУ (убийство Клемента!) международный съезд, выработал свою программу, которой никто до сих пор даже не попытался противопоставить что-либо равноценное. Пусть Пивер попытается назвать марксистские издания, которые по своему теоретическому уровню могли бы быть поставлены рядом с "Нью Интернейшенел", "Клаве", "Унзер Ворт" и другими органами Четвертого Интернационала.

Все левые группировки, вращавшиеся вокруг Лондонского бюро, и прочие представляют собой разнообразные осколки прошлого, без общей программы, со старыми навыками и неисцелимыми болезнями. Четвертый Интернационал развивается как группировка новых, свежих элементов на основе общей программы, выросшей из всего опыта прошлого, непрерывно проверяемой и уточняемой. По подбору своих кадров Четвертый Интернационал имеет огромные преимущества над Третьим. Эти преимущества вытекают как раз из труднейших условий борьбы в эпоху реакции. Третий Интернационал формировался быстро, ибо многие "левые" легко и охотно примыкали к победоносной революции. Четвертый Интернационал группируется под ударами поражений и преследований. Идеиная связь, которая создается в таких условиях, необычайно прочна. Но темп роста получается, по крайней мере, в первый период, медленным.

Критерий дилетанта

Виктор Серж говорит: "Нельзя по желанию построить Интернационал, достойный этого имени". Какая самодовольная и вместе с тем пустая фраза! Можно подумать, что у Сержа в кармане имеются все мерки для Интернационала, точно для брюк. А национальную партию, "достойную этого имени", можно построить "по желанию"? Отвечает ли, например, ПСОП меркам Сержа? Люди, которые подходят к делу с такими внешними критериями, показывают тем самым, что Интернационал для них – торжественное и пышное учреждение, нечто вроде храма. Когда великолепное здание будет выстроено (Кем? Как?), тогда они вступят под его своды. Мы относимся к делу иначе. Интернационал для нас – необходимый инструмент пролетариата, как и национальная партия. Этот инструмент надо строить, улучшать, оттачивать. Это мы и делаем. Мы не ждем, что кто-нибудь сделает за нас эту работу. Мы призываем всех революционеров принять участие в этой работе – теперь, немедленно, не теряя ни часу. Когда Четвертый Интернационал станет "достойным этого имени" в глазах господ литераторов, дилетантов, скептиков, тогда к нему присоединиться будет нетрудно. Тогда Виктор Серж (этот или другой?) напишет книгу, в которой докажет (с лирикой, со слезой!), что самое лучшее и героическое время Четвертого Интернационала было тогда, когда он – без сил, без средств – вел борьбу против бесчисленных врагов, в том числе – мелкобуржуазных скептиков.

Наша секция в С[оединенных] Штатах

Пусть Пивер не спешит с выводами. ПСОП еще очень далека от массовой партии и не успела проверить свою силу сопротивления давлению империализма. С другой стороны, отдельные наши секции не только доказали свою жизненность, но и выходят на арену массовой борьбы. В наиболее могущественной капиталистической стране Соединенных Штатах Рабочая социалистическая партия

из общества пропаганды, каким она была в течение ряда лет, становится на наших глазах боевым фактором рабочей политики. Борьба против фашизма и борьба против войны возглавляется американской секцией Четвертого Интернационала. Главный из агитаторов фашизма патер Кофлин вынужден был недавно одну из своих радио-речей посвятить этой американской секции и ее борьбе за создание рабочей самообороны. Социалистическая рабочая партия ведет серьезную работу в профсоюзах, имеет прекрасную газету, выходящую два раза в неделю, серьезный ежемесячный журнал, газету для молодежи (два раза в месяц) и оказывает крупную идейную и материальную помощь другим секциям.

В Бельгии

Наша секция в Бельгии, почти сплошь пролетарская по составу, собрала на выборах около 7.000 голосов. Каждый такой голос в обстановке реакции и шовинизма стоит сотни голосов реформистских партий. Пусть Пивер не спешит подводить итоги. Пусть лучше внимательно прочтает заявление наших бельгийских товарищей, выбранных в Фленю. Но увы! Вместо того, чтобы искать связи с бельгийской Революционно-социалистической партией, Пивер прислушивается к банкротам и сектантам. Уже не Вареекен ли со Снивлитом и Виктором Сержем прокладывают путь к массам?

Голос из Сайгона

По поводу выборов в колониальный совет 30 апреля этого года большевики-ленинцы пишут мне из Сайгона (Индокитай): "Несмотря на постыдную коалицию буржуа всех мастей со сталинцами, мы одержали блестящую победу. Эта победа была тем более трудна, что сознание избирателей было затемнено в течение месяцев туманной пропагандой центристской группы 'Октябрь'... Мы шли на борьбу с широко развернутым знаменем Четвертого Интернационала... Теперь больше, чем когда-либо, - продолжает письмо, - мы понимаем значение не только программы Четвертого Интернационала, но и борьбы 1925, 1926, 1927 и 1928 гг. против теории и практики социализма в одной стране, борьбы против антиимпериалистической Лиги и других парадных комитетов, Амстердам, Плейель и пр."

Этот голос революционных рабочих из Сайгона имеет неизмеримо большее значение, чем голоса всех Лондонских бюро и квази-"Марксистских центров". Передовые рабочие угнетенной страны присоединяются к преследуемому Интернационалу. На опыте собственной борьбы они поняли значение нашей программы, и они сумеют за нее постоять. Особенно ценно и важно заявление о том, что передовые сайгонские рабочие поняли смысл борьбы левой оппозиции в течение 1925-1928 годов. Только преемственность идей создает революционную традицию, без которой политическая партия колеблется, как тростник под ветром.

В Англии и Франции

В старых колониальных странах, Англии и Франции рабочая бюрократия, непосредственно заинтересованная в колониальной сверхприбыли, могущественнее и консервативнее, чем где бы то ни было, и революционным массам здесь исключительно трудно поднять голову. Этим объясняется особая медленность развития секций Четвертого Интернационала в этих странах. От эволюции ПСОП зависит в значительной степени, удастся ли революционерам уже в ближайшие месяцы пробить серьезную брешь в стене измены и предательства. Но как бы ни обстояло дело на этот счет, общий ход развития не оставляет места сомнениям. Когда наиболее угнетенные слои в Англии и Франции вырвутся на открытую арену, они не остановятся на промежуточных позициях, а усвоят ту программу, которая отвечает глубине и остроте нынешних социальных противоречий.

"Догма"

Пивер не хочет или не умеет понять, что наша несокрушимая сила - в нашей теоретической последовательности и непримиримости. "Троцкий допускает в свою организацию, - пишет Пивер, - только таких членов, которые принимают как догму (?), следовательно, без дискуссии (?), систематическую ссылку на принципы, выработанные в течение первых четырех конгрессов Коммунистического Интернационала. Наша концепция партии совсем иная". Поддаваясь всякого рода сомнительным влияниям, Пивер пытается свести движение Четвертого Интернационала к одному лицу: "Троцкий допускает в свою организацию..."

Пивер не может не знать, что левая оппозиция с самого начала включала в себя цвет большевистской партии: закаленных подпольных революционеров, героев гражданской войны, лучших представителей молодого поколения, сотни и сотни образованных марксистов, которые сделали бы честь любой партии. Десятки тысяч "троцкистов" погибли мучительной смертью. Неужели же только потому, что "Троцкий допускает" или не допускает? Надо такие пошлости предоставить Брандлеру, Вальхеру, Ловстону, Снивлиту и им подобным циникам... Но вернемся к "догме". Разногласия в большевистской партии развернулись после первых четырех конгрессов Коминтерна, решения которых вырабатывались при ближайшем участии будущих руководителей "левой оппозиции". Резкий поворот в сторону оппортунизма был санкционирован пятым конгрессом. Не отказываясь от революционной традиции, величайшей, какую знает человеческая история, мы, однако, лишь исходили из первых четырех конгрессов, но вовсе не ограничивались ими; мы наблюдали, изучали, обсуждали, критиковали, вырабатывали лозунги, шли вперед. Я могу сослаться в доказательство на наши теоретические журналы, внутренние бюллетени, десятки программных книг и брошюр, вышедшие за последние 15 лет. Может быть, Пивер назовет нам хоть одну серьезную критическую работу противников, которая осталась бы без ответа с нашей стороны? Может быть, у самого Пивера и его друзей есть неучтенная нами критика решений первых четырех конгрессов? Где она?

В той же статье Пивер требует от троцкистов, "чтобы они приняли хартию, структуру, правила, решения большинства и обязались выполнять их без упущения". Само по себе это требование законно. Но значит ли это, что хартия ПСОП, ее структура, правила и пр. - "догма"? Или "догмой" являются только программные решения первых четырех конгрессов?

Китайские тени

Пивер рассуждает так: надо найти, вскрыть и отбросить те черты, особенности, недочеты классического большевизма, за которые впоследствии уцепился сталинизм. Это рассуждение формалистично и безжизненно. Сталинизм ухватился вовсе не непременно за худшие черты большевизма. Самоотвержение есть прекрасное качество революционера. Некоторые из подсудимых на московских процессах несомненно руководствовались духом самоотвержения: отдать свою жизнь и даже репутацию во имя "обороны СССР". Значит ли это, что вместо самоотвержения нужно насаждать эгоизм? Можно на это ответить: надо развивать способность критики. Но это общее место. Большевики отнюдь не были менее способны к критике, чем их нынешние критики. Но объективные исторические условия сильнее субъективных. Когда в изолированной и отсталой стране новая бюрократия поднимается над революционным классом и душит его авангард, она по необходимости пользуется формулами и традициями большевизма, воспитанными им качествами и методами, наполняя их, однако, противоположным социальным содержанием. Ленин вслед за Марксом учил, что на первой стадии социализма элементы неравенства еще неизбежно сохраняются. Бюрократия превратила эту мысль в оправдание своих грабительских привилегий. Неужели же надо из-за этого злоупотребления отвергнуть безусловно правильную мысль Маркса?

Диалектика классовой борьбы на протяжении всей истории совершала подобные превращения, подмены, перелицовки: такова судьба христианства, протестантизма, демократии и пр. Такова, в частности, судьба франк-масонства. Оно возникло в 17 столетии³⁷³, как реакция мелкой буржуазии против разлагающего духа капиталистического индивидуализма, и пыталось возродить идеализированную мораль цехового "братства". В ходе классовой борьбы оно стало затем орудием крупной буржуазии, чтобы дисциплинировать и подчинить своим целям мелкую буржуазию. Нельзя брать принципы вне социальной реальности, вне тех классов, какие являются их носителями.

Та критика большевизма, которую Пивер развивает вслед за Виктором Сержем и другими, не заключает в себе ни грамма марксизма. Материалистический анализ она подменяет игрой китайских теней.

За гегемонию научной мысли

Серьезный революционер, который предвидит, какие ответственные решения придется принимать партии в критические часы, остро чувствует свою ответственность в подготовительный период, тщательно, придирчиво анализирует каждый факт, каждое понятие, каждую тенденцию. Революционер похож в этом

отношении на хирурга, который не может отделяться общими фразами насчет анатомии, а должен точно знать размещение костей, мускулов, нервов, сухожилий и их переплет, чтобы не сделать ни одного ложного движения ланцетом. Архитектор, медик, химик отнеслись бы с возмущением к предложению не уточнять научных понятий и формул, не претендовать на "гегемонию" законов механики, физиологии или химии, а примирительно относиться к другим взглядам, хотя бы и ошибочным. Между тем такова именно позиция Пивера. Не входя в существо программных разногласий, он повторяет общие фразы насчет того, что ни одно из течений "не может претендовать на то, что заключает в себе истину". И поэтому? Поэтому нужно жить и жить давать другим. Такого рода афоризмы ничему хорошему не могут научить передового рабочего; вместо мужества и чувства ответственности они способны лишь сеять безразличие и расслабленность. Четвертый Интернационал ведет борьбу против знахарства - за научное отношение к проблемам пролетарской политики. Революционная страсть в борьбе за социализм неотделима от интеллектуальной страсти в борьбе за истину.

Большевизм или меньшевизм?

Пиверу кажется, что мы являемся представителями догматизма и рутины, а он - представителем критической мысли. На самом деле в своей критике "троцкизма" Пивер повторяет старые формулы меньшевиков, не прибавляя к ним ни одного свежего слова. А ведь меньшевизм тоже подвергся проверке, и немалой. Большевистская партия победоносно руководила величайшей революцией; оказавшись изолированной, она не выдержала давления враждебных исторических сил. Иными словами: русский большевизм оказался не в силах заменить собою международный рабочий класс. Меньшевизм же не внес в революцию ничего, кроме прострации и предательства. Левый меньшевизм в лице Мартова означал честную растерянность и бессилие. Историческая задача, поставленная Октябрем, не разрешена. Основные силы, участвующие в борьбе, те же. Выбор идет не между "троцкизмом" и ПСОП, а между большевизмом и меньшевизмом. Идти от большевизма вперед мы готовы. Пятиться назад - не согласны.

Программа Четвертого Интернационала

Пивер нашел нужным вернуться к "четырем конгрессам" в июне 1939 года, когда мы уже успели далеко уйти вперед. На нашей последней международной конференции осенью прошлого года принята программа переходных требований, отвечающая задачам нынешней эпохи. Знаком ли Пивер с этой программой? Как он к ней относится? Мы, со своей стороны, ничего так не желаем, как критики. Каким угодно "тоном", но по существу!

Вот конкретное предложение, которое я позволяю себе сделать "извне": немедленно приступить к обсуждению и выработке международной программы пролетариата и создать специальное издание для международной дискуссии по этому вопросу. В основу этого обсуждения предлагаю положить программу Четвертого Интернационала "Агония капитализма и задачи Четвертого Интернационала". Но, разумеется, наш Интернационал готов будет принять за основу обсуждения и другой проект, если он будет представлен. Может быть, Пивер и его друзья примут это предложение? Оно, несомненно, подвинуло бы нас вперед!

*

Я разобрал статью Пивера с тщательностью, которая может некоторым показаться излишней и утомительной. Кое-кому "тон" снова покажется слишком резким. Но я думаю все же, что подробное, точное и ясное объяснение гораздо больше свидетельствует о стремлении к сотрудничеству, чем дипломатические экивоки, дополняемые угрозами и инсинуациями. Я хотел бы, чтобы над этим задумался не только Марсо Пивер, но и Даниэль Герен³⁷⁴. Надо перестать питаться опустошенными формулами вчерашнего дня. Надо встать на путь серьезного и честного обсуждения программы и стратегии нового Интернационала.

Л.Троцкий

25 июля 1939 г.

Койоакан

Индия перед империалистской войной.

Письмо передовым рабочим Индии

Дорогие друзья!

Великие и грозные события надвигаются с неумолимой силой. Человечество живет в ожидании войны, которая вовлечет в свой кровавый водоворот, конечно, и колониальные страны и будет иметь огромное значение для их дальнейшей судьбы. Агенты великобританского правительства изображают дело так, будто война будет вестись из-за принципов "демократии", которые необходимо спасти от фашизма. Все классы и все народы должны сплотиться вокруг "мирных", "демократических" правительств, чтобы дать отпор фашистам - агрессорам: тогда "демократия" будет спасена и мир укреплен навсегда. Эта проповедь построена на сознательной лжи. Если британское правительство действительно озабочено процветанием демократии, то у него есть простая возможность доказать это: пусть даст полную свободу Индии. Право на национальную независимость есть одно из основных демократических прав. Но на самом деле лондонское правительство готово отдать все демократии мира за одну десятую часть своих колоний.

Если индусский народ не хочет остаться навсегда рабом, то он должен разоблачить и прогнать фальшивых проповедников, которые утверждают, будто единственный враг народов - это фашизм. Гитлер и Муссолини - бесспорно злейшие враги трудящихся и угнетенных, кровавые палачи, заслуживающие величайшей ненависти трудящихся и угнетенных всего мира. Но они являются в первую голову врагами германского и итальянского народов, на спине которых они сидят. Угнетенные классы и народы, как учили Маркс, Энгельс, Ленин, Либкнехт, должны всегда искать главного врага в собственной стране, в лице своих непосредственных угнетателей и эксплуататоров. Таким врагом для Индии в первую голову является британская буржуазия. Низвержение британского империализма нанесло бы страшный удар всем угнетателям, в том числе и фашистским диктаторам. В конце концов империалисты отличаются друг от друга по форме, но не по существу. Германский империализм, лишенный колоний, надевает грозную маску фашизма с торчащими наружу клыками. Сытый британский империализм, имеющий громадные колонии, прикрывает свои клыки маской демократии. Но это - демократия только для метрополии, для 45 миллионов душ, вернее для правящей буржуазии в метрополии. Индия лишена не только демократии, но и самых элементарных прав национального существования. Империалистская демократия есть, следовательно, демократия рабовладельцев, питающаяся жизненными соками колоний. Между тем Индия хочет иметь свою собственную демократию, а не служить навозом для рабовладельцев.

Кто хочет покончить с фашизмом, с реакцией, со всеми видами угнетения, должен низвергнуть империализм. Другого пути нет. Эта задача не может быть, однако, разрешена мирными средствами: переговорами и увещаниями. Никогда еще в истории рабовладельцы не освобождали добровольно своих рабов. Только смелая и решительная борьба индусского народа за свое экономическое и национальное освобождение может сделать Индию свободной.

Индусская буржуазия на революционную борьбу не способна. Она тесно связана с британским капиталом и зависит от него. Она дрожит за свою собственность. Она боится масс. Она ищет во что бы то ни стало компромисса с британским империализмом и усыпляет индусские массы надеждами на реформу сверху. Вождь и пророком этой буржуазии является Ганди. Ложный вождь и фальшивый пророк! Ганди и ему подобные развивают ту теорию, что положение Индии будет все более улучшаться, что ее свободы будут все более расширяться, что на пути мирных реформ Индия придет постепенно к положению доминиона, а потом может быть и к полной независимости. Вся эта перспектива в корне ложна. Империалистские классы могли давать уступки колониальным народам, как и собственным рабочим, только до тех пор, пока капитализм поднимался в гору, пока у эксплуататоров была твердая надежда на дальнейший рост их барышей. Сейчас об этом не может быть и речи. Мировой капитализм находится в упадке. Положение всех империалистских наций становится все более трудным, противоречия между ними - все более обостренными. Чудовищные

вооружения поглощают все большую долю национальных доходов. Империалисты не могут больше делать серьезных уступок ни собственным трудящимся массам, ни колониям. Наоборот, они принуждены прибегать ко все более зверской эксплуатации. В этом и выражается смертельный кризис капитализма. Чтобы отстоять свои колонии, рынки и концессии от Германии, Италии и Японии, лондонское правительство готово уложить миллионы людей. Можно ли, не лишившись рассудка, надеяться на то, что эта жадная и свирепая финансовая олигархия добровольно даст Индии свободу?

Правда, на смену консервативному правительству может прийти правительство так называемой Рабочей партии. Но это ничего не изменит. В колониальном вопросе рабочая партия, как свидетельствуют все ее прошлое и ее нынешняя программа, ничем не отличается от консерваторов. Рабочая партия на деле выражает не интересы рабочего класса, а лишь интересы британской рабочей бюрократии и аристократической верхушки рабочего класса. Это тот слой, которому буржуазия имеет возможность давать жирные подачки благодаря тому, что сама она нещадно эксплуатирует колонии, в первую голову Индию. Британская рабочая бюрократия в партии, как и в тред-юнионах, непосредственно заинтересована в эксплуатации колоний. Она и думать не хочет об освобождении Индии. Все эти господа Эттли, Ситрины и К° в любую минуту готовы заклеить революционное движение индусского народа как "измену", как помощь Гитлеру и Муссолини и прибегнуть к военным мерам для его подавления.

Нисколько не лучше политика нынешнего Коминтерна. Правда, 20 лет тому назад Третий или Коммунистический Интернационал был создан как подлинно революционная организация. Одной из его важнейших задач являлось освобождение колониальных народов. Однако от этой программы сейчас остались одни воспоминания. Вожди Коминтерна давно уже стали простым орудием московской бюрократии, которая задушила советские рабочие массы и превратилась в новую аристократию. В рядах коммунистических партий разных стран, в том числе и Индии, есть, разумеется, немало честных рабочих, студентов и пр.; но не они определяют политику Коминтерна. Решающее слово принадлежит Кремлю, который руководствуется интересами не угнетенных, а новой аристократии в СССР.

Сталин и его клика ради союза с империалистическими правительствами полностью отказались от революционной программы освобождения колоний. Это открыто признал на последнем съезде сталинской партии в Москве в марте этого года Мануильский, один из вождей Коминтерна. "Коммунисты выдвигают, - говорил он, - на первый план борьбу за осуществление права на самоопределение народов, поработанных фашистскими государствами. Они требуют свободного самоопределения Австрии..., Судетской области..., Кореи, Формозы³⁷⁵, Абиссинии..." А как же дело обстоит с Индией, Индо-Китаем, Алжиром и другими колониями Англии и Франции? На это представитель Коминтерна отвечает: "Коммунисты... требуют у империалистских правительств так называемых буржуазно-демократических государств немедленного (!) радикального (!!) улучшения материального положения трудящихся масс колоний, и предоставления колониям широких демократических прав и свобод" (Правда, No 70, 12 марта 1939 г.). Другими словами, в отношении колоний Англии и Франции Коминтерн полностью перешел на позицию Ганди и вообще соглашательской колониальной буржуазии. Коминтерн окончательно отказался от революционной борьбы за независимость Индии. Он "требует" (на коленях) "предоставления" Индии британским империализмом "демократических свобод". Особенно лживо и цинично звучат слова о "немедленном радикальном улучшении материального положения трудящихся масс колоний". Нынешний упадочный, гниющий, разлагающийся капитализм вынужден все более ухудшать положение рабочих в самой метрополии. Как же он может улучшить положение трудящихся в колониях, из которых он вынужден выжимать все соки, чтобы поддерживать свое собственное равновесие? Улучшение положения трудящихся масс в колониях возможно лишь путем полного низвержения империализма.

Но Коминтерн идет еще дальше по пути предательства. Коммунисты, по словам Мануильского, "осуществление права на отделение подчиняют... интересам разгрома фашизма". Иными словами: в случае войны между Англией и Германией из-за колоний, индусский народ должен поддерживать своих нынешних рабовладельцев, британских империалистов, т.е. проливать кровь не за свое собственное освобождение, а за сохранение господства лондонской биржи над Индией. И эти продажные негодяи осмеливаются ссылаться на Маркса и Ленина!

На самом деле учителем и вождем их является Сталин, глава новой бюрократической аристократии, палач большевистской партии, душитель рабочих и крестьян.

*

Свою политику прислужничества британскому, французскому и северо-американскому империализму сталинцы прикрывают формулой "народного фронта". Какое издевательство над народом! "Народный фронт" есть только новое название для старой политики, сущность которой состоит в сотрудничестве классов, в коалиции пролетариата с буржуазией. Во всякой коалиции руководство оказывается неизбежно в руках правого фланга, т.е. в руках имущего класса. Индусская буржуазия, как уже сказано, хочет мирной сделки, а не борьбы. Коалиция с буржуазией ведет к отказу пролетариата от революционной борьбы с империализмом. Политика коалиции означает топтание на месте, выжидание, ложные надежды, пустые маневры и интриги. В результате этой политики в рабочих массах неизбежно начинается разочарование, крестьяне отворачиваются от пролетариата и впадают в апатию. Политикой коалиции была загублена германская революция, австрийская революция, китайская революция, испанская революция³⁷⁶. Та же опасность грозит и революции в Индии, где сталинцы, под видом "народного фронта", проводят политику подчинения пролетариата буржуазии. Это означает на деле отказ от революционной аграрной программы, отказ от вооружения рабочих, отказ от борьбы за власть, отказ от революции.

Разумеется, в случае, если индусская буржуазия окажется вынуждена сделать хотя бы малейший шаг на пути борьбы против британского произвола, пролетариат поддержит этот шаг. Но он поддержит его своими собственными методами: массовыми собраниями, смелыми лозунгами, стачками, манифестациями и более решительными боевыми действиями в зависимости от соотношения сил и обстановки. Но именно для этого пролетариату нужны свободные руки. Полная независимость от буржуазии необходима пролетариату прежде всего для воздействия на крестьян, главную массу населения Индии. Только пролетариат способен выдвинуть смелую революционную аграрную программу, поднять и сплотить десятки миллионов крестьян и повести их в бой против туземных угнетателей и британского империализма. Союз рабочих и беднейших крестьян есть единственно честный, единственно надежный союз, который способен обеспечить окончательную победу индусской революции.

*

Все вопросы мирного времени сохраняют свою силу и во время войны, только получают неизмеримо более острое выражение. Прежде всего чрезвычайно возрастет эксплуатация колоний. Метрополии будут не только отнимать у колоний продовольствие и сырье, но и мобилизовать в огромных количествах колониальных рабов, чтобы те умирали на полях сражений за своих рабовладельцев. Тем временем колониальная буржуазия будет пристраиваться к военным поставкам и, разумеется, откажется от оппозиции во имя патриотизма и барышей. Ганди уже сейчас подготавливает почву для такой политики. "Надо терпеливо подождать конца войны, - будут твердить эти господа, - тогда Лондон вознаградит нас за оказанную нами помощь". На самом деле после войны империалисты, чтобы восстановить разрушения и опустошения, будут вдвое и втрое больше эксплуатировать трудящихся, как у себя дома, так и особенно в колониях. В этих условиях не сможет быть и речи о новых социальных реформах в метрополии или о даровании свобод колониям. Двойные цепи рабства - таков будет неизбежный результат войны, если народные массы Индии будут следовать политике Ганди, сталинцев и их друзей.

Война может, однако, принести Индии, как и другим колониям, не двойное рабство, а, наоборот, полную свободу: условием для этого является правильная революционная политика. Индусский народ должен с самого начала отделить свою судьбу от судьбы британского империализма. Угнетатели и угнетенные стоят по разные стороны траншей. Никакой помощи рабовладельцам! Наоборот, надо использовать те грандиозные затруднения, какие принесет с собой война всем правящим классам, чтобы нанести им смертельный удар. Так должны действовать угнетенные классы и угнетенные народы во всех странах, независимо от того,

прикрываются ли господа империалисты демократическими или фашистскими масками.

Чтобы осуществить такую политику, нужна революционная партия, опирающаяся на авангард пролетариата. Такой партии в Индии еще нет. Четвертый Интернационал предлагает для такой партии свою программу, свой опыт, свое содействие. Основные условия для такой партии: полная независимость от империалистской демократии, от Второго и Третьего Интернационалов и от национальной индусской буржуазии.

В ряде колониальных и полуколониальных стран секции Четвертого Интернационала существуют уже и успешно развиваются. На первом места среди них стоит несомненно наша секция во французском Индокитае, ведущая непримиримую борьбу против французского империализма и мистификаций "народного фронта". "Сталинские вожди, - пишет газета сайгонских рабочих "Борьба" от 7 апреля этого года, - сделали еще один шаг на пути измены. Сбрасывая свои маски революционеров, они стали чемпионами империализма и открыто высказываются против освобождения угнетенных колониальных народов". Благодаря своей смелой революционной политике, сайгонские пролетарии, принадлежащие к Четвертому Интернационалу, на выборах в колониальный совет в апреле этого года одержали блестящую победу над блоком правительственной партии и сталинцев.

Такую же политику должны проводить и передовые рабочие британской Индии. Надо отбросить фальшивые надежды и оттолкнуть фальшивых друзей. Надо надеяться только на себя, на свои революционные силы. Борьба за национальную независимость, за самостоятельную индусскую республику неразрывно связана с аграрной революцией, с национализацией банков и трестов и с рядом других экономических мер, которые должны поднять жизненный уровень страны и сделать трудящиеся массы хозяевами собственной судьбы. Выполнить эти задачи способен лишь пролетариат в союзе с крестьянством.

На первых порах революционная партия будет, конечно, маленьким меньшинством. Зато она, в отличие от других партий, будет отдавать себе ясный отчет в обстановке и бесстрашно идти к своей великой цели. Нужно во всех промышленных центрах и городах создавать группы рабочих, стоящих под знаменем Четвертого Интернационала. В эти группы надо допускать только тех интеллигентов, которые полностью перешли на сторону пролетариата. Чуждые сектантской замкнутости революционные пролетарии - марксисты должны принимать активное участие в работе профессиональных союзов, просветительных обществ, Социалистической партии конгресса³⁷⁷, всех вообще массовых организаций, везде оставаясь крайним левым крылом, везде подавая пример мужества в действиях, везде терпеливо и по-товарищески выясняя свою программу рабочим, крестьянам и революционным интеллигентам. Грядущие события будут помогать индусским большевикам-ленинцам, обнаруживая перед массами правильность их пути. Партия будет быстро расти и закаляться в огне. Позвольте мне выразить твердую надежду на то, что революционная борьба за освобождение Индии развернется под знаменем Четвертого Интернационала.

С горячим товарищеским приветом

Л. Троцкий

25 июля 1939 г.

Койоакан

Новый большой писатель

Jean Malaquais, Les Javanais, roman. Editions Denoel, Paris³⁷⁸, 1939

Хорошо, что на свете существует не только политика, но и искусство. Хорошо, что искусство неисчерпаемо в своих возможностях, как сама жизнь. В известном смысле искусство богаче жизни, ибо может преувеличить и преуменьшить, наложить яркие краски, и, наоборот, ограничиться серым карандашом, может один и тот же объект повернуть с разных сторон и осветить разным светом. Наполеон был один. Его художественных воспроизведений великое множество.

Петропавловская крепость и другие царские тюрьмы так тесно сблизили меня с французскими классиками, что затем я в течение свыше трех десятилетий более или менее правильно следил за выдающимися новинками французской

литературы. Даже в годы гражданской войны я в вагоне своего военного поезда имел свежий французский роман³⁷⁹. После высылки в Константинополь у меня собралась небольшая библиотечка новейшей французской литературы, которая сторела со всеми моими книгами в марте 1931 года. Однако за самые последние годы интерес к роману ослабел, если не исчез совсем. Слишком большие события прокатились над нашей землей, отчасти и над моей головой. Художественная выдумка стала казаться пресной, почти тривиальной. Первые тома эпопеи Жюль Ромена я читал с интересом. Последние книги, особенно посвященные изображению войны, показались мне бледным репортажем. Война, видимо, вообще не вмещается в искусство. Батальная живопись чаще всего просто глуповата. Но дело не только в этом. Как слишком острая кухня притупляет вкус, так нагромождение исторических катастроф притупляет интерес к литературе. Однако на днях я снова имел случай повторить: хорошо, что на свете существует искусство.

Неизвестный мне французский автор, Жан Малакэ, прислал мне свою книгу под загадочным названием "Явайцы". Роман посвящен Андре Жиду. Это немножко насторожило меня. Жид слишком отошел от нас вместе с той эпохой, которую он отражал в своих неторопливых и комфортабельных исканиях. Даже недавние его произведения читаются, хотя и с интересом, но скорее, как человеческие документы безвозвратного прошлого. Однако уже с первых страниц для меня стало ясно, что Малакэ совершенно независим от Жида. Автор вообще независим, и в этом его сила, особенно драгоценная в наше время, когда литературная зависимость всех видов стала правилом. Имя Малакэ мне ничего не говорило, если не считать названия одной из парижских улиц. "Явайцы" – первый роман автора; в качестве других произведений названы книги, еще только находящиеся "в подготовке". Однако эта первая книга сразу внушает мысль: имя Малакэ надо твердо запомнить.

Автор молод и страстно любит жизнь. Но он уже умеет соблюдать между собою и жизнью необходимую художественную дистанцию, как раз такую, чтобы не захлебнуться в собственном субъективизме. Любить жизнь поверхностной любовью дилетанта – есть дилетанты жизни, как есть дилетанты искусства – небольшая заслуга. Любить жизнь с открытыми глазами, с незатаивающей критикой, без иллюзий, без прикрас, такую, как она есть, за то, что в ней есть, и еще больше за то, чем она может стать – это в своем роде подвиг. Дать этой любви к жизни художественное выражение, когда дело идет о самом низшем социальном пласте – это большая художественная заслуга.

На юге Франции двести человек добывают олово и серебро из доживающей свой век шахты, хозяин которой, англичанин, не хочет делать затрат на новое оборудование. В стране немало гонимых иностранцев, без визы, без бумаг, на плохом счету у полиции. Они совсем не требовательны в отношении жилищ и условий безопасности и готовы работать за любую плату. Шахта со своим населением париев образует замкнутый мирок, как бы остров, за которым укрепилось имя Явы, вернее всего потому, что словом "явайский" французы нередко обозначают непонятное, экзотическое.

Почти все национальности Европы, да и не одной Европы, представлены в Яве. Белые русские, неизвестной окраски поляки, итальянцы, испанцы, греки, чехи, словаки, немцы, австрийцы, арабы, армянин, китаец, негр, украинский еврей, финн... Среди всех этих метеков³⁸⁰ только один француз, жалкий неудачник, высоко держит знамя третьей республики. В бараке, примыкающем к стене сторевшего давно завода, живут три десятка одиноких, из которых почти каждый ругается на другом языке. Жены остальных, набранные во всех концах света, еще более увеличивают вавилонскую путаницу.

Десятки явайцев проходят перед нами, на каждом из них отблеск потерянного отечества, каждый убедителен как личность и без помощи автора, по крайней мере, видимой, стоит на своих ногах. Австриец Карл Мюллер, который тоскует по Вене и зубрит английские спряжения³⁸¹; Ганс, сын немецкого вице-адмирала Ульриха фон Таупфена, бывший морской офицер, участник восстания моряков в Киле; армянин Албудизян, который впервые на Яве досыта поел и даже напился пьян; русский агроном Бельский с полувменяемой женой и безумной дочерью; старый горняк Поцони, потерявший у себя в Италии в шахте сыновей и одинаково охотно беседующий со стеной, с соседом по работе и с камнем на дороге; "доктор Магнус", бросивший университет на Украине накануне окончания, чтобы не жить, как другие; американский негр Хилари Ходж, который чистит по воскресеньям свои лакированные ботинки, памятник

прошлого, но никогда не надевает их; бывший русский торговец Блутов, выдающий себя за бывшего генерала, чтобы привлечь клиентов в свой будущий ресторан. Впрочем, Блутов умирает до начала романа; остается его вдова, занимающаяся ворожбой.

Члены разбитых семей, искатели приключений, случайные участники революций и контрреволюций, осколки национальных движений или национальных катастроф, изгнанники всякого рода, мечтатели и воры, трусы и почти герои, люди без корней, блудные сыны нашей эпохи, – таково население Явы, "плавучего острова, прицепленного к хвосту дьявола". "Ни одного квадратного вершка на всей поверхности земного шара, – говорит Ганс фон Таупфен, – куда бы поставить твою маленькую ножку; а за вычетом этого ты свободен, только за пределами границы, за пределами всех границ". Жандармский унтерофицер Карбони, ценитель хороших сигар и тонкого вина, закрывает на обитателей острова глаза. Временно они действительно оказываются "за пределами всех границ". Но это не мешает им по-своему жить. Люди спят на мешках с соломой, нередко не раздеваясь, много курят, много пьют, питаются хлебом и сыром, чтобы больше отложить на вино, редко моются, от них едко пахнет потом, табаком и алкоголем.

В романе нет ни центральной фигуры, ни единой завязки. В известном смысле главным героем является сам автор, но он не появляется на сцене. Повесть охватывает период в несколько месяцев и, как и сама жизнь, состоит из эпизодов. Несмотря на экзотичность среды, книга далека от фольклора, этнографии или социологии. Это в подлинном смысле слова роман, кусок жизни, ставший искусством. Можно подумать, что автор преднамеренно выбрал изолированный "остров", чтобы тем отчетливее представить человеческие характеры и страсти. Они не менее значительны здесь, чем в любом слое общества. Люди любят, ненавидят, плачут, вспоминают, скрежещут зубами. Тут есть рождение ребенка в семье поляка Варского и торжественные крестины, есть смерть, отчаяние женщин, похороны; есть, наконец, любовь проститутки к доктору Магнусу, который не знал до сих пор женщин. Этот щекотливый эпизод пахнет мелодрамой; но автор с честью выходит из испытания, которому он сам подверг себя.

Через книгу проходит история двух арабов, двоюродных братьев, Алахасида бен Калифа и Дауда Хаима. Нарушая раз в неделю закон Магомета, они пьют по воскресеньям вино, но скромно, три литра, чтобы накопить свои пять тысяч франков и вернуться к своим семьям в департамент Константин. Это не настоящие, а временные явайцы. Но вот Алахасид убит во время обвала в шахте. История попыток Дауда получить из сберегательной кассы свои деньги навсегда врезывается в память. Араб ждет часами, просит, надеется, снова терпеливо ждет. У него в конце концов конфискуют сберегательную книжку, потому что она написана на имя Алахасида, единственного из двух, который умел подписывать свое имя. Эта маленькая трагедия написана превосходно!

Мадам Мишель, хозяйка пивной, наживается постепенно на этих людях, но не любит и презирает их. Не только потому, что она не понимает их шумных бесед, но и потому, что они слишком расточительно дают на чай, слишком легко снимаются с места, неизвестно куда: пустые люди, не заслуживающие доверия. Наряду с пивной, в жизни Явы большое место занимает, разумеется, ближайший дом терпимости. Малакэ рисует его подробно, беспощадно и вместе с тем замечательно человечно.

Явайцы глядят на мир снизу, ибо опрокинуты навзничь на самое дно общества; к тому же они вынуждены ложиться на спину и на дне шахты, чтобы рубить или сверлить камень над собою. Это особая перспектива. Малакэ хорошо знает ее законы и умеет пользоваться ими. Работа в шахте изображена скупой, без утомительных деталей, но с замечательной силой. Так не напишет художник-наблюдатель, хотя бы он десять раз спускался в шахту за техническими подробностями, которыми столь любит щеголять, например, Жюль Ромен. Так может написать лишь бывший шахтер, оказавшийся большим художником.

Хотя и с социальной подоплекой, роман ни в каком случае не имеет тенденциозного характера. Он ничего не доказывает, ничего не пропагандирует, как многие произведения нашего времени, когда слишком многие подчиняются команде также и в области искусства. Роман Малакэ – "только" художественное произведение. И в то же время мы на каждом шагу чувствуем конвульсии нашей эпохи, самой грандиозной и чудовищной, самой значительной и деспотической,

какую знала до сих пор человеческая история. Сочетание непокорного лиризма личности со свирепым эпосом эпохи создает, пожалуй, главное очарование этого произведения.

Незаконный режим длился годами. Директор англичанин без одного глаза и без руки, всегда пьяный, угощал в затруднительные моменты жандармского бригадира вином и сигаретами. Явайцы без бумаг продолжали работать в опасных штольнях, напивались у мадам Мишель, а при встрече с жандармами прятались на всякий случай за деревьями. Но всему наступает конец.

Механик Карл, сын венского булочника, бросил самовольно работу в ангаре, гуляет под солнцем по прибрежному песку, слушает морскую волну, переключается со встречными деревьями. В поселке соседнего завода работают французы. У них свои домики, с водой и электричеством, свои куры, кролики и свой салат. На этот оседлый мир Карл, как и большинство явайцев, взирает без зависти, скорее с оттенком презрения. Они "потеряли чувство простора, но приобрели чувство собственности". Карл сорвал прут и рассекает им воздух, ему хочется петь, но у него нет голоса и он свистит. Тем временем в шахте происходит обвал, убито двое: русский Малинов, который отвоевал будто бы у большевиков Нижний Новгород, и араб Алахасид бен Калифа. Джентльмен Яковлев, бывший первый ученик московской консерватории, совершает грабеж у русской старухи Софии Федоровны, вдовы мнимого генерала, колдуньи, накопившей несколько тысяч франков. Карл случайно заглядывает в открытое окно, и Яковлев наносит ему удар поленом по голове. Так в жизнь Явы врывается катастрофа, ряд катастроф. Отчаяние старухи беспредельно и отвратительно. Она поворачивается спиной к миру, отвечает бранью на вопросы жандарма, сидит на полу без пищи, без сна, день, два, три, раскачиваясь из стороны в сторону в собственных нечистотах, окруженная роем мух.

Грабеж вызывает заметку в газете: Где консулы? Почему не бодрствуют? Жандарм Карбони получает циркуляр о необходимости строжайшей проверки иностранцев. Ликер и сигареты Джона Кэригана на этот раз не действуют. "Мы во Франции, господин директор, и мы должны сообразовываться с французскими законами". Директор вынужден телеграфировать в Лондон. Ответ гласит: закрыть шахту. Ява прекращает свое существование. Явайцы рассеиваются, чтобы скрыться в новых щелях.

Малакэ чужда литературная чопорность: он не избегает ни крепких слов, ни терпких сцен. Нынешняя литература, особенно французская, вообще позволяет себе на этот счет неизмеримо больше, чем осужденный ригористами старый натурализм эпохи Золя. Было бы смешным педантством мудрствовать на тему, хорошо это или плохо. Жизнь стала более обнаженной и беспощадной, особенно со времени мировой войны, которая разрушила не только многие соборы, но и многие условности; литературе не остается ничего, как равняться по жизни. Но какая разница между Малакэ и другим французским писателем, который прославился несколько лет тому назад книгой исключительной откровенности! Я говорю о Селине. Никто до него не писал о потребностях и функциях бедного человеческого тела с такой физиологической настойчивостью. Но рукой Селина водит ожесточенная обида, которая опускается до клеветы на человека. Художник, врач по профессии, как бы хочет внушить нам, что человеческое существо, которое вынуждено совершать такие низменные отправления, ничем не отличается от собаки или осла, кроме разве большей хитрости и мстительности. Это ненавистническое отношение к жизни подрезало крылья искусству Селина: дальше первой книги он не пошел. Почти одновременно с Селином быстро прославился другой скептик Мальро, который искал для своего пессимизма оправдания не внизу, в физиологии, а наверху, в проявлениях человеческого героизма. Мальро дал одну или две значительные книги. Но ему не хватает внутреннего стержня, он органически стремится прислониться к внешней силе, к установленному авторитету. Отсутствие творческой независимости отравляет его последние произведения ядом фальши и делает их негодными к употреблению.

Малакэ не боится низменного и вульгарного в нашей природе, ибо, несмотря на все, человек способен к творчеству, к порыву, к героизму, - и они вовсе не бесплодны. Как все подлинные оптимисты, Малакэ любит человека за заложенные в нем возможности. Горький когда-то сказал: "Человек - это звучит гордо!" Малакэ не повторил бы, может быть, столь дидактической фразы. Но именно такое отношение к человеку проходит через весь его роман. У таланта Малакэ есть два надежных союзника: оптимизм и независимость.

Мы назвали только что Максима Горького, другого певца босяков.

Параллель напрашивается сама собою. Я живо помню, как поразил читающий мир первый большой рассказ Горького "Челкаш" (1895 г.). Из социального подполья молодой бродяга сразу выступил на арену литературы мастером. В дальнейшем творчестве Горький, в сущности, не поднимался над уровнем своего первого рассказа. Малакэ не менее поражает уверенностью первого выступления. О нем нельзя сказать: подающий надежды. Он законченный художник. В старых школах новичков пропускали через жестокие испытания, - пинки, запугивания, издевательства, - чтобы в кратчайший срок дать им необходимый закал. Вот такой закал дала Малакэ, как до него Горькому, сама жизнь. Она швыряла их из стороны в сторону, била об землю и спиной, и грудью и после такой обработки выбросила готовыми мастерами на писательскую сцену.

Но какая в то же время огромная разница между их эпохами, между их героями, между их художественными приемами! Босяки Горького - это не отстой старой городской культуры, а вчерашние крестьяне, которых еще не впитал в себя новый промышленный город. Бродяги весенней поры капитализма, они отмечены печатью патриархальности и почти наивности. Политически еще совсем молодая Россия была беременна в те дни своей первой революцией. Литература жила тревожными ожиданиями и преувеличенными восторгами. Босяки Горького окрашены предреволюционным романтизмом. Полстолетия не прошло даром. Россия и Европа пережили ряд политических потрясений и самую страшную из войн. Большие события несли с собой большой опыт, главным образом горький опыт поражений и разочарований. Бродяги Малакэ - продукт зрелой цивилизации. Они смотрят на мир менее удивленными, более искушенными глазами. Они не национальны, а космополитичны. Босяки Горького странствовали от Балтийского моря до Черного или до Сахалина. Явайцы не знают государственных границ; они одинаково свои или одинаково чужие в шахтах Алжира, в лесах Канады или на кофейных плантациях Бразилии. Лиризм Горького - певучий, иногда сентиментальный, часто декламаторский. Не менее напряженный по существу, лиризм Малакэ гораздо более сдержан по форме и дисциплинирован иронией.

Французская литература, консервативная и исключительная, как и вся французская культура, медленно ассимилирует новые слова, которые сама же творит для всего мира, и достаточно замкнута для иностранных влияний. Правда, со времени войны во французскую жизнь вошла струя космополитизма. Французы стали больше ездить, лучше изучать географию и иностранные языки. Моруа ввел в литературу стилизованного англичанина, Поль Моран³⁸² - ночные кафе всех частей света. Однако на этом космополитизме - несмыслаемая печать туризма. Совсем иное дело Малакэ. Он не турист. Из страны в страну он передвигался обычно способом, который не одобряется ни железнодорожными компаниями, ни полицией. Он кочевал под всеми географическими широтами, работал, где мог, подвергался преследованиям, голодал и впитывал в себя впечатления нашей планеты вместе с атмосферой шахт, плантаций и дешевых пивных, где международные пари щедро расходуют свой скудный заработок.

Малакэ - аутентичный французский писатель; он владеет французской техникой романа, самой высокой в мире, не говоря уже о совершенстве языка. Но он не француз. Я заподозрил это при чтении романа. Не потому, чтобы в тоне повествования чувствовался иностранец, посторонний наблюдатель. Нет, где на страницах книги выступают французы, это подлинные французы. Но в подходе автора - не к Франции только, а к жизни вообще - чувствуется "яванец", поднявшийся над Явой. Это несвойственно французам. Несмотря на все потрясения последней четверти столетия, они слишком оседлы, устойчивы в привычках, в традициях, чтобы взглянуть на мир глазами бродяги. На мой письменный запрос автор ответил, что по происхождению он поляк. Об этом следовало догадаться без запроса. Введение романа сосредоточено на силуэте польского юноши, почти мальчика, с льняными волосами, голубыми глазами, жадностью к впечатлениям, с втянутым от голода животом и неблаговоспитанной привычкой сморкаться в пальцы. Это Манек Бриля. Он покидает Варшаву под полом вагона-ресторана, с мечтой о Томбукту³⁸³. Если это не сам Малакэ, то его брат по крови и духу. Манек провел в странствиях больше десяти лет, многому научился и возмужал; но не растратил душевной свежести, а, наоборот, накопил ненасытную жадность к жизни, о чем непрерывно свидетельствует его первая книга. Будем ждать второй. Паспорт Малакэ, видимо, и сейчас еще не в полном порядке. Но литература уже дала ему все права гражданства.

Л.Троцкий

7 августа 1939 г.

Предисловие к украинскому изданию³⁸⁴

Украинские друзья в Канаде предложили мне издать мои последние статьи по украинскому вопросу отдельной брошюрой. Разумеется, это предложение я принял с большой радостью. Я прошу лишь украинских читателей помнить, что они имеют перед собой не систематическое изложение украинского вопроса в его целом, а лишь попытку обоснования центральной политической задачи момента.

Статьи написаны до наступления Германии на Польшу³⁸⁵. Но это, на мой взгляд, вовсе не делает статьи устаревшими. В известном смысле наоборот: превращение Польши в театр военных действий и сближение Берлина с Москвою³⁸⁶ придает украинскому вопросу исключительную остроту. Германская ориентация части украинцев обнаруживает одновременно и свою реакционность, и свой утопизм. Остается лишь революционная ориентация. Война бешено ускоряет развитие. Чтоб не быть застигнутыми врасплох событиями, необходимо своевременно занять ясную позицию по украинскому вопросу.

Л.Троцкий

Койоакан

6 сентября 1939 г.

Москва мобилизует

Москва мобилизует, и все спрашивают себя: против кого? Этого не знает еще сегодня и Кремль. Одно ясно: германо-советский пакт облегчил разгром Польши, но совершенно не обеспечил нейтралитет Советскому Союзу. Польская армия оказалась слабее, чем многими предполагалось. Сейчас в Париже и Лондоне, несомненно, с интересом и без чрезмерной тревоги наблюдают продвижение германских войск к границам Советского Союза. Дружба Сталина с Гитлером требует дистанции. Полный разгром Польши может оказаться фатальным для германо-советского пакта. Упершись в границы Украины и Белоруссии, Гитлер предложит Сталину придать их свежей "дружбе" более активный характер. Одновременно он сможет обратиться к Парижу и Лондону с предложением дать германской армии возможность двигаться дальше на Восток и изъявит полную готовность обязаться при этом в течение 25 или 50 лет (Гитлер охотно меняет пространство на время) не поднимать вопроса о колониях. В тисках двойного шантажа Сталину придется сделать окончательный выбор. Ввиду приближения этого критического часа Кремль мобилизует. Чтобы оставить обе возможности открытыми, радиостанции Москвы дают на русском языке сведения, благоприятные западным демократиям, на немецком языке - благоприятные Германии. Трудно придумать более символическое выражение двойственности кремлевской политики и личного характера Сталина. В какую сторону разрешится эта двойственность?

Сталин понимает, конечно, то, что понял даже экс-кайзер Вильгельм: именно, что при затяжной войне Гитлер идет навстречу величайшей катастрофе. Но весь вопрос в сроках и темпах. По пути к пропасти Гитлер может не только разгромить Польшу, но и нанести СССР тяжкие удары, которые будут стоить кремлевской олигархии головы. Свою голову эти господа ценят выше всего. Для ее спасения они могут оказаться вынужденными пойти гораздо дальше по пути с Гитлером, чем они хотели в момент заключения пакта.

Препятствием на этом пути является, правда, крайняя непопулярность союза с фашистами в народных массах Советского Союза. На это прямо намекал в последней речи Молотов³⁸⁷, когда жаловался, что "упрощенная пропаганда" (т. е. вчерашняя пропаганда Коминтерна против фашизма) породила даже в СССР недоброжелательность к германо-советской комбинации. Об этом же свидетельствуют и упомянутые радиовещания на русском языке. Но с общественным мнением собственной страны Сталин надеется справиться при помощи дополнительных чисток: враждебность русских рабочих и крестьян, в отличие от враждебности Гитлера, остается еще безоружной... Так, начав с роли интенданта при Гитлере, Сталин может оказаться его полупленником, полусоюзником.

Но не может же Кремль совершить новый резкий поворот, порвав советско-германский пакт и повернувшись в последнюю минуту против Гитлера? Для этого нужны были бы уже в ближайшее время очень серьезные военные успехи Франции и Англии плюс радикальное изменение закона о нейтралитете в Соединенных Штатах³⁸⁸. Вряд ли и в этом случае Кремль сразу вступил бы в открытую войну с Гитлером. Но сосредоточение значительных сил Красной армии на западной границе позволило бы Сталину отклонить совершенно неизбежные новые домогательства Гитлера.

Связывать вопрос о направлении московской политики с идеями международного рабочего класса, задачами социализма, принципами демократии и пр. могут лишь совершенно безмозглые болтуны, либо же наемные агенты Кремля. На самом деле московская политика полностью определяется борьбой правящей олигархии за самосохранение. Выбор пути будет обусловлен материальным соотношением сил двух лагерей и ходом военных операций в ближайшие недели. Вернее, может быть, сказать не "выбор пути", а направление ближайшего зигзага.

Л.Троцкий

11 сентября 1939 г.

Койоакан

[Письмо Н.Бушу] 389

30 сент[ября] 1939 г.

Дорогой господин Буш!

Я Вам очень признателен за лестные слова о моей статье³⁹⁰ и рад тому, что вы сохранили благоприятное воспоминание о нашей общей работе.

Вторую статью я пошлю в русском оригинале моему постоянному переводчику господину Маламуту, который доставит вам лучший перевод, чем мы можем сделать здесь.

Основное содержание второй статьи: преступления (подлоги, ложные обвинения, убийства, в частности, отравления, доведение противника до самоубийства) как обычный метод политики Сталина. Последнее письмо, написанное, точнее, продиктованное Лениным перед вторым ударом, было письмо к Сталину о разрыве с ним личных и товарищеских отношений³⁹¹. Необходимо привести известную фотографию, изображающую больного Ленина и Сталина на скамье в Горках. Эта фотография представляет замечательный документ: Сталин заставил снять себя на скамье с Лениным, который уже порвал с ним все отношения, но неспособен был обороняться.

Центральный эпизод, вокруг которого все остальное будет вращаться - это сообщение Сталина в Политбюро о том, что Ленин потребовал доставить ему яду, так как он чувствовал, что идет навстречу второму удару³⁹². Эпизод этот никогда не был опубликован и освещается новым светом после московских процессов. Роль ядов в жизни сталинского Кремля ярко обнаружилась на московском процессе в марте 1938 г. По этому процессу были расстреляны самые доверенные врачи Кремля (старики Левин, Плетнев³⁹³ и Казаков³⁹⁴), в качестве "отравителей". Их обвиняли, в частности, в том, что они ускорили смерть писателя Горького. На процессе раскрылась атмосфера, аналогию которой можно найти только в эпоху разложения Рима или в эпоху Возрождения. Я дам краткие сопоставления с эпохой Нерона и Борджиа. Статью можно будет даже назвать "Борджиа в Кремле". Мне думается, что следовало бы дать фотографии более выдающихся большевиков, которые пали жертвой мстительности Сталина (убиты по суду, убиты тайно, отравлены, доведены до самоубийства).

Известное место в статье займет Ягода, бывший начальник ГПУ, который в течение 10 лет был главным инструментом Сталина по части убийств, отравлений и пр., а затем сам был расстрелян, как виновник неслыханных преступлений. Следовало бы дать его фотографию.

Большую часть статьи займут факты, эпизоды, личные характеристики. Основная мысль будет такова:

Сталин - единственный персонаж человеческой истории, который стал известен по имени в собственной стране только после того, как стал диктатором. Более законченного продукта "машины" нет и не может быть! В то же время непрерывная серия убийств, подлогов, самоубийств и пр.

свидетельствует о внутреннем разложении машины, продуктом которой является Сталин, и предрекают его трагическую гибель³⁹⁵.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Ч.Маламуту]

L.T[rotsky] to Molamuth. October 14, 1939³⁹⁶

Дорогой товарищ Маламут!

Посылаю вам первую часть рукописи³⁹⁷. Вторую и последнюю часть вышлю завтра воздушной почтой.

Перевод должен быть сдан в редакцию не позже 21 числа. Надеюсь, что Вы справитесь с этим делом. О гонораре я пишу Бушу, члену редакции.

Немедленно по переводе вышлите мне, пожалуйста, воздушной почтой копию первой части, а затем второй части, чтобы в случае каких-либо недоразумений я мог воздушной почтой или даже телеграммой внести необходимые поправки.

Возможно, что редакция захочет сделать какие-либо сокращения. Я не возражаю против этого, так как я обязался не переходить за пределы 4.500 слов. К вопросу о сокращениях хорошо было бы привлечь товарища Шахтмана, который хорошо знает исторические материалы и может быть очень полезен.

В одной из глав статьи имеются цитаты из стенографического отчета о московском процессе в феврале 1938 г. (Бухарин, Рыков, Ягода и пр.).

Для удобства перевода я достал здесь английскую стенограмму процесса³⁹⁸ и на полях рукописи указываю карандашом страницы, на которых Вы можете найти соответственные цитаты.

Жму сердечно руку.

[Л.Д.Троцкий]

14 октября 1939 г.

Койоакан.

Референдум и демократический централизм

Мы требуем референдума по вопросу о войне, потому что мы хотим парализовать или ослабить империалистический централизм. Но можем ли мы признать референдум как нормальный метод разрешения вопросов в нашей собственной партии? На этот вопрос нельзя ответить иначе, как отрицательно.

Кто стоит за референдум, тот тем самым признает, что решение партии есть просто арифметическая сумма решений местных организаций, каждая из которых вынуждена по необходимости ограничиваться собственными силами и собственным ограниченным опытом. Кто стоит за референдум, тот должен стоять и за императивные мандаты³⁹⁹; т. е. за право каждой местной организации обязать своего представителя на партийном съезде голосовать определенным образом. Кто признает императивные мандаты, тот тем самым отрицает значение партийных съездов, высших органов партии. Вместо съезда достаточно завести счетчика голосов. Партия как централизованное целое при этом исчезает. При референдуме почти совсем устраняется влияние более передовых местных организаций, более опытных и дальновзорких товарищей из столицы или промышленных центров на менее опытных в отсталой провинции и т. д.

Мы стоим, разумеется, за то, чтобы каждый вопрос всесторонне обсуждался и голосовался каждой партийной организацией, каждой партийной ячейкой. Но вместе с тем каждый делегат, выбранный местной организацией, должен иметь право взвесить на партийном съезде все доводы по существу и голосовать, как ему подскажет его политическое сознание. Если он голосует на съезде против делегировавшего его большинства местной организации и если после съезда он не сумеет убедить свою организацию в своей правоте, то организация может в следующий раз лишиться его своего политического доверия. Такие случаи неизбежны. Но они представляют собою несравненно меньшее зло, чем системы референдума или императивных мандатов, которые полностью убивают партию как целое.

[Л.Д.]Т[роцкий]

21 октября 1939 г.

К вопросу о рабочей самообороне

Каждое государство есть принудительная организация господствующего класса. Социальный режим устойчив до тех пор, пока господствующий класс остается способен через государство навязывать свою волю эксплуатируемым классам. Важнейшими орудиями государства являются полиция и армия. Капиталисты отказываются (правда, далеко не полностью) от содержания своих частных армий в пользу государства, чтобы таким образом препятствовать рабочему классу создавать свою собственную вооруженную силу. До тех пор, пока капитализм идет вверх, государственная монополия вооруженной силы воспринимается как нечто естественное даже угнетенными классами. До прошлой мировой войны международная социал-демократия даже в лучшие свои периоды совсем не поднимала вопроса о вооружении рабочих, более того, отвергала такого рода идею, как романтический отголосок далекого прошлого.

Только в царской России молодой пролетариат начал уже в первые годы этого столетия прибегать к вооружению своих боевых отрядов. В этом наиболее ярко обнаруживалась неустойчивость старого режима. При помощи своих нормальных органов, т. е. полиции и армии, царская монархия оказывалась все менее способна регулировать общественные отношения и все чаще вынуждена была прибегать к помощи добровольческих банд (черные сотни⁴⁰⁰ с их погромами евреев, армян, студентов, рабочих и пр.). В ответ на это рабочие, как и различные национальные группы, начали строить свои отряды самообороны. Эти факты означали начало революции.

В Европе вопрос о вооруженных рабочих отрядах встал только к концу войны; в Соединенных Штатах – еще позже. Во всех без исключения случаях капиталистическая реакция первой начинала и начинает прибегать к созданию особых боевых организаций, наряду с полицией и армией буржуазного государства. Объясняется это тем, что буржуазия более предусмотрительна и беспощадна, чем пролетариат. При напряжении классовых противоречий она уже не полагается полностью на собственное государство, поскольку его руки все же связаны до некоторой степени "демократическими" нормами. Появление "добровольческих" боевых организаций, имеющих своей целью физическое подавление пролетариата, есть безошибочный симптом начавшегося распада демократии, вследствие невозможности регулировать старыми методами классовые противоречия.

Надежды реформистских партий Второго и Третьего Интернационалов и профессиональных союзов на то, что органы демократического государства защитят их от фашистских банд, везде и всегда оказывались иллюзией. Во время острых кризисов полиция неизменно сохраняет по отношению к контрреволюционным бандам позицию дружественного нейтралитета, если не прямого содействия. Однако крайняя живучесть демократических иллюзий приводит к тому, что рабочие с большим запозданием приступают к организации собственных боевых отрядов. Название "самооборона" полностью отвечает их назначению, по крайней мере в первый период, так как нападение неизменно исходит со стороны банд контрреволюции. Стоящий за их спиной монополистский капитал открывает против пролетариата превентивную войну, чтобы сделать его неспособным на социалистическую революцию.

Процесс зарождения и развития рабочих отрядов самообороны неразрывно связан со всем ходом классовой борьбы в стране и потому отражает ее неизбежные обострения и смягчения, приливы и отливы. Революция надвигается на общество не непрерывно, а в виде ряда конвульсий, разделенных различными, иногда длительными промежутками, в течение которых политические отношения настолько смягчаются, что сама идея революции как бы теряет свою реальность. В соответствии с этим лозунг отрядов самообороны то встречает сочувственный отголосок, то звучит как бы в пустыне, чтобы через некоторое время снова приобрести популярность.

Особенно ярко можно проследить этот противоречивый процесс во Франции в течение последних лет. В результате ползучего экономического кризиса реакция перешла в открытое наступление в феврале 1934 года. Фашистские организации быстро росли. С другой стороны, идея самообороны приобретала популярность в рабочих рядах. Даже реформистская социалистическая партия вынуждена была в

Париже создать некоторое подобие самообороны. Политика "народного фронта", т. е. полной протрации рабочих организаций перед буржуазией, отодвинула в неопределенное будущее опасность революции и дала возможность буржуазии снять фашистский переворот с порядка дня. Более того, освободившись от непосредственной внутренней опасности и оказавшись лицом к лицу с возрастающей опасностью извне, французская буржуазия немедленно же стала эксплуатировать факт "спасения" демократии в империалистических целях. Снова было провозглашено, что ближайшая война будет войной за демократию. Политика официальных рабочих организаций приняла открыто империалистический характер. Секция Четвертого Интернационала, сделавшая в 1934 году серьезный шаг вперед, почувствовала себя в следующий период изолированной. Лозунг рабочей самообороны повис в воздухе. От кого, в самом деле, обороняться? Ведь "демократия" торжествует по всей линии... В нынешнюю войну французская буржуазия вступила под знаменем "демократии" и при поддержке всех официальных рабочих организаций, что позволило "радикал-социалисту" Даладье сразу же установить "демократическое" подобие тоталитарного режима. Вопрос об организации самообороны возродится в рядах французского пролетариата вместе с ростом революционного отпора против войны и империализма. Дальнейшее политическое развитие Франции, как и других стран, неразрывно связано ныне с войной. Рост недовольства масс породил на первых порах жесточайшую реакцию сверху. На помощь буржуазии и ее государственной власти придет милитаризованный фашизм. Вопрос об организации самообороны встанет перед трудящимися, как вопрос жизни и смерти. На этот раз в руках рабочих окажутся, надо думать, в достаточном количестве ружья, пулеметы и пушки.

Однородные явления, хотя и в менее яркой форме, обнаружались и в политической жизни Соединенных Штатов. После того, как рузвельтовское преуспевание, обманув ожидания, уступило место осенью 1937 г. вертикальному упадку, реакция начала выступать в открытой и боевой форме. Провинциальный городской голова Хейг сразу стал "национальной" фигурой. Погромные проповеди патера Кофлина приобрели широкий отголосок. Демократическая администрация и ее полиция отступали перед бандами монополистского капитала. В этот период идея боевых отрядов для защиты рабочих организаций и печати явно начала встречать отклик среди наиболее сознательных рабочих и наиболее угрожаемых прослоек мелкой буржуазии, в частности еврейской.

Новое экономическое оживление, начавшееся в июле 1938 г. в несомненной связи с ростом вооружений и империалистической войной, возродило доверие 60 семейств к своей "демократии". К этому прибавилась, с другой стороны, опасность вовлечения Соединенных Штатов в войну. Сейчас не время для потрясений! Все части буржуазии сближаются на политике осторожности и сохранения "демократии". Положение Рузвельта в конгрессе укрепляется. Хейг и патер Кофлин отходят далеко на задний план. Одновременно комиссия Дайеса 401, которую в 1937 году не брали всерьез ни справа, ни слева, приобретает за последние месяцы значительный авторитет. Буржуазия снова "против фашизма, как и против коммунизма", она хочет показать, что может справиться со всякими "крайностями" парламентским путем.

При этих условиях лозунг рабочей самообороны не мог не потерять притягательной силы. После обнадеживающего начала организация самообороны как бы попала в тупик. В одних местах трудно привлечь к делу внимание рабочих. В других, где рабочие успели вступить в самооборону в значительном числе, руководители не знают, какое дать применение энергии рабочих. Интерес к делу падает. Во всем этом нет ничего неожиданного или загадочного. Вся история организаций рабочей самообороны состоит в смене периодов подъема и упадка. И те, и другие отражают спазмы социального кризиса.

*

Из общих исторических условий нашей эпохи, как и из ее конкретных колебаний, вытекают задачи пролетарской партии в области рабочей самообороны. Вовлечь сравнительно широкие круги рабочих в боевые отряды неизмеримо легче в тех условиях, когда банды реакции непосредственно нападают на рабочие пикеты, профессиональные союзы, печать и пр. Когда же буржуазия считает более разумным отказаться от нерегулярных банд и выдвигает на передний план методы "демократического" властвования над массами, интерес рабочих к организации самообороны неизбежно понижается. Так происходит

именно теперь. Значит ли, однако, что в этих условиях мы должны отказаться от задачи вооружения рабочего авангарда? Ни в каком случае. Сейчас, во время начавшейся мировой войны, мы более, чем когда-либо, исходим из неизбежности и близости международной пролетарской революции. Эта основная идея, отличающая Четвертый Интернационал от всех других рабочих организаций, определяет всю нашу деятельность, в том числе и в отношении организации отрядов самообороны. Это не значит, однако, что мы не считаемся с конъюнктурными колебаниями в экономике, как и в политике, с временными приливами и отливами. Если исходить лишь из одной общей характеристики эпохи, игнорируя ее конкретные этапы, легко впасть в схематизм, сектантство или донкихотство. При каждом серьезном повороте событий мы приспособливаем свои основные задачи к изменившимся конкретным условиям данного этапа. В этом и состоит искусство тактики.

Нам необходимы будут партийные кадры, специализированные в военном деле. Они должны поэтому продолжать свою практическую и теоретическую работу также и теперь, во время "отлива". Теоретическая работа должна состоять в изучении опыта военных боевых организаций большевиков, ирландских и польских революционных националистов, фашистских организаций, испанской милиции и пр. Необходимо составить образцовую программу занятий и библиотеку по этим вопросам, устраивать лекции и пр.

Штабная работа должна также продолжаться непрерывно. Необходимо собирать и изучать выписки из газет и другие сведения относительно всякого рода контрреволюционных организаций, а также национальных группировок (евреи, негры и пр.), которые могут в критический момент сыграть революционную роль. Сюда же относится чрезвычайно важная часть работы, посвященная обороне против ГПУ. Именно ввиду исключительно трудного положения, в которое попал Коминтерн и в значительной степени заграничная агентура ГПУ, опирающаяся на Коминтерн, можно ждать со стороны ГПУ бешеных ударов по Четвертому Интернационалу. Надо уметь разгадать их и предупредить их вовремя!

Наряду с этой тесной работой, рассчитанной на чисто партийные элементы, необходимо создавать более широкие, открытые организации для различного рода частных целей, так или иначе связанных с будущими военными задачами пролетариата. Сюда относятся различного рода спортивные рабочие организации (атлетов, боксеров, стрелков и пр.), наконец, певческие и музыкальные общества. При перемене политической обстановки все эти подсобные организации могут послужить непосредственным фундаментом для более широких отрядов рабочей самообороны.

*

В этом наброске программы действий мы исходим из той мысли, что политические условия данного момента, прежде всего ослабление давления внутреннего фашизма, отводят узкие рамки для работы в области самообороны. Так оно и есть, поскольку дело идет о создании чисто классовых боевых отрядов. Решительный поворот в пользу рабочей самообороны наступит только при новом крушении демократических иллюзий, которое в условиях мировой войны должно наступить скоро и принять катастрофические черты.

Но зато, с другой стороны, война открывает теперь же, немедленно, такие возможности для обучения рабочих военному делу, о которых в мирное время нельзя было и думать. И не только война, но и период, непосредственно предшествующий войне.

Всех практических возможностей предвидеть заранее нельзя; но они будут, несомненно, становиться с каждым днем все шире, по мере того, как будут расти вооруженные силы страны. Надо сосредоточить на этом деле самое пристальное внимание, создав для этой цели особую комиссию (или поручить это дело штабу самообороны, соответственно пополнив его).

Прежде всего надо широко использовать интерес к военным проблемам, пробужденный войною, и организовать ряд лекций по вопросу о современных родах оружия и тактических приемах. Для этого рабочие организации могут привлекать военных специалистов, совершенно не связанных с партией и ее целями.

Но это лишь первый шаг. Надо использовать правительственную подготовку к войне для обучения военному делу как можно большего числа членов партии и

профессиональных союзов, находящихся под ее влиянием.

Сохраняя полностью нашу основную задачу: создание классовых боевых отрядов, надо крепко связать разрешение этой задачи с теми условиями, которые создает империалистическая подготовка к войне. Ничем не поступаясь из своей программы, надо разговаривать с массой на ее языке. "Мы, большевики, тоже хотим защищать демократию, но не такую, которой командуют 60 некоронованных королей. Очистим прежде нашу демократию от магнатов капитала, тогда будем защищать ее до последней капли крови. Вы, не большевики, готовы защищать и эту демократию? Но надо, по крайней мере, уметь защищать ее как следует, чтобы не явиться слепым орудием в руках 60 семейств и преданных им буржуазных офицеров. Рабочий класс должен учиться военному делу, чтобы выдвинуть из своей среды как можно большее число офицеров".

"Надо потребовать, чтоб государство, которое завтра предъявит спрос на рабочую кровь, дало сегодня рабочим возможность как можно лучше овладеть военной техникой, дабы достигнуть военных результатов с наименьшей затратой человеческих жизней".

"Одной лишь постоянной армии и ее казарм для этого недостаточно. Нужно, чтобы рабочие имели возможность обучаться военному делу при своих заводах, фабриках, шахтах, в определенные часы, оплачиваемые капиталистами. Если рабочим суждено отдавать свои жизни, буржуазные патриоты могут пойти хоть на маленькие материальные жертвы".

"Нужно, чтобы государство выдало каждому способному носить оружие рабочему ружье и устроило в доступных рабочим местах тир и полигоны для обучения военному делу".

Наша агитация по поводу войны и вся наша политика в связи с войной должна быть одинаково далека как от уступок империализму, так и от пацифизма. "Эта война - не наша война. Ответственность за нее ложится целиком на капиталистов. Но поскольку мы еще не в силах опрокинуть их и вынуждены сражаться в рядах их армии, мы обязаны научиться владеть оружием возможно лучше!" Женщины-работницы должны также иметь право на ружье. Как можно большее число их должно иметь возможность за счет капиталистов изучить ремесло сестры милосердия. Подобно тому, как каждый рабочий, эксплуатируемый капиталистом, стремится как можно лучше овладеть техникой производства, так и каждый пролетарский солдат империалистической армии должен как можно лучше овладеть искусством войны, чтоб уметь при изменившихся условиях применить его в интересах рабочего класса.

Мы не пацифисты, нет. Мы революционеры. И мы знаем, что ожидает нас впереди.

Не пацифист

[Л.Д.Троцкий]

25 октября 1939 г.

[Письмо Д.Кеннану]

Com. J.P.Cannon

Communist League

126 East 16 theatre

New York City

Дорогой т. Кеннон!

Лидеры оппозиции⁴⁰² до сих пор не принимали боя в принципиальной плоскости и несомненно попытаются уклониться от этого и впредь. Нетрудно поэтому догадаться, что они скажут по поводу прилагаемой статьи⁴⁰³. В статье, - скажут они, - много правильных азбучных истин, мы их совершенно не оспариваем, но статья не отвечает на жгучие "конкретные" вопросы, Троцкий слишком далеко стоит от партии, чтобы судить правильно. Не все мелкобуржуазные элементы, - скажут они, - с оппозицией; не все рабочие - с большинством. Некоторые прибавят, вероятно, что статья приписывает им такие взгляды, которых они никогда не высказывали.

Под ответами на "конкретные" вопросы оппозиционеры понимают рецептуру поваренной книги для эпохи империалистической войны. Такой поваренной книги я писать не собираюсь. Но из нашего принципиального отношения к основным

вопросам мы всегда сумеем вынести правильное решение каждого частного вопроса, как бы запутан он ни был. На вопросе о Финляндии⁴⁰⁴ оппозиция обнаружила именно свою неспособность отвечать на конкретные вопросы.

"Чистых" по составу фракций не бывает. Мелкобуржуазные элементы имеются по необходимости в каждой рабочей партии и фракции. Но вопрос в том, кто задает тон. У оппозиции тон задают мелкобуржуазные элементы. Неизбежное обвинение в том, что статья "приписывает" оппозиции взгляды, которых она никогда не выражала, объясняется бесформенностью и противоречивостью взглядов оппозиции, которые не терпят прикосновения критического анализа. На самом деле статья не приписывает лидерам оппозиции ничего от себя, она только доводит до конца некоторые их мысли. Разумеется, мне приходится наблюдать развитие борьбы со стороны. Но общие очертания борьбы со стороны виднее.

Крепко жму руку

Л.Троцкий.

15 декабря 1939 г.

Койоакан.

P.S. Я бы стоял за перенесение принципиальной полемики со страниц "Бюллетеня" на страницы "Нью Интернешенел" и "Социалист"⁴⁰⁵. Выгода двойная: 1) учиться будет более широкий круг читателей; 2) писатели будут стараться писать более серьезно. Скрывать внешнюю фракционную борьбу и невозможно, и нет основания.

Л.Троцкий

[Письмо Ч.Маламуду]⁴⁰⁶

Дорогой т. Маламут,

Посылаю окончание главы о 1917 г.

Глава о гражданской войне (большая) через две недели⁴⁰⁷.

С искренним приветом

Л.Троцкий

30 декабря 1939 г.

Койоакан.

С новым годом!

1940

Открытое письмо тов. Бернаму⁴⁰⁸

Дорогой товарищ!

Мне сообщают, что по поводу моей статьи о мелкобуржуазной оппозиции⁴⁰⁹ вы выразились в том смысле, что не намерены спорить со мной о диалектике, а будете спорить о "конкретных политических вопросах". "Я давно уже перестал заниматься религиозными вопросами," – прибавили вы иронически. В свое время я уже слышал эту фразу от Макса Истмена.

Есть ли логика в отождествлении логики и религии?

Насколько я понимаю, ваши слова означают, что диалектика Маркса, Энгельса и Ленина относится к области религии. Каков смысл этого утверждения? Диалектика, напоминая еще раз, есть логика развития. Как инструментальная мастерская на заводе служит для снабжения инструментом всех цехов, так и логика необходима для всех областей человеческого знания. Если вы не считаете логику вообще религиозным предрассудком (к сожалению, противоречивые писания оппозиции все больше наводят на эту грустную мысль), то какую именно логику вы признаете? Я знаю две системы логики, заслуживающие внимания: логику Аристотеля⁴¹⁰ (формальную логику) и логику Гегеля (диалектику)⁴¹¹. Логика Аристотеля исходит из неизменных предметов и явлений. Научное мышление нашей эпохи изучает все явления в рождении,

преобразовании и распаде. Думаете ли вы, что движение наук, включая дарвинизм, марксизм, современную химию и пр., не оказало никакого влияния на формы нашего мышления? Думаете ли вы, другими словами, что в мире, где все изменяется, силлогизм⁴¹² является единственно неизменным и вечным? Евангелие святого Иоанна⁴¹³ начинается со слов: "Вначале был Логос", т. е. вначале был Разум, или Слово (разум, выраженный в слове, т. е. силлогизм). У Иоанна силлогизм является одним из литературных псевдонимов бога. Если вы считаете, что силлогизм неизменен, т. е. не имеет ни происхождения, ни развития, значит он и для вас является продуктом божественного откровения. Если же вы признаете, что логические формы нашего мышления развиваются в процессе нашего приспособления к природе, то потрудитесь сказать, кто именно после Аристотеля изучил и описал дальнейшее движение логики. Пока вы этого не разъяснили, я позволяю себе утверждать, что отождествлять логику (диалектику) с религией значит обнаруживать полную неосведомленность и поверхностность в основных вопросах человеческого мышления.

Может ли революционер не бороться с религией?

Допустим, однако, что вы правы в вашем более чем смелом суждении. Дело от этого не станет для вас лучше. Религия, как вы, надеюсь, согласитесь, отвлекает от действительного знания к мнимому, от борьбы за лучшую судьбу – к ложным надеждам на загробное воздаяние. Религия есть опиум для народа. Кто не борется против религии, тот недостойн называться революционером. По какому же праву вы отказываетесь бороться против диалектики, раз вы считаете, что она есть разновидность религии?

Вы давно покончили, по вашим словам, с религиозными вопросами. Но ведь вы покончили только для себя. А кроме вас существуют еще все остальные. Их довольно много. Мы, революционеры, никогда не "кончаем" с религиозными вопросами, ибо задача для нас состоит в том, чтобы освободить от влияния религии не только себя, но и массы. Если диалектика есть религия, как же можно отказываться от борьбы с опиумом внутри собственной партии?

Или, может быть, вы хотите сказать, что религия не имеет политического значения? Что можно быть религиозным человеком и в то же время последовательным коммунистом и революционным борцом? Вряд ли вы рискнете на такое утверждение. Разумеется, мы со всей осторожностью отнесемся к религиозным предрассудкам отсталого рабочего. Если он хочет бороться за нашу программу, мы его примем в партию; но в то же время наша партия будет настойчиво воспитывать его в духе материализма и атеизма. Если вы согласны с этим, как же вы можете отказываться от борьбы против "религии", разделяемой, насколько знаю, подавляющим большинством членов вашей собственной партии, которые интересуются теоретическими вопросами? Вы явно забыли об этой важнейшей стороне вопроса.

Среди образованных буржуа есть немало людей, которые лично порвали с религией, но свой атеизм держат исключительно для собственного употребления; они думают про себя, а нередко говорят и вслух, что народу полезно иметь свою религию. Неужели же вы стоите на этой точке зрения по отношению к вашей собственной партии? Неужели этим объясняется ваш отказ вступать с нами в объяснение по поводу философских основ марксизма? Тогда под видом презрения к диалектике у вас звучит нота презрения к партии.

Не возражайте, что я опираюсь на фразу, сказанную вами в частной беседе, и что публично вы не занимаетесь ниспровержением диалектического материализма. Это неверно. Крылатая фраза служит мне лишь для иллюстрации. По разным поводам вы, где представляется случай, заявляете о своем отрицательном отношении к той доктрине, которая составляет теоретическую основу нашей программы. Это всем в партии известно. В статье об "отступающих интеллигентах", написанной вами совместно с Шахтманом и напечатанной в теоретическом органе партии⁴¹⁴, категорически заявлено, что вы отвергаете диалектический материализм. Неужели же партия не имеет права знать, почему именно? Неужели же вы думаете, что в Четвертом Интернационале редактор теоретического органа может ограничиться голым заявлением: "Я решительно отвергаю диалектический материализм", как если бы дело шло о папиресе: "Благодарю вас, я не курю". Вопрос о правильной философской доктрине, т. е. о правильном методе мышления, имеет решающее значение для революционной партии, как хорошая инструментальная мастерская имеет решающее значение для производства. Защищать старое общество при помощи материальных и

интеллектуальных методов, унаследованных от прошлого, еще возможно. Ниспровергнуть старое общество и построить новое совершенно невысказано без предварительной критической проверки ходячих методов. Если партия заблуждается в самых основах своего мышления, ваша прямая обязанность указать ей правильный путь. Иначе ваше поведение будет неизбежно истолковано, как пренебрежительное отношение академика к пролетарской организации, которая-де все равно неспособна воспринять действительно "научную" доктрину. А что может быть хуже этого?

Поучительные примеры

Кто знаком с историей борьбы тенденций внутри рабочих партий, тот знает, что переход в лагерь оппортунизма и даже буржуазной реакции нередко начинался с отвержения диалектики. Мелкобуржуазные интеллигенты считают диалектику наиболее уязвимым местом марксизма и в то же время спекулируют на том, что рабочим гораздо труднее проверить разногласия в философской области, чем в политической. Этот давно известный факт имеет силу доказательства от опыта. Нельзя также скинуть со счетов другой, еще более важный факт, именно, что все великие и выдающиеся революционеры - прежде всего Маркс, Энгельс, Ленин, Лжксембург, Франц Меринг - стояли на почве диалектического материализма. Неужели все они неспособны были отличить науку от религии? Не слишком ли много высокомерия с вашей стороны, тов. Бернам?

Крайне поучителен пример Бернштейна, Каутского и Франца Меринга. Бернштейн категорически отрицал диалектику, как "схоластику" и "мистику". Каутский относился к вопросу о диалектике безразлично, вроде тов. Шахтмана. Меринг был неутомимым пропагандистом и защитником диалектического материализма. В течение десятилетий он следил за всеми новинками философии и литературы, неутомимо разоблачая реакционную сущность идеализма, неокантианства⁴¹⁵, утилитаризма⁴¹⁶, всех видов мистицизма и пр. Политическая судьба этих трех лиц достаточно известна. Бернштейн дожил свою жизнь как тупой мелкобуржуазный демократ. Каутский из центриста превратился в вульгарного оппортуниста. Что касается Меринга, то он умер революционным коммунистом.

В России три очень видных академических марксиста: Струве⁴¹⁷, Булгаков⁴¹⁸ и Бердяев, начали с отрицания философской доктрины марксизма, а кончили реакцией и православной церковью. В Соединенных Штатах Истмен, Сидней Хук и их друзья борьбой против диалектики прикрыли свое превращение из попутчиков пролетариата в попутчиков буржуазии. Можно было бы привести десятки подобных примеров из жизни других стран.

Пример Плеханова, как бы являющийся исключением, на самом деле лишь подтверждает правило. Плеханов был замечательным пропагандистом диалектического материализма, но за всю свою жизнь не имел случая принять участия в реальной классовой борьбе. Его мышление было оторвано от действия. Революция 1905 г., а затем война, отбросив его в лагерь мелкобуржуазной демократии, заставили его фактически отказаться от диалектического материализма. Во время мировой войны Плеханов уже открыто выступал проповедником кантовского категорического императива⁴¹⁹ в области международных отношений: "Не делай другим того, чего не хочешь себе" и пр. Пример Плеханова показывает лишь, что диалектический материализм сам по себе еще не делает человека революционером.

Шахтман ссылается, с другой стороны, на то, что Либкнехт оставил после себя написанное в тюрьме произведение против диалектического материализма. В тюрьме приходят в голову разные мысли, которые нельзя проверить путем общения с другими людьми. Либкнехт, которого никто не считал теоретиком, в том числе и он сам, стал для мирового рабочего движения символом героизма. Если кто-либо из американских противников диалектики проявит в случае войны подобную же независимость от патриотизма и личную самоотверженность, мы отдадим ему должное как революционеру. Но вопрос о диалектическом методе этим не разрешится.

К каким окончательным выводам пришел бы сам Либкнехт на воле, неизвестно. Во всяком случае прежде, чем печатать свою работу, он, несомненно, показал бы ее более компетентным друзьям, именно Францу Мерингу и Розе Лжксембург. Весьма вероятно, что по их совету он просто бросил бы рукопись в печь. Допустим, однако, что вопреки совету людей, далеко превосходивших его в области теории, он решил бы все же напечатать свою

работу. Меринг, Люксембург, Ленин и другие, конечно, не предложили бы исключить его за это из партии; наоборот, решительно вступились бы за него, если бы кто-либо сделал столь нелепое предложение. Но в то же время они не заключили бы с ним философского блока, а решительно отмежевались бы от его теоретических ошибок.

Совсем иначе, как видим, держит себя тов. Шахтман. "Смотрите, - говорит он в поучение молодежи. - Плеханов был выдающимся теоретиком диалектического материализма, а оказался оппортунистом; Либкнехт был замечательным революционером, а усомнился в диалектическом материализме". Этот довод, если он вообще имеет смысл, означает, что революционеру диалектический материализм просто не нужен. Искусственно выдернутыми примерами Либкнехта и Плеханова Шахтман подкрепляет и "углубляет" мысль своей прошлогодней статьи, именно, что политика независима от метода, так как метод отделен от политики счастливым даром непоследовательности. Ложно истолковав два "исключения", Шахтман пытается опрокинуть правило. Если так аргументирует "сторонник" марксизма, как же должен аргументировать противник? Ревизия марксизма переходит здесь в прямую ликвидацию его; более того: в ликвидацию всякой доктрины и всякого метода.

Что вы предлагаете взамен?

Диалектический материализм не есть, конечно, вечная и неизменная философия. Думать иначе значило бы противоречить духу диалектики. Дальнейшее развитие научной мысли создаст, несомненно, более глубокую доктрину, в которую диалектический материализм войдет лишь как строительный материал. Нет, однако, основания ждать, что эта философская революция будет произведена еще при загнивающим буржуазном режиме. Не говоря уже о том, что Марксы рождаются не каждый год и не каждое десятилетие, задача жизни и смерти пролетариата состоит сейчас не в том, чтобы по новому истолковать мир, а в том, чтобы перестроить его от основания до вершины. Мы можем ждать в ближайшую эпоху великих революционеров действия, но вряд ли новых Марксов. Только на основах социалистической культуры человечество почувствует потребность пересмотреть идейное наследство прошлого и, несомненно, далеко опередит нас не только в области хозяйства, но и в области интеллектуального творчества. Режим бонапартистской бюрократии СССР преступен не только тем, что создает возрастающее неравенство во всех областях жизни, но и тем, что принижает интеллектуальную деятельность страны до уровня разнузданных болванов ГПУ.

Допустим, однако, что вопреки нашему предположению пролетариату посчастливится выдвинуть в нынешнюю эпоху войн и революций нового теоретика или новую плеяду теоретиков, которые превзойдут марксизм и, в частности, поднимут логику над материалистической диалектикой. Разумеется, все передовые рабочие будут учиться у новых учителей, а старики будут заново переучиваться. Но ведь пока что это - музыка будущего. Или я ошибаюсь? Может быть, вы укажете мне те произведения, которые должны заменить пролетариату систему диалектического материализма? Если бы они у вас были под руками, вы, разумеется, не отказались бы вести борьбу против опиума диалектики. Но их нет. Пытаясь дискредитировать философию марксизма, вы ничего не предлагаете взамен.

Представьте себе молодого врача-дилетанта, который начинает разъяснять вооруженному ланцетом хирургу, что нынешняя анатомия, неврология и пр. никуда не годятся, что в них много неясного и незаконченного, что только "консервативные бюрократы" могут на основе этих мнимых наук пускать в ход ланцет и т. д. Думаю, что хирург пригласит безответственного коллегу покинуть операционный зал. Мы тоже, тов. Бернам, не поддадимся дешевым издевательствам над философией научного социализма. Наоборот, сейчас, когда ходом фракционной борьбы вопрос поставлен ребром, мы скажем, обращаясь ко всем членам партии, особенно к молодежи: остерегайтесь проникновения буржуазного скептицизма в ваши ряды! Помните, что социализм не нашел до сих пор более высокого научного выражения, чем марксизм. Помните, что методом научного социализма является диалектический материализм. Возьмитесь серьезно за книжки! Изучайте Маркса, Энгельса, Франца Меринга, Плеханова, Ленина. Это во сто раз важнее для вас, чем изучать тенденциозные, бесплодные и немножко смешные трактаты о консерватизме Кеннона. Пусть нынешняя дискуссия вызовет хотя бы тот положительный результат, что молодежь постарается заложить в

своих головах серьезный теоретический фундамент для революционной борьбы!

Мнимый политический "реализм"

Дело, однако, у вас не ограничивается диалектикой. Слова вашей резолюции о том, что вы теперь не ставите на разрешение партии вопрос о природе Советского государства, означают на самом деле, что вы ставите этот вопрос если не юридически, то теоретически и политически. Не понимать этого могут только младенцы. Та же фраза имеет и другой смысл, гораздо более одиозный и опасный. Она означает, что вы отделяете политику от марксистской социологии. Между тем в этом для нас существо дела. Если можно давать правильное определение государства, не пользуясь методом диалектического материализма; если можно правильно определять политику, не давая классового анализа государства, то спрашивается: к чему вообще марксизм?

Расходясь между собой насчет классовой природы Советского государства, вожди оппозиции сходятся на том, что внешнюю политику Кремля надо называть "империалистической" и что СССР не надо поддерживать "безусловно". Замечательно содержательная платформа! На тот случай, что враждебная "клика" поставит на съезде вопрос о природе советского государства ребром (какое преступление!), вы заранее согласились... не соглашаться между собой, т. е. голосовать по-разному. В британском "национальном" правительстве⁴²⁰ был такой прецедент, когда министры "согласились не соглашаться", т. е. голосовать по-разному. У министров его величества было, однако, то преимущество, что они хорошо знали природу своего государства и могли себе позволить роскошь разногласия по второстепенным вопросам. У вождей оппозиции дело обстоит хуже. Они позволяют себе роскошь расходиться по основному вопросу, чтобы проявлять солидарность по второстепенным. Если это марксизм и принципиальная политика, то я не знаю, что такое беспринципное комбинаторство.

Вам, видимо, кажется, что отвергая дискуссии о диалектическом материализме и о классовой природе Советского государства во имя "конкретных" вопросов, вы действуете, как реалистический политик. Этот самообман вытекает из вашего недостаточного знакомства с историей борьбы фракций в рабочем движении за последние полвека. Во всех без исключения принципиальных конфликтах марксисты неизменно стремились повернуть партию лицом к основным проблемам доктрины и программы, считая, что только при этом условии "конкретный" вопрос найдет свое законное место и законные пропорции. Наоборот, оппортунисты разных оттенков, особенно те из них, которые успели потерпеть несколько поражений в области принципиальной дискуссии, неизменно противопоставляли классовому марксистскому анализу "конкретные" конъюнктурные оценки, которые они, как водится, формулировали под давлением буржуазной демократии. Это распределение ролей проходит через десятилетия фракционной борьбы. Оппозиция, уверяю вас, не выдумала ничего нового. Она продолжает традицию ревизионизма в теории, оппортунизма - в политике.

В конце прошлого столетия ревизионистские попытки Бернштейна, подпавшего в Англии под влияние англосаксонского эмпиризма и утилитаризма - самой жалкой из всех философий! - были беспощадно отбиты. После этого немецкие оппортунисты сразу почувствовали отвращение к философии и социологии. На съездах и в печати они не уставали возмущаться марксистскими "педантами", которые заменяют "конкретные политические вопросы" общими принципиальными рассуждениями. Перечитайте протоколы германской социал-демократии конца прошлого и начала нынешнего столетия - и вы сами поразитесь, до какой степени мертвые держат, по французскому выражению, в своих объятиях живых!

Вам небезызвестно, какую огромную роль сыграла "Искра" в развитии русского марксизма. Она начала с борьбы против так называемого "экономизма"⁴²¹ в рабочем движении и против народничества (партия эсеров). Главное возражение "экономистов" состояло в том, что "Искра" витает в области теории, тогда как они, "экономисты", хотя и руководить конкретным рабочим движением. Главный довод социалистов-революционеров был таков: "Искра" хочет создать школу диалектического материализма, тогда как мы хотим низвергнуть царское самодержавие. Надо сказать, что народники-террористы очень серьезно относились к своим словам: с бомбой в руках они жертвовали собственной жизнью. Мы возражали им: "Бомба в известных случаях прекрасная вещь, но прежде всего надо достигнуть ясности в собственной голове".

Исторический опыт показал, что величайшей в истории революцией руководила не та партия, которая начала с бомб, а та, которая начала с диалектического материализма.

Когда большевики и меньшевики входили еще в одну партию, перед каждым съездом и на самом съезде неизменно велась ожесточенная борьба по поводу порядка дня. Ленин предлагал начать с таких вопросов, как выяснение природы царской монархии, определение классового характера революции, оценка переживаемого этапа революции и пр. Мартов и Дан, вожди меньшевиков, неизменно возражали: мы не социологический клуб, а политическая партия; нам необходимо стовориться не о классовой природе царской монархии, а о "конкретных политических задачах". Я цитирую по памяти, но не рискую ошибиться, так как эти споры повторялись из года в год и получили стереотипный характер. Прибавлю, что за мной лично есть по этой части немало грехов. Но с того времени я кое-чему научился.

Любителям "конкретных политических вопросов" Ленин неизменно разъяснял, что наша политика имеет не конъюнктурный, а принципиальный характер; что тактика подчинена стратегии; что главное значение всякой политической кампании состоит для нас в том, чтобы подвести рабочих от частных вопросов к общим, т. е. воспитать их в понимании природы современного общества и характера его основных сил. Меньшевикам всегда нужно было замазать принципиальные разногласия в своей неустойчивой среде путем умолчаний, тогда как Ленин, наоборот, ставил принципиальные вопросы ребром. Нынешняя аргументация оппозиции против философии и социологии в пользу "конкретных политических вопросов" есть запоздалое повторение аргументов Дана. Ни одного нового слова! Как жалко, что Шахтман уважает марксистскую принципиальность только тогда, когда она созревает для архивов!

Особенно неловко и неуместно апелляция от марксистской теории к "конкретным политическим вопросам" звучит в ваших устах, тов. Бернам, ибо не я, а вы подняли вопрос о характере СССР и тем самым вынудили меня поставить вопрос о методе, при помощи которого определяется классовый характер государства. Правда, вы взяли вашу резолюцию обратно. Но этот фракционный маневр лишен какого бы то ни было объективного значения. Вы делаете ваши политические выводы из вашей социологической предпосылки, хотя вы временно и спрятали ее в ваш портфель. Шахтман делает те же политические выводы из отсутствия социологической предпосылки: он приспособляется к вам. Аберн422 пытается одинаково использовать и спрятанную предпосылку и отсутствие предпосылки для своих "организационных" комбинаций. Таково реальное, а не дипломатическое положение в лагере оппозиции. Вы выступаете, как антимарксист; Шахтман и Аберн – как платонические марксисты. Что хуже, решить нелегко.

Диалектика нынешней дискуссии

Естественно, перед лицом дипломатического фронта противников, со спрятанными предпосылками и без предпосылок, мы, "консерваторы", отвечаем: плодотворный спор о "конкретных вопросах" возможен только в том случае, если вы ясно скажете, из каких классовых предпосылок вы исходите. Мы не обязаны ограничиваться теми темами спора, которые вы искусственно избрали. Если кто-нибудь предлагает мне обсудить с ним "конкретные" вопросы: о вторжении советского флота в Швейцарию или о размерах хвоста у бронксской ведьмы, то я имею право поставить предварительные вопросы: имеется ли у Швейцарии морское побережье и существуют ли ведьмы вообще?

Всякая серьезная дискуссия разворачивается от частного, даже случайного – к общему и основному. Если поводы и непосредственные мотивы дискуссии представляют интерес, то чаще всего лишь симптоматический. Реальное политическое значение имеют те принципиальные проблемы, которые дискуссия поднимает в своем развитии. Некоторым интеллигентам, желавшим обличить "бюрократический консерватизм" и похвалиться своей "динамичностью", кажется, что вопросы о диалектике, марксизме, природе государства, централизме подняты "искусственно" и что дискуссия приняла "ложное" направление. Дело однако в том, что дискуссия имеет свою объективную логику, которая совсем не совпадает с субъективной логикой отдельных лиц и группировок. Диалектический характер дискуссии вытекает из того, что ее объективный ход определяется живым столкновением противоположных тенденций, а не предвзятым логическим планом. Материалистическая основа дискуссии

состоит в том, что в ней преломляются давления разных классов. Таким образом, нынешняя дискуссия в Социалистической рабочей партии, как и исторический процесс в целом, развивается - с вашего позволения, т. Бернам, или без него - по законам диалектического материализма. Спрятаться от этих законов нельзя.

"Наука" - против марксизма и "эксперименты" - против программы Обвиняя противную сторону в "бюрократическом консерватизме" (голая психологическая абстракция, поскольку под этим "консерватизмом" не показаны определенные социальные интересы), вы требуете в вашем документе⁴²³ заменить консервативную политику "критической и экспериментальной политикой - словом, научной политикой" (стр. 32). Эта на первый взгляд невинная и бессодержательная при всей своей напыщенности фраза заключает в себе целое откровение. Вы не говорите о марксистской политике. Вы не говорите о пролетарской политике. Вы говорите об "экспериментальной", "критической", "научной" политике. Откуда эта претенциозная и сознательно неопределенная терминология, столь необычная в наших рядах? Я вам скажу. Она представляет результат вашего приспособления, т. Бернам, к буржуазному общественному мнению и приспособления Шахтмана и Аберна к вашему приспособлению. Марксизм в широких кругах буржуазной интеллигенции вышел из моды. Притом, говоря о марксизме, можно быть принятым, упаси боже, за диалектического материалиста. Лучше избегать этого скомпрометированного слова. Чем заменить его? Конечно, "наукой", даже "Наукой" с прописной буквы, а наука, как известно, основана на "критике" и "экспериментах". Это звучит солидно, без узости, без сектантства, по-профессорски. С этой формулой можно выступить в любом демократическом салоне.

Перечитайте, пожалуйста, еще раз вашу собственную фразу: "На место консервативной политики мы должны поставить смелую, гибкую, критическую и экспериментальную политику - словом, научную политику". Лучше нельзя сказать! Но это как раз та формула, которую все мелкобуржуазные эмпирики, ревизионисты и, не в последнем счете, политические авантюристы противопоставляют "узкому", "ограниченному", "догматическому" и "консервативному" марксизму.

Бюффон⁴²⁴ сказал когда-то, что стиль - это человек. Политическая терминология - не только человек, но и партия. Терминология есть один из элементов классовой борьбы. Не понимать этого могут только безжизненные педанты. В ваших документах вы тщательно вытравляете - именно вы, т. Бернам - не только такие термины, как диалектика и материализм, но и марксизм. Вы выше этого. Вы человек "критической" и "экспериментальной" науки. По той же самой причине вы избрали ярлык "империализма" для внешней политики Кремля. Это нововведение служит вам для того, чтобы отмежеваться от слишком стеснительной терминологии Четвертого Интернационала, создав менее "сектантские", менее "религиозные", более свободные формулы, общие вам - счастливая случайность! - с буржуазной демократией.

Вы хотите экспериментировать? Позвольте вам, однако, напомнить, что рабочее движение имеет долгую историю, в которой нет недостатка в опыте и, если угодно, в экспериментах. Этот дорого оплаченный опыт кристаллизовался в виде определенной доктрины, того самого марксизма, имя которого вы тщательно избегаете. Прежде чем дать вам право на эксперименты, партия имеет право спросить: каким методом вы будете пользоваться? Форд вряд ли позволит экспериментировать у себя на заводе человеку, который не усвоил необходимых выводов из предшествующего развития промышленности и бесконечного ряда уже проделанных экспериментов. К тому же экспериментальные лаборатории на заводах тщательно отделены от массового производства. Неизмеримо менее допустимы знахарские эксперименты в области рабочего движения, хотя бы и под знаменем анонимной "науки". Для нас наукой рабочего движения является марксизм. Социальную науку без имени, Науку с большой буквы мы предоставляем в полное распоряжение Истмена и ему подобных.

Я знаю, что вы спорите с Истменом, и в некоторых вопросах спорите прекрасно. Но вы спорите с ним, как с представителем вашего круга, а не как с агентом классового врага. Вы это ярко обнаружили в вашей с Шахтманом статье, закончив ее неожиданным приглашением по адресу Истмена, Хука, Лайонса⁴²⁵ и других выступить с изложением их позиции на страницах "Нью Интернейшенел". Вы не побоялись даже того, что они могут поставить вопрос о

диалектике и тем выбить вас из позиции дипломатического молчания.

20 января прошлого года, следовательно, задолго до дискуссии, я настаивал в письме к тов. Шахтману на необходимости внимательно следить за внутренними процессами в сталинской партии. "Это в тысячу раз важнее, - писал я, - чем приглашать Истмена, Лайонса и других представлять свои индивидуальные испарения. Я немножко удивился, почему вы дали место последней ничтожной и наглой статье Истмена. В его распоряжении имеются: 'Harper s Magazine'426, 'Modern Monthly'427, 'Common Sense'428 и пр. Но я совершенно поражен тем, что вы лично приглашаете этих господ пачкать не столь многочисленные страницы 'Нью Интернейшенел'. Увековечение этой полемики может интересовать некоторых мелкобуржуазных интеллигентов, но не революционные элементы. Мое глубокое убеждение, что известная реорганизация 'Нью Интернейшенел' и 'Сошалист Эппил' необходима: подальше от Истмена, Лайонса и т. д.; поближе к рабочим и в этом смысле к сталинской партии".

Как всегда в таких случаях, Шахтман ответил невнимательно и небрежно. Практически вопрос разрешился тем, что приглашенные вами враги марксизма отказались принять приглашение. Эпизод заслуживает, однако, пристального внимания. С одной стороны, вы, т. Бернам, при поддержке Шахтмана приглашаете буржуазных демократов для дружеских объяснений на страницах партийного органа. С другой стороны, вы при поддержке того же Шахтмана отказываетесь вступать со мною в спор по поводу диалектики и классовой природы Советского государства. Не значит ли это, что вы вместе с вашим союзником Шахтманом слегка повернулись лицом к буржуазным полупротивникам и спиной к своей собственной партии?

Аберн давно уже склоняется к той мысли, что марксизм - очень почтенная доктрина, но что хорошая оппозиционная комбинация есть более реальная вещь. Тем временем Шахтман скользит и скользит вниз, утешая себя шутками. Полагаю, однако, что сердце у него щемит. Когда Шахтман докатится до известной точки, он, надеюсь, встряхнется и начнет подниматься вверх. Пожелаем, чтобы его "экспериментальная" фракционная политика послужила, по крайней мере, на пользу "Науке".

"Бессознательный диалектик"

Воспользовавшись моим замечанием о Дарвине, Шахтман сказал про вас, как мне пишут, что вы являетесь "бессознательным диалектиком". В этом двусмысленном комплименте есть доля истины. Всякий человек является в той или другой степени диалектиком, в большинстве случаев бессознательным. Каждая хозяйка знает, что некоторое количество соли придает супу приятный вкус, а новая горсть делает суп несъедобным. Неграмотная крестьянка руководствуется, следовательно, в отношении супа гегелевским законом о переходе количества в качество. Таких примеров из жизненной практики можно привести несчетное число. Даже животные делают свои практические заключения не только на основе аристотелевского силлогизма, но и на основе гегелевской диалектики. Так, лисица знает, что четвероногие и пернатые питательны и вкусны. При виде зайца, кролика, курицы лисица рассуждает: данное существо принадлежит к тому типу, который вкусен и питателен и - пускается в погоню за жертвой. Здесь перед нами полный силлогизм, хотя лисица, надо думать, не читала Аристотеля. Однако когда та же лисица встречает впервые животное, которое превосходит ее размерами, например, волка, она быстро соображает, что количество переходит в качество, и пускается наутек. Ясно: ногам лисицы свойственны гегелевские тенденции, хотя и не вполне сознательные. Все это показывает, к слову сказать, что приемы нашего мышления, как формально логические, так и диалектические, являются не произвольными конструкциями нашего интеллекта, а выражают реальные взаимоотношения самой природы. В этом смысле космос насквозь проникнут "бессознательной" диалектикой. Но природа на этом не остановилась. Она потратила немало усилий на то, чтобы свои внутренние взаимоотношения перевести на язык сознания лисицы и человека, затем дала возможность человеку обобщить эти формы сознания и превратить их в логические (диалектические) категории, создав тем самым возможность более глубокого проникновения в окружающий нас мир.

До сих пор наиболее совершенное выражение законам диалектики, господствующим в природе и обществе, дали Гегель и Маркс. Несмотря на то, что Дарвин не интересовался проверкой своих логических методов, его гениальный эмпиризм поднялся в области естествознания до величайших

диалектических обобщений. В этом смысле Дарвин, как я сказал в прошлой статье, был "бессознательным диалектиком". Однако Дарвина мы ценим не за то, что он не сумел подняться до диалектики, а за то, что он, несмотря на свою философскую отсталость, объяснил нам происхождение видов. Энгельс, кстати сказать, возмущался ограниченным эмпиризмом дарвиновского метода, хотя он, как и Маркс, сразу понял величие теории естественного отбора. Зато Дарвин, увы, до конца жизни не понял значение социологии Маркса. Если бы Дарвин выступил против диалектики или материализма в печати, Маркс и Энгельс обрушились бы на него с двойной силой, чтобы не позволить ему прикрывать своим авторитетом идеологическую реакцию.

В адвокатском заявлении Шахмана насчет того, что вы являетесь "бессознательным диалектиком", ударение надо поставить на слове бессознательный. Цель Шахмана (тоже, отчасти, бессознательная) состоит в том, чтобы защитить блок с вами путем принижения диалектического материализма. По существу дела Шахман говорит: разница между "сознательным" и "бессознательным" диалектиком не так уж важна, чтобы из-за этого стоило поднимать борьбу. Так Шахман стремится дискредитировать марксистский метод.

Беда, однако, этим не ограничивается. Бессознательных или полубессознательных диалектиков на свете очень много. Некоторые из них прекрасно применяют материалистическую диалектику в политике, хотя никогда не занимались вопросами метода. Нападать на таких товарищей было бы действительно педантским тупоумием. Совсем иначе обстоит дело с вами, т. Бернам. Вы состоите редактором теоретического органа, задачей которого является воспитание партии в духе марксистского метода. Между тем вы являетесь сознательным противником диалектики, а вовсе не бессознательным диалектиком. Если бы вы даже с успехом применяли диалектику в политических вопросах, как уверяет Шахман, т. е. обладали бы диалектическим "инстинктом", мы все равно вынуждены были бы открыть против вас борьбу, потому что ваш диалектический инстинкт как индивидуальное качество нельзя привить другим, а сознательный диалектический метод можно в той или другой степени сделать достоянием всей партии.

Диалектика и Дайес

Если у вас даже есть диалектический инстинкт, - я не берусь об этом судить, - то он изрядно придавлен академической рутинной и интеллигентским высокомерием. То, что мы называем классовым инстинктом рабочего, сравнительно легко принимает форму диалектического подхода к вопросам. О таком классовом инстинкте у буржуазного интеллигента не может быть и речи. Только путем сознательного преодоления своей мелкобуржуазности оторванный от пролетариата интеллигент может подняться до марксистской политики. К сожалению, Шахман и Аберн делают все, чтоб перегородить вам этот путь. Своей поддержкой они оказывают вам очень плохую услугу, т. Бернам!

При содействии вашего блока, который можно назвать "Лигой фракционного ожесточения", вы делаете одну ошибку за другой: в философии, в социологии, в политике, в организационной области. Ошибки ваши не случайны. Вы берете каждый вопрос изолированно, вне его связи с другими вопросами, вне его связи с социальными факторами и независимо от международного опыта. Вам не хватает диалектического метода. Несмотря на ваше образование, вы выступаете в политике, как знахарь.

В вопросе о комиссии Дайеса ваше знахарство проявилось не менее ярко, чем в вопросе о Финляндии. В ответ на мои доводы в пользу необходимости использовать этот парламентский орган вы ответили, что вопрос решают не принципиальные соображения, а какие-то особые, вам одному известные обстоятельства, от определения которых вы, однако, воздержались. Я вам скажу, каковы эти обстоятельства: ваша идеологическая зависимость от буржуазного общественного мнения. Хотя буржуазная демократия в лице всех своих секторов несет полную ответственность за капиталистический режим, включая и комиссию Дайеса, она в интересах того же капитализма вынуждена стыдливо отводить глаза от слишком откровенных органов режима. Простое разделение труда! Старый обман, который, однако, продолжает оказывать свое действие! Что касается рабочих, на которых вы неопределенно ссылаетесь, то одна часть из них, и очень значительная, находится, как и вы, под влиянием буржуазной демократии. Зато средний рабочий, не зараженный предрассудками рабочей аристократии, будет с радостью приветствовать каждое смелое

революционное слово перед лицом классового врага. И чем реакционнее учреждение, в котором происходит схватка, тем полнее будет удовлетворение рабочего. Это доказано всем историческим опытом. Сам Дайес, своевременно испугавшийся и отскочивший назад, показал, насколько ложна была ваша позиция. Всегда лучше заставить отступить врага, чем самому спрятаться без боя!

Но здесь я вижу негодующую фигуру Шахтмана, который пытается остановить меня жестом протеста: "Оппозиция не ответственна за взгляд Бернама на комиссию Дайеса, вопрос этот не имел фракционного характера" и пр. Все это я знаю. Не хватало бы, в самом деле, чтобы вся оппозиция высказалась за совершенно бессмысленную в данном случае тактику бойкота. Достаточно и того, что в духе бойкота высказался тот из лидеров оппозиции, который имеет свои мнения и открыто высказывает их. Если вы вышли из того возраста, когда спорят о "религии", то признаюсь, я считал, что весь Четвертый Интернационал вышел из того возраста, когда абсентеизм⁴²⁹ считается самой революционной из всех политик. Помимо отсутствия метода, вы обнаружили в данном случае явный недостаток политического чутья. Революционер не нуждался бы в данной обстановке в долгих рассуждениях, чтобы сделать прыжок через открытую врагам дверь и использовать ситуацию до конца. Для тех членов оппозиции, которые вместе с вами высказались против участия в комиссии Дайеса - а их число не так мало - следовало бы, по-моему, создать особые подготовительные курсы, чтобы разъяснить им элементарные истины революционной тактики, которая не имеет ничего общего с мнимо радикальным абсентеизмом интеллигентских кружков.

"Конкретные политические вопросы"

Слабее всего оппозиция как раз в той области, где она изображает себя особенно сильной: в области злободневной революционной политики. Это относится прежде всего к вам, т. Бернам. Беспомощность перед большими событиями проявилась у вас, как и у всей оппозиции, особенно ярко в вопросах о Польше, Прибалтике⁴³⁰ и Финляндии. Шахтман нашел сперва камень мудреца: устроить в оккупированной Польше одновременное восстание против Гитлера и Сталина. Решение было великолепно, жаль только, что Шахтман лишен был возможности заняться его практическим выполнением. Передовые рабочие в Восточной Польше имели право сказать: "Из Бронкса⁴³¹, может быть, очень удобно устраивать одновременное восстание против Гитлера и Сталина в оккупированной войсками стране; здесь, на месте, это труднее; мы хотели бы, чтобы Бернам и Шахтман ответили нам на "конкретный политический вопрос": что нам делать до будущего восстания?" Тем временем советское командование призывало крестьян и рабочих захватывать землю и заводы. В жизни оккупированной страны этот призыв, поддержанный силою оружия, имел огромное значение. Московские газеты были переполнены сообщениями о беспредельном "энтузиазме" рабочих и крестьянской бедноты. К этим сообщениям можно и должно подходить с законным недоверием: во вранье недостатка не было. Но нельзя все же закрывать глаза на факты: призыв расправляться с помещиками и изгонять капиталистов не мог не породить подъема духа в загнанном, придавленном украинском и белорусском крестьянине и рабочем, которые в польском помещике видели двойного врага.

Парижский орган меньшевиков, который солидарен с буржуазной демократией Франции, а не с Четвертым Интернационалом, прямо говорит, что продвижение Красной армии сопровождалось волной революционного подъема, отголоски которого проникли даже в крестьянские массы Румынии. Показаниям этого органа придают особый вес тесные связи меньшевиков с бежавшими из Польши вождями еврейского Бунда⁴³², Польской социалистической партии⁴³³ и других враждебных Кремлю организаций. Мы были поэтому совершенно правы, когда говорили большевику в Восточной Польше: "Вместе с рабочими и крестьянами, впереди их веди борьбу против помещиков и капиталистов; не отрывайся от масс, несмотря на все их иллюзии, как русские революционеры умели не отрываться от масс, еще не освободившихся от надежд на царя (Кровавое воскресенье 22 января 1905 г.); просвещай массы в процессе борьбы, предупреждай их против наивных надежд на Москву, но не отрывайся от них, сражайся в их лагере, старайся расширить и углубить их борьбу, придать ей как можно большую самостоятельность: только так ты подготовишь будущее восстание против Сталина". Ход событий в Польше полностью подтвердил эту директиву, которая

являлась продолжением и развитием всей нашей предшествующей политики, в частности, в Испании.

Так как между положением в Финляндии и в Польше нет принципиальной разницы, то у нас не может быть основания менять директиву. Однако оппозиция, не понявшая смысла событий в Польше, пытается теперь ухватиться за Финляндию, как за новый якорь спасения. "Где в Финляндии гражданская война? Троцкий говорил о гражданской войне. Ничего подобного мы не слышали" и пр. Вопрос о Финляндии оказывается для оппозиции принципиально отличным от вопроса о Западной Украине и Белоруссии. Каждый вопрос рассматривается изолированно, вне связи с общим ходом развития. Опровергаемая ходом событий оппозиция каждый раз ищет опоры в каких-либо случайных, второстепенных, временных и конъюнктурных обстоятельствах.

Означают ли крики об отсутствии гражданской войны в Финляндии, что оппозиция приняла бы нашу политику, если бы в Финляндии действительно развернулась гражданская война? Да или нет? Если да, то этим самым оппозиция осуждает свою политику в отношении Польши, ибо там она, несмотря на гражданскую войну, ограничивалась отказом от участия в событиях в ожидании одновременного восстания против Сталина и Гитлера. Ясно, т. Бернам, что вы и ваши союзники не продумали этого вопроса до конца.

Как обстоит, однако, дело с моим утверждением насчет гражданской войны в Финляндии? В момент открытия военных действий можно было предполагать, что Москва хочет при помощи "маленькой" карательной экспедиции добиться смены правительства в Гельсингфорсе⁴³⁴ и установить с Финляндией те же отношения, что и с другими Прибалтийскими странами. Назначение правительства Куусинена в Териоках⁴³⁵ показало, однако, что планы и цели Москвы другие. Появились сообщения о создании финской "Красной армии". Разумеется, дело могло идти только о небольших формированиях, насаждаемых сверху. Появилась программа Куусинена. Появились первые телеграммы о разделе крупных земельных владений между бедными крестьянами. В совокупности своей эти сообщения свидетельствовали о приступе Москвы к организации гражданской войны. Разумеется, это гражданская война особого типа. Она не возникает самопроизвольно из народных глубин. Она не ведется под руководством финской революционной партии, опирающейся на массы. Она вносится извне на штыках. Она контролируется бюрократией Москвы. Все это мы знаем, и об этом мы писали, когда речь шла о Польше. Но тем не менее дело идет именно о гражданской войне, об апелляции к низам, к бедноте, о призыве их экспроприировать богачей, изгонять их, арестовывать и пр. Я не знаю для этих действий другого имени, как гражданская война.

"Но ведь гражданская война в Финляндии не развернулась, - возражают вожди оппозиции, - значит, ваши расчеты не оправдались". При поражении и отступлении Красной армии, отвечаем мы, гражданская война в Финляндии под штыками Маннергейма⁴³⁶ не могла, разумеется, получить развития. Этот факт есть аргумент не против меня, а против Шахтмана, ибо показывает, что в первый период войны, когда дисциплина армий еще крепка, организовывать восстание, да еще на два фронта, гораздо легче из Бронкса, чем из Териок.

Поражения первых отрядов Красной армии мы не предвидели; мы не могли предвидеть, какая степень безголовости и деморализации царит в Кремле и на верхах обезглавленной Кремлем армии. Но все-таки дело идет пока лишь о военном эпизоде, который не может определять нашу политическую линию. Если бы Москва после первого неудачного опыта вообще отказалась от дальнейшего наступления на Финляндию, то и сам вопрос, который сегодня застигает от глаз оппозиции всю мировую обстановку, был бы снят с порядка дня. Но вряд ли на это есть надежда. Если бы, с другой стороны, Англия, Франция и Соединенные Штаты, опираясь на Скандинавию, помогли Финляндии военной силой, то финляндский вопрос растворился бы в войне между СССР и империалистическими странами. В этом случае, надо полагать, даже большинство оппозиционеров вспомнило бы о программе Четвертого Интернационала.

Однако оппозицию сейчас интересуют не эти два варианта: прекращение наступления со стороны СССР или начало войны между СССР и империалистическими демократиями. Оппозицию интересует изолированный вопрос о вторжении СССР в Финляндию. Из этого и будем исходить. Если второе наступление, как надо полагать, будет лучше подготовлено и проведено, то продвижение Красной армии вглубь страны снова поставит вопросы гражданской войны в порядок дня, притом более широко, чем во время первой, позорно

провалившейся попытки. Наша директива, следовательно, сохраняет полную силу, пока в порядке дня остается сам вопрос.

Что предложит, однако, оппозиция в случае успешного вторжения Красной армии в Финляндию и развития гражданской войны в этой стране? Об этом оппозиция, видимо, совершенно не думает, ибо она живет изо дня в день, от случая к случаю, цепляется за эпизоды, за отдельные фразы из передовой статьи, питается симпатиями и антипатиями, создавая себе, таким образом, суррогат платформы. Слабость эмпириков и импрессионистов всегда особенно наглядно проявляется при подходе к "конкретным политическим вопросам".

Теоретическая растерянность и политический абсентеизм

Во всех шатаниях и метаниях оппозиции, как они ни противоречивы, есть две общие черты, которые проходят от высот теории к самым мелким эпизодам политики. Первая общая черта - отсутствие цельной концепции. Оппозиционные лидеры отрывают социологию от диалектического материализма. Они отрывают политику от социологии. В области политики они отрывают наши задачи в Польше от нашего опыта в Испании; наши задачи по отношению к Финляндии - от нашей позиции по отношению к Польше. История превращается в ряд исключительных случаев, политика - в ряд импровизаций. Мы имеем в полном смысле распад марксизма, распад теоретического мышления, распад политики на основные элементы. Эмпиризм и его молочный брат импрессионизм господствуют по всей линии. Вот почему идеологическое руководство принадлежит вам, т. Бернам, как противнику диалектики, как эмпирику, который не стесняется своего эмпиризма.

В шатаниях и метаниях оппозиции есть другая общая черта, тесно связанная с первой, именно тенденция к воздержанию от активности, к самоустранению, к абсентеизму, разумеется, под прикрытием архирадикальных фраз. Вы - за низвержение Гитлера и Сталина в Польше, Сталина и Маннергейма - в Финляндии. А до этого вы одинаково отвергаете обе стороны, другими словами, выводите себя из борьбы, в том числе и из гражданской войны. Ссылка на отсутствие гражданской войны в Финляндии есть только случайный, переходный аргумент. Если гражданская война развернется, оппозиция постарается ее не заметить, как она пыталась ее не заметить в Польше, или заявит, что, так как политика московской бюрократии имеет "империалистический" характер, то "мы" в этом грязном деле участия не принимаем. Гонясь на словах за "конкретными" политическими задачами, оппозиция фактически ставит себя вне исторического процесса. Ваша позиция, т. Бернам, в отношении комиссии Дайеса заслуживает внимания именно потому, что она есть яркое выражение все той же тенденции растерянного абсентеизма. Ваш руководящий принцип все тот же: "Благодарю вас, я не курю".

Впасть в растерянность может, конечно, всякий человек, всякая партия, даже всякий класс. Но для мелкой буржуазии растерянность, особенно перед лицом больших событий, является неизбежным и, так сказать, органическим состоянием. Интеллигенция стремится свое состояние растерянности перевести на язык "науки". Противоречивая платформа оппозиции отражает мелкобуржуазную растерянность в переводе на высокомерный язык интеллигенции. Пролетарского тут нет ничего.

Мелкая буржуазия и централизм

В области организационной ваши взгляды так же схематичны, эмпиричны, не революционны, как и в области теории и политики. Как Столберг ищет с фонарем идеальную революцию, которая не сопровождалась бы никакими эксцессами и заключала бы в себе гарантию против термидора и контрреволюции, так вы ищете идеальную партийную демократию, которая обеспечивала бы всегда и всем возможность говорить и делать все, что им приходит в голову, и страховала бы партию от бюрократического вырождения. Вы упускаете из виду мелочь, именно, что партия - не арена для утверждения свободных индивидуальностей, а инструмент пролетарской революции; что только победоносная революция способна предотвратить вырождение не только партии, но и самого пролетариата и современной цивилизации в целом. Вы не видите того, что наша американская секция больше не избытком централизма, - об этом смешно и говорить, - а чудовищными злоупотреблениями и извращениями демократии со стороны мелкобуржуазных элементов. В этом - корень нынешнего кризиса.

Рабочий проводит день на заводе. Для партии у него остается сравнительно мало часов. На собрании он хочет узнать самое главное:

правильную оценку положения и политический вывод. Он ценит тех вождей, которые делают это в наиболее ясной и отчетливой форме и идут в ногу с событиями. Мелкобуржуазные, особенно деклассированные элементы, оторванные от пролетариата, вращаются в пестрой и замкнутой среде. Для политики или ее суррогата у них много времени. Они судачат, передают всякого рода мелочи и сплетни о том, что происходит на "верхах" партии. Они всегда находят себе вождя, который посвящает их во все "тайны". Дискуссия – это их стихия. Им никакой демократии недостаточно. Они ищут для своих словопрений четвертое измерение. Они нервничают, вертятся в заколдованном круге и утоляют жажду соленой водой. Хотите знать, в чем организационная программа оппозиции? В поисках четвертого измерения партийной демократии. Практически это значит – похоронить политику под дискуссией и централизм – под анархией интеллигентских кружков. Когда несколько тысяч рабочих вступят в партию, они сурово призовут мелкобуржуазных анархистов к порядку. Чем скорее это произойдет, тем лучше!

Выводы

Почему я обращаюсь к вам, а не к другим вождям оппозиции? Потому что вы являетесь идеологическим вождем блока. Фракция т. Аберна, лишенная программы и знамени, нуждается в прикрытии. Одно время прикрытием явился Шахтман, затем Масте со Спектором437, теперь вы, Шахтман приспосабливается к вам. Вашу идеологию я считаю выражением буржуазного влияния на пролетариат.

Некоторым товарищам тон настоящего письма покажется, может быть, слишком резким. Между тем, признаюсь, я сдерживал себя изо всех сил. Дело ведь идет не больше и не меньше как о попытке отвергнуть, опрокинуть, дисквалифицировать теоретические основы нашего движения, его политические принципы и организационные методы.

По поводу моей прошлой статьи438 т. Аберн, как передают, сказал: "Это – раскол". Такого рода отзыв показывает лишь, что Аберну не хватает привязанности к партии и к Интернационалу; он – человек кружка. Во всяком случае угрозы расколом не помешают нам давать марксистскую оценку разногласий. Для нас, марксистов, дело идет не о расколе, а о воспитании партии. Я твердо надеюсь, что ближайший съезд даст ревизионистам непримиримый отпор.

Съезд должен, по моему мнению, категорически заявить, что в своих попытках отделить социологию от диалектического материализма и политику от социологии вожди оппозиции порывают с марксизмом и становятся проводниками мелкобуржуазного эмпиризма. Подтверждая полностью и целиком свою верность марксистской доктрине, политическим и организационным методам большевизма, обязывая редакции своих официальных изданий развивать и защищать эту доктрину и эти методы, партия предоставит, разумеется, и впредь страницы своих изданий тем своим членам, которые считают, что способны внести нечто новое в доктрину марксизма. Но она не допустит игры в прятки с марксизмом и легкомысленного издевательства над ним.

Политика партии имеет классовый характер. Без классового анализа государства, партий, идеологических течений невозможна правильная политическая ориентировка. Партия должна осудить как вульгарный оппортунизм попытку определять политику в отношении СССР от случая к случаю, независимо от вопроса о классовом характере Советского государства.

Распад капитализма, порождая острое недовольство в среде мелкой буржуазии и толкая низшие слои ее влево, открывает широкие возможности, но и заключает в себе серьезные опасности. Четвертому Интернационалу нужны только те выходцы из мелкой буржуазии, которые полностью порвали со своим социальным прошлым и окончательно перешли на точку зрения пролетариата.

Этот теоретический и политический переход должен сопровождаться фактическим разрывом со старой средой и установлением тесной связи с рабочими, в частности посредством участия в вербовке и воспитании пролетариев для своей партии. Выходцы из мелкобуржуазной среды, которые оказываются неспособны найти себе место в пролетарской среде, должны по истечении известного времени переводиться из членов партии в сочувствующие.

Непроверенным в классовой борьбе членам партии не давать ответственных постов. Как бы ни был даровит и предан социализму выходец из буржуазной среды, прежде чем стать учителем он должен поучиться у рабочего класса. Молодых интеллигентов надо не ставить во главе интеллигентской молодежи, а

посылать на несколько лет в провинцию, в чисто пролетарские центры, на суровую практическую работу.

Классовой программе партии должен соответствовать классовый состав. Американская секция Четвертого Интернационала будет пролетарской или ее не будет вовсе.

*

Т[оварищ] Бернам! Если мы согласимся с вами насчет этих принципов, то мы без труда найдем правильную политику в отношении Польши, Финляндии и даже Индии. Вместе с тем обещаю со своей стороны помочь вам вести борьбу против всех проявлений бюрократизма и консерватизма. Таковы, по-моему, условия выхода из нынешнего кризиса.

С большевистским приветом

Л.Троцкий

7 января 1940 г.

Койоакан

[Заявление для печати]

Я буду очень благодарен за опубликование следующего заявления.

На митинге сталинистов 10 января в театре "Hidalgo" ораторы, в частности, прибывший из С[оединенных] Шт[атов] Форд439, говорили о махинации депутата Дайеса против Мексики и назвали мое имя как лица, помогающего Дайесу. Считаю необходимым заявить, что ораторы и на этот раз сознательно лгали. Я прилагаю при сем копию моей переписки с комиссией Дайеса440. О Мексике в этой переписке не было ни слова. Комиссия палаты депутатов С[оединенных] Шт[атов]441 имела намерение пригласить меня в качестве свидетеля по вопросу об истории сталинизма и лжесвидетельстве против меня Браудера и Фостера. Не надо больших усилий мысли, чтоб понять, что у меня не может быть ни принципиальных, ни личных мотивов помогать американским нефтяным магнатам, интересы которых защищает Дайес, против мексиканского народа. К тому же пред[седатель] комис[сии] Дайес, поняв, что от меня не будет помощи для его реакционных целей, отказался, как известно, от своего приглашения.

Новейшее измышление агентов ГПУ относятся к той же категории, что и их старые сообщения: о моем участии в подготовке генеральной стачки против правительства генерала Карденаса; о моей связи с генералом Седильо; о моей тайной встрече в Морелии с д-ром Атлем, о моей связи с какими-то еврейскими буржуа в Мексико, наконец, о моем тайном участии в нынешней президентской кампании.

Ступив на почву Мексики, я добровольно обязался не вмешиваться ни во внутреннюю, ни во внешнюю политику страны. Кто утверждает противоположное, тот лжет!

Может быть, гг. лжецы примут наконец мое старое предложение: передать вопрос об их клеветах на рассмотрение беспристрастной общественной комиссии?

[Л.Д.Троцкий]

[12 января 1940 г.]

Партия и руководство

Я не рассматриваю личность, особенно политическую личность, как раз навсегда данную и неизменную величину. В отношении Молинье я рассчитывал, разумеется, не на свое личное влияние, а на влияние партии по мере того, как будет меняться ее социальный состав. Ничто так не дисциплинирует мелкобуржуазных политиков с авантюристической чертой, как твердое большинство рабочих с серьезным и деловым подходом к вопросам политики. "Пролетаризация" нашей французской секции, как и других, шла, однако, слишком медленно. Однако я и сейчас не считаю, что они погибли безнадежно. Когда партия окрепнет, она, может быть, сможет указать им настоящее место в

своих рядах.

[Л.Д.Троцкий]
[Январь 1940 г.]

[Письмо Ч.Маламуту]

Дорогой товарищ Маламут!

Посылаю вам рукопись предполагаемой книги⁴⁴². Текст состоит из 12 статей и предисловия (предисловие будет Вам послано на русском языке, если соглашение с издателем будет достигнуто). Издатель может судить о книге на основании тех статей, которые переведены на английский язык. Я прошу Вас перечитать текст, чтобы устранить возможные недоразумения.

Статьи перенумерованы. Сомнение относительно порядка имеются только относительно двух статей: "Соединенные Штаты Европы" и "Что такое национал-социализм?" Так как я не имею под руками первой статьи и не знаю ее даты, то я не уверен, какая из этих статей пойдет второй, а какая третьей (расположение статей должно иметь строго хронологический порядок). Статью о "Соединенных Штатах Европы", которая была напечатана либо в "Милитант", либо в "Нью Интернейшенел", для меня разыскивают.

Насколько я помню, статья "Что такое национал-социализм?" была в свое время напечатана также и на английском языке. Английской рукописи у меня, к сожалению, нет. Эту статью разыскивают в Нью-Йорке, и вы получите ее английский текст, если его найдут: в противном случае статью придется перевести (в случае, если соглашение будет достигнуто).

Статья No 4 "На пороге новой мировой войны" была напечатана в виде двух статей: первая часть в "Либерти", вторая часть в каком-то ежемесячнике (через Куртис [и] Браун⁴⁴³).

Я помню, что рукопись этой статьи подверглась некоторым литературным изменениям (по соглашению со мной). Кроме того, во вторую часть статьи была внесена вставка. Было бы очень хорошо проверить рукопись по печатному тексту и внести все необходимые поправки.

Статья No 6 "Новая эра мира", по-видимому, не была переведена на английский язык. Ее следует перевести, если судьба книги обеспечена.

Я посылаю одновременно другую копию т. Ванцлеру, который собирается в случае отрицательного ответа Харпера вступить в переговоры с другими издательствами. Прошу Вас действовать в контакте с ним. Он найдет, несомненно, недостающий английский текст некоторых статей. Надо действовать с большой энергией, чтобы книжка могла появиться еще до летних каникул. Это, на мой взгляд, вполне возможно.

Ваш

Л.Троцкий

7 апреля 1940 г.

Койоакан

P.S. Когда издатель определит свои условия, Вы определите свои.
Л.Т[роцкий]

Русские (переводные) статьи пришлю через день-два.

Мелкобуржуазные моралисты и пролетарская партия

Дискуссия в Рабочей Социалистической Партии С[оединенных] Ш[татов] прошла при полной свободе. Подготовка к конференции⁴⁴⁴ была абсолютно лояльна. Меньшинство участвовало в конференции, признав тем самым ее законность и правильность. Большинство предлагало меньшинству все гарантии борьбы за свои взгляды после конференции. Меньшинство требовало свободы обращения к массам через голову партии. Большинство, разумеется, отвергло эту чудовищную претензию. Тем временем меньшинство произвело за спиной партии какие-то темные махинации и овладело "Нью Интернейшенел", который издавался усилиями всей партии и Четвертого Интернационала. Надо еще прибавить, что в редакции этого органа большинство соглашалось отвести меньшинству из пяти мест два. Но возможно ли интеллигентской "аристократии"

оставаться в рабочей партии в меньшинстве? Ставить на одну доску профессора и рабочего – ведь это "бюрократический консерватизм"!

В своей статье против меня Бернам разъяснял мне недавно, что социализм есть "нравственный идеал". Это, разумеется, не очень ново. На морали основывался в начале прошлого века "истинный немецкий социализм"⁴⁴⁵, с критики которого начали свою деятельность Маркс и Энгельс. В начале нынешнего столетия русские социал-революционеры выдвинули "нравственный идеал" в противовес материалистическому социализму. Увы, эти носители морали оказались отъявленными мошенниками в области политики. В 1917 г. они окончательно предали рабочих буржуазии и иностранному империализму.

Долгий политический опыт приучил меня к тому, что когда мелкобуржуазный профессор или журналист говорит о высокой морали, нужно крепко придерживать рукой карманы. Так случилось и на этот раз. Во имя "нравственного идеала" мелкобуржуазный интеллигент украл из кармана партии теоретический орган. Таков живой образчик организационных методов этих новаторов, моралистов и борцов за демократию.

Что "образованный" мелкий буржуа считает партийной демократией? Такой режим, когда он может говорить и писать, что хочет. Что "образованный" мелкий буржуа считает "бюрократизмом"? Такой режим, когда пролетарское большинство устанавливает демократическими методами свои решения и свою дисциплину. Запомните это твердо, рабочие!

Мелкобуржуазное меньшинство СРП откололось от пролетарского большинства на почве борьбы против революционного марксизма. Бернам объявил диалектический материализм несовместимым с его затхлой "наукой". Шахтман объявил революционный марксизм безразличным с точки зрения "практических задач". Аберн поспешил пристроить свою лавочку к антимарксистскому блоку. Теперь эти господа называют похищенный ими у партии журнал "органом революционного марксизма". Разве это не идейное шарлатанство? Пусть читатели потребуют от редакции напечатать единственное программное произведение меньшинства, именно статью Бентама "Наука и стиль". Если бы редакторы не собирались подражать купцу, который выпускает гнилой товар под высоким ярлыком, то они обязаны были бы напечатать эту статью. Тогда все увидели бы, о каком именно "революционном марксизме" идет речь. Они не посмеют, однако, это сделать. Они стыдятся показать свое действительное лицо. Бернам умеет прятать свои слишком откровенные статьи и резолюции в карман, а Шахтман умеет быть адвокатом чужих взглядов за отсутствием собственных.

Уже первые "программные" статьи украденного органа обнаруживают полностью легковесие и пустоту новой антимарксистской группировки, которая выступает под именем "третьего лагеря". Что это за штука? Есть лагерь капитала, есть лагерь пролетариата. Не есть ли "третий лагерь" – убежище мелкой буржуазии? По существу, так оно и есть. Но как всегда, мелкая буржуазия прикрывает свой "лагерь" бумажными цветами риторики. Послушаем! Лагерь: Франция и Англия. Другой лагерь: Гитлер и Сталин. Третий лагерь: Бернам с Шахтманом. Четвертый Интернационал находится в лагере Гитлера (Сталин давно открыл это). Новый великий лозунг: путаники, пацифисты, все, обиженные судьбою, собирайтесь в "третий" лагерь!

На беду, буржуазный мир вовсе не исчерпывается двумя воюющими лагерями. Как быть со всеми нейтральными и полунейтральными странами? Как быть с Соединенными Штатами? Куда поместить Италию и Японию? Скандинавские государства? Индию? Китай? Мы имеем в виду не революционных индусских или китайских рабочих, а Индию и Китай, как угнетенные страны. Из ученической схемы трех лагерей выпадает мелочь: колониальный мир, большая половина человечества!

Индия участвует в империалистической войне на стороне Великобритании. Значит ли это, что у нас к Индии – не к индусским большевикам, а к Индии – то же отношение, что и к Великобритании? Если на свете, кроме Шахтмана и Бернама, существуют только два империалистических лагеря, то куда, спрашиваем мы, девать Индию? Марксист скажет, что, несмотря на вхождение Индии в состав Британской империи и участие в империалистической войне, несмотря на предательскую политику Ганди и других национальных вождей, мы относимся к Индии совсем не так, как к Англии. Мы защищаем Индию против Англии. Почему же мы не можем относиться к СССР иначе, чем к Германии, несмотря на союз Сталина с Гитлером? Почему мы не можем защищать более прогрессивные социальные формы, способные развиваться, против реакционных,

способных только гнить? Не только можем, но и обязаны! У теоретиков украденного журнала вместо классового анализа – механическая конструкция, привлекающая мелкобуржуазных интеллигентов своей мнимой симметричностью. Подобно тому, как сталинцы свое прислужничество национал-социализму прикрывают крепкими словами против империалистических демократий, так Шахтман и К° свою капитуляцию перед мелкобуржуазным общественным мнением С[оединенных] Штатов прикрывают фразеологией "третьего лагеря". Как будто "третий лагерь" (Партия? Клуб? Лига утерянных надежд? "Народный фронт"?) не обязан иметь правильной политики по отношению к мелкой буржуазии, профессиональным союзам, к Индии и к СССР!

Еще совсем на днях Шахтман называл себя в печати "троцкистом". Если это – троцкизм, то я во всяком случае не троцкист. С нынешними идеями Шахтмана, не говоря уж о Бернаме, я не имею ничего общего. Я активно сотрудничал в "Нью Интернейшенел", протестуя против теоретического легкомыслия Шахтмана и его беспринципных уступок надутому мелкобуржуазному педанту Бернаму. Но тогда партия и Интернационал держали обоих в узде. Сейчас напор мелкобуржуазной демократии разнуздал их. К их новому журналу у меня может быть лишь то же отношение, что ко всем остальным мелкобуржуазным подделкам под марксизм. Что касается их "организационных методов" и политической "морали", то они не вызывают во мне ничего, кроме отвращения.

Если бы за спиной Шахтмана стояли сознательные агенты классового врага, то и они не могли бы посоветовать ему сделать ничего другого, кроме того, что он сделал. Он объединился с антимарксистами для борьбы с марксизмом. Он помог сплотить мелкобуржуазную фракцию против рабочих. Он отказался воспользоваться внутривластной демократией, чтобы честно попытаться убедить рабочее большинство. Он произвел раскол в условиях мировой войны. В довершение всего он прикрыл этот раскол мелким и грязным скандалом, как бы специально предназначенным для того, чтобы дать пищу врагам. Таковы эти "демократы", такова их "мораль".

Но все это им не поможет. Они – банкроты. Несмотря на предательства шатких интеллигентов и дешевые издевательства демократических кумушек, Четвертый Интернационал пойдет своей дорогой, создаст и воспитает подлинный отбор пролетарских революционеров, которые понимают, что такое партия, что такое верность знамени и что такое революционная дисциплина.

Передовые рабочие! Ни на грош доверия "третьему фронту" мелкой буржуазии!

Л.Троцкий
23 апреля 1940 г.
Койоакан

Ответы на вопросы представителя газеты "Критика" в Буэнос-Айресе и двух газет в Колумбии

Я считаю необходимым совершенно устранить из вашего списка те вопросы, которые касаются внутренней политики Мексики, т. к. не намерен давать материала ни агентам нефтяных компаний, ни агентам ГПУ, которые одинаково утверждают, будто я вмешиваюсь во внутреннюю жизнь этой страны. Я охотно отвечу на вопросы, касающиеся условий моего личного существования в Мексике, на вопросы о ГПУ, а также на вопросы о программе, которую я защищаю.

Я пользовался до сих пор и продолжаю пользоваться неизменным покровительством мексиканских властей. У меня не было и нет никаких личных отношений ни с одним из членов правительства. В Мексике я изгнанник, а не политик. У меня нет поэтому – я отвечаю на ваш вопрос – никаких оснований думать, что предстоящая в этом году смена президента может оказать влияние на мое пребывание в этой стране. Я получил право убежища не как политический сторонник генерала Карденаса (к личности которого я питаю глубокое уважение) и не потому, что генерал Карденас считал необходимым оказывать покровительство Четвертому Интернационалу. Об этом нет, разумеется, и речи. Но в этом случае, как и в целом ряде других, в особенности в отношении Испании, правительство Мексики показало, что оно относится к принципу права убежища более серьезно, чем правительство Европы и Соединенных Штатов. Правительство Мексики дало мне право убежища не из симпатии к "троцкизму", а из уважения к своим собственным принципам. Мексиканские власти хорошо осведомлены, что за 3 1/4 года моего пребывания здесь я стоял совершенно в

стороне от внутренней политики страны. У меня нет никакого основания опасаться, что новая администрация будет относиться к праву убежища иначе, чем нынешняя.

Ни для кого, разумеется, не секрет, что за кулисами и отчасти на открытой сцене ведется систематическая кампания – с одной стороны, агентами иностранного капитализма, с другой – агентами ГПУ – в пользу высылки меня из Мексики, или, вернее сказать, в пользу отдачи меня в руки палачей ГПУ. Эта кампания не имеет никакого отношения ко внутренней политике Мексики: она целиком диктуется из Кремля. Я несколько раз предлагал господам клеветникам беспристрастную публичную комиссию расследования. Ни один из моих "обвинителей" не откликнулся. Да и что могут они предъявить общественному расследованию? Ничего, кроме приказов ГПУ. Немудрено, если эти обвинения потеряли всякий кредит в общественном мнении и, смею думать, в правительственных кругах.

Вот вам свежая иллюстрация политических приемов Коминтерна и "друзей". Я пишу: Соединенные Штаты неизбежно вмешаются в войну. Агенты Кремля, они же второстепенные агенты Гитлера, делают немедленно вывод: "Троцкий проповедует вмешательство Соединенных Штатов в войну против Германии и, следовательно, против СССР". Выходит так, что я через прессу Четвертого Интернационала пытаюсь внушить Уолл-стрит и Белому дому определенную политику. Не бессмыслица ли это? Я никогда не занимался и не занимаюсь увещеваниями по адресу правительств капитала. Я анализирую взаимоотношения капиталистических классов и делаю выводы. Я стою лицом не к империализму, а к рабочим и предупреждаю их относительно тех шагов, которые вынуждены будут предпринять капиталистические правительства, повинувшись своим собственным интересам. В 1937 г. я писал о близости мировой войны. Значит ли это, что я проповедовал мировую войну? Когда экономист предсказывает надвигающийся кризис, значит ли это, что он проповедует кризис? Эти господа находятся на таком плачевном теоретическом уровне, что с ними вообще невозможна никакая полемика.

Недавно они ухватились за комиссию депутата Дайеса в Соединенных Штатах, производящую расследование о коммунизме и фашизме. Получив приглашение дать показания перед комиссией, я выразил согласие. Следовательно... я – агент американского империализма. Эти господа побили все рекорды низости и глупости! Так называемая "Комиссия Дайеса" есть комиссия американской Палаты депутатов. Эта парламентская комиссия производит открытое расследование на глазах всего мира. Совершенно недопустимо, с моей точки зрения, для человека, уважающего общественное мнение, уклониться от дачи показаний в качестве свидетеля. Политические цели Дайеса прямо противоположны моим целям. Напомню, однако, что Дайес является членом той самой демократической партии, к которой принадлежит Рузвельт, а сталинцы еще на днях ползали перед Рузвельтом на коленях. Для меня Рузвельт и Дайес только разные оттенки одной и той же империалистической партии, с которой я не могу иметь ничего общего.

Перед комиссией Дайеса выступали господа Браудер и Фостер, вожди американской коммунистической партии, причем в своих показаниях они позволяли себе самую чудовищную клевету на меня. Тем менее было у меня основания отказаться от использования комиссии для разоблачения клеветы и клеветников.

Политическая мысль, которую я хотел развить перед комиссией, такова: империалистические правительства должны не преследовать Коминтерн, а, наоборот, оказывать ему всякое покровительство, потому что Коминтерн стал сейчас главным тормозом мирового рабочего движения, главной опорой мировой реакции.

Когда Дайес, человек, видимо, ограниченный и невежественный, узнал поближе о моих действительных взглядах, он поспешил отказаться от своего приглашения. Казалось бы, один этот отказ вырывает почву из-под клеветы. Однако господа клеветники не останавливаются: они вынуждены выполнить данное им поручение.

Лидеры Коминтерна и агенты ГПУ неизменно требуют, даже от империалистических правительств, репрессивных мер против своих противников как справа, так и слева. Эта политика самоубийственна. Так, французская секция Коминтерна под руководством французских агентов ГПУ вела систематическую борьбу за изгнание и аресты своих противников, за закрытие враждебных ей газет и пр. В течение известного времени эти господа имели

успех. Но сейчас они пожинают плоды своей собственной долголетней работы. Никто не облегчил г. Даладье в такой мере расправу над так называемой коммунистической партией⁴⁴⁸, как предшествующая работа сталинской агентуры во Франции. Я этим, разумеется, ни в малейшей мере не собираюсь защищать г. Даладье, который ведет войну в "защиту демократии" в других странах, попирая эту демократию в собственной стране. Как коммунисты подготовили репрессии Даладье, так Даладье готовит ныне торжество фашизма во Франции. Но это уже иной вопрос.

В чем, спрашиваете вы, опасность или вред ГПУ?

Прежде всего в том, что через так называемые коммунистические партии, которые ни с марксизмом, ни с коммунизмом не имеют ничего общего, ГПУ подчиняет широкие слои международного рабочего движения интересам Кремля. На официальном языке это называется "защита СССР". На самом деле речь идет о помощи тоталитарной олигархии против народов СССР.

Задачи ГПУ вне СССР те же в основном, что и внутри страны: бороться за поддержание тоталитарного режима бюрократии, за ее власть, доходы и престиж, вербовать "друзей" при помощи вещественных и полувещественных аргументов и истреблять врагов при помощи клеветы и убийства из-за угла.

Деятельность ГПУ внутри страны нашла наиболее яркое и наиболее отталкивающее свое выражение в московских процессах против троцкистов. Эти судебные подлоги, небывалые в истории, освещены до конца в двух томах, в общем свыше тысячи страниц, изданных комиссией под руководством известного американского философа-педагога Джона Дьюи⁴⁴⁹. Всякий, кто хочет познакомиться с адской кухней ГПУ, должен внимательно изучить эти два тома. Незачем говорить, что сталинцы и их "друзья" не обмолвились об этом замечательном по своей объективности и тщательности исследовании ни одним словом. Немудрено: им ответить нечего.

Деятельность ГПУ за границей нашла свое выражение в ряде убийств и покушений. Один из заграничных руководителей ГПУ генерал Кривицкий выпустил недавно том своих разоблачений на английском языке⁴⁵⁰. Я полагаю, что эта книга появится и на испанском языке.

Но ужаснее всех этих индивидуальных преступлений та коррупция, которую ГПУ систематически вносит в ряды рабочих, подбирая и воспитывая особый тип "вождей", подбострастных по отношению к верхам, наглых по отношению к низам.

Вожди Коминтерна и агенты ГПУ борьбу свою против меня и моих единомышленников прикрывают тем, что зачислят нас в контрреволюционеры. Все зависит от того, что считать революцией. Коминтерн задушил китайскую революцию 1927 г. и сделал все для торжества Гитлера в Германии. Своей палаческой политикой в Испании Коминтерн поддерживает и приукрашивает ужасающие международные преступления Гитлера, "великого друга" Сталина. Кто считает все это революцией, тот, разумеется, должен отнести меня к контрреволюционерам. Можно переименовать черное белым и белое черным, - характер красок от этого не изменится. На деле нынешний Коминтерн стал во всех больших вопросах, во всех странах, во всех частях света союзником или помощником контрреволюции. Немудрено, если руководящий состав Коминтерна состоит из людей, которые по самому типу своему прямо противоположны типу революционера.

Революционер немислим без независимости характера, преданности делу рабочего класса, способности к самопожертвованию, готовности оставаться в период реакции в меньшинстве, чтобы готовить кадры для нового революционного подъема. Революционер говорит массам правду, ибо единственная основа революции состоит в политическом сознании масс. Обнаженная правда есть самый революционный фактор политики. Между тем вожди Коминтерна - лжецы по профессии. Они лишены малейшей самостоятельности, живут и дышат постольку, поскольку могут держаться за Кремль или за национальную буржуазию. Они меняют свои взгляды по приказу и заматают следы при помощи клеветы и травли. Нельзя без отвращения читать, как эти господа кланутся Марксом и Лениным. Кто читал переписку Маркса, кто имеет хоть какое-нибудь понятие о политической и моральной физиономии Ленина, тот знает, с какой брезгливостью оба они относились к фатам и снобам, к паразитам революционных движений, к авантюристам, которые совершают карьеру на спине рабочего класса.

Как бороться против ГПУ?

Если вопрос относится к правительствам, то я не способен дать ответа: правительства сами знают, как им бороться с ГПУ; я не являюсь советником ни одного из существующих правительств. Другое дело, если речь идет о рабочем движении. Очистить его от влияния ГПУ – путь один: систематическое, непримиримое, беспощадное разоблачение преступлений Кремля на мировой арене.

Нелепо было бы говорить о борьбе с ГПУ при помощи террора. Разумеется, от террористических актов наемных бандитов ГПУ надо уметь защищаться с оружием в руках. Но суть вопроса не в этом. Агенты ГПУ не были бы опасны, если бы ни опирались на аппарат Коминтерна и на обман рабочих лидерами Коминтерна. Надо из-под ног ГПУ вырвать опору Коминтерна. Надо разоблачить и разрушить тот тоталитарный заговор против мирового рабочего класса, который называется Коминтерном. Освобождение пролетарских рядов от лжи и отравы сталинизма есть первое условие возрождения рабочего класса. Прийти к социализму пролетариат может только через политический труп Коминтерна.

Несколько слов об испанских изгнанниках

Если политика Кремля в Испании была преступна, то его отношение к испанским изгнанникам, в значительной мере жертвам его собственной политики, преступно вдвойне. Кремль боится допустить испанских эмигрантов на советскую территорию, потому что после поражения революционеры обыкновенно учатся думать. С другой стороны, Кремль рассчитывает, что в лице рассеянных по всей земле изгнанников он найдет дешевых агентов для самых опасных поручений. Этим объясняется недопущение испанских изгнанников в СССР. Мировой пролетариат сумеет сделать из этой варварской политики необходимые выводы.

В отношении испанских беженцев господствует вообще ужасающее неравенство. Так называемые коммунисты (сталинцы), не столько рядовые бойцы, сколько бюрократы, пользуются покровительством Коминтерна и дружественных ему организаций. Буржуазные республиканцы и связанные с ними социалисты имеют свои связи и свои богатые источники. Но есть третья категория: сторонники Четвертого Интернационала, рядовые члены ПОУМа, анархисты группы Дуррути, словом, неофициальные группировки, гонимые и преследуемые. Многие из них были перебиты войсками Франко; другая часть была истреблена агентурой ГПУ; третья часть находится ныне в концентрационных лагерях, без средств, без поддержки, без возможности вырваться в более благоприятные условия. Между тем эти бойцы заслуживают внимания и поддержки не менее всех остальных. Если бы мне удалось при помощи этих строк обратить на них внимание действительных друзей испанского народа, я был бы глубоко удовлетворен.

Вы спрашиваете о моей программе?

Программу Четвертого Интернационала, которая является в то же время моей программой, можно было бы охарактеризовать двумя словами: революционный интернационализм. Оба империалистических лагеря, находящихся сейчас в борьбе, нам одинаково чужды. Их война, каков бы ни был ее исход, неспособна разрешить ни одной из тех задач, которые ее породили. Умиротворить нашу планету можно только при помощи плановой организации хозяйства на мировой арене. Осуществить мировую федерацию и разумную систему хозяйства, которая использует богатства нашей планеты в интересах всего человечества, способен только социалистический режим. Прийти к социалистическому режиму можно только через низвержение империализма посредством пролетарской революции. Вот почему Четвертый Интернационал именуется "Мировой партией социалистической революции".

Статьи мои, развивающие программу Четвертого Интернационала, я охотно предоставляю всякому честному рабочему изданию, прежде всего, разумеется, изданиям Четвертого Интернационала во всех странах. На испанском языке эти статьи чаще всего появляются в ежемесячном марксистском органе "Клаве", который издается в Мексике.

[Л. Д. Троцкий]

[Апрель 1940 г.]

Добровольное признание

Некоторые друзья спрашивали меня за последние дни, почему я публично не ответил на формальное включение меня вождями так называемой "коммунистической" партии в число участников "контрреволюционного заговора" в Мексике. По мнению моих друзей, мое молчание может быть ложно истолковано мало осведомленными людьми. Я этому не верю. Кремль и его Коминтерн полностью обнажили за последние годы свои методы лжи, цинизма, предательства, фальсификации и дали спасительный урок общественному мнению всего мира. Мои мексиканские обвинители являются только маленькими бледными тенями кремлевского Сверх-Борджия.

Вместо опровержения я ограничусь на этот раз добровольными признаниями, по образцу тех, которые приняты на московских процессах. На съезде "коммунистической" партии в Мексике было заявлено, что "троцкисты" финансировали г. Лаборде - того самого, который требовал моего ареста, изгнания из Мексики и предания в руки ГПУ. Признаю: я действительно финансировал, по мере сил, Лаборде и К^о, чтобы помочь им как можно скорее скомпрометировать себя и своих кремлевских господ. Однако новые лидеры компартии, разоблачающие мое участие в заговоре, умалчивают о том обстоятельстве, что я продолжаю финансировать также и их, притом в удвоенном размере, так как, по моим расчетам, они должны с двойным усердием продолжать плодотворную деятельность г. Лаборде. Я очень жалею, что не могу платить им больше, но в моем распоряжении нет государственной кассы.

Отмечу мимоходом, что другая, менее значительная группа развлекала за последнее время общественное мнение сообщениями на ту тему, что я поддерживаю международную политику Сталина и готовлю объединение Третьего Интернационала с Четвертым. Должен заявить во избежание недоразумений, что этим шутам я ничего не плачу. Они компрометируют себя совершенно бескорыстно.

Л.Троцкий

Койоакан

8 мая 1940 г.

Предложение профессиональным клеветникам из "Футуро" и "Популяр"

Журнал "Футуро" и газета "Популяр" систематически пускают про меня в оборот сведения заведомо клеветнического характера (подготовка всеобщей стачки против генерала Карденаса, связь с Седильо, связь с неким д[окто]ром Атлем, участие в избирательной кампании, участие в контрреволюционном заговоре и пр. и пр. и пр.). В последнее время они особенно настаивают на моих тайных сношениях с комиссией Дайеса в Соединенных Штатах "против мексиканского народа" (см. "Популяр", 13 мая). Опровергать здесь все эти "обвинения" нет смысла, ибо в обвинениях нет содержания, нет конкретных фактов, нет даже точно сформулированной клеветы. К тому же после каждого опровержения с моей стороны с точными ссылками на документы господина обвинители, обладающие медными лбами, продолжают повторять те же обвинения, или - прямо противоположные (сегодня: "агент фашизма"; завтра - "агент империалистических демократий"). Я не вхожу также в оценку нравственной личности "обвинителей", вчерашних бесстрашных борцов против фашизма, сегодня - его пресмыкающихся адвокатов. Не это меня интересует. Однако я имею, надеюсь, право требовать от публичных обвинителей публичных доказательств.

В течение 3 1/2 лет моего пребывания в Мексике я неоднократно предлагал этим господам передать все их "обвинения" беспристрастной общественной комиссии для публичного рассмотрения. Я готов в любой день и час предстать перед такой же комиссией, если она будет создана мексиканскими властями, председателем ПРМ451 или другим авторитетным и беспристрастным учреждением. Я ни разу до сих пор не получил ответа на это предложение. Я повторяю его снова и тут же предсказываю: господа обвинители не пойдут на это. Они не смеют пойти на это. У них нет ничего: ни фактов, ни данных, ни даже обдуманного обвинения. Они просто лгут, потому что их кремлевский хозяин приказал им вести против меня травлю, и каждый из них старается показать, что он делает это более нагло, чем его конкурент.

После опубликования этого формального предложения, которое я делаю в последний раз, я буду ждать 72 часа их ответа. После этого, надеюсь, всякий честный человек будет иметь право называть этих господ презренными клеветниками.

Л.Троцкий
Койоакан
14 мая 1940 г.

[Письмо государственным служащим Мексики]

Г[осподину] Прокурору республики
Г[осподину] Начальнику полиции, генералу Нуньезе⁴⁵²
Г[осподину] Секретарю внутренних дел

Во время допроса меня представителем прокуратуры 24 мая мне в числе других был задан вопрос, кого именно я подозреваю, как организатора покушения⁴⁵³. Я ответил: Иосифа Сталина. Я дал подробные объяснения того, каковы методы организации ГПУ в иностранных государствах. Эта часть моих показаний не была совершенно включена в протокол, очевидно, по соображениям международного этикета или, может быть, по соображениям технического процессуального характера. Но так как власти заинтересованы прежде всего в раскрытии преступления, то я считаю своим долгом дополнить здесь краткий протокол моих показаний теми соображениями, которые, по моему убеждению, имеют большое, даже решающее значение для общего направления следствия.

Прежде всего необходимо установить, что покушение могло исходить только из Кремля, только от Сталина, через заграничную агентуру ГПУ. Сталин в течение последних лет расстрелял сотни моих действительных или предполагаемых друзей. Он фактически истребил всю мою семью, кроме меня, моей жены и одного внука. За границей он через своих агентов убил одного из бывших руководителей ГПУ Игнатия Райсса, который публично заявил себя моим сторонником. Факт этот установлен французской полицией и швейцарским судом. Те же агенты ГПУ, которые убили Игнатия Райсса, преследовали по пятам моего сына в Париже. 7 ноября 1936 г. агенты ГПУ вторглись ночью в помещение научного института в Париже и похитили часть моего архива. Два моих бывших секретаря, Эрвин Вольф и Рудольф Клемент, были убиты агентами ГПУ: первый в Испании, второй в Париже. Все театральные процессы в Москве в течение 1936-[19]37 гг. имели своей последней целью добиться моей выдачи в руки ГПУ. Перечень этих преступлений можно было бы значительно увеличить. Все они имели своей целью добиться моего физического уничтожения. За всеми этими действиями стоит Сталин. Орудием в его руках является широко разветвленная за границей советская секретная полиция, так называемое ГПУ. Отрицать эти общеизвестные факты или подвергать их малейшему сомнению могут только люди, заинтересованные в сокрытии следов преступления.

Я не хочу этим сказать, что исключена возможность участия в покушении также агентов Гестапо, тайной полиции Гитлера. В настоящее время ГПУ и Гестапо представляют собою до известной степени сообщающиеся сосуды; возможно и вероятно, что в их распоряжении имеются в отдельных случаях одни и те же агенты для рискованных поручений. Из гласных заявлений ответственных представителей германского правительства видно, что Гестапо рассматривает меня как опасного врага. Сотрудничество обеих секретных полиций в данном покушении вполне возможно. Но руководящая роль принадлежит во всяком случае ГПУ, так как для Сталина вопрос о моей деятельности представляет неизмеримо больший интерес, чем для Гитлера.

Организация ГПУ за границей имеет свою традицию и твердо установленные правила. Ряд очень видных работников ГПУ (генерал Вальтер Кривицкий, Игнатий Райсс и другие) порвали за последние годы с ГПУ и сделали ряд чрезвычайно важных разоблачений. На эти разоблачения, как и на другие доступные мне источники, я опираюсь в дальнейшей характеристике некоторых методов ГПУ.

Прежде всего необходимо установить со всей категоричностью, что деятельность ГПУ тесно переплетается с деятельностью Коминтерна, вернее, аппарата Коминтерна, его руководящих элементов и наиболее доверенных членов. Для своей деятельности ГПУ нуждается в легальном или полулегальном прикрытии и в сочувственной среде для набора агентов: такой средой и таким прикрытием

являются так называемые "коммунистические" партии.

Общая схема заграничной организации ГПУ такова. В Центральный Комитет каждой секции Коминтерна входит ответственный руководитель ГПУ в данной стране. О его работе в качестве представителя ГПУ знает обыкновенно только генеральный секретарь партии и еще одно-два наиболее доверенных лица. Остальные члены Центрального Комитета имеют возможность только догадываться об исключительном положении данного члена ЦК. У меня нет никаких специальных сведений, касающихся постановки этой работы в Мексике. Но я не сомневаюсь, что в отношении методов организации ГПУ Мексика не представляет исключения.

В качестве члена Центрального Комитета национальный резидент ГПУ имеет возможность вполне легально подходить ко всем членам партии, изучать их характеры, подбирать их для определенных поручений, постепенно втягивать их в шпионскую или террористическую работу, то апеллируя к их партийному долгу, то действуя посредством подкупа.

Вся эта механика была широко раскрыта во Франции и Швейцарии в связи с убийством Игнатия Райсса и подготовкой террористических актов против моего покойного сына и других лиц. В отношении Соединенных Штатов Вальтер Кривицкий показал, что сестра генерального секретаря американской секции Коминтерна Браудера состояла по рекомендации своего брата в качестве секретного агента. Этот пример представляет не исключение, а норму.

Все заставляет думать, что главные организаторы покушения явились из-за границы. Возможно, что они покинули Мексику после подготовки предприятия и распределения ролей, накануне самого покушения. Такой способ действий обычен для ГПУ, которое, в качестве государственного органа, чрезвычайно заинтересовано в том, чтобы не оставлять следов.

Иностранные эмиссары ГПУ, приезжающие в данную страну с определенным поручением, действуют всегда через национального резидента ГПУ, упомянутого члена Центрального Комитета компартии: без этого иностранные эмиссары лишены были бы возможности ориентироваться в национальных условиях и найти необходимых исполнителей. Иностранный эмиссар вместе с национальным резидентом и наиболее доверенными сотрудниками разрабатывают общий план предприятия, изучают списки возможных сотрудников и постепенно втягивают их в тайну своего замысла. В этой технической работе национальному резиденту и его секретному штабу принадлежит решающая роль.

У меня нет никаких данных о действительной роли полицейского унтерофицера Казаса и пяти полицейских, которые под его начальством несли внешнюю охрану дома. Я знаю только, что эти лица арестованы. Нельзя поэтому считать исключенным, что они были вовлечены в заговор: ГПУ располагает такими средствами убеждения, принуждения и подкупа, как, пожалуй, никакое другое учреждение в мире. Полицейским могли систематически внушать, что я являюсь врагом мексиканского народа; им могли обещать в известных условиях карьеру; им могли, наконец, предложить исключительно высокую плату за определенные услуги. Но иностранные агенты не могли бы найти прямого подступа к мексиканским полицейским; нужны были национальные агенты. Этих национальных агентов деморализации, подкупа и подготовки террористического акта надо искать в Центральном Комитете коммунистической партии и вокруг этого Центрального Комитета.

Для ГПУ имеет, далее, большое политическое значение вопрос о подготовке общественного мнения к террористическому акту, особенно если дело идет об убийстве лица, известного широким кругам национального и интернационального общественного мнения. Эта часть работы возлагается неизменно на коммунистическую печать, коммунистических ораторов и так называемых "друзей СССР". С этой точки зрения следствие, как мне кажется, не может не обратить внимания на работу газет "El Popular", "La voz de M xico" и некоторых сотрудников "El Nacional"⁴⁵⁴. Я имею в виду, разумеется, не политическую критику моих взглядов, так как такая критика, хотя бы и самая суровая, является элементарным демократическим правом каждого и всякого. Но ни "La voz de M xico", ни "El Popular" никогда такой критикой не занимались. Их специальностью, как и специальностью некоторых ораторов, в частности г. Ломбардо Толедано, в течение трех с половиною лет моего пребывания в Мексике было распространение невероятных по своей грубости и фантастичности клевет против меня. Напомню, что меня десятки раз обвиняли в преступных связях со всеми реакционными кругами Мексики и других стран; в одной из своих публичных речей г. Толедано заявил, что я готовлю всеобщую стачку против

правительства генерала Карденаса; в "Machete"⁴⁵⁵, а затем в "La voz de M xico" меня обвиняли из недели в неделю в подготовке государственного переворота в Мексике, в тайной связи с генералом Седильо и рядом других действительных или мнимых контрреволюционеров, в тайных свиданиях с неким доктором Атлем, в сотрудничестве с немецкими фашистами в Мексике и т. д. и пр. В самое последнее время "Futuro", "El Popular", как и "Voz de M xico", стали систематически повторять, что я нахожусь в тайных сношениях с реакционным депутатом Дайесом в Соединенных Штатах и передаю ему сведения, направленные против интересов Мексики. Все эти обвинения внутренне бессмысленны, ибо приписывают мне действия, не только в корне противоположные моим взглядам и делу всей моей жизни, но и моим непосредственным интересам, ибо я должен был бы лишиться рассудка, чтоб совершать нелояльные действия по отношению к мексиканскому правительству, оказавшему мне столь великодушное гостеприимство.

Напомню, что я через печать неоднократно обращался к обвинителям с предложением передать дело в беспристрастную следственную комиссию, созданную либо правительством, либо ПРМ, с целью гласного расследования всех предъявляемых мне обвинений. Ломбардо Толедано и вожди компартии всегда уклонялись от принятия моего предложения.

Нельзя не поставить вопрос: почему г. Ломбардо Толедано и вожди мексиканской коммунистической партии считают себя обязанными распространять обо мне систематически клевету с явной целью очернить меня в глазах властей и общественного мнения Мексики? Лично эти господа не могут иметь ко мне вражды, так как я никогда не имел с ними ни личных, ни политических отношений или конфликтов. Они действуют с таким упорством и бесстыдством только потому, что им это приказано. Кто мог приказать им это? Очевидно, хозяин Кремля Иосиф Сталин.

Я не хочу этим сказать, что г. Ломбардо Толедано и вожди компартии прямо и непосредственно участвовали в подготовке покушения на меня. ГПУ проводит в этой области строгое разделение труда. Более известным лицам поручается задача систематической клеветы. Менее известным, но более серьезным агентам поручается задача убийства. Однако г. Ломбардо Толедано не является неопытным юношей, который действует только по легкомыслию. Ему прекрасно известны методы ГПУ, в частности систематическое преследование, которому я, члены моей семьи и мои друзья подверглись и подвергаются во всех частях света и во всех странах. Для Толедано не секрет, что ГПУ стремится к моему физическому уничтожению. Таким образом, я имею полное право сказать, что, занимаясь систематически отравленной клеветой против меня, г. Ломбардо Толедано морально участвовал в подготовке террористического акта. Толедано в качестве свидетеля представлял бы большой интерес для следствия.

Не может быть, далее, ни малейшего сомнения в том, что бывшие и нынешние вожди компартии осведомлены о том, кто именно является национальным резидентом ГПУ в Мексике. Я позволю себе также высказать предположение, что (?) Давид Сикейрос⁴⁵⁶, который участвовал в гражданской войне в Испании в качестве крайне активного сталинца, не может не быть осведомлен о наиболее видных деятелях ГПУ испанской, мексиканской и других национальностей, которые прибыли в разное время в Мексику через Париж. Допрос бывшего и нынешнего генеральных секретарей компартии, а также г. Сикейроса в качестве свидетелей, несомненно, мог бы осветить подготовку покушения и состав его участников.

Прошу принять уверение в моих лучших чувствах.

[Л.Д.Троцкий]

27 мая 1940 г.

Необходимый дополнительный вопрос для Д.Серрано⁴⁵⁷

В своих показаниях Давид Серрано отзывался о Сикейросе, Пухоле⁴⁵⁸ и других участниках покушения с величайшим презрением, как о людях, с которыми он лично и его партия не могут иметь ничего общего.

В газете "Популяр" от 4 января 1939 г. напечатана телеграмма из Барселоны от 2 января на имя СТМ, No 0, синим, на желтой бумаге.

Хусто, секретарио де организацион⁴⁵⁹, есть не кто иной, как сам Давид

Серрано. Телеграмма устанавливает, таким образом, его тесное сотрудничество с Пухолем. Кто таков Тальявера, секретарь агитации и пропаганды? В "Популяр" упоминается некий Антонио Тальявера, шофер. Идет ли речь о нем, или же под псевдонимом Тальявера скрывается какое-нибудь другое лицо из числа участников покушения 24 мая? Вопрос этот заслуживает особого расследования. Но близость между Серрано и Пухоль, адъютантом Сикейроса, можно считать вполне доказанной.

[Л.Д.Троцкий]

[Конец мая 1940 г.]

Толедано продолжает опять поручение ГПУ

Да, я публично назвал теорию "автопокушения" глупой и фантастической. Брат Ломбардо Толедано заявляет по этому поводу, что я оскорбил полицию, в частности лично генерала Нуньеза, со стороны которого - замечу мимоходом - я никогда не встречал ничего, кроме внимания и защиты.

Заявление представляет грубую фальсификацию. Ни полиция в целом, ни ее глава нигде не высказывали гипотезы автопокушения. Такая гипотеза, вернее, такое утверждение, было высказано теми изданиями, которые имеют своемыслие защищать, прикрывать и оправдывать преступления Сталина и его ГПУ. Известные чиновники полиции сочли лишь своим долгом проверить также и это утверждение. Но обязанность полиции проверять всякие варианты не лишает меня права считать утверждение Толедано и его друзей-конкурентов из компартии абсурдным и фантастическим. Или же, может, господин депутат хочет, чтобы гипотезы о том, что я мобилизовал 20 вооруженных людей, связал полицию, похитил одного из членов своей охраны, учинил пожар в своем доме и ранил своего внука - все для целей, которых никто не умеет даже разъяснить членораздельно, чтобы я признал эту гипотезу плодом зрелых и честных усилий тонкой юридической мысли?

Во время моей беседы с журналистами я ответил на прямые вопросы, что хотя и не могу согласиться с образом действия Салазара⁴⁶⁰ в отношении моих сотрудников, однако не сомневаюсь ни на минуту, что мексиканская полиция руководствуется в своем расследовании одним лишь стремлением раскрыть истину.

Цель новой инсинуации двойная: 1) восстановить полицию против жертвы покушения и тем помочь покушавшимся; 2) добиться, если возможно, моей высылки из Мексики, т. е. выдачи в руки ГПУ. Позволю себе прибавить: если внимательно расследовать пути всякого рода ложных слухов и доносов, пускаемых в оборот из таинственных и полутаинственных источников, то можно очень близко подойти к штабу заговорщиков.

[Л.Д.Троцкий]

[Начало июня 1940 г.]

Редактору газеты "Эль Насиональ"

Милостивый государь!

Изучая внимательно отклики столичной прессы на покушение 24 мая, я натолкнулся в вашей уважаемой газете в номере от 27 мая на заметку под заглавием "Троцкий противоречит себе". Заметка мне приписывает три разные версии по поводу того, как я спасся от пуль, и даже по поводу того, в какой из комнат я провел ночь. Это сообщение представляет злостную выдумку с начала до конца. В моих показаниях не было и не могло быть и тени противоречия. Ваша редакция стала попросту жертвой тенденциозной, чтобы не сказать преступной, информации, источник которой нужно искать очень близко от источника покушения.

Заметка начинается словами: "Наблюдатели делают различные комментарии по поводу заявлений, сделанных экс-комиссаром и т. д." ("Эль Насиональ", 27 мая, вторая секция, вторая страница). Вы оказали бы, несомненно, большую услугу и следствию, и общественному мнению, если бы точнее указали, кто именно эти "наблюдатели", которые сообщили вам фальшивые сведения. Такими

"наблюдателями" не могли быть ни члены моего дома, ни следователи. Никаких посторонних "наблюдателей" быть не могло. Не идет ли дело попросту о каком-нибудь журналисте, который ничего не наблюдал, но зато выдумал по заказу ГПУ? Злонамеренный характер сообщения продиктован недвусмысленной целью: обмануть следствие и подготовить почву для гипотезы "автопокушения".

Не сомневаюсь, что вы оцените полностью важность этих обстоятельств и не замедлите дать необходимые разъяснения.

Ваш покорный слуга

Л.Троцкий

[6 июня 1940 г.]

О Ломбардо Толедано

В той функции, которую г. Толедано выполняет лично, именно в функции иностранного агента Кремля, Толедано систематически прячется за спину мексиканской рабочей организации, достойной всякого уважения. На мои совершенно точные обвинения, направленные против ряда злонамеренных клевет, он отвечает заявлением от имени СТМ, в котором утверждается, что сам Толедано никогда будто бы не занимался мною лично, а всегда лишь в качестве секретаря СТМ. Это явная и очевидная бессмыслица. Только абсолютные монархи и тоталитарные диктаторы отождествляют себя с государством. В рабочем движении такие отождествления неуместны. К перечисленным мною раньше ложным доносам против меня со стороны г. Толедано я считаю нужным прибавить, что во время своего последнего путешествия по Европе Толедано в разных странах, именно в Соединенных Штатах, Франции и Норвегии, давал интервью, посвященные мне лично, причем в этих интервью он неутомимо повторял, что я страдаю "манией преследования" и что мексиканская полиция принимает, к сожалению, воображаемую опасность за реальную. В качестве примера Толедано ссылаясь на то, что полиция приказала срезать ветви деревьев на улице возле моего дома, чтобы не дать террористам перелезть через стену внутрь двора. Я не думаю, чтобы рабочие СТМ были заинтересованы в вопросе о моем доме и о тех деревьях, по которым агенты ГПУ могут пробраться в мой двор. В каком качестве Толедано считал нужным издеваться над мерой предосторожности, предпринятой мексиканской полицией? В качестве секретаря СТМ? Не думаю. В качестве бескорыстного друга ГПУ? Думаю, что так.

Продиктованное г. Толедано заявление СТМ от 6 июня повторяет старую версию, что я страдаю "манией преследования". После 24 мая это звучит совсем неубедительно. Хуже того: это звучит подозрительно. Почему Толедано с такой настойчивостью охраняет девственную репутацию ГПУ от довольно основательных подозрений? Неужели же по должности секретаря СТМ? Предполагаю, что в статутах СТМ о такой обязанности ничего не сказано.

Заявление Толедано, выпущенное под псевдонимом СТМ, пытается внушить ту мысль, что "авто-покушением" я хотел доказать существование в Мексике... пятой колонны. Зачем мне это нужно, не сказано. На самом деле следствие знает, что я с самого начала утверждал, что инициаторы и главные организаторы покушения прибыли, по всей вероятности, из-за границы, по приказу ГПУ и что само покушение ни в коем случае не является продуктом внутренней мексиканской политики. Отрицая явное и очевидное вмешательство ГПУ, именно Толедано приписывает покушение мистической "пятой колонне".

[Л.Д.Троцкий]

[Начало июня 1940 г.]

О Роберте Шелдоне⁴⁶¹

Ввиду того места, которое мой бывший сотрудник Роберт Шелдон занимает сейчас во внимании широких кругов, я считаю необходимым высказать следующие соображения:

Роберт Шелдон был мне рекомендован американскими друзьями, которым я давно привык доверять. Имена этих друзей я сообщил полиции. Во всех условиях покушения нет таких данных, которые могли бы убедить меня в том, что Шелдон

был соучастником нападавших. Я считаю себя не вправе поддерживать подозрение против лица, труп которого может быть найден завтра или послезавтра.

Если, однако, в интересах чисто логического анализа допустить, что Шелдон был агентом врага, то это по существу не меняет ни характера покушения, ни задач следствия. Кто были остальные 20-ть покушавшихся, их тайные сообщники и вдохновители? Кто дал им поручение?

Если Шелдон был агентом ГПУ и остался жив, то почему он молчит? Собирается ли он на всю жизнь уйти в подполье? Не проще ли было бы для него публично заявить, что никакого покушения не было, а было "авто-покушение"? Такое заявление моего собственного секретаря оказало бы неизмеримо большую поддержку версии авто-покушения, чем писания всех других адвокатов ГПУ, включая Толедано. Разумеется, ложное заявление рисковало бы быть опрокинуто дальнейшим ходом следствия. Но подобный риск не останавливает других пропагандистов теории авто-покушения. Главной задачей для них является внести смуту в общественное мнение и выиграть время. С другой стороны, заявлением об авто-покушении Шелдон мог бы попытаться облегчить свою собственную ответственность перед властями не только Мексики, но и Соединенных Штатов. То обстоятельство, что Шелдон до сих пор не сделал такого заявления, укрепляет меня в мысли, что он пал жертвой покушения. Верна ли эта гипотеза или нет, основная задача следствия остается во всей своей силе. Если Шелдон был сообщником, то чьим именно? Если он был орудием, то кто им руководил? ГПУ или мистическая "пятая колонна"?

[Л.Д.Троцкий]

[Начало июня 1940 г.]

[Заявление мексиканским полицейским властям]

Милостивый государь!

Запоздание с этим документом вызвано частыми перерывами работы в связи с расследованием.

Я писал эти страницы с полной свободой, как если бы я их писал для самого себя. Опасаюсь однако, что некоторые существенные мысли высказаны только в виде коротких намеков, без доказательств. Недостатка в доказательствах у меня нет. Но я не хотел слишком удлинять документ.

Прибавлю здесь и одно соображение, которое ввиду его недостаточно обоснованного характера я не решился включить в текст меморандума.

Расследование производится одновременно разными полицейскими организациями не в сотрудничестве, а до известной степени в конкуренции друг с другом. Может быть, в этом имеется и положительная сторона. Но мне пришлось наблюдать больше отрицательную сторону такого параллелизма. Отрицательная сторона состоит не только в том, что расходуется много лишних сил на одну и ту же работу, но и в том, что в процессе соперничества каждая группа стремится выдвинуть какую-либо сторону дела в противовес другой группе и создает таким образом свою собственную, иногда искусственную, конструкцию. Мне приходилось сталкиваться в числе расследователей с людьми наблюдательными, умными и способными. Но мне казалось иногда, что их работа не объединена на основе общего плана, разделения функций и периодической проверки добытых ими сведений под руководством одного лица, охватывающего проблему в целом.

Я наблюдал, однако, только маленькую часть всего следствия, притом как заинтересованная сторона; возможно поэтому, что мои впечатления были односторонними.

Этот документ имеет, разумеется, неофициальный характер и ни в коем случае не предназначен для публикации. Я посылаю Вам его в двух экземплярах. Вы можете сделать из них то употребление, которое найдете нужным.

Примите и пр.

Л.Троцкий

9 июня 1940 г.

Койоакан, Д.Ф.

По поводу ответа директора "Националь"

Вопрос, достойный внимания следствия

В моем письме от 6 июня 1962 я поставил редакции "Националь" вопрос об источнике информации, напечатанной в газете 27 мая под заглавием: "Г[осподин] Троцкий противоречит себе". Ответ директора "Националь" не разъяснил этого вопроса, а, наоборот, еще более затемнил его. Заметка интересует меня не под углом зрения той клеветы, которая в ней заключалась: я успел привыкнуть к клевете. Но данная клевета представляет объективный интерес с точки зрения полного раскрытия покушавшихся и пособников.

Директор "Националя" разъясняет мне, что основой для заметки послужили репортерские отчеты о покушении в газетах "Универсаль" 463, "Эксельсиор" 464 и "Пренса" 465 в течение 24, 25 и 26 мая. На основании этих репортерских отчетов директор "Националя" устанавливает противоречия в вопросе о том, где я провел ночь покушения и как я спасся от выстрелов.

Что в репортерских отчетах было много противоречий, ошибок, путаницы, это совершенно несомненно. Но если репортеры противоречат друг другу, а иногда и самим себе, то из этого вовсе не вытекает, что я себе противоречу. Г[осподин] директор "Националя" делает вид, будто верит, что репортеры опираются только на мои слова, что они правильно поняли мои слова, что правильно их записали, что газеты их правильно воспроизвели. Словом, он устанавливает тождество между мною и репортерами. В этом заключается первая и явная фальшь его рассуждения. Каждый грамотный человек знает, что репортерские отчеты, особенно о волнующих событиях, всегда грешат противоречиями. Когда три репортера описывают пожар, то нередко получается впечатление, что дело идет о трех разных пожарах. Это вовсе не вызывается злой волей или недобросовестностью: сама работа репортеров, всегда спешная, нервная, торопливая, связанная с погоней за сенсацией, питающаяся непроверенными слухами, неизбежно порождает недоразумения, преувеличения и ошибки. На каком же основании г. директор "Националя" противоречия репортеров приписал мне?

Он ссылается, правда, на то, что я не "опровергал" эти сообщения. Это - вторая фальшь его рассуждения. В первые дни после покушения у меня не было времени не только опровергать, но и читать газеты. В моем доме одни агенты полиции сменяли других, наводя справки, собирая сведения и пр. Я считал более важным давать точные сведения следствию, чем гоняться за противоречиями газетных отчетов.

К тому же цитируемые директором "Националь" репортерские отчеты в большинстве своем вовсе даже не ссылаются на меня. И не случайно. В самое утро покушения, 24 мая, я заявил журналистам в присутствии полковника Салазара, что отказываюсь давать какие бы то ни было сведения, связанные с покушением, чтобы прямо или косвенно не помешать следствию. Полковник Салазар тут же, при журналистах, выразил мне благодарность. И действительно до вечера 31 мая я воздерживался от интервью, заявлений или опровержений. Только убедившись, что известная часть прессы прилагает чудовищные усилия для того, чтобы сбить следствие с правильного пути, я, предупредив полковника Салазара, созвал вечером 31 мая представителей печати.

Сказанное, надеюсь, полностью объясняет, почему я не мог нести ни малейшей ответственности за противоречия репортеров, которые получили в большинстве случаев свои сведения из вторых и третьих рук или строили их на основании собственных догадок.

В тех самых репортерских отчетах, которые цитирует г. директор "Националя", говорится, например, что Наталия Седова - моя дочь, Гертруда Шюсслер 406 - моя жена... На самом деле дочери у меня нет, а женой моей является Наталия Седова. Если в таком простом вопросе репортеры сделали две ошибки (я мог бы привести еще десятки подобных примеров), то что же говорить о таком драматическом эпизоде, как нападение ночью 20-ти вооруженных человек? Почему директор "Националя" не сделал вывод, что я вводил в заблуждение полицию, называя Наталью Седову своей дочерью, а Гертруду Шюсслер своей женой? Потому, очевидно, что это было бы абсурдом. Но не меньшим абсурдом является приписывание мне противоречий в вопросе о том, где именно я находился во время покушения.

Отождествление репортерских ошибок с моими "противоречиями" заключает в себе третью фальшь, наиболее возмутительную. В самом деле: если репортеры дают ложные сведения, то это может быть объяснено простой ошибкой. Но я не мог ошибиться насчет того, где именно я находился под выстрелами. Если я в этом вопросе "противоречил себе", значит, дело шло с моей стороны о сокрытии преступления. Почему же г. директор "Националя", вместо того чтобы предположить естественную ошибку того или другого репортера, предпочел предположить преступление с моей стороны? Какие у него для этого основания?

Нетрудно понять при этом, о каком именно преступлении шла речь. Мои "противоречия" должны были означать, что я сам произвел покушение на себя и запутался в своих показаниях полиции. Именно к этому сводится сущность заметки "Г[осподин] Троцкий себе противоречит". Для этого она и была напечатана.

Третья фальшь прикрыта четвертой фальшью. Если бы в заметке было просто сказано, что отчеты репортеров о покушении дают противоречивые сведения и что редакция на этом основании сделала вывод о противоречиях Троцкого, то всякий мыслящий читатель немедленно сказал бы, что вывод неоснователен и недобросовестен. Именно поэтому заметка начинается со слов: "Наблюдатели делают разные комментарии" по поводу "серьезных противоречий" Троцкого. Кто эти наблюдатели: репортеры? Но они не делают никаких "комментариев" о моих мнимых противоречиях. Они просто противоречат друг другу. Кто же эти "наблюдатели"? Сама редакция "Националя"? Почему же она скрывает свое лицо за анонимными "наблюдателями"? Как видим, заметка сознательно отредактирована так, чтобы ввести в заблуждение общественное мнение и следственные власти. Авторы заметки делают вид, будто у них имеются какие-то серьезные источники. Между тем у них нет ничего, кроме злой воли.

Но на этом дело не кончается. За пятой фальшью следует шестая. Из разъяснений директора "Националя" можно сделать вывод, будто редакция на основании репортерских отчетов сама сделала вывод о моих противоречиях. На самом деле это не так. Та же клеветническая заметка появилась 27 мая в другой газете, беспристрастие которой давно известно, именно, в "Популяр". Текст в обеих газетах совершенно тождественный. Только в "Популяр" заметка напечатана на первой странице, под кричащим заголовком, а в "Националь" - на второй странице второй секции - более скромным шрифтом. Невозможно допустить, что две редакции сделали одновременно одни и те же выводы и изложили их одними и теми же словами, независимо друг от друга. Как же объяснить в таком случае появление тождественной заметки в двух газетах? Очевидно, заметка исходит из одного и того же источника. Какого именно? Здесь гвоздь вопроса! Может быть, редакция "Националь", сделав свои "выводы", переслала их в "Популяр"? Это мало правдоподобно. Роль "Националь" в этом деле не активная, а пассивная. Скорее можно допустить, что заметка из "Популяр" была переслана в "Националь". Еще вероятнее, что заметка была сфабрикована в третьем пункте, где хорошо знали, чего хотели, и не стеснялись в выборе средств. Я высказываю уверенность, что заметка исходила из источников, близких к ГПУ, и имела целью сбить следствие с правильного пути.

Крайне важна в этой связи дата опубликования заметки: 27 мая. Те агенты ГПУ, которым поручено было замечать следы, держали себя первые два дня с большой осторожностью, опасаясь, очевидно, что виновники покушения будут арестованы с часу на час. Но за три дня главные организаторы покушения могли успешно покинуть Мексику с заранее заготовленными паспортами. ГПУ могло рассчитывать, что покушение не будет раскрыто вообще, и считало поэтому своевременным пустить в оборот версию о "самопокушении": раз не удалось убить врага физически, надо попробовать убить его морально. С этой целью г. "наблюдатели" пустили 27 мая в оборот заметку: "Г[осподин] Троцкий себе противоречит". Что "Популяр" напечатал эту заметку с полной готовностью, удивляться не приходится: клевета выражала его собственную линию. Но почему заметку счел необходимым напечатать и "Националь"? Этого г. директор нам не объяснил.

Чтобы избежать недоразумений, скажу, что я вовсе не думаю, будто редакция "Националь" ставила себе сознательной целью навести следствие на ложный след. Редакция просто не отдавала себе достаточного отчета в собственных действиях. Так как дело шло о маленькой услуге друзьям-сталинцам за счет моей политической чести, то редакция не задумываясь напечатала

клеветническую заметку. Она производила такие операции не раз и раньше (в случае нужды я докажу это без труда). Все мои попытки – замечу мимоходом – установить с редакцией "Насиональ" корректные отношения неизменно разбивались о предвзятую враждебность редакции.

Что маневр с заметкой "Троцкий себе противоречит" не прошел безрезультатно, вытекает из всей последовательности событий. Именно в течение 27 мая совершился явный поворот во всем направлении следствия. Если у отдельных агентов полиции и раньше могли быть какие-либо подозрения или сомнения насчет моих действий, то заметка в "Насиональ" дала этим сомнениям подобие авторитетной санкции. Тайнственный штаб, сфабриковавший заметку, отнял у полиции два дня ценнейшего времени. Вспомним то внушение, которое сделал генерал Нуньез члену Центрального Комитета сталинской партии г. Рамирез-и-Рамирез, публично утверждавшему, что дело идет об "авто-покушении". В свое оправдание Рамирез ссылаясь на "ошибку стенографии". Но если бы следствие выяснило, что заметка 27 мая написана тем же г. Рамирез-и-Рамирез или кем-либо из его близких политических друзей, то сослаться на ошибки стенографии было бы уже невозможно. Мы имели бы перед собой неопровержимое доказательство заговора с целью обмануть власти и помочь террористам.

Директор "Насиональ" поставил мне на вид, что я плохо знаю испанский синтаксис (это, к сожалению, верно), что в моем письме есть описка (и это верно), и дал мне целый ряд других наставлений. Но, к сожалению, он не разъяснил: почему редакция сочла возможным публично заподозрить меня в чудовищном преступлении, не имея на это ни малейших данных? Почему редакция не сослалась на репортерские отчеты, а спряталась за спину тайнственных "наблюдателей"? Каким образом одна и та же заметка появилась одновременно в двух газетах? Из какого источника исходила заметка? Думаю поэтому, что дополнительные разъяснения со стороны директора "Насионаля" могли бы оказать существенное содействие раскрытию преступления 24 мая.

Л.Троцкий

12 июня 1940 г.

Койоакан

P.S. Я не предназначаю это письмо для печати, так как публичная полемика вряд ли чем-нибудь обогатила бы общественное мнение, особенно теперь, в период международных затруднений, избирательной кампании и пр., когда у народа и правительства этой страны имеются другие задачи и интересы. Но так как следствие продолжается, то я считаю необходимым направить это письмо органам следствия и в копии директору "Насионаля". Разумеется, если г. директор сочтет по собственной инициативе нужным продолжить эту полемику в печати, то у меня лично не будет ни малейшего основания противиться этому.

Л.Троцкий

[Письмо министру внутренних дел, прокурору и следственным органам Мексики]

В отношении Давида Серрано необходимо поставить следующие вопросы:

1. Знаете ли Вы по-русски?
2. Где научились русскому языку? Были ли в России?
3. Если были, то сколько времени? (По моим сведениям, Серрано пробыл в России около шести лет).
4. Что именно вы делали в России?
5. Находились ли Вы в каких-либо отношениях с ГПУ?
6. Может ли он сообщить, что случилось в Москве с мексиканцем Эвелио Падильо? (Который исчез в одну прекрасную ночь навсегда).
7. Когда и откуда именно Давид Серрано направился в Испанию?
8. Кто рекомендовал его и кто дал ему разрешение?
9. В каком полку и в каком чине служил Серрано? (Можно считать несомненным, что он служил либо в одной из интернациональных бригад, либо в знаменитом пятом полку468). Интернациональные бригады и особенно пятый полк являлись прямой жандармерией Сталина. Во время гражданской войны они вели путем непрерывных убийств свою собственную гражданскую войну, истребляя в лагере республиканцев врагов и противников Сталина.
10. Наблюдал ли Серрано деятельность ГПУ в Испании? Состоял ли он в каких-нибудь отношениях с ГПУ в Испании?
11. Знал ли он в Испании Сикейроса?

12. Знал ли он в Испании Листера⁴⁶⁹, К.Контрераса⁴⁷⁰ и Кампезино⁴⁷¹? (Все три являлись начальниками пятого полка. Все три были известны как наиболее жестокие палачи ГПУ в Испании. Карлос Контрерас входил в состав почетного президиума последнего съезда КПМ).

13. Когда и каким путем Серрано вернулся из Испании?

14. Привез ли он с собой какие-нибудь аттестации о своем поведении во время гражданской войны? (Для того, чтобы партия могла включить его в Центральный Комитет, а затем и в Политбюро, он должен был привезти из Испании крайне [...] ⁴⁷² рекомендации. Были ли эти рекомендации устные или письменные, и от кого они исходили?)

15. На какие средства жил Давид Серрано? Находится ли он на жаловании партии? Каковы размеры этого жалования?

16. Каковы финансовые источники партии? Сколько членов партии являются платными чиновниками партии? Существует ли партия исключительно на членские взносы или же получает материальную помощь от более сильных партий? От каких именно? Известно ли Серрано, что Кремль со времени основания Третьего Интернационала поддерживал деньгами более слабые и молодые партии других стран, в том числе и Мексики? Продолжается ли этот порядок и теперь? Или же субсидирование прекратилось? Если прекратилось, то с какого времени и по какой причине?

С какого времени изменилось направление "Вос де Мехико", с какого времени изменился состав редакции? Это было во всяком случае до партийного съезда. Кто же изменил направление и редакцию органа партии? Во всяком случае, не партия. Если бы орган зависел от партии и содержался партией, то перемена редакции и направления за спиной партии была бы невозможна. Ясно, направление изменилось по приказанию каких-то сил, независимых от партии и стоящих над партией и имеющих право распоряжаться органом, который формально считается органом партии. На этот вопрос необходимо иметь ответ Давида Серрано.

В своем показании Давид Серрано возлагал ответственность за покушение не только на Альфаро Сикейроса, но и на Лаборде, Кампа⁴⁷³, Герреро⁴⁷⁴, Лобато⁴⁷⁵ и других, связанных с "троцкизмом". Может ли Давид Серрано объяснить, в чем именно выражалась связь Лаборде, Кампа, Герреро и Лобато с "троцкизмом"? Известно ли Давиду Серрано, что названные им лица вели самую жестокую борьбу против Троцкого и "троцкизма", требовали изгнания Троцкого из Мексики, приписывали ему всякого рода преступления, и в собраниях, где они выступали, раздавались крики: смерть Троцкому? Как же понимать тот факт, что, с одной стороны, эти лица вели бешеную кампанию против Троцкого и "троцкизма", а с другой стороны, по заявлению Серрано, были связаны с "троцкизмом"? Какие у него имеются доказательства этой связи? Каких свидетелей он может привести?

Не может ли Давид Серрано указать, откуда взялись деньги на покушение? Если партия, как он утверждает, подозревала Сикейроса с самого начала, то она не могла не поставить вопроса, кто дал Сикейросу такое поручение и кто снабдил его необходимыми денежными и техническими средствами? Каково было заключение партии по этим вопросам?

[Л.Д.Троцкий]

[12 июня 1940 г.]

Г[осподину] Министру Внутренних Дел (Секретарю Гобернасион⁴⁷⁶)

Г[осподину] Прокурору Республики

Г[осподину] генералу Нуньезу

[Заявление]

В "Эль Популар" от 12 июня в статье г. Фелипе Сантоса, на странице третьей, говорится: "Данные, которые Дайес имеет, по его словам, насчет "этого заговора", получены им от Троцкого..." и т. д. Никогда никаких сведений комиссии Дайеса я не давал. Клевету ГПУ на этот счет я уже дважды опровергал публично. Г[осподин] Фелипе Сантос несомненно знает, что его сообщения - ложь. Редакция "Популяра" тоже знает, что г. Фелипе Сантос сознательно лжет. Тем не менее редакция считает нужным снова повторить давно опровергнутую клевету.

Я не хочу апеллировать к печати, чтобы не вносить излишних элементов раздражения в общественное мнение, которое занято сейчас более важными и насущными для Мексики вопросами. Но так как цель цитированной статьи явно состоит в том, чтобы восстановить против меня не только общественное мнение, но и следственные власти, и тем оказать содействие террористам, то я считаю своим долгом направить это опровержение заинтересованным мексиканским властям.

Л.Троцкий
13 июня 1940 г.
Койоакан

Опять "Нейшен"!

Я вижу, что "Нейшен", запятнавшая себя своим поведением в деле московских судебных процессов, поспешила и на этот раз поддержать фантастическую и глупую версию ГПУ по поводу покушения 24 мая. Все оказываются виноваты: генерал Альмазан⁴⁷⁷, "реакция", может быть, сам Троцкий, но никак не Сталин. Тем временем мексиканская полиция раскрыла виновных: все они, как на грех, агенты Сталина. Какое подлое рептильное племя, эти "радикалы" из "Нейшен"! Но они не уйдут от кары: мы научим американских рабочих ценить их по заслугам, т. е. презирать их.

Л.Т[роцкий]
18 июня 1940 г.
Койоакан

Труп Р.Шелдона

Труп Боба Шелдона Харта есть трагическое опровержение тех клевет и фальшивых подозрений против него, которые с большим искусством распространялись убийцами и их друзьями с целью обмана следствия. Полицейские власти, которые не могли по обязанности не отнестись со всей серьезностью и к этому подозрению, проявили поистине замечательную энергию в деле раскрытия истины. ГПУ не есть простая шайка гангстеров: это международный отбор агентов, воспитанных в долгой традиции преступлений и вооруженных неограниченными денежными и техническими средствами. По самым скромным исчислениям, одна техническая подготовка покушения в Мексико-сити, не считая подкупов и расходов в других странах, стоила не менее 50.000 песо!

Раскрытие преступлений ГПУ представляет поэтому огромные трудности. Ни в какой другой стране мира – ни во Франции, ни в Швейцарии, ни в Испании – ни одно из многочисленных преступлений ГПУ не было раскрыто с такой полнотой, с какой раскрывается на наших глазах покушение 24 мая в Мексике. Труп Боба Шелдона бросает, несомненно, дополнительный свет на все пружины этого сложного заговора.

В двух своих воззваниях ЦК "коммунистической" партии повторял, что участие Шелдона бросает "подозрительный" свет на все покушение. На самом деле проникновение агента Сталина в мой дом могло бы только означать, что ГПУ удалось обмануть доверие моих нью-йоркских друзей, рекомендовавших мне Р.Шелдона. Всем посвященным известно, что ГПУ наводняет рабочие организации и государственные учреждения во всем мире своими наемными агентами. На это тратятся ежегодно десятки миллионов долларов. Но версия о Шелдоне – агенте ГПУ – рассыпалась прахом. Труп есть убедительный аргумент. Боб погиб потому, что стоял на дороге убийц. Он погиб за те идеи, которые исповедовал. На его памяти нет никакого пятна.

Quid prodest^{477a} – гласит старое и мудрое правило римского права. Кто был заинтересован в том, чтобы клеветать на Боба Шелдона и обманывать следственные власти? Ответ ясен: ГПУ и его агенты. Вот почему расследование источника ложных и фальшивых показаний относительно Боба несомненно раскроет один из штабов заговора.

Боб не первый из близких мне людей пал от руки наемных убийц Сталина. Я оставляю в стороне членов моей семьи, двух дочерей и двух сыновей,

доведенных ГПУ до гибели. Я не говорю о тысячах моих единомышленников, подвергшихся физическому истреблению в СССР и других странах. Но если ограничиться лишь моими секретарями в разных странах, то окажется, что из их числа доведены преследованиями до самоубийства, расстреляны ГПУ или убиты наемными агентами были до сих пор семь человек: М.Глазман⁴⁷⁸, Г.Бутов⁴⁷⁹, Я.Блюмкин, Н.Сермукс, И.Познанский, Р.Клемент, Э.Вольф. В этом списке Роберт (Боб) Шелдон Харт занимает восьмое, но, боюсь, не последнее место.

После этого пусть политические агенты ГПУ говорят о моей "мании преследования"!

Л.Троцкий
25 июня 1940 г.
Койоакан

[Заявление]

В некоторых газетах мне приписывается "новое обвинение", направленное против г. Н.Бассольса⁴⁸⁰. Это неверно. На самом деле в своих показаниях судье 24 июня я лишь рассказал, что в день покушения 24 мая я назвал Б.Бассольса следственным властям в числе других лиц, которые могли бы пролить свет на преступление. За протекший месяц следственные власти проделали грандиозную работу по проверке всех следов и подозрений. Эта работа продолжается и сегодня. Никакого самостоятельного следствия я не веду и вести не могу. У меня нет, следовательно, основания выдвигать "новые обвинения" кроме тех, которые выдвинуты и выдвигаются мексиканской полицией под непосредственным руководством Салазара.

[Л.Д.Троцкий]
25 июня 1940 г.

[Письмо Д.С.Харту]

Mr. Jesse S. Harte
1450 Broadway
New York City, N.Y.481

Я, моя жена, мои сотрудники склоняемся в глубоком трауре перед горем матери и отца нашего дорогого Боба. Единственное утешение в эти горькие часы, что разоблачена подлая клевета на Боба, клевета при помощи которой убийцы пытались скрыть свое убийство. Как герой, Боб погиб за те идеи, в которые верил.

Н. и Л. Троцкие,
Джо Хансен, Гаролд Робинс,
Чарлз Корнел, Джек Купер,
Отто Шюсслер, Уолтер О Рурке⁴⁸²
25 июня 1940 г.

Обвинители или обвиняемые?

"Эль Популяр", а вслед за ним "Эль Футуро" обратились к прокуратуре с требованием привлечь меня к суду по обвинению в "диффамации". Я могу, со своей стороны, только приветствовать это решение. В течение трех с половиной лет я неоднократно приглашал эти издания передать их "обвинения" против меня либо на рассмотрение беспристрастной комиссии, назначенной либо самим правительством, либо ПРМ. Я никогда не встречал со стороны гг. "обвинителей" отклика. Нынешнее решение редакций "Эль Популяр" и "Футуро" передать дело на рассмотрение компетентных властей есть запоздалое принятие моего старого предложения. Я не могу желать ничего лучшего, как вмешательства мексиканского суда в это дело.

Совершенно так же, как организаторы покушения 24 мая и их "друзья" пустили в оборот слух, что я совершил "самопокушение", так люди, непрерывно

клеветавшие на меня в течение нескольких лет в интересах Сталина и по приказу ГПУ, пытаются ныне обвинить меня в клевете. Могу заверить общественное мнение заранее, что редакторы "Популяр" и "Футуро" встретят меня во всеоружии и из обвинителей превратятся в обвиняемых.

Л.Троцкий.

27 июня 1940 г.

Койоакан

[Письмо секретарю министерства внутренних дел Мексики И.Г.Теллезу483]

Милостивый государь г. Секретарь Игнацио Гарсиа Теллез!

Я позволю себе утруждать Ваше внимание вопросом о моих архивах. Вскоре после 7 ноября 1936 г., когда ГПУ похитило в Париже в Институте социальной истории 65 кг моих архивов, различные научные учреждения США обратились ко мне с предложением передать им наиболее ценную в историческом смысле часть моих архивов. Мой адвокат г. Альберт Гольдман вел по этому поводу длительные переговоры с библиотекой, основанной бывшим президентом Гербертом Гувером484, с Чикагским университетом и с университетом Гарвард. В конце концов договор был заключен с Гарвардским университетом такого-то числа485.

Нападение 24 мая поставило вопрос о моих архивах с особенной остротой, так как нападавшие действовали не только при помощи пулеметов, но и при помощи зажигательных бомб с явной целью уничтожить мои архивы, рукописи и пр.

В те недели, когда характер покушения был еще не ясен и возбуждались даже сомнения, не шло ли дело об "авто-покушении", я не позволял себе утруждать Ваше внимание таким вопросом, чтобы не дать возможности противникам заподозрить меня в том, будто я пытаюсь "удалить" мои архивы из Мексики. Но теперь, когда характер преступления совершенно ясен, я позволю себе обратиться к Вам по этому делу, которое имеет характер неотложный: я связан своей подписью под контрактом, и директор библиотеки Гарвардского университета настаивает на скорейшем получении архивов, как явствует из прилагаемой копии его письма.

Во избежание каких бы то ни было недоразумений считаю необходимым сообщить, что дело идет об архивах советского периода моей деятельности и о моей переписке, кончающейся декабром 1936 г., т. е. до моего въезда в Мексику. Что касается писем, рукописей и документов за время моего пребывания в Мексике, то они полностью останутся со мной до тех пор, пока я буду пользоваться гостеприимством этой страны.

Я ходатайствую о том, чтобы Секретариат Внутренних Дел прислал в мой дом компетентных чиновников, знающих иностранные языки, в том числе и русский, и чтобы эти чиновники просмотрели мои архивы, подлежащие отправке. Одновременно в моем доме будет находиться представитель посольства Соединенных Штатов, которое обязалось перед Гарвардским университетом оказать полное содействие в пересылке рукописей. После просмотра всех бумаг рукописи будут в присутствии представителей Вашего министерства и посольства Соединенных Штатов заделаны в герметические ящики во избежание их вскрытия на границе.

Прибавлю еще, что находясь в библиотеке Гарвардского университета, мои архивы будут во всякое время доступны представителям мексиканского правительства. Один этот факт исключает возможность каких бы то ни было тенденциозных истолкований передачи архива Гарвардскому университету.

В твердой надежде на Ваше содействие, которым я с благодарностью пользовался в ряде других случаев, честь имею подписаться Вашим покорнейшим слугой.

Прилагаю к настоящему письму текст договора, который по минованию надобности покорнейше прошу вернуть мне486.

[Л.Д.Троцкий]

3 июля 1940 г.

"Футуро", "Популяр", "Вос де Мексико" и агенты ГПУ

Необходимые дополнительные разъяснения к моим показаниям 2 июля

Чтобы показать, насколько "Эль Популяр", "Футуро" и "Вос де Мехико" вправе обвинять меня в диффамации, я выбираю на этот раз одно из этих изданий, именно, "Эль Футуро". Мотивы выбора таковы: "Футуро" выходит не ежедневно, а раз в месяц; следовательно, редакция имеет полную возможность тщательно выбирать своих сотрудников и обдумывать свои статьи. Директором издания является г. Ломбардо Толедано; в редакционный комитет, наряду с Виктором Вийасеньором⁴⁸⁷ и Луисом Фернандесом дель Кампо, входит г. Алехандро Каррильо⁴⁸⁸, директор "Эль Популяр". Таким образом, все, что может быть сказано и доказано относительно "Эль Футуро", с удвоенной и утроенной силой относится к "Эль Популяр", не говоря уже о "Ля Вос де Мехико". На два последних издания я буду поэтому здесь ссылаться лишь попутно, оставляя за собой право вернуться к этому вопросу в дальнейшем.

Я далек от мысли входить здесь в теоретическую или политическую полемику с руководителями "Футуро", которые считают меня "контрреволюционером". Их политические мнения и оценки меня не интересуют. Я обвиняю "Футуро" не в том, что это беспринципное издание не имеет ничего общего с марксизмом, пролетарским коммунизмом или традициями Октябрьской революции, а в том, что в течение трех с половиной лет моего пребывания в Мексике это издание систематически печатало обо мне клеветнические статьи и пускало в оборот заведомо ложные обвинения, сфабрикованные в лабораториях ГПУ и переведившиеся на испанский язык агентами ГПУ или при содействии агентов ГПУ. Я обвиняю "Эль Футуро" в том, что, несмотря на неоднократные предложения мои представить доказательства своих заведомых клевет беспристрастной правительственной или общественной комиссии, журнал уклонялся от этого под недостойными предлогами. Я обвиняю "Футуро" в том, что этот журнал посредством своей злонамеренной травли участвовал в моральной подготовке покушения, во многих случаях при содействии будущих участников покушения. Я обвиняю "Эль Футуро" в том, что после покушения 24 мая он всеми доступными ему мерами помогал покушавшимся замести следы преступления, порочил меня ложными и бессмысленными обвинениями в "авто-покушении" и тем препятствовал объективному расследованию. Я обвиняю "Футуро" в том, что, продолжая и ныне, во время судебного следствия, свою недостойную кампанию лжи, клевет и фальсификаций, журнал фактически участвует в подготовке второго покушения, которое, несомненно, готовится агентами ГПУ. Я обвиняю, следовательно, "Футуро" в том, что в вопросах, касающихся меня, моей семьи, моих друзей, "Эль Футуро" является агентурой ГПУ.

Участие "Футуро" в моральной подготовке покушения

В деле выбора примеров и доказательств злонамеренной клеветы против меня со стороны "Футуро" я наталкиваюсь на два затруднения: избыток материала и нравственное отвращение. Чтобы экономить время суда, я ограничусь немногими примерами, выбирая те из них, которые требуют наименьшего числа цитат и комментариев.

В выпуске "Футуро" за март 1940 г. напечатана статья некоего Оскара Крейдта Абеленды "Ля сигнификасион дель троцкизм"⁴⁸⁹, в которой, в числе многого другого, заключаются следующие утверждения:

ЦИТАТЫ:

[...]490

Никто на свете, кроме инквизиторов ГПУ, не осмеливался никогда обвинять меня в связи с Гестапо или с секретной полицией Соединенных Штатов! Несмотря на чудовищную бессмыслицу обвинения, разбивающегося о самое себя, я настоял три года тому назад на рассмотрении московских судебных подлогов международной комиссией из одиннадцати высокоавторитетных лиц, в подавляющем большинстве моих непримиримых политических противников, под председательством всемирно известного философа и педагога Джона Дьюи. В составе этой комиссии, работавшей при открытых дверях, были также представители коммунистических партий Соединенных Штатов и Мексики, адвокат с[еверо]американской компартии г. Бродский и г. Ломбардо Толедано. По сигналу из Москвы они, разумеется, отказались. В результате годовой работы

московские обвинения были разоблачены Комиссией д-ра Джона Дьюи как величайший в истории юридический подлог. Два тома работ комиссии в общем свыше 1.000 страниц я имею честь приложить при сем. Во всей мировой печати московский судебный подлог поддерживается сейчас только и исключительно органами, находящимися в прямом распоряжении ГПУ.

В отношении политического смысла обвинений, заключавшихся в статье Абеленды, я вынужден сказать здесь несколько слов в целях определения закулисного источника, вдохновляющего "Эль Футуро". В течение всей своей политической жизни я был и остаюсь непримиримым противником империализма, под какими бы политическими масками он не скрывался. Никто не укажет ни одного моего действия и не найдет ни одной моей строки, которые противоречили бы этой позиции. Когда Кремль готовил союз с "демократиями" и Коминтерн пресмыкался перед ними, забывая о колониях, я напоминал рабочим о том, что эти демократии являются империалистическими. В ответ на это ГПУ травило меня как агента Гитлера, а "Эль Футуро" изображал меня в многочисленных карикатурах не иначе, как со свастикой. Когда Сталин неожиданно заключил пакт с Гитлером, а я обличал раздел Польши и вторжение в Финляндию, ГПУ изображало меня агентом британского и североамериканского империализма. Статья Абеленда, как и ряд других статей "Футуро", представляют только интерпретацию клевет ГПУ.

Кто же такой г. Оскар Крейдт Абеленда, автор цитированной статьи? "Парагваец, профессор Рабочего университета", как он сам себя рекомендует, он состоит в то же время сотрудником "Ля Вос де Мехико", и притом сотрудником особой категории. Именно Абеленда дал в "Вос де Мехико" отчет о секретной дискуссии на пленуме Национального Комитета партии, хотя сам Абеленда не является членом Центрального Комитета. Я считаю себя вправе предположить, что он является сверх-членом. Одной статьи его "Ля сигнификасион дель троцкизмо" достаточно, чтобы узнать в нем агента ГПУ.

Во главе "Эль Футуро" стоят люди, достаточно грамотные политически и юридически, чтобы понимать действительный смысл статьи г. Абеленда. Г[осподин] Ломбардо Толедано и Вийасеньор не верят, разумеется, ни одному слову этой статьи. Почему же они компрометируют себя печатанием подобных пасквилей? Ответ на это может быть только один: потому что их отношения к Кремлю обязывают их печатать против меня всякие низости, исходящие от ГПУ. И эти господа обвиняют меня в диффамации, когда я называю их политическую функцию по имени, как функцию агентов ГПУ!

Статья г. Абеленды иллюстрирована на странице 35-й карикатурой против меня. Автор карикатуры скрыл свое имя под иероглифом. Однако сравнение с другими карикатурами в журнале позволяет заключить, что перед нами дело рук Луиса Ареналя⁴⁹¹, убийцы Роберта Шелдона Харта.

Исключительно важна дата напечатания статьи Абеленды: март 1940 г., т. е. момент, когда Коммунистическая партия провозгласила на своем съезде новый "антитроцкистский" поход и когда подготовка к покушению шла уже полным ходом.

Невозможно закрывать глаза перед очевидностью: статья Абеленды в "Футуро", чистка Коммунистической партии с участием Абеленды, техническая подготовка покушения с участием членов Коммунистической партии имеют один общий источник, и этим источником является ГПУ, могущественная международная агентура Кремля.

*

Мелкие лжи поражают своей настойчивостью. Почти в каждом номере "Футуро" можно найти ту или другую клевету против меня. Приведу один образец. "Эль Популар" и "Ля Вос де Мехико" сообщали о моих тайных контрреволюционных связях с генералом Седильо, с д-ром Атлем, генералом Е.Акоста и многими другими. Я опроверг эти фантастические сообщения в печати. По этому поводу "Эль Футуро" пишет:

ЦИТАТА. [...] 492

Здесь мы имеем ложь в химически чистом виде. На первый взгляд ложь может показаться мелкой. Но эта мелкая ложь на службе крупной цели. "Эль Футуро" хочет внушить мысль, что я участвую в избирательной кампании на

стороне реакции. Заслуживает внимания дата этой лжи: январь 1940 г., месяц, когда началась техническая подготовка покушения.

Сотрудничество террористических агентов ГПУ на страницах "Эль Футуро"

Приводимый ниже неполный перечень статей и рисунков свидетельствует, что будущие участники покушения или их ближайшие друзья, заподозренные полицией и подвергавшиеся аресту или допросу в связи с покушением 24 мая, занимали на страницах "академического" журнала (издание Рабочего Университета!) очень видное место. В качестве сотрудников мы находим имена А.Д.Серрано, Д.А.Сикейроса, Луиса Ареналья, Анжелики Ареналь, сестры Луиса и жены Д.А.Сикейроса, Нестора Санчеса Хернандеса, Феликса Герреро Мехи. Одни из них прямо атакуют меня, как Луис Ареналь и Нестор Санчес Хернандес, своим карандашом и пером прежде, чем атаковать меня пулеметом и револьвером; другие, более осторожные, предпочитают не называть меня по имени или скрываться под псевдонимами. Помимо выше [названных] террористических агентов ГПУ, мы встречаем среди постоянных сотрудников имена лиц, неоднократно называвшихся во время расследования: Леопольдо Мендеса, Енрике Рамиреса-и-Рамиреса (один из авторов теории самопокушения), Андреса Гарсиа Сальгадо и др. Список сотрудников "Эль Футуро" непоколебимо свидетельствует, таким образом, что "пистолеры" ГПУ не были в этой среде инородными фигурами. Наоборот, они составляли плоть от ее плоти и кость от ее костей.

Особенно ярко это сказывается на вопросе о фигуре Сикейроса, не только художника, но и политика. Сейчас, после неудачи, его вчерашние друзья и сотрудники пытаются взвалить на него всю ответственность и изобразить его "педантом" ("педант" с пулеметом!), "невменяемым" и даже "сумасшедшим". Но вчера дело обстояло иначе. В выпуске "Эль Футуро" за май 1939 г., в "Эль Перфиль дель Мес"493 находим, с одной стороны, очередную атаку против меня, а затем следующие строки:

[...]494

Д.А.Сикейрос прославляется в этих строках не только как артист495, но и как политическая фигура, не оцененная по достоинству черствой мексиканской полицией. Эта патетическая апология Сикейроса принадлежит, видимо, перу г. Алехандро Каррильо, директора "Эль Популар", который грозит посадить меня в тюрьму за... диффамацию.

Праздничный майский No за 1939 г. представляет собою замечательный политический документ. На первом месте большой портрет Л.Толедано и его статья. В отделе "Эль Перфиль дель Мес" один из анонимных художников (Луис Ареналь?) изображает, как Диего Ривера изгоняет Троцкого за невзнос квартирной платы496. В том же отделе - ода в честь Сикейроса. Статья Виктора Мануэля Вийасеньора в защиту внешней политики Кремля. Статья Нестора Санчеса Хернандеса, обличающая союз троцкизма с наци. Рисунок Луиса Ареналья. Статья Алехандро Каррильо. Этот перечень говорит сам за себя.

Дело идет здесь не о гипотезах, не о психологических догадках и подозрениях, а о неоспоримых фактах, запечатленных на страницах самого "Футуро". Руководители этого журнала связаны тесным сотрудничеством с наиболее видными участниками покушения 24 мая. Редакция "Футуро" участвовала в моральной подготовке покушения, прежде чем часть ее сотрудников совершила нападение на мой дом, похитила и убила Роберта Харта, пыталась убить меня, мою жену и нашего внука.

"Эль Футуро" после покушения 24 мая

В No за июль этого года, в неподписанном редакционном обзоре "Эль Перфиль дель Мес", на странице 24-ой, читаем:

[...]497

В фактической части этой статьи нет ни слова правды. Я решительно ни в чем себе не противоречил. Да и бессмысленно допустить, что человек, способный готовить на глазах у полиции гигантское "авто-покушение", окажется неспособен объяснить, где он спал во время нападения. В СССР всякий, кто посмел бы указать на подобное противоречие в подлоге ГПУ, был бы немедленно расстрелян. В Мексике этого, к счастью, нет. Редакторам "Футуро" следовало бы поэтому быть осторожнее. Но будучи бессмысленным, их обвинение остается крайне тяжким: я организовал, по их утверждению, покушение на себя с целью... провоцировать интервенцию Соединенных Штатов в Мексике. Не больше и не меньше! С какой целью могу я желать нападения на Мексику, под

покровительством которой я живу? Почему, далее, Соединенные Штаты должны вмешаться в результате покушения на чуждого им русского изгнанника, которому сами Соединенные Штаты не открывают дверей? Понять ничего нельзя. Клевета оторвалась здесь от всех условий места и времени. Но злая воля налицо. Если бы клевета "Футуро" была принята всерьез властями, это должно было бы повести для меня и моей семьи к самым трагическим последствиям.

В отношении преступления 24 мая "Эль Футуро" ведет ту же вероломную политику, что и "Эль Популар" и "Вос де Мехико". К этому надо прибавить, что в нью-йоркском еженедельнике "Де Найшен" от 8 июня помещена статья об авто-покушении Хари Блока, который живет в Мексике и самым тесным образом связан с группой "Футуро". При самой строгой осторожности нельзя не усмотреть прямого соглашения редакций "Футуро", "Эль Популар" и "Вос де Мехико" с целью возложить на меня ответственность за преступление, совершенное сотрудниками этих изданий. Таков неумолимый вывод из фактов. Пусть после этого директора "Эль Футуро", "Эль Популар" и "Ля Вос де Мехико" обвиняют меня в диффамации!

Л.Троцкий

Койоакан

5 июля 1940 г.

Дополнительные заявления к протоколу от 2 июля 1940

"Жилые подвалы"

К моим ответам на вопросы г. Павона Флореса считаю необходимым сделать следующие дополнительные заявления.

По поводу того, что в начале следствия, когда речь могла идти только о гипотезах, я высказал подозрения относительно одного из политических друзей г. Флореса, этот последний выступает в качестве моего сурового обвинителя. В том же заседании, однако, он счел возможным высказать подозрение, что я был своевременно предупрежден одним из участников о предстоящем покушении, именно Робертом Хартом, и что я скрыл это от следствия. Другими словами, г. Флорес публично заподозрил меня в тяжелом преступлении, притом не в начале расследования, не в ответ на прямые вопросы следственных властей, но в момент, когда общий характер преступления уже полностью выяснен, и после того, как я в присутствии самого г. Флореса представил подробные объяснения относительно интересующего его вопроса. Необходимо в то же время не забывать, что г. Флорес выступает в качестве защитника одного из обвиняемых в тяжелом преступлении; я же выступаю в качестве жертвы этого преступления.

Но если г. Флорес не имеет и не может иметь ни тени фактических доказательств, то следовало бы предполагать, что его чудовищное подозрение опирается по крайней мере на убедительные аргументы логического или психологического характера. Увы, также и с этой точки зрения его подозрение представляет полную бессмыслицу.

Вопрос г. Флореса о том, имеются ли в доме "жилые" подвалы, позволял предполагать, будто я проводил вообще свои ночи в подвале. Из дальнейшего однако выяснилось, что идея г. Флореса была совершенно другая: будучи предупрежден, по его мнению, Робертом Хартом, я провел в подвале только небольшую часть ночи на 24 мая. Но для этого не было совсем необходимо располагать "жилым" подвалом: чтобы избежать смерти, вполне возможно было провести полчаса в курятнике или даже в ящике с дровами.

Внутренняя несостоятельность конструкции г. Флореса не останавливается, однако, на этом. По мысли г. адвоката, единственное употребление, которое я сделал из предупреждения относительно предстоящего покушения, состояло в том, что я спрятался в "жилом" подвале (не было ли бы, однако, менее глупым спрятаться в подвале нежилом, и потому менее доступном?). Другими словами, я предоставил собственной участи всех обитателей дома, включая моего внука, которого покушавшиеся пытались убить. Есть ли в этом хоть частица здравого смысла? Не ясно ли, что, если бы я был действительно предупрежден о покушении моим ближайшим сотрудником, я принял бы меры совсем другого характера? Я первым делом известил бы генерала Нуньеза; мобилизовал бы своих друзей и с помощью полиции приготовил бы солидную западную гангстерам ГПУ. Мой бедный друг Роберт Харт сохранил бы в этом случае свою жизнь. Именно

таким путем действовал бы, разумеется, каждый разумный человек. Г[осподин] Флорес предпочитает, однако, приписать мне поведение не только преступное, но и бессмысленное, опасное для меня и для моих друзей, но благоприятное или, по крайней мере, менее неблагоприятное для ГПУ. Нельзя, правда, не признать, что нынешнее положение ГПУ в высшей степени плачевно.

Почему я ждал покушения?

Почему именно я с начала этого года с особенной уверенностью ждал покушения? Отвечая 2 июля на этот вопрос г. Павона Флореса, я указал, в частности, на съезд Коммунистической партии Мексики, происходивший в марте этого года и провозгласивший курс на истребление "троцкизма". Чтобы сделать мой ответ более ясным, необходимы дополнительные уточнения.

Так как практическая подготовка покушения началась в январе этого года и так как известное время требовалось на предварительные обсуждения и выработку плана, то можно с уверенностью сказать, что "приказ" о покушении был доставлен в Мексику не позже, как в ноябре-декабре 1939 г.

Как видно из "Ля Вос де Мехико", кризис руководства партии начался как раз с этого времени. Толчок кризису был дан извне партии, и сам кризис развивался сверху вниз. Неизвестно кем был выработан особый документ, так называемые "Материалы" для дискуссии, опубликованные в "Ля Вос" 28 января и представляющие анонимный обвинительный акт против старого руководства (Лаборде, Кампа и др.), виновного будто бы в "примирительном" отношении к троцкизму. Что именно за всем этим скрывалось, широкому общественному мнению было тогда совершенно не ясно. Но для осведомленных и заинтересованных наблюдателей было несомненно, что готовится какой-то серьезный удар, если не против "троцкизма", то против Троцкого.

Сейчас совершенно очевидно, что переворот внутри Коммунистической партии тесно связан с данным из Москвы приказом о покушении. Вероятнее всего, ГПУ наткнулось на известное сопротивление среди руководителей компартии, которые привыкли к спокойной жизни и могли бояться очень неприятных политических и полицейских последствий покушения. Именно в этом лежит, очевидно, источник обвинения против них в "троцкизме". Кто возражает против покушения на Троцкого, тот..., очевидно, "троцкист".

Анонимная "комиссия чистки" отстранила от работы вождя партии Лаборде и с ним вместе Центральный Комитет, выбранный на предшествующем съезде. Кто дал комиссии чистки столь необъятные права? Откуда взялась сама комиссия? Она не могла, очевидно, возникнуть путем самопроизвольного зарождения. Ее создали лица, имевшие полномочия извне. У этих лиц были, очевидно, все основания скрывать свои имена.

Только 18 февраля, когда переворот уже был закончен и оставалось только санкционировать его, опубликован был состав новой комиссии чистки из одних мексиканцев, причем опять-таки не указано было, кто их назначил. Ко времени созыва съезда партии 21 марта все вопросы были уже решены, и делегатам оставалось только принести клятву в подчинении новому руководству, которое создано было без них и для целей, которые большинству из них были неизвестны.

Как видно из отчета о съезде в "Ля Вос де Мехико" (март 18, 1940 г.), прения по вопросу "La lucha contra el trotskismo y demas enemigos del pueblo"⁴⁹⁹ происходили не на открытом собрании съезда, как по другим вопросам порядка дня, а в закрытом заседании особой комиссии. Один этот факт свидетельствует, что новым руководителям необходимо было скрывать свои намерения даже от съезда собственной партии. Кто входил в секретную комиссию, мы не знаем. Но можно высказать гипотезу насчет того, кто руководил ею из-за кулис.

Съезд выбрал, вернее, пассивно одобрил "почетный президиум" в составе Димитрова, Мануильского, Куусинена, Тельмана, Карлоса Контрераса и других. Состав почетного президиума опубликован в брошюре Дионисио Енсина "¡Fuera el I imperialismo!" (Edicion popular, 500 1940 г., стр. 5). Димитров, Мануильский, Куусинен находятся в Москве, Тельман - в берлинской тюрьме, а Карлос Контрерас находится в Мексике. Его включение в почетный президиум не могло быть случайным. Контрерас ни в каком случае не принадлежит к числу так называемых международных "вождей", включение которых в почетный президиум имеет ритуальный характер. Имя его вполне получило печальную известность во время гражданской войны в Испании, где Контрерас, в качестве комиссара

пятого полка, был одним из наиболее свирепых агентов ГПУ. Листер, Контрерас и третье лицо под кличкой "Эль Кампенсино" вели внутри республиканского лагеря свою собственную "гражданскую войну", физически истребляя противников Сталина из числа анархистов, социалистов, поумистов и троцкистов. Факт этот может быть установлен на основании печати и допроса многочисленных испанских беженцев. Не будет поэтому слишком смелым предположить, что бывший комиссар пятого полка и член "почетного" президиума съезда являлся одним из важных рычагов в деле перемены руководства компартии в начале этого года. Такое предположение тем более обоснованно, что Контрерас проводил уже одну "антитроцкистскую" чистку в мексиканской компартии, именно, в 1929 г. Правда, г. Контрерас отрицает свою причастность к делу. Но почему в таком случае его выбрали в почетный президиум съезда, связанного с заговором?

Когда я в первые месяцы этого года наблюдал по печати за процессами в Коммунистической партии, я представлял себе положение далеко не с такой ясностью, как сейчас. Но для меня было несомненно и тогда, что за официальным экраном партии с его китайскими тенями скрывается движение реальных фигур. Реальными фигурами являются в этой игре агенты ГПУ. Вот почему я ждал покушения.

Почему г. Павон Флорес выдвигает против меня недостойные обвинения?

Подзащитные г. Флореса Давид Серрано и Луис Матеос Мартинес⁵⁰¹, отрицают свое участие в покушении. Г[осподин] Флорес не ограничивается, однако, защитой названных лиц; он пытается доказать, что я сам участвовал в покушении. Между "неучастием" его подсудимых и моим мнимым "участием" нет никакой причинной или логической связи. Выдвигая свое фантастическое обвинение против меня, г. Флорес действует не как судебный защитник, ибо он только вредит этим своим подзащитным, а как член ЦК Коммунистической партии. Я считаю поэтому необходимым указать на то, что г. Флорес играл активную роль в последнем повороте своей партии и был впервые введен в ЦК, как и его подзащитный Серрано, для усиления борьбы против "троцкизма".

Чтобы попасть в ЦК, г. Флоресу пришлось совершить поворот на 180 градусов. В компилятивной книжке, изданной в 1938 г., Флорес относит к числу классических произведений марксизма брошюру Хернана Лаборде "La Unidad a toda costa"⁵⁰² (М. Павон Флорес. Эль орадор популяр⁵⁰³, стр. 7). Но как только, по приказу из таинственного источника, брошюра Лаборде признана была "предательской", Павон Флорес в речи в театре Гидальго 9 марта немедленно причислил Лаборде к числу "врагов народа" ("Ля Вос де Мехико", No 301). Все это во имя усиления борьбы против Троцкого и "троцкизма"!

У меня нет доказательств того, что Д.Серрано и Д.Сикейрос своевременно посвятили г. Флореса в план покушения. Но несомненно, что в качестве члена ЦК г. Флорес многое знал и еще о большем догадывался. Сегодня члены ЦК компартии знают во всяком случае гораздо больше, чем знают полиция и суд. Г[осподин] Флорес знает правду. И если он высказывает ни на чем не основанное чудовищное подозрение против меня, то только потому, что он вынужден выполнять обязательства, возложенные на него последним съездом компартии.

Кого именно хотели убить покушавшиеся?

Труп Роберта Харта не только придал сразу трагический характер всему покушению; не только разрушил до основания подозрения следователей против самого Роберта Харта, но и показал, что, несмотря на финальную неудачу, в покушении не было никакой импровизации; все было обдуманно, взвешено, подготовлено заранее, даже могила и известь для будущих жертв.

Я считаю ввиду этого безусловно необходимым выяснить в процессе следствия, как именно заговорщики решили между собою вопрос о моей жене и о моем внуке. Что они имели своей основной задачей убить меня, не требует доказательств. Вопрос о моей жене продолжает, однако, оставаться в тени. Между тем заговорщики не могли не обсуждать заранее, кого и как им придется убить, где и как им скрыть трупы, как замести следы и пр. Дело шло о покушении на предумышленное убийство определенных лиц, с неизбежным риском, разумеется, что попутно придется убить и других лиц, если они окажутся на пути к поставленной цели.

Заговорщики знали, что моя жена находилась в той же спальне, что и я. Если бы они ворвались сразу в спальню с револьверами в руках, они могли бы,

может быть, ограничиться убийством меня одного. Но они рисковали при этом встретиться с моей стороны вооруженный отпор. Чтобы свести для себя самих риск к минимуму, они решили предварительно действовать через двери и окна пулеметным огнем. При этом у них было столько же шансов убить мою жену, сколько и меня. Вернее, у них была уверенность, что они убьют нас обоих. Во время тщательного предварительного обсуждения своего образа действий они вынесли, следовательно, моей жене смертный приговор. Они сделали это не только по указанной выше технической причине, но и по политическим соображениям. В лице моей жены они справедливо видели моего товарища и сотрудника на всех этапах моей жизни и особенно в трудные часы. Они знали, что, оставшись жить, Наталия Седова выступит как грозная свидетельница против них и как политическая мстительница. Могущественное ГПУ справедливо боялось этой хрупкой женщины и потому постановило убить ее.

*

Вопрос о внуке представляется менее ясным. Покушавшиеся стреляли по кровати внука дважды. Один раз - сквозь дверь, причем пуля прошла над постелью по диагонали, совсем близко над телом мальчика. Этот выстрел не мог быть случайным, так как нападавшие хорошо знали размещение комнат и постелей. Ворвавшись в комнату внука, они не могли его не видеть, особенно при свете зажигательной бомбы. Мальчик вскочил на их глазах с постели и скрылся под кроватью. После этого один из нападавших выстрелил в кровать, пробил матрас и ранил палец на ноге мальчика. Был ли этот второй выстрел по внуку только плодом паники одного из нападавших или же у них было решено покончить также и с мальчиком? Это второе предположение может показаться невероятным. Однако в дни московских процессов резолюции, продиктованные ГПУ, требовали истребления не только меня и моих сыновей, но и всего нашего "отродья". Такой образ действий, хоть и кажется чудовищным, но вполне отвечает натуре и методам Сталина.

ГПУ в течение ряда лет доводило до самоубийства или убивало близких мне людей, чтобы таким образом сломить меня. Наиболее тяжкие удары наносились мне в лице членов моей семьи, в том числе и моих внуков, которых отделяли от родителей и от меня. Четверо из пяти моих внуков исчезли бесследно. Свою зверскую мстительность Сталин мог распространить и на последнего внука, которому идет пятнадцатый год и который хорошо знает по собственному опыту историю нашей семьи. Я считаю поэтому необходимым выяснить во время судебного следствия, каково было решение заговорщиков также и относительно судьбы моего внука.

Л.Троцкий
Койоакан
7 июля 1940 г.

Заявление в "Ля Пренса"

В вашей уважаемой газете от 10 июля напечатано сообщение из города Остин, Техас, от 9 июля, гласящее, будто я заявил, что собираюсь выступить с разоблачениями перед комиссией Дайеса по вопросу о деятельности коммунистов и "весьма возможно, по поводу покушения, жертвой которого я недавно явился" и т. п. Заметка представляет собой чистейшее измышление с начала до конца. Никто от имени комиссии Дайеса не обращался ко мне ни из Остина, ни из других мест. Я никому не обещал давать показания перед комиссией Дайеса, ни по вопросу о покушении, ни по каким другим вопросам. Ваша газета стала жертвой злонамеренной мистификации. Ни на минуту не сомневаюсь в том, что расследование источников мистификации без труда раскрыло бы руку агента ГПУ.

[Л.Д.Троцкий]
[После 10 июля 1940 г.]

Ложные подозрения против Роберта Шелдона Харта

Выяснение вопроса о действительной роли Р.Ш.Харта имеет значение не только потому, что недопустимо пятнать память человека, который пал жертвой преступления и не способен более защититься, но и потому, что от выяснения роли Харта зависит выяснение роли других лиц. Если Харт был сообщником, - а он им не был, - то возможно, что сообщниками были некоторые другие лица, связанные с моим домом. Вот почему я считаю необходимым еще раз выяснить здесь в сжатой форме ошибочность подозрений против Р.Ш.Харта.

*

1. Роберт Харт был членом секции Четвертого Интернационала в С[оединенных] Ш[татах] и работал в нью-йоркской организации больше года. Он никогда не предлагал своей кандидатуры для моей охраны: это обстоятельство я проверил со всей точностью путем опросов всех лиц, связанных с выбором членов моей охраны (Д.Кеннон, Роза Карснер504, Фаррел Доббс505, Джо Хансен, Генри Шулц506). Предложение выехать в Мексику явилось для Р.Харта полной неожиданностью. Он получил это предложение от Розы Карснер в первой половине марта и принял его без колебаний. Агенты ГПУ, приступившие в Мексике к практическому осуществлению своего заговора в начале января, не могли знать, что Роза Карснер предложит в марте Роберту Харту выехать в Мексику. Не может быть, следовательно, ни малейшего сомнения в том, что план покушения вырабатывался без малейшего расчета на участие Р.Харта, который прибыл в мой дом только 7 апреля.

2. То обстоятельство, что ворота были открыты будто бы "добровольно", легло в основание всех подозрений об участии Р.Харта в заговоре. На самом деле вопрос в том, кто и как открыл ворота, до сих пор остается, насколько я знаю, совершенно невыясненным507. Гипотетически можно выдвинуть несколько возможностей.

а) два-три заговорщика могли пробраться во двор через три больших отверстия в стене, против библиотеки, обезоружить Харта и открыть ворота;

б) заговорщики могли при помощи своих лестниц перелезть через забор после того, как они связали внешнюю охрану;

в) заговорщики могли обмануть Харта своей полицейской формой, как они обманули внешнюю охрану.

Происходя из богатой семьи и не привыкши преодолевать трудности жизни, молодой Роберт Харт не был по натуре осторожным человеком. Он однажды при мне в первую или вторую неделю своего пребывания у нас в доме передал ключ от ворот одному из каменщиков, работавших в доме. Я тогда же сделал ему замечание: "Если вы будете так поступать с ключом, то в случае нападения вы окажетесь первой его жертвой". Я не думал тогда, что в моих словах заключалось зловещее пророчество. Правило гласило, что ночью открывать ворота нельзя. Но это правило не вошло в плоть и кровь Харта. Заговорщики могли сказать ему, что прибыли со срочным сообщением из хефатуры полиции508. Слегка приоткрыв дверь, Р.Харт действительно увидел полицейских и доверчиво открыл им ворота.

3. Исчезновение Роберта Харта утром 24 мая укрепило следственные власти в подозрении о его участии в покушении. Но я тогда уже, в первые часы после покушения, считал подозрение ошибочным. Так, в "Универсаль" от 25 мая напечатан следующий диалог:

1. Вопрос: [...]

2. Ответ: [...]509

Во время бесед с представителями следствия я настаивал на том, чтоб искать труп Р.Харта в канале, в Педрегале510 и пр. Но мои слова встречали скептическое отношение.

4. В ближайшие дни подозрения против Р.Харта усилились. У меня было впечатление, что эти подозрения разжигаются искусственно. Нетрудно было догадаться, что кампания против Р.Харта исходила из тех же самых источников, которые выдвинули теорию "самопокушения". Уверенность в том, что Р.Харт - соучастник покушения (или "авто-покушения"), распространилась на всю печать. В "Эксельсиор" и в "Универсаль" от 26 мая читаем: (No 3, No 4) [...]511

Основой подозрения является, следовательно, тот факт, что Харта не находят ни живым, ни мертвым. Запомним себе это!

5. Полицейский Франциско Рамирес Диас, No 3727, показал в самом начале следствия и продолжает сейчас поддерживать то же показание, именно, что

Роберт (Боб) Шелдон (цитата А) [...]512

Одного этого показания достаточно, чтобы разрушить полностью версию о том, что Харт был участником покушения. Можно ли хоть на минуту вообразить, что два участника держат за руки третьего "участника" для того, чтобы он шел с ними "добровольно"? Если бы Боб был участником, то он, очевидно, должен был бы помогать нападавшим, руководить ими, вести их, указывать им. Вместо этого оказывается, что двое нападавших отвлекаются от нападения, чтобы за руки вывести Харта из дома.

Показание Ф.Р.Диаса тем более убедительно, что оно раскрывает саму механику допроса. Подвергался ли Шелдон насилиям? Нет! Шел ли с ними добровольно? Да. "Аунке, - прибавляет Диас, - когидо де лос брасос пор дос сухетос"513. Если мексиканские полицейские, знающие хорошо обстановку, не сумели в первый момент отличить нападавших террористов от полицейских, то можно ли требовать такого различения от Роберта Харта, которые провел в стране всего полтора месяца и не знал испанского языка? Нападавшие обезоружили его, схватили под руки и приказали следовать за ними. "Сопротивляться" у него не было никакой возможности, и у нападавших не было никакой необходимости производить над ним какое-либо дополнительное насилие.

Верно ли, что Роберт Харт сам правил одним из двух автомобилей, захваченных в нашем доме? Факт этот, если он даже верен, сам по себе решительно ничего не доказывает. Безоружный Роберт Харт был в руках вооруженных противников в полицейской форме. Эти "полицейские" утверждали, что город в их руках. За спиной Р.Харт слышал стрельбу. Помочь друзьям он не мог. От него требовали, чтобы он сел у руля автомобиля и правил по указанию тех, которые захватили его в плен. У него не оставалось выбора. Всякий другой вынужден был бы поступить на его месте так же.

7. 26 мая газеты сообщали: (цитата No 6, стр. 4) [...]514

Эта наклейка на чемодане послужила поводом для новых подозрений; явно: Роберт Харт прибыл из Москвы; явно: он агент ГПУ. Я тогда же указал на полную неосновательность такого предположения: агент ГПУ никогда не прибыл бы в мой дом с наклейкой на чемодане из Москвы. На самом деле, как уже ранее известно было, со слов Харта другим членам охраны, Роберт купил чемодан из вторых рук с целым рядом наклеек. Сам он в Москве никогда не был. То же самое подтвердил и его отец.

8. 29 мая в качестве улики против Роберта Харта выдвигается "пижама". Один из покушавшихся носил светлый и яркий костюм, который некоторым свидетелям казался пижамой. Отсюда сделан был вывод: так как никто из покушавшихся не мог прибыть в пижаме, то, очевидно, Роберт, дожидаясь своих соучастников, прилег заснуть; момент покушения застиг его в пижаме. Нелепость этого предположения не требует доказательств. Р.Харт дежурил во дворе ночью и был тепло одет. Человек, готовящийся совершить рискованное покушение, не облачается в пижаму и не ложится спать. Полицейский Франциско Рамирес Диас, видевший, как уводили Роберта под руки, ничего не говорит о пижаме. Тем не менее 30 мая пресса характеризует уже Роберта Харта как "интеллектуального и морального руководителя покушения" (стр. 11).

9. Из неизвестных источников получено сообщение, будто в комнате Роберта Харта в Нью-Йорке нашли портрет Сталина. Это свидетельство было проверено и оказалось ложным. Опровергающая телеграмма из Нью-Йорка была мною передана властям. Тем не менее фантастическое сообщение о портрете Сталина, даже с горячим "посвящением", повторялось в печати несколько раз без малейшего основания. Из какого источника исходило это злостное измышление?

10. Допустим, однако, для полноты анализа, что Роберт Харт действительно был агентом ГПУ. Это значило бы, что агент ГПУ попал в мой дом совершенно случайно для ГПУ, не по собственной инициативе, а по приглашению моих американских друзей, притом в такой момент, когда подготовка покушения в Мексике была уже в полном ходу. Совершенно очевидно, что появление в моем доме агента ГПУ должно было полностью изменить весь план покушения. К чему двадцать-тридцать человек с митральезами, бомбами, электрической пилой, веревочными лестницами и пр., когда один агент ГПУ, живущий в моем доме и пользующийся полным моим доверием, имел возможность в любое время ночью проникнуть в мою спальню, дверь которой никогда не запиралась, убить меня кинжалом и уехать на автомобиле без всяких затруднений? Если он опасался, что его одного для такого предприятия недостаточно, он мог в любое время

ночи, во время своего дежурства, впустить через ворота одного-двух сообщников: этого было бы вполне достаточно, чтобы разрешить задачу без шума и исчезнуть бесследно. Это простое соображение полностью опровергает гипотезу о Роберте Харте как агенте ГПУ.

11. Чтобы выпутаться из этого противоречия, выдвинута была новая гипотеза: Роберт Харт прибыл в Мексику в качестве моего сторонника, но заговорщикам удалось "подкупить" его во время его семинедельного пребывания в моем доме. Это предположение относится к числу наиболее легкомысленных и фантастических.

а) Роберт Харт происходил из богатой семьи и жил отдельно от семьи только потому, что политически расходился с семьей. Денежный подкуп в этих условиях представляется совершенно невероятным.

б) Какие гарантии могли быть у заговорщиков, что неизвестный им Роберт Харт, взяв деньги, не выдаст их накануне покушения, войдя в соглашение со мною и с полицией? Можно ли хотя бы на минуту допустить, что ГПУ доверило судьбу столь ответственного предприятия незнакомому молодому человеку, которого удалось "купить"? Такое предположение полностью противоречит всем правилам и традициям ГПУ, которое подбирает и проверяет сотрудников с чрезвычайной тщательностью.

в) Наконец, если бы покушавшиеся действительно "купили" Роберта Харта, то тем самым отпала бы необходимость производить ночное нападение, связывать полицейских, стрелять из пулеметов и пр. Если "подкупленный" Роберт Харт не решился сам убить намеченную жертву, то он мог открыть ворота для одного или двух сообщников, которые могли совершить свою операцию бесшумно.

12. 30 мая у меня была конференция с представителями прессы. "Эксельсиор" дал об этом следующее сообщение: [...]515, стр. 13

Борьба продолжалась по той же линии: искать ли Роберта Харта в Нью-Йорке или его труп в Мексике?

13. Отец Роберта, прибывший тем временем в Мексику, предложил премию за указание местонахождения сына. Розыски не давали, однако, результата. Мать Роберта заболела. Отец вылетел в Нью-Йорк. Это послужило основанием для новых подозрений. В прессе 12 июня находим уже категорическое заявление о том, что Роберт Шелдон находится в Соединенных Штатах. В "Эксельсиор" от 12 июня читаем: [...]516 (стр. 16).

Опять-таки подозрения против Р.Харта опираются на уверенность в том, что он жив и здоров, но скрывается.

14. 19 июня в прессе появляется сообщение о важных признаниях одного из покушавшихся, именно, Нестора Санчеса Хернандеса, который в очень неопределенных словах пытается изобразить Р.Харта участником покушения. Показания Нестора Хернандеса, как они переданы в газетах, в этой своей части не заслуживают ни малейшего доверия. Хернандес до дня своего ареста, а может быть и в тюрьме, читал газеты, знал о подозрениях полиции против Харта и был, естественно, заинтересован в том, чтобы поддержать эти подозрения, особенно если он знал о той судьбе, которая была уготована Харту. В своих признаниях он, несомненно, скрывал наиболее отягчающие обстоятельства, стремясь придать покушению как можно более невинный вид.

15. В показаниях Нестора Хернандеса говорится, что Сикейрос ждал определенного момента, глядя на свои часы, прежде чем дать сигнал нападения, - и объясняется это тем, что Сикейрос приурочивал нападение к дежурству Р.Харта. Это сообщение, очень важное на первый взгляд, произвело, видимо, большое впечатление на следственные власти. Однако это сообщение совершенно ложно. Дежурство Р.Харта продолжалось с часу ночи до 4-х часов утра. Нападение произошло около четырех часов, т. е. как раз тогда, когда Роберт должен был смениться. Только потому, что часы Отто Шюсслера отставали, он не спустился своевременно из башни во двор. Это лучшее доказательство того, что нападавшие вовсе не считались с дежурством Роберта Шелдона. Нестор Хернандес говорит неправду или, в лучшем случае, путает под влиянием газетных сообщений.

16. 24 июня полиция находит труп Харта. Все гипотезы насчет того, что он скрылся в Соединенные Штаты, оказались разрушены. Предположение, что Харт был не участником покушения, а его жертвой, подтвердилось полностью. Тем не менее предвзятая гипотеза оказалась сильнее неопровержимого факта. В газетах стали появляться новые "улики" против Харта, одна фантастичнее другой. Если раньше доказательством его сообщничества считалось то, что он "жив и

здоров", то теперь уликой против него стало то, что он убит!

17. Мариано Херера Васкес (стр. 27) показывает, что в своем убежище в Десиерто де лос Леонес Роберт Харт пользовался будто бы "полной свободой". Если бы это было так, это означало бы, что другие участники покушения относились к нему с абсолютным доверием. Если Р.Харт собирался выдать своих "сообщников", почему он не воспользовался "полной свободой" и не скрылся? А если он не собирался выдавать своих сообщников, почему и зачем они убили его? Из этого противоречия выбраться нельзя. Все попытки объяснения этого противоречия поражают своей натянутостью и искусственностью. Гораздо проще и вернее предположить, что Мариано Васкес, сам замешанный в покушении и, возможно, в убийстве Харта, дает ложные показания по тем же мотивам, что и Нестор Санчес Хернандес.

18. Желая избежать лишнего убийства, покушавшиеся могли захватить Шелдона в плен, держать его дня два-три в лесу с целью выяснить, в какую сторону повернется следствие. Если бы видные участники покушения были захвачены немедленно, у преступников не было бы никакого основания убивать Роберта Харта и тем еще более отягощать свою вину. Но когда по истечении двух дней никто из авторов покушения не был задержан, а заинтересованной печатью пущена была в оборот клевета о самопокушении, и внимание следствия было отвлечено в эту сторону, тогда участники покушения должны были прийти к выводу, что единственным опасным свидетелем является их пленник Роберт Харт. Вот почему они пришли к решению убить его.

19. Ко всему сказанному надо присоединить соображения психологического характера. Я лично за семь недель сталкивался с Робертом Хартом сравнительно мало, так как был очень занят неотложной работой и откладывал более близкое знакомство с ним до более свободного времени. Зато моя жена встречалась с ним часто и вынесла о нем впечатление, как о человеке, который относился ко мне и к ней с большой преданностью и даже нежностью. Когда в его присутствии кто-либо из молодых или она сама вспоминали какой-либо эпизод нашего прошлого, он всегда слушал с волнением, с "горящими глазами", по выражению жены. Накануне ночи покушения он болел расстройством желудка. Жена дала ему грелку и необходимые советы. По ее словам, он относился к ней, как к матери.

Есть еще одно обстоятельство, которое может показаться мелким, но имеет на самом деле глубокую убедительную силу. В дни, непосредственно предшествующие покушению, Роберт купил четырех маленьких птичек, переделал для них и выкрасил старую клетку; затем открыл, что двое из птичек одного и того же пола и отправился в город для того, чтобы сменить самца на самку. Эта работа поглощала его свободное время почти целиком, так что я не раз позволял себе шутки над его увлечением. Молодой человек, который готовится совершить грандиозное преступление, не мог бы быть способен отдавать с таким увлечением свое время столь невинной забаве!

Я не имею в своих руках всех материалов следствия, которые сейчас несомненно обогатились многими ценными данными. Но приведенные выше соображения дают мне право утверждать с уверенностью, что тщательный анализ данных следствия может только обнаружить полную несостоятельность подозрений против Роберта Харта.

*

Почему, однако, гипотеза об участии Роберта в покушении оставалась все время такой живучей и даже продолжала держаться после того, как найден был его труп? Причины те же, по которым была создана и держалась гипотеза об автопокушении. В сталинских штабах надо искать источник того, почему подозрения, не имеющие за себя ни фактических, ни логических, ни психологических данных, держались с таким упорством, возрождались снова, меняли форму, но продолжали сбивать с правильного пути следствие.

В двух своих печатных заявлениях коммунистическая партия Мексики утверждала, что покушение приобретает особенно "подозрительный" характер ввиду "доказанного" участия в нем Роберта Харта. Мы имеем здесь еще один пример классического правила ГПУ: возлагать на жертву ответственность или часть ответственности за свои собственные преступления!

Абсурдная гипотеза автопокушения прошла через две стадии. Первоначально агенты ГПУ через посредство своих органов "Ля Вос де Мехико", "Популяр" и "Футуро" изображали дело так, что я сам при содействии своих сотрудников

организовал авто-покушение. Когда, однако, было установлено, что в покушении участвовали Д.Сикейрос, Нестор Хернандес, Луис Ареналь и ряд других лиц, тесно связанных с "Вос де Мехико", "Популяр" и "Футуро", теория авто-покушения претерпела изменение: теперь пришлось признать, что покушение было организовано "кем-то" извне, но... с ведома самого Троцкого. Как мы слышали на суде от г. Павона Флореса, члена ЦК сталинской партии, я был будто бы предупрежден о покушении Робертом Хартом и не нашел ничего лучшего, как молча спрятаться в "жилой" подвал. В своем заявлении от 7 июля я уже показал полную бессмысленность этой злонамеренной инсинуации. Но господам защитникам ГПУ не остается сегодня ничего другого, как спасти обломки теории авто-покушения при помощи клеветы против Роберта Харта.

Л.Троцкий

15 июля 1940 г.

Койоакан

Г[осподин] Павон Флорес как адвокат ГПУ

Как во время моего допроса 2 июля в суде, так и во время судебной визитации 19 июля, господа защитники Давида Серрано Матео Мартинес и др. стремились внушить ту мысль, что в комнате, где были брошены зажигательные бомбы, не было архивов, и даже, что их не было вообще в доме. Г[осподин] Павон Флорес и его коллега являются защитниками лиц, которые заявляют, что никакого участия в покушении они не принимали. С этой точки зрения вопрос об архивах не представляет, казалось бы, для обвиняемых интереса: кто не принимал участия в покушении, тот не может отвечать за попытку уничтожить мои архивы. Однако г. П.Флорес и его коллега делают повторные усилия доказать, что покушения уничтожить архивы вообще не было. Почему защитники придают столь исключительное значение вопросу об архивах? Покушавшиеся убили Роберта Харта, пытались убить меня, мою жену и моего внука, связали полицейских и пр. Эти преступления, казалось бы, неизмеримо существеннее попытки уничтожить частное собрание документов. Откуда же это исключительное внимание ко второстепенной частности? Загадочный интерес г. П.Флореса к моим архивам объясняется попросту тем, что попытка сжечь их является не единственной, правда, но крайне важной уликой против Сталина. Никакая другая организация в мире, кроме ГПУ, не может иметь интереса в уничтожении моих бумаг. Наоборот, ГПУ доказало свой интерес тем, что, преодолевая огромные технические затруднения, похитило 65 кг моих бумаг в Париже 7 ноября 1936 г. Мои архивы, давшие возможность Международной комиссии под председательством Джона Дьюи полностью разоблачить московские судебные подлоги, продолжают и сейчас служить для разоблачения преступлений Сталина.

Если бы г. Флорес признал очевидность, именно, что покушение организовано ГПУ, для его подзащитных это признание являлось бы в случае доказательства их вины важным смягчающим обстоятельством: могущественная государственная организация располагает почти неограниченными идейными и материальными средствами, чтобы сломить волю отдельных членов Коминтерна и подчинить их своим преступным целям. Но г. Флорес заинтересован не в судьбе своих подзащитных, а в вопросе о ГПУ и о репутации Сталина. Явно компрометируя своих подзащитных, г. Флорес борется против очевидности, именно против признания руководящей роли ГПУ в преступлении 24 мая. Служа Сталину и защищая его, г. П.Флорес вынужден клеветать на противников Сталина. Только политическая и моральная зависимость г. П.Флореса от ГПУ позволяет понять его роль в процессе, его недостойные инсинуации и его грубые выпады против меня.

В своем заявлении от 7 июля я указал на то, что г. П.Флорес не случайно был включен в ЦК компартии, который за два месяца до покушения был выбран с целью усиления борьбы против Троцкого и троцкизма. Г[осподин] Павон Флорес поправил меня во время судебной визитации в том смысле, что в первый раз он был избран в Центральный Комитет не на последнем съезде, в марте 1940 г., а за год до него. Эта поправка ничего не меняет по существу в моих заключениях, наоборот, усиливает их. Г[осподин] Павон Флорес мирно и покорно работал в течение 1939 г. под руководством Лаборде, которого он покрывал славословиями. Когда же ГПУ в интересах затеваемого покушения сочло

необходимым пересмотреть состав Центрального Комитета, г. Павон Флорес выдержал испытание ГПУ, внезапно открыв в своем вчерашнем вожде Лаборде "предателя" и "врага народа", и оказался поэтому включен в новый Центральный Комитет. Под революционной "верностью" г. Павон Флорес понимает верность "хозяину", т. е. ГПУ. Под "изменой" г. Павон Флорес понимает неподчинение ГПУ и борьбу с его преступлениями. Немудрено, если он называет меня "изменником" в моем собственном доме.

В своем знаменитом "Завещании" Ленин назвал две основные черты личности Сталина: грубость и нелояльность. Эти черты стали чертами целой школы. Грубость стала наглостью, нелояльность - вероломством. В качестве воспитанника этой школы г. П.Флорес представляет тип, прямо противоположный типу революционера.

Я отдаю себе ясный отчет в том, что в распоряжении суда нет юридических средств, чтобы приостановить поток возмутительных инсинуаций со стороны г. П.Флореса, который свою службу ГПУ прикрывает ролью защитника. Я оставляю поэтому за собою право предать гласности все свои заявления по поводу недостойных действий г. Павона Флореса.

Л.Троцкий
26 июля 1940 г.
Койоакан

Г-ну судье

Имею честь приложить при сем два номера еженедельника "Ной" 517, NoNo 85 и 86 за 1938 г., с моей статьей, посвященной памяти моего покойного сына Льва Седова. Статья заключает в себе ряд фактов, касающихся истории нашей семьи и преследований, которым она подвергалась со стороны ГПУ, и может поэтому облегчить понимание условий, которые подготовили покушение 24 мая, а также бросить свет на особую роль, которую играли и играют в этом деле такие издания, как "Ля Вос де Мехико", "Популяр" и "Футуро" со своей кампанией клеветы против меня лично и против членов моей семьи. По изложенным обстоятельствам приобщение этой статьи к материалам судебного следствия представляется мне необходимым.

[Л.Д.Троцкий]
26 июля 1940 г.
Койоакан

Издателю "Гералд Трибюн"

Милостивый государь:

В No от 25 июля Вашей газеты напечатано сообщение Вашего корреспондента Жака О Брайена из Мексико о том, что некий Сезарь Орtiz, "редактор по иностранным делам" мексиканской газеты "Популяр", сделал 60-ти американским учителям, посетившим Мексику, сообщение относительно моего "заговора" совместно с генералом Хуан Андреу Альмазаном с целью произведения фашистского переворота в Мексике, а затем и в Соединенных Штатах в случае моего допущения в Вашу страну. Г[осподин] Сезарь Орtiz прибавил, что мексиканские власти "расследуют" мой заговор, ведущийся при денежной помощи Гитлера и Муссолини, т. е. германского и итальянского союзников Сталина.

Ваши читатели, не сомневаюсь в этом, достаточно разумны, чтобы открыть источник этой грязной, грубой и нелепой фальсификации. Источник называется тремя буквами: ГПУ.

Я не знаю ничего о г. Сезаре Ортите, но допускаю, что он действительно существует и руководит тем, что называется "внешней политикой" "Популяр". Я снова подтвердил 2 июля перед мексиканским судом, что эта газета является официозом ГПУ, что во всех вопросах, интересующих Сталина, она поддерживает политику ГПУ; что она неизменно защищает все преступления ГПУ и пропагандирует все фальсификации и клеветы, которые ГПУ распространяет против врагов Сталина; что, если после длительной защиты Гитлера "Эль Популар" снова защищает "демократию", то это делается по специальному

приказанию ГПУ во имя временных интересов Сталина.

Так как участники покушения, в частности убийства Роберта Шелдона Харта, являются агентами ГПУ и членами Коминтерна; так как моральное участие руководителей "Эль Популяр" в подготовке покушения 24 мая и в попытках замести следы выясняется мною перед судебным следствием со всей необходимой точностью и подробностью; так как "друзья" ГПУ и руководители "Эль Популяр" оказываются в этой истории жестоко скомпрометированы, то со стороны секретной полиции Сталина, ее агентов и "друзей", в том числе, очевидно, и со стороны незнакомого мне г. Сезаря Ортиза, делаются скандальные попытки с целью запутать судебное следствие и терроризировать меня, чтобы добиться приостановки моих разоблачений, губельных для преступной деятельности ГПУ на американском континенте. Эти попытки тщетны! Я доведу свою работу до конца.

Чтобы придать настоящему опровержению необходимую полноту, прибавлю:

а) Я не имел и не имею ни прямого, ни косвенного отношения ко внутренней политике Мексики, в частности и в особенности к последней избирательной кампании.

б) Я не имею чести знать генерала Х.А.Альмазана, не состоял и не состою с ним ни в прямых, ни в косвенных отношениях, как и вообще ни с кем из руководящих политиков ни одного из политических лагерей Мексики.

в) У меня нет и не может быть никаких побуждений чинить какие бы то ни было затруднения правительству единственной страны, которая оказала мне гостеприимство.

г) Сообщение Вашего корреспондента представляет собою не изолированный факт, а часть кампании, которая ведется против меня непрерывно и систематически под руководством ГПУ и на его средства.

д) Я сохраняю за собой право привлечь г. Сезаря Ортиза к суду за злонамеренную клевету в интересах ГПУ.

Л.Троцкий
27 июля 1940 г.
Койоакан

[Заявление]

Сегодня, 2 августа, в "Насиональ", вторая секция, под кричащим заголовком почти через всю страницу "Троцкий и Диего, акусадос"518, дается отчет о новом показании арестованного Давида Серрано Андонегги, будто я давал деньги Давиду Сикейросу на какой-то журнал. Всякий серьезный человек понимает, что это показание представляет собою чистейший вымысел. Поразительна, однако, реклама, которой "Эль Насиональ" считает нужным окружить этот недостойный вздор из "Акусадо"519! Казалось бы, право обвинять принадлежит государственным учреждениям Мексики. Но по мнению редакции "Насиональ", я превращен в "обвиняемого" одним из преступников, организовавших покушение.

Редакция "Эль Насиональ" не в первый раз позволяет себе заведомо нелояльное истолкование событий, связанных с покушением 24 мая. В интересах самозащиты от фальшивых обвинений и недобросовестных обвинителей я вынужден передать общественному мнению свое письмо мексиканским властям по поводу одного из крайних тенденциозных актов редакции "Эль Насиональ"519. Мое письмо получает новую актуальность ввиду комбинированных попыток г. Давида Серрано и его защитника г. Павона Флореса оживить труп авто-покушения. Предупреждаю этих господ, как и их покровителей, что они снова разобьют себе носы: ГПУ в Мексике не вездесуще.

[Л.Д.Троцкий]
2 августа 1940 г.

[Письмо директору газеты "Эль Насиональ"]

Г-ну директору "Эль Насиональ"

В Вашей газете от 3 августа Вы пишете, что моя "агресивидад"521 против "Эль Насиональ" является необоснованной. Не думаю, чтобы законную

самооборону против ложных обвинений, притом в вопросе исключительной важности, можно было бы называть "агресивидад". Позволяю себе напомнить Вам три случая из многих, когда "Эль Насиональ" занимал явно пристрастную позицию, враждебную не по отношению к нападавшим, а по отношению ко мне.

Первое сообщение о покушении в "El Nacional" от 25 мая появилось под заглавием "Театральное покушение". Какие основания были у "Эль Насиональ" для такого утверждения?

27 мая "Эль Насиональ" напечатал заведомо ложную заметку, исходящую из подозрительных источников, под заглавием "Г[осподин] Троцкий себе противоречит". Эта заметка ввела в заблуждение следствие и причинила мне и моим друзьям целый ряд тяжелых часов.

Фантастическое и глупое показание Давида Серрано относительно денег, которые я будто бы давал Сикейросу, напечатано в "El Nacional" под сенсационным и тенденциозным заголовком. Такой заголовок, вполне совпадавший с намерениями Д.Серрано, мог быть внушен только предвзятым и враждебным отношением ко мне.

"Эль Насиональ" занимает исключительное положение в мексиканской прессе в качестве официоза правящей партии и правительства. Я не могу поэтому не чувствовать с двойной силой тех несправедливых сообщений и суждений обо мне, которые печатает "Эль Насиональ".

Появление подобных инсинуаций обо мне в "Эль Популяр" или в "Ля Вос де Мехико" не удивляет меня, ибо эти издания являются официозами ГПУ. Но я не раз спрашивал себя с изумлением, каким образом сообщения того же типа находят себе доступ на страницы "Эль Насиональ". Единственный ответ, который я давал себе, состоит в том, что в составе редакции имеется сотрудник, злоупотребляющий доверием директора и выполняющий секретные поручения ГПУ. В какой мере это предположение верно, Вам легче проверить, чем мне.

Я не нуждаюсь в напоминании о том, что Мексика оказала мне великодушное гостеприимство. Но Мексика не есть та или другая газета. Я пользуюсь гостеприимством мексиканского народа и мексиканского правительства. Никто не имеет права утверждать, что я злоупотребил доверием того и другого. Правительство генерала Карденаса никогда не требовало от меня, чтобы я покорно сносил оскорбления и инсинуации по моему адресу. Такого рода вероломное "гостеприимство" мне было оказано бывшим правительством Норвегии, которое в момент московских процессов потребовало от меня, чтобы я не отвечал на обвинения, ибо Москва, чтобы зажать мне рот, грозила Норвегии экономическим бойкотом. Я с негодованием отверг требование норвежского правительства, заявив, что предпочитаю сесть в тюрьму. Из норвежской тюрьмы освободил меня генерал Карденас, руководимый своим безошибочным нравственным чутьем.

Я делал десятки попыток установить с редакцией "Эль Насиональ" нормальные и корректные отношения, но наталкивался до сих пор только на глухую враждебность. Каковы причины, я не знаю. Не настаиваю на печатании этого письма. Буду рад, если оно поможет устранить в дальнейшем лишние трения и конфликты.

Последняя речь Молотова⁵²² подтверждает, что Кремль остается сателлитом Берлина и Рима. Коммунистические вожди разных стран успокаивали свои партии обещанием того, что Москва не сегодня-завтра повернет в сторону "демократий". Речь Молотова опровергает эти обещания. Пять лет антифашистских народных фронтов окончательно разоблачаются как шарлатанство. Внешняя политика Москвы определяется факторами силы, а не политическими принципами.

Правда, Молотов пытается прикрыть нынешнюю политику Кремля антиимпериалистической фразеологией. Но фальшь ее бьет в глаза. Молотов обличает Англию за то, что она не хочет отдать свои колонии. Но он молчал о том, что Германия и Италия хотят захватить их. Он говорил об империализме Японии и Соединенных Штатов, но не нашел ни слова осуждения для разбойничьего похода Гитлера и для шакальской политики Муссолини. Более того: он впервые подчеркнул, что советско-германский пакт обеспечил Гитлеру развязанные руки.

[Л.Д.Троцкий]

[3 августа 1940 г.]

Эта книга – исследование. Одни вопросы пришлось освещать впервые, другие – в разрез с упрочившимися взглядами. Автор не забывал, однако, что он пишет книгу для всех. Он убрал леса, оставив лишь стены. Там, где ему приходилось разъяснять, почему он избрал один путь, а не другой, он старался сделать читателя участником исследования, не возлагая в то же время на его плечи слишком тяжелой ноши. Автор надеется, что его книгу можно будет читать, не насилуя своего внимания.

Официальная история и биография ставит себе задачей уменьшить значение предшественников Ленина, не только группы "Освобождение труда", но и Маркса с Энгельсом; преувеличить противоречия, отделявшие Ленина от других революционных марксистов; преуменьшить роль и значение последних; замазать противоречия в развитии самого большевизма; и, наконец, как увенчание этой благочестивой работы, включить в круг благодати даже родственников Ленина при помощи фантастической биографии отца, ложной характеристики брата и пр.

Исключением является вдова Ленина Крупская, которая слишком долго была под непосредственным его влиянием, чтобы безмолвно склоняться перед официальными фабрикациями общественного мнения; делая огромные уступки официальной легенде, Крупская все же пытается удержаться в границах, указываемых наиболее неоспоримыми фактами, и периодически попадает поэтому под тяжеловесные удары официальной историографии.

В воспоминаниях Крупской, как и других наиболее добросовестных мемуаристов, не все сказано и не все сказано правильно: есть множество сознательных умолчаний и не меньше односторонних подчеркиваний, продиктованных соображениями сегодняшнего дня. Не трудно было бы показать, что Крупская далеко заходит на пути политического и морального оппортунизма. Далекое, но недостаточно. Умалчиваний и односторонностей правящей группе недостаточно; от нее требуют активного творчества в духе официальной легенды. Отсюда жестокий разнос ее воспоминаний.

Можно установить закон: чем позже написаны воспоминания, тем большую дань они отдадут официальной легенде. Даже в работах Елизаровой⁵²⁴, наиболее добросовестной бытописательницы семьи Ульяновых, можно, сопоставляя разные варианты, написанные по одному и тому же поводу в разные сроки, установить без труда крайне поучительные наслоения.

Таким образом, на протяжении этого труда нам не раз придется освобождать Ленина из плена преданных воспоминаний и восторженных характеристик, гораздо более характерных для почитателей, чем для почитаемого.

В Советской России литература, живопись и скульптура создают особый условный образ Ленина, освобожденный от "слабостей", т. е. от тех черт, которые делали его живым человеком.

Как поток обтачивает камень, превращая его в гольш, так монополярная и монотонная работа официальной мысли обтачивает, закругляет, полирует образ Ленина, делая из него каменного идола.

Так как наиболее простые объяснения, особенно если их повторять в миллионах экземпляров – а таковы тиражи Советов и Коминтерна – легче всего усваиваются, то приходится констатировать – здесь автор выступает уже в качестве свидетеля, – что во всеобщий обиход вошли наименее доброкачественные сведения о духовном формировании Ленина.

Предшественников у Ленина не было или они отодвинуты в глубокую тень. Вместе с тем идейная жизнь самого Ленина перестает быть процессом развития. В ней нет этапов, кризисов, переломов, ошибок и исправлений. Жизнь Ленина состоит в автоматическом изложении и применении "основных положений большевизма".

Эпигонство означает приостановку идейного роста. Эпигонская историография распространяет застой и на прошлое. Раз появившись на свет,

ленинизм оставался неизменным и равным самому себе.

Показания живых сотрудников и соратников Ленина приспособляются к официальному стилю и дают все более профильтрованную односторонним отбором свидетельства. Можно проследить на новых изданиях одной и той же книги о Ленине, как изменяется и преобразуется текст, опускаются одни факты, присовокупляются другие. Приспособление, имевшее первоначально насильственный характер, т. е. достигавшееся при помощи строгих директив цензуры, стало почти автоматическим. Хочется сказать, что искусственный отбор в области идей сменился естественным, что, конечно, не исключает ни сознательных умолчаний, сокрытия фактов и документов и прямых измышлений тенденциозного характера.

В этой книге нет ни одного утверждения, которое не опиралось бы на строго проверенные факты. Автор не питает большого уважения к биографической школе Э. Людвиг, Моруа и пр., которые отрывают лицо от среды и с тем большей свободой заполняют пустоту психологическими конструкциями. Эта биография правдива. Она разрушает легенды, но не создает их. Автору хочется надеяться, что образ героя этой книги выступит перед читателями более живым и более значительным, чем из казенной литературы. Но так как эта книга опрокидывает попутно вымыслы немощного бюрократического воображения, то она будет запрещена в СССР.

Такая судьба постигла нашу "Историю русской революции". Никто не решился обвинить ее в искажениях или хотя бы в неточностях. Она целиком посвящена историческому объяснению и тем самым политическому оправданию Октябрьского переворота. Но так как книга заботится о фактах, а не о казенных легендах, то первая марксистская история двух революций 1917 года запрещена в СССР.

Некоторые не по разуму усердные молодые профессора пытались вступить в полемику с книгой, недоступной советскому читателю. Но так как их попытки только ухудшали дело, то бюрократия притопнула на них ногою. Не имея возможности построить свою собственную историю – песок измышлений и легенд рассыпается под пальцами строителей, – бюрократия оставляет читателей без истории революции, как и без сколько-нибудь серьезной биографии Ленина.

Эти люди могут даже сказать, что я умаляю Ленина. Несомненно: если эти люди возвеличивают Ленина до себя, то я умалаю его до действительных исторических размеров.

Если некоторые главы покажутся читателю бедны психологическим движением, слишком протокольными, то вина не всегда должна ложиться на автора. Слишком часто нам не хватало данных, а мы ничего не конструировали: нет ничего отвратительнее, на наш взгляд, романтизированных биографий, которые чаще всего бывают плохо замаскированным автобиографированием самого биографа. О Ленине написано слишком много. Сам он почти ничего не писал о себе. За одним-двумя исключениями совсем не осталось писем, в которых бы он раскрывал себя. А другим нелегко было раскрыть его. Даже наиболее близкое к нему лицо Н.К.Крупская в своих воспоминаниях больше комментирует слова и дела Ленина, чем говорит о нем самом.

Можно было бы ограничиться простым изложением фактов, отношений и идей, как их на основании критического изучения представляет себе автор, оставляя вовсе в стороне те показания и оценки, которые ему представляются ложными и ошибочными. Во всех случаях, где наличный материал говорил сам за себя, автор так и поступал, т. е. отказывался от критического производства других взглядов, чтобы не загромаждать изложение полемикой. Но в ряде случаев автор оказывался вынужден предъявлять читателям не только свои выводы, но и тот путь, каким он к ним пришел. Нельзя забывать, что от событий жизни, которая здесь описана, прошло еще немного времени; биографические материалы крайне обильны – обильнее, может быть, чем в каком-либо другом историческом случае, – и эти материалы еще окрашены страстями и пристрастиями не только вчерашнего, но и сегодняшнего дня. Если бы мы просто предъявляли читателю нашу версию, как бы не замечая других, наше изложение могло бы казаться субъективным и произвольным и во всяком случае не закрывало на будущее пути критически отвергнутым нами версиям. Вот почему мы вынуждены были в известных случаях производить проверку воспоминаний, свидетельств и заключений на глазах читателей.

Сказанное относится прежде всего к фактической стороне биографии Ленина, к событиям в его личной и политической жизни в собственном смысле

слова. Что касается его теорий и идей, то их освещение было уже совершенно неотделимо от рассеяния вымыслов и мифов, которые фабрикуются в массовом масштабе не только врагами, но и так называемыми учениками. Читатель сможет убедиться, что мы свели полемику к минимуму, строго необходимому для критического изложения. Те вопросы, которые требовали более обстоятельного полемического изложения, мы вывели в особые приложения, дабы не обременять основного текста. [...]525

Из черновых набросков к книге "Ленин"

Можно ли было создать государство, в котором система Советов сочеталась бы с системой демократически-бюрократического господства буржуазии? Такой опыт был сделан в разных странах. В России коалиционный состав правительства должен был "примирить" два исключавших друг друга государства – по крайней мере до Учредительного собрания. В Германии сделана была теоретическая попытка примирить их. Гильфердинг предлагал одно время (как все это далеко позади!) включить Советы в демократическую конституцию. Он называл это комбинированным государством.

Гильфердинг хотел примирить власть буржуазии с властью пролетариата, как Бисмарк сочетал слегка ограниченную власть юнкерства⁵²⁶ с дробью власти буржуазии. Задача Бисмарка в известных условиях и на известный период казалась разрешенной, ибо благодаря мощному экономическому ребру страны юнкерство приспособило свои аппетиты к капиталистическому меню, а буржуазия, делавшая прекрасные дела, передоверяла юнкерству защиту общих интересов внутри и извне. Постольку здесь, собственно, уже не было двоевластия, поскольку каждый из друго-врагов отказывался от единовластия, т. е. от восстановления или построения всего общества по образу и подобию своему. Но пролетариат, доведший свою революционную борьбу до создания Советов, тем самым подошел вплотную к разрыву с буржуазным государством. Ввести Советы в демократическую конституцию это то же, что ввести вооруженное восстание в организацию вооруженных сил страны.

Гильфердинг хотел стать для буржуазии в отношении пролетарского государства тем, чем Бисмарк стал для юнкерства.

*

В борьбе буржуазии с дворянством, превращавшейся в их сотрудничество, распределение долей паев власти менялось в зависимости от изменений в экономике, в политике, в международной обстановке. Даже в пределах истории гогенцоллернской Германии соотношение сил юнкерства, монархии и буржуазии с их прямой долей в государстве значительно менялось. Но государство оставалось все же тем, каким его строил Бисмарк: комбинированной формой господства землевладения и капитала под руководством монархического юнкерства, опирающегося на армию.

Прусско-германский господствующий режим от войны до войны, от Бисмарка до Эберта, был неуклюжей и крайне неэкономной постройкой со смесью всех стилей готики с берлинским модернизмом, обилием мертвых пространств, ненужными коридорами и закоулками, нелепыми башнями и, наконец, королевской и императорской уборными там, где следовало ждать столовой. Прусские государствоведы находили в этой архитектуре великие принципы, подобно тому, как петух басни умудрился найти жемчужное зерно в навозе. На самом деле бисмарковская архитектура имела своей задачей не осуществлять какие-либо общие принципы, а практически легализовать, т. е. ввести в рамки монархической конституции, и систему двоевластия юнкерства и буржуазии, чувствовавших себя [...]527 перед возрастающей угрозой со стороны пролетариата. Именно эта угроза помешала немецкой буржуазии, несмотря на быстрый рост ее могущества, выхолостить и приручить монархию по британскому образцу. После войны и поражения это привело к тому, что буржуазия оказалась вынуждена уступить монархию волнам революции в качестве умиловительной жертвы. Но едва буржуазия оторвалась от монархии, угрожавшей увлечь ее за собой в пучину, как старое монархическое государство без династий оказалось противопоставленным Советам рабочих и солдатских депутатов. Это было новое

двоевластие, гораздо более страшное по своим возможным последствиям. Под руководством социал-демократии это двоевластие, в противоположность ходу развития в России, было ликвидировано в пользу единовластия буржуазии.

Но, может быть, демократическое государство и является растворением двоевластия во власти "всех"? Так учит расхожая теория демократии, причем сейчас, в период упадка демократии, эта теория признана впервые социал-демократическими эпигонами марксистской школы, которая безжалостно вскрывала классовую сущность демократии в эпоху ее расцвета.

Всякое двоевластие стремится превратиться в единовластие - в ту или другую сторону. Никогда старый господствующий класс не отказывался добровольно от той доли власти, которую он сохранил. Никогда новый класс не отказывался от той доли власти, которую он приобрел, и никогда он не удовлетворялся этой долей власти. Оба борющихся класса всегда испытывают режим двоевластия, как насилие над ними, как угрозу. У каждого такое чувство, точно он одной ногой в воде, а другой на суше. Демократия в этих условиях означает не примирение противоречия, а, наоборот, облегчение катастрофической развязки. Каждая из полувластей будет стремиться использовать свободы до конца, чтобы превратить демократию в прикрытие своего господства, корни которого не в голосованиях, столь изменчивых в революционную эпоху, а в материальных учреждениях (армия, полиция, муниципалитеты, Советы и пр.). Оба борющихся за власть класса будут с такой силой и до тех пор натягивать на себя простыню демократии, пока не разорвут ее. Этот разрыв или прорыв демократической оболочки окажется только одним из эпизодов в борьбе, исход которой определится факторами гораздо более глубокого значения. История всех буржуазных революций, начиная с английской революции XVII века, подтверждает закон о подчиненной, отнюдь не регулирующей; не командующей, а чисто служебной; не верховной; а чисто эпизодической роли демократии во все те моменты, когда решается вопрос: кому быть хозяином в этом доме. Те случаи, которые как бы противоречат этому закону (Германия, 1919), на самом деле лучше всего подтверждают его методом от обратного. Для того, чтобы буржуазный режим мог возродиться в форме демократии, нужно было обессилить путем обмана, измены, кровавой расправы, обескровить и растоптать опорные базы нового классового режима. В этом состояла историческая функция социал-демократии.

Демократия есть не растворение классового двоевластия, а одна из форм единовластия. Эта форма может существовать лишь в тех случаях, когда антагонистический класс еще слишком слаб для самостоятельных претензий на власть или когда он временно настолько ослаблен, предан, обворован, разочарован, подавлен, что господствующий класс может надеяться на длительную передышку. В первом случае мы имеем классическую демократию молодого буржуазного общества; во втором - подкрашенную, подмалеванную, со вставными зубами, с накладным шиньоном, демократию империалистического распада. Но если молодая, полнокровная демократия никогда не была самодовлеющей силой и никогда не могла подняться над борьбой разных фракций третьего сословия, то мыслимо ли думать, что упадочная демократия нынешней эпохи сможет регулировать до конца борьбу между буржуазией и пролетариатом?

*

Чтобы устранить возможные недоразумения, отметим тут же, что нынешняя парламентская монархия и палата лордов в Англии, хотя и возникли из двоевластия между буржуазией и феодальными классами, но превратились под ударами ряда конфликтов в государственные рудименты, и из самостоятельных или полусамостоятельных органов, противостоящих буржуазии классов, преобразовались в предохранительные клапаны при органах самой буржуазии. Королевская власть Георга V⁵²⁸ не только по силе, но и по классовому содержанию отделена пропастью от королевской власти Стюартов⁵²⁹. Эту пропасть вырыли революции. Было бы, однако, ошибочно недооценивать или просто игнорировать значение монархии в Англии, Бельгии, Италии, Испании и пр. Социальные рудименты гораздо гибче анатомических и в отличие от последних обладают способностью к возрождению, хотя и с новым содержанием и для новых целей. При революционном обострении классовых противоречий в Англии, - а только слепой может не видеть, что все ее нынешнее развитие ведет в эту сторону, - монархия и палата лордов, при все возрастающей

неустойчивости равновесия палаты общин, могут получить серьезное значение последнего редюкта⁵³⁰ господствующих классов. Это произойдет в тот период, когда противоречия пролетариата и буржуазии в целом найдут себе грозное выражение в формировании нового двоевластия.

Система конституционной монархии, как и система двух палат, выросли вовсе не из юридических схем разделения власти, не из комбинации абстрактных принципов консерватизма и прогресса, как все еще учат педантские учебники, а из стремления преодолеть двоевластие его имущих классов, не прибегая к силе и не подвергая риску вызвать демонов, с которыми не так легко справиться.

Бывают, следовательно, исторические периоды, когда государственная власть оказывается как бы поделенной или, вернее, расколотой между двумя классами: то между феодалами и буржуазией; то между крупной буржуазией и мелкой; то, наконец, между буржуазией и пролетариатом. И в том, и в другом случае мы имеем перед собой явление двоевластия или, по крайней мере, его элементы. Но есть огромная разница между характером двоевластия дворянства и буржуазии, с одной стороны, буржуазии и пролетариата, с другой. В первом случае двоевластие означает не только борьбу, но и сотрудничество. Оно становится тем теснее, чем больше оба претендента на власть чувствуют опасность со стороны третьего. Юнкерски-буржуазное двоевластие опирается на обоих своих помостах на систему частной собственности и, озабоченное ее охраной, может обнаружить, как, например, в довоенной Германии, значительную крепость и устойчивость.

Совсем иначе обстоит [дело] с двоевластием буржуазии и пролетариата. Такой режим возможен только при чрезвычайном обострении борьбы этих двух классов, которая ведется из-за самых основ частной собственности. Двоевластие буржуазии и пролетариата может быть поэтому лишь переходным кратковременем и чисто революционным состоянием.

*

Русский капитализм, как думают либералы, погиб от войны. На самом деле война явилась неизбежной неотвратимой попыткой выбраться из невыносимых экономических и политических противоречий, а разгром русских армий явился результатом отсталости русского капитализма. Таким образом, крушение русского капитализма явилось не результатом войны - история знает много войн, в которых капиталистические страны терпели поражение, не переставая от того оставаться капиталистическими, - крушение русского капитализма явилось результатом не внешнего толчка, а внутренних органических причин, именно запоздалости развития и, в зависимости от этого, особой структуры русского капитализма, которому приходилось искать себе путей в условиях империалистического мирового капитализма. Если бы русский капитализм не был слабейшим звеном мировой хозяйственной цепи, которая в силу перенапряжения разорвалась на этом слабейшем своем звене, то никакая война не опрокинула [бы] его. Крымская война ускорила падение крепостного права только потому, что оно исторически пережило себя; в поражениях Крымской войны лишь с особой яркостью обнаружилась несостоятельность, слабость, неогражденность режима, опирающегося на крепостное право.

Разумеется, государство может потерпеть поражение и не вследствие своей отсталости, а вследствие материального перевеса сил на стороне противников, стоящих примерно на том же уровне развития. Из такого поражения могут вытечь: контрибуция, уплата территорий и пр., но вовсе не крушение социального режима, если этот последний в силу внутренних (национальных и мировых) причин не подлежит ликвидации (не обречен на слом).

Никакому всемогущему военному штабу не удавалось еще навязать даже дикарям или кочевникам новый экономический строй, если для него не было предпосылок в их собственном хозяйстве. С другой стороны, разгром наполеоновских армий и реставрация Бурбонов отнюдь не привели к реставрации крепостного права, цехов и прочих отношений средневековья. Несмотря на все контрреформы Бурбонов, капиталистические отношения продолжали развиваться. Каким же образом и почему военная победа империализма над СССР могла бы привести к реставрации капиталистического рабства?

В истории бывает не раз, что победитель усваивал себе экономические и культурные навыки побежденного, если последний стоял на более высокой ступени. Это значит, что, какой бы ни был эмпирический исход войны, в

историческом смысле победа остается за более высокой культурой.

Если мы эти основные и незыблемые положения марксизма применим к судьбе СССР, то несостоятельность теории "социализма в отдельной стране" раскроется до конца. Суть этой теории формулируется одной фразой: если нам не помешает интервенция, то мы построим социалистическое общество в СССР.

В каком же смысле может помешать интервенция? Она может замедлить рост социалистического общества, но ни в коем случае не привести к рецидиву капитализма, если социализм действительно функционировал в национальных границах СССР. В этом весь вопрос. Сталинцы утверждают, что фундамент социалистического общества заложен непоколебимо, более того, что само новое общество будет достроено в течение второй пятилетки. И в то же время признают, что война может вернуть страну к капитализму, т. е. опрокинуть уже обеспеченный будто бы фундамент социалистического общества. Здесь вопиющее противоречие всей этой теоретической конструкции. И в отношении социалистического общества, как в отношении капиталистического, война может играть роль ускорителя или замедлителя, но ни в каком случае не может привести к ликвидации жизненного и прогрессивного экономического режима, фундамент которого заложен в повседневной жизни многомиллионных масс. Ставя судьбу социалистического режима в зависимость от исхода отдельной войны, сталинцы бессознательно признают, что новый строй экономически еще не обеспечен – не потому, что он не обнаружил своих преимуществ над капитализмом, не потому, что он явился преждевременным, а потому, что он по самой сути дела может быть обеспечен лишь в интернациональном масштабе.

Своим указанием на возможность победы социализма первоначально в отдельной стране Ленин лишь перефразировал положение "Коммунистического манифеста": "Пролетариат каждой страны естественно должен прежде всего покончить со своей собственной буржуазией".

*

Нельзя ли, однако, придти к выводу:

- 1) Что нынешний уровень развития промышленности во всем мире ослабляет, а не усиливает техническую зависимость одной страны от другой;
- 2) Что те экономические преимущества международного обмена, которые еще остаются, более или менее уравниваются потерями на транспорте и пр.;
- 3) Что именно факт подрыва основ (т. е. исторических данных основ) мирового разделения труда создает основную предпосылку нынешнего кризиса (который не является просто усиленным циклическим кризисом);
- 4) Что теория социализма в отдельной стране – тоже разновидность автаркической теории – имеет известное основание в технике, отводящей разделение труда на второе место?

Вопрос о реализации продукта и внешний рынок.

Вопрос о построении социализма и международной революции.

В чем аналогия?

Теория реализации есть абстрактная теория. Она разрешает вопрос о пропорциональном капиталистическом производстве безотносительно к государственным границам. И она доказывает, что развитие капитализма возможно и в национальных границах. Но до какого предела? Это вопрос конкретный, исторический.

Теория построения социалистического общества есть теория реализации, перенесенная на обобществленные средства производства в плановое хозяйство. Такая теория игнорирует государственные границы. Она может относиться и к отдельному государству. Развитие социалистического хозяйства мыслимо и в национальных рамках. Но до какого предела? Это вопрос конкретный, исторический.

Полемика по поводу значения внутреннего и внешнего рынка должна была повториться через тридцать лет в более высокой исторической плоскости, именно как полемика по вопросу о социализме в отдельной стране.

Вопрос о возможности развития капитализма в отсталой России был поставлен народничеством в виде вопроса о реализации. Где взять рынок для капиталистической продукции? Марксисты отвечали: капитализм сам себе создает внутренний рынок, превращая продукты в противопоставленные друг другу товары. Вопрос реализации, т. е. беспрепятственной купли-продажи всех нужных товаров, есть вопрос пропорциональности различных отраслей общественного

труда и их продуктов, прежде всего средств производства и предметов потребления. Пропорциональность регулируется через спрос и предложение. Этот общий анализ относится одинаково к капитализму в рамках нации, как и к мировому капитализму как целому. Теоретический анализ реализации товаров не знает различия между внутренним и внешним рынком.

Тем не менее это различие существует как исторический факт. Развитие капитализма совершается не в безвоздушном пространстве, а в исторической среде. Под влиянием развития производительных сил или, если взять вопрос в сфере обращения, под влиянием потребности в реализации продуктов шла борьба со средневековым партикуляризмом ради создания национального государства; борьба за колонии, за мировую гегемонию, т. е. за подчинение мирового рынка. Абстрактная возможность развития национально-замкнутого капитализма совершенно не совпадает с конкретной действительностью. Теория реализации помогает понять ход капиталистического развития, но ни в коем случае не исчерпывает его.

Проблема социалистического хозяйства - на достаточно высоком уровне производительных сил - есть проблема хозяйственной пропорциональности в ее прозрачно чистом виде, а не под покровом реализации, т. е. беспрепятственной купли-продажи товаров. Чисто теоретически схему пропорциональности можно мыслить в рамках отдельного государства, как и в пределах планеты. В этом абстрактно-теоретическом смысле "социализм в отдельной стране" мыслим так же, как и "капитализм в отдельной стране". Но и здесь абстрактная возможность вовсе не совпадает с исторической действительностью и еще менее исчерпывает ее.

Народники считали, что за отсутствием внешних рынков капитализм в России вообще не имеет никакого будущего. Либеральные экономисты вместе с либеральными "марксистами" считали, что русский капитализм может и будет развиваться без конца. Историческая действительность показала, что на основе внутреннего рынка, создававшегося разложением крестьянства и кустарной промышленности, русский капитализм достиг значительной высоты; но что задолго до того, как он сравнялся с передовыми странами Запада, он оказался вовлечен в борьбу за внешние рынки, причем в качестве "слабейшего звена" первым же пал жертвой этой борьбы.

До 1914 года почти все русские марксисты, а затем одни меньшевики считали, что отсталая Россия не может даже и вступить на путь социалистического развития без предварительной победы "международной" пролетарской революции. С осени 1924 года советская бюрократия, ослепленная первыми успехами государственного хозяйства, создала теорию построения законченного социалистического общества в отдельной стране. Историческая действительность показала, что социалистическое продвижение вперед способно достигнуть значительных успехов в рамках отдельного государства, особенно с большими территориями и естественными богатствами.

*

В чем разница с капитализмом?

Потребление и производство (при капитализме и социализме).

*

"...Террористическая борьба, - писал Плеханов в 1884 г., - при всей своей бесспорной важности, не имеет решительно ничего общего с социалистической революцией". ("Наши разногласия"531).

*

Красин и его бомба величиной с грецкий орех...532

Под покровом реакции

Режим Александра III проходил через свою кульминацию. Изданный в 1889 г. закон о земских начальниках533 восстанавливал административную и судебную власть местных дворян над крестьянами. Подобно дореформенным помещикам, новые начальники получили право подвергать по личному усмотрению мужика не только аресту, но и порке. Земская контрреформа 1890 года534 окончательно

отдавала местное самоуправление в руки дворянства. Правда, уже земское положение 1864 года⁵³⁵ достаточно обеспечивало господство помещиков над самоуправлением при помощи земельного ценза. Но так как земля уплывала из рук благородного сословия, то имущественный ценз пришлось подкрепить сословным. Бюрократия забирала силу, какую она имела лишь при блаженной памяти дедушке Николае Палкине⁵³⁶. Революционная пропаганда, встречавшаяся все реже, каралась теперь, правда, менее сурово, чем при "царе-освободителе", обычно несколькими годами тюрьмы или ссылки; каторга или повешение сохранялись только против террористов. Зато для ссылки стали избирать особо гиблые места. Зверские расправы над пленными революционерами за всякие проявления протеста встречали личное одобрение царя. В марте 1889 года 35 ссыльных, запершихся в одном из домов Якутска, подверглись массовому обстрелу: шесть оказались убитыми, девять ранеными, трое были казнены, остальные сосланы на каторгу. В ноябре того же года каторжанка Сигида, подвергнутая за оскорбление начальника тюрьмы 100 ударам розги, умерла через день; 30 каторжан приняли в ответ яд; 5 скончались немедленно. Но так велика стала разобщенность революционных кружков, тонувших в океане безразличия, что кровавые расправы не только не вызывали активного отпора, но и оставались в течение долгого времени неизвестными. Вряд ли, например, слух о трагедиях в Якутске и на Каре дошел раньше, чем через год до Владимира Ульянова, проживавшего в то время в Самаре.

После разгрома университетов наступила самая низкая точка в настроениях учащейся молодежи. Не было ни одной попытки ответить на правительственные насилия террором. Дело 1 марта 1887 года⁵³⁷ осталось последней конвульсией народовольческого периода. "Мужество людей вроде Ульянова и его товарищей, - писал за границей Плеханов, - напоминает мне мужество древних стоиков...⁵³⁸ Их безвременная гибель способна была лишь оттенить бессилие и дряхлость окружающего их общества... Их мужество есть мужество отчаяния".

1888 год был самым черным годом этого мрачного периода. "Покушение 1887 года, - пишет петербургский студент Бруснев⁵³⁹, - подавило всякие проблески студенческого свободомыслия... Все боялись друг друга и каждый всех вообще". "Общественная реакция достигла своего крайнего предела, - вспоминает московский студент Мицкевич⁵⁴⁰, - Ни до этого, ни после не было такого глухого года... В Москве я не видел ни одного нелегального издания". Предательства, измены, отречения потянулись гнусной чередой. Вождь и теоретик "Народной Воли"⁵⁴¹ Лев Тихомиров⁵⁴², который за пять лет перед тем проповедывал захват власти для немедленной социалистической революции, объявил себя в начале 1888 г. сторонником царского самодержавия и выпустил в эмиграции памфлет "Почему я перестал быть революционером". Настроение безнадежности толкало сотни и тысячи бывших отщепенцев к слиянию - теперь уже не с народом, а с имущими классами и бюрократией. Предсмертная строфа Надсона⁵⁴³: "Нет, я больше не верю в ваш идеал", - прозвучала, как признание целого поколения. Менее эластичные вешались и стрелялись. Чехов писал писателю Григоровичу⁵⁴⁴ по поводу самоубийств среди молодежи: "С одной стороны,.. страстная жажда жизни и правды, мечта о широкой, как степь, деятельности..; с другой - необъятная равнина, суровый климат, серый суровый народ со своей тяжелой, холодной историей, татарщина, чиновничество, бедность, невежество... Русская жизнь бьет русского человека... на подобие тысячепудового камня"⁵⁴⁵.

В самом начале этого окутанного туманами реакции десятилетия произошло, однако, крупнейшее политическое событие: родилась русская социал-демократия. Первые годы она прозябала, правда, почти исключительно в Женеве и Цюрихе и казалась беспочвенной эмигрантской сектой, сторонников которой можно перечесать по пальцам двух рук. Знакомство с ее родословной покажет нам, однако, что социал-демократия представляла собой органический продукт развития России и что Владимир Ульянов не случайно слил с начала 90-х годов свою жизнь с жизнью этой партии.

От Ипполита Мышкина⁵⁴⁶, главного обвиняемого по процессу 193-х⁵⁴⁷, мы слышали, что революционные выступления интеллигенции являлись выражением - правильнее было бы сказать косвенным отражением - волнений крестьянства. Действительно, если бы в старой России не было революционного по своему характеру крестьянского вопроса, порождавшего периодически то голодовки и эпидемии, то стихийные бунты, не существовало бы на свете и революционной интеллигенции с ее героизмом и утопическими программами. Царская страна была

беременна революцией, социальную основу которой составляло противоречие между пережитками феодализма и потребностями капиталистического развития; заговоры и покушения интеллигенции были лишь первыми родовыми потугами буржуазной революции. Но если ближайшей ее задачей являлось освобождение крестьянства, то ее решающей силой должен был стать пролетариат. И уже на первых шагах революционной истории России можно установить непосредственную и явную зависимость революционных действий интеллигенции от волнений промышленных рабочих.

Общее возбуждение в стране, вызванное крестьянской реформой 1861 года⁵⁴⁸, сказалось в городах рабочими стачками, которые подтверждали недовольство "народа" и придавали духу первым революционным кружкам. Год рождения Ленина был отмечен первыми большими забастовками в Петербурге. Не будем искать в этом совпадении мистических знамений. Но какую своеобразную окраску получают в этой связи слова Маркса в воззвании к членам русской секции I Интернационала в том же 1870 г.: "Ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века"⁵⁴⁹. Ко второй половине 70-х годов в революционное движение были уже вовлечены сотни рабочих. Правда, согласно господствовавшей теории, сами они старались смотреть на себя, как на временно оторвавшихся от сохи общинников. Но откликаясь активно на крестьянофильскую проповедь, к которой сами крестьяне оставались глухи, передовые рабочие давали ей то истолкование, которое, отвечая их собственному социальному положению, пугало нередко опекунов из интеллигенции. Блудные сыны народничества создавали в городах, на Севере и на Юге, первые пролетарские организации, выдвигали требования свободы стачек, союзов, собраний, созыва народного представительства и налажали печать своего влияния на стихийные волнения промышленных рабочих.

Петербургские стачки 1878-1879 годов, которые, по свидетельству очевидца и участника событий Плеханова, "стали событием дня, - ими интересовался чуть ли не весь интеллигентный и мыслящий Петербург", сильно подняли температуру революционных кругов и непосредственно предшествовали переходу народников на путь террористической борьбы. В свою очередь народовольцы в поисках боевого резерва занимались между делом пропагандой среди рабочих. Революционные движения двух социальных этажей, интеллигентского и пролетарского, хотя и развивались в тесной связи, но обнаруживали каждое свою особую логику. Когда сама "Народная Воля" уже оказалась полностью разгромлена, созданные ее членами рабочие кружки продолжали существовать, особенно в провинции. Но идеи народничества, хоть и преломлявшиеся рабочими на свой лад, долго еще препятствовали им выйти на правильную дорогу.

Марксистская борьба с самобытными взглядами затруднялась, в частности, тем, что сами народники отнюдь не неприязненно относились к Марксу. Силой великого теоретического недоразумения, имевшего свои исторические корни, они искренно считали его в числе своих учителей. Русский перевод "Капитала", начатый Бакуниным и продолженный народником Даниэльсоном⁵⁵⁰, появился в 1872 г., встретил горячий прием в радикальных кругах и сейчас же разошелся в количестве 3000 экземпляров. Второе издание не было допущено цензурой. Внешний успех книги объяснялся, однако, внутренним неуспехом доктрины. Научное расчленение системы капитализма воспринималось интеллигенцией, - бакунистами и лавристами⁵⁵¹ одинаково, - как разоблачение грехов Западной Европы и как предостережение против ложного пути. Исполнительный Комитет "Народной Воли" писал Марксу в 1880 г.: "Гражданин! Интеллигентный и прогрессивный класс в России... принял с восторгом появление ваших научных трудов. В них именем науки признаны лучшие принципы русской жизни". Марксу не трудно было разгадать *qui pro quo*⁵⁵²: русские революционеры нашли в "Капитале" не то, что в нем было, т.е. научный анализ капиталистической системы, а нравственное осуждение эксплуатации и тем самым научное освещение "лучших принципов русской жизни": общины и артели. Сам Маркс видел в поземельной общине не социалистический "принцип", а историческую систему закрепощения крестьян и материальную основу царизма. Он не щадил сарказмов против Герцена, которому, как и многим другим, раскрыл глаза на "русский коммунизм" некий прусский путешественник, консервативный барон Гакстхаузен⁵⁵³. Книга последнего появилась на русском языке за два года до "Капитала", причем "интеллигентный и прогрессивный класс в России" упорно примирял Маркса с Гакстхаузеном. Не мудрено: сочетание социалистической цели

с идеализацией основ крепостничества и составляло ведь теоретическую систему народничества.

В 1879 году "Земля и Воля"⁵⁵⁴ распалась, как мы помним, на две организации: "Народную Волю", которая выражала демократически политическую тенденцию и захватила в свои ряды наиболее боевые элементы предшествующего движения, и "Черный Передел"⁵⁵⁵, который стремился охранять чисто народнические принципы крестьянского социалистического переворота. Противясь политической борьбе, которая навязывалась всем ходом движения, "Черный Передел" терял всякую притягательную силу. "Организации не везло с первых же дней ее возникновения", - жалуется один из ее основателей, Дейч, в своих воспоминаниях. Лучшие рабочие, как Халтурин⁵⁵⁶, шли к народолюбцам. Туда же тянула учащаяся молодежь. Еще хуже обстояло дело с крестьянством: "Там у нас решительно ничего не было". "Черный Передел" не сыграл никакой революционной роли. Зато ему суждено было стать мостом между народническим движением и социал-демократией.

Руководители организации - Плеханов, Засулич, Дейч, Аксельрод - оказались вынуждены в течение 1880-1881 гг. один за другим эмигрировать за границу. Как раз эти наиболее упорные народники, не желавшие раствориться в борьбе за либеральную конституцию, должны были с особенным рвением искать ту часть народа, за которую можно было бы уцепиться. Их собственный опыт, вопреки их намерениям, обнаружил с несомненностью, что только промышленные рабочие восприимчивы к пропаганде социализма. Одновременно с этим сама народническая литература, как художественная так и исследовательская, успела, наперекор своей тенденции, достаточно расшатать априорные представления о гармоничности "народного производства", которое на поверку оказалось варварской стадией капитализма. Оставалось "только" сделать необходимые выводы. Но эта работа означала целую идеологическую революцию. Честь пересмотра традиционных воззрений и намечения нового пути принадлежит неоспоримо вождю чернопеределцев Георгию Валентиновичу Плеханову. Мы встретимся с ним еще не раз как с учителем, потом старшим сотрудником, наконец, непримиримым противником Ленина.

Россия вступила уже на путь капиталистического развития, и не интеллигенции свернуть ее с этого пути. Буржуазные отношения будут приходить во все большее противоречие с самодержавием и в то же время порождать новые силы для борьбы с ним. Завоевание политической свободы является необходимым условием дальнейшей борьбы пролетариата за социализм. Русские рабочие должны поддержать либеральное общество и интеллигенцию в их домогательствах конституции и крестьянство в его восстании против пережитков крепостничества. В свою очередь, революционная интеллигенция, если она хочет приобрести могущественного союзника, должна теоретически стать на почву марксизма и отдать свои силы пропаганде в среде рабочих.

Таковы были в главных своих чертах новая революционная концепция. Сейчас она кажется цепью общих мест. В 1883 году она прозвучала, как дерзкий вызов самым священным предрассудкам. Положение новаторов до чрезвычайности осложнялось тем обстоятельством, что, выступая в качестве теоретических провозвестников пролетариата, они вынуждены были на первых порах непосредственно обращаться к тому социальному слою, к какому принадлежали сами. Между пионерами марксизма и пробуждавшимися рабочими стояло традиционное средостение интеллигенции. Старые воззрения были в ней еще настолько прочны, что Плеханов с товарищами решили даже избежать самого имени социал-демократии, назвавшись группой "Освобождение труда".

Так возникла в маленькой Швейцарии ячейка будущей большой партии, русской социал-демократии, из среды которой вышел впоследствии большевизм, создатель республики советов. Мир устроен так непредусмотрительно, что при зарождении больших исторических событий герольды не трубят в трубы и небесные светила не посылают знамений. Возникновение русского марксизма казалось первые восемь - десять лет мало заметным эпизодом.

Опасаясь оттолкнуть немногочисленную левую интеллигенцию, группа "Освобождение труда" в течение нескольких лет не прикасалась к догме террора. Ошибку народолюбцев она видела лишь в том, что их террористическая деятельность не дополнялась "созданием элементов для будущей рабочей социалистической партии в России". Плеханов стремился, и не без основания, противопоставить террористов, как политиков, классическому народничеству, отвергавшему политическую борьбу. "Народная Воля", - так писал он в 1883

г., - не может найти себе оправдания, да и не должна искать его, помимо современного научного социализма". Но уступки в пользу террора не действовали и теоретические увещания не встречали отклика.

Упадок революционного движения во вторую половину восьмидесятых годов распространился на все течения и, порождая умственную косность, препятствовал сколько-нибудь широкому распространению марксистских идей. Чем больше интеллигенция в целом покидала поле битвы, тем упрямее единицы, сохранившие верность революции, держались за освященные героическим прошлым традиции. Облегчить усвоение марксистских идей могла бы революционная борьба европейского пролетариата. Но восьмидесятые годы были и на Западе годами реакции. Во Франции еще не зажили раны Коммуны. Немецких рабочих Бисмарк загнал в подполье. Британский тред-юнионизм был насквозь проникнут консервативным самодовольством. Под влиянием временных причин, о которых мы еще упомянем ниже, стачечное движение в самой России тоже затихло. Немудрено, если группа Плеханова оказалась совершенно изолированной. Ее обвиняли в искусственном возбуждении классовой розни вместо необходимого союза всех "живых сил" против абсолютизма.

Составленная Александром Ульяновым наспех, между выделкой азотной кислоты и начинкой пуль стрихнином, программа Террористической Фракции объявляла, правда, разногласия с социал-демократами "очень несущественными", но только для того, чтобы тут же выдвинуть свои надежды на "непосредственный переход народного хозяйства в высшую форму", минуя капиталистическую стадию развития, и признать "большое самостоятельное значение интеллигенции", ее способность к "немедленному ведению политической борьбы с правительством". Практически группа Александра Ульянова стояла дальше от рабочих, чем террористы предшествующего поколения.

Связи группы "Освобождение труда" с Россией носили случайный и ненадежный характер. "Об основании в 1883 году плехановской группы "Освобождения труда", - вспоминает Мицкевич, - до нас доходили только смутные слухи". Во враждебных кругах эмиграции не без удовольствия рассказывали, как в Одессе группа радикалов подвергла торжественному сожжению плехановские "Наши разногласия", и эти слухи встречали доверие, ибо хорошо отвечали настроениям, если не фактам. Малочисленные сторонники группы в среде заграничной русской молодежи далеко уступали революционерам предшествующего десятилетия по кругозору и личному мужеству; иные именовали себя марксистами в надежде, что это освобождает их от революционных обязательств. Плеханов, никого не щадивший для острого словца, называл этих сомнительных единомышленников "инвалидами, никогда не побывавшими на поле сражения". К началу девяностых годов вожди группы успели окончательно разочароваться в своих надеждах на завоевание интеллигенции. Ее невосприимчивость к идеям марксизма Аксельрод объяснял ее буржуазным перерождением. Правильное в общем историческом масштабе и подтвержденное в дальнейшем ходом событий объяснение это слишком забегало вперед: русской интеллигенции предстояло еще пройти через полосу почти повального увлечения марксизмом, и это время было уже совсем близко.

Не дожидаясь теоретического признания, капитализм совершал тем временем под покровом реакции свою революционизирующую работу. Последствия крепостнических и капиталистических мероприятий правительства никак не хотели укладываться в гармоническую систему. Несмотря на щедрую денежную поддержку государства, земельное дворянство быстро разорялось. За три десятилетия после реформы правящее сословие выпустило из рук свыше 35% своей земли, причем именно царствование Александр III, эпоха дворянской реставрации, явилось эпохой дворянского разорения по преимуществу. Обезземеливалось главным образом, конечно, мелкое и среднее дворянство. Что касается промышленности, прибыли которой под защитой высоких пошлин достигали 60%, то она неизменно шла в гору, особенно к концу десятилетия. Так, несмотря на дворянские контрреформы, совершалось капиталистическое преобразование национального хозяйства. Затягивая туже и туже узлы средневековья, особенно в деревне, правительственная политика содействовала, с другой стороны, росту тех сил города, которые были призваны рубить эти узлы. Реакционное царствование Александра III стало теплицей русской революции.

В общую картину 80-х годов, данную в одной из предшествующих глав, необходимо теперь внести весьма существенную поправку: политическая

прострация охватывала разные слои образованного общества, – либеральных земцев, радикальную интеллигенцию, революционные кружки; но в то же время под покровом реакции совершалось в глубинах нации пробуждение промышленных рабочих, шли бурные стачки, иногда разгромы фабрик и заводов, столкновения с полицией, еще без ясных революционных задач, но уже с революционными жертвами. Вместе с требовательностью вспыхивала солидарность, в массе просыпалась личность, кое-где выдвигались местные вожди. В историю русского пролетариата восьмидесятые годы вписаны, как начало восхождения.

Стаечная волна, открывшаяся уже в последние годы царствования Александра II, но достигшая высшей точки в 1884 – 1886 годах, вынуждала печать разных оттенков с тревогой признать зарождение в России особого "рабочего вопроса". Царская администрация, надо ей отдать справедливость, значительно раньше, чем левая интеллигенция, поняла революционное значение пролетариата. Секретные официальные документы уже с конца семидесятых годов начинают выделять промышленных рабочих в качестве весьма ненадежного класса, тогда как народническая публицистика все еще продолжает растворять пролетариат в крестьянстве.

Одновременно с жестокими репрессиями против стачечников начинает с 1882 г. быстро развиваться фабричное законодательство: запрещение работы малолетних, учреждение фабричной инспекции, начатки урегулирования работы женщин и подростков. Закон 3 июня 1886 г., последовавший непосредственно за крупными текстильными забастовками, установил обязательство хозяев расплачиваться деньгами в определенные сроки и вообще пробил первую брешь в стене патриархального произвола. Так, самодовольно регистрируя капитуляцию всех оппозиционных группировок образованного общества, царское правительство увидело себя само вынужденным совершить первую капитуляцию перед пробуждающимся рабочим классом. Без правильной оценки этого факта нельзя понять всей дальнейшей истории России, до октябрьской революции включительно.

Несмотря на продолжение и даже обострение аграрного кризиса, промышленная депрессия, вопреки всем народническим теориям, уступает к концу 80-х годов место подъему. Число рабочих быстро растет. Новые фабричные законы и особенно низкие цены на предметы потребления улучшают положение рабочих, привыкших к деревенской нищете. Стачки временно затихают. Именно в этот промежуток времени революционное движение падает до самой низкой точки за предшествующие тридцать лет. Так конкретное изучение политических зигзагов русской интеллигенции представляет крайне поучительную главу социологии: свободная "критическая мысль" оказывается на каждом шагу зависимой от непознанных ею материальных причин. Если бы пушинке, которую каждое дуновение относит в сторону, свойственно было сознание, она считала бы себя самым свободным существом в мире!

В стачечном движении начала 80-х годов руководящую роль играли рабочие, воспитанные революционным движением предшествующего десятилетия. В свою очередь стачки дали толчок наиболее отзывчивым рабочим нового поколения. Правда, мистические искания проникли в те дни и в рабочую среду. Но если для интеллигенции толстовство означало отход от активной борьбы, то для рабочих оно нередко являлось первой, смутной еще формой протеста против социальной несправедливости. Так, одни и те же идеи выполняют нередко противоположные функции в разных социальных слоях. Отголоски бакунизма, народофильские традиции, первые лозунги марксизма сочетаются у передовых рабочих с собственным опытом стачек и неизбежно принимают окраску классовой борьбы. Как раз в 1887 г. Лев Толстой предавался горестным размышлениям по поводу результатов революционной борьбы за последние 20 лет. "Сколько истинного желания добра, готовности к жертвам потрачено нашей молодой интеллигенцией на то, чтобы установить правду... И что сделано? Ничего. Хуже, чем ничего". Великий художник ошибался в политике и на этот раз. Загубленные душевные силы интеллигенции ушли глубже в почву, чтобы прорости вскоре первыми ростками массового сознания.

Покинутые своими вчерашними руководителями, рабочие кружки продолжали самостоятельно искать свой путь. Они много читали, доискивались в старых и новых журналах статей о жизни западноевропейских рабочих, примеривали вычитанное к себе. Один из первых рабочих-марксистов Шелгунов⁵⁵⁷ вспоминает, что в 1887 – 1888 годах, т.е. в самое проклятое время, "рабочие кружки развиваются больше и больше... Передовые рабочие... выискивали у

старьевщиков книги и закупали их". К старьевщикам эти книги попали несомненно от разочарованной интеллигенции. Том "Капитала" у букинистов расценивался в 40 - 50 рублей. И все же петербургские рабочие умудрялись добывать эту заветную книгу. "Мне самому, - пишет Шелгунов, - приходилось разрывать "Капитал" по частям, по главам, чтобы читать одновременно в четырех - пяти кружках". Рабочий Моисеенко558, организатор крупнейшей текстильной стачки, штудировал с товарищами по ссылке "Капитал" и произведения Лассалья. Зерно не падало на камень.

В адресе, поднесенном старому публицисту Шелгунову559 (его, конечно, не надо смешивать с названным выше однофамильцем - рабочим) незадолго до его смерти в 1891 году, группа петербургских рабочих благодарила его особенно за то, что своими статьями о борьбе пролетариата во Франции и Англии он указал правильный путь русским рабочим. Статьи Шелгунова писались для интеллигенции. В руках рабочих они послужили источником выводов, шедших дальше мыслей автора. Потрясенный визитом рабочей делегации, старик унес в могилу образ пробуждающейся силы. Самый замечательный из беллетристов-народников Г.И. Успенский560 прежде чем сойти с ума успел узнать, что передовые рабочие ценят и любят его, и публично поздравил русских писателей с "новым грядущим читателем". Рабочие ораторы на тайной петербургской маевке в 1891 году с благодарностью вспоминали о предшествующей борьбе интеллигенции и вместе с тем недвусмысленно выражали свое намерение заменить ее. "Нынешняя молодежь..., - говорил один из них -

... не думает о народе. Эта молодежь не что иное, как паразитический элемент общества". Народ лучше поймет рабочих-пропагандистов, "потому что мы ближе стоим к нему, чем интеллигенция".

Однако на переломе двух десятилетий новые веяния стали пробиваться и в среде интеллигенции, хоть и очень медленно. Студенты приходили в соприкосновение с рабочими и заражались от них бодростью. Стали появляться социал-демократы, чаще всего очень молодые люди, у которых ломался голос и с ним вместе уважение к старым авторитетам. Один из тогдашних молодых казанцев Григорьев вспоминает: "В 1888 году все настойчивее и настойчивее среди молодежи начал появляться в Казани интерес к имени Маркса". В центре первых казанских марксистских кружков становится выдающийся молодой революционер Федосеев561. С зимы 1888 - 1889 гг., по словам Бруснева, в Петербурге "заметно возрос интерес к книгам по общественным и политическим вопросам. Появился спрос на нелегальную литературу". По иному стали читаться газеты. "Русские Ведомости"562, лейб-орган земского либерализма, давали в те годы обширные корреспонденции из Берлина, с большими выдержками из речей Бебеля и других социал-демократических вождей. Либеральная газета хотела этим сказать царю и его советникам, что свобода не опасна: германский император продолжает прочно сидеть на троне, собственность и порядок прочно ограждены. Но революционные студенты вычитывали из этих речей иное. Пропагандисты мечтали воспитать из рабочих русских Бебелей. Новые идеи были завезены студентами-поляками: рабочее движение в Польше развернулось раньше, чем в России. По словам Бруснева, который в ближайшие месяцы становится в центре социал-демократической группировки в Петербурге, в кружках студентов-технологов уже в 1889 г. преобладало марксистское течение: будущим инженерам, готовившимся на службу к капитализму, было особенно трудно поддерживать в себе веру в самобытные пути России. Технологи повели довольно деятельную пропаганду в рабочих кружках. Оживление распространилось одновременно и на старые, замершие группировки. Вернувшиеся из ссылки народовольцы пытались, пока еще безрезультатно, возродить террористическую партию.

Леонид Красин, вместе со своим братом Германом563, появившиеся в это время на петербургской арене из далекой Сибири, не без юмора описывал впоследствии свои марксистские дебюты. "Недостаток эрудиции восполнялся юношеской горячностью и здоровыми голосами... К концу 1889 г. боевые качества нашего кружка считались прочно установившимися". Леониду было в это время 19 лет! Мицкевич наблюдал и в московской студенческой жизни перелом настроения: не было прежней безнадёжности, появилось больше кружков саморазвития, вырос интерес к изучению Маркса. Весной 1890 года разразились после трехлетнего перерыва крупные студенческие беспорядки. В результате брата Красины, студенты-технологи, оказались высланы из Петербурга в Нижний Новгород. Из их уст Мицкевич, попавший туда же, впервые услышал живую

проповедь марксизма и набросился на "Наши разногласия" Плеханова. "Новый мир открылся передо мной: найден был ключ к пониманию окружающей действительности". Прочитанный после этого "Манифест коммунистической партии" произвел на Мицкевича громадное впечатление: "Я понял основы великой историко-философской теории Маркса. Я стал марксистом и уже на всю жизнь". Тем временем Леонид Красин получил право вернуться в столицу и повел там пропаганду среди ткачей. Невзорова⁵⁶⁴, курсистка начала 90-х годов, рассказывает, каким откровением для молодежи явились в свое время первые издания группы "Освобождение труда". "Я до сих пор помню потрясающее впечатление от "Коммунистического Манифеста" Маркса и Энгельса". Красин, Мицкевич, Невзорова и их друзья - это все подрастающие кадры будущего большевизма.

Новые настроения в русской интеллигенции питались также и событиями на Западе, где рабочее движение выходило из упадка. Знаменитая стачка английских докеров под руководством будущего ренегата Джона Бернса⁵⁶⁵ прокладывала дорогу новому, боевому тред-юнионизму. Во Франции рабочие оправлялись от катастрофы, зазвучала проповедь марксистов Геда и Лафарга. Осенью 1889 года состоялся в Париже учредительный конгресс нового Интернационала. Плеханов выступил на конгрессе со своим пророческим заявлением: "Русская революция победит только как рабочая революция, - другого выхода нет и быть не может". Слова эти, прозвучавшие в зале конгресса почти незаметно, будили в России отголосок в сердцах нескольких революционных поколений. Наконец, в Германии на выборах 1890 года нелегальная социал-демократия собрала почти полтора миллиона голосов: исключительный закон против социалистов⁵⁶⁶, продержавшийся двенадцать лет, провалился со срамом.

Как наивна вера в самопроизвольное зарождение идей! Нужен был целый ряд объективных, материальных условий, притом в известной последовательности, в определенном сочетании, чтоб марксизм получил доступ в головы русских революционеров. Капитализм должен был сделать серьезные успехи; интеллигенция должна была исчерпать все другие пути до конца, - бакунизм, лавризм, пропаганду в крестьянстве, поселения в деревне, террор, мирное культурничество, толстовство; рабочие должны были выступить со стачками; социал-демократическое движение на Западе должно было принять более активный характер; наконец грандиозная голодная катастрофа 1891 года⁵⁶⁷ должна была вскрыть все язвы народного хозяйства России, - тогда и только тогда идеи марксизма, нашедшие теоретическую формулировку почти столетия тому назад и возвещавшиеся Плехановым для России с 1883 года, начали, наконец, находить признание на русской почве. Однако, и это еще не все. Получив вскоре массовое распространение в среде интеллигенции, они тут же подвергались деформации, в соответствии с социальной природой этого слоя. Только с появлением сознательного пролетарского авангарда русский марксизм стал, наконец, прочно на ноги. Значит ли это, что идеи несущественны или бессильны? Нет, это значит лишь, что идеи социально обусловлены; прежде чем стать причиной фактов и событий, они должны стать их последствием. Еще точнее: идея не стоит над фактом, как высшая инстанция, ибо сама идея есть факт, входящий необходимым звеном в цепь других фактов.

Личное развитие Владимира Ульянова совершалось в тесной связи с эволюцией революционной интеллигенции и формированием тонкой прослойки передовых рабочих. Биография здесь органически сливается с историей. Субъективная последовательность духовного формирования совпадает с объективной последовательностью нарастания революционного кризиса страны. Одновременно с возникновением первых марксистских кадров и первых социал-демократических кружков готовится и зреет под покровом реакции будущий вождь революционного народа.

Самарский период

На осень семья переселялась в город, где вместе с Елизаровыми занимала верхнюю половину двухэтажного деревянного дома из 6 - 7 комнат. Так Самара стала основной резиденцией Ульяновых почти на четыре с половиной года. В жизни Ленина сложился особый самарский период. Позже, в середине девяностых годов Самара, не без влияния Ленина, стала своего рода марксистской столицей Поволжья. Необходимо хоть слегка приглядеться к физиономии этого города.

Административная история Самары немногим отличается от истории

Симбирска: та же борьба с кочевниками, та же эпоха закладки "города", т.е. деревянных укреплений, та же борьба с Разиным⁵⁶⁸ и Пугачевым⁵⁶⁹. Но социальная физиономия Самары весьма отлична. Симбирск сложился как прочное дворянское гнездо. Дальше ушедшая в степь Самара стала расти значительно позже, уже после отмены крепостного права как центр хлебной торговли. Хотя главная улица города и носила имя Дворянской, но лишь из подражания. На самом деле крепостное право почти не успело захватить самарских степей, город лишен был предков и традиций. Не имел он и университета, как Казань, следовательно ни ученого сословия, ни студенчества. Тем увереннее хозяйничали здесь скотоводы, хлеборобы, торговцы зерном, мукомолы, крепкие пионеры аграрного капитализма. Относясь безразлично не только к эстетике, но и к личному комфорту, они не заводили барских усадеб с колоннами, парками и гипсовыми нимфами. Им нужны были пристани, амбары, мельницы, лабазы, кованые ворота, тяжелые замки. Их занимали не охотничьи собаки, а сторожевые. Только крепко разбогатев, они строили себе большие каменные дома.

Вокруг хлебной волжской буржуазии, ее пристаней и складов ютился бродячий и полубродячий люд. Исконные обитатели самарских слободок пытались когда-то, по примеру немцев-меннонитов⁵⁷⁰ в Сарепте, разводить прибыльную горчицу; да не хватило у русского человека ни умения, ни терпения. От неудавшихся горчичных насаждений остались у самарских мещан лишь горечь разочарования да ироническое прозвище горчичников. Под сердитую руку, особенно с хмельных глаз, обитатели самарских слободок совместно с бурлаками причиняли начальству великие беспокойства. Но бунты их были беспросветны, как и вся их незадачливая жизнь.

Старик Шелгунов, тот самый, которому петербургские рабочие подносили впоследствии адрес, дал в 1887 г. интересные описания Самары, города пионеров: "Рядом с палаццами тянутся или пустыри, или заборы, или торчат трубы сторевших лет пятнадцать тому назад домов, которым уже никогда не отстроиться, как никогда не поправиться зарвавшемуся и разорившемуся пионеру. Еще дальше, за заборами и пустырями и мельчающими домами окраин, тянутся слободки, где тесно жмутся друг к другу трех и двухоконные лачуги. Это деревня, оставившая степь и поселившаяся в городе, чтобы работать на пионера..."

Промышленности, а значит и промышленных рабочих, в Самаре почти не было. А так как не было в ней и университетской заразы, то Самара числилась в списке тех не внушающих опасений городов, где власти разрешали задерживаться отбывшим сибирскую ссылку революционерам и куда выслали подчас неблагонадежный элемент из столиц и университетских центров под надзор полиции. Эта кочевая братия, носившая до начала девяностых годов сплошь народническую окраску, группировала вокруг себя местную левую молодежь. Не только земцы и купцы, но даже подчас и чиновники позволяли себе безнаказанно либеральничать в губернии, где не было ни дворянского засилия, ни студенческих и рабочих волнений. Темные бунты портового люда в книгу политики никем не заносились. В среде поднадзорных всегда можно было найти толковых и честных земских служащих, управляющих, секретарей и репетиторов, хоть по закону многие из этих занятий требовали официальной благонадежности. По данным самарской полиции, и Владимир Ульянов занимался в 1889 году частными уроками. На мелкие поблажки неблагонадежному элементу администрация Самары глядела сквозь пальцы.

Бывшие ссыльные и поднадзорные, тяготевшие к ним кружки гимназистов, семинаристов, учениц земской фельдшерской школы, наконец, прибывавшие на лето студенты составляли, так сказать, губернский авангард. От этого мирка тянулись нити к либералам из земской, адвокатской, купеческой и чиновничьей среды. Обе группы питались либерально-народническими "Русскими ведомостями": солидное крыло интересовалось, главным образом, умеренно-вкрадчивыми передовицами и земским отделом; радикальная молодежь зачитывалась заграничными корреспонденциями. Из ежемесячников левый фланг жадно поглощал каждую свежую книжку "Русского богатства"⁵⁷¹, особенно статьи талантливого народнического публициста Михайловского⁵⁷², неутомимого проповедника "субъективной социологии". Более солидная публика предпочитала "Вестник Европы"⁵⁷³ или "Русскую мысль"⁵⁷⁴, органы затаившегося конституционализма. За пределы интеллигенции пропаганда в Самаре совсем не выходила. Культурный уровень немногочисленных рабочих был крайне низок. Отдельные

железнодорожники примыкали, правда, к народническим кружкам, но не с целью пропаганды в рабочей среде, а для повышения собственного культурного уровня.

Поднадзорные без опасения посещали семью Ульяновых, у которой, в свою очередь, отпали постепенно основания избегать общения с врагами царя и отечестве. Вдова действительного статского советника соприкоснулась с тем миром, о котором она вряд ли когда-нибудь задумывалась при жизни мужа. Ее общество составляли ныне не губернские чиновники с женами, а старые русские радикалы, отщепенцы, прошедшие годы в тюрьме и ссылке, вспоминая о своих друзьях, погибших в террористических актах, при вооруженных сопротивлениях или на каторге; словом, люди того мира, в который ушел Саша, чтобы не вернуться. У них были на многое непривычные взгляды, не всегда были на высоте их манеры, некоторые из них отличались странностями, усвоенными в долгие годы принудительного одиночества, но это были не плохие люди, наоборот, Марья Александровна должна была убеждаться, что это хорошие люди: бескорыстные, верные в дружбе, смелые. К ним нельзя было не относиться приязненно, и в то же время нельзя было не опасаться их: не увлекут ли они на роковой путь и другого сына.

Из проживавших в Самаре под надзором полиции революционеров выделялись Долгов⁵⁷⁵, участник знаменитого нечаевского дела⁵⁷⁶, и чета Ливановых: муж привлекался по процессу 193-х, жена - по одесскому делу Ковальского⁵⁷⁷, который пытался оказать вооруженное сопротивление при аресте. Беседы с этими людьми, особенно с Ливановыми, которых Елизарова называет "типичными народовольцами, очень цельными и идейными", стали для Владимира настоящей практической академией революции. Он с жадностью набрасывался на их рассказы, ставил вопросы за вопросами, вдаваясь во все новые детали, чтобы оживить в своем воображении ход прошлой борьбы. Большая революционная эпоха, еще не изученная тогда и почти не записанная, к тому же отрезанная от нового поколения полосой реакции, вставала перед Владимиром в живых человеческих образах. Этот юноша обладал редчайшим из даров: он умел слушать. Все интересовало его, что касалось революционной борьбы: идеи, люди, приемы конспирации, подпольная техника, фальшивые паспорта, тюремный режим, судебные процессы, условия ссылки и побегов.

Одним из очагов радикальной земской интеллигенции в Самаре был дом мирового судьи Самойлова. Сюда заходил частенько Елизаров⁵⁷⁸, которому однажды пришла в голову счастливая мысль привести к Самойловым своего шурина. Это посещение позволило Самойлову-сыну спустя много лет восстановить образ молодого Ульянова несколькими очень яркими штрихами. "Когда я вышел поздороваться с гостями, - рассказывает Самойлов, - внимание мое сразу остановилось на новой фигуре: у стола сидел в свободной позе очень худой молодой человек с ярким румянцем на скулах несколько калмыцкого лица, с редкими и, очевидно, не знавшими еще ножниц усами и бородкой, отливавшими слегка медью, и смешливым взглядом живых темных глаз. Он говорил немного, но происходило это, по-видимому, вовсе не от того, чтобы он себя чувствовал неловко в незнакомой обстановке: нет, было совершенно ясно, что это обстоятельство его нисколько не тяготит. И наоборот, я сразу как-то отчетливо отметил в своем сознании, что М.Т.Елизаров, обычно державшийся у нас совсем своим человеком, на этот раз как будто не то что стесняется нового гостя, а немного робеет, что ли, перед ним. Разговор был какой-то незначительный и касался, как помню, студенческого движения в Казани, в результате которого Владимир Ильич (это был он) вынужден был оставить Казанский университет... По-видимому, он не склонен был принимать своей судьбы в трагическом аспекте... Среди разговора он, закруглив какой-то вывод, по-видимому показавшийся ему удачным, неожиданно засмеялся обрывистым, коротким - совсем русским смешком. И было ясно, что родилась ядреная, острая мысль, которую он перед этим искал. Этот смешок, здоровый и не без лукавства, подчеркнутый лукавыми же морщинками в уголках глаз, остался у меня в памяти. Все засмеялись, но он уже сидел спокойным и опять вслушивался в общий разговор, внимательным и немного смешливым взглядом фиксируя собеседников". По уходе гостя хозяин дома, экспансивный по натуре, резюмировал впечатление возбужденными словами: "Что за умница!" И восклицание отца навсегда слилось в памяти сына с образом молодого Ленина, с его иронической игрой глаз, с его коротким "русским" смешком. "Что за умница!" Этот выхваченный меткой памятью эскиз вознаграждает нас за тысячи страниц патетического бессилия, затопляющего большинство воспоминаний.

Удивляют несколько слова: "очень худой молодой человек". И другой самарец, Семенов, называет Владимира "щупленьким". В детстве Володя прозывался Кубышкой. На гимназических карточках он выглядит крепышом. Самарец Клеменц⁵⁷⁹ пишет о нем: "Это был молодой человек небольшого роста, но крепкого сложения, с свежим, румяным лицом". Так же рисует его, правда, тремя годами позже, близкий к Владимиру Лалаянц⁵⁸⁰: "Невысокого роста, но очень крепко и основательно сложенный". Это описание гораздо больше отвечает тому, что мы знаем о Владимире в те годы: большой ходок, охотник, мастер плавать и кататься на коньках, гимнаст на реке и сверх всего этого любитель срываться на высоких нотах. Возможно и то, что, прибыв в Самару исхудавшим подростком, он окреп затем на степном приволье.

Совершенно несомненно, что именно в самарский период Владимир Ульянов стал марксистом и социал-демократом. Но самарский период длился почти четыре с половиной года. Как укладывается в этих широких рамках эволюция юноши? Официальные биографы раз и навсегда избавлены от затруднений спасительной теорией, согласно которой Ленин был революционером по наследству и марксистом от рождения. Но это все же не так. У нас нет, правда, документальных доказательств того, что Владимир придерживался в первые самарские годы народовольческих взглядов; но данные позднейших лет вряд ли оставляют на этот счет место каким-либо сомнениям. Мы услышим позже безупречные свидетельства Лалаянца, Кржижановского⁵⁸¹ и других о том, что Владимир в 1893-1895 гг., т.е. когда он был уже законченным марксистом, придерживался по вопросу о терроре необычных в социал-демократической среде взглядов, которые всеми расценивались как пережиток предшествующего периода в его развитии. Но если бы даже этого яркого подтверждения от *a posteriori*⁵⁸² и не оказалось налицо, то мы все равно должны были бы спросить: могло ли такого периода не быть?

Политическая тень Александра в течение ряда лет неотступно следовала за Владимиром по пятам. "Это уж не брат ли того Ульянова?" - писал на полях официального документа высокий бюрократ. В этом же аспекте видели его все окружающие. "Брат повешенного Ульянова", - говорила о нем с уважением радикальная молодежь. *Le mort saisit le vif*⁵⁸³! Сам Владимир никогда не упоминал о своем брате, если его не вынуждали прямым вопросом, и ни разу не назвал его позже в печати, хотя поводов было немало. Но именно эта сдержанность вернее всего свидетельствовала о том, какой глубокой раной вошла в его сознание гибель Александра. Для разрыва с народовольческой традицией Владимиру нужны были неизмеримо более убедительные и веские мотивы, чем всякому другому.

Длительное упорство его террористических симпатий, бросающее ретроспективный свет на окрашенный народовольчеством период в его развитии, имело, однако, не только личные корни. Владимир эволюционировал с целым поколением, с целой эпохой. Даже первые работы группы "Освобождение труда", если допустить, что Владимир уже успел свести с ними знакомство, не ставили перед ним ребром вопроса о разрыве со знаменем старшего брата. Развертывая перспективу капиталистического развития России, Плеханов еще не противопоставлял будущую социал-демократию "Народной Воле", а лишь требовал от народovolьцев усвоения марксизма. Незадолго перед тем группа "Освобождение труда" сделала практическую попытку объединиться с заграничным представительством "Народной Воли". Если так дело обстояло, правда, лишь в начале десятилетия, в эмиграции, где действовали боевые теоретики обоих направлений, то в самой России размежевание между народovolьцами и социал-демократами представлялось и в конце 80-х годов еще очень зыбким и неясным. Аксельрод совершенно правильно отмечает в своих воспоминаниях, что "основная линия водораздела между народovolьцами и социал-демократами проходила в конце 80-х годов не по линии: марксизм - народничество, а по линии: непосредственная политическая борьба, что тогда было синонимом террора, или пропаганда". В тех случаях, когда марксисты признавали террор, линия водораздела стиралась вовсе. Так Александр, который успел прочесть "Наши разногласия", считал, что практических расхождений между народovolьцами и социал-демократами нет и что Плеханов напрасно придал своей работе против Тихомирова полемический характер. В заговоре 1 марта 1887 г. представители обоих оттенков мысли действовали под народovolьческим знаменем.

Сближение двух тенденций, которым предстояло позднее непримиримо

разойтись, имело на самом деле иллюзорный характер и объяснялось их слабостью и политическими сумерками эпохи. Но именно в этих сумерках Владимир приступил к теоретическому изучению марксизма. Одновременно он ознакомился по рассказам "стариков" с практикой недавней борьбы, в которую дело Александра входило заключительным звеном. В Самаре, где рабочее движение не существовало еще и в зародыше, группировки в среде интеллигенции возникали с запозданием и развивались замедленным темпом. Социал-демократов еще не было вовсе. В этих условиях Владимир мог далеко продвинуться в изучении марксистских классиков, не будучи, однако, вынуждаем к окончательному выбору между социал-демократией и народоличеством. Стремление к ясности и законченности составляло, неоспоримо, важнейшую пружину его воли, как и его интеллекта. Но не менее важной чертой его было чувство ответственности. Судьба Александра сразу перенесла мысли о "борьбе за свободу" из сферы розовых юношеских мечтаний в царство суровой действительности. Сделать выбор означало при этих условиях: изучить, понять, проверить, убедиться. Это требовало времени.

В числе первых приятелей Владимира на самарской почве мы встречаем его ровесника Скляренко⁵⁸⁴. Исключенный из шестого класса гимназии и арестованный в 1887 г., он успел просидеть год в петербургских "Крестах" и после возвращения в Самару возобновил пропаганду в среде молодежи. Главным образом его усилиями создана была полулегальная, полунелегальная библиотечка для самообразования. Из старых ежемесячников вырезались по особому пропагандистскому каталогу наиболее поучительные статьи, причем первую и последнюю страницы приходилось нередко переписывать от руки. Сборники таких статей переплетались и вместе с сотней - двумя избранных книг, большей частью изъятых, составляли БСГ (библиотеку самарских гимназистов), к которой Владимиру не раз приходилось прибегать в самарские годы. Вместе со своим другом Семеновым Скляренко издавал на гектографе литературу в народоличеством духе, который вообще господствовал в их окружении. Если бы Ульянов считал себя социал-демократом уже в первые два года своего пребывания в Самаре, у него со Скляренко, Семеновым и их друзьями шли бы ожесточенные прения, которые в случае упорства противников неизбежно и очень скоро привели бы к разрыву. Но ничего этого не было, личные отношения не нарушались. С другой стороны, приятельские связи с молодыми народоличествомцами не повели к участию Владимира в их подпольной работе. Революционные затеи зеленых юношей после истории с Александром не могли импонировать ему. Он хотел прежде всего учиться и скоро увлек на этот путь Скляренко и Семенова.

В Самаре предстояло провести четыре зимы. Владимир рос и менялся за эти годы, постепенно сдвигаясь на социал-демократическую колею. Но менялись и те, которые наблюдали его и испытывали на себе его влияние. Грани между отдельными этапами стерлись в памяти. Результаты эволюции, определившиеся в 1898 году, распространяются ныне обычно на весь самарский период. Особенно ясно это видно на воспоминаниях старшей сестры. Владимир, по ее словам, "все ожесточеннее" спорил со стариками-народоличествомцами по поводу их основных воззрений. Так оно несомненно и было. Но с какого момента начались споры и когда приняли "ожесточенный" характер? Мало вообще разбиравшаяся тогда в принципиальных вопросах Анна как раз ко времени переселения в Самару вышла замуж за Елизарова, и, хотя обе семьи жили в одном доме, молодая чета естественно отдалилась от остальных. Первые два самарские годы в жизни Владимира почти совершенно выпадают на памяти старшей сестры.

Можно без труда поверить, что архаические воззрения самарских "стариков" не способны были дать удовлетворения сверлящему вглубь молодому уму. Владимир мог и должен был вести споры со стариками уже и в первые годы, не потому что нашел истину, а потому что искал ее. Но лишь значительно позже, к концу самарского периода, эти споры превратились в конфликт двух направлений. Замечательно, что сама Елизарова в поисках живой иллюстрации самарских диспутов называет в качестве противника поднадзорного Водовозова⁵⁸⁵. Но споры с этим безнадлежащим эклектиком, не причислявшим себя ни к народоличеством, ни к марксистам, относились уже к зиме 1891 - 1892 года, следовательно к концу третьего года пребывания Владимира в Самаре.

Один из самарцев рассказывает, правда, как во время прогулки радикальной молодежи на лодках, видимо, летом или осенью 1890 г., Ульянов разбил в пух и прах идеалистическую теорию морали, развитую неким Бухгольцем, и противопоставил ей классовую концепцию. Этот эпизод изображает

ритм развития Владимира несколько более ускоренным, чем представляется на основании прочих данных. Но замечательно, что сам Бухгольц, родившийся в России немецкий социал-демократ, опровергает в интересующем нас пункте приведенный только что рассказ. "На тех собраниях, на которых мы были вместе, - пишет он, - В.И. Ульянов, насколько я могу вспомнить, не проявлял чем-либо выделяющейся активности и во всяком случае не развивал марксистских взглядов". Ценность этого свидетельства совершенно неоспорима. Можно ли сомневаться, что Ульянов не держал бы своего светильника под спудом, будь светильник уже возжен? Если он не развивал марксистских взглядов, то потому что еще не выработал их.

В октябре 1889 г., уже переехав в Самару, Владимир посылает "его сиятельству господину министру народного просвещения" новое, в высшей степени внушительное по тону прошение. В течение двух лет, прошедших по окончании курса гимназии, он, Владимир Ульянов, имел "полную возможность убедиться в громадной трудности, если не в невозможности, найти занятие человеку, не получившему специального образования". Между тем, нижеподписавшийся крайне нуждается в занятии, которое дало бы ему возможность "поддержать своим трудом семью, состоящую из престарелой матери и малолетних брата и сестры". Он просит на этот раз не о доступе в университет, а о праве держать окончательный экзамен экстерном. Делянов⁵⁸⁶ написал карандашом на прошении: "Спросить об нем попечителя и департамент полиции, он скверный человек". Явное дело, департамент полиции не мог быть более благосклонного мнения о просителе, чем министр просвещения. Так, "скверный человек" получил от "хорошего, милого человека" новый отказ.

Дверь официальной науки, казалось, захлопнулась пред Владимиром навсегда. В конце концов это, вероятно, немного изменило бы в его дальнейшей судьбе. Но в те дни вопрос об университетском дипломе представлялся гораздо значительнее и самому Владимиру и особенно матери. Мария Александровна выехала в мае 1890 г. в Петербург хлопотать за будущее Володи, как три года тому назад она хлопотала за жизнь Саши. "Мучительно больно, - писала она, - смотреть на сына, как бесплодно уходят самые лучшие его годы..." И чтобы еще ближе подобраться к сердцу министра, мать пугала его тем, что бесцельное существование сына "почти неизбежно должно наталкивать его на мысль даже о самоубийстве". По совести говоря, Владимир весьма мало походил на кандидата в самоубийцы. Но на войне, - а мать вела войну за сына, - не обойтись без военных хитростей. Делянов не лишен был, видно, сентиментальной струны: хоть он и не вернул "скверного человека" в университет, но разрешил ему на сей раз держать окончательные экзамены по предметам юридического факультета при одном из императорских университетов. Самарское полицейское управление официально известило об этой милости вдову действительного статского советника Марию Ульянову. На просьбу Владимира разрешить держать экзамены в Петербурге был снова получен удовлетворительный ответ. Помимо ходатайств матери помогло несомненно и то обстоятельство, что за два с половиной года, протекшие со времени его исключения, Владимир ни в чем подозрительном замечен не был. Семья выходила, казалось, из-под опалы.

С конца августа полицейские перья Самары и Казани отмечают в ряде рапортов поездку Владимира Ульянова через Казань в Петербург за справками относительно порядка сдачи экзаменов. Шесть дней Владимир провел в Казани. Кого разыскал он там из прежних друзей? Рапорт казанского полицмейстера не дает на этот счет никаких указаний. Почти два месяца Владимир проводит в Петербурге: даты устанавливаются рапортами самарского пристава. Но больше мы почти ничего не знаем. Между тем Владимир наверняка не терял своего времени даром. Главной его заботой было обеспечить всесторонне свою подготовку к экзаменам. Он не собирался держать испытания на авось, проваливаться, брать ходы обратно. Ему необходимо было все элементы предстоящей задачи привести заранее в полную ясность: объем каждого предмета, учебники, требования профессоров. Значительная часть проведенного в Петербурге времени ушла несомненно на занятия в Публичной библиотеке⁵⁸⁷. Нужно было делать выписки, составлять конспекты, чтобы не покупать слишком дорогих книг. Через сестру Ольгу⁵⁸⁸, учившуюся в Петербурге, Владимир познакомился с будущим своим антагонистом Водовозовым, товарищем Александра по университету, прибывшим из ссылки для сдачи государственных экзаменов, и при его помощи проник в помещение, где около 400 студентов подвергались испытаниям. Владимир

замешался в этой толпе и, по словам Водовозова, "просидел несколько часов, прислушиваясь и присматриваясь". Эта предварительная разведка арены и условий будущего экзаменационного боя в высшей степени характерна для молодого Ленина. Он ничего не любил предоставлять на волю случая, что можно было хоть сколько-нибудь предусмотреть и подготовить заранее.

Но у Владимира было еще одно немаловажное дело в Петербурге. Именно в эту свою поездку он по связям раздобыл, наконец, у преподавателя технологического института Явейна⁵⁸⁹ книгу Энгельса "Переворот, совершенный г. Дюрингом в науке"⁵⁹⁰. Если счастливый собственник, как можно думать, не решался отпустить запретную книгу в далекую провинцию, тогда Владимиру пришлось с большим напряжением изучать замечательный научно-философский памфлет в течение своего короткого пребывания в столице. Не исключено, однако, что после беседы с настойчивым юношей, молодой профессор сдался, и "Анти-Дюринг" переселился с Невы на Волгу. Во всяком случае Владимир впервые взял эту книгу в руки не ранее осени 1890 года. Радек, рассказывающий этот эпизод со ссылкой на самого Ленина, прибавляет: "Долго еще ему не удавалось добыть изданных за границей сочинений Плеханова". Если слово "долго" означает здесь хотя бы несколько месяцев, то и то окажется, что с произведениями группы "Освобождение труда" Владимир познакомился не ранее начала 1891 года. Запомним эти даты. Хотя свидетельства Радека вообще не могут претендовать на точность, но в данном случае они, помимо убедительности внешних черт рассказа, находят опору в общей эволюции Владимира, какой она вырисовывается из других обстоятельств.

В начале ноября самарский пристав уже доносит полицмейстеру о прибытии из поездки Владимира Ульянова. Пристав и на этот раз, видимо, не заметил "ничего подозрительного". Между тем вернувшийся из Петербурга кандидат в преступники привез если не под черепом, то в чемодане взрывчатый груз материалистической диалектики. Однако, ждать в ближайшее время взрывов не было основания. На первом плане стояли сейчас не марксизм и не революция. Нужно было вырвать из рук императорского университета диплом. Предстояла гигантская зубрежка.

Поистине, беспокойство Ильи Николаевича⁵⁹¹ насчет того, что Владимир не выработает в себе трудоспособности, оказалось напрасным. Одна из поднадзорных, "якобинка" Яснева⁵⁹², прибывшая в Самару весной 1891 года, вспоминает: "Такой настойчивости, такого упорства в себе, какие были у Владимира Ильича уже в то время, я никогда ни у кого не видала". Владимир выходил только к чаю и ужину, говорил весьма мало. В его комнату редко кто входил из домашних. Своим образом жизни он должен был теперь напоминать Александра. Его рабочий кабинет в деревне оставался в саду, в глубине липовой аллеи.

Каждый день в один и тот же утренний час уходил он туда со своим запасом юридических книг и не возвращался в дом до 3 часов. "Выйдешь звать его к обеду, - говорит бывшая прислуга, - а он с книгой". Что он не терял времени, свидетельствовала та плотная тропинка, которую он протоптал подле своей скамьи, повторяя прочитанное или заученное. После обеда он в виде отдыха читал по-немецки Энгельса "Положение рабочего класса в Англии"⁵⁹³ или другую марксистскую литературу. Немецкий язык он изучал попутно, не для языка, а для марксизма, следовательно, с тем большим успехом. Прогулка, купание и вечерний чай предшествовали последней части трудового дня, уже за лампой на крыльце. Владимир слишком напряженно работал, чтобы кому-либо из старших или младших могло прийти в голову потревожить его в часы занятий. Да он, конечно, не постеснялся бы и теперь, как в гимназические годы, сказать кому угодно: "Осчастливьте своим отсутствием". Зато в часы отдыха, за обеденным столом, на купании, он был шумлив, болтлив, смешлив, весел заражающей веселостью. Каждый фибр мозга и тела в нем брал реванш за долгие часы римского или церковного права. Этот юноша так же напряженно и страстно отдыхал, как и работал.

Сколько времени затратил он на подготовку? Полтора года, отвечает Елизарова. От нее же мы знаем, что Владимир "засел за зубрежку" лишь после того, как ему разрешили сдать экзамен экстерном. Да и трудно допустить, что он стал бы изучать полицейское, церковное или хотя бы римское право для собственного удовольствия или на авось. Но в таком случае подготовка не охватывает и полутора лет. От министерской "амнистии" до начала экзаменов протекло менее одиннадцати месяцев, до конца экзаменов - полтора года. Сама

Елизарова в другой статье говорит об одном годе. Студенты университета тратили на ту же работу четыре года!

Экзамены пришлось держать в два приема: весной, в апреле и мае, и осенью, в сентябре и ноябре. Владимир приехал в Петербург в марте, за неделю до экзаменов, вооруженный письменной работой по уголовному праву. Весьма вероятно, что запасная неделя была предназначена на ознакомление со студенческими изданиями лекций. В планировании собственной работы Ульянов был тейлористом до Тейлора⁵⁹⁴. Испытательная комиссия под председательством популярного в то время профессора истории русского права Сергеевича⁵⁹⁵ включала цвет профессуры юридического факультета. Чужака, которого экзаменаторы видели впервые, допрашивали с пристрастием. Но скоро недоверие должно было уступить место признанию. Экстерн Ульянов оказался подготовлен на славу.

Перечень экзаменационных тем звучит, как ироническая интродукция ко всей последующей деятельности адвоката угнетенных, прокурора угнетателей. По истории русского права Владимиру Ульянову попался вопрос о "несвободных", о холопах всяких категорий; по государственному праву - о сословных учреждениях, куда входили данные по истории дворянских установлений и по организации крестьянского самоуправления. Поставив экзаменуемому по этим предметам высший балл, императорский университет удостоверял, что прежде чем приняться за ликвидацию "несвободных" состояний, холопства и сословного варварства, Владимир Ульянов добросовестно подготовился к своей будущей профессии.

Из политической экономии ему пришлось весной же отвечать о заработной плате и ее формах; по энциклопедии и истории философии права - о взглядах Платона на законы. Излагал ли Ульянов своим экзаменаторам трудовую теорию стоимости и материалистическую концепцию права, в противовес всем видам эксплуататорского платонизма, мы, к сожалению, не знаем. Во всяком случае, если он и гладил официальную науку против шерсти, то со всей необходимой осторожностью. Комиссия отметила: "весьма удовлетворительно", что означало высший балл. Большая часть экзаменов падала, однако, на осень.

В первое воскресенье мая небольшой отряд петербургских рабочих, человек 70, впервые праздновал в этом году пролетарский праздник тайным загородным собранием и речами, которые вскоре были напечатаны на тектографе, а позже опубликованы за границей. Социал-демократическая пропаганда, в центре которой стоял молодой технолог Бруснев, успела достигнуть уже значительных результатов. Находившийся во время маевки в Петербурге Владимир, видимо, ничего не знал об этом знаменательном событии. Революционных связей у него не было, и вряд ли он их искал. В течение ближайших двух лет ему предстояло еще догонять петербургских марксистов, чтобы затем сразу оказаться впереди их.

В разгар весенних экзаменов на семью пал новый удар. Жертвой его стала Ольга, та самая сестра, которая росла и развивалась вместе с Владимиром и аккомпанировала ему на рояле, когда он пел о прелестных глазках. С осени прошлого года Ольга с большим успехом училась на высших женских курсах в Петербурге. Воспоминания рисуют эту девушку самыми привлекательными чертами. Окончив пятнадцати с половиной лет гимназию, по примеру братьев, с золотой медалью, она занималась музыкой, английским и шведским языками и много читала. Подруга Ольги по курсам З. Невзорова, впоследствии жена инженера Кржижановского, советского электрификатора, пишет в своих воспоминаниях: "Ольга Ульянова была не совсем обычный тип курсистки того времени: маленький, черный жучок, скромный и незаметный, на первый взгляд, - но умница, одаренная, с какой-то тихой сосредоточенной силой воли и упорством в достижении намеченного. Глубокая и серьезная, несмотря на свои 19 лет, и чудесный товарищ". "У нее, как и у Саши, - пишет Елизарова, - в характере преобладающим чувством было чувство долга". Ольга любила Сашу больше, чем остальных братьев и сестер. С Владимиром, несмотря на близость возраста и условий развития, нравственной близости у нее не было. Но Ольга очень прислушивалась к нему, высоко ценя его мнение.

Во время весеннего пребывания Владимира в Петербурге Ольга заболела брюшным тифом. Меж двух экзаменов Владимиру пришлось отвезить сестру в больницу и, как оказалось потом, в очень плохую. По телеграфному вызову сына Мария Александровна тотчас же прибыла в Петербург, но только для того, чтоб потерять здесь второе дитя. Ольга умерла 8 мая, в тот самый день, в какой

четыре года тому назад был повешен Александр. И как тогда, в Симбирске, Владимиру пришлось проходить через испытания на аттестат зрелости непосредственно после казни старшего брата, так теперь ему пришлось сдавать университетские экзамены в дни смертельной болезни младшей сестры. По-видимому, сейчас после ее похорон Владимир посетил университетского товарища Александра Сергея Ольденбурга⁵⁹⁶, будущего академика-ориенталиста, который в отличие от всех других вспоминает своего собеседника мрачным и молчаливым, без единой улыбки. Первые самые тяжелые дни Владимир оставался с матерью в Петербурге; вдвоем совершили они затем скорбный путь в Самару. И снова все дивились мужеству матери, ее выдержке, ее неутомимой заботе об оставшихся детях.

Свыше трех летних месяцев утаптывал Владимир свою тропинку в глубине липовой аллеи. В сентябре он явился в столицу во всеоружии. По уголовному праву он с честью отвечал о защите в уголовном процессе и о краже документов. По догме римского права на его долю пришлось вопросы о недозволенных действиях и о влиянии времени на происхождение и прекращение прав: две небезынтересные темы для человека, которому предстояло производить недозволенные действия довольно крупного масштаба и прекращать немаловажные права. С полным успехом отвечал Ульянов о "науке полиции", служащей "к обеспечению условий нравственного и материального благосостояния народа". Не менее завидные познания проявил экзаменующийся в области организации православной церкви и истории ее законодательства. По международному праву на его долю пришелся вопрос о нейтралитете и о блокаде. Пригодились ли ему эти познания через 28 лет, когда Клемансо и Ллойд-Джордж на попытку Советов вырваться из войны ответили блокадой, этот вопрос можно оставить открытым. Для диплома первой степени нужно было иметь больше половины высших баллов ("весьма удовлетворительно"); у Владимира высшие баллы были по всем тринадцати предметам. Можно было втайне похвалить себя и засмеяться про себя коротким "русским" смешком.

За месяц до окончания экзаменов, в октябре 1891 г., отклонено было третье по счету ходатайство Владимира Ульянова о выдаче ему паспорта для выезда за границу. Какую цель могла преследовать эта поездка? Владимир разыскивал и изучал все основные произведения марксистской литературы. Многого несомненно не хватало ему, особенно по части периодической социал-демократической печати. Мысль поработать после сдачи экзаменов на свободе, в книгохранилищах Берлина, не могла не завлекать его. Из Берлина не трудно проехать в Цюрих и Женеву, познакомиться с группой "Освобождение труда", изучить все ее издания, выяснить спорные вопросы. Этих мотивов слишком достаточно. Но департамент полиции судил иначе. И, выразившись крепко по адресу высоких властей, Владимир не стал дожидаться в столице решения испытательной комиссии: сомневаться в результате основания не было. И действительно, 15 ноября, в тот самый день, когда самарский пристав секретно доносил полицмейстеру о возвращении в Самару состоящего под негласным надзором Владимира Ульянова, юридическая испытательная комиссия Санкт-петербургского императорского университета присудила тому же лицу диплом первой степени. За год - полтора в самарской глупи, без всякой помощи со стороны профессоров или старших товарищей, Владимир не только выполнил ту работу, на которую другие тратили четыре года жизни, но и выполнил ее лучше других: он оказался первым из 134 студентов и экстернов выпуска. Такому результату, отмечает сестра, "многие удивлялись". Не мудрено! В этом великолепном подвиге привлекает, помимо прочего, элемент умственного атлетизма. Хорошо "сбалансировано": лучше нельзя!

Голодный год. Адвокатура

Лето 1891 года выдалось жаркое и засушливое, солнце выжгло посевы и травы в двадцати губерниях с населением в 30 миллионов душ. Когда Владимир вернулся с осенних экзаменов, Самарская губерния, пострадавшая больше других, корчилась в муках голода. Правда, вся история крестьянской России есть история периодических неурожаев и массовых эпидемий. Но голод 1891-1892 года выделился из ряда вон не только своими размерами, но и тем влиянием, какое он оказал на политическое развитие общества. Позже, оглядываясь назад, реакционеры с умилением вспоминали о несокрушимости устоев при Александре III, который ломал своей тяжелой рукой подковы, и вменяли дальнейшие потрясения в вину слабому Николаю II. На самом деле последние три года

царствования "незабвенного родителя" знаменовали уже начало новой эпохи, непосредственно подготовлявшей революцию 1905 года.

Опасность подкралась оттуда, где покоились источники силы: со стороны деревни. Положение главной массы крестьянства за тридцать лет, прошедших после отмены крепостного права, сильно ухудшилось. В многоземельной Самарской губернии свыше 40% крестьян имели голодные наделы. Истощенная и плохо обработанная земля оставалась открыта действию всех враждебных стихий. Форсированное развитие промышленности при восстановлении полукрепостнического режима в деревне привело, наряду с быстрым ростом кулачества, к ужасающему оскудению крестьянских масс. Строились заводы и железные дороги, установилось бюджетное равновесие, в подвалах Государственного банка накоплялась золотая наличность, внешнее могущество казалось незыблемым. Как вдруг, непосредственно вслед за этими успехами, мужик повалился навзничь и завопил голосом голодной агонии.

Застигнутое врасплох правительство пыталось сперва отрицать голод, именуя его недородом, затем растерялось и впервые после 1881 года чуть распустило вожжи. Мрачный ореол несокрушимости, окружавший режим Александра III, начал рассеиваться. Бедствие встряхнуло застоявшуюся общественную мысль. Свежее дуновение прошло по стране. Известная часть имущих классов и широкие круги интеллигенции оказались охвачены порывом: прийти на помощь деревне, дать хлеба голодным, лекарства тифозным. Земства и либеральная пресса били тревогу. Повсюду шел сбор пожертвований. Лев Толстой стал открывать столовые. Сотни интеллигентов снова двинулись в народ, на этот раз с более скромными целями, чем в 70-х годах. Власти не без основания считали, однако, что под филантропическим движением скрывается неблагонадежная тенденция: мирная форма помощи являлась путем наименьшего сопротивления для тех оппозиционных настроений, которые накопились за годы нового царствования.

Революционеры не могли встать на этот путь. Для них задача состояла не в простом смягчении последствий социального бедствия, а в устранении его причин. Десять - пятнадцать лет перед тем также точно смотрела на дело народническая интеллигенция, в противовес либералам и филантропам. Но революционный дух отлетел от народников; пробуждаясь теперь от длительной спячки, они рады были слиться с либералами в общем "служении народу". Прежде еще чем под действием катастрофы развернулась в рядах интеллигенции острая борьба по вопросу о перспективах дальнейшего развития страны, немногочисленные марксисты оказались противопоставлены широким кругам образованного "общества" по жгучему вопросу: что делать сейчас? Тридцать с лишком лет спустя уже знакомый нам Водовозов рассказывал в эмигрантской печати: "Самое крупное, глубокое разногласие, на котором мы столкнулись с Владимиром Ульяновым, был вопрос об отношении к голоду 1891-1892 гг." В то время, как самарское общество дружно откликнулось на призыв о помощи, "один Владимир Ульянов со своей семьей и кружком, вторившими ему, занял иную позицию". Ульянов, оказывается, радовался голоду, как прогрессивному фактору: "Разрушая крестьянское хозяйство,.. голод создает пролетариат и содействует индустриализации края". Воспоминания Водовозова в этой их части воспроизводят не столько взгляды Ульянова, сколько их кривое отражение в сознании либералов и народников. Слишком нелепа сама по себе мысль, будто разорение и вымирание крестьян способны содействовать индустриализации страны. Разоренные превращались в пауперов, а не в пролетариат; голод питал паразитарные, а не прогрессивные тенденции хозяйства. Но самой своей тенденциозностью рассказ Водовозова недурно передает горячую атмосферу старых препирательств.

Обычные в то время обвинения против марксистов в том, что они глядят на народное бедствие сквозь очки доктрины, характеризовало лишь низкий теоретический уровень дебатов. По существу дела все силы и группировки заняли политические позиции: правительство, которое в интересах своего престижа отрицало или преуменьшало голод; либералы, которые, разоблачая голод, стремились в то же время доказать своей "положительной работой", что они были бы наилучшими сотрудниками для царя, если бы он дал им хоть крупицу власти; народники, которые, устремляясь в столовые и тифозные бараки, надеялись найти мирный и легальный путь для завоевания симпатий народа. Марксисты выступали, конечно, не против помощи голодающим, а против иллюзий, будто ложкой филантропии можно вычерпать море нужды. Если революционер

займет в легальных комитетах и столовых место, принадлежащее по праву земцу или чиновнику, кто же займет место революционера в подполье? Из опубликованных позже министерских циркуляров и предписаний неоспоримо явствует, что правительство расширяло ассигнования в пользу голодающих только из страха перед революционным возбуждением: так что и с точки зрения непосредственной помощи революционная политика оказывалась гораздо более действительной, чем нейтральная филантропия.

В эмиграции не только марксист Аксельрод учил в то время, что "для социалиста... действительная борьба с голодом возможна лишь на почве борьбы с самодержавием", но и старый моралист революции Лавров провозглашал в печати: "Да, единственное "доброе дело", для нас возможное, есть дело не филантропическое, но революционное". Однако в центре голодающей губернии, в атмосфере всеобщего увлечения столовыми было гораздо труднее проявлять революционную непримиримость, чем в эмиграции, оторванной в те годы от России. Ульянову пришлось впервые и притом совершенно самостоятельно занимать позицию по жгучему политическому вопросу. К местному комитету помощи он не примкнул. Мало того: "На собраниях и сходках... вел систематическую и решительную пропаганду против комитета". Надо прибавить: не против его практической деятельности, а против его иллюзий. Водовозов выступал оппонентом. За Ульяновым стояло "очень небольшое меньшинство, но это меньшинство твердо держалось на своих позициях". Водовозов не отвоевал из них ни одного; наоборот, такие случаи, когда Ульянову удавалось перетянуть противников на свою сторону, были: "в небольшом количестве, но были".

Схватки с народниками должны были именно в этот период принять характер борьбы двух расходящихся направлений. Не случайно фигура Водовозова всплывает в памяти Елизаровой, когда она, не называя дат, говорит о самарских диспутах: они начались именно с конца 1891 года. Голодная катастрофа стала таким образом важной вехой в политическом развитии Владимира. К этому времени он несомненно ознакомился уже с работами Плеханова: в конце этого года или начале следующего он, как свидетельствует Водовозов, с большим уважением отзывался о "Наших разногласиях". Если у него оставались еще какие-либо сомнения насчет экономического развития России и революционного пути, они должны были в свете катастрофы рассеяться окончательно. Иными словами: из теоретического марксиста Владимир Ульянов окончательно становился революционером-социал-демократом.

По Водовозову, вся семья стояла в вопросе о помощи голодающим на позиции Владимира. Между тем от младшей сестры мы узнаем, что Анна в 1892 году, когда голод привел за собой холеру, "положила немало трудов на помощь больным лекарствами и указаниями". И уж, конечно, не Владимир ей перечил в этом. Рассказ Ясневой также не вполне совпадает с рассказом Водовозова. "Из всей самарской ссылки, - пишет она, - только Владимир Ильич и я не принимали участия в работах этих столовых". Выходит, что никакого кружка единомышленников у Владимира в это время еще не было. Этому не трудно поверить. Социал-демократическая пропаганда еще не начиналась для него. Приступить к ней нельзя было иначе, как размежевавшись с представителями старой веры и болотными элементами. "Вначале мирные, наши споры, - говорит Водовозов, - постепенно стали принимать очень резкий характер".

Политическая проверка разногласий не замедлила. Либералам так и не удалось втереться в доверие правительства: наоборот, оно очень скоро, и не вполне обоснованно, обвинило самарское земство в покупке недоброкачественного зерна для голодающих. Народники не сблизились с народом. Крестьяне не верили горожанам. От образованных они никогда не видели ничего, кроме зла. Раз голодных кормят, значит царь приказал, и наверное господа обкрадывают. Когда по следам голода открылась холерная эпидемия и больные массами умирали в бараках, где их самоотверженно лечили врачи и студенты, крестьяне решили, что господа травят народ, чтобы очистить для себя побольше земли. Прошла волна холерных бунтов с убийствами врачей, студентов, фельдшерниц. Тогда власти "заступились" за интеллигенцию вооруженной силой. Голодный год подвел таким образом итоги и культурнической работе в деревне. В Симбирской губернии, которую Илья Николаевич Ульянов неутомимо просвещал в течение шестнадцати лет, холерные бунты разлились особенно широко, целые села подвергались после этого порке, через десятого, были смертные случаи под розгами. Русский крестьянин начал доверчивее

прислушиваться к социалистам лишь тогда, когда к нему пришел из города свой брат, рабочий, владевший в селе наделом, и стал объяснять, на чьей стороне правда. Но для этого нужно было завоевать предварительно на сторону социализма городского рабочего.

В год голода и холеры еще один принципиальный конфликт содействовал размежеванию политических группировок. Водовозов предлагал послать сочувственный адрес уволенному за "либерализм" губернатору одной из волжских губерний, некоему Косичу. Владимир резко восстал против мещанского сентиментализма, всегда готового прослезиться перед проблемом "человечности" у представителя господствующих классов. Этот эпизод, кстати сказать, лишний раз показывает, как нелепо пытаться проводить линию политической преемственности от директора народных училищ Ильи Николаевича Ульянова, который, в отличие от Косича, даже и за либерализм никогда не увольнялся, к его насквозь непримиримому сыну, которого не мог растрогать самый гуманный из губернаторов. Водовозов, видимо, потерпел поражение, и адрес не был послан.

Своего молодого антагониста Водовозов, по собственному рассказу, стал называть Маратом⁵⁹⁷, конечно, за его спиной. Кличка не лишена меткости, если только она не придумана задним числом. Недавние друзья, а сегодняшние противники смотрели на Владимира, по словам старшей сестры, "как на очень способного, но слишком самонадеянного юношу". Тот, кто вчера еще казался лишь "братом Александра Ульянова", становился сегодня самим собой и показывал когти. Владимир не только не приспособлял свою позицию к политическому складу противников, а, наоборот, придавал ей как можно более крайний, непримиримый, режущий, колющий характер. Он испытывал при этом двойную радость: и от внутренней уверенности в себе, и от выражения негодования на лицах оппонентов. "Глубокая вера в свою правоту сквозила, по признанию Водовозова, из всех его речей". И от того он казался вдвойне невыносимым. "Вся эта более солидная публика была, - по словам Елизаровой, - немало шокирована большой дерзостью, проявляемой в спорах этим юношей, но часто пасовала перед ним". Чего ему особенно не хотели простить, так это уничижающего тона, в каком он стал отзываться о самых высоких авторитетах народничества. Однако все это были лишь первые цветочки, ягодки будут еще впереди.

"На чьей стороне была победа, - скромно резюмирует свои споры с Ульяновым Водовозов, - сказать трудно". На самом деле не нужно было даже дожидаться октябрьской революции, чтобы разгадать эту загадку. Когда голод повторился через семь лет, политических иллюзий было уже неизмеримо меньше, интеллигенция, успевшая найти иную дорогу, не шла в деревню. Весьма умеренный либеральный журнал "Русская мысль" писал тогда, что все, возвращавшиеся из голодающих районов, крайне неудовлетворены собственной работой, видя в ней "жалкий паллиатив", тогда как нужны "общие меры". Понадобилось немного политического опыта, и даже смиренные конституционалисты оказались вынуждены переводить на либеральный язык обрывки тех мыслей, которые несколько лет тому назад звучали святотатством.

Но Владимиру приходилось подумать о собственной участи, о так называемом завтрашнем дне. Диплом был завоеван. Надо было его использовать. Владимир вступил в адвокатуру, собираясь сделать из нее свою профессию. "Ведь средства, кроме пенсии матери и проживаемого понемногу хутора в Алакаевке, - вспоминает Елизарова, - у Владимира Ильича не было". Патроном своим он выбрал того самого адвоката, с которым, еще живя в Казани, сражался в шахматы по переписке. Хардин был незаурядной фигурой не только как адвокат и шахматный стратег, о котором с уважением отзывался тогдашний король русских шахматистов Чигорин⁵⁹⁸, - но и как провинциальный общественный деятель. Став в 28 лет председателем губернской земской управы, он был вскоре, как неблагонадежный, устранен "по высочайшему повелению" в 24 часа. Такой чести удостоивались немногие! По словам Н. Самойлова, который дал столь яркое описание своего первого знакомства с Владимиром, Хардин и в зрелые годы сохранил симпатии к радикалам и сумел не отшатнуться враждебно от марксистской идеологии. Владимир, по словам Елизаровой, уважал Хардина, как очень умного человека. Как шахматиста, он еще в Казани оценил его "чертовскую силу" и стал постоянным участником еженедельных состязаний в доме своего патрона.

Запись в присяжные поверенные прошла, впрочем, не без трений.

Самарскому окружному суду нужно было свидетельство о политической благонадежности Ульянова; петербургский университет, выдавший диплом, не мог выдать нужное свидетельство, ибо не знал Ульянова как студента. В конце концов суд, по настоянию самого Владимира, обратился непосредственно в департамент полиции, который великодушно сообщил, что "не имеет препяствий". После пятимесячной волокиты Владимир получил, наконец, в июле 1892 г. свидетельство на право ведения судебных дел.

В качестве защитника он выступал всего навсего по десяти уголовным делам, в семи случаях по назначению, в трех – по соглашению. Все маленькие дела маленьких людей, безнадежные дела, и все были им проиграны. Защищать приходилось крестьян, сельских рабочих, полунищих мещан, главным образом за мелкое воровство, совершенное в крайней нужде. Обвинялись: несколько мужичков, которые скопом совершили кражу трехсот рублей у богатого односельчанина; несколько батраков, которые пытались унести хлеб из амбара, но были застигнуты на месте преступления; доведенный до полной нищеты крестьянин, который совершил четыре мелких кражи; еще один обвиняемый такого же типа; и еще несколько сельских рабочих, которые "со взломом" украли вещей на сумму в 160 рублей. Преступления все настолько немудреные, что разбирательство длилось по каждому делу 1,5 – 2 часа, секретарь не утруждал себя протоколом, ограничиваясь стереотипной отметкой: после обвинительной речи товарища прокурора выступал защитник Ульянов. Только два 13-летних мальчика, участвовавших в кражах при старших, оказались оправданы из внимания к возрасту, а не к доводам защиты; все остальные обвиняемые были признаны виновными и осуждены. Было у Ульянова еще дело о самарском мещанине Гусеве, который избил кнутом жену. После короткого судебного следствия, на котором выступала потерпевшая, защитник Ульянов отказался ходатайствовать о смягчении наказания подсудимому. По этому делу, по всем таким делам, он всю жизнь чувствовал себя беспощадным прокурором.

В трех случаях, тоже достаточно заурядных, Ульянов выступал защитником по приглашению подсудимых. Группа крестьян и мещан привлекалась за кражу рельс и чугунного колеса у самарской купчихи. Все были признаны виновными. Молодой крестьянин обвинялся в ослушании и оскорблении отца. Отложенное по ходатайству защиты дело до слушания не дошло: сын выдал отцу письменное обязательство в беспрекословном повиновении, и стороны на том помирились. Наконец, в последний раз Ульянову пришлось выступать защитником начальника станции от обвинения в небрежности, результатом которой явилось столкновение пустых товарных вагонов. Защита и здесь не помогла, подсудимый был признан виновным. Таковы судебные дела помощника присяжного поверенного Ульянова. Серые и безнадежные дела, как сера и безнадежна была жизнь тех классов, которые поставляли подсудимых. Молодой защитник, – можно ли в этом сомневаться? – зорко приглядывался к каждому делу и к каждому подсудимому. Но им нельзя было помочь в розницу. Помочь им можно было только оптом. А для этого нужна была иная трибуна, не трибуна самарского окружного суда.

Одно только судебное дело Ульянов выиграл; но – поистине перст судьбы! – он выступал в нем не защитником, в обвинителем. Летом 1892 г. Владимир вместе с Елизаровым собирались из Сызрани на левый берег Волги в деревню Бестужевку, где вел хозяйство брат Елизарова. Купец Арефьев, арендовавший переправу через Волгу, рассматривал реку как свой феодал: каждый раз, когда лодочник набирал пассажиров, его нагонял пароходик Арефьева и насильственно отвозил всех обратно. Так случилось и на этот раз. Угрозы привлечь к суду за самоуправство не помогли. Пришлось подчиниться силе. Владимир записал имена и фамилии участников и свидетелей. Дело разбиралось у земского начальника под Сызранью, верст за сто от Самары. По ходатайству Арефьева земский отложил слушанье дела. То же повторилось и в следующий раз. Купец решил, видимо, взять своего обвинителя измором. Третий срок разбора пришелся уже на зиму. Владимиру предстояли бессонная ночь в вагоне, утомительные ожидания на вокзалах и в камере земского начальника. Мария Александровна уговаривала сына не ехать. Но Владимир остался непреклонен: дело начато, надо довести его до конца. В третий раз земскому начальнику не удалось уклониться: под напором молодого юриста он оказался вынужден приговорить именованного купца к месяцу тюрьмы. Не трудно представить, какая музыка играла в душе победителя, когда он возвращался в Самару!

Опыт с адвокатурой не удался, как ранее опыт с сельским хозяйством. Совсем не потому, что Владимиру не хватало для этих профессий

соответственных качеств. У него были настойчивость, практический глаз, внимание к мелочам, способность распознавать людей и ставить их на нужное место, наконец, любовь к природе, - из него вышел бы первостепенный сельский хозяин. Его способность разобраться в запутанной обстановке, выделить главные нити, оценить сильные и слабые стороны противника, мобилизовать лучшие доводы в защиту своего тезиса, обнаруживалась уже и в молодые годы. Хардин не сомневался, что его помощник мог бы стать "выдающимся цивилистом". Но как раз в течение 1892 года, когда Владимир вступил на адвокатское поприще, его теоретические и революционные интересы, подогреваемые голодной катастрофой и политическим оживлением в стране, становились со дня на день напряженнее и требовательнее.

Правда, подготовка к мелким судебным делам, при всей добросовестности молодого адвоката, почти не отрывала его от занятий марксизмом. Но не могла же его адвокатская карьера и в дальнейшем ограничиваться делами о краже чугунного колеса преступной артелью из трех мещан и двух крестьян! В книге судеб записано было, что Владимиру Ульянову двум богам не служить. Надо было выбирать. И он сделал выбор без затруднения. Едва начавшись в марте, короткая серия его судебных выступлений обрывается в декабре. Правда, он и на 1893 год берет в суде свидетельство на право ведения дел, но этот документ ему нужен уже исключительно как легальное прикрытие деятельности, направленной против основных законов Российской Империи.

Вехи развития

Восстановим важнейшие биографические вехи молодого Ленина на фоне политического развития страны. Глухое Поволжье. Еще живо поколение вчерашних рабовладельцев и рабов. Отбито наступление "Народной Воли". Политический тупик восьмидесятых годов. В патриархальной и дружной чиновничьей семье Владимир растет, учится, умнеет без забот и потрясений. Голос критики пробуждается в нем лишь к концу гимназического курса, после смерти отца, и направляется на первых порах против учебного начальства и церкви. Неожиданная гибель старшего брата раскрывает Владимиру глаза на вопросы политики. Участие в студенческой манифестации - первая реплика на казнь Александра. Искушение отомстить за брата его же собственным методом должно было стать в те дни особенно острым. Но наступает самая глухая пора, 1888 год, когда о терроре нельзя было и помыслить. Реакция не только спасает Владимира физически, но и толкает его на путь теоретического углубления.

Годы революционного ученичества. Владимир приступает в Казани к чтению "Капитала". Усвоение теории трудовой стоимости не означает для него разрыва с народовольческой традицией: Саша тоже был сторонником Маркса. Сперва в Казани, затем в Самаре Владимир соприкасается с революционерами старшего поколения, главным образом народовольцами, как внимательный ученик, правда, предрасположенный к критике и проверке, но не как противник. Если, несмотря на свои революционные настроения, достаточно проявившиеся и в выборе знакомств и в направлении умственных интересов, он не примыкал в те годы ни к какой политической группе, то это безошибочно показывает, что он не имел еще политического credo, хотя бы и юношеского, а лишь искал его. Но поиски исходили тем не менее от народовольческой традиции, которая оставила заметный след и на дальнейшем его развитии. Став уже боевым марксистом, Владимир продолжал в течение нескольких лет хранить сочувственное отношение к индивидуальному террору, которое резко отличало его от других молодых социал-демократов и представляло несомненный рудимент того периода, когда марксистские идеи еще амальгамировались в его сознании с народовольческими симпатиями.

С весны 1890 года по осень 1891 года Владимир почти полностью поглощен подготовкой к экзаменам. Напряженные занятия юридическими науками как бы извне врезались в процесс выработки его миросозерцания. Полного перерыва, разумеется, не было. В часы отдыха Владимир читал марксистских классиков, встречался с приятелями, обменивался мнениями. Да и на юридической схоластике он, методом от обратного, проверял и укреплял свои материалистические воззрения. Но эта критическая работа совершалась все же лишь попутно. Неразрешенные вопросы и сомнения приходилось откладывать до более свободных часов. Владимир не спешил определиться. Косвенное, но интересное подтверждение: в начале 1891 года две самарские "якобинки" еще не теряли надежды привлечь Ульянова в свои ряды, следовательно, не видели в нем

законченной политической фигуры.

Конец 1891 года приносит Владимиру диплом и тем ставит его на распутье. Судебная трибуна не могла не привлекать его. По словам сестры, он серьезно думал в ту пору о профессии адвоката, "которая могла доставлять в будущем средства к существованию". Однако политическое оживление в стране, как и ход собственного развития, ставили его лицом к лицу с другими задачами, которые требовали его целиком. Колебания длились недолго. Адвокатуре пришлось посторониться перед политикой и превратиться в ее временное прикрытие.

Полуторолетняя юридическая горячка отодвинула первый этап революционного ученичества далеко назад и сделала мысль более независимой от вчерашнего дня, стоявшего под знаком Саши: так создались условия для смелой ликвидации переходного периода. Зима голодного года должна была быть временем подведения окончательного баланса. Постепенность духовного развития не исключает скачков, раз они подготовлены предшествующими накоплениями сознания.

Оформление революционной личности Владимира отчасти отражало, отчасти опережало перелом в теоретических симпатиях провинциальной левой интеллигенции. Марксистским учением стали усиленно интересоваться в кружках самарской молодежи, начиная с 1891 года, т.е. как раз с голодной катастрофы. Немало нашлось тогда охотников овладеть первым томом "Капитала", но большинство, по словам Семенова, "ломало зубы" на первой главе. Пошли разговоры о тайнах диалектики. В городском саду на берегу Волги на особой "марксистской" скамье горячо дебатировалась гегелевская триада.

Самарская интеллигенция старшего поколения пришла в возбуждение. Обе ее группы, умеренная и радикальная, мирно уживающиеся между собой в сфере привычных идей и отдававшие дань уважения Марксу, которого они, впрочем, не знали, встретили первых русских социал-демократов как злополучное недоразумение. Наиболее искренно возмущались бывшие ссыльные, которые привозили на Волгу традиционные воззрения, хорошо сохранившиеся в суровом климате Сибири.

Политическая трещина легко превращается в непоправимую щель. Владимир уже не щадил сарказма по поводу народнических жалоб: марксисты-де "не любят мужика", "радуются разорению деревни" и пр. Он скоро научился презирать подменивание анализа действительности нравоучениями и сентиментальными причитаниями. Литературные слезы, ничего не принося мужику, застилали глаза интеллигенции и мешали ей видеть открывающийся путь. Все более непримиримые столкновения с народниками и культурниками разбили постепенно радикальную интеллигенцию Самары на два воюющих лагеря и резко окрасили личные отношения. Немудрено, если последние полтора года, когда Владимир вышел из тени на свет, окрасили собой воспоминания современников о самарском периоде в целом. Молодого Ленина, каким он в мае 1899 года прибыл в Алакаевку в качестве будущего сельского хозяина и каким он покидал Самару осенью 1893 года, изображают одним и тем же революционером-марксистом, выключая из жизни его то, что составляло ее основной элемент: движение.

П. Лепешинский⁶⁰⁰, приближаясь на этот раз к действительности, пишет о самарской подготовке Ленина: "Есть основание думать, что уже в 1891 году он сформировал в общх чертах свое марксистское мирозерцание". "В вопросах политической экономии и истории, - подтверждает Водовозов, - его знания поражали солидностью и разносторонностью, особенно для человека его возраста. Он свободно читал по-немецки, французски и английски, уже тогда хорошо знал "Капитал" и обширную марксистскую литературу (немецкую)... Он заявлял себя убежденным марксистом..." Этого багажа хватило бы, может быть, на дюжину других, но строгий к себе юноша считал себя неподготовленным к революционной работе, и не без основания: в той цепи, которая сочетает доктрину с действием, ему еще не хватало важных соединительных звеньев. Факты и здесь говорят за себя: если бы Владимир чувствовал себя во всеоружии уже в 1891 году, он не мог бы оставаться еще целые два года в Самаре.

Старшая сестра утверждает, правда, что Владимира удерживала в семье забота о матери, которая, после смерти Ольги, как бы заново завоевала детей сочетанием мужества и нежности. Но это объяснение явно недостаточно. Ольга умерла в мае 1891 г., а Владимир оторвался от семьи лишь в августе 1893 года, два с лишним года спустя. Из внимания к матери он мог отодвинуть революционные обязанности на недели или месяцы, пока новая рана оставалась еще слишком свежа, но не на годы. В его отношении к людям, не исключая и

матери, не было пассивного сентиментализма. Его жизнь в Самаре практически ничего не давала семье. Если у Владимира хватило выдержки оставаться столь долго в стороне от большой арены, то только потому, что его ученические годы еще не закончились.

Наряду с основными трудами Маркса и Энгельса и изданиями немецкой социал-демократии, на его рабочем столе все больше места занимают отныне русские статистические сборники. Начинаются первые самостоятельные работы по освещению русской действительности. Из предметов изучения исторический материализм и теория трудовой ценности становятся теперь для Владимира орудиями политической ориентировки. Он изучает Россию как арену борьбы и распределение на ней главных борющихся сил.

Для определения важнейшей вехи в эволюции Владимира Ульянова мы имеем одно совершенно неопределимое показание, на которое, однако, в виду его противоречия с легендой, официальные биографы обычно закрывают глаза. В партийной анкете 1921 года сам Ленин началом своей революционной деятельности пометил: "1892-1893. Самара. Нелегальные кружки социал-демократии". Из этой даты безукоризненного по точности свидетеля вытекают два вывода: Владимир не принимал участия в политической работе народовольческих кружков, иначе он указал бы этот период в своей анкете; Владимир окончательно стал социал-демократом лишь в 1892 году, иначе он ранее приступил бы к социал-демократической пропаганде. Споры и сомнения разрешаются, таким образом, окончательно. В целях беспристрастия укажем, что один из советских исследователей, стоящий по должности во главе мавзолейной историографии, - мы имеем в виду Адоратского⁶⁰¹, нынешнего директора института Маркса - Энгельса - Ленина⁶⁰², - приходит в интересующем нас вопросе к тому же приблизительно выводу, что и мы. "Последние годы в Самаре, 1892-1893, - пишет он со всей необходимой осторожностью, - Ленин был уже марксистом, хотя известные остатки народовольчества сохранялись еще (особое отношение к террору)". Теперь мы можем окончательно распрощаться с забавной легендой, согласно которой Владимир, "потерев лоб", осудил террор в мае 1887 г., в день получения вести о казни Александра.

Намеченные выше этапы политического формирования юного Ленина находят несколько, может быть, неожиданное, но очень живое подтверждение в его шахматной биографии. Зимой 1889-1890 г. Владимир, по рассказу младшего брата, "больше, чем когда-либо увлекался шахматами". Исключенный студент, которого не допускали ни в один из университетов, потенциальный революционер, без программы и руководства, он искал в шахматах выхода беспокойному напору внутренних сил. Следующий полуторагодовой период был заполнен подготовкой к экзаменам, - шахматы отошли на второй план. Они опять заняли видное место, когда после получения диплома Владимир колебался в выборе поприща, мало занимался судебными делами, зато в лице патрона нашел первоклассного партнера. Еще год-полтора подготовки - и молодой марксист почувствовал себя вооруженным для борьбы. "Начиная с 1893 г., Владимир Ильич все реже и реже играет в шахматы". Показаниям Дмитрия⁶⁰³ в этом вопросе можно доверять без опасения: сам горячий любитель, он внимательным глазом следил за шахматными увлечениями старшего брата.

*

В Казани Владимир в поисках аудитории пробовал делиться первыми вычитанными у Маркса идеями со старшей сестрой. Попытка не получила развития, и Анна скоро утратила след научных занятий брата. Мы не знаем, когда он овладел первым томом "Капитала". Во всяком случае не во время короткого пребывания в Казани. Ленин поражал впоследствии способностью читать быстро, схватывая самое существенное налету. Но это качество он выработал в себе умением, когда нужно, читать очень медленно. Начиная в каждой новой области с закладки прочного фундамента, он работал, как добросовестный каменщик. Способность по несколько раз перечитывать нужную и значительную книгу или главу он сохранил до конца жизни. Он и ценил по настоящему только те книги, которые необходимо перечитывать.

Никто, к сожалению, не рассказал, как Ленин проходил школу Маркса. Сохранились лишь кое-какие внешние впечатления, да и то очень скудные. "По целым дням, - пишет Яснева, - он высиживал за Марксом, составлял конспекты, делал выписки, заметки. Трудно его тогда было оторвать от работы". Его

конспекты "Капитала" не дошли до нас. Только опираясь на его рабочие тетради позднейших лет можно отчасти восстановить работу молодого атлета над Марксом. Уже свои гимназические сочинения Владимир неизменно начинал с законченного плана, чтобы затем постепенно облечь его доводами и цитатами. В этом творческом приеме выражалось то качество, которое Фердинанд Лассаль метко назвал физической силой мысли. В изучении, если это не механическое зазубривание, тоже заключен творческий акт, но обратного типа. Конспектирование чужой книги есть обнажение ее логического скелета из-под доказательств, иллюстраций и отклонений. Владимир продвигался на трудном пути со свирепым и радостным напряжением, составлял конспект каждой прочитанной главы, иногда страницы, продумывая и проверяя логическую структуру, диалектические переходы, термины. Овладевая результатом, он ассимилировал метод. Он поднимался по ступеням чужой системы, как бы воздвигая ее заново. Все оседало крепко в этой на диво слаженной голове с мощным куполом черепа. От русской политико-экономической терминологии, усвоенной или выработанной им в самарский период, Ленин уже не отклонялся в течение всей остальной жизни. И не из упорства только, - хотя интеллектуальное упорство было ему в высшей степени свойственно, - а потому что уже в ранние годы он делал выбор со строгим расчетом, продумывая каждый термин со всех сторон, пока тот не срастался в его сознании с целым циклом понятий. Первый и второй тома "Капитала" были основными учебниками Владимира в Алакаевке и Самаре; третий том тогда еще не выходил: старик Энгельс лишь приводил в порядок черновики Маркса. Владимир так хорошо изучил "Капитал", что умел при каждом новом обращении к этой книге открывать в ней новые мысли. Уже в самарский период он научился, по собственному позднему выражению, "советоваться" с Марксом.

Перед книгами учителя дерзость и насмешливость сами собой покидали этот алчущий ум, который был в высшей степени способен к пафосу признательности. Следить за развитием мысли Маркса, испытывать на себе ее несокрушимый напор, открывать под вводными фразами или примечаниями боковые галереи выводов, убеждаться каждый раз в меткости и глубине сарказма и благодарно склоняться перед беспощадным к самому себе гением стало для него не только потребностью, но и наслаждением. Маркс не имел лучшего читателя, более внимательного и созвучного, лучшего ученика, более пронизательного, более благодарного.

"Марксизм у него был не убеждением, а религией", - пишет Водовозов. - В нем ... чувствовалась та степень убежденности, которая... несовместима с действительно научным знанием". Научна лишь та социология, которая оставляет филистеру неприкосновенным его право колебаться. Правда, Ульянов, по признанию Водовозова, "очень интересовался возражениями против марксизма, изучал и вдумывался", но все это "не с целью поисков истины", а лишь затем, чтобы вскрыть в возражениях ошибку, в существовании которой он был заранее убежден". В этой характеристике верно одно: Ульянов овладел марксизмом, как выводом предшествующего развития человеческой мысли; он не хотел с достигнутой высшей ступени спускаться на низшую; он с неукротимой энергией оборонял то, что продумал и ежедневно проверял; и он относился с предвзятым недоверием к попыткам самодовольных неучей и начитанных посредственностей заменить марксизм другой более портативной теорией.

В области технологии или медицины отсталость, диллетантизм и знахарство пользуются заслуженным презрением. В области социологии они сплошь да рядом выдают себя за свободу научного духа. Для кого теория лишь забава ума, тот легко переходит от одного откровения к другому, или, еще чаще, удовлетворяется крошкой из всех откровений. Неизмеримо требовательнее, строже и устойчивее тот, для кого теория - руководство к действию. Салонный скептик может безнаказанно потешаться над медициной. Хирург не может жить в атмосфере научных колебаний. Чем необходимее революционеру теоретическая опора для действия, тем непримиримее он охраняет ее. Владимир Ульянов презирал диллетантизм и ненавидел знахарство. В марксизме выше всего ценил дисциплинирующую власть метода.

В 1893 году появились последние книги В. Воронцова (В.В.) 604 и Н. Даниэльсона (Николай-он). Оба народнических экономиста с завидным упорством доказывали невозможность буржуазного развития России как раз в то время, когда русский капитализм готовился взять особенно бурный разбег. Вряд ли тогдашние вылинявшие народники читали запоздалые откровения своих теоретиков

с таким вниманием, как молодой самарский марксист. Знакомство с противниками нужно было Ульянову не для одних литературных опровержений. Он искал прежде всего внутреннюю уверенность для борьбы. Правда, он изучал действительность полемически, направляя ныне все выводы против пережившего себя народничества; но никому чистая полемика не была так чужда, как будущему автору 27 томов полемических произведений. Ему нужно было знать жизнь, как она есть.

Чем ближе подходил Владимир к проблемам русской революции, тем больше он учился у Плеханова и тем большим уважением проникался к проделанной им критической работе. Новейшие фальсификаторы истории большевизма пишут о "самозарождении марксизма на русской почве, вне прямого воздействия заграничной группы и Плеханова" (Пресняков) 605, - надо бы прибавить и самого Маркса, эмигранта par excellence, - и делают Ленина основоположником этого доморощенного, истинно русского "марксизма", из которого должны были впоследствии развернуться теория и практика "социализма в отдельной стране".

Учение о самозарождении марксизма, как непосредственного "отражения" капиталистического развития России, есть само по себе злейшая карикатура на марксизм. Экономические процессы отражаются не в "чистом" сознании, во всем его натуральном невежестве, а в сознании историческом, обогащенном всеми завоеваниями человеческого прошлого. Классовая борьба капиталистического общества могла привести в середине XIX столетия к марксизму только благодаря тому, что нашла уже в готовом виде диалектический метод, как завершение классической философии в Германии, политическую экономию Адама Смита и Давида Рикардо в Англии, революционные и социалистические доктрины Франции, взошедшие на дрожжах великой революции. Интернациональный характер марксизма заложен, таким образом, уже в самых источниках его происхождения. Развития кулачества на Волге и металлургии на Урале было совершенно недостаточно для того, чтобы самостоятельно прийти к тому же научному результату. Группа "Освобождение труда" не случайно возникла за границей: русский марксизм появился на свет не как автоматический продукт русского капитализма, наряду со свекловичным сахаром и линючим ситцем (для которых тоже, впрочем, приходилось ввозить машины), а как сложное сочетание всего предшествующего опыта русской революционной борьбы с возникшей на Западе теорией научного социализма. На заложенный Плехановым фундамент встало марксистское поколение 90-х годов.

Чтоб оценить исторический вклад Ленина, поистине нет надобности изображать дело так, будто ему с молодых лет пришлось поднимать своим плугом девственную новь. "Обобщающих работ, - пишет Елизарова, вслед за Каменевым и другими, - почти не было: надо было изучать первоисточники и строить на основании их свои выводы. За эту большую и непочатую работу взялся в Самаре Владимир Ильич". Ничем нельзя больше оскорбить научную добросовестность Ленина, как игнорированием работы его предшественников и учителей. Неверно, будто в начале девяностых годов русский марксизм не имел обобщающих работ. Издания группы "Освобождение труда" представляли уже сжатую энциклопедию нового направления. После шести лет блестящей и героической борьбы с предрассудками русской интеллигенции Плеханов провозгласил в 1889 году на международном социалистическом конгрессе в Париже 606: "Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может". Эти слова заключали в себе самое важное обобщение всей предшествующей эпохи, и на этом "эмигрантском" обобщении воспитывался на Волге Владимир Ульянов.

Водовозов вспоминает: "О Плеханове Ленин говорил с глубоким сочувствием, главным образом, о "наших разногласиях". Сочувствие должно было иметь очень яркое выражение, если Водовозов мог удержать его в памяти свыше тридцати лет. Главная сила "Наших разногласий" в том, что вопросы революционной политики трактуются в этой книге в неразрывной связи с материалистической концепцией истории и с анализом хозяйственного развития России. Первые самарские выступления Ульянова против народников крепко ассоциируются, таким образом, с его горячим отзывом о работе основоположника русской социал-демократии. После Маркса и Энгельса Владимир больше всего обязан был Плеханову.

В конце 1922 г. Ленин писал мимоходом о начале 90-х годов: "марксизм, как направление стал шириться, идя навстречу социал-демократическому направлению, значительно раньше провозглашенному в Западной Европе группой

"Освобождения труда"⁶⁰⁷. В этих строках, резюмирующих историю развития целого поколения, заключена частица автобиографии самого Ленина: начав с марксистского направления, как экономической и исторической доктрины, он под влиянием идей группы "Освобождение труда", сильно опередившей развитие русской интеллигенции, стал социал-демократом. Только нищие духом могут воображать, будто они возвеличивают Ленина, приписывая его физическому отцу, действительному статскому советнику Ульянову, революционные взгляды, которых он никогда не питал, и в то же время умаляя революционную роль эмигранта Плеханова, в котором сам Ленин видел своего духовного отца.

В Казани, в Самаре, в Алакаевке Владимир чувствовал себя прежде всего учеником. Но как великие художники уже в юности обнаруживают самостоятельность своей кисти, даже когда копируют картины старых мастеров, так Владимир Ульянов в свое ученичество вносил такую силу пытливости и инициативы, что трудно провести разграничительную грань между усвоением чужого и его самостоятельной разработкой. В последний год самарской подготовки эта грань стирается окончательно: ученик становится исследователем.

Спор с народниками естественно перенесся в область оценки конкретных процессов: продолжает ли в России развиваться капитализм или нет? Таблицы фабричных труб и промышленных рабочих получили тенденциозное значение, как и таблицы крестьянского расслоения. Чтобы определить динамику, надо было сравнивать сегодняшние цифры со вчерашними. Так, экономическая статистика стала наукой наук. Колонки цифр таили в себе разгадку судьбы России, ее интеллигенции и ее революции. Конские переписи, периодически производившиеся военным ведомством, призваны были дать ответ на вопрос о том, кто сильнее: Маркс или русская община?

Статистический аппарат первых работ Плеханова не мог быть богат: земская статистика, единственно ценная для изучения экономики деревни, развилась лишь в течение 80-х годов; к тому же издания ее были мало доступны эмигранту, почти начисто отрезанному в те годы от России. Однако же общее направление научной обработки статистических данных было указано Плехановым совершенно правильно. По его пути пошли первые статистики новой школы. Американский профессор И.А. Гурвич⁶⁰⁸, выходец из России, опубликовал в 1888 и 1892 г. два исследования о русской деревне, которые Владимир Ульянов высоко ценил и на которых он учился. Сам он никогда не упускал случая отметить с признательностью работы своих предшественников.

В последние год - полтора самарской жизни статистические сборники занимали почетный угол на рабочем столе Владимира. Большая его работа о развитии русского капитализма⁶⁰⁹ появилась лишь в 1899 году. Но ей предшествовало значительное число подготовительных этюдов теоретического и статистического характера, работа над которыми началась еще в Самаре. Уже по одним записям самарской библиотеки, случайно сохранившимся за 1893 год, можно видеть, что Владимир не оставил без внимания ни одного издания, прикосновенного к его теме, шло ли дело об официальных статистических сборниках или об экономических исследованиях народников. Большинство книг и статей он конспектировал, важнейшие реферировал ближайшим товарищам.

Первая дошедшая до нас литературная работа Владимира Ульянова, написанная в последние месяцы пребывания в Самаре, резюмирует вышедшую незадолго до того книгу бывшего правительственного чиновника Постникова⁶¹⁰ о крестьянском хозяйстве на юге России. Посвященная статистической иллюстрации расслоения крестьянства и пролетаризации слабейших его слоев - эти процессы успели особенно продвинуться на Юге, - статья обнаруживает в молодом авторе замечательное умение обращаться со статистическими данными, открывая за деталями картину целого. Легальный журнал, для которого осторожная и сухая по тону работа предназначалась, отверг ее, надо полагать, из-за ее марксистской тенденции, несмотря на воздержание автора от открытой полемики с народничеством. Копия статьи, переданная студенту Мицкевичу, была отобрана у него при обыске и хранилась в жандармских архивах, где открыта в 1923 г. и напечатана через тридцать лет после написания. Этой работой и открывается ныне собрание сочинений Ленина⁶¹¹.

Готовился ли он теперь стать писателем, отказавшись от мыслей об адвокатуре? Вряд ли писательство рисовалось ему в виде самостоятельной жизненной цели. Правда, он был убежденным "доктринером", т.е. с молодых лет понимал, что как светил небесных нельзя наблюдать без телескопа, а бактерий

без микроскопа, так на общественную жизнь надо уметь глядеть через стекла доктрин. Но он умел в другом порядке глядеть на доктрину через осколки действительности. Он умел наблюдать, выпрашивать, слушать, подсматривать жизнь и живых людей. И он выполнял эту сложную работу так же естественно, как дышал. Может быть, еще и не вполне сознательно, но он готовился не в теоретики, не в писатели, а в вожди.

Начиная с Казани, он проходил школу у революционеров старшего поколения, поднадзорных и бывших ссыльных. Среди них было немало простаков, остановившихся в развитии и не мудрствовавших лукаво. Но они видели, слышали, пережили то, чего не знало новое поколение, и это делало их, в своем роде, значительными. Якобинка Яснева, сама лет на 9 старше Владимира, пишет: "Я, помню, удивлялась, с каким вниманием и как серьезно Владимир Ильич слушал незатейливые, а иногда и курьезные воспоминания В.Ю. Виттен", старой народоволки, жены Ливанова. Другие, скользя по поверхности, замечали только курьезное, а Владимир, отменяя шелуху, отбирал зерна. Он как бы вел одновременно две беседы: одну, открытую, которая зависела не только от него, но и от собеседника, и в которую входило по необходимости много лишнего; и другую, подспудную, гораздо более значительную, которой руководил он один. А зрачки косо поставленных глаз вспыхивали, отражая ту и другую.

Как бы вразрез с Ясневой, Семенов рассказывает: "Владимир Ильич был знаком с Ливановыми, но на их собраниях не бывал и с большим вниманием выслушивал наши рассказы о брюзжании стариков". Мнимое противоречие разъясняется тем, что рассказ Семенова относится к более позднему – на год, примерно – времени. Владимир посещал стариков, пока было чему учиться у них. Бесцельно спорить, повторяя одни и те же доводы и раздражаясь, было не в его характере. Почувствовав главу личных отношений законченной, он твердо поставил точку. Для такого образа действий требовалась выдержка, много выдержки; недостатка в ней у Владимира не было. Но, перестав бывать у Ливановых, он не переставал интересоваться тем, что творится в противном лагере: война требует разведки, а Владимир уже вел войну с народниками. С большим вниманием он выслушивал рассказы, вернее отчеты тех своих единомышленников, которые менее экономно обращались с собственным временем. 22-летний юноша уже обнаруживает здесь перед нами в сфере личных отношений те черты своей маневренной гибкости, которые проходят затем через всю его политическую жизнь.

Не менее замечателен для духовного облика юного Ленина – широкий захват наблюдений. Радикальные интеллигенты в подавляющем большинстве своем жили жизнью кружков, за пределами которых начинался чуждый им мир. На глазах у Владимира не было шор. Его интересы отличались крайней экстенсивностью, сохраняя в то же время способность высшей концентрации. Он изучал действительность везде, где находил ее. Теперь он переносил свое внимание от народников к народу. Самарская губерния была сплошь крестьянской. Пять летних сезонов Ульяновы провели в Алакаевке. Начинать с пропаганды среди крестьян Владимир не стал бы, даже если бы положение поднадзорного не парализовало его в степной глуши. Тем внимательнее приглядывался он к деревне, проверяя теоретические выкладки на живом материале.

Личные связи его с мужиками после короткого хозяйственного опыта были, правда, эпизодичны и недостаточны; но он умел направлять в нужную сторону внимание друзей и использовать чужие наблюдения. Близко стоявший к нему Скляренко служил письмоводителем у мирового судьи Самойлова, который до пришествия земских начальников был полностью погружен в мужицкие тяжбы. Елизаров происходил из самарских крестьян и сохранил связи с односельчанами. Подвергать допросу Скляренко, выстукивать самого мирового судью, ездить с шурином в его родную Бестужевку, часами разговаривать с хитрым и самодовольным кулаком, старшим братом Елизарова, – какой неисчерпаемый учебник политической экономии и социальной психологии! Владимир на лету подхватывал оброненное словцо, вкрадчиво подталкивал рассказчика, чутко слушал, сверлил глазами, посмеивался, иногда по-отцовски хохотал, откидываясь назад. Кулаку лестно было объясняться с образованной личностью, с молодым адвокатом, с сыном его превосходительства, хотя и не всегда, пожалуй, ясно было, чему смеется этот веселый собеседник за чашкой горячего чаю.

Владимир явно унаследовал от отца способность легко разговаривать с людьми разных социальных категорий и уровней. Без скуки и насилия над собой,

часто без предвзятой цели, в силу своей неукротимой пытливости и почти безошибочной интуиции, он умел из каждого случайного собеседника извлечь то, что нужно было ему самому. Оттого он так весело слушал там, где другие скучали, и никто из окружающих не догадывался, что за картавой болтовней скрывается большая подсознательная работа: собираются и сортируются впечатления, кладовые памяти заполняются неопределимым фактическим материалом, мелкие факты служат для проверки больших обобщений. Так исчезали перегородки между книгой и жизнью, и Владимир уже в это время начинал пользоваться марксизмом, как плотник – пилой и топором. [...]612

Примечания

1 Примечание к книге: Isaaks Н.К. The Tragedy of the Chinese Revolution. – New York, 1938.

2 Провизорный – предварительный, временный.

3 Клио – в древнегреческой мифологии муза, покровительница истории. Изображалась с грифелем и папирусным свитком или со шкатулкой для свитков.

4 Сталактиты – минеральные образования, свисающие в виде сосулек, бахромы и т. п. с потолка верхней части пещер и других подземных полостей. Сталагмиты – минеральные образования, поднимающиеся в виде столбов, сосулек и т. п. со дна пещер.

5 Руссо Жан-Жак (1712–1778) – французский философ. Осуждал официальную церковь и религиозную нетерпимость, трактовал частную собственность как причину социального неравенства, идеализировал "естественное состояние" человечества. Идеи Руссо оказали влияние на общественную мысль многих стран.

6 Бентам Иеремия (1748–1832) – британский философ. Родоначальник философского утилитаризма, считающего пользу основой нравственности и критерием всех человеческих поступков.

7 Макдоналд Дуайт (1906 – ?) – член Социалистической рабочей партии США в 1939–1940 гг. Был главным редактором журнала "Partisan Review". Затем член Рабочей партии, анархист, левый либерал.

8 "Partisan Review" ("Партийное обозрение") – американский левый журнал. Вначале находился под влиянием компартии, затем постепенно перешел к критике сталинизма и в конце концов отказался от марксистских взглядов.

9 Имеется в виду штат Нью-Йорк.

10 Натурализм – направление в литературе и искусстве последней трети XIX в., исходящее из представлений о полной предопределенности судьбы, воли, духовного мира человека социальной средой, бытом, наследственностью, физиологией. Натуралисты стремились беспристрастно воспроизводить реальность.

11 Символизм – направление в литературе и искусстве конца XIX – начала XX в. Строилось на основе художественного выражения посредством символов – многозначно-иносказательных образов, идей, находившихся за пределами чувственного восприятия.

12 Футуризм – направление в литературе и искусстве начала XX в. Стремясь создать искусство "будущего", футуристы культивировали урбанизм (эстетизику большого города), переплетение документальной литературы и фантастики, пытались создать новый язык.

13 Кубизм – модернистское течение в изобразительном искусстве начала XX в. Кубисты сводили к минимуму изобразительные задачи искусства и выдвигали на первый план формальные эксперименты – конструирование объемных форм плоскости, разложение сложных форм на простые и т. п.

14 Экспрессионизм – направление в литературе и искусстве начала XX в., провозглашавшее единственной реальностью субъективный духовный мир человека, а его выражение – главной целью литературы и искусства.

15 Агностицизм – философское учение, отрицающее возможность познания объективного мира. Возникло в античное время, разрабатывалось Д.Юмом и И.Кантом.

16 "De Internationale" – журнал Революционной социалистической рабочей партии Бельгии.

17 Письмо Троцкого Стивлиту от 2 декабря 1937 г. см.: Writing of Leon Trotsky (1937–38). – New York, 1976. – P. 81–83. Письмо опубликовано под

заголовком "Будущее голландской секции".

18 Письмо Троцкого Жану Хейженоорту (Вану) по поводу позиции Ж.Варекеена по вопросу о войне было опубликовано на ряде языков, в том числе в США в издании Социалистической рабочей партии "Internal Bulletin", No 3 (июнь 1938 г.).

19 Association International de travailleurs (AIT) - Интернациональная рабочая ассоциация - международное объединение анархо-синдикалистских профсоюзных и политических организаций.

20 Гарсия Оливер (1901 - ?) - испанский анархистский лидер. Сотрудничал с коллмунистами. Был министром юстиции в правительстве Л.Кабальеро.

21 В конце 1937 - первой половине 1938 г. в мировой печати активно обсуждался вопрос о Кронштадтском восстании в марте 1921 г., его характере, причинах и жестоком подавлении. В дискуссии участвовали социал-демократы, бывшие сторонники Троцкого, анархисты, русские эмигранты - меньшевики, эсеры и кадеты. Высказывалось мнение о непосредственной виновности Троцкого в подавлении восстания. Троцкий посвятил этой дискуссии статью "Шумиха вокруг Кронштадта" (15 января 1938 г. - Бюллетень оппозиции. - 1938. - No 66-67. - С. 22-26) и "Еще о подавлении Кронштадта" (6 июля 1938 г. - Writing of Leon Trotsky (1937-38). - P. 376-378).

22 Махно Нестор Иванович (1889-1934) - один из участников гражданской войны в Украине в 1918-1921 гг. Анархист. Вел военные действия против германских войск и Деникина на стороне советской власти. Организовал высокоманевренные конные отряды. В 1920 г. против Махно были направлены части Красной Армии. Его силы были разгромлены. Он бежал за границу. Был убит в эмиграции.

23 В середине февраля 1938 г. Троцкий несколько дней нелегально проживал в доме правительственного чиновника, друга Д.Риверы Антонио Гидальго в Ломас де Чапультепеке, уважаемом районе г. Мехико. Это было предпринято в связи с опасениями покушения на его жизнь. Троцкий возвратился в Койоакан, где оставалась Н.И.Седова, после поступления известия о смерти Л.Л.Седова.

24 Cache-nez (фр.) - кашне, шарф.

25 Речь идет о Спигел Рае (Дунаевской Рае) - секретаре Троцкого в Мексике.

26 Речь идет о Хансене Джозефе (1910-1979) - американском стороннике Троцкого, его секретаре и охраннике с сентября 1937 г. В феврале 1938 г. Хансен возвратился в США с заданием установить связь с членами компартии. Автор книги: Hansen J. Leo Trotsky: The Man and His Work. - New York, 1969.

27 По всей видимости, имеется в виду Силвия Агелофф (сестра сотрудницы Троцкого Рут Агелофф) и ее любовник, фигурировавший под именем Жана Морнара. На самом деле это был Рамон Меркадер (1914-1978) - испанский коммунист, член террористической группы, организованной советскими спецслужбами для убийства Троцкого. Группой руководили его мать Каридад Меркадер и агент ОGPU Наум Эйтингон. В литературе господствует мнение, что Меркадер появился в доме Троцкого значительно позже. Но, судя по данному письму, это произошло уже в начале 1938 г. Будущему убийце удалось втереться в доверие к Троцкому и 19 августа 1940 г. нанести ему смертельный удар ледорубом (Троцкий умер 20 августа). Меркадер 20 лет отсидел в мексиканской тюрьме, так и не выдав тех, кто организовал убийство. За свой "подвиг" он был удостоен звания героя Советского Союза. После освобождения жил в Чехословакии, с 1964 г. в СССР. Работал в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС под именем Р.И.Лопеса. В середине 70-х годов по приглашению Ф.Кастро уехал на Кубу. Похоронен в Москве.

28 Имеется в виду статья "Шумиха вокруг Кронштадта", упомянутая выше. Троцкий отрицал личное участие в подавлении Кронштадтского восстания и писал, что он "не помнит", находился ли он в Петрограде во время восстания. Факты же свидетельствуют, что он прибыл в Петроград 5 марта и находился в городе несколько дней. Именно по его приказу М.Н.Тухачевский был назначен командующим 7 армией, которой было поручено подавление восстания. Троцкий приказал подавить восстание, не останавливаясь ни перед какими жертвами.

29 Видимо, имеется в виду дом Губерта Геринга в городе Такско в Мексике, который был предоставлен в пользование Троцкого. Г.Геринг - американский профессор, специалист по Латинской Америке. Поддерживал дружеские отношения с Троцким, многократно посещал его и привозил к Троцкому

на беседы своих студентов.

30 Видимо, идет речь о В.Кривицком.

31 Скорее всего речь идет о работе "Их моральи наша" (Бюллетень оппозиции. - 1938. - № 68-69. - С. 6-19).

32 Г. - Антонио Гидальго.

33 О ком идет речь, установить не удалось.

34 Av. Londres (авенида Лондрес) - улица, на которой в 1937-1939 гг. проживал Троцкий в доме Д.Риверы. В марте 1939 г. после разрыва с Риверой Троцкий переехал в дом на авенида Виена.

35 Мичоакан - штат на юго-западе Мексики. Центр г. Морелия.

36 Телеграмма Зборовского и Эстрин Троцкому о смерти Л.Л.Седова была получена после того, как он уже узнал о происшедшем из вечерних мексиканских газет от 16 февраля 1938 г.

37-38 Экспозе (от фр. expos) - доклад, изложение, заявление.

39 Обсерватор (от англ. Observer) - наблюдатель.

40 Кларт - французский сторонник Троцкого, член Интернационального Секретариата IV Интернационала.

41 С. И. (Secretariat Internationale) - Интернациональный Секретариат IV Интернационала, находившегося в стадии формирования.

42 Бойтель Жоаннес (псевдоним Бардина Алексиса) (1905 - ?) - французский сторонник Троцкого, один из лидеров Интернациональной рабочей партии.

43 Брош, Жерар, Про - члены конкурировавших между собой групп сторонников Троцкого во Франции.

44 Так в тексте.

45 Partie ouvrier internationaliste (POI) - Интернационалистская рабочая партия Франции - французская секция IV Интернационала. Основана в конце 1938 г. В феврале 1939 г. часть членов ПОИ перешла в Рабочую и крестьянскую социалистическую партию, основанную в июле 1938 г. М.Пивером.

46 Субвенция (от англ. Subvention) - субсидия.

47 Видимо, имеется в виду письмо, адресованное Интернациональному Секретариату IV Интернационала (HU.NL, bMS Russ 13, T-8056).

48 По всей видимости, Б. - Бармин, В. - В.Кривицкий, Дама - вдова И.Порецкого В.Порецкая.

49 О ком идет речь, установить не удалось.

50 Енукидзе Авель Софронович (1877-1937) - советский государственный деятель. Социал-демократ с 1898 г. С 1918 г. секретарь Президиума ВЦИК, в 1922-1935 гг. секретарь Президиума ВЦИК. Был снят с ответственных постов. Арестован и расстрелян во время "большого террора".

51 "Партийное строительство" - журнал ЦК ВКП(б). Выходил в 1929-1946 гг. (до него с 1919 г. издавались "Известия ЦК РКП(б) - ВКП(б)"). С 1946 г. вместо "Партийного строительства" стал выходить журнал "Партийная жизнь".

52 О чем идет речь, установить не удалось.

53 Грассе Бернар (1881-1955) - французский издатель. В 1907 г. основал издательскую фирму. Речь идет о договоре относительно издания литературы IV Интернационала.

54 Имеется в виду Международный институт социальной истории в Амстердаме. Основан в 1935 г. Институт хранит в своем архиве фонды многих международных и национальных рабочих и социалистических организаций и деятелей.

55 Имеется в виду, очевидно, обвиняемый на первом московском судебном фарсе (1936) Е.С.Гольцман.

56 Видимо, речь идет о Г.Е.Пушине, директоре Горьковского завода удобрений, арестованном в связи с происшедшим на этом заводе взрывом в конце 1935 г. Фамилия Пушина упоминалась на судебном фарсе в августе 1936 г.

57 Имеется в виду Г.Л.Пятаков.

58 Это письмо было написано до получения письма Зборовского и Эстрин от 17 февраля 193 г. (см. выше, с.)

59 Имеется в виду статья Троцкого "Лев Седров - сын, друг, борец" (Бюллетень оппозиции. - 1938. - № 64. - С. 2-8).

60 Лаборде Хернан (1896-1955) - мексиканский коммунистический деятель, генеральный секретарь компартии во второй половине 30-х годов. В 1940 г. был изгнан из компартии в результате "чистки", последовавшей за неудачным налетом на дом Троцкого 24 мая 1940 г.

61 Имеется в виду брошюра: Мартов Л. Спасители или упразднители? - Париж, 1911.

62 Лойола Игнатий (1491? - 1556) - основатель ордена иезуитов. Разработал организационные и моральные принципы ордена (строгая централизация, абсолютный авторитет главы, тотальный шпионаж, допустимость любого преступления во имя "славы божией").

63 Компанис Луис и Хавер (1883-1940) - испанский политический деятель, лидер каталонской партии "Эль Герра" ("Борьба"). Глава провинциального правительства Каталонии в 1933-1938 гг.

64 Метаксас Иоаннис (1871-1941) - греческий государственный деятель, премьер-министр с 1936 г. Во внешней политике ориентировался на Германию.

65 Содом и Гоморра - в библейской мифологии города у устья реки Иордан или на западном побережье Мертвого моря, жители которых погрязли в распутстве и были испепелены огнем, посланным с небес. В переносном смысле - беспорядок, разврат.

66 Кафр (от арабского слова кафир - неверный) - наименование, данное в XVIII в. бурами народу банту. В переносном смысле кафр - исповедующий ошибочные, ложные взгляды.

67 Телеграмма была направлена, по-видитмому, в редакцию "Бюллетеня оппозиции".

68 Речь идет о провокационном судебном процессе по делу так называемого право-троцкистского блока 2-13 марта 1938 г. Почти все подсудимые, в том числе Бухарин, Рыков, Крестинский, Ягода, были приговорены к смертной казни и сразу же расстреляны. Х.Г.Раковский был осужден на 20 лет тюремного заключения, к длительным срокам заключения были приговорены также Д.Д.Плетнев и С.А.Бессонов.

69 Дата не проставлена.

70 Алкснис Яков Иванович (1897-1938) - советский военный деятель, командарм 2-го ранга (1935). В 1926-1931 гг. заместитель начальника, в 1931-1937 гг. начальник Военновоздушных сил Красной Армии. Арестован и расстрелян во время "большого террора".

71 Гамарник Ян Борисович (1894-1937) - советский партийный и военный деятель. Социал-демократ с 1916 г. С 1923 г. председатель Дальневосточного крайисполкома и секретарь крайкома партии. С 1929 г. начальник Политического управления Красной Армии. С 1930 г. заместитель наркома обороны СССР. Покончил самоубийством во время "большого террора" в ожидании неизбежного ареста.

72 Троцкий послал телеграмму состоявшемуся 9 марта 1938 г. в Нью-Йорке, в Хотел-центре, митингу, созванному Американским обществом защиты Л.Троцкого. Митинг протестовал против третьего московского шоу-процесса. Выступали С.Ла Фоллет, К.Треска, В.Волф, М.Шахтман, Д.Новак, Э.Лайонс.

73 Письмо было направлено в редакцию американского бюллетеня "The Socialist Appeal" и опубликовано в нем 19 марта 1938 г.

74 Freda Kirchway, Editor, "The Nation", 20 Vesey Street, New York City, New York (англ.) - Фреде Кирчвей, издателю "The Nation", ул. Виси No 20, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк. Кирчвей Фреда (1893-1936) - редактор журнала "The Nation". Кирчвей обратилась к Троцкому с просьбой написать статью о его философских взглядах.

75 Mrs. (англ.) - миссис (обращение к замужней женщине).

76 Фемида - в древнегреческой мифологии богиня правосудия. Изображалась с повязкой на глазах (символ беспристрастия), рогом изобилия и весами в руках.

77 В No 65 "Бюллетеня оппозиции" за апрель 1938 г. были опубликованы статьи Троцкого "Новые невозвращенцы", "Итоги процесса", "Роль Генриха Ягоды", "Случай с профессором Плетневым", "Поправки и примечания к показаниям подсудимых", "Правда о 'заговоре' на жизнь Ленина в 1918 году".

78 Речь идет о книге советского дипломата-невозвращенца А.Г.Бармина (1899-1987) "Мемуары советского дипломата". Книга была опубликована на английском языке в 1938 г. (переиздана в 1973 г.). В 1997 г. издана в Москве на русском языке под неадекватным названием "Соколы Троцкого".

79 Д. - "Дама". Имеется в виду вдова И.Порецкого Е.Порецкая.

80 Уолтер Дюранти, несмотря на англосаксонскую "душу", участвует в московских подлогах в строго плановом порядке, рядом с судьями, прокурором, обвинителями и вообще людьми с "русской душой". Между тем Дюранти не был

даже поставлен перед необходимостью ежедневно выбирать между жизнью и смертью. Его коллега г. Гаролд Дени, человек с заведомо американской душой, хотя и небольшого размера, очень скоро приспособился к атмосфере тоталитарного режима и, поставленный перед необходимостью выбирать между тощей правдой и жирным бутербродом, без колебаний встал на сторону бутерброда и Вышинского. Время от времени Дени выезжает за границу и пишет оттуда статьи об СССР "без цензуры", полностью продиктованные ГПУ. Такого рода субъекты являются источником вдохновения для "либерального" общественного мнения. - Примеч. автора. Дели Гералд - американский журналист. В ряде репортажей с московских судебных фарсов излагал доводы советских спецслужб как объективную истинцу.

81 Питт Уильям Младший (1759-1806) - премьер-министр Великобритании в 1783-1801 и 1804-1806 гг., лидер новых тори. Один из главных организаторов коалиции европейских государств против революции во Франции, а затем империи Наполеона I

82 Каин - в библейской мифологии старший сын Адама и Евы, земледелец. Убил из зависти своего брата пастуха Авеля. Был проклят Богом.

83 Речь идеет о статье "Товарищ Лева" за подписью "П.Т." в "Бюллетене оппозиции". - 1938. - No 64. - С. 10-11.

84 Речь идее о воспоминаниях "Прощай, Лев Седов" в "Бюллетене оппозиции". - 1938. - No 64. - С. 11-12. Как видно из текста, автором была Е.Порецкая.

85 Вендетта (от итальянского vendetta - мщение) - обычай кровной мести на островах Сицилия, Сардиния и Корсика, сохранившийся и в XX в.

86 Временная программа IV Интернационала "Агония капитализма и задачи IV Интернационала" была подготовлена Троцким в апреле 1938 г. и утверждена учредительной конференцией IV Интернационала 2 сентября того же года. См., Бюллетень оппозиции. - 1938. - No 66-67. - С. 1-18.

87 Камиль - один из псевдонимов Р.Клемента.

88 Книга Троцкого "Сталин" не была завершена. Первый том с предисловием, не завершённым автором, состоявший из его черновых материалов, вышел в 1941 г. в ньюйоркском издательстве "Harper and Brothers" в переводе Ч.Маламута. Второй том был составлен по черновикам Троцкого, хранящимся в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета, Ю.Фельштинским. Им же опубликованы оба тома на русском языке (Троцкий Л. Сталин. Тт.1-2. - М., 1996).

89 Имеется в виду книга: Barbusse H. Staline: Un monde nouveau vu travers un home. - Paris, 1935. Русский перевод: Барбюсс А. Сталин - М., 1936).

90 Статья В.Сержа о Л.Л.Седове в связи с его смертью была опубликована в бюллетене французских революционных синдикалистов "R volution prol tarienne" 25 февраля 1938 г.

91 "R volution prol tarienne" ("Пролетарская революция") - бюллетень, издававшийся группой профсоюзных деятелей Франции под редакцией П.Монатта, исключенных в середине 20-х годов из компартии за "синдикалистские взгляды". В бюллетене выражались симпатии к Троцкому и возглавляемому им движению.

92 Прудон Пьер Жозеф (1809-1865) - французский социалист, теоретик анархизма. Проповедовал мирное преобразование общества путем реформы кредита и обращения.

93 Доклад Троцкого "Д.И.Менделеев и марксизм" был прочитан на IV Менделеевском съезде 17 сентября 1925 г. (см.: Троцкий Л. Сочинения. - Серия VI. - Т. 21. - М., 1927. - С. 268-288). Менделеев Дмитрий Иванович (1834-1907) - русский химик. Автор "Основ химии" (тт., 1869-1871) - первого стройного изложения неорганической химии. Профессор Петербургского университета. Уходил в отставку в знак протеста против притеснений студенчества. Создатель периодической системы элементов. С 1893 г. руководил Палатой мер и вксов.

94 Чемберлен Невилл (1869-1940) - британский государственный деятель, консерватор. С 1922 г. многократно входил в правительство. Премьер-министр в 1937-1940 гг. Был одним из главных организаторов политики умиротворения гитлеровской Германии в 1938-1939 гг.

95 Работа Троцкого "Их мораль и наша" была опубликована в "Бюллетене оппозиции". - 1939. - No 68-69. - С. 6-19.

96 Имеется в виду учредительная конференция IV Интернационала 3

сентября 1938 г. в Париже в квартире А. Росмера. Участвовали 30 делегатов из 11 стран.

97 Аббиат Ролан (другой псевдоним Росси Франсуа, настоящие фамилия, имя и отчество Правдин Владимир Сергеевич) (1904-?) – агент ОГПУ, затем НКВД с начала 30-х годов. Один из убийц И.Порецкого. С 1938 г. жил в США.

98 Мартиньи Шарль (1900-?) – агент советской разведки. Один из убийц И.Порецкого. Версия о том, что в феврале 1937 г. Аббиат и (июли) Мартиньи побывали в Мексике, не подтвердилась. В 1943 г. Мартиньи был заочно приговорен в оккупированном немцами Париже к смертной казни. Судьба неизвестна.

99 Сведений о Пятигорском обнаружить не удалось. Его имя отсутствует в примечаниях к сочинениям Л.Д.Троцкого.

100 Congress of Industrial Organizations (CIO) – Конгресс производственных профсоюзов – профсоюзное объединение, созданное в США в 1935 г. В 1955 г. слилось с Американской федерацией труда, образовав Американскую федерацию труда – Конгресс производственных профсоюзов (АФТ-КПП).

101 Так в тексте. Нарушение логики связано, очевидно, с пропущенной частью текста.

102 Речь идет о подготовленной Троцким временной программе IV Интернационала.

103 Имеется в виду книга "Au pays du grand mensonge". – Paris, 1938 ("Великая фальшивка"). Вскоре книга была издана на английском языке: Ciliga A. The Russian Enigma. – London, 1940 ("Русская загадка").

104 Вопрос о классовом характере СССР мы можем здесь оставить в стороне. Нас интересует вопрос о политике по отношению к рабочему государству вообще, или к колониальной стране, борющейся за свою независимость. Что касается классовой природы СССР, то мы можем мимоходом порекомендовать ультра-левым посмотреть на себя в зеркало книги А.Цилиги "Au pays du grand mensonge". Ультра-левый автор, совершенно лишенный марксистской школы, довел свою мысль до конца, т. е. до либерально-анархической абстракции. – Примеч. автора.

105 Тезисы Интернационального Секретариата о войне нам обнаружить не удалось.

106 Госпожа Симон Вейль пишет даже, что наша позиция та же, какую была позиция Плеханова в 1914-1918 г.г. С.Вейль имеет, конечно, право ничего не понимать. Но не следовало бы все же злоупотреблять этим правом. – Примеч. автора. Вейль Симона (1909-1943) – французская общественная деятельница. Сотрудничала с радикалами и социалистами. Во время второй мировой войны увлеклась мистицизмом. Находясь в Великобритании, довела себя до смерти голодом.

107 Шверник Николай Михайлович (1888-1957) – советский государственный деятель. Социал-демократ с 1905 г. С 1923 г. нарком рабоче-крестьянской инспекции РСФСР. В 1925-1927 гг. секретарь Ленинградского, в 1927-1928 гг. Уральского обкома ВКП(б). С 19320 г. первый секретарь ВЦСПС. С 1946 г. председатель Президиума Верховного Совета СССР, с 1953 г. председатель ВЦСПС. С 1956 г. председатель Комиссии партийного контроля.

108 Книга Ч.Маламута в каталоге Библиотеки Конгресса США нами не обнаружена. Видимо, она написана не была.

109 Статья Троцкого "Трагический урок" была опубликована в "Бюллетене оппозиции". – 1937. – № 60-61. – С. 4-5.

110 Имеется в виду Национальная рабочая организация Голландии – небольшая левая профсоюзная организация, руководимая Г.Сенивлитом.

111 24-26 июля 1936 г. в Париже состоялась международная конференция Лиги коммунистов-интернационалистов, которая переименовала ее в Движение за IV Интернационал. Конференция утвердила написанные Троцким резолюции "Четвертый Интернационал и Советский Союз" и "Новый революционный подъем и задачи Четвертого Интернационала", а также "Обращение к общественному мнению рабочих всего мира" (см.: Writings of Leon Trotsky (1935-36). – New York, 1977. – P. 332-340, 341-344, 354-360).

112 Эйфель Рауль (настоящие фамилия и имя Киргоф Пауль) (1900-1972) – член группы немецких коммунистов-интернационалистов, созданной в эмиграции во Франции. Группа выступала против вступления сторонников Троцкого во Французскую социалистическую партию. В 1936 г. Эйфель эмигрировал в США, где

организовал свою группу, которая вскоре распалась.

113 Аркомед С.Т. Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе с 80-х годов по 1903 г. Часть 1. - Женева, 1910. В 1923 г. книга была переиздана в Москве. Псевдоним автора расшифровать не удалось.

114 Эльза - псевдоним Порецкой Елизаветы (1900-1978) - жены советского разведчика И.Порецкого. Е.Порецкая - автор книги воспоминаний: Poretsky E. Our Own People: A Memoir of "Ignace Reiss" and His Friends. - Ann Arbor,

1969.

115 Молчанов Георгий Андреевич (1897-1937) - сотрудник советских спецслужб. Начальник управления ОГПУ по Ивановской области (1926-1930). Затем начальник секретно-политического отдела ОГПУ (с 1934 г. НКВД), ведшего борьбу против "контрреволюции и шпионажа". Комиссар госбезопасности 2 ранга (1935). В 1936-1937 гг. нарком внутренних дел Белоруссии. Арестован и расстрелян без суда.

116 Статья под заголовком "Вокруг процесса 21-го" за подписью "Бр." была опубликована в "Бюллетене оппозиции". - 1938. - № 66-67. - С. 28-29.

117 Каган Абе (1860-1951) - американский социалист, издатель ньюйоркской газеты "Форвард".

118 "Красная новь" - ежемесячный литературно-художественный и общественно-публицистический журнал. Выходил в 1921-1932 гг. в Москве.

119 Юпитер - в древнеримской мифологии верховный бог, Минерва - богиня, покровительствующая ремеслам и искусству, а с III в. до н.э. и богиня войн и государственной мудрости. Согласно мифу, Минерва воцникла внезапно из головы Юпитера.

120 Союз коммунистов - организация, созданная в 1847 г. Марксом и Энгельсом на основе реорганизованного ими Союза справедливых. Программой стал "Манифест Коммунистической партии" Маркса и Энгельса (1848). Союз коммунистов прекратил существование после Кельнского судебного процесса над коммунистами, организованного правительством Пруссии в 1852 г.

121 "Капитал" - основной труд К.Маркса, в котором представлена марксистская концепция развития и гибели капитализма. Том 1 был опубликован в 1867 г., остальные тома были подготовлены к печати Ф.Энгельсом после смерти Маркса (т. 2 вышел в 1885, т. 3 - в 1894 г.). Позже, в 1905-1910 гг., К.Каутским был опубликован т. 4 "Теории прибавочной стоимости".

122 Данный текст представляет собой приветствие Диего Риверы учредительной конференции IV Интернационала, написанное Троцким. Обращает на себя внимание дословное совпадение некоторых фрагментов этого документа со следующим за ним текстом, подписанным Троцким.

123 В марте 1903 г. в Тифлисе забастовки не было. Видимо, имеется в виду Батумские стачка и демонстрация в январе-марте 1902 г. Скорее всего автор материала в газете "Известия" (или же автор картины) просто перепутал города.

124 Толстой Алексей Николаевич (1882-1945) - русский писатель. Автор романов, повестей, рассказов. В повести "Хлеб" и отчасти в других произведениях выступил апологетом культа Сталина.

125 "La Fl che" ("Стрела") - французская газета.

126 Стецкий Александр Иванович (1896-1938) - советский партийный деятель. Социал-демократ с 1915 г. С 1930 г. заведовал агитационно-пропагандистским отделом ЦК ВКП(б). Арестован и расстрелян во время "большого террора".

127 "Workers Age" ("Век рабочих") - газета, издававшаяся группой американских коммунистов под редакцией Д.Ловстона в 1929-1941 гг.

128 Процесс меньшевиков 1931 г. - провокационный судебный процесс по делу так называемого "Союзного бюро" меньшевиков, которое на самом деле не существовало. В числе подсудимых были Суханов, Громан и другие бывшие деятели меньшевистской партии, находившиеся в 20-х - начале 30-х годов на советской службе. Они были приговорены к различным срокам тюремного заключения и почти все расстреляны во время "большого террора".

129 Майский (настоящая фамилия Ляховецкий) Иван Михайлович (1884-1975) - советский дипломат и историк, академик (1946). До начала 20-х годов меньшевик, с 1921 г. большевик. В 1929-1932 гг. полпред в Финляндии, в

1932-1943 гг. полпред, а затем посол в Великобритании, в 1943-1946 гг. заместитель наркома иностранных дел. В 1952-1953 гг. находился в заключении. Автор трудов по истории рабочего движения, истории Испании, обширных, более или менее достоверных мемуаров дипломата.

130 Трайнин Илья Павлович (1886-1949) - советский юрист, академик (1939). Автор многих трудов по государственному праву.

131 "The New International" ("Новый Интернационал") - журнал Социалистической рабочей партии США. Издавался с 1934 г. В 1940 г. оказался в руках М.Шахтмана и других деятелей, отколовшихся от СРП. Был переименован в "International Socialist Review" ("Международное социалистическое обозрение"). Группа сторонников Троцкого продолжала издавать журнал под названием "The New International" до 1958 г.

132 "Большевик" - журнал ЦК ВКП(б). Выходил с 1924 г. В 1952 г. был переименован в "Коммунист". Прекратил выход в 1991 г.

133 Сара Вебер (Джекобс), являвшаяся секретарем Троцкого в Турции и Франции, а также в 1938 г., а затем в 1939 г. в течение нескольких месяцев в Койоакане. Авторство письма установлено по содержанию.

134 Вилдимо, имеется в виду газета "La lutte ouvrier".

135 Под этим названием статью в "Бюллетене оппозиции" обнаружить не удалось. Видимо, речь идет о статье "Продолжает ли еще советское правительство следовать принципам, установленным 20 лет тому назад?" - Бюллетень оппозиции. - 1938. No 66-67. - С. 19-21.

136 Иремашвили Иосиф (1878-1944) - грузинский социал-демократ. Соученик Сталина по духовной семинарии. С 1921 г. проживал в Германии. После прихода к власти нацистов поддержал Гитлера. Автор книги "Stalin und Tragedie Georgians". - Berlin, 1931. В том же году книга была издана в Нью-Йорке. Книга была использована Троцким при подготовке работы о Стаине.

137 Речь идет о представительстве на учредительной конференции IV Интернационала.

138 Имеются в виду многочисленные заявления Сталина, что социал-демократия и фашизм являются близнецами, что социал-демократия представляет собой социал-фашизм, что наибольшую опасность для рабочего движения представляют левые социал-демократические группы.

139 Речь идет о статье Троцкого "Обезглавление Красной Армии". - Бюллетень оппозиции. - 1938. - No 56-57. - С. 1-7.

140 Речь идет о статье "Сталин и его сообщники осуждены". - Бюллетень оппозиции. - 1938. - 68-69. - С. 1-2.

141 Требование было выполнено. Начиная с No 68-69, после статей, опубликованных в "Бюллетене оппозиции", дословно следовал текст, предложенный Троцким.

142 Hoover Institution Archive, В.I.Nicolaevsky Collection, box 92.

143 Статья Троцкого "Мексика и британский империализм" была опубликована в "Бюллетене оппозиции". - 1938. - No 70. - С. 8-10.

144 Речь идет о предстоявшей учредительной конференции IV Интернационала.

145 Имеется в виду статья Е.Порецкой "Людвиг". - Бюллетень оппозиции. - 1938. - No 68-69. - С. 20-24.

146 Речь идет, очевидно, об одной из многочисленных советских брошюр с прославлением "векликого вождя и учителя".

147 Таров Арбен (1898-1942) - армянский социал-демократ, большевик с 1917 г., участник гражданской войны в России. В 1927 г. исключен из ВКП(б) за участие в объединенной оппозиции и сослан. В 1931 г. арестован и приговорен к трехлетнему заключению. После освобождения сослан в Среднюю Азию, откуда бежал в Иран. После пребывания в заключении в Иране был депортирован во Францию. Поддерживал связь с Троцким. Во время второй мировой войны участвовал во французском движении Сопротивления. Был арестован и казнен нацистами.

148 Columbia University, Bakhmetiev Archive, Ch.Malamuth Collection.

149 Речь идет о захвате крупной суммы денег большевистскими боевиками, совершившими нападение на казачий конвой, сопровождавший экипаж, перевозивший 241 тыс. рублей, 12 июня 1907 г. В гл. 5 книги "Сталин" Троцкий подробно осветил участие Сталина в этой экспроприации и его отношение к подобному рода бандитским действиям.

150 Апенас Ола - норвежский журналист, сотрудник газеты "Aftenposten"

(Осло).

151 Многочисленные аресты советских дипломатов в 1937-1938 гг. заставили Троцкого предположить, что в Москве готовится открытый судебный фарс, на этот раз над членами советского дипломатического корпуса. В "Бюллетене оппозиции". - 1938. - № 68-69. - С. 5-6 была помещена статья Троцкого "Предстоящий процесс дипломатов". Однако этот процесс не состоялся. Дипломаты были расстреляны без суда.

152 Якубочич - советский дипломат. Работал секретарем советского полпредства в Берлине. В середине 30-х годов полпред в Норвегии. Арестован и расстрелян во время "большого террора".

153 Юренев (настоящая фамилия Кротовский) Константин Константинович (1888-1938) - советский дипломат. Социал-демократ с 1905 г. С 1921 г. полпред в Бухаре, Латвии, Чехословакии, Италии, Иране, Австрии, Японии. Арестован и расстрелян во время "большого террора".

154 Геккер Анатолий Ильич (1888-1938) - советский военный деятель. Большевик с 1917 г. Командовал армиями на фронтах гражданской войны. В 20-30-х годах военный атташе в Китае и Турции, затем работал в НКВД. Арестован и расстрелян во время "большого террора".

155 Пунтервольд Михаэль - адвокат Троцкого в Норвегии. Реальной юридической помощи Троцкому не оказывал.

156 Not Guilty. Harper and Brother, New York, 1938. - Примеч. автора.

157 "El Martelo" ("Молот") - американский просоюзный журнал на итальянском языке.

158 Троцкий неточен. Восстание германских моряков началось в Киле не 7 ноября, а 28 октября 1918 г. 4-5 ноября восстание распространилось на другие порты и города Германии. Начали формироваться Советы рабочих и солдат. 9 ноября император Вильгельм II вынужден был отречься от престола. В Германии началась революция, получившая название Ноябрьской.

159 Дело Сакко и Ванцетти - судебное дело участников рабочего движения Николо Сакко и Бартоломео Ванцетти в США на основе обвинения в убийстве (1920). Несмотря на международную кампанию протеста, оба они в 1927 г. были казнены.

160 Муни Том (1883-1942) - руководитель профсоюза литейщиков в г. Сан Франциско (США) в 1912-1916 гг. В 1917 г. приговорен к смертной казни. Под влиянием протестов казнь была заменена пожизненным заключением. Освобожден в 1939 г.

161 "Vida" ("Жизнь") - журнал, издававшийся учительской организацией в г. Мичоакан в Мексике.

162 Пацкуаро (Паскаро) - город в Мексике. Летом 1938 г. совместно с Д.Риверой Троцкий совершил поездку по Мексике, посетив Паскаро, Хикилиан, Гвадалахару, Морелию и другие города.

163 Клемент Рудольф (? - 1938) - один из помощников Троцкого во время его пребывания во Франции. Являлся затем сотрудником Л.Л.Седова. Был похищен и убит в Париже накануне учредительной конференции IV Интернационала.

164 Вольф Эрвин (псевдоним Браун Никола (? - 1937) - чешский сторонник Троцкого. Был его секретарем в Норвегии. Участвовал в гражданской войне в Испании. Был захвачен агентами НКВД и убит.

165 Лига социалистической молодежи США была создана Социалистической рабочей партией в 1937 г. Существовала до 1940 г., когда большинство ее членов во время раскола СРП присоединились к группе М.Шахтмана.

166 Илоты - земледельческая часть населения в древней Спарте, являвшаяся собственностью государства.

167 Седилью Сатурнино (? - 1939) - мексиканский генерал. Занимал пост министра сельского хозяйства. В мае 1938 г. пытался организовать правый государственный переворот. Ушел в подполье и был убит правительственными войсками в январе 1939 г.

168 Виаллареаль Антонио - мексиканский генерал, активный участник революции 1910 г. Во второй половине 30-х годов находился на правом крыле политического спектра.

169 См. выше, с.

170 Ороско Хосе Клемента (1883-1949) - мексиканский живописец. Один из создателей национальной школы монументальной живописи. Автор росписей в Мехико, Гвадалахаре и других городах страны, а также в США.

171 Доктор Атль - псевдоним Мурильо Герардо (1875-1964) - мексиканского

художника, учителя Д.Риверы. В начале своей деятельности Мурильо был революционером с анархическими наклонностями. Во второй половине 30-х годов симпатизировал фашистской Италии и нацистской Германии.

172 Черновик Л.Д. [Троцкого]. Поправки и дополнения внесены во французский текст. 25 июля 1938 г. - Примеч. в оригинале документа.

173 В тексте явная описка. Что хотел сказать Троцкий, точно установить не удалось. Скорее всего должно быть: "от прогрессирующей буржуазной реакции".

174 Текст публикуемого манифеста был написан совместно Троцким и видным французским писателем-сюрреалистом Андре Бретоном, посетившим Мексику весной-летом 1938 г. и многократно встречавшимся с Троцким. Манифест был опубликован за подписями Бретона и Д.Риверы.

175 Цитата отсутствует.

176 Международный конгресс против войны и фашизма состоялся в Мехико 12 сентября 1938 г. На конгрессе преобладали настроения народного фронта., поддержки СССР и его сталинского руководства и в то же время осуждения агрессии Германии. Делегаты Мексики, Пуэрто-Рико и Перу выступили с заявлениями о том, что правительства западноевропейских держав несут свою долю ответственности за развязывание войны.

177 Политика "доброго соседа" - официально провозглашенная политика президента США Ф.Рузвельта в отношении латиноамериканских стран. В рамках этой политики в 1934 г. был отменен договор с Кубой относительно поправки Платта к конституции этой страны (она предоставляла США право содержать свои вооруженные силы на территории Кубы). Рузвельт принял участие в панамериканской конференции в декабре 1936 г., на которой сформулировал программу мира для Латинской Америки, включая подписание латиноамериканскими странами пакта о нейтралитете.

178 Columbia University, Bakhtmetiev Archive, Ch.Malamuth Collection.

179 См.: Сталин И. Соч. - Т. 4. - С. 351-363.

180 Ответы Д.Риверы были подготовлены Троцким. Речь идет о конгрессе профсоюзов стран Латинской Америки в Мехико 6-8 сентября 1938 г.

181 В документах Троцкого нередко встречаются выражения "индо-американские страны", "индо-американские народы" и т. п. для обозначения стран и народов Латинской Америки.

182 Браудер Эрл (1891-1973) - деятель коммунистического движения США. В 1930-1945 гг. генеральный секретарь компартии. В 1945-1946 гг., после роспуска компартии, осуществленного по его инициативе, одобренной Москвой, председатель Коммунистической политической ассоциации США. В связи с восстановлением компартии в 1946 г. был объявлен предателем и исключен из нее.

183 Ответы были даны во время встречи Троцкого с голливудскими актерами Глэдис Ллойд Робинсон и ее мужем Эдуардом Робинсоном. Г.Робинсон опубликовала ответы в журнале "Rob Wagner's Script", заявив, что ответы были даны именно на ее вопросы. Э.Робинсон в своих воспоминаниях счел, что его жена преувеличила свою роль в беседе с Троцким.

184 Имеются в виду мероприятия "нового курса" Ф.Рузвельта.

185 Хейг Франк (1876-1956) - американский политический деятель, демократ. В 1917-1947 гг. мэр г. Джерси Сити, штат Нью-Джерси. Известен коррупцией своей администрации и полицейскими насилиями, в частности во второй половине 30-х годов направленными против профсоюзных организаций.

186 "Clave" ("Ключ") - журнал сторонников Троцкого. Выходил в г. Мехико с 1938 г. В журнале печатались многочисленные статьи Троцкого без подписи, а также подписанные псевдонимами и вымышленными инициалами.

187 Подготовленное Троцким заявление редакции "Clave" в рукописи не сохранилось. Поэтому его русский текст хранится в архиве в переводе с испанского.

188 Confederación de Trabajadores de México (СТМ) - Мексиканская конфедерация рабочих. Образована в 1936 г. Председателем был Ломбардо Толедано. Во второй половине 30-х годов фактически находилась под руководством сталинистской компартии.

189 "El Popular" ("Народ") - газета Мексиканской конфедерации рабочих. Главным редактором был Ломбардо Толедано.

190 Письмо было направлено руководству Социалистической рабочей партии США.

191 Имеются в виду Латиноамериканский конгресс профсоюзов и Международный конгресс против войны и фашизма, состоявшиеся в Мехико в сентябре 1938 г.

192 Васкес Вела (1894-1963) - мексиканский юрист и политический деятель. Занимал различные правительственные посты. В 1935-1940 гг. являлся министром просвещения.

193 Хансен - один из псевдонимов Троцкого.

194 "Liberty" ("Свобода") - американский общественно-политический журнал. Был близок к "желтой прессе" Херста.

195 Слова Стадина "Жить стало лучше, жить стало веселее" были произнесены на Всесоюзном совещании стахановцев 17 ноября 1935 г.

196 Речь идет о восстановлении института военных комиссаров в советских вооруженных силах в 1937 г., ликвидированного в 1925-1928 гг. Институт комиссаров был вновь отменен в 1940 г. (были введены должности заместителей командиров по политической части), опять восстановлен в июне 1941 г. и окончательно ликвидирован в октябре 1942 г., когда было введено полное единоначалие.

197 Мехлис Лев Захарович (1889-1953) - советский государственный деятель. В 20-е годы секретарь Сталина, затем работал в редакции газеты "Правда". В 1937-1940 гг. начальник Главного политического управления Красной Армии. В 1940-1950 гг. нарком, затем министр госконтроля СССР. Во время второй мировой войны был членом военных советов ряда фронтов, проявив военную некомпетентность и чрезвычайную жестокость.

198 Речь идет о втором заявлении Троцкого судебному следователю, рассматривавшему обстоятельства смерти Л.Л.Седова (от 24 августа 1938 г.). Заявление было опубликовано в "Бюллетене оппозиции". - 1938. - No 40. - С. 13-15. С первым заявлением Троцкий обратился 19 июля.

199 Речь идет о клинике в Париже, где был прооперирован и скончался Л.Л.Седов.

200 Тальгеймер - хирург, оперировавший Л.Л.Седова.

201 Мартен - девичья фамилия Ж.Молинье. Под этой фамилией Л.Л.Седов был помещен в клинику.

202 Мечников Илья Ильич (1845-1916) - российский биолог, один из основоположников сравнительной патологии и иммунологии. Почетный член Петербургской академии наук (1902).

203 On per temporiser, il faute agir (фр.) - Нельзя выжидать, надо действовать.

204 Интервью было дано корреспонденту кубинской газеты "El Pais" ("Нация") Э.П.Поррасу.

205 Антильские острова - архипелаг в Вест-Индии. Делятся на Большие Антильские острова (Куба, Гаити, Ямайка, Пуэрто-Рико) и Малые Антильские острова (Виргинские, Наветренные, Подветренные, Тринидад, Тобаго и Барбадос). Крупнейший остров Куба.

206 Фосса Матео (1905-1973) - аргентинский профсоюзный деятель, сторонник Троцкого. В середине 1938 г. был направлен руководимым им Комитетом за профсоюзную свободу на конгресс профсоюзов Латинской Америки в Мехико, но был изгнан как троцкист.

207 Троцкий сравнивает Толедано с Гитлером.

208 После избрания генерала Карденаса президентом Мексики в 1934 г. его правительство начало экспроприацию земли крупных собственников. Земля передавалась крестьянским коллективам (эхидо). 23 ноября 1936 г. был издан закон о национализации частной собственности в случае общественной или социальной необходимости. 1 ноября 1937 г. были национализированы земли, принадлежавшие нефтяной компании Стандарт-Ойл и некоторым другим корпорациям. 18 марта 1938 г. правительство конфисковало собственность американских и британских нефтяных компаний общей стоимостью в 450 млн долларов. В ноябре 1938 г. между США и Мексикой было достигнуто соглашение о компенсации за конфискованную землю. Однако вопрос о возмещениях за нефть решен не был.

209 Апризм - реформистское течение в Перу. Получило название по наименованию партии Американский народно-революционный альянс (АПРА), созданной в 1924 г. Айя де ла Торре. Партия провозглашала антиимпериалистические лозунги.

210 Имеется в виду режим Ж.Варгаса.

211 Варгас Жетулиу Дорнелис (1883-1954) - президент и глава правительства Бразилии в 1930-1945 гг., президент в 1951-1954 гг. В 1937 г. установил режим "нового государства", считая образцом фашистскую Италию. В 1945 г. основал реформистскую Трabalьистскую (Рабочую) партию. Содействовал развитию государственного сектора промышленности и проводил социальные реформы.

212 Речь идет о "Бюллетене оппозиции". - 1938. - No 68-69. Названный документ см. с. 31-32.

213 Троцкий, видимо, забыл., что редакция "Бюллетеня оппозиции" дословно выполнила его требование, содержащееся в письме М.Зборовскому от 4 июля 1938 г. (см. данный том, с.).

214 Видимо, имеется в виду учредительная конференция IV Интернационала.

215 По всей видимости, Троцкий имел в виду цикл областных конференций большевистских комитетов (южную, кавказскую и северную), состоявшихся в сентябре-декабре 1904 г. На конференциях было избрано Бюро комитетов большинства, которое начало подготовку большевиков к III съезду РСДРП.

216 Берия Лаврентий Павлович (1899-1953) - советский государственный деятель. Занимал различные посты в административных и партийных органах Грузии и Закавказской Федерации. С 1938 г. нарком внутренних дел СССР, с 1946 г. член Политбюро ЦК ВКП(б). Один из ближайших приспешников Сталина. Под его авторством был написан доклад, затем изданный отдельной книгой, "К истории большевистских организаций в Закавказье" (1935), содержащий грубейшие исторические фальсификации с целью прославления Сталина. После смерти Сталина недолгое время был в числе правившей четверки (вместе с Маленковым, Молотовым и Хрущевым), но в ходе борьбы за власть был арестован, обвинен в государственной измене, приговорен к смертной казни и расстрелян.

217 Левин Лев Григорьевич (1870-1938) - врач Кремлевской больницы, профессор. В 1937 г. арестован. На судебном фарсе по делу правотроцкистского блока обвинен в убийстве Куйбышева, сына Горького Максима Пешкова и в соучастии в убийстве Менжинского. Приговорен к смертной казни и расстрелян.

218 От французского слова matraque - тяжелая дубинка, полицейская дубинка.

219 Уншлихт Иосиф Станиславович (1879-1938) - советский государственный деятель. Социал-демократ с 1900 г. В 1919 г. нарком по военным делам Литовско-Белорусской ССР. С 1921 г. заместитель председателя ВЧК (затем ОГПУ). В 1925-1930 гг. заместитель наркома по военным и морским делам СССР. В 1933-1935 гг. начальник главного управления гражданского воздушного флота. Арестован и расстрелян во время "большого террора".

220 Шашевский Артур Карлович (1890-1937) - советский разведчик. В 1936-1937 гг. был торговым представителем СССР в Испании. Был вызван в Москву, арестован и расстрелян без суда.

221 Брун (настоящие фамилия и имя Уманский Берхтольд) (? - 1937) - сотрудник НКВД. Участвовал в "следствиях" перед судебными фарсами. Расстрелян без суда.

222 Вальтер - сотрудник НКВД. Видимо, псевдоним.

223 Рудзут - сотрудник НКВД. Видимо, псевдоним.

224 Фридман (псевдоним Максимов) Макс (? - 1937) - сотрудник НКВД. Был арестован в 1936 г. По сведениям И.Порецкого, отказался дать признательные показания о "сотрудничестве" с Зиновьевым и Каменевым. Был расстрелян без суда.

225 Фейхтвангер Лион (1884-1958) - немецкий писатель. В 1933-1945 гг. жил в эмиграции. Автор романов и других произведений по историческим сюжетам и о современном мире. В книге "Москва, 1937" оправдывал власть Сталина и "большой террор" в СССР.

226 Текст эпиграммы (а не частушки) следующий:

Стоит Фейхтвангер у дверей

С внимательнейшим видом.

Смотрите, как бы сей еврей

Не оказался Жидом!

227 В. - Вальтер Кривицкий.

228 Слуцкий Абрам Аронович (1898-1938) - сотрудник советских спецслужб. С 1919 г. на работе в ВЧК. С 1935 г. начальник Иностранного отдела НКВД. Комиссар госбезопасности 2-го ранга (1935). В феврале 1938 г. был отравлен цианистым калием в собственном кабинете. Смерть была представлена как,

якобы, последовавшая от сердечного приступа.

229 Имеется в виду Е.Порецкая.

230 Речь идет о фотоаппарате марки "Лейка"

231 Ироническое сопоставление Ломбардо Толедано с Ричардом I Львиное Сердце (1157-1199) - английским королем с 1189 г., участником многих походов, который был убит во время войны против Франции.

232 Троцкий написал "золотые рубашки", имея в виду "коричневорубашечников" - германских нацистских штурмовиков, основным элементом формы которых были рубашки коричневого цвета.

233 Васконселос Хосе (1882-1959) - мексиканский историк, философ и социолог консервативного направления. В 1921-1923 гг. министр народного образования. Во второй половине 30-х годов поддерживал правого деятеля генерала Седильо.

234 Кинофильм "Ленин в Октябре" был выпущен в 1937 г. к 20-летию Октябрьского переворота. Премьера состоялась 7 ноября 1937 г. в Большом театре в присутствии Сталина. Режиссер М.Ромм. Сценарий А.Каплера. Фильм фальсифицировал события 1917 г., полностью соответствуя тем инсинуациям, которые вскоре, в 1938 г., будут выражены в "Кратком курсе истории ВКП(б)". Тем не менее после первой демонстрации фильм был снят с экрана для переделки в соответствии с указаниями Сталина, который в целом фильм одобрил.

235 Видимо, оба документа были написаны Троцким, хотя рукописи в его архиве не сохранились.

236 "La Voz de Mexico" ("Голос Мексики") - официальная газета компартии Мексики с 1938 г.

237 Троцкий имел в виду сентаво - мелкую мексиканскую монету, равную 1/100 песо.

238 Речь идет о Конфедерации трудящихся Латинской Америки - объединении профсоюзов, существовавшем в 1938-1963 гг. Председателем был Ломбардо Толедано.

239 Confederati n General de Trabajadores (CGT) - Всеобщая конфедерация трудящихся Мексики. Была образована в 1921 г. Во второй половине 30-х годов была оттеснена на второй план Мексиканской конфедерацией рабочих.

240 "Casa del Pueblo" ("Дело народа") - профсоюз пекарей Мексики. Стоял на левых позициях.

241 Confederati n Regional Obrera Mexicana (KROM) - Региональная конфедерация рабочих Мексики. Была образована в 1918 г. в качестве умеренного профсоюзного объединения. Являлась членом Амстердамского Интернационала профсоюзов.

242 Имеется в виду соглашение Великобритании, Франции, Италии и Германии, подписанное в Мюнхене 30 сентября 1938 г., о передаче Германии Судетской области Чехословакии.

243 "Futuro" ("Будущее") - журнал Мексиканской федерации рабочих. Находился под контролем Ломбардо Толедано.

244 Андерсен Ханс Кристиан (1805-1875) - датский писатель. Автор сказок, основанных на фольклоре, прописанных лиризмом и юмором. В сказке "Новое платье короля", в которой король представлен голым, высмеивались корысть, карьеризм и самодовольство сильных мира сего.

245 Предисловие Троцкого к книге см. данный том, с.

246 Columbia University, Bakhtmetiev Archive, Ch.Malamuth Collection.

247 Мюнхенское соглашение - соглашение, подписанное 30 сентября 1938 г. премьер-министром Великобритании Н.Чемберленом, премьер-министром Франции Э.Даладье, А.Гитлером и Б.Муссолини о передаче Германии Судетской области Чехословакии. Соглашение предопределило захват всей Чехословакии Германией в марте 1939 г. (Словакия была объявлена независимым государством, ставшим сателлитом Германии).

248 Имеется в виду захват Австрии нацистской Германией ("аншлюсс") 11-12 марта 1938 г. Австрия была объявлена составной частью Германии. Независимость Австрии была восстановлена в апреле 1945 г. и узаконена Государственным договором 1955 г., запрещавшим "аншлюсс".

249 Эпп Франц Ксавьер (1868-1947) - германский генерал. Был одним из руководителей подавления Баварской Советской республики в 1919 г. В 1919-1923 гг. один из руководителей нацистских штурмовых отрядов. Губернатор Баварии в 1933-1945 гг. Краткое время являлся также министром колоний рейха. Осужден как военный преступник.

250 Пригц Коноэ Фумимаро (1891-1945) - премьер-министр Японии в 1937-1941 гг. и министр иностранных дел в 1938 г.

251 Из стихотворения А.С.Пушкина "Герой" (1830). В оригинале: "Тьмы низких истин мне дороже..."

252 Это издание обнаружить не удалось.

253 Троцкий ошибся. Речь идет о судебном процессе не над женой генерала Миллера, а над женой генерала Скоблина певице Надежде Плевицкой, который состоялся в Париже в конце 1938 г. Она была признана виновной в соучастии в похищении советскими агентами генерала Миллера и приговорена к 20 годам заключения. Умерла в тюрьме.

254 Айна де ла Торре - вождь сильной, нелегальной оппозиционной партии в Перу, имеющей влияние на отдельные группы интеллигенции в нескольких странах Латинской Америки. - Примеч. автора. Айна де ла Торре Виктор Рауль (1895-1979) - один из организаторов (1924) и лидер Перуанской народной партии (до 1945 г. называлась Американским народно-революционным альянсом - АПРА).

255 "Claridad" ("Ясность") - аргентинский журнал демократического направления. Выходит с 1928 г. по настоящее время.

256 Имеется в виду установление режима "нового государства" президентом Бразилии Ж.Варгасом в 1937 г.

257 Текст был написан Троцким и направлен в журнал "The New Internationalist" за подписью Д.Риверы.

258 Родригес Абелардо (1889-1957) - мексиканский военный и политический деятель, бригадный генерал. Занимал ряд военных и государственных постов. Выдвигал свою кандидатуру на пост президента. Получил незначительное количество голосов.

259 Беяс Артез - дворец изящных искусств в г. Мехико.

260 Цитата отсутствует. Далее также следуют многочисленные пропуски цитат и названий газет.

261 "Daily News" ("Ежедневные новости") - ньюйоркская газета. Выходит с 1920 г. по настоящее время.

262 Информационное агентство США под таким наименованием неизвестно.

263 Установить, в какой именно печатный орган было послано письмо, не удалось.

264 Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1872-1916) - фаворит царя Николая II и его жены Александры Федоровны. Происходил из крестьян Тобольской губернии. В качестве "провидца" и "целителя" оказывал мощное влияние на царскую семью, вмешиваясь в государственные дела. Был убит монархистами.

265 Имеется в виду Государственная Дума России.

266 Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870-1920) - один из лидеров Союза русского народа, крайне правый депутат II, III и IV Государственных Дум России. Принимал участие в убийстве Распутина. После Октябрьского переворота 1917 г. участвовал в борьбе против власти большевиков.

267 Юсупов Феликс Феликсович (1887-1967) - русский князь. Организатор и участник убийства Распутина. После 1917 г. эмигрировал. Умер в Париже.

268 Дмитрий Павлович - великий князь. Принимал участие в убийстве Распутина.

269 Троцкий сознательно искажает истину, ибо ему было отлично известно, что Екатеринбургский совет принял решение о казни царя и его семьи по распоряжению Ленина и Свердлова.

270 Максимилиан Фердинанд Жозеф (1832-1867) - император Мексики с 1862 г. после частичного завоевания страны Францией. После вывода из Мексики войск Наполеона III по требованию США в 1867 г. мексиканская армия под командованием Хуареса разгромила войска Максимилиана, который вслед за этим был расстрелян.

271 А.Цилига активно сотрудничал во французской прессе. В свою очередь французские газеты и журналы проявляли к нему повышенный интерес как к лицу, испытывавшему на себе большевистский террор. Статья о Цилиге в журнале "Correspondence" была одной из таких публикаций, в которых преобладали произвол и прямой вымысел.

272 В 1921 г. во время Кронштадтского восстания город носил название Петроград.

273 Приезд Троцкого в Петроград и издание им после этого приказов о

жестоким подавлении Кронштадтского восстания подтверждаются многими документами. См. примеч. 28.

274 Одно слово неразборчиво.

275 Тревиньо Родриго Гарсиа - деятель Конфедерации рабочих Мексики. Руководил группой, выступившей за разрыв со сталинистами. Автор нескольких книг о социально-политическом положении Мексики. В данном случае имеется в виду его брошюра: "El Pacto de Munich y la Tercera Internacional. - Mexico, 1938 ("Мюнхенское соглашение и Третий Интернационал").

276 Имеется в виду брошюра В.И.Ленина "Империализм, как высшая стадия капитализма" - Соч. - Изд. 5-е. - Т. 27. - С. 299-426.

277 Кабрера Луис - мексиканский адвокат правой политической ориентации. Был связан с нефтяными компаниями и крупными земельными собственниками. Выступил с правовым анализом и осуждением московских судебных фарсов в статье "Кровавый круг", опубликованной в газете "El Universal" 25 января 1937 г.

278 Де ла Фуэнте Фернандо (1889-1965) - мексиканский адвокат. Занимал различные посты в судебных органах Мексики. С 1940 по 1952 г. был членом Верховного суда (с перерывом).

279 Л.Амаго - псевдоним Л.Д.Троцкого.

280 Аллен Генри Джеймс (1868-1950) - американский государственный деятель. Был губернатором штата Канзас, затем сенатором от Республиканской партии. Возглавлял кампанию против правительства Мексики в связи с экспроприацией им собственности иностранных нефтяных объединений.

281 The Committee on Cultural Relations with Latin America (англ.) - Комитет культурных отношений с Латинской Америкой - американская общественная организация, созданная и возглавлявшаяся профессором Губертом Герингом. Встреча Троцкого с членами комитета состоялась 27 июня 1938 г.

282 Ньюйоркская торговая палата - объединение частных хозяйственных организаций. Основана в 1768 г.

283 Маннинг Уильям (1866-1949) - епископ Нью-Йорка в 1921-1946 гг.

284 Галисиа Лучиано - лидер Интернациональной коммунистической лиги, объединявшей мексиканских сторонников Троцкого. Образовалась в 1930 г. В начале 30-х годов Галисиа распустил организацию, затем восстановил ее. В 1939 г. порвал с IV Интернационалом, но позже вновь присоединился к нему.

285 Делегация Социалистической рабочей партии США была направлена в Мексику в конце 1938 г. для расследования положения дел в Интернациональной коммунистической лиге. В делегацию входили Д.Кеннон, М.Шахтман и В.Р.Дунне. Перед прибытием делегации Галисиа ушел в отставку.

286 Фрейлиграт Фердинанд (1810-1876) - немецкий поэт. Член Союза коммунистов. Автор произведений романтической и революционной лирики.

287 SOS (Save Our Souls - англ.) - Спасите наши души - сигнал тревоги, призыва к спасению.

288 Кофлин Чарлз (-) - американский католический священник. В 20-е годы начал радиопроповеди в Детройте. В конце 20-х - начале 30-х годов стал одним из правых экстремистов. Руководил Национальным союзом за социальную справедливость, выражал восторг нацистской Германией, в частности политикой антисемитизма.

289 Шумяцкий Борис Захарович (1886-1938) - советский государственный деятель. В 1917 г. был председателем Исполкома Советов Сибири. В 1920 г. председатель Совета министров Дальневосточной республики. С 1921 г. на дипломатической работе. С 1930 г. председатель Совкино. С 1933 г. начальник главного управления кинопромышленности. Автор книги: Туруханка: Очерки из жизни ссыльных Туруханского края 1908-1916 гг. - М., 1925. Арестован и расстрелян во время "большого террора".

290 Речь идет о статье Троцкого "ас решения близится: К положению во Франции". - Бюллетень оппозиции. - 1939. - No 74. - С. 4-10.

291 Александрова Вера (1895-1966) - дочь царского генерала Мордвинова. Жена русского меньшевика С.М.Шварца. Член меньшевистской партии. С 1922 г. в эмиграции. Жила в Германии, Франции, с 1940 г. в США. Сотрудничала в журнале "Социалистический вестник", где публиковала рецензии и литературоведческие статьи. После второй мировой войны была редактором журнала "Америка" на русском языке. Работала в издательстве им. Чехова в Нью-Йорке.

292 Гразет - французское издательство.

293 Von-tir - в данном случае доверенность на право совершения

определенных действий.

294 Напомним, что Паульсен - псевдоним Л.Эстрин

295 По всей видимости, речь идет о Гуверовском институте войны, революции и мира, которому Троцкий рекомендовал на работу Б.И.Николаевского.

296 Имеется в виду статья Троцкого "Час решения близится: К положению во Франции".

297 Рамирес Джулио - во второй половине 30-х - начале 40-х годов один из руководителей Всеобщей конфедерации мексиканских рабочих.

298 Имеется в виду опубликованная в печати телеграмма члена Палаты представителей Конгресса США Мэттиса, который участвовал в Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности.

299 Предвыборная кампания по выборам президента Мексики продолжалась более полутора лет. Борьба шла между рядом кандидатов. Вопреки ожиданиям, Д.Ривера поддержал не Л.Карденаса, а генерала Франсиско Мухика, министра общественных работ в правительстве Карденаса. Кандидатом правых был генерал Хуан Альмазан. Выборы состоялись 7 июля 1940 г. Президентом был избран кандидат центристских партий и организаций Авила Камачо.

300 Parti Socialiste Ouvrier et Paysan (PSOP) - Рабочая и крестьянская социалистическая партия Франции, основанная в июле 1938 г. М.Пивером после выхода его группы из Социалистической партии. Прекратила существование в начале второй мировой войны.

301 Устрикары и ставикары - лица, замешанные в аферах А.Устрика и С.Ставиского. Афера Устрика упоминалась в т. 2 данного издания. Сергей Ставиский был французским финансистом, скончавшимся в январе 1934 г. при странных обстоятельствах. При расследовании его смерти были обнаружены документы, свидетельствующие о финансовых махинациях, в которых были замешаны многие правительственные и полицейские чины. Скандал был использован правыми экстремистскими силами, организовавшими антиправительственную демонстрацию 6 февраля 1934 г.

302 Контрмэтр - одно из низших званий в масонской ложе.

303 Имеется в виду издававшийся в Париже в 1844 г., а не в 1843 г., "Deutsche-Franz sische Jahrb cher" ("Немецко-французский ежегодник"). Журнал выходил под редакцией К.Маркса и А.Руге. Удалось выпустить один сдвоенный номер.

304 "Neue Rheinische Zeitung" ("Новая Рейнская газета") - ежедневная газета. Выпускалась К.Марксом в Кельне с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 г. Пропагандировала революционное объединение Германии в форме демократической республики. Прекратила выход из-за правительственных репрессий.

305 "Trinchera Aprista" ("Траншея апристов") - журнал движения АПРА в Перу.

306 См. данный том, с.

307 Леон Гильермо Вегас - перуанский журналист, сотрудничавший также в газете "El Popular" (Мексика).

308 Бенавидес Оскар Раймундо (1876-1945) - президент Перу в 1933-1939 гг.

309 "New Deal" (англ.) - "Новый курс" - система мероприятий правительства президента Ф.Рузвельта в США в 1933-1938 гг. с целью ликвидации последствий экономического кризиса 1929-1933 гг. и смягчения социально-экономических противоречий. Включал меры государственного регулирования промышленности и сельского хозяйства, а также финансовой системы, предусматривал реформы в социальной области.

310 Льюис Джон (1880-1969) - американский парфсоюзный деятель. Председатель объединенного профсоюза шахтеров США в 1920-1969 гг. В 20-е - первой половине 30-х годов руководителю меньшинства в Американской федерации труда, выступавшего за производственное построение профсоюзов. В 1935-1940 гг. председатель Конгресса производственных профсоюзов.

311 Барселона была занята войсками генерала Франко 26 января 1939 г. После этого была захвачена вся Каталония. Остатки правительственных войск перешли французскую границу и были интернированы на территории Франции. Взятие Барселоны предшествовало победе Франко в гражданской войне, завершившейся 28 марта 1939 г. сдачей республиканцами Мадрида.

312 Редакционная статья "Slave" была написана Троцким.

313 По совету Троцкого О.Рюле подготовил книгу "The Living Thought of Karl Marx" ("Живая мысль Карла Маркса"), которую в 1939 г. опубликовал в

Нью-Йорке, а в 1940 г. в Лондоне. Данный текст является первой частью предисловия к этой книге. Вторую часть предисловия, написанную в апреле 1939 г., см. в данном томе, с.

314 Смит Адам (1723-1790) – британский экономист и философ, один из основателей классической политической экономии. Разработал важнейшие категории трудовой теории стоимости. Провел деление буржуазного общества на классы капиталистов, земельных собственников и рабочих.

315 Рикардо Дэвид (1772-1823) – британский экономист, один из основателей классической политической экономии. Сторонник трудовой теории стоимости.

316 Рокфеллеры – финансовая группа США. Сложилась в конце XIX в. Основатель Джон Рокфеллер-старший (1839-1937). Ядро группы – финансовая компания "Стандард-Ойл (Нью-Джерси)" (с 1973 г. "Эксон"). Финансовый центр "Чайз Манхеттен банк". Сферы влияния – нефтяная, электронная промышленность, металлургия, химия, страхование.

317 Каммингс Гомер (1870-1956) – генеральный прокурор (министр юстиции) США в 1933-1939 гг.

318 Токвиль Алексис (1805-1859) – французский историк и социолог, лидер консервативной Партии порядка, министр иностранных дел (1849). В сочинении "О демократии в Америке" (1835) поддержал необходимость буржуазно-демократических преобразований. Автор трудов по истории французской революции XVIII в.

319 Джексон Роберт (1892-1954) – американский юрист. Во второй половине 30-х годов генеральный прокурор (министр юстиции) США. В 1941-1954 гг. член Верховного суда. В 1945-1946 гг. главный обвинитель от США на Нюрнбергском процессе над главными немецкими военными преступниками.

320 Лундберг Фердинанд – американский экономист, автор сенсационной книги "American Sixty Families" ("Шестьдесят семейств Америки") (1937), в которой доказывал., что Соединенными Штатами правит капиталистическая олигархия.

321 Зомарт Вернер (1863-1941) – германский экономист, историк, социолог. Связывал развитие капитализма с раскрытием его духа – стремлением к наживе, свойственном человеку. Один из авторов теории организованного капитализма.

322 Калиостро Алессандро (настоящие фамилия и имя Бальзамо Джузеппе) (1743-1795) – итальянский авантюрист и мистик, выдававший себя за графа. Был связан с масонами. Жил во многих странах, в том числе в России. В 1791 г. был приговорен в Италии к смертной казни, замененной пожизненным заключением. Каолиостро – герой множества художественных произведений.

323 Казанова Джованни Джакомо (1725-1798) – итальянский писатель. Автор фантастических романов и "Мемуаров" (тт. 1-12, 1791-1798) на французском языке, запечатлевших нравы современников, авантюрные и любовные приключения автора.

324 Черные рубашки – форма боевых отрядов Итальянской фашистской партии.

325 Ньютон Исаак (1643-1727) – британский математик, механик, астроном и физик, создатель классической физики. Член (1672) и президент (с 1703) Лондонского королевского общества. Совершил ряд крупнейших физических открытий. Разработал дифференциальное и интегральное исчисления.

326 Так в тексте.

327 Имеется в виду аграрный кризис, продолжавшийся более продолжительное время, чем кризис в других сферах экономики.

328 Биллион – миллиард (влияние англ.).

329 Речь идет о мероприятиях "нового курса" правительства Ф.Рузвельта в США в области сельского хозяйства согласно "Акту о реконструкции сельского хозяйства" (AAA), утвержденного 12 мая 1933 г. Закон предусматривал компенсации фермерам за сокращение посевов и другие меры, направленные на преодоление относительного сельскохозяйственного перепроизводства.

330 Par excellence (лат.) – лучший в своем роде.

331 Муниципалитеты в качестве органов местной власти для США не характерны.

332 Икес Гаролд (1874-1952) – американский государственный деятель, министр внутренних дел в правительстве Ф.Рузвельта (с 1933 г.) и Трумэна (до 1946 г.).

333 Рузвельт Теодор (1858-1919) - 26-й президент США (1901-1909) от Республиканской партии. Возглавил кампанию против трестов. Проводил политику "большой дубинки" в отношении стран Латинской Америки (оккупация Кубы в 1906-1909 гг., захват зоны Панамского канала).

334 "Бурбоны 60 семейств" - выражение, основанное на книге Ф.Лундсберга "Шестьдесят семейств Америки".

335 Морганы - финансовая группа в США. Сформировалась в конце XIX в. Сферы влияния - банки, обрабатывающая промышленность, железнодорожный транспорт, страховое дело и др.

336 Меллоны - финансовая группа в США. Сложилась в конце XIX в. Интересы сосредоточены в электротехнической, нефтяной, алюминиевой промышленности и банковском деле.

337 Вандербидты - семья американских миллиардеров. Основана Корнелиусом Вандербилтом (1794-1877). Положили начало интенсивному железнодорожному строительству в США. В XX в. Вандербилты расширили свое влияние на различные отрасли тяжелой промышленности.

338 Гугенхаймы - семья американских миллиардеров-промышленников. Основана Мейером Гугенхаймом (1825-1905), создавшим ряд металлургических предприятий. В XX в. Гугенхаймы расширили свои интересы на другие отрасли промышленности.

339 Кортес Эрнан (1485-1547) - испанский конкистадор (завоеватель). В 1504-1519 гг. служил на Кубе. В 1519-1521 гг. возглавлял поход в Мексику, приведший к установлению там испанского господства. В 1522-1528 гг. губернатор, в 1529-1540 гг. генерал-губернатор Новой Испании (Мексики).

340 Плеоназм - употребление слов, излишних для смысловой полноты высказывания или для стилистической выразительности (например, "самый наибольший").

341 Мерфи Франк (1893-1949) - губернатор штата Мичиган (США). Во второй половине 30-х годов заместитель генерального прокурора (министра юстиции) США. В 1940-1949 гг. член Верховного суда США.

342 Дуглас Льюис (1894 - ?) - директор бюджетного управления США в 1933 г. Ушел в отставку в знак протеста против "нового курса" Ф.Рузвельта.

343 Милликен Роберт Эндрус (1868-1953) - американский физик. Измерил заряд электрона и совершил ряд других открытий. Лауреат Нобелевской премии (1923).

344 "Порвалась связь времен" - цитата из трагедии У.Шекспира "Гамлет".

345 Речь идет о традиционном послании президента Ф.Рузвельта Конгрессу США "О положении страны". С такими посланиями президенты выступают в начале каждого года на совместных торжественных заседаниях обеих палат Конгресса.

346 Точнее следовало бы перевести "Национальный обзор потенциальной производственной способности".

347 Кризис в основном окончился в 1933 г.

348 Логарифмы - показатели степени, позволяющие заменить более сложные математические действия элементарными. Открыты в начале XVIII в.

349 Уоллес Генри Эгард (1886-1965) - американский государственный деятель. В 1933-1940 гг. министр сельского хозяйства, в 1941-1945 гг. вице-президент, в 1945-1946 гг. министр торговли. Был снят со своего поста президентом Трумэном в связи с политическими разногласиями. В 1948 г. кандидат на пост президента от Прогрессивной партии. После провала на выборах отошел от политической деятельности.

350 Делионисты (точнее - дейолионисты, от английского слова daily - ежедневный) - группа американских социалистов в конце XIX в., которая проповедовала идеи повседневной помощи трудящимся и создания в результате этого нового общества.

351 Стэнли Шерман - член Социалистической рабочей партии США до 1940 г. Его статья называлась "Согласится ли Индия на федерализацию?"

352 Текст представляет собой вторую часть предисловия к книге О.Рюле "Живая мысль Карла Маркса". Первую часть см. в данном томе, с.

353 Хайдарабад - княжество, а затем (до 1956 г.) штат Индии. В 1798-1947 гг. княжество находилось в зависимости от британской колониальной администрации.

354 Речь идет о захвате Италией Албании 7 апреля 1939 г. Итальянские войска вторглись в Албанию. Король Зогу бежал. 12 апреля поспешно созданная албанская Конституционная ассамблея провозгласила "персональную унию" с

Италией и короля Виктора-Иммануила своим королем.

355 Статью Троцкого "Капитуляция Сталина" см.: Бюллетень оппозиции. - 1939. - № 75-76. - С. 3-4.

356 15 марта 1939 г. Гитлер объявил о "независимости" Словакии и Карпатской Украины и о превращении Чехии в "протекторат Богемия и Моравия". Немецкие войска в этот же день вторглись в Прагу. 16 марта Словакия объявила о том, что она находится под "покровительством" Германии.

357 Одновременно с захватом Чехии и превращением Словакии в самостоятельное государство под "покровительством" Германии Карпатская Украина, входившая в состав Чехословакии, была передана Германией Венгрии.

358 Статья была опубликована в качестве редакционной в майском номере журнала "Clave" за 1939 г.

359 Речь идет о железнодорожном крушении в Мексике в марте 1939 г.

360 В бюллетене "Fourth International" (1946, август) статья опубликована под заголовком "Национализированная промышленность и рабочее управление".

361 В статье пропуск. Очевидно, пропущено слово "которые".

362 "Juin 36" - французская левая газета. Выходила в течение короткого времени в конце 30-х годов.

363 "La lutte ouvrier" ("Рабочая борьба") - газета бельгийской секции IV Интернационала.

364 Имеется в виду публикуемая ниже статья (с.)

365 S ret nationale (Национальная безопасность) - дирекция полиции министерства внутренних дел Франции. С 1966 г. называется Национальная полиция.

366 Имеется в виду резолюция X съезда РКП(б) (март 1921 г.) о единстве партии, защищавшая в ней фракции и оппозиционные группировки.

367 "Masses" ("Массы") - французский журнал левого направления. Выходил в течение короткого времени во второй половине 30-х годов.

368 Номер пропущен.

369 Имеется в виду Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ).

370 См.: Троцкий Л. Наши политические задачи. - Женева, 1904.

371 Во избежание недоразумений отметим: масонство в разных странах в разные периоды играло разную психологическую роль. Но мы имеем в виду современную Францию с ее гниющим капитализмом и гниющей демократией: современное французское масонство выполняет насквозь реакционную функцию. - Примеч. автора.

372 Мимеограф (ротатор) - аппарат для размножения машинописного или рукописного текста небольшим тиражом.

373 На самом деле масонство возникло в начале XVIII в. в Великобритании.

374 Герен Даниэль - французский сторонник Троцкого. В 1939 г., будучи членом Рабочей и крестьянской социалистической партии, возглавляемой М.Пивером, обратился к Троцкому с критическим письмом. Ответ Троцкого "Центризм и IV Интернационал" был опубликован в "Бюллетене оппозиции". - 1939. - № 75-76. - С. 12-17.

375 Формоза - японское наименование острова Тайвань.

376 Для Индии опыт китайской революции 1925 - 1927 гг. имеет самое непосредственное значение. От всей души рекомендую индусским революционерам прекрасную книгу Гарольда Ойзакса "Трагедия Китая". - Примеч. автора.

377 Имеется в виду партия Индийский национальный конгресс, основанная в 1885 г. Эта партия от лояльной оппозиции британскому колониальному режиму перешла в 20-х годах XX в. к активной борьбе за независимость. После завоевания независимости (1947) до 1977 г. стояла у власти. Остается одной из основных политических сил страны по настоящее время.

378 Jean Malaquais. Les Javanais. - Editions Denoel. - Paris (фр.) - Жан Малакэ. Явайцы. Роман. Издательство "Деноэль", Париж.

379 По воспоминаниям очевидцев, в период своего пребывания в советских властных структурах Троцкий читал французские романы и на заседаниях Политбюро ЦК РКП(б), когда его не интересовали обсуждавшиеся вопросы.

380 Метеки - в древней Греции рабы, отпущенные на волю. Были лично свободными, но не имели политических прав.

381 Не ясно, у кого путаница: у Троцкого или автора романа, но в

английском языке спряжения глаголов не существует (есть правильные и неправильные глаголы).

382 Моран Поль (1888-1976) - французский писатель и дипломат, автор многочисленных романов и путевых очерков.

383 Томбукту (Тимбукту) - город в Мали, на реке Нигер. В XIII-XV вв. Был экономическим и культурным центром государства Мали, в XV-XVI вв. государства Сонгаи. В 1591 г. завоеван марроканцами, в 1893 г. - французами.

384 Предисловие подготовлено к изданию на украинском языке книги Троцкого "Украинский вопрос", выпущенной в Париже в 1939 г. на французском языке. Украинское издание опубликовать не удалось.

385 Имеется в виду нападение Германии на Польшу 1 сентября 1939 г., означавшее начало второй мировой войны.

386 Имеется в виду заключение 23 августа 1939 г. советско-германского договора о ненападении. Об одновременном подписании дополнительного секретного протокола о разделе Восточной Европы Троцкий, разумеется, не имел понятия.

387 Очевидно, речь идет о докладе В.М.Молотова на IV сессии Верховного Совета СССР 31 августа 1939 г. о ратификации советско-германского договора о ненападении.

388 Закон о нейтралитете США был принят в 1935 г. Он предусматривал полное запрещение продажи всех видов оружия, а также других форм поставок оружия любым воюющим странам.

389 Буш Ноэл (1906 - ?) - американский журналист, сотрудник журнала "Life" ("Жизнь").

390 Речь идет о статье Троцкого "Сталин", опубликованной в американском журнале "Life" 2 октября 1939 г.

391 Письмо Ленина Сталину о разрыве личных взаимоотношений в связи с грубостью Сталина по отношению к Н.К.Крупской см.: Ленин В.И. Соч. - Изд. 5-е. - Т. 45. - С. 606-607.

392 Об этом эпизоде впервые написал Троцкий в очерке "Сверх-Борджиа в Кремле" (октябрь 1939 г.). По воспоминаниям Троцкого, в феврале 1923 г. Сталин на встрече членов Политбюро ЦК РКП(б) (участвовали Сталин, Троцкий, Зиновьев и Каменев) сообщил, что Ленин попросил передать ему яд. Далее этого разговора дело не пошло, но Троцкий дает понять, что Сталин и без решения политбюро мог способствовать самоубийству или организовать убийство Ленина (Троцкий Л. Портреты революционеров. - Benson, Vermont, 1988. - Составитель Ю.Фельштинский. - С. 92-106).

393 Плетнев Дмитрий Дмитриевич (1872-1941) - врач-терапевт, профессор Московского университета с 1911 г. До 1917 г. был членом партии кадетов, затем отошел от политической деятельности. В 1932-1937 гг. директор Научно-исследовательского института функциональной диагностики и экспериментальной терапии. В 1937 г. арестован. На судебном фарсе по делу "правотроцкистского блока" в марте 1938 г. приговорен к 25 годам тюремного заключения. Скончался в тюрьме.

394 Казаков Игнатий Николаевич (1870-1938) - врач, профессор. Был арестован в 1937 г. и на судебном фарсе по делу "правотроцкистского блока" обвинен в убийстве советских руководителей. Приговорен к смертной казни и расстрелян.

395 Вторая статья Троцкого о Сталине, датированная 13 октября 1939 г., в журнале "Life" опубликована не была. Она была обнародована лишь в наше время под названием "Сверх-Борджиа в Кремле" (см. примеч. 392).

396 L.T.[rotsky] to Malamuth. October 14, 1939 (англ.) - Л.Т[роцкий] Маламуту, 14 октября 1939 г.

397 Речь идет о статье Троцкого "Сверх-Борджиа в Кремле". Письмо Маламуту по поводу этой статьи от 17 ноября 1939 г. см.: Троцкий Л. Портреты революционеров. - С. 109-111.

398 Речь идет о книге: The Plot Against the Soviet Union and World Peace. - Moscow, 1938 ("Заговор против Советского Союза и всеобщего мира"), изданной под редакцией Б.Н.Пономарева, в то время сотрудника аппарата генерального секретаря Исполкома Коминтерна Г.Димитрова.

399 Императивный мандат - поручение организации своему делегату голосовать строго определенным образом.

400 Черные сотни (черносотенцы) - члены погромно-монархических

организаций "Союз русского народа", "Союз Михаила Архангела" и других в 1905–1917 гг. Они организовывали вооруженные отряды (иногда под названием "черные сотни") для борьбы против рабочего движения и организации погромов еврейского населения.

401 Комиссия Дайеса – комиссия Палаты представителей Конгресса США по расследованию антиамериканской деятельности.. Председателем комиссии был Дайес Мартин (1901–1972) – член Палаты представителей от штата Техас. Комиссия была создана в 1939 г. ? В 1974 г. была переименована в комиссию по внутренней безопасности.

402 Речь идет об оппозиции в Социалистической рабочей партии США во главе с М.Шахтманом, М.Аберном и другими, которая выступила за отказ от лозунга защиты СССР в условиях, когда Советский Союз соучаствовал в агрессии гитлеровской Германии в Европе в 1940 г. Шахтман и его сторонники порвали с СРП и образовали Рабочую партию.

403 Речь идет о статье "Мелкобуржуазная оппозиция в Социалистической рабочей партии Соединенных Штатов", опубликованной в "Бюллетене оппозиции". – 1940. – 82–83. – С. 12–22.

404 Осенью 1939 г. правительство СССР предъявило Финляндии ряд требований, близких к тем, которые были приняты в конце сентября – начале октября Литвой, Латвией и Эстонией. Помимо предоставления военных баз и других требований СССР требовал уступки ему Карельского перешейка с г. Виипури. 26 ноября правительство Финляндии отвергло эти требования. 30 ноября СССР начал агрессию против Финляндии. "Зимняя война" продолжалась до марта 1940 г. 14 декабря 1939 г. СССР был исключен из Лиги Наций за агрессивные действия. Согласно условиям мирного договора, подписанного в Москве, Финляндия передала СССР Карельский перешеек с г. Виипури (Выборгом), а также военную базу на острове Ханко.

405 Имеется в виду "The Socialist Appeal".

406 Columbia University, Bakhmetiev Archive, Ch.Malamuth Collection.

407 Речь идет о главах книги Троцкого "Сталин".

408 Бернам (точнее Бернхам) Джеймс (1903–1981) – американский сторонник Троцкого, один из лидеров Социалистической рабочей партии. Профессор философии. В 1940 г. порвал с партией вместе с другими членами группы Шахтмана. После второй мировой войны активно и доказательно разоблачал тоталитаризм в СССР. Автор ряда исследовательских трудов. Широко известна его работа "The Managerial Revolution" ("Номенклатурная революция"), выдержавшая ряд изданий. Бернхам был одним из редакторов правого журнала "The National Review"

409 Имеется в виду упоминавшаяся выше статья Троцкого "Мелкобуржуазная оппозиция в Рабочей социалистической партии Соединенных Штатов".

410 Логика Аристотеля – формальная логика, основанная на силлогистике – учении о дедукции, в котором рассматриваются утверждения в форме силлогизмов – двух посылок, из которых следует заключение.

411 Логика Гегеля – диалектическая логика, основанная на разработанном Гегелем учении о противоречии как внутреннем источнике развития, восхождения от абстрактного к конкретному в форме триады, снятия или отрицания отрицания (тезис, антитезис, синтез противоположностей).

412 Силлогизм – рассуждение, в котором две посылки объединяются общим термином, обеспечивающим "замыкание" в заключении.

413 Евангелие Святого Иоанна – одно из канонических (внесенных в состав Нового Завета) Евангелий – раннехристианских сочинений о "земной жизни" Иисуса Христа (известны также новозаветные Евангелия от Марка, Матфея и Луки).

414 Речь идет о журнале "The Forth International".

415 Неокантианство – течение в философии второй половины XIX – начала XX в. Сторонники течения пытались возродить философию И.Канта, развивая и дополняя ее своими выводами. Неокантианцы отказались от кантовской "вещи в себе", ввели представление об априорном (внеопытном) характере знания.

416 Утилитаризм – философский принцип оценки явления с точки зрения его полезности. Получил наибольшее распространение в Великобритании в XIX в.

417 Струве Петр Бернгардович (1870–1944) – русский экономист, философ, историк. Теоретик "легального марксизма", затем один из лидеров кадетов. После Октябрьского переворота 1917 г. эмигрировал.

418 Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944) – русский экономист и

философ. В начале своей научной деятельности марксист, затем теолог, теоретик богословия. С 1923 г. в эмиграции. Жил в Париже.

419 Категорический императив - центральное понятие этики И.Канта, формальные правила поведения людей независимо от происхождения, положения, обстоятельств. Категорический императив требует всегда поступать в соответствии с принципом, который мог бы стать всеобщим нравственным законом.

420 "Национальное правительство" Великобритании было образовано 27 октября 1931 г. под председательством Рамзея Макдоналда. В него вошли отколовшиеся от традиционных партий группы национал-лейбористов, национал-либералов и национал-консерваторов. В 1935 г. после парламентских выборов было образовано коалиционное правительство во главе с консерватором Стенли Болдуином.

421 "Экономизм" - течение в российской социал-демократии конца XIX - начала XX в. "Экономисты" считали политическую борьбу делом либеральной буржуазии и призывали рабочее движение сосредоточить свои усилия на экономической борьбе. Издавали газету "Рабочая мысль" и журнал "Рабочее дело".

422 Аберн Мартин (1898-1949) - американский коммунист. Был исключен из компартии за сочувствие объединенной оппозиции в ВКП(б). Один из основателей организации американских сторонников Троцкого, один из лидеров Социалистической рабочей партии. В 1940 г. вместе с М.Шахтманом порвал с ней и участвовал в основании Рабочей партии.

423 Речь идет о брошюре Бернхама, Шахтмана, Аберна и других авторов (1939), в которой они выступили с критикой курса Д.Кеннона в руководстве Социалистической рабочей партии США, доказывая, что СССР не является более рабочим государством, что в его защиту выступать не следует.

424 Бюффон Жорж Луи Леклерк (1797-1788) - французский естествоиспытатель. Автор "Естественной истории" в 36 томах (1749-1788). Высказывал представления о развитии земного шара, едином строении органического мира, изменчивости видов под влиянием условий среды.

425 Лайонс Юджин (1898 - ?) - американский журналист. Работал в СССР в 30-е годы. Автор книги "Assignment in Utopia" ("Предназначение утопии") (1937).

426 "Harper's Magazine" ("Журнал Харпера") - американский литературно-художественный и публицистический журнал. Выходит с 1847 г. по настоящее время.

427 "Modern Monthly" ("Современный ежемесячник") - американский левый публицистический журнал. Издавался В.Ф.Калвертоном в 1923-1940 гг. Затем был преобразован в "Modern Quaterly" ("Современный ежеквартальник").

428 "Common Sense" ("Здравый смысл") - американский либеральный ежемесячник. Выходил в 1932-1946 гг.

429 Абсентизм - неучастие. Обычно имеется в виду уклонение избирателей от участия в голосовании.

430 Речь идет о вступлении советских войск в Литву, Латвию и Эстонию летом 1940 г. СССР предъявил прибалтийским странам ультиматум с требованиями отставки правительств, предания суду ряда должностных лиц и размещения в этих странах неограниченных контингентов советских войск. 15 июня советские войска оккупировали страны Балтии. Одновременно в Ковно, Риге и Таллинне местными коммунистами были спровоцированы беспорядки, которые были объявлены "народными революциями". По команде из Москвы были проведены сфальсифицированные выборы в парламенты, которые привели к власти коммунистов. 21 июля эти парламенты обратились с просьбой о принятии Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР. "Просьбы" были удовлетворены и в составе СССР появились три новые союзные республики.

431 Бронкс - район Нью-Йорка. Является в основном жилым районом с небольшим числом промышленных предприятий.

432 Троцкий имеет в виду Еврейскую социалистическую рабочую партию Польши.

433 Польская социалистическая партия (ППС) была основана в 1893 г. В 1906 г. раскололась на ППС-революционную фракцию и ППС-левицу. В 1919 г. была восстановлена единая ППС.

434 Гельсингфорс - шведское название города Хельсинки.

435 Речь идет о сообщении, опубликованном в советской прессе 1 декабря

1939 г., на следующий день после начала советской агрессии против Финляндии, о том, что в местечке Териоки, на территории Финляндии, якобы образовано правительство Демократической Финляндской Республики во главе с Отто Куусиненом. Была опубликована программа марионеточного правительства (если оно вообще существовало), но после того, как советские войска встретили на территории Финляндии непредусмотренное упорное сопротивление, это "правительство" в прессе более не упоминалось.

436 Маннергейм Карл Густав (1867-1951) - финский военный и государственный деятель. Фельдмаршал (1933). Служил в российской армии до 1917 г. Затем генерал финской армии. В 1944-1946 гг. президент Финляндии.

437 Спектор Морис (1898-1968) - деятель канадского коммунистического движения, один из основателей компартии. С 20-х годов жил в США. Был одним из лидеров Социалистической рабочей партии. Порвал с ней в 1939 г.

438 Имеется в виду упомянутая выше статья Л.Д.Троцкого "Мелкобуржуазная оппозиция в Рабочей социалистической партии Соединенных Штатов" или же его статья "От царапины - к опасности гангрены" (Бюллетень оппозиции. - 1940. - No 82-83. - С. 22-32).

439 Форд Джеймс - деятель компартии США. Был кандидатом партии на пост вице-президента в 1932, 1936 и 1940 гг.

440 В октябре 1939 г. комиссия по расследованию антиамериканской деятельности Палаты представителей Конгресса США (комиссия Дайеса) пригласила Троцкого выступить на заседаниях комиссии в качестве свидетеля. Троцкий принял предложение. В том же месяце член Политического комитета Социалистической рабочей партии США Джеймс Бернхам выступил с заявлением, в котором призвал Троцкого отказаться от сотрудничества с этой комиссией и обратился к руководству своей партии с предложением о публичной критике этой акции Троцкого. Политический комитет, однако, поддержал Троцкого на том основании, что его выступление будет иметь пропагандистскую ценность. Выступление не состоялось.

441 Имеется в виду Палата представителей - низшая палата Конгресса США, избираемая по пропорциональному признаку.

442 Видимо, речь идет о книге Троцкого 'La guerre imperialiste et la révolution prolétarienne' (Paris, 1940).

443 Куртис и Браун - литературное агентство в Нью-Йорке.

444 Речь идет о конференции Социалистической рабочей партии США 5-9 апреля 1940 г., на которой произошел раскол. Группа М.Шахтмана покинула СРП и основала Рабочую партию.

445 "Истинный социализм" ("немецкий социализм") - социалистическое течение в Германии в 1844-1847 гг. Основные представители К.Грюн и М.Гесс. Течение идеализировало докапиталистические порядки, считало возможным приход к социализму, минуя капиталистическую стадию.

446 Уолл-стрит - улица в Нью-Йорке, где расположены фондовая биржа и правления крупнейших банков. Считается символом американской финансовой системы.

447 Белый Дом - резиденция президента США в г. Вашингтоне. Считается символом исполнительной власти США.

448 26 сентября 1939 г. правительство Э.Даладье во Франции издало декрет о запрещении компартии. Затем были изданы распоряжения о конфискации ее имущества, смещении мэров-коммунистов и роспуске муниципальных советов, в которых они составляли большинство. Часть депутатов-коммунистов была арестована, другие перешли на нелегальное положение. В январе 1940 г. был утвержден закон об исключении коммунистов из парламента. В марте 1940 г. состоялся суд над депутатами-коммунистами, которые были приговорены к пятилетнему тюремному заключению.

449 The Case of Leon Trotsky, Harper, New York, 1937; Not Guilty. Harper, New York, 1938. - Примеч. автора.

450 Имеется в виду книга В.Кривицкого "In Stalin Secret Service" ("На секретной службе Сталина"). - New York, 1939.

451 Partido de la Revolución Mexicana (PRM) - Партия мексиканской революции - правящая партия Мексики во второй половине 30-х годов.

452 Нуньез Хосе Мануэль - начальник полиции Мексики в 1940 г.

453 24 мая 1940 г. группа коммунистических террористов под непосредственным руководством Д.А.Сикейроса и советского агента И.Р.Григулевича совершила бандитский налет на дом, в котором проживал

Троцкий с семьей и помощниками. Троцкий и его жена Н.И.Седова не пострадали. Был легко ранен внук Троцкого Всеволод Волков. Налетчики захватили секретаря и охранника Троцкого Роберта Шелдона Харта, так как именно он открыл ворота знакомому ему Григулевичу и легко мог его опознать. Через некоторое время Харт был убит (его труп был обнаружен 25 июня).

454 "El Nacional" ("Нация") - ежедневная мексиканская газета. Была близка к правительственным кругам.

455 "El Machete" ("Мачете") - газета компартии Мексики, переименованная в 1938 г. в "La Voz de Mexico" ("Голос Мексики"). Мачете - длинный нож для уборки сахарного тростника и прорубания троп в зарослях.

456 Сикейрос Давидо Альваро (1898-1974) - мексиканский живописец, коммунист. Один из создателей школы монументальной живописи. Участник гражданской войны в Испании 1936-1939 гг. Один из организаторов и непосредственный руководитель нападения на дом Троцкого 24 мая 1940 г. в соответствии с планом советских спецслужб.

457 Серрано Давидо Андонегью - мексиканский коммунист, член ЦК компартии. Участвовал в гражданской войне в Испании.

458 Пухоль А. - участник налета на дом Троцкого 24 мая 1940 г.

459 Секретарио де организасион (секретарь организации) - текст, написанный кириллицей по-испански.

460 Салазар Леандро Санчес - полковник, руководитель тайной полиции Мексики. Осуществлял общее руководство расследованием нападения на дом Троцкого 24 мая 1940 г. Позже написал книгу об убийстве Троцкого: "Murder in Mexico" (London, 1950).

461 Харт Роберт Шелдон (? - 1940) - американский сторонник Троцкого. В 1940 г. был его секретарем и охранником. Похищен во время налета на дом Троцкого и затем убит.

462 См. выше, с.

463 "El Universal" ("Всеобщая") - мексиканская газета. Выходит с 1848 г. по настоящее время.

464 "Excelsior" ("Совершенство") - мексиканская газета. Выходит с 1917 г. по настоящее время.

465 "La Prensa" ("Пресса") - мексиканская газета. Выходила в 1913-1957 гг.

466 Шюсслер Гертруда - жена Отто Шюсслера, секретаря и охранника Троцкого. Помогала Троцкому по хозяйству в Барбизоне (Франция).

467 Заметка в измененном виде, со ссылкой на анонимного "коллегу", попала также в "Пренсу". Отмечу мимоходом, что и в ряде других случаев таинственный сталинский источник по какому-то каналу пропускал тенденциозные сведения в эту газету. Но опубликование заметки в "Пренса" не могло, разумеется, иметь и сотой доли того значения, как ее опубликование в "Насиональ". - Примеч. автора.

468 Пятый полк в Испании - полк испанской республиканской армии во время гражданской войны 1936-1939 гг., организованный и руководимый коммунистами. Использовался в основном для жестокого подавления внутренних антиправительственных выступлений.

469 Листер Энрике (1907-1995) - испанский коммунист. В 1936 г. был основателем, а затем командиром Пятого полка. В 1939 г. эмигрировал в СССР. С 1946 г. член Политбюро компартии. В 60-70-е годы вел борьбу против руководства компартии со сталинистских позиций.

470 Контрерас Карлос (настоящие фамилия и имя Видали Витторио) (1900-1983) - итальянский коммунист. Представитель Коминтерна в Испании во время гражданской войны. Один из организаторов резни левого крыла республиканцев и сторонников Троцкого.

471 Campesino (исп.) - крестьянин. Таков был псевдоним руководителя контрразведки в Пятом полку испанской правительственной армии во время гражданской войны. Настоящая фамилия неизвестна.

472 Одно слово пропущено. Имеется в виду "благоприятные".

473 Кампа Валентин (1904 -?) - заместитель генерального секретаря компартии Мексики во второй половине 30-х годов, ответственный за работу в профсоюзах. Смещен со своего поста вместе с генеральным секретарем Лаборде после неудачного покушения на жизнь Троцкого 24 мая 1940 г.

474 Правильно не Геррано, а Герро Висенте - заместитель генерального секретаря компартии Мексики во второй половине 30-х годов, ответственный за

работу с крестьянством. Смещен со своих постов летом 1940 г.

475 Судья по имеющимся источникам, лицо по имени Лобато в руководство компартии Мексики не входило. Видимо, допущена ошибка.

476 Gobernacion (исп.) - правительство. Имеется в виду секретарь министерства внутренних дел Мексики.

477 Альмазан Хуан Андреа (1891-1965) - мексиканский генерал, участник революции 1910 г. Кандидат на пост президента от правых сил в 1940 г.

477a Quid prodest? (лат.) - кому выгодно?

478 Глазман Михаил Семенович (? - 1924) - секретарь и стенограф Троцкого, когда он был наркомом по военным и морским делам. Участник оппозиции 1923 г. В 1924 г. исключен из ВКП(б). Покончил самоубийством.

479 Бутов Георгий (? - 1928) - секретарь Троцкого в качестве наркома по военным и морским делам. Был арестован за отказ подписать фальшивые обвинения против Троцкого. Скончался в результате голодовки в тюрьме.

480 Бассольс Нарсисо (1897-1959) - мексиканский юрист, профессор. Несколько раз входил в правительство. Был послом в ряден стран.

481 Mr. Jesse S. Harte, 1450 Broadway, New York City, N.Y. (англ.) - М-ру Джессу С. Харту, 1450 Бродвей, город Нью-Йорк, [штат] Нью-Йорк. Харт Д.С. - отец Роберта Харта.

482 Хансен Джозеф, Робинс Гаролд, Корнел Чарлз, Купер Джек, Шлюссер Отто, О'Рупке Уолтер - американские сторонники Троцкого, работавшие в 1940 г. его секретарями и охранниками. Робинс и Корнел остались у Троцкого после того, как они в качестве делегатов Социалистической рабочей партии США провели 1-15 июня 1940 г. дискуссию с Троцким по современным политическим и экономическим проблемам.

483 Теллез Игнацио Гарсиа (1897 - ?) - мексиканский государственный деятель. Занимал ряд правительственных постов. В 1937-1938 гг. секретарь президента, в 1938-1940 гг. секретарь правительства.

484 Речь идет о Гуверовском институте войны, революции и мира, основанном в г. Пало-Алто (Калифорния, США) Гербертом Гувером (позже президентом США) в 1919 г. При институте имеется обширный архив, включающий ряд фондов российских общественно-политических организаций и деятелей.

485 Архив Троцкого был продан Гарвардскому университету в июле 1940 г. в соответствии с договором, подписанным в Койоакане. Гарвардскому университету передавались документы, возникшие до конца 1936 г. Предусматривалось, что передаваемая переписка Троцкого не будет открыта для исследователей и публикации в течение 40 лет. После гибели Троцкого его вдова Н.И.Седова передала в Гарвардский университет документы с 1937 г. на депозитарное хранение (в 1946 г. был подписан протокол о их продаже). В 1953 г. Седова передала университету партию документов, которые ей удалось собрать после гибели мужа. В 1980 г. архив Троцкого в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета был полностью открыт для исследователей.

486 Текст договора отсутствует.

487 Вийасеньор Виктор Мануэль (1904-1981) - мексиканский политический деятель. В 1936-1940 гг. директор газеты "Эль Футуро". Краткое время (1948-1949) был генеральным секретарем Народной партии. Занимал различные государственные посты.

488 Каррильо Алехандро (1908 -?) - мексиканский военный и политический деятель, публицист. В 30-е годы директор газеты "Эль Популяр".

489 "Ля сигнификацион де троцкизмo" ("Значение троцкизма") - заголовок, написанный кириллицей на испанском языке.

490 Цитаты отсутствуют.

491 Ареналь Луис - участник налета на дом Троцкого 24 мая 1940 г. Сестра Ареналья Анжелика была женой Сикейроса. Она также участвовала в налете.

492 Цитата отсутствует.

493 "Эот Перфиль де Мес" ("Профили месяца") - раздел газеты "Эль Футуро", переданный кириллицей на испанском языке.

494 Цитата отсутствует.

495 Имеется в виду художник.

496 Речь идет о разрыве Троцкого с Риверой в 1939 г. в связи с их разногласиями по вопросам профсоюзного движения, классовой природы СССР и предстоящими президентскими выборами в Мексике, а также стремлением Риверы играть более активную руководящую роль в IV Интернационале. После разрыва

Троцкий прокинул дом Риверы и переехал в другой дом на авенида Виена в Койоакане.

497 Цитата отсутствует.

498 Речь идет о протоколе допроса Троцкого мексиканскими полицейскими властями, ведшими следствие по делу о покушении 24 мая 1940 г. В допросе участвовал адвокат нападавших член ЦК компартии Мексики Павон Флорес.

499 "La lucha contra el trotskismo y demas enemigos del pueblo" (исп.) - "Борьба против троцкизма и других врагов народа".

500 "Fuera el imperialismo!" Esition popular (исп.) - "Долой империализм!" Народное издательство.

501 Мартинес Луис Матео - участник подготовки нападения на дом Троцкого 24 мая 1940 г., снабдивший его участников полицейской формой.

502 "La unidad a toda casta" (исп.) - "Единство во что бы то ни стало".

503 "Эль орадор популяр" (испанский текст, написанный кириллицей) - "Народный оратор".

504 Карснер Роза (1889-1968) - американская коммунистка, затем сторонница Троцкого. Гражданская жена Д.Кеннона.

505 Доббс Фаррел (1907 - ?) - американский профсоюзный деятель, во второй половине 30-х годов секретарь профсоюза швейников в г. Минеаполис. С 1940 г. секретарь Социалистической рабочей партии, с 1953 г. национальный секретарь СРП. Автор нескольких книг по истории профсоюзного движения в США и Социалистической рабочей партии.

506 Шульц Генри - американский сторонник Троцкого. Участвовал в подборе добровольцев для охраны Троцкого из числа членов Социалистической рабочей партии.

507 Как явствует из новых материалов, ворота были действительно открыты Р.Хартом, к которому с улицы обратился тайный советский агент И.Григулевич (кличка "Юзек"), являвшийся одним из главных организаторов покушения 24 мая. Григулевич перед этим смог установить доверительные отношения с Хартом и не вызвал у него подозрений (Чернявский Г. Иосиф Григулевич. - ученый и убийца. - В кн.: Чернявский Г. Притчи о Правде и Лжи. - Харьков: Око, 2003. - С. 228-239.

508 Хефатура полиции - отделение полиции (испанское слово jefatura).

509 Вопрос и ответ отсутствуют.

510 Педрешаль - водохранилище в г. Мехико.

511 Цитата отсутствует.

512 Цитата отсутствует.

513 Цитата на испанском языке, написанная кириллицей. Передана с ошибками. Правильно: "Aunque cogido de nosotros esta sujeto" ("Его взяли под руки и крепко держали").

514 Цитата отсутствует.

515 Цитата отсутствует.

516 Цитата отсутствует.

517 "Ноу" ("Сегодня") - мексиканский еженедельник. Выходил в конце 30-х годов под редакцией Франсиско Заморы, основателя газеты "Эль Универсаль", участника комиссии Д.Дьюи.

518 Ecosado (исп.) - обвиняемый в суде.

519 Так в тексте. Имеется в виду "об обвиняемых".

520 См. следующий документ.

521 Aggressividad (исп.) - агрессивность.

522 Имеется в виду доклад В.М.Молотова "Внешняя политика СССР" на сессии Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г.

523 Черновик незаконченного предисловия к начатой, но оставшейся лишь только в набросках отдельных разделов биографии В.И., Ленина.

524 Елизарова-Ульянова Анна Ильинична (1864-1935) - сестра Ленина. Участвовала в социал-демократическом движении. В 1918-1921 гг. работала в Наркомпросе РСФСР. Участвовала в создании Института В.И.Ленина.

525 На этом текст предисловия обрывается.

526 Юнкерство - сословие крупных германских землевладельцев, пользовавшихся почти неограниченной властью в своих имениях. Цитаделью юнкерства была Восточная Пруссия. После второй мировой войны в Восточной Германии юнкерские хозяйства были конфискованы государством. В Западной Германии они преобразовались в крупнотоварные хозяйства.

527 В тексте пропуск. Имеется в виду "в опасности".

528 Георг V (1865–1936) – британский король с 1910 г.

529 Стюарты – королевская династия в Шотландии (1371–1714) и Англии (1603–1649, 1660–1714).

530 Reduit (фр.) – неполный, уменьшенный. В данном случае употребляется в смысле "ослабленная позиция", "последний редут".

531 Книга Г.В.Плеханова "Наши разногласия", написанная в 1885 г., содержала полемику с революционным народничеством.

532 В конце 1905 г. Л.Б.Красин возглавил Боевую техническую группу при ЦК РСДРП, которая, в частности, наладила производство самодельных бомб. Созданный им запал для этих бомб был, по мнению военных специалистов, новинкой в мировой военной технике. Красин мечтал создать бомбу величиной с орех.

533 Закон 1889 г. о земских начальниках вводил в России должность земского начальника из дворян. Земский начальник контролировал деятельность органов крестьянского общественного самоуправления и являлся первой судебной инстанцией для крестьян.

534 Земская контрреформа 1890 г. состояла в создании губернских присутствий по земским делам, что значительно усилило контроль министерства внутренних дел и губернаторов над земскими учреждениями.

535 Земское положение 1864 г. (земская реформа) создавало выборные органы местного самоуправления – земства. К 1914 г. земства действовали в 43 губерниях России. Распорядительными органами были губернские и уездные земские собрания, депутаты которых (гласные) избирались по трем куриям (землевладельцев, собственников городской недвижимости и представителей сельских обществ). Исполнительными органами были губернские и уездные земские управы. Земства действовали под контролем властей. Они ведали народным образованием, здравоохранением, строительством дорог, содействовали развитию крестьянских хозяйств и кустарных промыслов. Земства были ликвидированы большевистскими властями в 1918 г.

536 Николай Палкин (Николай I) (1796–1855) – российский император с 1825 г. Преследовал свободумыслие, выступал как "жандарм Европы", разгромил Польское восстание 1830–1831 гг. и революцию в Венгрии 1848–1849 гг.

537 Имеется в виду дело о подготовке покушения 1 марта 1887 г. на Александра III. Покушение готовилось "Террористической фракцией" "Народной Воли". В подготовке участвовал брат В.И.Ленина Александр Ульянов, приговоренный к смертной казни и повешенный в Шлиссельбургской крепости.

538 Древние стоики – сторонники стоицизма – направления в философии (Зенон, Клеандр и другие в Древней Греции, Сенека, Эпикур, Марк Аврелий в Древнем Риме). Стоики проповедовали учение о мире как живом организме, пронизанном творческим первоначалом. Стоицизм уравнивал всех людей перед лицом "мирового закона".

539 Бруснев Михаил Иванович (1864–1937) – российский социал-демократ, инженер. В 1889–1892 гг. руководил марксистской группой в Петербурге. С 1907 г. не участвовал в политической деятельности.

540 Мицкевич Сергей Иванович (1869–1944) – российский социал-демократ с 1891 г. Врач. В 1924–1934 гг. директор Музея Революции СССР. Автор апологетических работ по истории российского революционного движения.

541 "Народная Воля" – революционная подпольная организация, основанная в 1879 г. Ставила цели уничтожения самодержавия, созыва Учредительного Собрания, введения демократических свобод, передачи земли крестьянам. Лидерами были А.И.Желябов, А.Д.Михайлов, С.Л.Перовская и др. Печатный орган "Народная воля" (1879–1885). Организация прекратила существование в результате массовых репрессий после убийства царя Александра II в 1881 г.

542 Тихомиров Лев Александрович (1852–1923) – российский революционер–народник. Редактор ряда народнических изданий. С 1882 г. председатель Исполкома "Народной Воли" за границей. Позже отошел от политической деятельности. В 1888 г. возвратился в Россию и был помилован. Стал монархистом.

543 Надсон Семен Яковлевич (1862–1888) – русский поэт. Автор лирических и гражданских стихотворений.

544 Григорович Дмитрий Васильевич (1829–1899) – русский писатель. Автор повестей и романов антикрепостнического содержания, насыщенных богатым этнографическим материалом.

545 Цитируемое письмо см.: Чехов А.П. Соч. – Т. 14. М., 1949. – С. 33.

Письмо датировано 5 февраля 1888 г.

546 Мышкин Ипполит Николаевич (1848-1885) - российский революционный народник. В 1875 г. пытался освободить Н.Г.Чернышевского из сибирской ссылки. Выступил со смелой речью на судебном процессе 193-х в 1878 г. Был приговорен к 10 годам каторги. В 1884 г. переведен в Шлиссельбургскую крепость. Расстрелян за протест против тюремного режима.

547 Процесс 193-х 18 октября 1877 - 23 января 1878 г. в Петербурге - политический процесс над революционными народниками - участниками "хождения в народ" (было арестовано около 4 тыс. человек). 28 подсудимых были приговорены к каторге, 90 оправданы (из них 80 сосланы в административном порядке), остальные приговорены к ссылке.

548 Реформа 1861 г. - отмена крепостного права в России. Она была проведена на основе "Положения 19 февраля 1861 г." Реформа предоставляла крестьянам личную свободу, свои наделы крестьяне должны были выкупать. До выкупа крестьяне назывались временнообязанными и продолжали нести оброк или барщину. Реформа создала условия для развития капитализма, но сохранила ряд феодальных пережитков.

549 См.: Marx K., Engels F. Werke. - Bd. 16. - Berlin, 1968. - S. 408.

550 Даниельсон Николай Францевич (псевдоним Н. -он) (1844-1918) - русский экономист. Перевел на русский язык "Капитал" К.Маркса. Автор трудов по экономике крестьянского хозяйства.

551 Лавристы - сторонники взглядов Лаврова Петра Лавровича (1823-1900) - русского философа и социолога, одного из идеологов народничества. С 1870 г. Лавров находился в эмиграции. В 1873-1876 гг. он издавал журнал "Вперед!", в 1883-1886 гг. - журнал "Вестник 'Народной Воли'".

552 Qui pro quo (лат.) - оценка по заслугам, "око за око".

553 Гакстхаузен Август (1792-1866) - прусский чиновник, экономист. В 1843 г. путешествовал по России. Его труд об основах русского аграрного строя и крестьянской общине оказал влияние на русскую общественную мысль XIX в.

554 "Земля и Воля" - революционная народническая организация, основанная в Петербурге в 1876 г. Руководители М.А.Натансон, А.Д.Михайлов, А.Д.Оболенцев, Г.В.Плеханов и др. Организация ставила задачи подготовки крестьянской революции, национализации земли, замены государства федерацией общин. Основные направления деятельности: поселения "в народе", пропаганда. Издавала газету "Земля и воля". В 1879 г. раскололась на "Народную Волю" и "Черный Передел".

555 "Черный Передел" - революционная народническая организация в 1879-1882 гг. Руководители Г.В.Плеханов, Л.Г.Дейч, В.И.Засулич и др. С 1880 г. лидеры находились в эмиграции. В 1883 г. они основали марксистскую группу "Освобождение труда".

556 Халтурин Степан Николаевич (1856-1882) - российский революционер. Организатор "Северного союза русских рабочих". С 1881 г. член Исполкома "Народной Воли". По приговору суда повешен в Одессе за участие в убийстве военного прокурора В.С.Стрельникова.

557 Шелгунов Василий Андреевич (1867-1939) - российский революционер, участник социал-демократического движения с 1886 г. После Октябрьского переворота 1917 г., хотя он и был членом большевистской партии, в политической жизни не участвовал.

558 Моисеенко Петр Анисимович (1852-1923) - русский революционер, член "Северного союза русских рабочих". Организатор Морозовской стачки 1885 г.

559 Шелгунов Николай Васильевич (1824-1891) - русский публицист, литературный критик, революционер. Сотрудник, а затем редактор журнала "Дело". Автор нескольких революционных прокламаций 60-х годов XIX в.

560 Успенский Глеб Иванович (1843-1902) - русский писатель революционно-народнического направления. Автор повестей и рассказов о жизни городской бедноты и развитии капиталистических отношений в деревне.

561 Федосеев Николай Евграфович (1871-1898) - русский марксист. Организатор социал-демократических кружков в Поволжье. Умер в ссылке.

562 "Русские ведомости" - газета, выходившая в 1863-1918 гг. Являлась органом либеральной интеллигенции, пропагандировала экономические и политические реформы. С 1905 г. издавалась кадетами. Была закрыта большевистскими властями.

563 Красин Герман Борисович (1871 - ?) - младший брат Л.Б.Красина, участник социал-демократического движения в России в конце XIX в., инженер.

564 Невзорова (по мужу Кржижановская) Зинаида Павловна (1869-1948) - жена Г.М.Кржижановского. Участница революционного движения в России. С 1918 г. работала в Наркомпроесе РСФСР, затем в Академии коммунистического воспитания.

565 Бернс Джон (1858-1943) - деятель британского рабочего движения. Один из руководителей лондонской стачки докеров (1889). В 1892 г. избран в парламент. В 1905-1914 гг. министр местного самоуправления, в 1914 г. министр торговли.

566 Исключительный закон против социалистов в Германии действовал в 1878-1890 гг. Были распущены социалистические рабочие организации, подвергалась преследованиям социал-демократическая печать. Закон не был продлен рейстагом в условиях подъема стачечного движения и роста числа голосов за социал-демократических кандидатов на выборах в рейхстаг.

567 Имеются в виду неурожай и голод 1891-1892 гг., которые привели к высокой смертности и крестьянским бунтам во многих губерниях. Правительство вынуждено было сократить налоги и выкупные платежи, взимаемые с крестьян.

568 Разин Степан Тимофеевич (ок. 1630-1671) - руководитель крестьянской войны 1670-1671 гг., донской казак. В ходе войны проявил себя способным военачальником. Был выдан казацкими старшинами правительству. Казнен в Москве.

569 Пугачев Емельян Иванович (1740 или 1742-1775) - руководитель крестьянской войны 1773-1775 гг., донской казак. Поднял восстание яицких казаков, проявив военные и организаторские способности. В 1774 г. выдан властям заговорщиками. Казнен в Москве.

570 Меннониты - протестантская секта в Германии, США, Канаде, Нидерландах. Основана в 30-40-х годах XIX в. Меннониты проповедовали смирение, отказ от насилия, веру во "второе пришествие" Христа.

571 "Русское богатство" - ежемесячный литературный, научный и политический журнал. Выходил в Москве в 1876-1918 гг. С 1880 г. издавался писателями народнического направления. С середины 90-х годов был центром либерального народничества. Был закрыт большевистскими властями.

572 Михайловский Николай Константинович (1842-1904) - русский социолог, народник. В конце 70-х годов был близок к "Народной Воле". Позже активно выступал с критикой марксизма.

573 "Вестник Европы" - ежемесячный литературно-политический и научный журнал. Выходил в 1866-1918 гг. Носил либеральный характер. Был закрыт большевистскими властями.

574 "Русская мысль" - ежемесячный литературный, научный и политический журнал. Выходил в 1880-1919 гг. Проповедовал славянофильские взгляды. Со второй половины 80-х годов носил умеренно-либеральный характер. После 1905 г. издавался кадетами. Был закрыт большевистскими властями.

575 Долгов Николай - народник-террорист, участник организации "Народная расправа" С.Г.Нечаева.

576 Нечаев Сергей Геннадиевич (1847-1882) - участник русского революционного движения. Организатор тайного общества "Народная расправа". Автор "Катехизиса революционера", оправдывавшего любые, самые отвратительные методы деятельности. Применял мистификации и провокации. Сущность "нечаевского дела" состояла в том, что в 1869 г. он убил по подозрению в предательстве студента И.И.Иванова и скрылся за границу. В 1872 г. был выдан швейцарскими властями России. В 1873 г. приговорен к 20 годам каторги. Умер в заключении.

577 Ковальский Иван Мартынович (1850-1878) - российский народник. Участвовал в "хождении в народ", был организатором революционного кружка в Одессе. В 1878 г. при попытке ареста вместе с другими членами кружка оказал властям сопротивление. По приговору суда был расстрелян в Одессе.

578 Елизаров Марк Тимофеевич (1863-1919) - социал-демократ с 1897 г. В 1917-1918 гг. являлся наркомом путей сообщения РСФСР, в 1918 г. главный комиссар по делам страхования. Муж сестры Ленина А.И.Елизаровой-Ульяновой.

579 Клеменц Дмитрий Александрович (1848-1914) - русский народник. Один из организаторов "хождения в народ". В 1881 г. был сослан в Сибирь. В ссылке вел исследовательскую работу в области археологии и этнографии.

580 Лалаянц Исаак Христофорович (1870-1933) - российский

социал-демократ с 1888 г. Член ЦК РСДРП в 1905-1906 гг. С 1914 г. отошел от партийной работы. С 1922 г. служил в Наркомпросе РСФСР.

581 Кржижановский Глеб Максимилианович (1872-1959) - советский государственный деятель, академик (1929). Социал-демократ с 1893 г. Один из участников Петербургского "Союза борьбы за освобождение рабочего класса". В 1920 г. председатель Комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО). Позже был председателем Госплана РСФСР. С 1930 г. руководитель Энергетического института Академии Наук СССР.

582 A posteriori (лат.) - результат, основанный на наблюдении и опыте.

583 La mort saisit le vit (фр. - Мертвый хватает живого.

584 Скляренко Адександр Павлович (1870-1916) - российский социал-демократ с 1893 г. Участник кружка Ленина в Самаре и революции 1905-1907 гг.

585 Водовозов Василий Васильевич (1864-1933) - российский публицист, юрист и экономист. Автор работ по социально-экономической и политической истории. В 1926 г. эмигрировал.

586 Делянов Иван Давидович (1818-1897) - граф, российский государственный деятель. С 1882 г. министр просвещения. Проводил контрреформы, в частности связанные с усилением церковного влияния в школе, а также с ограничением допуска в гимназии детей представителей низших сословий.

587 Публичная библиотека в Петербурге - старейшая российская общедоступная библиотека. Основана в 1795 г., открыта в 1814 г. Является крупнейшим собранием русских книг и периодики XIX в. Носит имя М.Е.Салтыкова-Щедрина.

588 Ульянова Ольга Ильинична (1872-1891) - младшая сестра Ленина. В 1891 г. была студенткой Бестужевских высших женских курсов в Петербурге. Умерла от брюшного тифа.

589 Явейн Л.Ю. - профессор Петербургского технологического института. Не будучи марксистом, интересовался работами Маркса и Энгельса. Был лично знаком с Энгельсом.

590 Книга Энгельса "Анти-Дюринг: Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом" (1878) содержала критику взглядов немецкого философа и эономиста Дюринга и изложение основ марксистского учения.

591 Ульянов Илья Николаевич (1831-1886) - отец Ленина. Инспектор (с 1869), директор (с 1874) народных училищ.

592 Яснева (точнее Голубева-Яснева) Мария Петровна (1861-1936) - участница революционного движения в России. Народница, затем социал-демократка (с 1901 г.). После Октябрьского переворота 1917 г. работала в Петроградской ЧК, в 1920-1928 гг. в ЦК РКП(б) - ВКП(б).

593 Книга Энгельса "Положение рабочего класса в Англии: По собственным наблюдениям и достоверным источникам" (1845) содержала анализ промышленного переворота в Англии, формирования промышленного пролетариата, содержала вывод о непримиримости интересов рабочих и капиталистов.

594 Система Тейлора - система организации производства с целью максимального повышения производительности труда. Была предложена американским инженером Ф.У.Тейлором (1856-1915).

595 Сергеевич Василий Иванович (1832-1910) - русский юрист, профессор Московского (с 1871) и Петербургского (с 1872) университетов. Автор трудов по истории права.

596 Ольденбург Сергей Федорович (1863-1934) - советский востоковед. Член Петербургской академии наук (1900), затем советский академик. Один из основателей российской индологической школы. Автор трудов по фольклору, этнографии, искусству.

597 Марат Жан Поль (1743-1793) - один из руководителей якобинцев во время Французской революции 1789-1799 гг. Издавал газету "Друг народа", в которой разоблачал контрреволюцию. Был убит Шарлоттой Корде, являвшейся сторонницей монархистов.

598 Чигорин Михаил Иванович (1850-1908) - русский шахматист. Чемпион России (1899-1906). Автор ряда трудов по теории шахмат.

599 Credo (лат.) - верую. Имеет два значения: символ веры (в католической церкви) и убеждения, взгляды, основы мировоззрения.

600 Лепешинский Пантелеймон Николаевич (1868-1944) - участник российского революционного движения с 1898 г. Один из организаторов и

руководителей Истпарта (1921-1924). В 1925-1927 гг. председатель ЦК Международной организации помощи революционерам. С 1927 г. директор Исторического музея, затем директор Музея революции СССР.

601 Адоратский Владимир Викторович (1878-1945) - советский историк, академик (1932). В 1931-1939 гг. директор Института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б). Автор догматических трудов по истории марксизма.

602 Институт Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б) был образован в 1931 г. путем объединения Института Маркса и Энгельса с Институтом Ленина. В 1953-1956 гг. носил название Института Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина. С 1956 г. назывался Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Ликвидирован в 1991 г.

603 Ульянов Дмитрий Ильич (1874-1943) - врач, младший брат Ленина. Участвовал в российском социал-демократическом движении. С 1921 г. работал в Наркомздраве РСФСР, в 1925-1930 гг. в Коммунистическом университете им. Свердлова. Затем был на научно-организационной работе.

604 Воронцов Василци Павлович (псевдоним В.В.) (1847-1918) - российский экономист, социолог и публицист, один из идеологов народничества в 80-90-х годах XIX в. Критиковал взгляды марксистов, полемизировал с Плехановым и Лениным.

605 Пресняков Александр Евгеньевич (1870-1929) - российский историк. Автор трудов по истории древнего русского государства и права, землевладения на русском Севере, политической истории и истории рабочего движения в XIX в.

606 Международный социалистический конгресс в Париже в 1889 г. был учредительным конгрессом II Интернационала.

607 В заметке "Несколько слов о Н.Е.Федосееве" сказано: "Вскоре после этого (ареста Федосеева в 1889 г.) марксизм как направление стал шириться, идя навстречу социал-демократическому направлению, ранее провозглашенному в Западной Европе группой 'Освобождение труда'" (Ленин В.И. Соч. - Изд. 5-е. - Т. 45. - С. 324).

608 Гурвич И.А. (1860-1924) - русский народник, экономист. В 1880 г. был арестован и в 1881 г. сослан в Сибирь. В ссылке провел исследование переселения крестьян. В 1889 г. эмигрировал в США. Участвовал в профсоюзном движении. В 1892 г. издал книгу "Экономическое положение русской деревни".

609 См.: Ленин В.И. Соч. - Изд. 5-е. - Т. 3. - С. 13-636.

610 Постников Владимир Ефимович (1844-1908) - русский экономист-статистик. В сочинении "Южнорусское крестьянское хозяйство" (1891) исследовал процесс разложения крестьянства.

611 Имеется в виду работа "Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни". - Ленин В.И. Соч. - Изд. 5-е. - Т. 1. - С. 1-66.

612 На этом рукопись обрывается.

Указатель имен

Аббиат Р.
Абеленда О.К.
Аберн М.
Авксентьев Н.Д.
Агелофф Р.
Агелофф С.
Адоратский В.Н.
Айзекс Г.
Аксельрод П.Б.
Александрова В.
Алснис Я.Е.
Аллен Г.Д.
Альмазан Х.А.
Альфонс XIII
Андерсен Г.Х.
Андонегги Д.С.
Антонов-Овсеенко В.А.
Апенес О.

Ареналь А.
Ареналь Л.
Арефьев
Аристотель
Аркомед
Атль - см. Мурильо Г.
Барбюс А.
Бармин А.Г.
Бассольс Н.
Бебель А.
Бенавидес О.Р.
Бентам И.
Бердяев Н.А.
Бернс Д.
Бюрнхам Д.
Бернштейн Э.
Беседовский Г.З.
Бессонов С.А.
Блок Х.
Блюмкин Я.Г.
Боатель Х.
Борджиа
Брандлер Г.
Браудер Э.
Бретон А.
Британ И.
Броквей Ф.
Брош
Брун
Бруснев М.И.
Булгаков С.Н.
Бурбоны
Бутов Г.
Бухарин Н.И.
Буш Н.
Бэйли П.
Бюффон Ж.Л.Л.
Вальтер
Вальхер Я.
Ван - см. Хейженоорт Ж.
Вандербильт К.
Вандербильты
Ванцетти Б.
Ванцлер Д.
Варгас Ж.Д.
Васкес В.
Васкес М.Х.
Васконселос Х.
Вебер С.
Венас Л.Г.
Вейль С.
Вендели де
Вареекен Ж.
Вийасеньор В.М.
Виктор-Иммануил
Виллареаль
Вильгельм II
Вильсон В.
Водовозов В.В.
Волков В.
Волф В.
Вольф Э.
Воронцов В.П.
Ворошилов К.Е.

Вышинский А.Я.
Текстхаузен А.
Галисиа Л.
Галифакс Э.Ф.В.
Гамарник Я.Б.
Ганди М.К.
Гансен
Гарсиа О.
Гегель Г.Ф.В.
Гед Ж.
Геккер А.И.
Гелд В.
Генлейн К.
Георг V
Герен Д.
Геринг Герман
Геринг Губерт
Герро (Герреро) В.
Герцен А.И.
Гесс М.
Гесс Р.
Гидальго А.
Гитлер А.
Глазман М.С.
Голдман А.
Гольдштейн М.Л.
Гольцман Е.С.
Горький М.
Госсе
Гоц А.Р.
Грассе
Григорьев
Григорович Д.В.
Григулевич И.Р.
Грилевич А.
Грин У.
Громан В.Г.
Грюн К.
Гувер Г.
Гутенхейм М.
Гутенхеймы
Гурвич И.А.
Гусев
Давидсон
Дайес М.
Даладые Э.
Дан Ф.И.
Даниельсон Н.Ф.
Дарвин Ч.
Дейч Л.Г.
Делянов И.Д.
Дени Г.
Дерябин П.
Джекобс С. см. Вебер С.
Джексон Р.
Джексон Э.
Джеффрнрсон Т.
Димитров Г.
Дмитрий Павлович
Доббс Ф.
Долгов Н.
Дорио Ж.
Дрейфус А.
Дробнис Я.Н.

Дуглас Л.
Дунаевская Р.
Дунне В.Р.
Дуррути Д.Б.В.
Дьюи Д.
Дюкло Ж.
Дюранти У.
Ежов Н.И.
Елизаров М.Т.
Елизарова-Ульянова М.И.
Енко К.
Енко Т.
Енукидзе А.С.
Ериколов В.
Ефрон С.
Жакмотт Ж.
Желябов А.И.
Жид А.
Жирмунский
Жорес Ж.
Жуо Л.
Замора Ф.
Засулич В.И.
Зборовский М.
Зенон
Зиновьев Г.Е.
Зогу А.
Зобмарт В.
Иванов И.И.
Икес Г.
Имам
Иремашвили И.
Истмен М.
Кабальеро А.
Кабрера Л.
Каган А.
Казаков И.Н.
Казанова Д.Д.
Казас
Казим-Бек
Калиостро А.
Кало Ф.
Камачо А.
Каменев Л.Б.
Каменев С.С.
Камиль см. Клемент Р.
Каммингс Г.
Кампа В.
Кампезино
Кампо Л.Д. дель
Кант И.
Каплер А.Я.
Карденас Л.
Карильо А.
Карснер Р.
Каутский К.
Кашен М.
Кеннон Д.
Керенский А.Ф.
Керзон Л.А.
Кирчвей Ф.
Кларт
Клаузевиц К.
Клеандр

Клемансо Ж.
Клемент Р.
Клеменц Д.А.
Ковальский И.М.
Компанис
Коноэ Ф.
Контрерас К. см. Видали В.
Корнел Ч.
Кортес Э.
Кофлин Ч.
Кр.
Красин Г.Б.
Красин Л.Б.
Крестинский Н.И.
Кржижановский Г.М.
Кривицкий В.Г.
Кромвель О.
Крупская Н.К.
Куйбышев В.В.
Купер Д.
Куусинен О.В.
Лаборде Х.
Лавров П.Л. ?
Лайонс Э. (Ю?)
Ллалаянц И.Х.
Лассаль Ф.
Лафарг П.
Лафоллет С.
Левин Л.Г.
Лесуаль (Лезуаль?) Л.
Лейбовиси
Ленин В.И.
Леон Г.
Лепешинский П.Н.
Либкнехт К.
Ливанов
Линколн А.
Листер Э.
Литвинов М.М.
Ллойд-Джордж Д.
Лобато
Ловстон Д.
Лойола И.
Ломбардо Толедано В.
Лопес Р.И. см. Меркадер Р.
Лундберг Ф.
Льюис Д.
Людвиг Э.
Людвиг см. Порецкий И.М.
Люксембург Р.
Макдоналд Д.
Макс
Максимилиан
Макстон
Майский И.М.
Малакэ Ж.
Маламуд Ч.
Маленков Г.М.
Маннергейм К.Г.
Маннинг У.
Мануильский Д.З.
Маран Ж.П.
Марк Аврелий
Маркс Ж.

Маркс К.
Мартиньи Ш.
Мартен Ж. см. Молинье Ж.
Мартинес Л.М.
Мартов Ю.О.
Маслов А.
Масте А.Д.
Махно Н.И.
Меллоны
Менделеев Д.И.
Мендес Л.
Меринг Ф.
Меркадер К.
Меркадер Р.
Мерсье
Мерфи Ф.
Метаксас И.
Мехи Ф.Г.
Мехлис Л.Г.
Мечников И.И.
Миллер Е.К.
Милликен Р.
Милюков П.Н.
Михайлов А.Д.
Михайловский Н.К.
Мицкевич С.И.
Моисеенко П.А.
Молинье А.
Молинье Ж.
Молинье Р.
Молотов В.М.
Молчанов Г.А.
Монатт П.
Монтань А.
Моран П.
Морганы
Моруа А.
Мрачковский С.В.
Муни Т.
Мурильо Г.
Муссолини Б.
Мухика Ф.
Мышкин И.Н.
Мэттис
Навилль Д.
Надсон С.Я.
Нанжо С.
Натансон М.А.
Невзорова З.П.
Негрин Х.
Нерон
Нечаев С.Г.
Николаевский Б.И.
Николай I
Николай II
Нин А.
Новак Д.
Норкин
Носке Г.
Нуньез Х.М.
Ньютон И.
Оболенцев А.Д.
О'Брайен Ж.
Олер

Оливер Г.
Ольденбург С.Ф.
Орджоникидзе Г.К.
Ороско Х.К.
Орtiz С.
О'Рурке У.
Паульсен см. Эстрин Л.
Перовская С.Л.
Пивер М.
Питт У.
Плевицкая Н.
Плетнев Д.Д.
Плеханов Г.В.
Познанский И.
Пономарев Б.Н.
Порецкая Е.
Порецкий И.М.
Поррас Э.П.
Постников В.Е.
Потресов А.Е.
Пресняков А.Е.
Прието И.
Про
Прудон А.Ж.
Пугачев Е.И.
Пунтервольд М.
Пуришкевич В.М.
Пухоль А.
Пятаков Г.Л.
Пятигорский
Радек К.Б.
Разин С.Т.
Раковский Х.Г.
Рамирес
Рамирес-и-Рамирес Е.
Распутин Г.Е.
Райсс см. Порецкий И.М.
Ривера Д.
Рид Д.
Ридер
Рикардо Д.
Ричард I
Робинс Г.
Робинсон Г.Л.
Робинсон Э.
Родригес А.
Рокфеллер Д.
Рокфеллеры
Роллан Р.
Ромм В.
Ромм М.И.
Росмер А.
Росмер М.
Росс Э.
Ротшильд М.А.
Ротшильды
Руге А.
Рудзут
Рузвельт Г.
Рузвельт Ф.Д.
Рус Ж.
Руссо Ж.Ж.
Рыков А.И.
Рюле О.

Сакко Н.
Салазар Л.С.
Сальгадо А.Г.
Самойлов
Сантос Ф.
Седильо С.
Седов Л.Л.
Седов С.Л.
Седова Н.И.
Семенов
Сенека
Сергиевич В.И.
Серж В.
Сермуks Н.
Серрано Д.А.
Сикейрос Д.А.
Симков
Скляренко А.П.
Ситрин У.
Скоблин
Слуцкий А.А.
Смиренский Д.
Смирнов И.Н.
Смит А.
Снивлит Г.
Силоневичи
Солнцев Ю.
Спектор М.
Спигел Р. см. Дунаевская Р.
Ставиский С.
Сталин И.В.
Сташевский А.К.
Стецкий А.И.
Столберг Б.
Струве П.Б.
Стэнли Ш.
Стюарты
Суварин Б.
Сунь Ятсен
Суханов Н.Н.
Тальгеймер
Таров А.
Тейлор Ф.У.
Теллез И.Г.
Тельман Э.
Тимошкин
Тихомиров Л.А.
Токвиль А.
Толстой А.Н.
Толстой Л.Н.
Томас В.
Торез М.
Торре Айа де ла
Трайнин И.П.
Тревилю Р.Г.
Треска К.
Трояновский А.А.
Тухачевский М.Н.
Ульянов А.И.
Ульянов Д.И.
Ульянов И.Н.
Ульянова О.И.
Ульяновы
Уоллес Г.Э.

Уншлихт И.С.
Успенский Г.И.
Устрик А.
Федосеев Н.Е.
Фейхтвангер Л.
Фельштинский Ю.Г.
Филд А.
Фишер Л.
Флорес П.
Форд Г.
Форд Д.
Форды
Фосса М.
Франкель Я.
Франко Ф.
Фрейлиграт Ф.
Фридман М.
Фуенте Ф. де да
Халтурин С.Н.
Хансен Д.
Харт Д.С.
Харт Р.Ш.
Хейг Ф.
Хейженоорт Ж.
Хернандес Н.С.
Херст У.
Хрущев Н.С.
Хуарес
Хук С.
Цветаева М.И.
Церетели И.Г.
Цилига А.
Чан Кайши
Чемберлен Д.
Чемберлен Н.
Чербинич
Чернов В.И.
Чергышевский Н.Г.
Чернявский Г.И.
Чехов А.П.
Чигорин М.И.
Шахтман М.
Шверник Н.М.
Шейдеман Ф.
Шекспир У.
Шелгунов В.Н.
Шелгунов Н.В.
Шмераль Б.
Шнайдер Р.
Шнейдер
Шпильбах Г.
Шулц Г.
Шумяцкий Б.З.
Шюсслер Г.
Шюсслер О.
Эберт Ф.
Эйтингон Н.
Эйфель Р.
Эллер
Эльза см. Порецкая Е.
Энгельс Ф.
Эпикур
Эпп Ф.К.
Эррио Э.

Эстрин Л.
Эттли К.
Этьен см. Зборовский М.
Юренев К.К.
Юсупов Ф.Ф.
Явейн Л.Ю.
Ягода Г.Г.
Якубович
Яснева М.П.
Bagley T.H.
Barbusse H. см. Барбюс А.
Campesino см. Кампезино
Ciliga A. см. Цилига А.
Daladier E. см. Даладье Э.
Deriabin P. см. Дерябин П.
Hart J.S. см. Харт Д.С.
Isaaks H.R. см. Айзекс Г.
Kirchway F. см. Кирчвей Ф.
MacDonald D. см. Макдоналд Д.
Malamuth Ch. см. Маламут Ч.
Malaquais J. см. Малакэ Ж.
Pomper Ph.
Poretsky E. см. Порецкая Е.
Vareeken G. см. Вареекен Ж.

Указатель географических названий

Абиссиния
Австрия
Алакаевка
Алжир
Америка
Америка Латинская
Амстердам
Англия см. Великобритания
Антильские острова
Атлантический океан
Африка Экваториальная
Балтия
Барбадос
Барбизон
Барселона
Батуми
Белоруссия
Белоруссия Западная
Бельгия
Берлин
Биробиджан
Богемия см. Чехия
Болгария
Большие Антильские острова
Бразилия
Брюссель
Бухара
Буэнос-Айрес
Варшава
Великобритания
Венгрия
Вест-Индия
Виипури см. Выборг
Виргинские острова
Волга

Выборг
Гаити
Гвадалахара
Гельсингфорс см. Хельсинки
Германия
Греция Древняя
Дальний Восток
Детройт
Джерси Сити
Европа
Европа Западная
Екатеринбург
Женева
Ивановская область
Ивер
Индия
Индо-Америка см. Латинская Америка
Индокитай
Иран
Испания
Италия
Казань
Калифорния
Канзас
Карельский перешеек
Кельн
Киль
Китай
Койоакан
Константинополь
Корсика
Кронштадт
Куба
Латвия
Ленинград
Литва
Литовско-Белорусская ССР
Лондон
Мали
Малые Антильские острова
Мексика
Мексико
Мичоакан
Монако
Морелия
Москва
Наветренные острова
Нанко
Нигер
Нижний Новгород
Новая Зеландия
Новая Испания см. Мексика
Норвегия
Нью-Джерси
Нью-Йорк
Осло
Остин
Пало-Алто
Парагвай
Париж
Паскаро
Перу
Петербург см. Ленинград
Поволжье

Подветренные острова
Польша
Прага
Прибалтика см. Балтия
Принкипо
Пруссия Восточная
Пуэрто-Рико
Реймс
Рим Древний
Россия
Саарская область
Сайгон
Самара
Сардиния
Сен-Дени
Сибирь
Симбирск
Симбирская губерния
Сицилия
Словакия
Советский Союз см. СССР
Сонгаи
Средняя Азия

СССР

Судетская область
Судеты см. Судетская область

США

Сызрань
Тайвань
Таксако
Териоки
Тимбукту
Тифлис
Тобаго
Тобольск
Токио
Тринидад
Трир
Турция
Украина
Украина Западная
Украина Карпатская
Урал
Финляндия
Формоза см. Тайвань
Франция
Хайдарабад
Хикилпан
Царицын
Чехия
Чехословакия
Швейцария
Эстония
Югославия
Якутск
Ямайка
Япония
New York см. Нью-Йорк

St. Denis см. Сен-Дени